Жорж Сименон

Библиотека приключений

Первое дело Мегрэ

Библио-
тека
приклю-
чений

Библиотека приключений

12

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Детская литература»
МОСКВА
1968

Жорж Сименон

ПЕРВОЕ ДЕЛО МЕГРЭ

РОМАНЫ,
ПОВЕСТИ
И
РАССКАЗЫ

И(Фр)
С37

СОСТАВИТЕЛЬ Э. ШРАЙБЕР

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО
ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. ФИНИКОВА

Оформление Ю. Киселева

Рисунки П. Пинкисевича

7—6—3

Романы

Первое дело Мегрэ.
Мегрэ, Лоньон и гангстеры.
Мегрэ и бродяга.

ПЕРВОЕ ДЕЛО МЕГРЭ

(1913)

Глава I

ПОКАЗАНИЯ ФЛЕЙТИСТА

Низкий черный барьер разделял комнату пополам. В той половине, которая предназначалась для публики, у выбеленной стены, сплошь оклеенной служебными объявлениями и плакатами, стояла только черная скамья без спинки. Другую половину комнаты занимали столы с чернильницами, полки, забитые толстенными справочниками, тоже черными, так что все здесь было черное и белое. Но главной достопримечательностью комнаты была печка, красовавшаяся на листе железа,— чугунная печка из тех, что в наши дни можно встретить разве только на вокзале какого-нибудь захолустного городка. Труба

печки сначала круто поднималась вверх, к самому потолку, а потом, изогнувшись, тянулась через всю комнату и исчезала в стене.

Лекéр, полицейский агент с детским лицом, чуть розовым и припухлым, сидел в расстегнутом мундире и пытался вздремнуть, положив голову на согнутую в локте руку. Стенные часы в черном футляре показывали двадцать пять минут первого. Время от времени единственный газовый рожок, освещавший комнату, тихо покашливал. Сухо потрескивали дрова в печке.

Тишину ночи все реже и реже нарушали возгласы подгулявших прохожих, разухабистая песня какого-нибудь пьянчуги или стук колес фиакра, с грохотом катившегося по крутой улице.

Секретарь комиссариата квартала Сен-Жорж сидел в левом углу комнаты и, низко склонившись над столом и шевеля губами, словно школьник, читал только что вышедшую брошюру: «*Курс описательных признаков (словесный портрет) для офицеров и инспекторов полиции*».

На форзаце книги чья-то рука аккуратно вывела лиловыми чернилами: «*Ж. Мегрэ*».

Трижды за ночь молодой секретарь комиссариата Жюль Мегрэ поднимался со своего места, чтобы помешать дрова в печке. Воспоминания об этой печке он пронесет через всю свою жизнь: почти такая же будет стоять у него на Набережной Орфевр, а позднее, когда центральное отопление будет проведено во все помещения Сыскной полиции, Мегрэ — уже дивизионный комиссар и начальник оперативной группы — добьется разрешения сохранить такую печку в своем кабинете.

Итак, наступило 15 апреля 1913 года. Сыскная полиция называлась тогда еще Сюртэ[1]. В то утро некий коронованный иностранец прибыл на вокзал Лонгшан, где был встречен торжественно президентом Республики. Кортеж, эскортируемый частями национальной гвардии в парадной форме, медленно двигался по авеню Дю Буа и по Елисейским Полям.

В тот же день в Опере состоялся торжественный вечер, и только к ночи стих гул народных гуляний и погасли огни фейерверков.

---

[1] Сюрэ́ — служба безопасности.

Полиция просто с ног сбилась. Несмотря на меры предосторожности, несмотря на заранее произведенные аресты и на договоренность с некоторыми лицами сомнительной репутации, можно было в любой момент опасаться какой-нибудь выходки со стороны анархистов: гого и гляди, по маршруту следования высокого гостя могла взорваться бомба.

Мегрэ и полицейский агент Лекер коротали ночь в комиссариате полиции квартала Сен-Жорж, на тихой и спокойной улице Ля Рошфуко.

Ровно в час двадцать пять минут оба одновременно подняли головы, заслышав торопливые шаги на тротуаре. Дверь распахнулась. Запыхавшийся молодой человек, щурясь, осмотрелся, ослепленный светом газового рожка.

— Господин комиссар? — спросил он, с трудом переведя дыхание.

— Я его секретарь,— ответил Мегрэ, не поднимаясь с места.

Он и не подозревал, что в этот момент началось его первое самостоятельное дело.

* * *

Молодой человек оказался хилым блондином с голубыми глазами и нездоровым румянцем на щеках. Поверх черного костюма на нем был прорезиненный плащ, в одной руке он держал котелок, другую то и дело прикладывал к распухшему носу.

— На вас напали бандиты?

— Нет. Я пытался помочь женщине, которая звала на помощь.

— На улице?

— В особняке на улице Шапталь. Вы должны немедленно отправиться туда!.. Они выставили меня за дверь.

— Кто?

— Какой-то верзила... Не то дворецкий, не то консьерж.

— А не лучше ли рассказать все сначала? Что вы делали на улице Шапталь?

— Я возвращался с работы. Меня зовут Жюстен Минар. Я второй флейтист в оркестре Лямурэ, а по вечерам играю в ресторанчике «Клиши». Живу на улице Ангиен,

как раз напротив «Пти Паризьен». Я шел, как обычно, сначала по улице Баллю, а потом по Шапталь.

Мегрэ добросовестно и подробно записывал все показания тщедушного блондина.

— Когда я был уже на середине улицы, почти всегда безлюдной в этот час, я заметил автомобиль. Это был «дион-бутон», мотор его работал, хотя он стоял на месте. В нем сидел мужчина в сером кожаном пальто, большие темные очки скрывали часть его лица. Когда я поравнялся с ним, на третьем этаже особняка распахнулось окно.

— Вы запомнили номер дома?

— Да. Семнадцать-бис. Это, как я уже сказал, особняк с большим подъездом. Нигде не было света. Только второе окно, если считать слева, было освещено — то самое, которое открылось. Я поднял голову и увидел силуэт женщины, которая выглянула в окно и закричала: «На помощь!..»

— Вы что-нибудь предприняли?

— Погодите... Кто-то, по-видимому, оттащил ее назад. И в тот же миг раздался выстрел. Я обернулся к автомобилю, мимо которого только что прошел, но он резко взял с места и умчался.

— Вы уверены, что это был выстрел, а не треск мотора?

— Уверен... Тогда я подошел к двери и позвонил.

— Вы были один?

— Да.

— У вас было оружие?

— Нет.

— Что же вы собирались делать?

— Но...

Вопрос сбил флейтиста с толка: он растерялся и не знал, что ответить. Если бы не усики и редкая бородка, ему можно было бы дать не более шестнадцати лет.

— Соседи ничего не слышали?

— Мне кажется, нет.

— Вам открыли?

— Не сразу. Я звонил по меньшей мере три раза. Потом стал стучать ногами в дверь. В конце концов я услышал шаги, потом кто-то снял цепочку, отодвинул засов.

В подъезде света не было, но как раз перед самым домом горел газовый фонарь.

Час сорок семь минут...

Флейтист то и дело бросал испуганный взгляд на часы.

— Верзила в черном костюме — должно быть, дворецкий — спросил меня, что мне угодно.

— Вы говорите, он был одет?

— Ну да!

— В брюках и при галстуке?

— Да.

— А между тем в доме было темно?

— Кроме освещенного окна на третьем этаже.

— Что вы ему сказали?

— Точно не помню. Я хотел войти в дом.

— Зачем?

— Посмотреть, что там происходит. Он заслонил собой дверь. Тогда я сказал ему о женщине, которая звала на помощь.

— Он казался смущенным?

— Он смотрел на меня угрожающе и, не говоря ни слова, старался оттолкнуть от дверей.

— А потом?

— Он пробурчал несколько слов. Точно я не разобрал. В общем, нечто вроде того, что мне все приснилось, что я просто пьян. Потом в темноте вдруг раздался голос — мне показалось, что крикнули на площадке второго этажа.

— Что именно?

— «Живее, Луи!»

— А дальше?

— Тогда он меня толкнул. А так как я сопротивлялся, ударил меня прямо в лицо, и я очутился на тротуаре перед закрытой дверью.

— На третьем этаже по-прежнему горел свет?

— Нет.

— Автомобиль вернулся?

— Нет... Может быть, нам следовало бы пойти туда сейчас?

— Нам? Вы намерены сопровождать меня?

Поразительный контраст между почти женственной хрупкостью флейтиста и его отчаянной решимостью одновременно и смешил, и трогал.

— Разве не мне съездили по физиономии? Так вот, я подаю жалобу.

— Ваше право.

— Мне думается, нам следовало бы тотчас же отправиться туда. Вы не находите?

— Номер дома вы уже назвали?

— Семнадцать-бис.

Мегрэ нахмурился — этот адрес о чем-то смутно ему напоминал. Он снял с полки толстый справочник, перелистал его, задержался на одной из фамилий и нахмурился еще больше.

В тот вечер он был в мундире. Это был, можно сказать, первый мундир в его жизни. За несколько дней до описываемых событий служебная записка рекомендовала всем служащим полиции по случаю визита коронованной особы быть в парадной форме — каждого могли в любую минуту вызвать.

Его прорезиненный плащ, купленный в магазине готового платья, был как две капли воды похож на плащ Жюстена Минара.

— Пошли! Если меня спросят, Лекер, скажите, что я еще вернусь.

Мегрэ волновался. Фамилия, которую он отыскал в справочнике, была столь громкой, что ему стало не по себе.

Ему было двадцать шесть лет, и он всего пять месяцев как женился. Все четыре года, что он прослужил в полиции, ему приходилось выполнять самые скромные обязанности, начав с дежурств на дорогах, вокзалах и в больших магазинах. Только год назад он был назначен на должность секретаря комиссариата квартала Сен-Жорж.

Самой уважаемой фамилией во всем квартале была, безусловно, фамилия обитателей дома номер 17-бис по улице Шапталь.

Жандро-Бальтазар. Кафе «Бальтазар». Это имя, выведенное огромными бурыми буквами, мелькало на всех станциях метро. Фургоны торгового дома «Бальтазар», запряженные четверкой великолепных лошадей в роскошной сбруе, являли собой как бы неотъемлемую часть парижского пейзажа.

Сам Мегрэ с удовольствием пил кофе «Бальтазар».

И когда он шел по авеню Де л'Опера, он никогда не пропускал случая вдохнуть прекрасный запах жареного кофе, доносившийся из магазинов фирмы «Бальтазар».

Ночь была светлой и холодной. На улице — ни души, ни одного фиакра. Мегрэ в ту пору был почти такой же худощавый, как и флейтист, так что, когда они шли вверх по улице, их можно было смело принять за двух подростков.

— Надеюсь, вы были трезвы?

— Я никогда не пью. Врач запретил.

— Вы уверены, что видели, как открылось окно?

— Абсолютно уверен.

Это была первая самостоятельная вылазка Мегрэ. До сих пор он только сопровождал в нескольких полицейских облавах своего начальника, господина Ле Бре, самого светского из всех полицейских комиссаров Парижа.

Улица Шапталь была так же безлюдна, как и улица Ла Рошфуко. В окнах особняка Жандро-Бальтазар, одного из самых красивых зданий квартала, света не было.

— Вы сказали, что у дома остановился автомобиль?

— Не совсем у дома. Чуть выше.

Мегрэ, голова которого была набита только что прочитанными теориями доказательств, зажег восковую спичку и склонился над брусчатой мостовой.

— Видите! — торжествующе воскликнул музыкант, указывая на большое маслянистое темное пятно.

— Пошли. Хотя не очень-то я уверен, что поступаю правильно, разрешая вам идти со мной.

— Но ведь меня же стукнули кулаком по физиономии.

И все-таки на душе у Мегрэ было тревожно. Поднимая руку к звонку, он почувствовал, как сжалось сердце. Он сам себе задавал вопрос, на какую статью закона он может сослаться. Ордера у него не было. Кроме того, сейчас ночь. Мог ли он объяснить мотивы своего вторжения, если единственным доказательством преступления являлся распухший нос флейтиста?

Как и флейтисту, ему пришлось позвонить три раза подряд. Потом голос за дверью спросил:

— В чем дело?

— Полиция! — неуверенно заявил Мегрэ.

— Минуточку. Только схожу за ключом.

Что-то щелкнуло. В особняке зажегся свет. Затем прошло еще несколько долгих минут ожидания.

— Это он,— подтвердил музыкант, тотчас же узнав голос говорившего.

Наконец загремела цепочка, заскрипел засов, показалась заспанная физиономия, и взгляд, мельком скользнувший по Мегрэ, остановился на Жюстене Минаре.

— Все-таки вы его задержали! — сказал мужчина.— Вероятно, он еще где-нибудь выкинул тот же фортель?

— Разрешите войти?

— Если вы считаете это необходимым. Попрошу вас не шуметь, чтобы не разбудить весь дом. Пройдемте сюда.

Слева над тремя мраморными ступеньками поблескивала двухстворчатая застекленная дверь, выходившая в холл с колоннами. Впервые в жизни Мегрэ попал в дом, роскошь и величавость которого напоминали резиденцию по меньшей мере министра.

— Вас зовут Луи?

— Откуда вы знаете?

Луи открыл дверь не в салон, а в комнату для слуг. Он был полуодет. Наспех натянутые брюки и белая ночная сорочка с красной вышивкой на воротнике создавали впечатление, будто он только что встал с постели.

— Мосье Жандро-Бальтазар дома?

— Который из них, простите? Отец или сын?

— Отец.

— Мосье Фелисьен еще не возвращался. А мосье Ришар, его сын, должно быть, давно спит. Прошло не более получаса, как этот пьяница...

Луи был рослый, плечистый мужчина. Он выглядел лет на пятьдесят. Подбородок его был выбрит до синевы, над глазами с очень темными зрачками нависли невероятно густые пышные брови.

Мегрэ судорожно глотнул воздух. Испытывая чувство человека, которому предстоит броситься в ледяную воду, он произнес:

— Я хотел бы поговорить с мосье Ришаром.

— Прикажете разбудить его?

— Вот именно.

— Предъявите, пожалуйста, документы.

Мегрэ протянул свое удостоверение.

— Давно вы работаете в нашем квартале?

— Десять месяцев.

— Вы прикреплены к комиссариату Сен-Жорж?

— Совершенно верно.

— Значит, вы знаете мосье Ле Брэ?

— Это мой начальник.

Тогда Луи произнес с напускным безразличием, за которым слышалась плохо скрытая угроза:

— Я тоже его знаю. Я имею честь прислуживать ему, когда он приходит сюда завтракать или обедать.— Он выждал несколько секунд, глядя в сторону.— Вы все еще настаиваете на том, чтобы я разбудил мосье Ришара?

— Да.

— У вас имеется ордер?

— Нет.

— Прекрасно. Соблаговолите обождать.

Прежде чем удалиться, дворецкий демонстративно достал из стенного шкафа крахмальную манишку, воротник, черный галстук. Потом надел висевший здесь же сюртук. В комнате стоял только один стул. Ни Жюстен Минар, ни Мегрэ не сели. Вокруг царила тишина. Дом был погружен во мрак. Все выглядело как-то необычайно торжественно и внушительно.

Дважды Мегрэ вынимал часы из жилетного кармана. Прошло двадцать минут, прежде чем Луи появился вновь, по-прежнему холодно официальный.

— Прошу вас следовать за мной...

Минар хотел было идти вслед за Мегрэ, но дворецкий обернулся к нему:

— Не вас. Если только вы тоже не имеете отношения к полиции...

Какое-то странное чувство овладело Мегрэ. Ему казалось предательством оставить здесь одного этого жалкого флейтиста. Комната для слуг, облицованная темным деревом, на какой-то миг представилась ему темницей, и он без труда вообразил, как верзила дворецкий с синим подбородком возвращается сюда, чтобы наброситься на свою жертву.

Следуя за Луи, он прошел через холл с колоннами и

поднялся по лестнице, покрытой темно-красной ковровой дорожкой.

Вдоль лестницы горело несколько ламп, тускло освещая ступеньки и стену. Дверь, выходившая на площадку второго этажа, была открыта. В двери стоял человек в халате.

— Вы желаете говорить со мной? Входите, пожалуйста... Оставьте нас одних, Луи.

Комната служила одновременно и гостиной и кабинетом. Стены были обтянуты кожей, пахло сигарами и духами, не знакомыми Мегрэ. Приоткрытая дверь вела в спальню, где виднелась разобранная кровать.

Ришар Жандро-Бальтазар запахнул халат, накинутый на пижаму. На ногах у него были сафьяновые туфли.

Ему было, вероятно, лет тридцать. Лицо его под шапкой черных волос казалось бы заурядным, если бы не кривой нос.

— Луи сказал мне, что вы из комиссариата нашего квартала. Не так ли?

Он открыл украшенную резьбой коробку с сигаретами и придвинул ее посетителю. Мегрэ поблагодарил и отказался.

— Вы не курите?

— Только трубку.

— Тогда я не предлагаю вам закурить, потому что не выношу запаха трубочного табака. Полагаю, что, прежде чем прийти сюда, вы позвонили моему другу Ле Брэ?

— Нет.

— Ах вот как! Прошу простить, если я недостаточно осведомлен относительно порядков в полиции. Ле Брэ часто бывает в этом доме, однако хочу вас сразу же предупредить, не в качестве комиссара полиции. Впрочем, он так мало походит на полицейского! Это действительно очень порядочный человек, и у него очаровательная жена. Но перейдем к делу. Который час?

Он сделал вид, что ищет часы, и Мегрэ вытащил из кармана свою серебряную луковицу.

— Двадцать пять минут второго.

— Светать в это время года начинает, кажется, часов в пять, не правда ли? Я прекрасно знаю это, ибо мне

довольно часто случается выезжать верхом в Булонский лес как раз в это время... Мне казалось, что жилища граждан неприкосновенны с заката и до рассвета.

— Совершенно верно, но...

Он оборвал Мегрэ на полуслове.

— Заметьте, я упомянул об этом только для того, чтобы и вы не забывали о существующих законах. Вы молоды и, по-видимому, еще малоопытны. Вам повезло, однако, что вы попали к другу вашего шефа. Смею думать, что вас сюда привели лишь самые добрые намерения. Луи успел мне вкратце рассказать о происшедшем. Очевидно, субъект, которого он вышвырнул за дверь, весьма опасный тип? Но даже в этом случае, друг мой, не считаете ли вы, что вам следовало подождать до утра? Присаживайтесь, прошу вас.

Сам же он ходил взад-вперед по комнате, дымя египетской сигаретой с позолоченным мундштуком.

— А теперь, после того как я преподал вам этот маленький урок, который вы заслужили, скажите мне, что вас интересует?

— Кто занимает комнату этажом выше?

— Простите?

— Знаю, вы не обязаны отвечать мне, во всяком случае в данный момент.

— Обязан? — повторил Ришар с изумлением.

У Мегрэ покраснели кончики ушей, но он продолжал:

— Этой ночью в комнате над вами кто-то стрелял.

— Простите... Простите... Вы, надеюсь, в своем уме?.. Хочу сказать, что народные гулянья — это, конечно, повод, но не слишком ли много вы выпили?

На лестнице послышались шаги. Дверь была открыта, и Мегрэ, обернувшись, увидел смутно вырисовавшийся силуэт, словно сошедший с обложки модного журнала. Человек был одет во фрак, пелерину и цилиндр. Он был худ и стар, и его тонкие усы с загнутыми вверх концами были нафабрены.

Не решаясь войти, удивленный, а может быть, испуганный, он остановился на пороге.

— Войдите, отец. Полагаю, что вы от души посмеетесь. Мосье, которого вы видите здесь, служит у нашего друга Ле Брэ...

Удивительное дело, Фелисьен Жандро-Бальтазар-

отец вроде бы и не был пьян, а между тем выглядел как-то странно и держался весьма неуверенно.

— Вы видели Луи? — продолжал сын.

— Он внизу с кем-то...

— Совершенно верно. Какой-то пьяница — если только это не сумасшедший, вырвавшийся из Вильжуиф,— незадолго до вашего прихода чуть не выломал дверь. Луи стоило огромных трудов помешать этому пьянчуге вломиться в дом. А теперь мосье...

Он подождал, вопросительно глядя на Мегрэ.

— Мегрэ.

— ...мосье Мегрэ, секретарь нашего друга Ле Брэ, здесь у нас для того, чтобы спросить меня... Так что же вас интересует?

— Кто живет в комнате над вами, второй от угла?

Мегрэ показалось, что отцу не по себе и что волнение его вызвано какими-то необычными обстоятельствами. Как только старик вошел в комнату, он бросил на сына взгляд, полный страха и покорности. Он не осмеливался и рта открыть. Казалось, он ждет разрешения Ришара.

— Моя сестра,— сказал наконец последний.— Это все?

— Она сейчас здесь?

Мегрэ обратился не к сыну, а к отцу. Но и на этот раз ответил сын.

— Нет. Она в Ансевале.

— Простите? Не понял.

— В нашем замке, замке Ансеваль, около Пуи-сюр-Луар, в департаменте Ньевр.

— Так что комната ее пуста?

— Имею все основания так полагать.— И иронически добавил: — Быть может, вы хотите в этом удостовериться? Пожалуйста, я вас провожу. О, завтра я смогу поздравить нашего друга Ле Брэ с необычайным усердием его подчиненных. Прошу вас, следуйте за мной.

К величайшему удивлению Мегрэ, отец тоже робко поплелся за ними.

— Вот комната, о которой вы говорили. Как удачно, что она не заперта.

Он повернул выключатель. Мебель в спальне была из белого лакированного дерева, стены обтянуты голубым шелком. Боковая дверь вела в будуар, где царил

Старый Жандро-Бальтазар-отец был одет во фрак, пелерину и цилиндр.

идеальнейший порядок — каждая вещица, казалось, лежит на своем месте.

— Убедительно прошу все осмотреть. Сестра будет в восторге, когда узнает, что полиция рылась в ее вещах.

Не давая сбить себя с толку, Мегрэ направился к окну. Тяжелые шелковые шторы были темнее шелковых обоев. Раздвинув шторы, он обнаружил за ними тюлевые занавески для смягчения дневного света и заметил, что один край занавески прихвачен оконной рамой.

— Никто не входил сюда сегодня вечером?

— Может быть, одна из горничных...

— У вас их несколько?

— Конечно! — саркастически ответил Ришар.— Их две, Жермен и Мари. Есть еще жена Луи, наша кухарка, есть еще прачка, но она замужем, приходит утром и уходит вечером.

Фелисьен Жандро-отец поочередно глядел то на одного, то на другого.

— В чем дело? — спросил он наконец.

— Право, не знаю. Спросите у мосье Мегрэ.

— Человек, проходивший мимо вашего дома примерно в половине второго, слышал, как вдруг распахнулось окно в этой комнате. Он поднял голову и увидел обезумевшую женщину, звавшую на помощь.

Мегрэ заметил, что рука отца сильнее сжала золотой набалдашник трости.

— А дальше что? — спросил Ришар.

— Женщину оттащили от окна, и в тот самый миг раздался выстрел.

— Ах вот как?

Жандро-младший, будто заинтересовавшись, посмотрел вокруг, делая вид, что ищет след пули в шелке, которым были обтянуты стены.

— Вы знаете, что меня особенно удивляет, мосье Мегрэ... Простите, я не перепутал вашу фамилию? Мегрэ, не так ли?.. Меня удивляет, что, подозревая нас в столь тяжком преступлении, вы не приняли элементарных мер предосторожности и не предупредили своего начальника. Думается, вы несколько легкомысленно поступили, примчавшись сразу сюда. Знаете ли вы хоть что-нибудь об этом прохожем, обладающем столь богатой фантазией?

— А он, между прочим, внизу.

— Мне необычайно приятно, что он находится под моей кровлей. Итак, не только вы сами вломились сюда среди ночи, пренебрегая законами, охраняющими свободу граждан, но еще и привели с собой подозрительного субъекта. Так, во всяком случае, кажется мне. Тем не менее, поскольку вы уже здесь и поскольку вам безусловно придется завтра доложить обо всем подробно нашему другу Ле Брэ, я прошу вас приступить к необходимым формальностям. Полагаю, вы хотели бы убедиться, что постелью моей сестры сегодня ночью никто не пользовался?

Он сорвал с кровати шелковое покрывало, под которым оказались простыни без единой складки и безупречно чистая подушка.

— Ищите же, прошу вас. Обшарьте все углы. У вас, конечно, есть лупа?

— В этом нет необходимости.

— Прошу прощения. За исключением Ле Брэ я имею честь быть знакомым с полицией только по романам... Вы говорите, стреляли? Как знать, может, где-нибудь здесь спрятан труп? Пойдемте. Поищем вместе! Посмотрим в стенном шкафу. Всякое бывает!

Он распахнул створки, и Мегрэ увидел множество платьев, аккуратно развешанных на вешалках.

— Теперь прошу вас сюда. Это обувь Лиз. Она, как видите, помешана на обуви. Перейдем к ней в будуар.

Войдя в роль, он все больше и больше возбуждался.

— Эта дверь?.. Она забита со дня смерти нашей матери. Мы попадем туда через коридор. Идемте. Да нет же! Прошу вас...

Целых полчаса длился этот кошмар. Мегрэ не оставалось ничего другого, как повиноваться — Ришар говорил тоном приказа. А присутствие следовавшего за ними по пятам старика Жандро-Бальтазара, с цилиндром на голове, с пелериной на плечах и с палкой с золотым набалдашником в руках, придавало их блужданию по особняку какой-то привкус комедии ужасов.

— Нет, нет. Еще не время уходить. Не забывайте, над нами есть еще мансарда, где спят слуги.

Лампочки без абажуров освещали покатый потолок. Ришар постучал в дверь.

— Откройте, Жермен. Вы в сорочке? Не имеет значения. Пустяки, открывайте. Это полиция.

Пышная девица с заспанными глазами появилась в дверях. Смятая постель, на туалетном столике гребень с приставшими к нему волосами.

— Вы слышали выстрел?

— Что?!

— В котором часу вы легли?

— Я поднялась к себе в десять.

— И вы ничего не слышали?

Все вопросы задавал Ришар.

— Пошли дальше!.. Откройте, Мари... Ничего страшного, моя милая...

Девчушка лет шестнадцати в накинутом поверх сорочки зеленом пальто дрожала всем телом.

— Вы слышали выстрел?

Она смотрела на Ришара и Мегрэ с нескрываемым ужасом.

— Давно вы легли?

— Точно не помню.

— Вы слышали что-нибудь?

— Нет! Почему вы спрашиваете? Что-нибудь случилось?

— У вас есть вопросы, мосье Мегрэ?

— Я хотел бы спросить, откуда она родом?

— Откуда вы, Мари?

— Из Ансеваля.

— А Жермен?

— Тоже из Ансеваля.

— А Луи?

— Из Ансеваля, мосье Мегрэ,— ответил Ришар, не скрывая издевки.— По-видимому, вам неизвестно, что владельцы замков обычно привозят слуг из своих поместий.

— А следующая дверь чья?

— Комната мадам Луи.

— Ее муж тоже там спит?

— Он спит внизу, в швейцарской.

Госпожа Луи довольно долго не открывала. Это была маленькая, чернявая, очень толстая женщина с недоверчивым взглядом.

— Скоро вы прекратите всю эту кутерьму? Где Луи?

— Внизу. Скажите, вы слышали выстрел?

Она почти выставила их за дверь, довольно громко выражая свое возмущение. А Ришар все продолжал открывать дверь за дверью — пустые комнаты, кладовки, чуланы.

Мегрэ заставили даже посетить чердак. Оттуда ему пришлось спуститься вниз и осмотреть апартаменты отца и сына.

— Теперь гостиные. Нет, нет, обязательно. Я настаиваю на этом!

Ришар включил свет, и большая хрустальная люстра засверкала, издавая мелодичный звон.

— Прошу вас. Никаких трупов? Раненых тоже нет? Вы все осмотрели? Не хотите ли спуститься в погреб? Заметьте, сейчас три часа пятнадцать минут.

Он открыл дверь в комнату для слуг. Жюстен Минар сидел на стуле, а недалеко от него, в углу, неподвижно стоял Луи,— казалось, он стережет вора.

— Это и есть тот самый молодой человек, который слышал выстрел? Счастлив, что имею возможность видеть столь необыкновенную личность. Полагаю, мосье Мегрэ, что теперь я имею все основания принести жалобу по поводу клеветнического обвинения и попытки нарушить неприкосновенность жилища.

— Ваше право.

— Доброй ночи... Луи, проводите этих господ.

Старик Жандро открыл было рот, но ничего не сказал. Что касается Мегрэ, то ему все же удалось выдавить из себя:

— Благодарю вас.

Луи проводил их к выходу и захлопнул за ними тяжелую дверь.

Встревоженные, сбитые с толку, они оказались на тротуаре по левую сторону улицы Шапталь. Мегрэ машинально повернулся к маслянистому пятну на брусчатой мостовой, словно это вещественное доказательство могло его поддержать, одним своим видом подкрепляя его подозрения.

— Клянусь, я не взял в рот ни глотка.

— Верю.

— И я не сумасшедший.

— Безусловно...

— Вы думаете, эта история может вам повредить? Кое-что я ведь слышал...

Так Мегрэ обновил этой ночью свой первый мундир, который немного жал ему под мышками.

Глава II

РИШАР ЛГАЛ

Без десяти девять утра улыбающаяся, свежая, распространяющая запах хорошего мыла госпожа Мегрэ раздвинула шторы в комнате, впустив в нее поток веселого ласкового солнечного света. Она совсем недавно вышла замуж и не успела еще привыкнуть к виду этого спящего мужчины, с рыжеватыми усами, с широким лбом, собиравшимся складками, когда на него садилась муха, с густыми волосами, подстриженными ежиком. Она засмеялась. Она всегда смеялась, когда по утрам подходила к его постели с чашкой кофе в руках, а он смотрел на нее затуманенными сном, детскими, как ей казалось, глазами.

Госпожа Мегрэ была кругленькой, пышущей здоровьем молодой женщиной — такие часто встречаются в кондитерских или за мраморными прилавками молочных. Она и не думала скучать в те дни, когда Мегрэ оставлял ее одну в их квартире на бульваре Ришар-Ленуар.

— О чем ты думаешь, Жюль?

В ту пору она еще не звала его Мегрэ, но уже и тогда питала к нему чувство глубочайшего уважения. Точно такое же чувство испытывала она к своему отцу и, несомненно, перенесла бы его на сына, если бы он у нее появился.

— Я думаю...

И он наизусть прочел ей текст, который вспомнил в тот момент, когда открыл глаза после недолгого двухчасового сна.

Это были выдержки из правил внутреннего распорядка полиции:

«Незыблемое правило служащих Сыскной полиции — все свое время отдавать службе».

«Всякое начатое следствие или наблюдение должно

быть проведено в кратчайший срок, и в эти часы или дни служащему не может быть гарантирован отдых».

Он ушел из комиссариата в шесть часов утра, когда заместитель секретаря Альбер Люс заступил на дежурство. На улице было так свежо и парижские улицы источали такое благоухание, что ему невольно захотелось пройтись пешком, и он сделал круг, пройдя через Центральный рынок, чтобы насладиться запахом весенних овощей и фруктов.

Не один Мегрэ не спал в эту ночь. Визит коронованной особы был рассчитан лишь на три дня, но полиция сбилась с ног, вот уже добрых три недели следя за порядком. Особенно доставалось тем, что работали на вокзалах и в гостиницах, наблюдая за иностранцами.

Полицейские отделения «одалживали» друг другу людей, комиссариаты тоже. Часы прогулок и поездок короля, заранее выверенные с точностью до минуты, в квартале Сен-Жорж предусмотрены не были, и все незанятые служащие были отправлены в комиссариат квартала Оперы.

Не только анархисты не давали полиции спать. Были просто сумасшедшие, которых такие торжественные церемонии неизбежно выводят из равновесия, были карманники и прочий сброд, готовый обвести вокруг пальца незадачливых провинциалов, привлеченных в Париж блеском фейерверков.

— Этот кофе от «Бальтазара»? — спросил Мегрэ жену.

— Почему ты спрашиваешь? Он тебе не нравится?

— Просто хочу знать, почему ты выбрала именно этот кофе. Он более ароматен?

— Ты сам знаешь, какой у него аромат, и потом, ведь есть еще и картинки...

Он совсем забыл про альбом, в который она тщательно вклеивала картинки, спрятанные под крышкой каждой коробки. На картинках были изображены различные цветы — от лютика до орхидеи.

— Если собрать три полные серии, можно получить ореховую спальню.

Мегрэ принял душ — тогда в их квартире еще не было ванны. Потом съел суп — он всегда ел суп по утрам у себя в деревне и сохранил эту привычку в городе.

— Ты не знаешь, когда вернешься?

Он повторил, улыбаясь:

— «...в эти часы или дни служащему не может быть гарантирован отдых».

Госпожа Мегрэ это правило знала наизусть. Смеясь, она надела шляпу и взяла мужа под руку. Она любила провожать его, словно ребенка в школу, но до самого комиссариата не доходила — он смущался, как школьник, встречая кого-либо из коллег.

Как только часы показывали десять, на улице Ла Рошфуко останавливался кабриолет комиссара, лошадь звонко била копытом по мостовой, а кучер принимал вожжи от хозяина. Максим Ле Брэ был, вероятно, единственным комиссаром полиции в Париже, который имел свой собственный выезд и жил в Монсо, в одном из новых домов на бульваре Курсель.

До работы он успевал посетить клуб, пофехтовать, поплавать в бассейне и побывать у массажиста.

Рапорт Мегрэ лежал у него на столе, и Мегрэ со смутной тревогой думал о том, какую реакцию вызовет его донесение у начальника. Он работал над рапортом со всей добросовестностью, стараясь использовать все теоретические познания, которые были еще так свежи в его памяти.

После событий беспокойной ночи, когда Жюстен Минар возвращался с улицы Шапталь вместе с Мегрэ, они остановились у дверей дома, в котором жил Мегрэ.

— Вы женаты? — спросил Мегрэ.

— Да.

— Ваша жена, наверно, волнуется?

— Какое это имеет значение!..

И Жюстен зашел к Мегрэ. Последний записал все показания флейтиста и дал ему подписать протокол. Но тот все не уходил.

— Жена устроит вам скандал...

Жюстен повторил с мягким упорством:

— Какое это имеет значение!..

Почему Мегрэ думал об этом сейчас? Ему с трудом удалось выпроводить Жюстена почти на рассвете. Уходя, флейтист с какой-то робостью, смешанной с настойчивостью, спросил у него:

— Вы позволите мне прийти повидать вас?

Он подал жалобу на дворецкого Луи, решительно требуя вмешательства полиции.

Все бумаги были в полном порядке, они лежали на столе у комиссара поверх ежедневных, менее важных донесений.

Никто и никогда не видел, как появлялся Максим Ле Брэ,— он всегда шел коридором и сразу же проходил в свой кабинет,— но все слышали его шаги. И на этот раз у Мегрэ екнуло сердце.

Вся скамья уже была занята посетителями — главным образом бедняками и оборванцами. Он по очереди вызывал каждого из них, выдавал им справки о месте жительства или нуждаемости, регистрировал потерянные вещи или находки, отправлял в камеру задержанных на бульварах нищих или торговцев запрещенными товарами.

Прямо под часами в черном футляре поблескивал колпак электрического звонка, и когда раздастся звонок...

Он рассчитал, что чтение его доклада и жалобы Минара должно занять приблизительно минут двенадцать. Прошло двадцать минут, а его все еще не вызывали. Наконец легкий щелчок звонка дал ему знать, что начальник просит соединить его с кем-то по телефону.

Кабинет Ле Брэ от зала комиссариата отделяла обитая войлоком дверь, заглушавшая даже самые громкие голоса.

Быть может, Ле Брэ уже сьязался по телефону с Ришаром Жандро, гостем которого он был столь часто.

Вдруг дверь приоткрылась без звонка:

— Мегрэ!

Доброе предзнаменование? Или плохое?..

— Войдите, голубчик.

Прежде чем усесться за письменный стол, комиссар, попыхивая сигарой, несколько раз обошел кабинет.

Наконец, задумчиво положив руку на папку с делами и словно подыскивая слова, он сказал:

— Я прочел вашу бумажку.

— Да, господин комиссар.

— Вы сделали то, что полагали своим долгом сделать. Ваш рапорт составлен очень подробно, очень точно.

— Благодарю, господин комиссар.

— В нем даже я упомянут.

Он жестом остановил Мегрэ, попытавшегося было открыть рот.

— Я вас ни в чем не упрекаю, напротив.

— Я старался как можно точнее записать все сказанное и виденное.

— Да, ведь вы получили возможность осмотреть весь дом.

— Меня водили из комнаты в комнату.

— Значит, вы убедились, что ничего подозрительного нет.

— В комнате, указанной Жюстеном Минаром, тюлевая занавеска была зажата оконными створками, словно кто-то наспех захлопнул их.

— Это могло произойти когда угодно, верно же? Нет никаких доказательств, что занавеска не находилась в таком состоянии уже несколько дней кряду.

— Отец, мосье Фелисьен Жандро-Бальтазар, был крайне удивлен, застав меня в своем доме.

— Вы написали «испуган».

— Таково мое впечатление.

— Я знаком с Жандро — мы с ним несколько раз в неделю встречаемся в клубе.

— Да, господин комиссар.

Комиссара, красивого, породистого мужчину, можно было встретить на всех светских раутах, так как он был женат на одной из самых богатых наследниц Парижа. Однако, несмотря на свой образ жизни, он все же заставлял себя регулярно работать... Веки у него всегда были помятые, у глаз вырисовывались гусиные лапки морщин. Надо полагать, что в эту ночь, как, впрочем, и в большинство других, он спал не больше Мегрэ.

— Вызовите ко мне Бессона.

Бессон был единственный инспектор, которого оставили в комиссариате на время королевского визита.

— У меня есть для вас небольшая работенка, старина Бессон.

Произнося эти слова, он записал на листке блокнота фамилию и адрес флейтиста Жюстена Минара.

— Соберите-ка мне негласные сведения об этом музыканте. И чем скорее, тем лучше.

Бессон мельком взглянул на адрес, расплылся в улыб-

ке, убедившись, что работать предстоит в самом Париже, и пообещал:

— Тотчас же приступлю, шеф.

Оставшись наедине с Мегрэ, комиссар изобразил на своем лице некое подобие улыбки и проворчал:

— Ну вот. Должно быть, это единственное, что можно пока сделать.

* * *

Сидя за своим черным столом, Мегрэ с неведомым ему дотоле раздражением вот уже несколько часов подряд занимался разбором каких-то замусоленных документов и бумаг, выслушивал скучные жалобы консьержей и объяснения уличных торговцев и продавцов газет.

Самые невероятные решения приходили ему на ум: скажем, немедленно подать в отставку.

Итак, единственное, что, по мнению комиссара, следовало предпринять,— это собрать сведения о флейтисте. А почему бы не арестовать его и не избить?

Мегрэ мог бы также позвонить высшему начальству и даже пойти к нему на прием. Он был лично знаком с Ксавье Гишаром, начальником Сыскной полиции. Тот довольно часто проводил отпуск неподалеку от их деревни, в Алльe, и был когда-то дружен с отцом Мегрэ.

Он не то чтобы протежировал Мегрэ, но тайно следил за ним издали, вернее, сверху, и, по-видимому, именно при его содействии вот уже четыре года Мегрэ то и дело переводили с одной работы на другую, чтобы он на опыте познакомился со всеми пружинами полицейской службы.

«Минар не сумасшедший. Он не был пьян. Он видел, как открылось окно. Он слышал выстрел. И я сам прекрасно видел масляные пятна на мостовой».

Он все это выложит, черт возьми... И потребует...

И вдруг ему пришла в голову одна мысль. Он вышел из комнаты, спустился по лесенке из трех ступенек и очутился в дежурке, где агенты в форме играли в карты.

— Скажите, бригадир, все, кто дежурил этой ночью, уже сдали свои рапорты?

— Нет, еще не все.

— Мне хотелось бы, чтоб вы спросили у них: не за-

метил ли кто-либо из ваших между двенадцатью ночи и двумя утра машину марки «дион-бутон» в нашем квартале? Шофер в кожаном пальто серого цвета и в больших очках. Был ли кто-нибудь еще в машине, не известно.

Обойдемся без комиссара! «Всякое начатое следствие или наблюдение...»

Он прекрасно знал теорию. Будь то Бальтазар или не Бальтазар, но следствие ведет он.

В полдень сон начал одолевать Мегрэ, но его очередь завтракать еще не подошла. Веки его смыкались. Он по нескольку раз задавал посетителям один и тот же вопрос.

Вернулся Бессон. Запах абсента, исходивший от его усов, напоминал о прохладе бистро или о мягком освещении террасы одного из кафе на Больших Бульварах.

— Шеф еще здесь?

Комиссара не оказалось, и Бессон присел рядом с Мегрэ, чтобы составить рапорт.

— Бедняга! — вздохнул он.

— Кто?

— Флейтист.

И Бессон, пышущий здоровьем розовощекий крепыш, продолжал:

— Прежде всего, у него туберкулез. Одного этого уже предостаточно. Вот уже два года его пытаются отправить в горы, но он и слушать не желает.

В сторону площади Сен-Жорж с топотом проскакали лошади. Утром состоялся военный парад на площади Инвалидов, и теперь войска возвращались в свои казармы. В городе все еще царило возбуждение, повсюду реяли знамена, разгуливало множество военных в парадной форме, играли оркестры, пестрая толпа спешила в Елисейский дворец, где давали большой официальный завтрак.

— Они живут в двухкомнатной квартире, окнами во двор. Пятый этаж без лифта.

— Вы поднимались к ним?

— Я говорил с угольщиком, который живет в этом же доме, и с консьержкой — она оказалась моей землячкой. Не проходит и месяца, чтобы жильцы не жаловались на него из-за флейты: он играет с утра до ночи, от-

крыв настежь окна. Консьержка к нему очень хорошо относится. Угольщик тоже, хотя он ему задолжал за уголь. Что же до его матроны...

— Вы ее видели?

— Она вышла из дому как раз в тот момент, когда я сидел у консьержки. Полная брюнетка с глазами, мечущими искры. Этакая Кармен! Всегда в халате и в шлепанцах, шляется по лавчонкам своего квартала. Она только и делает, что ходит по гадалкам. Мужа осыпает бранью. Консьержка считает даже, что она его бьет. Бедняга!..

Бессон с трудом написал несколько фраз: он был не силен в составлении рапортов.

— Я сел в метро и отправился к хозяину флейтиста в ресторан «Клиши». Ничего плохого мне о нем не сказали. Не пьет. Приходит всегда за пять минут до начала работы. Со всеми приветлив, кассирша его просто боготворит.

— Где он был сегодня утром?

— Не знаю. Дома его не было. Консьержка мне бы сказала.

Мегрэ вышел из комиссариата и отправился в маленький бар на площади Сен-Жорж — съесть пару крутых яиц и выпить кружку пива. Когда он вернулся, на его столе лежала записка от бригадира:

Полицейский Жюллиан заметил, что в час тридцать ночи около дома № 28 по улице Мансар остановился автомобиль марки «дион-бутон». Кроме шофера (описание совпадает), в нем никого не было. Минут десять автомобиль стоял на улице Мансар, а затем уехал в направлении улицы Бланш.

Зазвенел звонок под часами, и Мегрэ, поспешно вскочив, открыл обитую войлоком дверь. Комиссар уже вернулся. На столе начальника Мегрэ увидел свой рапорт с красными карандашными пометками.

— Входите, голубчик. Присаживайтесь.

Это было проявлением необыкновенного расположения, ибо комиссар без зазрения совести позволял своим сотрудникам стоять перед ним навытяжку.

— Полагаю, вы все утро только и делали, что проклинали меня.

Он тоже был в мундире, но его мундир был от лучшего портного с площади Вандом, и жилет, как всегда, самого изысканного тона.

— Я тщательно изучил ваш рапорт. Что ж, отличный рапорт! Кажется, я вам об этом уже говорил. К тому же я беседовал с Бессоном по поводу вашего друга флейтиста.

Мегрэ решил действовать напролом:

— Жандро-Бальтазары вам не звонили?

— Звонили, но говорили со мной вовсе не в том тоне, в каком вы думаете. Ришар Жандро был великолепен, хотя немного и подтрунивал над вами и вашим усердием. Вы, вероятно, ожидали, что он будет жаловаться на вас? Произошло обратное. То обстоятельство, что он счел вас неопытным и горячим, вас, надеюсь, не обижает. Но именно поэтому он разрешил себе милую шутку и открыл перед вами двери своего дома.

Мегрэ насупился. Начальник смотрел на него с лукавой улыбкой — той улыбкой, что являлась как бы отличительной чертой всех светских «скептиков», всех «прожигателей жизни», как тогда модно было их называть.

— А теперь скажите-ка, дорогой мой, как бы вы поступили сегодня утром, будучи на моем месте?

И так как Мегрэ безмолвствовал, он продолжал:

— Затребовали бы ордер на обыск? Но, прежде всего, на каком основании? На основании поступившей жалобы? Но она ведь не на Жандро. Кто-нибудь застигнут на месте преступления? Ничего подобного. Имеются раненые, убитые? Неизвестно. К тому же вы нынче ночью обследовали дом, все его закоулки, видели всех его обитателей. Поймите меня правильно. Догадываюсь, какие мысли терзали вас все утро: я — приятель Жандро. Часто бываю у них. Принадлежу к тому же кругу, что они. Признайтесь, ведь вы полагали, что я буду необъективен.

— Имеется жалоба и показания Минара.

— Того самого флейтиста? Разберемся сейчас и в этом. Около половины второго ночи он пытается проникнуть силой в особняк под тем предлогом, что слышал крики о помощи.

— Он видел...

— Не забывайте, видел-то и слышал он один, а никто из соседей даже не проснулся. Поставьте себя на место дворецкого, разбуженного громкими ударами в дверь...

— Простите! Этот самый Луи был полностью одет, даже при галстуке,— в половине второго ночи, причем, когда Минар звонил, все огни в доме были погашены.

— Пусть так. Заметьте, однако, кто заявляет, будто дворецкий был полностью одет? Опять-таки ваш флейтист. Допустим, что так оно и было. Так что же это, преступление? Правда, Минара довольно грубо выставили на улицу. Но как бы действовали вы, если бы какой-то одержимый среди ночи ворвался к вам в дом, предполагая, что вы убиваете вашу жену?

Он протянул сигареты с золотым мундштуком Мегрэ, который в очередной раз напомнил, что не курит сигарет. Впрочем, Ле Брэ и сам знал об этом. Просто такая у него была привычка, снисходительный жест аристократа.

— Подойдем теперь к вопросу с чисто административной стороны. Вы составили рапорт, и он должен пройти обычный путь: лечь на стол префекта полиции, который решит, следует ли передать его в прокуратуру. Жалоба флейтиста на дворецкого тоже пойдет по своим каналам.

Мегрэ злыми глазами пристально смотрел на своего начальника и думал об отставке. Он уже догадывался, что́ последует за этим.

— Семью Жандро-Бальтазар в Париже хорошо знают. Любая бульварная газетенка рада будет малейшему поводу, чтобы скомпрометировать их.

Мегрэ сухо произнес:

— Мне все ясно.

— И вы меня ненавидите, не правда ли? Вы думаете, что я защищаю этих людей, потому что они сильные мира сего и потому что они мои друзья.

Мегрэ сделал движение, чтобы взять со стола свои бумаги и разорвать их — намек комиссара был более чем понятен. После этого он вернется в общий зал и по возможности твердой рукой напишет заявление об отставке.

— А теперь, милый мой Мегрэ, я хочу сообщить вам одну новость.

Очень странно: насмешка начальника звучит дружелюбно.

— Сегодня утром, когда я читал ваш рапорт, какая-то навязчивая мысль все время тревожила меня. Не знаю, случалось ли вам испытывать нечто подобное. Знаешь, что должен что-то вспомнить, но чем мучительнее пытаешься вспомнить, тем меньше тебе это удается. Одно мне было совершенно ясно — это нечто весьма важное, нечто такое, что может в корне изменить весь ход событий. И, наконец, эврика, вспомнил! И когда? Именно в тот момент, когда я отправился завтракать. Против обыкновения, я завтракал дома, так как к нам были званы гости. Посмотрев на жену, я сразу восстановил в памяти пропавшее звено. Оказывается, мне не давала покоя все утро одна фраза, оброненная ею. Но какая? Внезапно, уже когда я доедал омлет, меня осенило. Вчера, перед тем как уехать из дому, я спросил, как обычно: «Что вы делаете сегодня вечером?» И жена ответила: «Пью чай в Сент-Онорэ вместе с Бернадеттой и Лиз». Бернадетта — это графиня д'Эстиро. А Лиз — Лиз Жандро-Бальтазар.

Он умолк, уставившись на Мегрэ своими блестящими глазами.

— Вот так, друг мой. Мне оставалось только выяснить, действительно ли Лиз пила вчера в пять часов чай вместе с моей женой в одном из салонов Пифана. Жена подтвердила. И ни разу речь не заходила о том, что Лиз едет в Ансеваль. Вернувшись, я снова весьма тщательно перечитал ваш рапорт.

Лицо Мегрэ прояснилось, он уже открыл рот, чтобы дать выход своему восторгу.

— Минутку! Не торопитесь. Этой ночью вы нашли комнату Лиз Жандро пустой. Ее брат заявил, что она уехала в Ньевр.

— Следовательно...

— Ничего из этого не следует. Ришар Жандро давал показания не под присягой. У вас не было никакого ордера, никакого основания для допроса.

— Но теперь...

— Теперь — не более, чем вчера. Вот почему я вам советую...

Мегрэ окончательно растерялся. Ему устроили разнос,

но в таком дружеском тоне, что он не знал, как на него реагировать. Его бросило в жар. Он был оскорблен в своих лучших чувствах: с ним обращались, как с мальчишкой!

— Каковы ваши планы на отпуск?

Он ответил явно невпопад.

— Мне известно, что чиновники имеют обыкновение заблаговременно готовиться к праздникам и отпускам. Но, если вам угодно, вы можете с сегодняшнего дня взять отпуск. Думаю даже, что это в какой-то мере успокоит мою совесть. В особенности если вы не намерены покинуть Париж. Полицейский в отпуске — уже не полицейский, и он может позволить себе такие действия, за которые администрация не будет в ответе.

У Мегрэ снова мелькнула надежда. Но он все еще продолжал сомневаться. Боялся нового поворота событий, нового подвоха.

— Надеюсь, конечно, что никаких жалоб на вас поступать не будет. Если у вас появится необходимость что-либо сообщить мне или просто посоветоваться, звоните на бульвар Курсель. Номер моего телефона вы найдете в справочнике.

Мегрэ уже собирался было поблагодарить, но комиссар, легонько подталкивая его к двери, вдруг обронил, будто бы припоминая пустяковую деталь:

— Да, вот уже шесть или семь лет, как Фелисьен Жандро-отец состоит под семейной опекой, словно молодой повеса. После смерти матери всеми делами заправляет Ришар... Как здоровье вашей жены? Начинает понемногу привыкать к Парижу и к своей новой квартире?

После сухого и короткого рукопожатия Мегрэ очутился за дверью. Все еще не понимая, что с ним произошло, он машинально направился к своему столу, и внезапно взгляд его упал на одного из посетителей, сидевших на скамье по ту сторону барьера — Мегрэ называл его прилавком.

Это был Жюстен, флейтист. Одетый в черное, но на сей раз уже не во фраке, и без плаща, Жюстен Минар покорно дожидался своей очереди, сидя между заросшим по уши бродягой и толстухой в зеленой шали, кормившей грудью младенца.

Музыкант подмигнул Мегрэ, словно спрашивая, мо-

жет ли он подойти к барьеру. «Нет»,— покачал головой Мегрэ, сложил бумаги и передал одному из коллег текущие дела.

— Ухожу в отпуск!

— Отпуск в апреле, да еще когда дел по горло в связи с приездом его величества?

— Представь себе, отпуск.

Тот, зная, что Мегрэ недавно женился, продолжал:

— Ребенка ждешь?

— Не жду!

— Болен?

— Здоров.

Это уже становилось подозрительным, и коллега, недоумевающе взглянув на него, произнес:

— Что ж! Дело твое. Желаю приятно отдохнуть. Везет же людям!

Мегрэ взял шляпу и зашел за барьер, отделявший полицейских от посетителей. Жюстен Минар весьма непринужденно поднялся и, не говоря ни слова, последовал за ним.

Может быть, жена устроила ему очередную взбучку, как рассказывал Бессон? Тщедушный, светловолосый, голубоглазый, с нездоровым румянцем на щеках, флейтист неотступно следовал за Мегрэ, словно приблудная собачонка.

Улицы были залиты солнцем, над окнами развевались флаги. Казалось, воздух звенит от гула труб и грохота барабанов. Люди шагали по-праздничному весело, и оттого что по улицам и площадям без конца расхаживали военные, то и штатские невольно подтягивались и расправляли плечи.

Когда Минар решился наконец приблизиться к Мегрэ, он таинственно прошептал:

— Вас уволили?

По-видимому, Минар полагал, что полицейского чиновника можно так же легко уволить, как флейтиста, и поэтому чувствовал себя совершенно несчастным от сознания своей вины.

— Меня не уволили. Я в отпуске.

— Вот как!

В этом «Вот как!» прозвучали нотки сомнения. В голосе флейтиста слышалась тревога и скрытый упрек.

— Они предпочитают, чтобы вас пока здесь не было, так ведь? Хотят замять дело! А как же с моей жалобой? — Голос его зазвучал суше.— Надеюсь, они хоть не положат под сукно мою жалобу? Хочу вас сразу предупредить, что я этого не допущу.

— Жалоба разбирается в установленном порядке.

— Отлично! Тем более, что у меня для вас имеются кое-какие новости. Во всяком случае, одна...

Они уже дошли до площади Сен-Жорж, такой тихой и провинциальной, с маленьким бистро, в котором всегда пахло белым вином... Мегрэ машинально толкнул входную дверь. В этот послеобеденный час в воздухе и впрямь словно бы повеяло отпуском. Цинковая стойка была начищена до блеска, а в высоких бокалах переливалось и искрилось зеленоватое вино «вуврей».

— Кажется, вы мне говорили, что видели в доме Жандро двух служанок? Так?

— Да, Жермен и Мари,— подтвердил Мегрэ.— Не считая Луизы, кухарки.

— Так вот что я вам скажу. Только одна из них действительно служанка!

В глазах музыканта светилась детская радость, и сам он, как никогда, походил на верного пса, подбежавшего к хозяину с ценной находкой.

— Я говорил с молочницей, которая носит молоко в особняк Жандро. Ее лавка — на улице Фонтен, на углу, рядом с табачной.

Мегрэ, немного смущенный, с удивлением смотрел на флейтиста и никак не мог отогнать мысль о выволочках, которые устраивает ему его Кармен.

— Старшая горничная, Жермен, уже с субботы в Уазе, у сестры, которая ждет ребенка... Так вот, днем я обычно свободен...

— А ваша жена?

— Какое это имеет значение!..— проговорил он равнодушно.— И я подумал, что если вы собираетесь продолжать следствие, то, возможно, я смогу вам быть полезен. Сам не знаю почему, но люди ко мне обычно очень мило относятся.

«Да, кроме Кармен!» — подумал Мегрэ.

— Погодите. Теперь угощаю я. Да, да! Если я ничего, кроме минеральной воды с соком, не пью, это не значит, что я не могу поставить вам рюмочку. А насчет отпуска, надеюсь, вы пошутили?

Если Мегрэ и промолчал, неужто он этим выдал служебную тайну?!

— Будь иначе, я бы разочаровался в вас, честное слово. Хозяев этого особняка я и в глаза никогда не видал. Лично к ним я ничего не имею, хотя их дворецкий Луи и выглядит настоящим убийцей и они вам все наврали.

Маленькая девочка в красном платьице продавала мимозу, привезенную из Ниццы, и Мегрэ купил букетик для жены, которая знакома была с Лазурным Берегом лишь по цветной открытке с изображением залива Ангелов.

— Вы только скажите мне, что́ я должен делать.

И, пожалуйста, не бойтесь — я не причиню вам неприятностей! Я привык молчать!

Во взгляде его угадывалась страстная мольба. Ему очень хотелось предложить Мегрэ еще рюмочку — авось удастся уговорить его,— но он не осмелился.

— В таких домах всякой грязи хоть отбавляй. Но от людей ничего не утаишь. Слуги обычно любят болтать, да и поставщики многое знают.

Машинально, не отдавая себе отчета в том, что он таким образом в какой-то мере скрепляет свой союз с флейтистом, Мегрэ буркнул:

— Оказывается, мадемуазель Жандро не в Ансевале, как говорил ее брат.

— Где же она?

— Так как горничная Жермен уехала в деревню, значит, мне вместо нее показали Лиз Жандро.

— Вы думаете? — спросил флейтист.

— Во всяком случае, в комнате служанки была какая-то толстая девица, от которой разило вином.

Мегрэ произнес это с некоторым смущением, как будто от богатых девиц, чьи фамилии крупными буквами выведены на стенах станций метро, не могло пахнуть вином!

Оба, Мегрэ и Жюстен, замолчали и, сидя за своими рюмками, вдыхая запах мимозы, белого вина и клубничного сока, ощущая приятное тепло солнечных лучей, погрузились каждый в свои мысли. Мегрэ очнулся только тогда, когда голос его случайного товарища вернул его к действительности:

— Что же мы будем делать?

Глава III

УГОЩЕНИЕ ПАПАШИ ПОМЕЛЬ

«Инспекторам рекомендуется иметь фрак, смокинг и пиджак, без каковых доступ в определенные светские круги будет затруднен».

Все инструкции были еще свежи в памяти Мегрэ. Но инструкции, по-видимому, составлялись людьми весьма оптимистически настроенными. Так или иначе, им сле-

довало бы придать слову «определенные» более точный смысл.

Мегрэ накануне вечером примерил свой фрак, предполагая завтра же проникнуть в те круги, в коих вращаются Жандро: в клуб Гоха или в клуб Гауссмана, но одной фразы, оброненной его женой, было достаточно, чтобы он вновь обрел способность рассуждать здраво.

— Ну и красавчик же ты, Жюль! — воскликнула она, глядя на стоящего перед зеркалом Мегрэ.

Она не собиралась шутить над ним, она была совершенно искренна. Однако в том, как она произнесла эти слова, в ее улыбке было что-то такое, что насторожило его и дало недвусмысленно понять, что ему не стоит и пытаться сойти за молодого clubman'a [1].

На площади Бастилии играли вечернюю зорю. Мегрэ, стоя рядом с женой у окна, размышлял. По мере того как в комнату вливалась ночная прохлада, он все более утрачивал свой оптимизм.

— Понимаешь, если я доведу дело до конца, то почти наверняка попаду на Набережную Орфевр [2]. А уж очутившись там...

О чем он мог еще мечтать? Попасть в Сыскную полицию, быть может, даже в состав известной опергруппы шефа, как в ту пору именовалась группа по расследованию убийств!..

Для этого достаточно было успешно завершить начатое им следствие — иными словами, не привлекая внимания, раскрыть глубоко запрятанную тайну богатого особняка на улице Шапталь.

Он спал очень тревожно и как только проснулся — в шесть утра,— решил тотчас же на практике проверить одно из положений столь почитаемой им инструкции.

«Фуражка, шейный платок, поношенный пиджак, как проверено на опыте, вполне достаточны для маскировки».

Когда он на сей раз пристально рассматривал себя в зеркале, госпожа Мегрэ и не подумала смеяться.

— В следующем месяце надо будет купить тебе новый костюм,— с нежностью сказала она.

---

[1] Члена клуба *(англ.)*.

[2] На Набережной Орфевр находилась Сыскная полиция.

Это было сказано очень тактично, словно мимоходом, но ведь могло означать только одно: его старый пиджак выглядел немногим лучше, чем пиджак так называемого парадного костюма. Иначе говоря, ему не было никакой необходимости переодеваться.

Вот почему он ограничился тем, что надел воротничок, повязал галстук да еще прихватил с собой котелок.

Стояла все такая же великолепная погода, словно специально заказанная для коронованной особы, которую сегодня повезут в Версаль. Сотни парижан уже спешили к королевской резиденции. К вечеру во всех парках вокруг нее будет валяться промасленная бумага и пустые бутылки.

Жюстен Минар должен был поездом отправиться в Конфлян и попытаться разыскать пресловутую Жермен, горничную Жандро.

— Если мне удастся найти ее,— сказал он со своей обезоруживающей мягкостью,— не сомневаюсь, что она мне все расскажет. Не могу объяснить, чем это вызвано, но люди всегда охотно делятся со мной своими тайнами.

Было семь часов утра, когда Мегрэ вступил, если можно так выразиться, во владение улицей Шапталь и мысленно поздравил себя с тем, что не надел фуражки и шейного платка, ибо первый же человек, которого он встретил, был полицейский из его комиссариата. Можно себе представить, каково было бы его удивление, если бы он увидел Мегрэ в столь необычном виде.

Есть улицы, где всегда людно, полно магазинов, кафе,— там легко укрыться в толпе. Но улица Шапталь к таким никак не относится — короткая и широкая, без единого магазина, она почти всегда пустынна.

Все шторы в особняке Жандро-Бальтазар были опущены. Мегрэ постоял на одном углу улицы, потом на другом. Он чувствовал себя неловко, и, когда первая же служанка, отправившаяся за молоком на улицу Фонтен, прошла мимо него, ему показалось, что она окинула его подозрительным взглядом и ускорила шаг.

Наступило самое неудобное для него время дня. Солнце светило уже вовсю, но было еще свежо, а Мегрэ, выходя из дома, не надел пальто. Тротуары были безлюдны. Только в половине восьмого открылась табачная лавка, и Мегрэ выпил там чашку прескверного кофе.

Появилась еще одна служанка с молочным бидоном, потом другая. Мегрэ казалось, что они только-только проснулись и даже не успели умыться. То тут, то там стали подниматься жалюзи, и женщины в папильотках, выглядывая из окон, враждебно посматривали на раннего прохожего. У Жандро по-прежнему царила мертвая тишина; лишь в четверть девятого с улицы Нотр-Дам де Лорет появился шофер в великолепно сшитой черной куртке и позвонил у дверей.

К счастью, в это время открылся бар «Старый кальвадос» — единственное место на всей улице, где можно было укрыться от посторонних глаз. Бар этот находился на углу улицы Эннер, чуть выше особняка Жандро. Мегрэ поспешно перешагнул порог «Старого кальвадоса».

Луи в полосатом жилете открыл ворота, обменялся несколькими фразами с шофером. Как и полагалось, ворота оставались открытыми в течение целого дня. В глубине виден был залитый солнцем двор, зеленые газоны и гараж; перестук копыт говорил о том, что здесь же расположена конюшня.

— Желаете закусить?

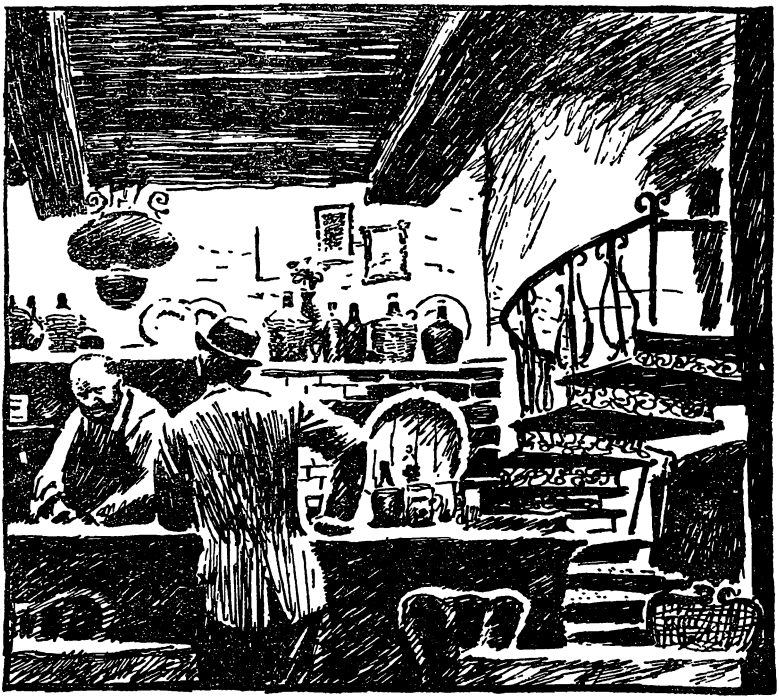
Толстый мужчина, красный как рак, с крохотными, навыкате глазами, миролюбиво глядел на Мегрэ. Почувствовав на себе его взгляд, Мегрэ вздрогнул.

— Как вы смотрите на порцию колбасы и бокал сидра? Лучше не придумаешь, чтобы заморить червячка.

Так начался этот день. Таких дней у Мегрэ было впоследствии немало, но этот тянулся как тяжелый сон.

Само место было необычным. На улице, где расположились особняки и доходные дома, «Старый кальвадос» был похож на деревенскую харчевню, о которой позабыли, когда Париж разросся, захватив и эту часть пригорода. Дом был низенький, узкий. Спустившись на одну ступеньку, вы попадали в довольно темную, прохладную комнату с цинковой, до блеска начищенной стойкой. К бутылкам, стоявшим на ней, казалось, веками никто не прикасался.

Из погреба шел терпкий странный запах, пахло кислым сидром и кальвадосом, старыми бочками, плесенью, к этому букету еще примешивался запах кухни. В глубине комнаты винтовая лестница вела наверх. Все, вместе взятое, походило на театральную декорацию, а хозяин —

на коротких ножках, широкий в плечах, с упрямым лбом и маленькими блестящими глазками — двигался по комнате, словно актер.

Как было Мегрэ не согласиться с предложением хозяина? Правда, еще никогда он не пил за завтраком сидра. Это был его первый опыт, и, против ожидания, он почувствовал, как приятное тепло разлилось у него в груди.

— Я жду кое-кого,— счел он необходимым заявить.

— Мне-то что! — ответил хозяин и так повел широкими плечами, что было ясно: он не верит ни единому слову Мегрэ.

А во взгляде его было что-то до того насмешливое, что Мегрэ стало не по себе.

Устроившись за стойкой, хозяин жевал толстенные куски колбасы и за каких-нибудь четверть часа высосал кувшин пива, которое нацедил из бочки в погребе.

По двору Жандро не спеша расхаживал шофер. Сняв куртку, он мыл из шланга автомобиль. Но это был не «дион-бутон», а черный лимузин с большими медными фарами.

На улице по-прежнему было пустынно — изредка пробегали служащие, спешившие к метро, проходили служанки или хозяйки, направлявшиеся в магазины на улице Фонтен.

Никто не заходил в «Старый кальвадос». Тем временем на винтовой лестнице показалась невероятно толстая женщина, обутая в красные комнатные туфли. Молча она прошествовала на кухню.

«Полицейский, которому поручено наблюдение, не принадлежит более себе: его поступки диктуются действиями, предпринимаемыми тем лицом, за которым ведется наблюдение».

В окне второго этажа раздвинулись шторы,— это была комната Ришара Жандро. Было ровно девять часов утра. Хозяин «Старого кальвадоса» медленно передвигался по комнате с тряпкой в руке. Создавалось впечатление, что он делает это умышленно, чтобы не вступать в разговор с посетителем.

— Меня, кажется, заставляют ждать,— сказал Мегрэ, чтобы нарушить неловкое молчание.

«Старый кальвадос» вернее было бы назвать не баром, а ресторанчиком для завсегдатаев. Столы были застланы скатертями в мелкую красную клетку, такие же занавески висели на окнах. Из двери в глубине комнаты доносились запахи кухни, и слышно было, как падали одна за другой в ведро очищенные картофелины.

Почему хозяин и его жена не разговаривают между собой? С того момента, как женщина спустилась вниз, оба они — вернее, все трое,— казалось, разыгрывали какую-то странную пантомиму.

Хозяин вытирал стаканы и бутылки, яростно тер цинковую стойку, потом в нерешительности останавливался перед многочисленными глиняными кувшинами, выбирая один из них. Выбрав, он словно нехотя наливал две рюмки и, указывая на часы, висевшие на стене рядом с рекламным календарем, гудел:

— Время раннее.

Его маленькие глазки следили за тем, как Мегрэ, при-

щелкивая языком, пьет кальвадос. Затем он снова брался за тряпку, заложенную за лямку фартука.

В половине десятого шофер в особняке напротив надел куртку, и через минуту послышался шум мотора. Автомобиль выехал из ворот и остановился у подъезда, откуда вышел Ришар Жандро в сером костюме с гвоздикой в петлице и сел в черный лимузин.

Неужели хозяин ресторана такой простофиля? Или, напротив, он давно обо всем догадался? Он посмотрел сначала вслед проезжавшему автомобилю, потом на Мегрэ, потом вздохнул и принялся за работу.

Без четверти десять хозяин снова прошел за стойку, выбрал другой кувшин, налил две рюмки и молча придвинул одну из них посетителю.

Только позднее Мегрэ понял, что это был ритуал, или, вернее, мания толстяка. Каждые полчаса на стойке появлялась рюмка кальвадоса. Вот откуда багровый цвет лица хозяина и влажный блеск его глаз.

— Благодарю вас, но...

Ничего не поделаешь! Отказываться было невозможно. Взгляд, устремленный на Мегрэ, был столь требовательным, что он предпочел пропустить еще одну рюмку, хотя и чувствовал, что алкоголь уже начинает действовать на него.

В десять часов он спросил:

— У вас есть телефон?

— Наверху, против уборной.

Мегрэ поднялся по винтовой лестнице и очутился в небольшой комнате с низким потолком. Здесь стояли только четыре стола, покрытые клетчатыми скатертями. Окна начинались от самого пола.

«Кафе «Бальтазар»... Авеню Де л'Опера... Антрепо... Кэ де Вальми... Улица Обер...»

Он позвонил на улицу Обер.

— Я хотел бы поговорить с мосье Ришаром Жандро.

— Кто спрашивает?

— Скажите, что Луи.

Он тотчас же узнал голос Жандро:

— Алло! Луи?

Голос был взволнованный. Мегрэ повесил трубку. Через окно ему виден был дворецкий в полосатом жилете, стоявший на тротуаре и спокойно покуривавший трубку.

Простоял он так недолго. Вероятно, услышал телефонный звонок.

Ему звонил обеспокоенный хозяин.

Прекрасно! Значит, Ришар Жандро находился в своей конторе на улице Обер, где проводил обычно большую часть дня. Луи не возвращался, но ворота по-прежнему оставались открытыми.

В окне третьего этажа поднялись шторы и показалось совсем молоденькое личико. Это была Мари, маленькая служанка с остреньким носиком, с тоненькой шейкой, как у общипанного птенца, и с красивым кружевным чепцом на растрепанных волосах. На девушке было черное платье и фартук горничной. Таких девушек Мегрэ до сих пор приходилось видеть только в театре.

Ему не хотелось долго задерживаться наверху, чтобы не вызвать подозрений у хозяина. Он спустился как раз вовремя, чтобы выпить третью рюмку кальвадоса, которую ему предложили с той же настойчивостью, что и предыдущие. Подвинув к нему рюмку и тарелку с нарезанными кусками колбасы, хозяин заявил:

— Я из Понфарси!

Он произнес эти слова с такой серьезностью, словно они содержали какой-то тайный смысл. Может быть, они объясняли происхождение колбасы? Или люди из Понфарси имеют обыкновение каждые полчаса выпивать рюмку кальвадоса? И еще он добавил:

— Это рядом с Вир!

— Разрешите мне еще раз позвонить?

Через полчаса Мегрэ освоился с обстановкой и даже почувствовал себя довольно свободно. Должно быть, забавно смотреть с улицы на это окно, начинающееся с пола, а за ним — на обедающих.

— Алло! Это квартира мосье Жандро-Бальтазара?

В ответ раздался голос мрачного Луи.

— Попросите, пожалуйста, мадемуазель Жандро.

— Мадемуазель нет дома. Кто у телефона?

Как и в первый раз, Мегрэ повесил трубку и снова спустился в зал первого этажа, где хозяин с сосредоточенным видом выводил на грифельной доске меню, обдумывая каждое слово.

Теперь во многих домах были уже открыты окна, и из них прямо на улицу вытряхивали ковры. Какая-то пожи-

лая дама в черном, с фиолетовой вуалеткой на лице, прогуливала собачку.

— Уж не забыл ли мой друг о нашей встрече! — с деланным смехом сказал Мегрэ.

Поверил ли в это тот, другой? Догадался ли он, что Мегрэ из полиции?

В одиннадцать часов во дворе у Жандро кучер запряг в двухместную карету гнедую лошадь. Но ведь кучер в ворота не входил. А поскольку трудно было предположить, что он живет в особняке, следовательно, в доме был еще один вход.

В четверть двенадцатого спустился Фелисьен Жандро-отец — в пиджаке, в желтых перчатках, светлой шляпе, с палкой в руке, с нафабренными усами,— и кучер помог ему сесть в карету, которая покатила в сторону улицы Бланш. Вероятно, почтенный господин отправился на прогулку в Булонский лес, а оттуда завтракать к себе в клуб.

«...инспекторам рекомендуется иметь фрак, смокинг и пиджак...»

Мегрэ посмотрел на себя в зеркало, установленное на стойке позади бутылок, и горько усмехнулся. Вероятно, и желтые перчатки? И палку с золотым набалдашником? И светлые гетры на лакированных туфлях?

Ну и повезло же ему с первым делом! Он мог бы проникнуть в любой дом — к мелкому буржуа, лавочнику, босяку, старьевщику. В этом, думалось ему, нет ничего трудного. Но особняк с его подъездом, что́ казался Мегрэ внушительнее входа в храм с мраморным цоколем, с его двором, где мыли лимузин для одного хозяина, прежде чем запрячь призовую лошадь для другого!

Кальвадос! Ничего другого не оставалось. Он будет держаться до победного конца. Пробудет здесь, в «Старом кальвадосе», столько, сколько потребуется.

Он не заметил, чтобы госпожа Луи выходила со двора. По-видимому, она не каждый день отправлялась за покупками; должно быть, в доме есть запасы. Правда, эти господа, надо полагать, завтракают вне дома.

Жюстену Минару — тому повезло. Он в деревне и разыскивает Жермен Бабэф...

«Вы думаете, что ваша жена?..»

«Какое это имеет значение!»

Госпожа Мегрэ как раз сегодня затеяла генеральную уборку.

«Ты считаешь, что на это стоит тратить время? — сказал он ей.— Мы ведь здесь не заживемся! Найдем квартиру в более приятном районе».

Он и не подозревал тогда, что и тридцать лет спустя они по-прежнему будут жить на бульваре Ришар-Ленуар, только увеличив свою квартиру за счет соседней.

В половине двенадцатого в «Старом кальвадосе» появились, наконец, первые посетители — художники в белых блузах, по-видимому, завсегдатаи бара, ибо один из них приветствовал хозяина фамильярным:

— Салют, Помель!

Они начали с того, что, стоя, осушили рюмку аперитива и, прежде чем усесться за столик у окна, познакомились с меню, выписанным на грифельной доске.

В полдень все столики были заняты, и госпожа Помель то и дело выходила из кухни с тарелками в руках, а ее муж в это время обслуживал посетителей вином, то спускаясь в погреб, то подымаясь в зал. Большинство посетителей — Мегрэ без труда угадал это — были рабочие с соседней стройки, но попадались среди них и кучера, чьи кареты стояли у дома.

Мегрэ очень хотелось позвонить комиссару и посоветоваться с ним. Он слишком много ел, слишком много пил и чувствовал себя отупевшим. Будь он сейчас на месте флейтиста, в Уазе, он бы, можно не сомневаться, прилег бы прямо на траву где-нибудь под деревом и, прикрыв лицо газетой, сладко бы задремал.

Мегрэ начинал терять веру в себя, вернее, в свою профессию. Ну что это за работа для мужчины — целый день болтаться в бистро и следить за домом, где ровным счетом ничего не происходит?! Все посетители ресторана занимались каким-то определенным делом. Париж кишмя кишит людьми, и большинство из них знает, куда и зачем они идут! Никто из них не обязан пить каждые полчаса рюмку кальвадоса с каким-то странным типом, глаза которого все больше и больше мутнеют, а улыбка становится какой-то тревожащей.

Мегрэ был убежден, что Помель издевается над ним. Но что ему оставалось делать? Выйти и стоять столбом посреди тротуара под палящим солнцем на виду у всех?

Вся ситуация напомнила Мегрэ об одном нелепом происшествии, которое чуть не привело его к уходу из полиции. Случилось это каких-нибудь два года назад. Он исполнял обязанности полицейского агента, которому полагалось следить главным образом за карманными ворами, орудовавшими в метро.

«Фуражка, шейный платок, поношенный пиджак...»

В то время он еще свято верил во все эти истины. По существу, и до сих пор верит в них. Так вот, тогда он поднимался по лестнице станции метро, что против универсального магазина «Самаритен», и прямо перед ним какой-то тип в котелке ловким движением срезал ридикюль у пожилой дамы. Мегрэ бросился к нему, выхватил ридикюль из черного бархата и попытался задержать вора, но тот истошным голосом завопил:

«Держите вора!»

Вся толпа накинулась на Мегрэ, а господин в котелке тем временем незаметно ретировался...

Он уже начал подвергать сомнению показания своего друга Жюстена Минара. Что ж такого, в конце концов, что окно на третьем этаже открылось? А дальше что? Каждый имеет право открывать свои окна, когда ему вздумается. Мало ли что бывает! Бывают лунатики, бывает, что люди кричат во сне...

«Старый кальвадос» начал пустеть. Хозяин и хозяйка с самого утра так и не перебросились ни единым словом, делая каждый свое дело молча, как в отлично отрепетированной пантомиме.

Наконец, в двадцать минут третьего, Мегрэ был сполна вознагражден. По улице медленно катил большой автомобиль. Это был серый «дион-бутон». За рулем сидел шофер в больших очках и кожаном пальто.

Автомобиль, не останавливаясь у дома Жандро, медленно проехал мимо, и Мегрэ заметил, что пассажиров в нем нет. Бросившись к окну, он успел разглядеть номер: «Б. 780».

Пытаться догнать автомобиль, свернувший за угол улицы Фонтен, не имело смысла. Мегрэ с бьющимся сердцем остался на месте, и не позже чем через пять минут серый «дион-бутон» снова так же медленно проехал мимо дома.

Повернувшись к стойке, Мегрэ заметил, что хозяин

ресторана пристально смотрит на него. О чем он думает?.. Помель ограничился тем, что наполнил две рюмки и придвинул одну из них посетителю.

«Дион-бутон» больше не показывался. Это был тот час, когда в садах Версаля кордебалет Оперы изображал нимф перед нарядной толпой. Сотни тысяч людей, сдавивших друг друга, дети на плечах отцов, красные шары, трепещущие в воздухе, продавцы кокосовых орехов и бумажных флажков...

А на улице Шапталь жизнь понемногу замирала. Только одинокая карета, проезжая по брусчатой мостовой, изредка нарушала тишину.

Без десяти четыре появился Луи. Поверх полосатого жилета он надел черный пиджак. На голове красовался черный котелок. С минуту он постоял у подъезда, потом раскурил сигарету, самодовольно любуясь колечками дыма, и не спеша зашагал в сторону улицы Фонтен. Мегрэ видел, как он вошел в табачную лавку на углу.

Вскоре он вышел оттуда и вернулся домой. На один миг взгляд его задержался на вывеске «Старого кальвадоса». Но на улице было столько света, а в баре так темно, что он вряд ли мог узнать секретаря комиссариата квартала Сен-Жорж.

Ждал ли он кого-нибудь? Или колебался, какое принять решение?

Он дошел до угла улицы Бланш, там, казалось, увидел кого-то, кого именно — Мегрэ не мог рассмотреть, а затем ускорил шаг и исчез из виду.

Мегрэ хотел было последовать за ним, но что-то удержало его. Он чувствовал на себе беспокойный взгляд хозяина. Нужно найти правдоподобное объяснение для такого поспешного ухода, спросить, сколько он должен, рассчитаться, а когда он после всего этого очутится на улице Бланш, дворецкий будет уже далеко.

Ему пришел на ум другой план: спокойно уплатить по счету, воспользоваться отсутствием Луи и, позвонив в дом Жандро, спросить мадемуазель Жандро или юную Мари.

Он не сделал ни того, ни другого. Пока он размышлял, по улице проехал фиакр, повернувший с улицы Бланш.

Кучер в кожаной шапке, внимательно вглядываясь

в номера домов, остановился у особняка Жандро. Он безмятежно сидел на облучке и, казалось, просто выполнял полученное распоряжение.

Прошло не более двух-трех минут. В подъезде мелькнула мышиная мордочка Мари, ее белый фартук и кружевной чепец. Затем она исчезла и вскоре появилась вновь с саквояжем в руках и, внимательно оглядев улицу, направилась к фиакру.

Мегрэ не мог, конечно, расслышать, что она сказала кучеру. Последний, не подымаясь с сиденья, взял у нее саквояж и поставил рядом с собой.

Мари, весело подпрыгивая, вернулась в дом. Талия ее была тонка, как у стрекозы, а сама она была такая маленькая, что казалось, ей даже тяжело нести копну своих пышных волос.

Она скрылась в доме, но через минуту ей на смену появилась высокая плотная женщина в темно-синем костюме и голубой шляпе с белой вуалеткой в крупный горошек.

Почему Мегрэ покраснел? Не потому ли, что видел эту особу в одной сорочке в неприбранной комнате служанки?

Конечно, то была не горничная. Это могла быть только Лиз Жандро, которая, несмотря на спешку, с большим достоинством, слегка покачивая бедрами, направлялась к фиакру.

Мегрэ был так взволнован, что чуть было не прозевал номер фиакра: «48». Но он тут же опомнился, записал номер и вторично залился краской под пристальным взглядом Помеля.

— Такие-то дела! — вздохнул последний, прикидывая, какой бы выбрать крюшон.

— Какие именно?

— Вот так оно происходит в порядочных семьях, как принято говорить.

У него был вид именинника. Однако он не улыбнулся и сухо спросил:

— Вы этого дожидались?

— Простите?..

На лице хозяина отразилось презрение, и он, насупившись, придвинул Мегрэ новую рюмку, словно бы хотел сказать: «Ну раз уж вам угодно играть в прятки!..»

И Мегрэ, спохватившись и желая снова обрести расположение толстого ресторатора, сказал:

— Это мадемуазель Жандро, верно?

— Кофе «Бальтазар», совершенно правильно, мосье. И, как я полагаю, мы не так уж скоро снова увидим ее на нашей улице.

— Вы думаете, она уехала путешествовать?

Хозяин бросил на него уничтожающий взгляд. И Мегрэ почувствовал себя погребенным под тяжестью его пятидесяти — шестидесяти лет, его жизненного опыта, того множества рюмок и рюмочек, которые он выпил с разного рода людьми, и его глубоким знанием квартала, в котором он жил.

— На кого вы работаете? — спросил вдруг Помель подозрительно.

— Но... я ни на кого не работаю...

Во взгляде собеседника не было и тени сомнения: «Лжешь, милейший!»

Потом, пожав плечами, Помель изрек:

— Тем хуже!

— Как вас понять?

— Признайтесь, вы уже рыскали по нашему кварталу?

— Я? Клянусь вам...

Мегрэ сказал чистейшую правду и чувствовал необходимость доказать это. А хозяин преспокойно смотрел на него с таким видом, словно бы не верил ни единому его слову, и, наконец, вздохнув, сказал:

— А я вас принял за друга графа.

— Какого графа?

— Неважно какого, раз я ошибся. У вас та же походка, та же привычка горбить плечи.

— Вы думаете, что мадемуазель Жандро поехала к графу?

Помель не ответил — он смотрел на Луи, который снова появился на углу улицы Фонтен. Так как Луи ушел в сторону улицы Бланш, то, по-видимому, он обошел по кругу весь квартал. Он казался оживленным, и похоже было, будто он и впрямь прогуливается, наслаждаясь солнцем и воздухом. Окинув беглым взглядом безлюдную улицу, он с видом человека, честно заслужившего свой стаканчик белого вина, вошел в табачную лавку.

— Он и к вам заходит?

Последовало сухое, категорическое «нет».

— У него расстроенный вид. Он неважно выглядит.

— Мало ли людей неважно выглядят. Нельзя же им всем помочь.

Уж не на Мегрэ ли он намекал? Голосом настолько тихим, что его почти заглушал звон посуды, доносившийся из кухни, Помель продолжал:

— Если бы все люди говорили правду...

У Мегрэ было такое ощущение, что всего лишь шаг отделяет его от очень важных открытий, но сделать этот шаг он, увы, не сможет, если ему не поможет хозяин ресторана, этот толстяк, насквозь пропитанный кальвадосом. Неужели все потеряно и ему не завоевать доверия Помеля? Вероятно, он зря сказал, что не имеет к графу никакого отношения.

Все это утро, казалось Мегрэ, его преследуют одни лишь неудачи.

— Я сотрудник частного сыскного агентства,— сообщил он на всякий случай.

— Вот оно что!

Что он еще мог сказать, если его начальник рекомендовал ему ни в коем случае не вмешивать в это дело полицию!..

На эту ложь он пошел, чтобы узнать правду. Он дорого бы дал сейчас за то, чтоб быть на двадцать лет старше и обладать таким весом и такими плечами, как его собеседник.

— Я был уверен, что ничего не случится!

— Однако случилось.

— Так вы думаете, она не вернется?

Мегрэ то и дело попадал почти в цель, ибо Помель, предпочитая отмалчиваться, только двусмысленно пожимал плечами. Тогда Мегрэ решил взяться за дело с другой стороны.

— Теперь угощаю я,— заявил он, показывая на глиняные кувшины.

Неужели хозяин откажется выпить с ним? Но тот только еще раз пожал плечами и буркнул:

— В такое время хорошо бы раскупорить новую бутылку.

И отправился за бутылкой в погреб. Мегрэ чувствовал, что не слишком твердо стоит на ногах после десятка

рюмок кальвадоса, но зато Помель шел как ни в чем не бывало, его даже не смущала лестница без перил, напоминавшая стремянку.

— Видите ли, молодой человек, чтобы лгать, надо быть стреляным воробьем.

— Вы думаете, я...

Хозяин уже наполнял рюмки.

— Кто это поручит частному сыскному агентству такое дело? Не граф же, как вы понимаете! И, уж конечно, не все эти Жандро, не отец и не сын! А что касается господина Юберта...

— Какого Юберта?

— Вот видите! Вы даже не знаете всех членов семьи.

— Разве есть еще один сын?

— Сколько домов на этой улице?

— Не знаю... Сорок? Пятьдесят?..

— Так вот, ступайте посчитайте... А потом стучите в каждую дверь. Может быть, найдете такого, кто вам даст подробные сведения. Что до меня — прошу прощения. За дверь я вас не выставляю. Можете оставаться здесь сколько угодно. Только вы уж меня извините, в это время дня я всегда отдыхаю, что бы там ни стряслось...

За прилавком стоял стул с соломенным сиденьем. Помель уселся на него, повернувшись спиной к окну, скрестил руки на животе, закрыл глаза и мгновенно погрузился в сон.

Не ожидая, по-видимому, больше никаких посетителей, жена его с тряпкой в одной руке и с тарелкой в другой высунула голову из двери кухни и, удостоверившись, что все спокойно, возвратилась к своей посуде, не удостоив и взглядом Мегрэ, сконфуженно сидевшего у окна.

Глава IV

ПОЖИЛОЙ ГОСПОДИН С АВЕНЮ ДЮ БУА

Минар договорился с Мегрэ, что, вернувшись из Конфляна, он даст знать о новостях запиской, которую оставит у Мегрэ дома, на бульваре Ришар-Ленуар.

— Но это вам совсем не по пути! — запротестовал было Мегрэ.

И в ответ раздалось привычное:

— Какое это имеет значение!

Провожая Минара, Мегрэ, не желая расхолаживать его, осторожно спросил:

— Под каким видом вы явитесь туда? И что вы собираетесь говорить?

— Уж я что-нибудь придумаю. Не беспокойтесь.

Только теперь, после изнурительного дня, возвращаясь к себе по залитым огнями Большим Бульварам, Мегрэ сообразил, как сложна была миссия музыканта.

Однако после минутной слабости, овладевшей им в «Старом кальвадосе» — то ли присутствие хозяина угнетало его, то ли он просто хватил лишнего,— Мегрэ вновь приободрился. Откуда что взялось, он и сам не понимал, но вдруг у него появилась вера в себя. Ничего, сегодняшняя осечка сослужит ему еще добрую службу, и со временем о нем заговорят-таки на Набережной Орфевр.

Он почувствовал, как приятное тепло разлилось по всему телу. Больше того, в походке, во взглядах, которыми он обменивался с прохожими, в том, как он смотрел на проезжающие трамваи и фиакры, чувствовалась неведомая ему доселе уверенность.

Совсем еще недавно, сидя у окна ресторанчика на улице Шапталь, он испытывал чувство глубокой обиды на своего комиссара за то, что тот впутал его в это дело. Мегрэ уж склонен был думать, что Ле Брэ сознательно сыграл с ним злую шутку!

Разве одному человеку под силу взять такую крепость, как особняк Бальтазаров? И разве так работают они, «великие» из группы шефа? В их распоряжении все необходимое, всякие досье и картотеки, сотрудники, осведомители. Если им нужно выследить десять человек, они не задумываясь посылают по следу десять сыщиков.

Но сейчас Мегрэ был вполне доволен тем, что он сам себе хозяин и может один обследовать все закоулки.

Он еще и не подозревал, что этот метод станет со временем его любимым методом, что, когда он займет место шефа специальной оперативной группы, ему не раз придется сливаться с толпой, следовать за подозреваемым по улицам, ждать часами в бистро...

Прежде чем покинуть «Старый кальвадос», где па-

паша Помель теперь проявлял к нему величайшее пренебрежение, он дважды позвонил по телефону. Вначале он набрал номер Управления городским транспортом, так как фиакр, в который села Лиз Жандро, имел знак этой компании. Ему пришлось долго ждать у аппарата.

— Номер сорок восемь,— ответили ему,— это из депо Ля Виллетт. Извозчика зовут Эжен Корни. Он выехал сегодня в двенадцать дня. Вряд ли он вернется в депо раньше полуночи.

— Не подскажете ли вы мне, где бы я мог еще сегодня разыскать его?

— Обычно он стоит на площади Сент-Огюстен, но это зависит, конечно, от того, сколько у него сегодня будет седоков. Недалеко от площади есть ресторанчик, который называется «Рандеву дю Массив Сантраль». Обычно, если время ему позволяет, он заходит туда перекусить.

Второй звонок был в автомобильное управление префектуры. Поиски номера машины в справочниках заняли бы слишком много времени. Мегрэ сказал, что он звонит из комиссариата. Ему предложили позвонить еще раз.

— Я предпочитаю подождать у телефона.

Наконец ему сообщили фамилию и адрес: маркиз де Базанкур, проспект Габриеля, дом 3.

Опять богатый квартал, наверно, особняк с окнами на Елисейские Поля. Ему стало не по себе, когда он представил себе этот особняк, медный звонок на двери, высокомерного швейцара.

Он зашел позвонить в табачную лавку.

— Попросите, пожалуйста, к телефону маркиза Базанкура.

Хриплый голос спросил с того конца провода:

— По личному делу?

И так как он ответил утвердительно, ему сказали:

— Господин маркиз умер три месяца назад.

Тогда у него невольно вырвалось:

— А... вместо него никого нет?

— Простите? Не понял. Все имущество маркиза, кроме особняка, продано.

— Не знаете ли вы, кто купил «дион-бутон»?

— Какой-то механик с улицы Акаций, в районе авеню Гранд Армэ. Я позабыл его фамилию, но, если не ошибаюсь, на той улице есть только один гараж.

В пять часов вечера Мегрэ вышел из метро на площади Этуаль. На улице, которую ему указали, он нашел запертый гараж. На клочке бумаги, приколотой к двери, Мегрэ прочитал:

Обращаться рядом.

По одну сторону от гаража помещалась мастерская сапожника, по другую — бистро. За справками следовало обращаться в бистро. К сожалению, торговец вином толком ничего не знал.

— Дедэ сегодня не появлялся. Наверно, подрабатывает где-нибудь. Он иногда выполняет поручения своих клиентов.

— А где он живет?

— В меблированных комнатах где-то около площади Герн, где точно — не знаю.

Остаток дня у Мегрэ ушел на поиски извозчика Корни. В конце концов он отыскал ресторанчик «Рандеву дю Массив Сантраль».

— Редко случается, чтобы он не наведался сюда,— сказали ему там.

К сожалению, именно сегодня он здесь не показывался.

Когда Мегрэ, наконец, добрался домой, консьержка, выглянув в окошечко в подворотне, окликнула его:

— Мосье Мегрэ!.. Мосье Мегрэ!.. Мне надо вам передать что-то очень важное...

То была записка, которую ему рекомендовали прочесть, прежде чем он поднимется к себе.

Не заходите домой. Я должен прежде поговорить с Вами. Ждал Вас очень долго — сколько мог. Приходите в ресторан «Клиши» — я там. Барышня наверху с Вашей женой.

Преданный Вам Жюстен Минар.

На дворе уже совсем стемнело; Мегрэ, подняв голову, увидел, что шторы в его квартире задернуты, и представил себе обеих женщин в маленькой столовой, служившей молодой чете одновременно гостиной. О чем они могут толковать? Госпожа Мегрэ, по своему обыкновению, накрыла, наверное, на стол и угощает гостью обедом.

Он спустился в метро, доехал до площади Бланш, вошел в просторный зал ресторанчика, пропахшего пивом и кислой капустой. В зале играл маленький оркестр из пяти человек. Жюстен, отложив флейту, играл на контрабасе и, почти закрытый огромным инструментом, казался еще более тщедушным.

Мегрэ уселся за один из мраморных столиков и, подумав, заказал кружку пива и порцию кислой капусты. Как только музыканты закончили играть, Минар подошел к его столу:

— Простите, что заставил вас тащиться сюда: необходимо поговорить до того, как вы ее увидите.

Он был чрезвычайно взбудоражен, даже встревожен, и Мегрэ невольно почувствовал, что и ему передается тревога маленького музыканта.

— Я ведь и не подумал о том, что ее сестра может носить фамилию мужа. Пришлось убить немало времени на поиски. Муж сестры работает на железной дороге. Он проводник и часто уезжает на два-три дня. Они живут в небольшом домике на пригорке, позади палисадника — сад, огород и белая коза, привязанная к колышку.

— Жермен там?

— Когда я пришел, они обе сидели у стола за огромным блюдом кровяной колбасы, от которой разило чесноком.

— Сестра еще не родила?

— Нет. Ждут... По-видимому, это затянется еще на несколько дней. Я сказал им, что я страховой агент, что мне стало известно о предстоящем прибавлении семейства и что сейчас самое время подписать страховой полис.

Скрипач — он же и дирижер — повесил специальную планку, на которой написано было название исполняемой песни, ударил палочкой по пюпитру, и Жюстен, извинившись, поднялся на эстраду. Вернувшись после номера, он сейчас же попытался успокоить Мегрэ:

— Не волнуйтесь. Вот посмо́трите, все устроится как нельзя лучше. По части страхования я... Это ведь ее конек,— я имею в виду мою жену. Она все твердит, что мне осталось жить не более трех лет и что... Но какое это имеет значение!.. Эта самая Жермен — довольно красивая девица, дородная, с высокой прической, которую

она то и дело поправляет. Она сразу же спросила, от какой компании я работаю. Я на авось назвал первую пришедшую на ум, и тогда она пожелала узнать, кто мой начальник. Задав мне кучу разных вопросов, она наконец заявила: «У меня был дружок, который работал в этой же компании,— потом, без всякого перехода: — Это вас Луи послал?»

Но в ту минуту Минару пришлось вновь подняться на эстраду, и все время, пока исполняли венский вальс, он подмигивал Мегрэ, словно желая его подбодрить. Он как будто говорил ему: «Не бойтесь! Потерпите, пока я вам доскажу все до конца!»

А досказал он вот что:

— Я заверил ее, что приехал вовсе не от Луи.

«И, уж во всяком случае, не от графа!» — парировала она. «Нет, граф тут ни при чем».— «Что касается господина Ришара... Скажите-ка! Вы, случаем, не из его ли людей? А?..» — Теперь вы видите, что это за девица? Мне необходимо было принять какое-то решение. Сестра моложе ее. Она всего год как замужем. Служила прислугой в Сен-Лазарском квартале, где и познакомилась со своим мужем. Жермен очень нравилось поражать ее своей осведомленностью и своими связями. Если хотите знать, то у этой девицы просто страсть поражать людей. Понимаете ли, ей во что бы то ни стало хочется казаться выдающейся личностью. Вероятно, она мечтала стать актрисой... Умяв полблюда колбасы, она закурила, а курить она совсем не умеет... Я спросил у нее, когда она собирается вернуться на работу. «Ноги моей больше там не будет!» И она все хотела узнать...

Музыка!

Взгляд флейтиста умолял Мегрэ набраться терпенья.

— Ну вот! Наверное, я плохо поступил. Но сейчас уж ничего не попишешь. Я открыл ей всю правду.

— Что?!

— Что барышня звала на помощь, что Луи заехал мне кулаком по физиономии, что вы пришли, что вам показали какую-то девицу в одной сорочке, выдав ее за Жермен. Тогда она пришла в ярость. Я, правда, сказал ей, что никакого официального следствия нет, что вы занимаетесь этим делом, так сказать, частным образом, что вы будете счастливы увидеться с ней, и, прежде чем

я успел договорить, она стала одеваться. «Понимаешь,— говорила она сестре, одеваясь,— ребенок — он так или иначе появится на свет божий, а я из-за этой истории могу попасть в такой переплет...» Скверное дело, подумал я, но, с другой стороны, вам будет интересно выслушать ее. Я только не знал, куда ее отвести. И отвел к вам. Поговорил на площадке с вашей женой... О господи! Какая же у вас милая жена!.. Я посоветовал ей присмотреть, чтобы Жермен не сбежала. Вы на меня сердитесь?

Как можно было на него сердиться? Однако на душе у Мегрэ скребли кошки. Он вздохнул и сказал флейтисту:

— Может, это к лучшему.

— Когда я вас опять увижу?

Мегрэ вспомнил, что должен в полночь встретиться с извозчиком Корни.

— Может быть, еще сегодня вечером.

— Если мы не увидимся, разрешите мне завтра зайти к вам — ведь я уже знаком с вашей женой. Ах, да! Чуть не забыл еще одну деталь...— Он смутился, не решаясь сказать.— Видите ли... Она спросила меня, кто оплатит расходы, и я сказал... Я не знал, что ответить... Просил ее не беспокоиться... Знаете, если вам трудно, то я...

Мегрэ вышел, не дожидаясь окончания музыкального номера, и бросился к метро. Увидев свет у себя под дверью, он остановился в нерешительности, но не успел даже вытащить ключ из кармана, как дверь распахнулась — госпожа Мегрэ отлично различала его шаги.

Она посмотрела на него понимающим взглядом и весело бросила:

— Тебя дожидается очаровательная молодая девушка.

Милая госпожа Мегрэ! Она отнюдь не иронизировала. Она просто хотела быть доброжелательной. Жермен сидела, облокотившись локтями о стол, с сигаретой в зубах, перед ней стояли тарелки с остатками пищи. Ее большие глаза вцепились в Мегрэ, словно она собиралась сожрать его. Видно было, что она ему все еще не доверяет.

— Вы, конечно, из полиции?

Вместо ответа он показал ей свое удостоверение, и с той минуты она не сводила с него глаз. Перед ней стояла рюмка: госпожа Мегрэ достала-таки свою наливку, предназначенную для более торжественных случаев.

— Ты еще не обедал?

— Нет, но я перекусил.

— В таком случае, я вас покидаю. Мне надо помыть посуду.

Она быстро убрала со стола, вышла на кухню, но не решилась затворить за собой дверь.

— Ваш друг тоже из полиции?

— Нет. Не совсем. Он случайно...

— Он женат?

— Да. Кажется.

Ему было как-то не по себе в одной комнате с этой странной девицей, чувствовавшей себя совершенно непринужденно: она вставала, поправляла волосы перед зеркалом, присаживалась в кресло госпожи Мегрэ, каждый раз повторяя: «Разрешите?»

— Давно вы знакомы с мадемуазель Жандро? — спросил Мегрэ.

— Мы вместе учились в школе.

— Я полагаю, вы из Ансеваля? В Ансевале вы и учились вместе?

Ему показалось странным, что наследница состояния Бальтазаров получила образование в маленькой сельской школе.

— Мы ведь почти одного возраста, разница в каких-нибудь два месяца. Ей стукнет двадцать один год в следующем месяце, а мне исполнился двадцать один две недели назад.

— И вы обе ходили в ансевальскую школу? — повторил он свой вопрос.

— Она — нет. Она жила в монастыре в Ньевре. Но мы учились в одно и то же время.

Он понял. И с этого момента старался тщательно отделять выдумку от правды, правду от полуправды или от всего похожего на правду.

— Вы не ждали каких-нибудь неприятных событий на улице Шапталь?

— Я всегда предполагала, что это плохо кончится.

— Почему?

— Потому что они друг друга терпеть не могут.

— Кто?

— Барышня и ее брат. Я уже четыре года в доме. Поступила сразу же после смерти мадам. Вы, конечно,

знаете, что она погибла в железнодорожной катастрофе, когда ехала лечиться в Виттель. Это было ужасно...

Она рассказывала так, словно своими глазами видела, как из-под обломков вагонов извлекали погибших.

— Сами понимаете, пока мадам была жива, завещание не имело никакого значения.

— По-видимому, вы хорошо знакомы с этой семьей.

— Я родилась в Ансевале, мой отец там родился. Мой дед, который был одним из фермеров у графа, частенько играл на бильярде со стариком.

— С каким стариком?

— Ну, со старым господином. Просто его у нас все так называли — «стариком». И по сей день так называют. Оказывается, вы ничего не знаете! А я-то думала, что полиция все знает.

— Вы имеете в виду старого мосье Бальтазара?

— Мосье Гектора, да. Его отец был шорником у нас в деревне. Он же был звонарем. В двенадцать лет мосье Гектор стал коробейником. Ходил с фермы на ферму с коробом на спине.

— Он основал все кафе «Бальтазар»?

— Да, но это не мешало моему дедушке до конца дней говорить ему «ты». Мосье Гектор много лет не бывал у нас в Ансевале, а когда снова появился, то был уже богачом и приобрел замок.

— Кому принадлежал замок?

— Графу д'Ансеваль, черт возьми!

— Кто-нибудь из этой семьи еще жив?

— Один остался. Дружок нашей барышни. Не нальете ли мне еще рюмочку наливки? Небось из дому прислали?

— Нет, жена сделала.

— Когда я подумаю, что эта ведьма — я не о вашей жене — нахально выдала себя за меня и спала в моей постели!.. Если б только я захотела, уж я бы могла о ней кое-что порассказать...

— Итак, старик Бальтазар, хозяин всех кафе, приобрел замок д'Ансеваль. Он был женат?

— Да, женат, только жена к тому времени уже отдала богу душу. У него была дочь, красавица, да больно гордая, и еще сынок, мосье Юберт, который за всю жизнь ничего путного не сделал. Сестра его — сущая ведьма,

а он — добряк, ласковый, как теленок. И все больше по заграницам разъезжал.

— Вас еще тогда и на свете не было?

— Конечно. Да там ведь и сейчас ничего не изменилось.

Машинально Мегрэ вытащил из кармана записную книжку и стал записывать имена по порядку, как бы составляя генеалогическое древо Бальтазаров. Он понимал, что с такой девицей, как Жермен, необходима точность.

— Значит, первым был этот самый Гектор Бальтазар, которого вы называете стариком. Когда он умер?

— Пять лет назад. Ровно за год до смерти дочки.

И Мегрэ, вспомнив о Фелисьене Жандро, который тоже был далеко не молод, поинтересовался:

— Должно быть, он тогда был глубоким стариком?

— Еще бы! Ему было восемьдесят восемь. Он жил один как сыч, в огромном особняке, на авеню Де Булонь. Сам вел все дела, только дочка ему помогала.

— А не сын?

— Никогда в жизни. Он его и на порог не пускал. Давал деньги на содержание. Теперь сынок живет на набережной, недалеко от Пон-Неф. Шалопай!

— Минуточку... Авеню Де Булонь... Дочь замужем за Фелисьеном Жандро...

— Верно. Но мосье Фелисьен — тот тоже в дела и носа сунуть не смел.

— Почему же?

— Говорят, как-то попробовали было поручить ему кое-что... А он заклятый игрок... И теперь еще все время торчит на бегах. Ходят слухи, что он что-то сотворил с чеками или векселями, не знаю... Тесть с ним даже поссорился.

Впоследствии Мегрэ познакомился с особняком на авеню Де Булонь, одним из самых уродливых и претенциозных во всем Париже, со средневековыми башенками и витражами. Он увидел также портрет старика — восковое лицо с точеными чертами, длинные седые бакенбарды, наглухо застегнутый сюртук, из-под которого по обе стороны черного галстука выглядывают две узкие белые полоски жилета.

Если бы он был лучше осведомлен о жизни парижского света, ему было бы известно, что старик Бальтазар

завещал свой особняк со всеми картинами, которые он собрал, государству. Он хотел, чтобы дом его был превращен в музей. Тогда это вызвало немало толков.

Более года эксперты вели ожесточенные споры, и дело кончилось тем, что государство в конце концов отказалось от завещанного имущества, так как в большинстве своем полотна оказались поддельными.

Потом Мегрэ увидел и портрет дочери: седые волосы, собранные на затылке в пучок, профиль «под императрицу Евгению», лицо такое же холодное, как у основателя кофейной династии.

Что же касается Фелисьена Жандро, то Мегрэ уже имел случай видеть и его нафабренные усы, и светлые гетры, и палку с золотым набалдашником.

— Говорят, старик ненавидел всю свою семью — и сына, и зятя, и господина Ришара, признавал лишь дочку да внучку. Он вбил себе в голову, что только эти две особы принадлежали к его роду, и оставил завещание, в котором сам черт ногу сломит. Мосье Бракеман может подтвердить.

— Кто такой мосье Бракеман?

— Его нотариус. Ему тоже лет под восемьдесят. Все его боятся, потому что ему одному все известно.

— Что именно?

— А я почем знаю? Все должно открыться, когда мадемуазель Лиз исполнится двадцать один год. Вот почему они так бесятся. А мне все равно: я ни за того, ни за другого. Если бы я только захотела...

Его вдруг осенило.

— Мосье Ришар?..— сказал Мегрэ, вступая в игру.

— Уж как он увивался вокруг меня. А я ему напрямик заявила: не на ту, мол, напали, и посоветовала взяться за Мари.

— И он последовал вашему совету?

— Откуда я знаю? Что он — прозрачный, что ли? Если хотите знать, все они, Бальтазары, немного чокнутые.

Жермен была возбуждена. Глаза ее совсем округлились, а в пристальном взгляде таилась тревога и вызов.

— Луи тоже родом из Ансеваля?

— Он сын нашего старого учителя. Но кое-кто считает, что жена учителя прижила его от священника.

— Он на стороне мосье Ришара?

— Да вы что?! Он всю жизнь ходит по пятам за барышней. Он оставался со стариком до самой его смерти, на руках его носил, когда тот болел, и знает, пожалуй, больше всех, может, даже больше самого мосье Бракемана.

— А Луи за вами никогда не ухаживал?

— Он? — Она расхохоталась.— Куда ему! Он ведь старик! Ему не меньше пятидесяти пяти. И вообще, грош ему цена, если хотите знать. Понимаете? Вот почему мадам Луи и Альбер...

— Кто такой Альбер?

— Лакей. Он тоже из Ансеваля. До двадцати одного года он был жокеем.

— Простите. Меня водили по всему дому, но я не видел комнаты, в которой...

— Потому что он ночует над конюшнями вместе с Жеромом.

— Жеромом?

— Кучером мосье Фелисьена. Только Арсен, шофер,— он женат и у него есть ребенок — спит у себя дома.

Мегрэ в конце концов исписал именами весь листок блокнота.

— Если кто и стрелял в барышню — а меня это не удивит,— то, скорее всего, сам мосье Ришар. Когда они ругаются...

— Они часто ссорятся?

— Можно сказать, дня без ссоры не проходит. Однажды он ей так стиснул руки, что она неделю ходила с синяками. Но она защищается — будь здоров. Только я готова поспорить, что стреляли вовсе не в барышню.

— В кого же?

— В графа!

— Какого графа?

— Да вы что, ничего не понимаете? В графа д'Ансеваль.

— Верно! Есть же еще один граф д'Ансеваль.

— Внук того, который продал замок старому Бальтазару. Мадемуазель разыскала его не знаю где.

— Он богат?

— Он? Ни гроша за душой.

— И он бывает в доме?

— Он бывает у мадемуазель.

— Он... Я хочу сказать...

— Вы хотите спросить, не волочится ли он за ней? Не думаю. Теперь вы понимаете? Они все какие-то ненормальные. Грызутся, как собаки. Одному только Юберту ни до чего дела нет, а вот те оба, брат и сестра, и хотят втянуть его в это грязное дело.

— Вы говорите о Юберте Бальтазаре, сыне старика? Сколько ему лет?

— Лет пятьдесят. А может, и больше. Он такой воспитанный, такой вежливый. Как придет к нам, так обязательно со мной поболтает... Скажите-ка, в это время поездов на Конфлян уже нет? Мне надо где-нибудь переночевать. У вас найдется для меня кровать?

— К сожалению, у нас нет комнаты для гостей. Мы недавно переехали сюда. Я найду вам комнату в гостинице, в этом же квартале.

— Вы уже ложитесь?

— У меня еще свиданье в городе.

— Оно и правда, что лягавым не часто приходится спать в своей постели. Странно, но вы совсем не похожи на полицейского. Я знала одного такого — он был сержантом,— высокий, смуглый, его звали Леонард...

Но Мегрэ Леонард не интересовал.

— Я вам еще пригожусь, а? Может, мне вернуться к ним, как будто ничего и не случилось? Тогда я смогу каждый вечер рассказывать вам, что там произошло за день.

— Мы увидимся с вами завтра,— сказал он.— Пойдемте, пожалуйста, со мной...

Прежде чем надеть пальто и шляпу, она снова поправила волосы перед зеркалом и, схватив со стола бутылку с наливкой, спросила:

— Разрешите? Я столько говорила, столько думала... А вы не пьете?

Не имело смысла рассказывать ей о том, сколько кальвадоса он за этот день выпил по воле папаши Помеля.

— Я могу еще многое порассказать вам. Есть люди, которые пишут романы, а не пережили и четверти того, что я. Если бы я взялась писать...

Мегрэ зашел на кухню, поцеловал жену в лоб.

— Может случиться, я поздно вернусь,— предупредил он.

Неподалеку от бульвара Вольтера, в переулке, сдавались меблированные комнаты.

Швейцар выбрал ключ на щитке.

— Номер восемнадцать. На втором, налево.

Выйдя из отеля, Мегрэ бросился в метро; автоматические дверцы захлопнулись, и он долго ехал в сумеречном свете подземки, машинально наблюдая за поздними пассажирами, на лицах которых играли причудливые тени.

Он долго бродил по безлюдным, едва освещенным улицам, пока не нашел наконец неподалеку от ворот депо ля Виллет большой сарай, загроможденный фиакрами с поднятыми вверх оглоблями. В глубине двора веяло теплом из конюшен.

— Корни? Нет, он еще не возвращался. Подождите его, если хотите.

Только в половине первого ночи во дворе появился совершенно пьяный извозчик.

— Дама с улицы Шапталь? Обождите-ка! Она дала мне франк на чай. А высокий брюнет...

— Какой высокий брюнет?

— Тот, который остановил меня на улице Бланш, черт возьми, и велел ожидать на улице Шапталь, против номера... номер... Смешно, но я никогда не запоминаю номера... В моей работе это, прямо скажем...

— Вы ее отвезли на вокзал?

— На вокзал? На какой вокзал?

Извозчика покачивало. Мегрэ брезгливо стряхнул с пиджака мокрое месиво из жевательного табака, которое его развеселый собеседник лихо сплевывал прямо на него.

— Во-первых, совсем не на вокзал... А потом...

Мегрэ сунул ему франк в руку.

— Это отель против Тюильрийского сада, на небольшой площади... Погодите-ка... Название памятника... Я всегда путаю названия памятников... «Отель дю Лувр»... Пошли, малютка! — обратился кучер к своей лошади.

Метро было уже закрыто, автобусы и трамваи не ходили, и Мегрэ пришлось тащиться пешком по бесконечно

длинной улице Фландр, прежде чем он добрался до оживленных площадей центра.

Ресторан «Клиши», должно быть, давно уже был закрыт, и Жюстен Минар возвратился в свое жилище на улице Ангиен, где его ждало объяснение с женой.

Глава V

ПЕРВЫЕ ЧЕСТОЛЮБИВЫЕ ПОМЫСЛЫ МЕГРЭ

Мегрэ брился перед зеркальцем, подвешенным в столовой на оконный шпингалет. Для них — для него и для жены — то были самые радостные минуты дня. Они распахивали окна, наслаждаясь прохладой раннего утра. До них доносились удары молота из ближайшей кузницы, грохот грузовиков, ржанье лошадей и даже едва уловимый запах свежего навоза из соседней конюшни.

— Ты думаешь, она действительно ненормальная?

— Если бы она осталась жить в деревне, вышла бы замуж и завела с десяток детей, это бы так не бросалось в глаза.

— Взгляни-ка, Мегрэ! Кажется, твой друг бродит у нас под окнами.

Мегрэ, как был, с намыленной щекой, высунулся в окно и тотчас же узнал Минара, терпеливо дожидавшегося его на улице.

— Ты не хочешь предложить ему подняться?

— Пожалуй, не стоит. Через пять минут я буду готов. А ты собираешься выходить сегодня?

Мегрэ редко спрашивал у жены, какие у нее планы на день, и она тотчас догадалась, что́ он имеет в виду.

— Ты хотел бы, чтобы я присмотрела за барышней?

— Весьма возможно, что я тебя об этом попрошу. Если я брошу ее одну на произвол судьбы в Париже, то при ее страсти к болтовне она бог знает что наплетет.

— Ты сейчас к ней?

— Немедленно.

Только он вышел из подворотни, как к нему подошел Минар и, зашагав бок о бок с ним, спросил:

— Что мы делаем сегодня, шеф?

Много лет спустя Мегрэ припомнил, что щуплый флейтист был первым человеком, назвавшим его шефом.

— Вы ее видели? Узнали что-нибудь? А я почти не спал. Только я собрался лечь, как один вопрос отбил у меня сон.

В утренней тиши шаги их звучали гулко. Проходя бульваром Ришар-Ленуар, они издали наблюдали, как постепенно оживлялся бульвар Вольтера.

— Если стреляли, то, безусловно, стреляли в кого-то. И тогда я задал себе вопрос — в него попали?.. Я вам не очень надоел?

Надоел! Но ведь и сам Мегрэ без конца задавал себе этот же вопрос.

— Предположим, пуля ни в кого не попала. Конечно, трудно поставить себя на место этих людей... Но все же, мне кажется, к чему было им устраивать такой спек-

такль, если не было ни раненых, ни убитых? Улавливаете мысль?.. Как только меня выставили за дверь, они бросились приводить в порядок комнату, чтобы никто ничего не мог заметить. Еще одна деталь: помните, когда дворецкий пытался оттолкнуть меня, какой-то голос на втором этаже произнес: «Живее, Луи!» Словно там что-то происходило, верно? И если барышню запихнули в комнату горничной — так это потому, что она была слишком взволнована и в случае необходимости не смогла бы сыграть свою роль... Я весь день свободен,— добавил Минар без перехода.— Можете располагать мною, как вам угодно...

Рядом с меблированными комнатами, где Жермен провела ночь, было расположено кафе с террасой и мраморными столиками. Мальчишка-рассыльный, казалось, сошел со страницы рекламного календаря. Взгромоздившись на лестницу, он протирал стекла.

— Подождите меня здесь.

Мегрэ колебался. А не послать ли ему наверх Минара? Если бы Мегрэ спросили, зачем он хочет снова повидать горничную, ему, пожалуй, трудно было бы ответить сразу. В это утро он ощущал какую-то странную потребность быть одновременно повсюду. Он почти испытывал тоску по «Старому кальвадосу» и корил себя за то, что в данную минуту не наблюдает из окна ресторанчика за всем происходящим на улице Шапталь. Теперь, когда он знал чуть больше об обитателях особняка, ему казалось, что все это — вид Ришара Жандро, садящегося в машину, его отца, направляющегося к карете, Луи, стоящего на тротуаре,— приобрело бы в его глазах совсем иную окраску.

Ему хотелось быть и в «Отель дю Лувр», и на авеню Де Булонь, и даже в Ансевале.

Из всех людей, с которыми связал его случай два дня назад, только один человек был в поле его зрения, и он инстинктивно цеплялся за него.

Удивительное дело! Чувство, владевшее им, уходило своими корнями куда-то глубоко в его детство. Даже если бы смерть отца не прервала его занятий медициной на третьем году обучения, он все равно никогда не стал бы настоящим медиком, врачом по призванию.

Честно говоря, он не мог бы тогда сказать, какой

другой профессии он отдает предпочтение. Еще мальчишкой, живя в деревне, он догадывался, что большинство людей занимаются не своим делом, что они сидят не на своих местах только потому, что не знают твердо, чем им заняться в жизни.

И вот, представлял он себе, появляется человек умный, все отлично понимающий. Он должен быть одновременно и врачом, и священником, и с первого же взгляда уметь определять предназначение человека.

К такому человеку ходили бы за советом, как к врачу. Он был бы в некотором роде исправителем судеб. Не только потому, что он умен. Собственно говоря, ему вовсе ни к чему быть необыкновенно умным. Просто он должен уметь смотреть на мир глазами того человека, с которым ему придется столкнуться.

Мегрэ никогда ни с кем об этом не говорил; он и не отваживался слишком глубоко задумываться о подобных вещах, чтобы даже самому себе не казаться смешным. Так как обстоятельства помешали ему закончить медицинский факультет, Мегрэ случайно пошел служить в полицию. Но, по существу, так ли уж случаен был его выбор? Разве полицейским иногда не приходится быть исправителями судеб?

Всю предыдущую ночь, в снах и наяву, он жил жизнью людей, которых едва знал или почти не знал,— взять хотя бы старого Бальтазара, умершего пять лет назад. Теперь Мегрэ шел к Жермен, чтобы познакомиться с ними поближе. Он постучал в дверь.

— Войдите! — ответил ему глухой голос. И тотчас же: — Обождите! Я забыла, что дверь заперта на ключ.

Послышалось шлепанье босых ног по ковру.

— Как, уже пора вставать?

— Можете, если хотите, снова лечь, но я хотел бы, чтобы вы рассказали мне о графе д'Ансевале. Или... Вы ведь знаете дом и всех, кто там живет и кто бывает... Представьте себе на минуту, что сейчас час ночи... Час ночи... В комнате мадемуазель Жандро разгорается ссора... Прошу вас слушать внимательно... Кто, по-вашему, мог в этот час находиться в комнате барышни?

Жермен стала причесываться перед зеркалом. Она явно делала усилие, чтобы понять, чего он хочет.

— Луи? — спросил Мегрэ, желая помочь ей.

— Нет. Луи так поздно не стал бы подниматься к ней в комнату.

— Минутку. Деталь, о которой я забыл упомянуть. Луи был совершенно одет, в костюме, в белой манишке и черном галстуке. Скажите, он всегда так поздно ложится?

— Бывает. Но он никогда не остается допоздна в парадном костюме. Только когда в доме чужие люди.

— Могло ли случиться, например, что в комнате мадемуазель Жандро находился Юберт Бальтазар, ее дядя?

— Дядя! Что бы он делал у нее в час ночи?!

— А если бы он все-таки явился, где бы она его принимала? В одном из салонов первого этажа?

— Да нет же! На улице Шапталь не так заведено. Каждый живет сам по себе. Салоны только для приемов. В обычные дни каждый забивается в свой угол.

— А Ришар Жандро мог подняться к сестре?

— Конечно. Он это часто делает. Особенно когда сердит.

— Носит он при себе револьвер? Приходилось вам видеть его с револьвером в руке?

— Нет.

— А мадемуазель Жандро?

— Минуточку! У мосье Ришара есть револьверы, целых два, один большой, другой маленький, но они у него в кабинете. У барышни тоже есть один, с рукояткой, отделанной перламутром, он лежит в ящике ее ночного столика. Каждый вечер она кладет его на этот столик.

— Она чего-нибудь боится?

— Как бы не так. Просто на всякий случай. Как всякая ведьма, она представляет себе, что все только и думают, как бы ей сделать пакость. Верите ли, в такие-то годы она уже скупердяйка! Нарочно бросает где попало деньги, заранее пересчитав их, чтобы знать, воруют у нее или нет. Служанка, которая была до Мари, попалась на эту удочку, и ее уволили.

— Случалось ли мадемуазель принимать графа в своей спальне?

— В самой спальне — нет, а в будуаре, что рядом со спальней, принимала.

— В час ночи?

— А что? Я читала книгу об Елизавете, королеве Английской... Слышали? Роман, а должно быть, там все правда... Вот это женщина... Честно говоря, наша барышня от нее не отстает.

— А могло ли случиться, что мосье Ришар, заслышав шум, поднялся к сестре с револьвером в руке?

Она пожала плечами.

— Зачем?

— Чтобы застигнуть возлюбленного своей сестры...

— Вот уж на что ему наплевать. Для таких людей значат только деньги!

— Граф д'Ансеваль приходил когда-нибудь вместе с приятелем?

— Может быть. Но тогда их принимали внизу, а я редко спускалась.

— Бывало ли, чтобы мадемуазель Лиз звонила графу по телефону?

— Вряд ли у него есть телефон. Она ему не звонила: время от времени он сам звонил ей, надо полагать, откуда-нибудь из кафе.

— Как она его называла?

— Жаком, конечно.

— Сколько ему лет?

— Лет двадцать пять, наверное. Красивый парень, довольно нахальный на вид. Так и кажется, что он над всеми насмехается.

— У такого человека может быть оружие в кармане, как вы думаете?

— Уж это точно.

— Почему вы так уверенно говорите?

— Потому что это именно такой парень! Читали «Фантомаса»?

— Мосье Фелисьен-отец на стороне сына или на стороне дочери?

— Ни на чьей он стороне. Или если хотите знать, так на моей. Случалось, он приходил ко мне в комнату. Пуговицу, говорит, нужно пришить. Никому в доме до него дела нет. Слуги называют его «старый хрыч» или еще «усач». Кроме Альбера, его лакея, никто на него и внимания не обращает. Знают, что старик — пустое место!

Мегрэ поднялся, стал искать шляпу.

— Куда это вы собрались? Не оставите же вы меня одну?

— У меня важные деловые встречи. Сейчас к вам придет мой друг, тот, который вас сюда привез, и побудет с вами.

— Где он?

— Внизу.

— Почему же вы сразу не пришли с ним?

— Так мне было удобнее,— сказал он, открывая дверь.

На террасе, залитой первыми лучами солнца, сидел Жюстен Минар за чашкой кофе со сливками.

— Только что приходила ваша жена,— сообщил он.

— Зачем?

— Тут же после вашего ухода принесли срочное письмо. Она побежала вслед за вами, хотела догнать.

Мегрэ сел и, не подумав, что еще совсем рано, заказал себе кружку пива. Потом вскрыл письмо. Оно было подписано Максимом Ле Брэ.

«Прошу вас зайти утром в комиссариат. Дружески ваш».

По-видимому, письмо писалось дома, на бульваре Курсель, так как в комиссариате он воспользовался бы бланком полиции. Комиссар Ле Брэ неукоснительно придерживался установленных правил. У него было по меньшей мере четыре разновидности визитных карточек для всех случаев жизни: *господин и госпожа Ле Брэ де Плуинек, Максим Ле Брэ де Плуинек. Максим Ле Брэ, офицер Почетного Легиона. Максим Ле Брэ, комиссар полиции...*

Записочка, написанная его рукой, свидетельствовала о каких-то новых отношениях, возникших между ним и его секретарем. Он, по-видимому, долго раздумывал над тем, как ее начать: «Мой дорогой Мегрэ»? «Дорогой господин»? «Господин»? В конце концов он вышел из положения, обойдясь вовсе без обращения.

— Скажите мне, Минар, вы действительно располагаете временем?

— Конечно. И оно принадлежит вам.

— Барышня наверху. Я не знаю, когда освобожусь. Боюсь оставить ее одну — как бы она не пошла на улицу Шапталь и не рассказала им обо всем.

— Ясно.

— Если вы с ней выйдете, оставьте мне записочку, чтобы я знал, где вы. Если вы захотите освободиться от нее, отведите ее к моей жене.

Через четверть часа он явился в комиссариат, и его коллеги смотрели на него с завистливым восхищением, как смотрят обычно на тех, кто отправляется в отпуск или в специальную командировку, или на тех, кто каким-то чудом оказался избавленным от повседневной служебной скуки.

— Комиссар здесь?

— Уже с полчаса.

В интонации, с которой Ле Брэ приветствовал Мегрэ, был тот же оттенок, что и в записке. Он даже подал ему руку, чего обычно никогда не делал.

— Не спрашиваю вас, в какой стадии находится следствие, ибо полагаю, что еще рано задавать вопросы. И если я просил вас зайти ко мне... Мне хотелось бы, чтобы вы правильно меня поняли, так как создалось весьма щекотливое положение. Само собой разумеется, что те сведения, которые я почерпнул на бульваре Курсель, никак не касаются служебных дел комиссара полиции. С другой стороны...

Ле Брэ расхаживал взад и вперед по своему кабинету. Он выглядел свежим и отдохнувшим и с видимым удовольствием потягивал сигарету с золотым мундштуком.

— Я не могу допустить, чтобы вы топтались на месте из-за отсутствия необходимых сведений. Вчера вечером мадемуазель Жандро звонила моей жене.

— Она звонила из «Отель дю Лувр»?

— Вы уже знаете об этом?

— Она отправилась туда на извозчике во второй половине дня.

— В таком случае... это все... Я знаю, как трудно выведать что-либо касающееся некоторых домов...

Казалось, он встревожен и задает себе вопрос: много ли известно Мегрэ по этому делу?

— Она не собирается возвращаться на улицу Шапталь и предполагает привести в порядок особняк своего деда.

— На авеню Де Булонь?

— Совершенно верно. Я вижу, вы о многом осведомлены.

Тогда Мегрэ отважился:

— Позвольте задать вам вопрос. Не знакомы ли вы с графом д'Ансеваль?

Ле Брэ удивленно нахмурил брови, как человек, пытающийся что-то припомнить. Он довольно долго молчал.

— Ах да! Бальтазары купили замок д'Ансеваль. Вы это имели в виду? Но я не вижу никакой связи.

— Мадемуазель Жандро и граф д'Ансеваль часто встречаются.

— Вы уверены? Очень любопытно.

— Вы знакомы с графом?

— Лично нет, и меня это вполне устраивает. Но я слышал о нем. Что меня удивляет... Разве только они были знакомы в детстве... Или она не знает... Боб д'Ансеваль, видите ли, пошел по дурной дорожке. Его нигде не принимают, он не бывает в свете, и если я не ошибаюсь, Отдел светских происшествий не раз уделял ему внимание.

— Вы не знаете его адреса?

— Говорят, он посещает некоторые сомнительные бары на авеню Де Ваграм и в квартале Терн. Может быть, в Отделе светских происшествий знают о нем подробней.

— Вы не возражаете, если я обращусь к ним за сведениями?

— При условии, что вы не будете упоминать Жандро-Бальтазаров.

Комиссар был явно озадачен. Несколько раз, словно рассуждая сам с собой, он пробормотал:

— Любопытно!

А Мегрэ расспрашивал все более и более настойчиво:

— Скажите, мадемуазель Жандро, по-вашему, человек вполне нормальный?

На сей раз Ле Брэ подскочил, и взгляд его, брошенный на секретаря, был суров.

— Простите, я вас не понимаю.

— Виноват, быть может, я не так поставил вопрос. Теперь я совершенно убежден, что в ту ночь я видел в комнате служанки именно Лиз Жандро. Как все это было, я вам уже рассказывал. Значит, в ее комнате

произошло нечто весьма серьезное, если пришлось прибегнуть к такой уловке. Что касается показаний музыканта, проходившего в тот момент по улице и слышавшего выстрел, у меня нет никаких оснований сомневаться в их правильности.

— Продолжайте.

— Возможно, что мадемуазель Жандро была не одна с братом в своей комнате.

— Что вы хотите сказать?

— По всем данным, третьим человеком был граф д'Ансеваль. Если стреляли, если действительно в комнате было три человека, если в кого-то попали...

Мегрэ в глубине души гордился удивлением, которое промелькнуло во взгляде его начальника.

— Какими еще сведениями вы располагаете?

— Немногими.

— Я полагал, что вы осмотрели в ту ночь весь дом.

— Кроме комнат, которые расположены над конюшней и гаражом.

Впервые драма, разыгравшаяся в ту ночь в особняке на улице Шапталь, встала перед Ле Брэ во всей своей очевидности. Теперь комиссар признавал возможность кровавого происшествия, убийства, преступления. И это произошло в его мире, в среде людей, которых он посещал, которых встречал в своем клубе, в доме молодой девушки, ближайшей подруги его собственной жены!

И, удивительное дело,— именно выражение лица шефа убедило Мегрэ окончательно в том, что он напал на след преступления.

То была уже не просто задача, которую необходимо разрешить. Речь шла о человеческой жизни, а может быть, и не одной.

— Мадемуазель Жандро очень богата,— вздохнул, наконец, с сожалением комиссар.— Вероятно, она единственная наследница одного из самых крупных состояний в Париже.

— Вероятно?

Его начальник знал явно больше, чем он говорил, но Ле Брэ, светскому человеку, явно претила необходимость оказать помощь Ле Брэ, комиссару полиции.

— Видите ли, Мегрэ, на карту поставлено слишком многое. С самого детства Лиз Жандро твердили, что она

пуп земли. Она никогда не была обыкновенной девочкой, такой, как все. Она всегда ощущала себя духовной наследницей Гектора Бальтазара.— И он с сожалением добавил: — Несчастная девушка.

Потом продолжал с нескрываемым любопытством:

— Вы уверены в том, что рассказали мне относительно графа д'Ансеваля?

Он был светским человеком, и этот вопрос его весьма занимал, хотя до конца поверить рассказанному он не мог.

— Ему не раз случалось бывать у мадемуазель Жандро довольно поздно вечером если не в ее спальне, то в будуаре, расположенном рядом.

— Ну, это совсем другое дело.

Неужели разницы между спальней и будуаром было достаточно, чтобы он почувствовал некоторое облегчение?

— Если позволите, господин комиссар, я хотел бы задать еще один вопрос. Имела ли мадемуазель Жандро когда-нибудь ранее намерение выйти замуж? Интересуют ли ее мужчины? Или, быть может, ее это не занимает?

Ле Брэ, видимо, ничего не мог понять. Он растерянно смотрел на своего секретаря, который осмелился вдруг заговорить с ним на такие темы, да еще о людях, о которых понятия не имел. Во взгляде его было одновременно и невольное восхищение, и некоторая настороженность, словно он вдруг очутился лицом к лицу с фокусником.

— О ней рассказывают уйму небылиц. Она действительно отвергла несколько блестящих партий.

— За ней известны какие-нибудь похождения?

Комиссар явно солгал, когда ответил:

— Не знаю.— Затем несколько более сухо: — Должен признаться, что я не позволяю себе задавать такие вопросы о друзьях моей жены. Видите ли, мой юный друг...

Он чуть было вновь не впал в высокомерный тон, каким, вероятно, привык говорить на бульваре Курсель, но вовремя спохватился.

— ...наша профессия требует бесконечной осторожности и такта. Я даже подчас спрашиваю себя...

Мегрэ вдруг почувствовал, что у него похолодела спина. Сейчас ему скажут, что следствие прекращается, что ему надлежит снова занять свое место за черным столом

и проводить целые дни за регистрацией разных дел, выдавать справки о месте жительства...

На несколько секунд конец фразы словно повис в воздухе. К счастью, государственный служащий Ле Брэ одержал верх над светским человеком, и он закончил:

— Мой совет вам: будьте крайне осторожны. В случае, если вас что-либо смутит, звоните мне домой. Кажется, я вам уже это говорил. У вас есть номер моего телефона? — И он записал его своей рукой на клочке бумаги.— Если я просил вас зайти сегодня утром, то только потому, что не хотел, чтобы вы топтались на месте. Я не мог себе представить, что вы ушли так далеко.

Однако прощаясь руки он ему не подал. Мегрэ снова стал полицейским, да еще таким полицейским, который позволяет себе грубо вторгаться в тот мир, куда дает доступ только визитная карточка *господина и госпожи Ле Брэ де Плуинек.*

* *

Время приближалось к полудню. Мегрэ вошел под своды здания Сыскной полиции на Набережной Орфевр. По левой стороне коридора через открытую дверь он увидел комнату, стены которой были сплошь завешаны адресами меблированных комнат. Впервые он поднимался по этой широкой пыльной лестнице не по поручению комиссариата, как ему не раз доводилось делать, но, в некотором роде, выполняя свое собственное задание.

Вдоль длинного коридора тянулись двери с табличками, на которых были указаны фамилии комиссаров, дальше шел застекленный зал ожидания. Мимо Мегрэ прошел инспектор, ведя за собой человека в наручниках.

Наконец Мегрэ очутился в комнате, окна которой выходили на Сену. Комната эта ничем не напоминала ту, в которой он работал. Люди здесь звонили по телефону или разбирали сводки и рапорты; какой-то инспектор, полусидя на столе, спокойно покуривал трубку. В этой комнате, наполненной биением жизни, царила атмосфера несколько развязного дружелюбия.

— Видишь ли, малыш, ты можешь, конечно, пойти к Сомье, но не думаю, чтобы там имелось на него дело. Во всяком случае, не припомню, чтобы он был когда-нибудь

осужден.— Бригадир, плечистый мужчина лет сорока, добродушно смотрел на Мегрэ.

Это происходило в Отделе светских происшествий, где как свои пять пальцев знали среду, в которой вращался граф д'Ансеваль.

— Скажи-ка, Ванель, ты давно не видел графа?

— Боба?

— Да.

— В последний раз я встретил его на скачках. Он был с Дедэ.

— Дедэ — это тип, который держит гараж на улице Акаций. У него всегда не более одного-двух автомобилей. Понятно, малыш?

— Кокаин?

— Наверное, и это. Граф увяз по самое горло. Его уже не раз можно было накрыть на этом деле, но мы предпочитаем наблюдать за ним. В один прекрасный день он поможет нам выудить рыбку покрупнее.

— У вас есть его последний адрес?

— Не кажется ли тебе, что твой комиссар ущемляет наши интересы? Осторожнее, малыш! Не спугни Боба. Да нет, не потому, что он лично нас интересует. Но ведь за таким парнем, как он, нужен глаз да глаз. А у тебя серьезное дело?

— Мне необходимо его найти.

— Ванель, у тебя есть его адрес?

И Ванель, с тем презрением, которое испытывают люди с Набережной Орфевр к мелкой сошке из комиссариатов, буркнул:

— «Отель дю Сантр», улица Брей. Прямо за площадью Этуаль.

— Когда ты его там видел последний раз?

— Всего четыре дня назад. Он сидел в бистро на углу улицы Брей вместе со своей подружкой.

— Как ее зовут?

— Люсиль. Ее легко узнать. У нее шрам на левой щеке.

Вошел какой-то озабоченный комиссар, с папками в руках.

— Скажите, ребятки...

Он замолчал, заметив постороннего в комнате своих инспекторов, и вопрошающе взглянул на них.

— Секретарь комиссариата Сен-Жорж.

— Вот как!

И от этого «Вот как!» Мегрэ еще неудержимее захотелось попасть сюда. Он был ничто! Даже меньше, чем ничто! Никто не обращал на него внимания. Комиссар, склонившись над бригадиром, обсуждал с ним план облавы, которую предстояло провести следующей ночью в районе улицы Рокет.

Мегрэ находился недалеко от метро «Репюблик» и решил поехать домой позавтракать, прежде чем отправиться в район площади Этуаль на поиски графа или Люсиль.

Глава VI

МАЛЕНЬКОЕ СЕМЕЙНОЕ ТОРЖЕСТВО

Только к восьми вечера, когда зажглись газовые фонари вокруг Триумфальной Арки и начала вырисовываться перспектива улиц и проспектов, окаймленных их перламутровым сиянием, Мегрэ, потерявший почти всякую надежду отыскать графа, вдруг попал в самую гущу событий.

Об этом прекрасном вечере Мегрэ надолго сохранит светлое воспоминание, как об одном из самых очаровательных весенних вечеров Парижа. Воздух был напоен такой свежестью, таким благоуханием, что Мегрэ то и дело останавливался, чтобы поглубже вдохнуть. За последние несколько дней на улицах все чаще стали появляться женщины в одних костюмах, но Мегрэ только сейчас заметил это, и ему показалось, будто он видит, как по-весеннему расцветают улицы — светлые блузки всех тонов и оттенков, ромашки, маки, васильки на шляпах. А мужчины — те даже рискнули надеть свои канотье[1].

Мегрэ много часов подряд шагал взад и вперед по короткому участку между площадью Этуаль, площадью Терн и воротами Майо. Отель, в котором жил граф, был расположен на площади, как раз против маленькой прачечной.

---

[1] Канотьé — соломенная шляпа.

Почему Мегрэ заметил эту прачечную, где на столах гладили белье совсем молоденькие девушки, он и сам не мог бы сказать.

— Граф у себя? — спросил он у портье, войдя в отель.

Его оглядели с головы до ног. Все люди, с которыми ему суждено было встретиться, в этот вечер будут его почему-то встречать таким же долгим взглядом — скорее скучающим, чем презрительным — и нехотя отвечать.

— Поднимитесь, посмотрите.

Он решил, что первое его предприятие уже подходит к благополучному завершению.

— Не скажете ли вы мне номер его комнаты?

Портье заколебался. Он, видимо, понял, что Мегрэ отнюдь не завсегдатай этих мест.

— Тридцать второй...

Он поднялся, и на него пахнуло запахом человеческого жилья и кухни. В конце коридора горничная складывала грязные простыни. Он безуспешно стучал в дверь номера.

— Вам нужна Люсиль? — спросила издали служанка.

— Нет, граф.

— А его нет. Там никого нет.

— Не знаете, где я могу его найти?

Вопрос был настолько нелепый, что на него даже не сочли нужным ответить.

— А Люсиль?

— В «Петухе» ее нет?

Мегрэ опять себя выдал. Это был неправильный шаг. Если он даже не знает, где найти Люсиль, зачем же он сюда явился?

«Петух» — одно из двух кафе на углу авеню Де Ваграм. Большие просторные террасы. Несколько одиноких женщин. Мегрэ внимательно присматривался к ним — нет, со шрамом никого нет. Тогда Мегрэ заговорил с официантом:

— Люсиль нет?

Беглый взгляд на присутствующих.

— Сегодня я ее не видел.

— Вы думаете, она еще придет? А графа вы тоже не видели?

— Дня три, пожалуй, я уже его не обслуживал...

Мегрэ отправился на улицу Акаций. Гараж по-преж-

нему был закрыт. Сапожник с табачной жвачкой за щекой тоже скорчил удивленную мину, находя, по-видимому, его вопросы нелепыми.

— Кажется, сегодня утром его автомобиль выезжал из гаража.

— Серый? «Дион-бутон»?

Автомобиль есть автомобиль, должно быть, подумал человек, жующий табак, и не хватало еще, чтобы он обращал внимание на марку.

— Не знаете, где я могу его найти?

Человек, сидевший в тени своей лавчонки, казалось, даже проникся к нему сочувствием.

— Так ведь, почтеннейший, мое дело — ботинки да туфли...

Мегрэ вернулся на улицу Брей, поднялся наверх, постучал в комнату 32, но ему опять никто не ответил. Потом он снова занялся поисками — вышагивая от «Петуха» к площади Терн, присматриваясь по дороге ко всем женщинам: нет ли у какой-нибудь из них шрама на щеке.

Время от времени его охватывала тревога. Он упрекал себя, что зря теряет время, а где-то в другом месте, может быть, происходит что-то очень важное. Он пообещал себе, как только выпадет свободная минута, повертеться у кафе «Бальтазар», убедиться в том, что Лиз Жандро по-прежнему находится в «Отель дю Лувр», и понаблюдать хоть немного за тем, что происходит на улице Шапталь.

Он обошел все бары. Ему пришла мысль последовать примеру флейтиста — он заказал виши с соком, но напиток этот вызвал у него отвращение, и к пяти часам дня он попросил пива.

— Нет, я не видел Дедэ. Он условился с вами встретиться?

И так повсюду, во всем квартале, он наталкивался на глухую стену молчания. Только около семи часов вечера кто-то сказал:

— А не на скачках ли он?

Люсиль тоже нигде не было. Тогда он подошел к одной из женщин, которая показалась ему более сговорчивой, и спросил ее о подруге графа.

— Может, она в отпуске?

Он не сразу понял. Ему рассмеялись прямо в лицо.

Он уже было решил отказаться от своей затеи. Пошел к метро, спустился на несколько ступенек, но заколебался и вернулся.

И вот — после семи,— когда он, потеряв всякую надежду, кружил все по тому же кварталу, разглядывая прохожих, взор его вдруг привлекла тихая улица Тильзит. Вдоль тротуара выстроились фиакры, рядом стояла чья-то машина и прямо перед ней — серый автомобиль, марку и номер которой он тотчас же узнал.

Это был автомобиль Дедэ. В нем никого не было. На углу улицы с ноги на ногу переминался постовой полицейский.

— Я из комиссариата квартала Сен-Жорж. Мне нужна ваша помощь. Если хозяин этого автомобиля вернется, не могли бы вы под каким-нибудь предлогом задержать его, когда он соберется уезжать?

— Ваши документы.

Даже полицейские в этом квартале и те ему не доверяли. То был час, когда все рестораны и кафе были переполнены. Раз Дедэ нет в «Петухе» — ему снова подтвердили это,— следовательно, он ужинает где-нибудь в другом месте. В одной дешевой столовке Мегрэ услышал:

— Дедэ?.. Не знаю...

Его не знали и в ближайшей пивной, неподалеку от ресторана «Ваграм».

Дважды Мегрэ приходил удостовериться, что серый автомобиль по-прежнему на месте. Ему очень хотелось на всякий случай проткнуть одну из покрышек перочинным ножом, но присутствие полицейского, значительно более опытного, чем он, помешало.

И вот он толкнул дверь маленького итальянского ресторанчика все с тем же надоевшим вопросом:

— Вы не видели графа?

— Боба?.. Нет... Ни вчера, ни сегодня...

— А Дедэ?

Небольшое помещение, красные бархатные диванчики. Все выглядело довольно мило. В глубине ресторана перегородка, не доходившая до потолка, отделяла зал от небольшого кабинета. В дверях кабинета Мегрэ увидел жующего мужчину в клетчатом костюме. В глаза

бросился удивительно яркий цвет лица, светлые волосы, разделенные пробором.

— В чем дело? — спросил он, обращаясь не к Мегрэ, а к хозяину ресторана, стоявшему за стойкой.

— Он спрашивает графа или Дедэ...

Человек в клетчатом костюме, державший в руках салфетку, сделал шаг вперед. Затем не торопясь подошел вплотную к Мегрэ и принялся рассматривать его.

— Ну? — спросил он.

И так как Мегрэ замешкался с ответом, тот отчеканил:

— Дедэ — это я.

Мегрэ немало размышлял над тем, как он поведет себя, столкнувшись, наконец, лицом к лицу с этим человеком, но сейчас он вдруг решил вести себя совсем по-иному.

— Я только вчера приехал,— запинаясь, произнес Мегрэ.

— Приехали? Откуда?

— Из Лиона. Я живу в Лионе.

— Вот как! Интересно.

— Я ищу одного своего друга, товарища по коллежу...

— Ну, в таком случае, это наверняка не я.

— Это граф д'Ансеваль... Боб...

— Скажите пожалуйста!

Дедэ не улыбнулся. Цокая языком, он словно раздумывал над чем-то.

— А где вы искали Боба?

— Повсюду. В отеле я его не нашел.

— Адрес своего отеля он вам дал, наверное, еще тогда, когда вы учились в коллеже?

— Этот адрес мне сообщил один из наших общих друзей.

Дедэ бросил еле приметный знак бармену.

— Ну что ж! Раз вы друг Боба, выпейте с нами. У нас сегодня как раз маленькое семейное торжество.

И он знаком пригласил его в кабинет. Стол был накрыт. В серебряном ведерке стыло во льду шампанское. Поблескивали фужеры, женщина в черном сидела, положив локти на стол, мужчина со сломанным носом и бычьими глазами медленно поднялся, приняв позу боксера, готовящегося к раунду.

— Это Альбер, наш приятель.

И Дедэ посмотрел на Альбера тем же странным взглядом, что и на хозяина. Он не повышал голоса, не улыбался, а между тем все это походило на издевательство.

— Люсиль — жена Боба.

Мегрэ увидел шрам на очень красивом, выразительном лице, и когда он наклонился, чтобы поздороваться, из глаз молодой женщины брызнули слезы. Люсиль судорожно вытерла их платком.

— Не обращайте внимания. Она недавно потеряла своего папу. Вот и разбавляет шампанское слезами... Анжелино! Фужер и прибор!

Было что-то странно-тревожное в этом ледяном дружелюбии, таившем в себе угрозу. Мегрэ обернулся, и ему стало совершенно ясно, что выйти отсюда он сможет только с разрешения человека в клетчатом костюме.

— Значит, вы приехали из Лиона, чтобы встретиться со старым товарищем, с Бобом?

— Не только для этого. У меня свои дела в Париже. Один из моих друзей сказал мне, что Боб здесь. Я давно потерял его из виду.

— Давно, вот как! Так давайте же выпьем за ваше здоровье. Друзья наших друзей — наши друзья. Пей, Люсиль!

Она подняла фужер, ее зубы мелко застучали о тонкое стекло.

— Сегодня после обеда она получила телеграмму. Умер папа! Я вижу, на вас это тоже произвело сильное впечатление... Люсиль, покажи телеграмму.

Она удивленно посмотрела на него.

— Покажи мосье...

Она порылась в сумочке.

— Я оставила ее в своей комнате.

— Вы любите макароны? Хозяин готовит их для нас по специальному рецепту. Скажите, как вас величать?

— Жюль.

— Мне нравится это имя. Красивое имя. Итак, старина Жюль, о чем же мы говорили?

— Мне бы хотелось повидаться с Бобом до моего отъезда.

— Вы спешите обратно в Бордо?

— Я сказал — в Лион.

— Ну да, в Лион! Красивый город! Уверен, что Боб будет в отчаянии от того, что упустил возможность встретиться с вами. Он так любит своих друзей по коллежу! Поставьте себя на его место. Товарищи по коллежу — это ведь все порядочные люди. Держу пари, что вы порядочный парень... Как ты думаешь, Люсиль, чем мосье занимается?

— Не знаю.

— Подумай! Я, например, готов побиться об заклад, что он разводит *цыплят*.

Было ли это сказано случайно? И почему именно цыплят,— ведь так уголовники называют полицейских? Может быть, Дедэ подавал сигнал своим друзьям?

— Я работаю в страховом агентстве,— выдавил из себя Мегрэ, которому ничего другого не оставалось, как вести свою игру до конца.

Им подали еду. Принесли новую бутылку, которую Дедэ, по-видимому, заказал знаком.

— Вот ведь как тесен мир! Приезжаешь в Париж, и вдруг всплывают туманные воспоминания о старом друге по коллежу, и случайно нападаешь на кого-то, кто дает тебе его адрес. Другие могли бы десять лет искать, особенно если учесть, что ни одна душа в квартале не знает фамилии Ансеваль, так же как и мою. Спросите у хозяина, у Анжелино, который знает меня черт знает сколько лет как облупленного. Вам все скажут — Дедэ. Просто Дедэ. Что ты нюни распустила, Люсиль! Хватит! Мосье может подумать, что ты не умеешь себя вести за столом.

Тот, другой, с носом боксера, молча ел, пил, и время от времени туповатая улыбка появлялась у него на лице, словно бы шуточки владельца гаража доходили до него с некоторым опозданием.

Когда Люсиль поглядывала на маленькие золотые часы, висевшие на цепочке у нее на поясе, Дедэ успокаивал ее:

— Ты успеешь на посзд, не бойся.

Он объяснил Мегрэ:

— Сейчас посажу ее в поезд, чтобы она поспела на похороны. Посмотрите только, как все сложилось. Сегодня ее предок загнулся, а я как раз выиграл на бегах. Денег полно. Вот и решил отпраздновать. Да, жаль, Боба нет, чтобы с нами выпить.

— Он в поездке?

— Ты как в воду глядишь, Жюль. В поездке. Но все-таки надо тебе его показать.

Люсиль снова разрыдалась.

— Пей, милочка моя! Только так и можно залить горе. Кто бы подумал, что она такая чувствительная? Два часа бьюсь, чтобы ее успокоить. Ведь отцы должны в один прекрасный день покинуть нас,— верно я говорю? Сколько времени, как ты его не видала, Люсиль?

— Замолчи!

— Еще бутылку такого же, Анжелино. А суфле? Скажи хозяину, чтобы он не испортил суфле. За твое здоровье, Жюль.

Сколько ни пил Мегрэ, его стакан все время оказывался полным — Дедэ наполнял его с угрожающим видом и чокался.

— Как зовут твоего друга, который тебе дал адрес?

— Бертран.

— Какой всезнайка! Не только все порассказал тебе про старину Боба, но даже в гараж тебя послал.

Значит, он уже знал, что кто-то рыскал вокруг гаража по улице Акаций и расспрашивал о нем. Вероятно, он побывал у себя после обеда.

— В какой гараж? — попробовал Мегрэ прикинуться, что он и знать ничего не знает.

— Мне показалось, что ты упоминал о гараже. Разве ты не меня спрашивал, когда пришел сюда?

— Я знал, что Боб и вы — друзья.

— Ну и хитрые же вы там, в Лионе! За твое здоровье, Жюль! Давай по-русски! До конца! Вот так! Тебе не нравится?

Боксер в своем углу блаженствовал. Люсиль — та напротив, забывая понемногу о своем горе, казалась встревоженной. Один-два раза Мегрэ перехватил вопрошающий взгляд, брошенный ею на Дедэ.

Что с ним собираются сделать? У владельца гаража — это было совершенно очевидно — имелся какой-то план на этот счет. Он веселился вовсю — правда, весьма своеобразно, без тени улыбки, с каким-то странным лихорадочным блеском в глазах. Иногда он словно искал одобрения во взглядах двух других, как актер, который чувствует себя в полной форме.

«Прежде всего — сохранять присутствие духа!» — говорил себе Мегрэ, которого заставляли опорожнять фужер за фужером.

Он не был вооружен. Сила его и ловкость против такой парочки, как Дедэ и боксер, ровно ничего не значили. И все более отчетливо он сознавал, как затягивается петля вокруг его шеи.

Догадывались ли они, что он имеет отношение к полиции? Вполне возможно. Может быть, Люсиль ходила на улицу Брей и ей там рассказали о настойчивом посетителе, приходившем во второй половине дня? Как знать, может, они именно его и поджидали?

Между тем становилось ясно, что эта игра имеет свой смысл. Дедэ заявил, что денег у него куры не клюют, и похоже, что так оно и было: он был странно возбужден, что так характерно для людей его сорта, когда у них набиты карманы.

Бега? Он, вероятно, частенько наведывался туда, но Мегрэ готов был поклясться, что сегодня ноги его там не было.

Что же до слез Люсиль, то, по-видимому, отнюдь не судьба отца заставляла ее проливать их с такой удивительной щедростью. Ибо плакать она начинала всякий раз, как только упоминалось имя Боба.

Было уже десять вечера, а они все еще сидели за столом, и шампанское все пенилось в их бокалах. Мегрэ изо всех сил боролся с опьянением, овладевшим им.

— Жюль, ты ничего не имеешь против, если я позвоню по телефону?

Телефонная будка находилась в левом углу зала, и Мегрэ со своего места мог ее видеть. Дедэ набрал два или три номера, прежде чем дозвонился к тому, кто был ему нужен. Видно было, как двигались его губы, но разобрать слова было невозможно. Люсиль казалась взволнованной. Что же касается боксера, закурившего огромную сигару, тот только глупо улыбался, время от времени дружелюбно подмигивая Мегрэ.

За стеклом телефонной будки Дедэ, казалось, отдавал кому-то распоряжения, медленно повторяя отдельные слова. На его лице не было больше и признака веселья.

— Ты меня извини, старина, но мне очень не хотелось, чтоб ты упустил Боба.

Люсиль, нервы которой, видимо, были натянуты до предела, снова разразилась рыданиями.

— Это вы Бобу звонили?

— Не совсем. Я просто устроил так, чтобы вам обоим встретиться. Согласен? Ведь это главное, а? Ты же хочешь его повидать, верно?

Вероятно, в этих словах крылось что-то очень остроумное, потому что боксер немедленно пришел в восторг и даже закудахтал от удовольствия.

Неужели они думали, что Мегрэ ни о чем не догадывается? Граф, по-видимому, был мертв. И когда Дедэ обещал Мегрэ устроить им встречу...

— Мне тоже надо позвонить по телефону,— сказал он самым равнодушным тоном.

Невзирая на советы Максима Ле Брэ, он решил позвонить в свой комиссариат: он не решался обратиться в полицию другого квартала. Вероятно, сегодня дежурит Бессон или Коломбани с бригадиром Дюфье, и они, должно быть, играют в карты. Надо только растянуть время, чтобы они успели доехать и остановиться рядом с серой машиной.

Здесь они не осмелятся что-нибудь предпринять против него. В ресторане были посетители, их голоса доносились сюда через перегородку, и, если даже большинство из них принадлежали к тому же миру, что и Дедэ, то ведь могли же быть и другие?

— Кому позвонить?

— Жене.

— Ах, ты привез с собой жену? Ишь ты какой! Слышишь, Люсиль? Жюль человек женатый. Тебе не на что надеяться! За твое здоровье, Жюль! Зачем тебе беспокоиться — Анжелино позвонит вместо тебя... Анжелино!.. В каком отеле остановилась твоя дама?

Официант выжидал и тоже, казалось, наслаждался игрой.

— Это не срочно.

— Ты уверен? Она не будет беспокоиться? Не может ли ей прийти на ум бог знает что и не вздумает ли она поставить на ноги полицию?.. Еще бутылку, Анжелино! Или, пожалуй, не нужно. Лучше коньяку. Уже пора. Да рюмки подай подходящие. Я уверен, что наш друг Жюль обожает коньяк.

В один какой-то момент Мегрэ решил вскочить и броситься к выходу, но тотчас же понял, что ему не дадут добраться до двери. Оба мужчины наверняка вооружены И в зале у них, безусловно, имелись если не друзья, то соучастники, а Анжелино, официант, не задумываясь подставит ему ногу.

Тогда Мегрэ вдруг неожиданно для себя ощутил ясное и трезвое спокойствие, несмотря на то что его весь вечер усиленно накачивали шампанским и коньяком. Изредка он поглядывал на часы. Не так давно он нес службу на вокзалах и знал назубок расписание всех поездов.

Дедэ ведь не ради красного словца упомянул о поезде. Они, должно быть, все трое уезжают. И билеты уже, наверное, у них в кармане. Но время шло, и Мегрэ начал сомневаться в правильности своих предположений. Гаврский поезд, которым можно было поспеть к пароходу, уже десять минут как отошел от Сен-Лазарского вокзала. Поезд на Страсбург отправлялся через каких-нибудь двадцать минут от Восточного вокзала.

Дедэ не из тех, кто будет прятаться в глуши, где его, в конце концов, неизбежно поймают. Его машина стояла наготове у тротуара улицы Тильзит.

Они уезжают без багажа Наверное, и машину бросят.

— Не пей больше, Люсиль. Я тебя знаю — кончится тем, что тебя вырвет прямо на скатерть, а ведь это не очень-то прилично... Счет, Анжелино! — И, отстраняя жестом Мегрэ, хотя тот и не собирался расплачиваться, он сказал: — Ни за что! Я же тебе сказал, что это маленькое семейное торжество...

Дедэ с гордостью открыл бумажник, набитый тысячефранковыми билетами, даже не взглянув на счет, сунул один из билетов в руку Анжелино и бросил небрежно:

— Ничего не надо!

Он казался крайне уверенным в себе.

— А теперь, детки, пошли. Сначала проводим Люсиль на вокзал, затем отправимся к Бобу. Ты доволен, Жюль? Ты еще держишься на ногах? Наш друг Альбер поможет тебе. Не возражай!.. Альбер, возьми его под руку. Я займусь Люсиль.

Было около двенадцати. В этом конце авеню Де Вагрэм горели редкие фонари, бледные круги света заливали лишь нижнюю часть улицы, около площади Терн. Офи-

циант посмотрел им вслед с каким-то непонятным выражением, и не успели они сделать и десяти шагов по тротуару, как он поспешно опустил жалюзи, хотя в зале оставалось еще двое или трое посетителей.

— Держи его покрепче, Альбер. Чтобы он себе портрет не испортил, а не то дружище Боб может его не узнать. Сюда, прошу вас!

Если бы на углу улицы стоял полицейский, Мегрэ позвал бы на помощь, настолько он был уверен в том, что его ждет расправа. Ему слишком многое сказали, слишком многое показали. Он понимал, что с той самой минуты, как он вошел в итальянский ресторан, судьба его была решена.

Но полицейского нигде не было видно. По другую сторону улицы прогуливались какие-то девицы. Повыше, на конечной остановке, стоял пустой трамвай: из окон вырывался желтоватый, мутный свет.

Стрелять его «дружки» не станут, полагал Мегрэ. Им нужно было время для того, чтобы прыгнуть в машину и успеть отъехать до сигнала о тревоге.

Нож? По всей вероятности. Это было в моде. Во всяком случае, Альбер, боксер, старался покрепче держать его за правую руку.

Жаль, что Мегрэ не сумел проткнуть одну из покрышек. Если бы он выждал, пока полицейский отвернется, положение было бы теперь совсем иное.

Через несколько минут пробьет полночь. Оставалось еще два поезда — один в Брюссель, с Северного вокзала, и Вентимильский, с Лионского. Но Вентимиль был слишком далеко.

Госпожа Мегрэ ждала его, сидя за рукоделием, Жюстен Минар играл на флейте в ресторане «Клиши», где на куске картона писали название исполняемой песенки. Удалось ли флейтисту отделаться от Жермен? Мегрэ готов был держать пари, что она сидит в ресторане, а бедняга Минар спрашивает себя, как ему быть дальше.

На улице Тильзит не видно было ни одного прохожего, ни одного фиакра. Только серый автомобиль стоял у тротуара, а Дедэ, усевшись за руль, пытался завести мотор, предварительно усадив в автомобиль Люсиль.

Может быть, они задумали отвезти его куда-нибудь подальше, в безлюдное место на берегу Сены или на

Когда Мегрэ наклонился, чтобы сесть в автомобиль, страшный удар обрушился на его голову.

канал Сен-Мартен, там прикончить и сбросить тело в воду?

Мегрэ не имел ни малейшего желания умирать, и все же он смирился с этой мыслью. Конечно, он будет защищаться, но шансов на успех у него было очень мало. В левой руке, засунутой в карман, он сжимал связку ключей.

Если бы только мотор не завелся! Но после нескольких неудачных попыток он наконец затарахтел, заработал, машина вздрогнула.

На сиденье лежало кожаное пальто, но Дедэ и не думал надевать его. Неужели это он будет наносить смертельный удар? А может, боксер, что стоял позади Мегрэ и не выпускал его правой руки?

Развязка близилась, и как знать, не молился ли Мегрэ в эту страшную минуту: «Господи, сделай так, чтобы...»

Вдруг послышались голоса. Двое подвыпивших мужчин во фраках, в черных пальто, держа в руках палки с набалдашниками, мурлыча себе под нос модную песенку, спускались вниз по авеню Де Ваграм.

— Садись, Жюль, садись, дорогой! — сказал Дедэ, явно торопясь.

Мегрэ еще успел обратить на это внимание.

В тот момент, когда он наклонился, чтобы сесть в автомобиль, страшный удар обрушился на его голову. Он инстинктивно пригнулся, что уменьшило силу удара. И, прежде чем потерять сознание, он услышал приближающиеся шаги, голоса, шум мотора...

Когда он открыл глаза, он прежде всего увидел какие-то ноги, лакированные туфли, потом — лица, которые в полутьме казались мертвенно-бледными. Ему почудилось, что людей очень много, целая толпа, а потом, когда он немного пришел в себя, то удивился, что вокруг него всего пять человек.

Оба гуляки тоже были здесь, и один из них, у которого хмель еще, видимо, не выветрился, наклонившись над Мегрэ, упорно твердил одно и то же:

— Ну, дружище, уже лучше? Скажи, дружище, лучше?

Как попала сюда цветочная корзина и почему так пахло фиалками? Он попытался приподняться на локте.

Гуляка помог ему. Тогда он увидел старую торговку цветами, громко выражавшую свое возмущение:

— Опять эти апаши! Если так будет продолжаться...

Рассыльный из гостиницы, мальчуган в красной ливрее, рванулся вперед, крикнув:

— Побегу за лягавыми!

— Уже лучше, дружище?

Мегрэ спросил едва слышно:

— Который час?

— Пять минут первого.

— Мне надо позвонить.

— Непременно, дружище! Сейчас же. Вам принесут телефон сюда. Мы уже послали за ним.

Шляпы на голове у Мегрэ не было. На макушке волосы слиплись в комок. Эта жаба Альбер, по-видимому, стукнул его кулаком американским приемом. Если бы не эти ночные гуляки, они бы его прикончили, а если бы Мегрэ не пригнулся...

И он все твердил:

— Мне нужно позвонить.

Он умудрился встать на четвереньки, не замечая, что капли крови падают с головы на мостовую. Один из гуляк воскликнул:

— Он пьян, старик! Вот умора! Он все еще пьян!

— Уверяю вас, мне нужно...

— ...позвонить... Да, да, дорогой... Вы слышите, Арман. Пойдите же за телефоном...

Какая-то девица с возмущением сказала:

— Вы что, не видите, что он рехнулся? Лучше бы за врачом послали.

— Кто знает врача в этом квартале?

— Есть один, на улице Этуаль.

Но уже показался бегущий вприпрыжку рассыльный из отеля, а перед ним — двое полицейских на мотоциклах. Все расступились. Полицейские нагнулись над Мегрэ.

— Мне надо позвонить...— все повторял он.

Удивительное дело. В течение всего вечера он не чувствовал опьянения, а вот теперь язык заплетался и мысли путались. И только одна оставалась ясной, настойчивой.

Он пролепетал, сконфуженный тем, что лежит в унизительной позе на земле и не может подняться:

— Я из полиции... Поглядите в моем бумажнике... Квартал Сен-Жорж... Надо тотчас же позвонить на Северный вокзал... Брюссельский поезд... Через несколько минут... У них машина...

Один из полицейских подошел поближе к газовому фонарю и обследовал содержимое бумажника Мегрэ.

— Все верно, Жермен.

— Послушайте... Надо действовать быстро... У них есть билеты... Женщина в черном, со шрамом на щеке... Один из мужчин носит костюм в клетку... у другого нос перебит...

— Жермен, ты пойдешь?

Полицейский участок находился поблизости, на улице Этуаль. Один из полицейских сел на мотоцикл. Мальчишка-рассыльный, который не все расслышал, допытывался:

— Дяденьки, он шпик? Правда?

Мегрэ снова впал в забытье, а один из гуляк, с трудом выговаривая слова, бормотал:

— Я же вам говорю, что он в стельку пьян!

Глава VII

СМЕХ ГОСПОЖИ МЕГРЭ

Он все пытался оттолкнуть их рукой, но рука была словно чужая. Надо умолить их оставить его в покое... А разве он не умолял? Он уже ничего не помнил. Голова гудела.

Одно ему было ясно: он должен дойти в этом деле до конца. До какого конца? Господи боже! Как люди не понимают! *До конца!*

Но с ним обращались, как с ребенком, как с больным. Он переживал муки унижения — о нем при нем же говорили вслух без стеснения, будто он ничего не в состоянии понять. Почему? Потому что он лежал, как раздавленное насекомое, на земле? Вокруг него бесконечное множество ног,— ну и что же? Прекрасно! Потом карета «скорой помощи». И он тотчас же понял, что это карета, и стал сопротивляться. Подумаешь, уж будто нельзя обойтись без больницы, если тебя стукнули по голове!

Он узнал и мрачные ворота Божона, под сводами которых горела яркая электрическая лампа — свет ее резал глаза. Взад и вперед неторопливо ходили люди. В глазах молодого человека в белом халате Мегрэ прочитал, как ему показалось, глубочайшее презрение ко всему на свете.

Как он сразу не догадался, что это практикант? Медицинская сестра срезала ему волосы на макушке, а практикант в это время нес какую-то околесицу. Сестра была очень мила в своем форменном платье. По тому, как они смотрели друг на друга, нетрудно было догадаться, что, до того как сюда доставили Мегрэ, молодой практикант весьма пылко объяснялся ей в любви.

Мегрэ хотел сдержаться, но от запаха эфира его стошнило.

«Ну и наплевать»,— подумал он.

Что ему дают пить? Он отказался. Разве полицейский не сказал им, что он, Мегрэ, тоже полицейский агент, которому поручено важное расследование, секретное расследование?

Никто ему не верил. Во всем виноват комиссар полиции. Ведь это он не хотел, чтобы расследование носило официальный характер! И почему госпожа Мегрэ, подойдя к нему, сдернула с него одеяло и разразилась хохотом?

Это — нервное, прежде с ней такого не бывало. Потом, закрыв глаза, он прислушивался, как она ходила тихонько по комнате, стараясь не шуметь. Разве он мог поступить иначе? Пусть они позволят ему поразмыслить. Пусть дадут ему карандаш и бумагу. Хоть клочок бумаги, неважно какой...

Представьте себе, вот улица Шапталь... Она очень коротенькая... Хорошо... Времени чуть больше часа ночи, на улице ни души...

Простите, кто-то здесь есть. Это Дедэ за рулем своего автомобиля. Заметьте: Дедэ не выключил мотор. Для этого могут быть две причины. Первая: он остановился лишь на несколько минут. Вторая: он намеревался тотчас же уехать. Ведь машину, особенно когда прохладно— а ночью в апреле достаточно прохладно,—трудно завести.

Пусть его не перебивают! Дальше. Вот этот квадратик — дом Бальтазаров. Он говорит: Бальтазаров, а не

Жандро — так будет правильнее... По существу, это семья Бальтазаров, деньги Бальтазаров, драма Бальтазаров.

Если автомобиль Дедэ стоит у дома, значит, есть причина. Причина в том, что Дедэ привез сюда графа и должен увезти его.

Это очень важно. Не перебивайте... Совершенно незачем класть ему какую-то штуковину на голову и кипятить воду в кухне. Он прекрасно слышит, как кипятят воду на кухне. Все время кипятят воду, и, в общем, это ему надоедает и мешает думать.

А раньше, когда граф посещал Лиз, Дедэ его сопровождал? Вот что важно было бы узнать. Если нет, тогда этот ночной визит — особый визит.

Почему госпожа Мегрэ опять хохочет? Что в этом смешного?..

А Жюстен Минар попал в сети Жермен. Она, наверное, его еще держит в своих лапах, и он не скоро выпутается. Что скажет Кармен? Он ее никогда не видел. Существует масса людей, которых он никогда не видел.

Это несправедливо. Когда человек ведет тайное следствие, он должен иметь право видеть всех людей, видеть их душу.

Пусть ему вернут карандаш... Этот квадратик — комната. Комната Лиз, разумеется. Неважно, какая в ней мебель. Ни к чему рисовать мебель. Это все усложнит. А вот ночной столик нарисовать надо, потому что в ящике или сверху лежит револьвер.

Теперь дальше. Была Лиз в постели или еще не ложилась? Ждала она графа или не ждала? Если она уже легла, то ей пришлось извлечь револьвер из ящика.

Не сжимайте так голову, черт возьми! Невозможно думать, когда на голову наваливают гири!

Неужели уже наступил день? Не может быть! А это кто? В комнате появился какой-то маленький лысый человечек, которого он знает, но имени вспомнить не может. Мадам Мегрэ говорит шепотом. Ему засовывают какой-то холодный предмет в рот.

Смилуйтесь!.. Ему же надо сейчас выступать перед судом, а он, пожалуй, и слова вымолвить не сумеет. Лиз Жандро будет хохотать. По ее мнению, если ты не член клуба Гоха, грош тебе цена!

Надо сосредоточиться на этом квадрате. Вот кружок — это Лиз. В их семье только женщины наследуют характер старого Бальтазара, отшельника с авеню Дю Буа. Старик сам так утверждал... Кто-кто, а уж он-то в этом разбирался...

Тогда почему же она бросается к окну, отбрасывает занавес и зовет на помощь?

Минутку, минутку, господин комиссар... Не забывайте о Минаре, флейтисте, ибо как раз Минар нарушил все планы...

Никто еще не успел выйти из дома, когда Минар позвонил в дверь, и пока он вел переговоры с Луи, мужской голос произнес на лестнице: «Живее, Луи!»

И автомобиль Дедэ уехал. Внимание! Он уехал недалеко, только обогнул квартал. Значит, Дедэ ждал кого-то.

Но вот он вернулся. Удовлетворен ли он тем, что увидел, объезжая квартал? Он остановился? Сел ли в автомобиль человек, которого он дожидался?

Черт возьми, пусть его оставят в покое! Он не желает больше пить! С него хватит! Он работает. Вы слышите? *Я работаю! Я восстанавливаю все в памяти!*

Ему жарко. Он отбивается. Он никому не позволит над ним издеваться, даже собственной жене. Просто до слез обидно. Ему действительно хочется плакать. Совершенно незачем так его унижать. И вовсе не следует презирать его и смеяться над каждым его словом только потому, что он сидит на тротуаре.

Ему больше не разрешат вести следствие. Ведь и это дело ему поручили без особой охоты. Его ли вина, что если хочешь узнать человека поближе, приходится иногда с ним выпить?

— Жюль!

Он отрицательно качает головой.

— Жюль! Проснись...

Чтобы их наказать, он не откроет глаз. Он стискивает зубы. Он хочет, чтобы у него был свирепый вид.

— Жюль, это...

А другой голос говорит:

— Ну же, мой милый Мегрэ!

Он сразу забывает свою клятву. Освобождаясь от тупого напряжения, он словно ударяется теменем о потолок

и, поднеся руку к голове, обнаруживает, что она вся забинтована.

— Простите, господин комиссар...

— Приношу свои извинения, что разбудил вас.

— Я не спал.

Жена тоже здесь, она улыбается и делает ему из-за спины господина Ле Брэ какие-то знаки, смысл которых он не понимает.

— Который час?

— Половина одиннадцатого. Сегодня утром я узнал о случившемся.

— Они написали рапорт?

Рапорт на него! Это его оскорбляет. Рапорты он сам умеет писать и прекрасно знает, как это делается:

Этой ночью, в четверть двенадцатого, совершая обход по авеню Де Ваграм, наше внимание привлек...

А дальше, наверное, идут такие слова:

...некий субъект, валявшийся на тротуаре и заявивший, что он зовется Мегрэ Жюль-Амедэ-Франсуа...

Комиссар был, как всегда, свежевыбрит, одет во все светло-серое, с цветком в петлице. До Мегрэ донесся запах портвейна — он знал, что комиссар выпивает по утрам рюмку-другую этого вина.

— Полиция на Северном вокзале успела задержать их.

Вот так штука! О них он совсем было забыл! Ему сейчас очень хочется повторить любимые слова флейтиста: «Какое это имеет значение».

Правильно. Никто из них не интересует сейчас Мегрэ: ни Дедэ, ни Люсиль, ни даже боксер, который чуть не убил его «тупым предметом», как, должно быть, говорится в рапорте.

Ему неловко, что он лежит в постели перед своим начальником, и он высовывает ноги из-под одеяла.

— Лежите спокойно.

— Уверяю вас, я прекрасно себя чувствую.

— Врачи тоже так думают. Тем не менее вам необходимы еще несколько дней покоя.

— Ни за что!

У него хотят отнять начатое им дело! Ему все ясно. Нет, он не допустит!

— Успокойтесь, Мегрэ!

— Я спокоен, совершенно спокоен. И я знаю, что говорю. Ничто не помешает мне подняться.

— Спешить некуда. Я понимаю ваше нетерпенье, но поверьте: что касается вашего следствия, будет сделано все, что вы найдете нужным.

Он сказал *вашего* — он ведь человек светский. Ле Брэ машинально закурил сигарету и посмотрел сконфуженно на госпожу Мегрэ.

— Не стесняйтесь, пожалуйста. Мой муж курит трубку с утра и до вечера, даже в постели.

— Дай-ка мне, кстати, трубку!

— Ты думаешь?

— Разве доктор сказал, что мне нельзя курить?

— Нет, не говорил.

— Тогда в чем же дело?

Она положила на туалетный столик все, что нашла в его карманах, и принялась набивать трубку. Потом протянула ее вместе со спичками.

— Я оставляю вас,— сказала она, исчезая в дверях кухни.

Мегрэ хотелось бы припомнить, о чем он думал ночью. У него сохранились лишь туманные воспоминания, а между тем он чувствует, что значительно приблизился к истине. Максим Ле Брэ уселся на стул. Он чем-то озабочен. И когда его секретарь между двумя затяжками медленно произносит:

— Граф д'Ансеваль умер.

Он, нахмурившись, спрашивает:

— Вы уверены?

— Доказательств у меня нет, но я готов поклясться.

— Умер... как?

— В него стреляли.

— На улице Шапталь?

Мегрэ утвердительно кивает головой.

— Вы полагаете, это Ришар Жандро?..

Вопрос задан слишком в лоб. Мегрэ еще не может ответить со всей определенностью. Он вспоминает о клочке бумаги, на котором он ставил крестики.

— На ночном столике или в ящике был револьвер. Лиз Жандро через окно звала на помощь. Потом ее кто-то оттащил назад. Наконец, раздался выстрел.

— А какое отношение ко всей истории имеет этот Дедэ?

— Он ждал на улице, за рулем «дион-бутона».

— Он признался в этом?

— Нет никакой надобности в том, чтобы он признавался.

— А женщина?

— Любовница графа, которого называют просто Бобом. Впрочем, вы это знаете не хуже меня.

Мегрэ очень хотелось бы освободиться от нелепого тюрбана, который сдавливает ему голову.

— Что с ними сделали? — спрашивает он, в свою очередь.

— Пока что они под следствием.

— Что значит — «пока что»?

— Сейчас их обвиняют только в вооруженном нападении на улице. Вероятно, им можно будет инкриминировать и кражу.

— Почему?

— У вышеупомянутого Дедэ обнаружено в карманах сорок девять банкнотов по тысяче франков каждый.

— Он их не украл.

Комиссар, по-видимому, понял, что́ Мегрэ имел в виду, потому что еще больше помрачнел.

— Вы хотите сказать, что ему их дали?

— Вот именно.

— Чтобы он молчал?

— Да. Дедэ был неуловим весь вчерашний день до самого вечера. Когда он снова всплыл на поверхность, если можно так выразиться, он весь сиял, ему не терпелось истратить часть этих денег, распиравших его карманы. Пока Люсиль оплакивала гибель Боба, Дедэ праздновал свое внезапное обогащение. Я был с ними.

Бедный Ле Брэ! Он никак не может освоиться с переменой, происшедшей с Мегрэ. Он оказался примерно в таком же положении, в каком оказываются родители, которые привыкли считать своего ребенка все еще маленьким и вдруг обнаруживают, что перед ними уже взрослый человек, который умеет рассуждать не хуже их.

А может быть... Глядя на комиссара, Мегрэ начинает чувствовать, что в его забинтованной голове зарождается

смутное подозрение, постепенно сменяющееся уверенностью: ему поручили это расследование, полагая, что он не докопается до сути.

Вот как обстояло дело. Господин Ле Брэ-Курсель, светский человек, не желал, чтобы беспокоили другого светского человека, его товарища по клубу, и закадычную подругу его жены, наследницу всех кафе «Бальтазар».

— Проклятый флейтист! Надо же было ему сунуть свой нос в чужие дела.

Удивительно, как все, что имеет отношение к особняку на улице Шапталь, становится предметом живейшего интереса со стороны прессы, широкой публики, судебных заседателей — всех этих мелких лавочников и служащих банков!..

К сожалению, комиссар Ле Брэ не может просто взять да и уничтожить имеющийся рапорт, ему неловко перед своим секретарем.

«Вы понимаете, мой милый Мегрэ...»

Надо соблюдать сдержанность, чрезвычайную осторожность. Никакого скандала. Самое лучшее, если Мегрэ вообще ничего не заподозрит. Тогда через несколько дней, когда он появится в комиссариате, его можно будет встретить со снисходительной улыбкой.

«Пустяки, что там говорить. Не стоит отчаиваться... Вы сделали все, что могли. Не ваша вина, что этот флейтист оказался пустым фантазером и принял воображаемое за действительность. Принимайтесь за работу, старина! Обещаю вам, что первое же серьезное дело будет поручено вам».

А теперь комиссар, конечно, волнуется. Как знать, не сожалеет ли он о том, что Мегрэ, пригнувшись, ослабил силу обрушившегося на него удара? И сколько дней и недель он вынужден будет теперь бездействовать?

Как только этот тихоня сумел все пронюхать?

Ле Брэ покашливает и говорит негромко, нарочито безразличным тоном:

— Итак, вы обвиняете Ришара Жандро в убийстве.

— Необязательно его. Быть может, стреляла его сестра. А возможно, Луи. Не забывайте, что флейтисту пришлось звонить, а потом долго стучать в дверь и что дворецкий, наконец-то отворивший ему, был в полном параде.

Вот он, луч надежды. Как все было бы великолепно, если бы выяснилось, что сгрелял дворецкий!

— Не кажется ли вам последнее предположение наиболее вероятным?

И он покраснел, ибо взгляд Мегрэ, направленный на него, был очень красноречив. Тогда он скороговоркой продолжил:

— Что касается меня, то я охотно представил бы себе такую ситуацию...

Слово «охотно» он произнес с излишней горячностью, Мегрэ тут же обратил на это внимание.

— Видите ли, я не знаю, зачем туда приехал граф...

— Он бывал там и раньше, как вам известно.

— Да, вы мне уже однажды говорили об этом. Я был очень удивлен. Граф вращался среди подонков. Его отец, потеряв состояние, сохранил достоинство. Он жил в маленькой квартире в Латинском квартале и всячески избегал людей, с которыми встречался в молодости.

— Он работал?

— По-видимому, нет.

— На какие же средства он жил?

— Продавал кое-какие сохранившиеся вещи: картины, какую-нибудь старинную табакерку, семейные реликвии. Возможно, некоторые из его друзей, из числа тех, что приезжали когда-то в замок на охоту, посылали ему время от времени немного денег. Что касается Боба, он махнул рукой на все, чем так дорожил отец. Он демонстративно стал появляться в самых низкопробных притонах. Какое-то время служил рассыльным в ресторане «Вуазен» только для того, чтобы ставить в неловкое положение друзей своей семьи, у которых принимал чаевые. В конечном счете он докатился до Люсиль и Дедэ... К чему же я все это говорю?

Мегрэ не пожелал протянуть ему спасательный круг.

— Ах да, вспомнил. По-видимому, в ту ночь он явился к Жандро с неблаговидной целью.

— Почему вы так думаете?

— Тот факт, что его сопровождал Дедэ, который остался на улице и даже не выключил мотор своего автомобиля, достаточно показателен.

— Между тем в доме его ждали.

— Откуда вам это известно?

— А как вы считаете, пустили бы его в противном случае в комнату к молодой девушке? И почему Луи в такой поздний час был при полном параде?

— Допустим, его ждали, но ведь это еще не доказывает, что он был желанным гостем. Может быть, он действительно предупредил о своем приходе.

— Не забывайте, что все произошло рядом со спальней.

— Пусть так! Я даже готов допустить, что Лиз поощряла его ухаживания. Не нам с вами ее судить.

Вот как...

— Возможно, между ними что-то и было. Так или иначе, он оставался носителем имени д'Ансеваль и его прадеды были хозяевами замка, купленного старым Бальтазаром, одним из их крестьян.

— На внучку коробейника это, конечно, могло произвести впечатление.

— А почему бы и нет? Но ведь могло быть и другое: узнав об образе жизни, который он ведет, у нее могло появиться желание спасти его. Не правда ли, вполне правдоподобная версия?

Почему Мегрэ вдруг пришел в ярость? У него было такое впечатление, будто ему хотят представить все собранные им сведения в кривом зеркале. Ему не нравился и вкрадчивый тон комиссара, который словно заучивал с ним урок.

— Есть еще одно предположение,— тихо произнес он.

— Какое?

— Что мадемуазель Жандро-Бальтазар хотела к своему состоянию прибавить еще и титул. Очень приятно быть владелицей замка д'Ансеваль. Но, может быть, она чувствовала себя там самозванкой? Я тоже провел детство в замке, где мой отец был лишь управляющим. Помню, как унижались богатые выскочки, чтобы добиться приглашения на охоту.

— Вы полагаете, что она хотела выйти замуж...

— За Боба д'Ансеваля. А почему бы и нет?

— Не буду обсуждать этот вопрос, но такое предположение кажется мне более чем смелым.

— Таково мнение ее горничной.

— Вы допрашивали горничную, несмотря на...

У него чуть было не вырвалось: «...мои советы».

А это должно было означать: «Несмотря на мои распоряжения!»

Но он промолчал, и Мегрэ продолжал:

— Я даже, так сказать, похитил ее. Она в двух шагах отсюда.

— Она вам что-нибудь рассказывала?

— Ничего определенного она не знает, кроме одного,— что мадемуазель Жандро вбила себе в голову мысль стать графиней.

Ле Брэ нетерпеливо махнул рукой. По-видимому, ему было очень неприятно, что кому-то из его круга приходилось отказывать в уважении.

— Допустим. Но это ведь ничего не меняет в ходе событий. Согласитесь, что Боб мог вести себя, как хам.

— Мы не знаем, что происходило в комнате. Нам известно только одно: кто-то стрелял...

— Однако мы приходим к одному и тому же выводу. Человек ведет себя, ну, скажем... вызывающе. Брат девушки находится в доме... так же как и старый слуга Луи. Девушка зовет на помощь. Один из мужчин слышит крик, стремительно взбегает наверх и в порыве справедливого гнева хватает револьвер, который, как вы сами говорите, лежит на ночном столике.

Казалось, Мегрэ готов согласиться с предположениями своего комиссара. Но, сделав еще одну затяжку из своей трубки, лучшей из всех, какие ему когда-либо приходилось курить, он неторопливо возразил:

— Как бы вы поступили на месте этого человека? Представьте себе, что вы еще держите в руках дымящийся револьвер, как любят писать в газетах. На полу лежит убитый или тяжелораненый человек.

— Если принять гипотезу, что на полу лежит раненый, я бы вызвал врача.

— Этого никто не сделал.

— И отсюда вы выводите заключение, что человек был мертв?

Мегрэ продолжал спокойно развивать свою мысль, словно шел по ее следам.

— И вот раздается стук во входную дверь. Это стучит прохожий, услыхавший крики о помощи.

— Допустите на минуту, мой милый Мегрэ, что не очень-то приятно посвящать в свои дела первого встречного.

— На лестничной клетке слышен крик: «Живее, Луи!» Что это означает, по-вашему?

Мегрэ едва отдавал себе отчет в том, что разговором завладел он, что они — он и его начальник — поменялись ролями и что положение последнего становится все более затруднительным.

— Человек мог быть еще в агонии. А может быть, у Лиз был нервный припадок? Не знаю. Полагаю, что в подобных случаях человек теряет самообладание. Но Луи вышвырнул непрошеного гостя на улицу, заехав ему кулаком по физиономии,— продолжал Мегрэ.

— Он поступил не очень-то благородно.

— По-видимому, они не растерялись и сразу сообразили, что тип, которого дворецкий отдубасил, побежит в полицию. Последняя не замедлит явиться к ним за объяснениями.

— Что вы и сделали.

— В их распоряжении имелось некоторое время. Они могли бы сами позвонить в полицию: «Произошло то-то и то-то. Это не преступление, а несчастный случай. Мы вынуждены были защищаться от громилы, угрожавшего нам». Полагаю, что вы действовали бы именно так, господин комиссар.

Как изменилась ситуация от того, что он был здесь, в своей комнате, в своей постели, а не в комиссариате! За обитой дверью кабинета комиссара он не осмелился бы сказать и сотой доли того, что высказал здесь. У него разламывалась голова от боли, но какое это имело значение! Госпожа Мегрэ там, в кухне, должно быть, пришла в ужас, слушая, с какой уверенностью он говорит. Он даже наступал.

— Тем не менее, господин комиссар, именно этого они не сделали. А сделали они вот что. Перенесли куда-то труп или раненого. По-видимому, в одну из комнат, что над конюшнями,— единственное помещение, которое они мне не показали.

— Это только ваше предположение.

— Основанное на том факте, что, когда я пришел, тела в доме уже не было.

— А что, если Боб ушел сам?

— Тогда у его друга Дедэ не было бы вчера пятидесяти тысяч франков в кармане, и, самое главное, он бы не пытался уехать в Бельгию в обществе Люсиль.

— Возможно, вы и правы.

— Следовательно, милейшие обитатели особняка на улице Шапталь имели в своем распоряжении приблизительно полчаса. Этого им хватило, чтобы все привести в порядок, расставить вещи по местам, устранить все следы преступления. И их осенила почти гениальная мысль: лучший способ свести на нет показания флейтиста — заставить поверить, что его рассказ лишь галлюцинации пьянчуги, и доказать, что в комнате, на которую он указывал, никого нет. Это давало еще одно преимущество. Возможно, у Лиз Жандро, при всем при том, как говорят, разыгрались нервы. Показать ее лежащей в постели и якобы спящей? Представить ее мне и утверждать, что она ничего не слышала? И то и другое было одинаково рискованным. Ее затолкнули в комнату служанки, которая, к счастью, в ту ночь была в отъезде. Разве какой-то там жалкий полицейский разберется в таких тонкостях? Достаточно будет сказать, что она отсутствует, что она в своем замке в Ньевре. Ничего не слыхали! Ничего не видали! Выстрел? Где? Когда? Люди, которые ночью шатаются по улицам, частенько не очень-то отдают себе отчет в происходящем. А утром кто посмеет в чем-нибудь обвинить Жандро-Бальтазаров?

— Как вы суровы, Мегрэ!..— Ле Брэ, вздохнув, поднялся.— Но, возможно, вы и правы. Я тотчас отправлюсь переговорить с шефом Сыскной.

— Вы думаете, это необходимо?

— Если действительно имело место убийство, в чем вы меня в конце концов убедили...

— Господин комиссар! — обратился к нему Мегрэ, и голос его звучал почти умоляюще.

— Слушаю вас.

— Не обождете ли вы немного, ну хотя бы одни сутки?

— Только сейчас вы укоряли меня в том, что я не начал действовать раньше.

Уверяю вас, я могу подняться. Посмотрите.

И, невзирая на протестующие жесты Ле Брэ, он сбро-

сил с себя одеяло и встал на ноги, смущенный тем, что стоит перед своим начальником в одной сорочке.

— Это мое первое дело...

— И я приношу вам свои поздравления по поводу усердия, которое вы...

— Если вы сейчас поставите в известность Сыскную, то это дело перейдет в группу шефа и они сами доведут его до конца.

— Вероятно. Прежде всего, если Боб был убит, надо разыскать его тело.

— Поскольку речь идет о мертвом, то он может обождать. Не правда ли?

Они снова поменялись ролями, и теперь уже смеялся комиссар, отвернувшись в сторону.

Мегрэ, еще минуту назад такой властный, сейчас, в ночной сорочке с красной вышивкой по воротнику, был похож на большого ребенка, которого хотят лишить обещанного удовольствия.

— Мне совершенно ни к чему эта штуковина.

Он попытался сорвать бинты с головы.

— Я могу выйти и закончить расследование сам. Дайте мне только разрешение допросить Дедэ и Люсиль, особенно Люсиль. Что они говорят?

— Сегодня утром, когда дежурный комиссар допрашивал Дедэ, тот спросил: «Жюль умер?» Я полагаю, речь шла о вас.

— Если завтра в это время я ничего не добьюсь, можете передавать дело в Сыскную.

Госпожа Мегрэ приоткрыла дверь, напуганная их громкими голосами, и застыла на месте, увидев мужа на ногах.

В этот момент позвонили в дверь. Она пошла открывать, Мегрэ и комиссар слышали, как она с кем-то шепталась на лестнице.

Когда она вернулась одна, Мегрэ спросил:

— Кто это?

Она бросила на него красноречивый взгляд, которого он не понял, и, так как он продолжал настаивать, ей пришлось признаться:

— Музыкант.

— Ну, я пошел,— сказал Ле Брэ.— К сожалению, я не могу найти подходящий повод для отказа.

— Простите, господин комиссар. Я хотел бы еще... Принимая во внимание тот оборот, который приняли события, принимая во внимание также и то обстоятельство, что делом будет заниматься Сыскная, не позволите ли вы мне, если возникнет необходимость, обратиться к мадемуазель Жандро?

— Полагаю, что вы сделаете это умело? Будьте, однако, очень осторожны.

Мегрэ сиял. Он услышал, как захлопнулась дверь, и начал одеваться. Но тут в сопровождении госпожи Мегрэ в комнату вошел Жюстен Минар. У музыканта был жалкий, взволнованный вид.

— Вы ранены?

— Пустяки.

— У меня дурные вести.

— Говорите же.

— Она удрала.

Мегрэ чуть не прыснул со смеху — до того растерянное лицо было у флейтиста.

— Когда?

— Вчера вечером или, вернее, нынче ночью.

Свой рассказ о побеге Жермен он закончил словами:

— Что мы делаем дальше?

Глава VIII

ОДИН МОЛЧИТ, ДРУГОЙ ГОВОРИТ СЛИШКОМ МНОГО

— Надень, пожалуйста, теплое пальто, прошу тебя, сделай это для меня,— настаивала госпожа Мегрэ.

В то время у него было два пальто: теплое черное, с бархатным воротником,— он носил его уже три года,— и легкий прорезиненный короткий плащ, который он купил себе совсем недавно и о котором мечтал с самой юности.

Мегрэ подозревал, что, когда они вдвоем выходили из дому, жена успела шепнуть Минару на ухо: «Главное, не оставляйте его одного!»

Может быть, она в душе и подсмеивалась немного над флейтистом, но была к нему искренне расположена, находя его воспитанным, кротким и безобидным.

Серые тучи медленно заволакивали небо. Судя по всему, пойдет проливной теплый дождь — первый за последние десять дней, и тяжелое пальто Мегрэ так намокнет, что от него будет разить мокрой псиной.

Свой котелок он держал в руке — надеть его на голову нельзя до тех пор, пока с нее не снимут повязку. Минар проводил его на бульвар Вольтера к доктору, от которого Мегрэ добился только одного: тот наложил более легкую повязку.

— Вам действительно необходимо идти в город? — Доктор протянул ему коробочку с желтыми пилюлями.— На тот случай, если вы почувствуете головокружение.

— Сколько я могу их принять?

— Четыре или пять за сегодняшний день. Не больше. Я предпочел бы видеть вас в постели.

Мегрэ не знал, что делать с музыкантом. Он не хотел обижать его, отсылать домой, хотя теперь он больше не нуждался в его услугах. Намекнув, что ему поручается весьма серьезное дело, он послал Минара на улицу Шапталь.

— Напротив дома, который вам известен, расположен небольшой ресторан «Старый кальвадос». Я бы хотел, чтобы вы оттуда понаблюдали за тем, что происходит у Жандро.

— А если вы себя плохо почувствуете?

— Я буду не один.

Минар расстался с ним лишь у дверей тюрьмы, на набережной Орлож. В тот момент Мегрэ был еще полон веры в себя и поэтому даже с наслаждением вдыхал запах мрачной подворотни. Все здесь было омерзительно, грязно. Сюда каждую ночь полицейские свозили всех подозрительных, какие попадались им на улицах города, весь богатый урожай нищеты, подобранной во время облав.

Он вошел в дежурку Сыскной, в которой пахло казармой, и спросил, может ли его принять комиссар. Ему казалось, что на него как-то странно смотрят. Но он не придал этому значения. По-видимому, решил он, секретаря из квартального комиссариата здесь считают личностью весьма заурядной.

— Присаживайтесь.

Здесь было трое полицейских: один писал, а двое

других сидели без дела. Кабинет комиссара был рядом, но никто и не подумал пойти доложить ему, что его спрашивают, никто не обращал на Мегрэ никакого внимания: с ним обращались так, словно бы он не имел ни малейшего отношения к полиции. Все это так сковывало его, что он даже не решался закурить.

Спустя четверть часа он осмелился спросить:

— Комиссара нет?

— Занят.

— Где люди, которых подобрали сегодня ночью?

Проходя по коридору, он никого не увидел в большом зале, куда обычно заталкивали «дичь».

— Наверху.

Он не стал просить разрешения подняться туда. Наверху был отдел антропометрии. Всех задержанных выстраивали в ряд, как в школе. Раздевшись, они становились друг другу в затылок. Их осматривали, записывая

особые приметы, после чего, разрешив им одеться, их фотографировали, измеряли, снимали отпечатки пальцев.

Неужто Дедэ, стоя в хвосте вместе с бродягами и карманниками, продолжал хорохориться?

Позднее, когда Мегрэ стал работать в группе шефа, он получил право ходить по всему зданию.

— Вы уверены, что комиссар все еще занят?

Прошло уже более получаса с тех пор, как он пришел сюда. Ему показалось, что все трое обменялись насмешливыми взглядами.

— Надо дождаться, пока он позвонит.

— Но он ведь не знает, что я его жду. А у меня важное поручение. Надо предупредить его.

— Вы, кажется, из квартала Сен-Жорж?

И один из полицейских, тот, который писал, посмотрел на документ, лежавший на его столе:

— Жюль Мегрэ?

— Да.

— Придется обождать, старина. Ничем не могу вам помочь.

Из кабинета комиссара не доносилось ни звука. Прошло уже более часа, когда наконец появился комиссар, но вовсе не из кабинета, а с улицы.

— Вы секретарь Ле Брэ?

Наконец-то им займутся. Довольно ему сидеть на скамейке, как просителю!

— Вы были, кажется, ранены?

— Пустяки. Я хотел бы...

— Знаю. Вы хотите допросить некоего Дедэ. Мне кажется, он уже спустился... Жерар, проверьте. Если он там, приведите его ко мне в кабинет.— И к Мегрэ: — Входите, пожалуйста. Я предоставлю в ваше распоряжение мой кабинет.

— Мне нужно также допросить женщину.

— Хорошо. Скажете бригадиру.

Разве в этом было что-то необычное? Мегрэ представлял себе все несколько иначе, но пока он еще был совершенно спокоен.

Просто он не знал еще здешних порядков, и потому все это производило на него такое впечатление.

Полицейский ввел Дедэ и вышел; комиссар последовал за ним, прикрыв за собой дверь.

— Ну, Жюль?

Владелец гаража с улицы Акаций был в том же клетчатом костюме.

С него только сняли, согласно существующим правилам, галстук и отобрали шнурки от ботинок, что придавало ему неряшливый вид. Мегрэ нерешительно уселся за стол комиссара.

— Я рад, что вас не слишком изувечили,— сказал Дедэ.— Можете проверить у этих приятелей: первое, о чем я спросил, когда меня сюда доставили, что с вами.

— Так вы знали, кто я?

— Еще бы!

— А я,— сказал Мегрэ просто,— я знал, что вы это знаете.

— Вы что же, не понимали, что вам морду набьют? А если бы с вами разделались по-настоящему?

— Садись.

— Ладно. Не возражаю, чтобы вы обращались ко мне на «ты».

Мегрэ знал, что здесь принято именно такое обращение с подследственными, но еще не привык к этому.

— Мне еще многое известно, и я полагаю, что мы с тобой сумеем договориться.

— Сомневаюсь,— сказал Дедэ.

— Граф погиб.

— Вы думаете?

— В ночь с пятнадцатого на шестнадцатое ты возил графа в своем «дион-бутоне» на улицу Шапталь и дожидался его, не выключая мотора.

— Не припоминаю.

— В одной из комнат открылось окно, женщина закричала, и раздался выстрел. Тогда ты уехал в сторону улицы Фонтен. Объехал вокруг квартала. Довольно долго стоял на улице Виктор-Массэ, затем еще раз проехал по улице Шапталь, чтобы узнать, не вышел ли Боб.

Дедэ смотрел на него, безмятежно улыбаясь.

— Продолжайте,— сказал он.— Нет ли у вас сигаретки? Эти свиньи отобрали у меня все, что было в карманах.

— Я курю только трубку. Ты знал, зачем граф явился в тот дом.

— Говорите, говорите.

— Ты понял, что случилось недоброе. Назавтра в газетах ты ничего не нашел. Граф не возвращался. На следующий день тоже.

— Очень интересно.

— Ты снова пришел на улицу Шапталь — ничего нового. Затем, догадавшись, что произошло, ты отправился к Ришару Жандро. Не домой, конечно, а в контору.

— Что же я сказал этому субчику?

— Что за приличную сумму, ну, скажем, за пятьдесят тысяч франков, ты согласен молчать. Ведь зная, зачем Боб ходил на улицу Шапталь, ты знаешь, почему его убили.

— Все?

— Да, все.

— Что вы мне предлагаете?

— Ничего. Говорить.

— Что вы хотели бы, чтобы я сказал?

— Граф был знаком с Жандро. Он неоднократно бывал в гостях у молодой девушки. Он был ее любовником?

— Вы его когда-нибудь видели?

— Нет.

— Если бы вы его видели, вы бы не задавали таких вопросов. Конечно, был.

— Скажи, они хотели пожениться?

— Знаете, вы мне нравитесь. Я как раз говорил об этом Люсиль: «Жаль, что он полицейский!» Что за мысль пришла вам в голову — стать лягавым. Это при вашем-то сложении и при том, что вы не бездельник!

— Ты предпочитаешь тюрьму?

— Чему?

— Если ты будешь говорить, возможно, тебе и простят шантаж Ришара Жандро.

— Вы думаете, он будет жаловаться?

— Простят и попытку убийства, жертвой которой я стал.

— Послушай, Жюль. Шансы у нас с тобой неравные. Утри слюни, не лезь из шкуры вон — у меня от этого просто в животе заурчало. Ты славный парень. Может случиться, что мы еще встретимся и разопьем вместе бутылочку. Но здесь — мы не на равных. Наивная ты душа. Тебя обведут вокруг пальца — и глазом не моргнешь.

— Кто?

— Какая разница! Хочу тебе только сказать одно: Боб был шикарный тип. У него были свои взгляды на жизнь. Он не мог без отвращения смотреть на некоторые хари. Но он не способен был на подлость. Вбей себе это в башку.

— Он умер.

— Возможно. Я ничего не знаю. А если я кое-что и знаю, так это никого не касается. А теперь по-товарищески скажу тебе: брось! Понял? Брось, Жюль! Мне нечего больше сказать. Все эти фокусы — не для тебя. Допустим, что это выше нашего понимания — и твоего и моего. Я ничего не знаю, ничего не видел, ничего не слышал. Пятьдесят тысяч франков? Сколько понадобится, я буду повторять, что выиграл их на бегах. А что касается того, что мне отсюда не выбраться,— посмотрим.

Говоря это, он как-то странно улыбнулся.

— А теперь, если ты не законченный негодяй, не слишком приставай к бедняжке Люсиль. Она действительно любила своего Боба. Ты можешь понять это? Можно быть последней девкой и любить своего дружка. Оставь ее в покое, и, как знать, может, я тебя еще когда-нибудь отблагодарю. Все.

Он поднялся и пошел к двери.

— Дедэ! — позвал его Мегрэ, поднявшись вслед за ним.

— Все. Могила. Больше ни одного слова ты от меня не услышишь.— И Дедэ открыл дверь.— Мы закончили,— сказал он с насмешливой улыбкой полицейским.

Бригадир спросил у Мегрэ:

— Привести женщину?

Она отказалась сесть и все время стояла у стола.

— Вам известно, при каких обстоятельствах погиб Боб?

Она вздохнула:

— Я ничего не знаю.

— Он был убит в одном доме на улице Шапталь.

— Вы думаете?

— Он был любовником одной девушки.

— Я не ревнива.

— Почему вы не хотите говорить?

— Потому что мне нечего сказать.

— Если бы вы знали, что Боб жив, вы не уехали бы в Бельгию.

Она молчала.

— Почему вы не хотите отомстить за Боба?

Она закусила губу и отвернулась.

— Вы предпочитаете несколько банковских билетов приговору его убийце?

— Вы не имеете права так говорить.

— Тогда говорите вы.

— Я ничего не знаю.

— А если я помогу вам?

— Я ничего не скажу.

— С вами здесь уже кто-нибудь говорил?

Наконец он начал кое-что соображать. Если его заставили так долго ждать, то вовсе не потому, что комиссар был занят. Помещение судебного отдела соединялось со зданием на Набережной Орфевр.

Подвергался ли Дедэ всем процедурам наверху? Проходила ли Люсиль медицинский осмотр? Вряд ли.

Но зато кто-то из Сыскной наверняка их допрашивал.

Когда Мегрэ пришел сюда, прошло уже более часа, как Ле Брэ покинул бульвар Ришар-Ленуар.

Не хотелось верить, но разве сам Дедэ не намекнул Мегрэ, что его надули?

Он вышел из комнаты, и ему показалось, что он перехватил улыбки на лицах полицейских. Как бы случайно в этот самый момент ему повстречался возвращавшийся к себе комиссар.

— Ну как, дружище? С успехом? Они заговорили?

— Что вы собираетесь с ними делать?

— Пока не знаю. Жду распоряжений.

— От кого?

— Сверху, как обычно

— Благодарю вас.

Когда он очутился на набережной, пошел дождь. Мегрэ вдруг охватило отчаяние, еще немного — и он готов был отнести комиссару заявление об отставке.

«Наивная ты душа»,— сказал ему владелец гаража с оттенком жалости.

И это ему, который так мечтал победителем прийти в этот дом! А вышел он оттуда с низко опущенной головой, с комком в горле!

Он вошел в пивную «Дофин», где всегда можно было встретить одного-двух инспекторов с Набережной Орфевр, заходивших сюда пропустить рюмочку. Он знал их в лицо, но для них он был личностью ничем не примечательной.

Сначала, в надежде, что это его несколько взбодрит, Мегрэ проглотил пилюлю, которую дал ему врач, затем выпил залпом рюмку вина.

Вот они. Небрежно развалившись на стульях, они чувствуют себя здесь как дома, обмениваются новостями. Как же, они ведь в курсе всего, что происходит в Париже!

Хотелось ли Мегрэ по-прежнему быть одним из них или он уже начинал понимать, что мнение, которое он себе создал о полиции, несколько превратно.

После второй рюмки он было совсем уже собрался отправиться к своему высокому начальнику и покровителю, Ксавье Гишару, и высказать ему все, что думает.

Его надули. Ле Брэ выудил из него все сведения, которыми он располагал. Кабриолет ждал его у дверей, и он, наверно, приказал везти себя прямо на Набережную Орфевр. Ему-то, уж безусловно, не пришлось дожидаться приема.

«Мой секретарь просто взбесился. Он может наделать уйму глупостей, довести дело до скандала».

Как знать, может быть, он обратился выше, к префекту полиции, например, или даже к министру внутренних дел?

А ведь вполне вероятно, что и министр внутренних дел был одним из сотрапезников Жандро!

Если это дело оставили за Мегрэ — да еще с такими предостережениями,— то только для того, чтобы он свернул себе на нем шею. Теперь он был в этом уверен.

«Хотите допросить Дедэ? Почему же нет? Пожалуйста, друг мой».

Только раньше они как следует обработали этого самого Дедэ. Кто его знает, чего ему только не наобещали, лишь бы он молчал? А своего добиться было не трудно. Ведь у него уже не первая судимость.

«Наивная ты душа...»

Они втоптали в грязь его веру, осквернили *его* полицию. Его не задевало то, что они украли у него успех.

Чувство его куда глубже, оно скорее походило на разочарование, постигшее влюбленного.

— Гарсон!

Он хотел было заказать третью рюмку, потом раздумал, расплатился и вышел, преследуемый ощущением, что четверо из тех, что сидели с ним за столиком, проводили его ироническими взглядами.

Он понимал, что все время будет натыкаться на обман. Что ему оставалось? Отправиться к флейтисту. Ибо единственным козырем в его игре был флейтист. Именно о Жюстене Минаре Ле Брэ распорядился в первый же день собрать все сведения.

Стоит только Мегрэ выйти из себя, как все сочтут, что это от удара, которым его наградил кривоносый боксер.

Он вскочил в проходящий автобус и остался стоять на площадке, угрюмо вдыхая запах мокрой псины, исходивший от его пальто. Его бросило в пот. Может быть, у него жар?

На улице Шапталь Мегрэ сделал небольшой круг, вспомнив о Помеле, хозяине «Старого кальвадоса»,— он тоже смотрел на него покровительственно.

Как знать, может, все они правы? Может быть, он просто заблуждался на счет себя и нет у него никаких способностей к службе в полиции?

Между тем он отлично знал, что бы он сделал, будь у него руки развязаны! В этом доме, на который он смотрел с тротуара, он обшарил бы все закоулки, поговорил бы со всеми обитателями — и все стало бы для него ясно, он раскусил бы их всех, начиная от старого Бальтазара до Лиз Жандро и Луи.

То, что произошло в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое, отнюдь не самое главное — это лишь завершающий этап. Если бы он мог прочитать их мысли, ему было бы легче восстановить путь, который привел к развязке.

Но дом на авеню Дю Буа — крепость, двери которой закрыты для него. Малейшая опасность вызывает немедленно защитную реакцию. Дедэ заставляют молчать, а Люсиль — отказаться от желания отомстить за своего Боба.

Он поймал себя на том, что говорит сам с собой вслух. Пожав плечами, он толкнул дверь ресторанчика.

Жюстен был здесь. Он стоял у стойки с рюмкой в руке, словно заменяя Мегрэ при встрече с Помелем. Последний не проявил никакого удивления, увидев нового посетителя.

— И мне то же,— заказал Мегрэ.

Дверь была широко распахнута. Дождь редел, сквозь мелкую сетку капель уже проглядывало солнце. Мостовая еще блестела, но чувствовалось, что скоро она высохнет.

— Так я и думал, что вы еще придете,— сказал хозяин.— Меня удивляет только одно: почему вы не вместе с этими деятелями.

Мегрэ живо обернулся к Жюстену Минару, который смущенно, словно в нерешительности, вымолвил:

— В доме много народа. Они прибыли с полчаса назад.

Машин на улице не было. Гости, наверно, приехали на извозчиках.

— Кто?

— Я их не знаю. Думается, судейские. Там и какой-то господин с седой бородой, и молодой чиновник. Может, прокурор с секретарем?

Судорожно сжимая рюмку, Мегрэ спросил:

— Еще кто?

— Понятия не имею.

Деликатный Жюстен не хотел огорчать Мегрэ, и тогда Помель пробурчал вместо него:

— Ваши коллеги. Не из комиссариата. С Набережной. Одного из них я узнал.

Бедняга Минар! Он не знал, куда девать глаза. В общем, получалось, что Мегрэ его надул. Выходит, он только делал вид, что ведет следствие. А теперь выясняется, что он, Мегрэ, здесь ни при чем, что его даже не сочли нужным поставить в известность о том, что они собираются делать.

Вот и получается, что Мегрэ надо, не откладывая в долгий ящик, вернуться домой, сесть за стол и написать заявление об отставке, а потом лечь в постель. Голова у него горела как в огне. Хозяин катал в ладонях бутылку кальвадоса. Мегрэ утвердительно кивнул головой.

Плевать! Его обманули по всем статьям. Они правы. Он наивная душа, ребенок. Дедэ прав.

Двое людей копали в саду землю.

— Жермен тоже там,— прошептал Минар.— Я заметил ее в окне.

Черт возьми! И она тоже. Впрочем, это в порядке вещей. Она далеко не умна, но, как у всех женщин, у нее есть нюх. Она поняла, что не к тем примкнула, что Мегрэ и его флейтист всего лишь пешки в чужой игре.

— Я пошел! — решительно сказал Мегрэ, ставя свою рюмку на стойку.

Опасаясь, что смелость ему изменит, он ускорил шаг. Когда он очутился у открытых ворот, он увидел двух людей, копавших землю в саду. У двери, которая вела в дом, стоял дежурный инспектор.

— Я сотрудник квартального комиссариата,— сказал ему Мегрэ.

— Надо обождать.

— Чего?

— Чтобы эти господа закончили работу.

— Но ведь я вел следствие.

— Возможно. Но у меня есть указания, старина.

Еще один с Набережной Орфевр!

«Клянусь, если я когда-нибудь буду иметь отношение к Сыскной полиции,— пообещал себе Мегрэ, позабыв уже о своем намерении подать заявление об отставке,— никогда не стану выказывать пренебрежения к беднягам из комиссариата».

— И прокурор здесь?

— Все здесь.

— Мой комиссар тоже?

— Я его не знаю. Какой он из себя?

— В сером пиджаке. Высокий, худощавый, с узкими светлыми усиками.

— Не видал.

— Кто приехал с Набережной?

— Комиссар Бародэ.

Очевидно, это тот, чье имя чаще всего мелькает в газетах. В глазах Мегрэ это был человек, достойный всяческого уважения. Лицо его всегда гладко выбрито, а проницательные глаза, кажется, смотрят сразу во все стороны.

Полицейский нехотя, словно оказывая снисхождение, отвечал на вопросы.

— Ришар Жандро дома?

— Какой он?

— Темный, с длинным кривым носом.

— Есть такой.

Значит, Жандро либо не пошел, как обычно, в контору, либо срочно вернулся оттуда.

В этот самый момент у дома остановилась карета. Из нее вышла молодая женщина и бросилась к дверям, у которых стояли Мегрэ и инспектор.

Мегрэ она не заметила.

— Мадемуазель Жандро,— едва слышно произнесла она.

Инспектор торопливо бросился открывать дверь, объяснив потом своему коллеге:

— У меня были указания.

— Ее ждали?

— Мне просто велели пропустить ее.

— Вы видели хозяина особняка?

— Он сейчас как раз с этими господами. Вы знакомы с делом?

— Немного,— ответил Мегрэ, стараясь не показать, что он понимает всю унизительность своего положения.

— Говорят, это был грязный тип.

— Кто?

— Тот, которого кокнул слуга.

Мегрэ смотрел на него, открыв рот от удивления.

— Вы уверены?

— В чем?

— Что Луи...

— Не знаю я никакого Луи. Я слышал только обрывки разговора. Единственное, что я знаю,— не допускать скопления людей.

Один из землекопов, по-видимому тоже имеющий отношение к полиции, появился в воротах; тот, который остался в саду, был, вероятно, одним из здешних слуг. У первого руки были в грязи, к подошвам тоже прилипли комки грязи, лицо его выражало брезгливость и отвращение.

— Смотреть на него тошно! — обронил он на ходу.

Перед ним открыли дверь, и он исчез в доме. За тот короткий миг, пока дверь была приоткрыта, Мегрэ успел заметить в холле Лиз Жандро и ее брата. Остальные, из

прокуратуры, находились, по-видимому, в одном из салонов. Двери были закрыты.

— У вас здесь назначено свидание, что ли? — спросил полицейский у переминавшегося с ноги на ногу Мегрэ.

— Сам не знаю.

На глазах у него навернулись слезы. Никогда еще он не чувствовал себя таким униженным.

— Сдается мне, они больше всего боятся журналистов. Потому и принимают такие меры предосторожности. Самое смешное, что у нас в семье все пьют кофе «Бальтазар». Вот уж не думал, что в один прекрасный день...

Из дома, как видно, часто куда-то звонили — до них то и дело доносились телефонные звонки, отбои.

— Если вас послал ваш комиссар, я могу пойти сказать ему, что вы ждете.

— Не стоит.

Инспектор пожал плечами. Он уже ничего не мог понять, особенно когда заметил, что Мегрэ глотает пилюлю.

— Захворали?

— Вы не знаете, как это началось?

— Что именно?

— Вы были сегодня на Набережной Орфевр?

— Да. Я как раз собирался на облаву в квартал Ля Виллет. Комиссар Бародэ обрабатывал в это время одного типа.

— Маленький, в клетчатом костюме?

— Да. Хитрый, видать, парень.

— Бародэ звонил комиссару?

— Нет. Его вызвал к себе главный. Пока он ходил, я караулил парня. Занятный тип! Он просил закурить, да у меня не было.

— А потом?

— Когда мосье Бародэ вернулся, он снова закрылся с этим субчиком в клетчатом костюме, сказав нам, чтоб мы были наготове.

— Кто мы?

— Ну, из опергруппы... Нас было трое, кроме комиссара. Двое других сейчас в доме. Того, который копал, звать Барьер, месяц назад он был ранен при задержке поляка с улицы Коленкур.

Мегрэ ловил каждое слово. Перед ним возникла ком-

ната на Набережной Орфевр, полицейские, дружелюбно покровительственное «ребятки», с которым Бародэ обращался к своим подчиненным.

Почему же с ним так поступили? Разве он допустил какую-нибудь оплошность? Или не сумел взяться за дело? Или был недостаточно осторожен?

Уходя с бульвара Ришар-Ленуар, комиссар Ле Брэ, казалось, дал ему свободу действий. А сам бросился на Набережную Орфевр! Может, он и сюда пожаловал?

— Значит, дворецкий признался?

— Вроде бы так. Рожа у него, во всяком случае, мерзкая.

— Я больше ничего не понимаю.

— А почему вам кажется, что вы должны что-нибудь понимать?

Это был, быть может, первый урок скромности, преподанный Мегрэ. Инспектору, надо думать, уже перевалило за тридцать. Он обладал тем спокойствием, тем безразличием, которое присуще людям, много повидавшим. Он покуривал свою трубку, даже не пытаясь прислушиваться к тому, что происходило в доме.

— Во всяком случае, это куда лучше, чем облава на участке Ла Виллет. Бог знает, сколько бы она отняла времени...

У тротуара остановился автомобиль. Молодой врач с темной бородкой поспешно вышел из машины, держа в руке чемоданчик. Мегрэ узнал его по фотографиям, которые часто печатались в газетах.

То был доктор Поль, судебный врач, почти знаменитость.

— Где все?

— Здесь. Пожалуйста, доктор. Труп в саду. Но прежде всего вы, наверное, захотите повидать прокурора?

Все, кроме Мегрэ, беспрепятственно проникали в святая святых. Ему ничего не оставалось, как терпеливо ждать под сводами подворотни.

— Вот увидите,— сказал инспектор,— вся эта история займет в газетах не более трех строк.

— Почему?

— Потому!

И вечером в «Пресс» действительно можно было прочесть:

«В ночь с 15 на 16 этого месяца в особняк семьи Жандро-Бальтазар на улице Шапталь проник грабитель. Дворецкий Луи Вийо, пятидесяти шести лет, уроженец Анседаля, Ньевр, убил его наповал выстрелом из револьвера, попав прямо в сердце».

А Мегрэ в это время лежал с температурой 39, госпожа Мегрэ не знала, как ей избавиться от флейтиста, ни на шаг не отходившего от больного и более чем когда-либо напоминавшего всем своим видом приблудного пса.

Глава IX

ЗАВТРАК В ДЕРЕВНЕ

Так продолжалось три дня. Сначала он надеялся, что и в самом деле серьезно заболел и что это подействует на *их* совесть. Но когда он на следующее утро с величайшей опаской открыл глаза, то обнаружил у себя всего-навсего обыкновенный насморк.

Тогда он схитрил. Даже перед собственной женой было неловко валяться с насморком, и он застонал, раскашлялся, стал жаловаться на боль в груди.

— Я тебе поставлю горчичник, Жюль. У тебя может разыграться бронхит.

Она была по-прежнему жизнерадостна и весела. Нежно ухаживала за ним. Нянчилась с ним, как с маленьким ребенком. Однако ему казалось, что она кое о чем догадывается.

— Входите, мосье Минар,— донесся до него ее голос из передней.— Нет, ему не хуже. Только попрошу вас не очень его утомлять.

Значит, она тоже вступила в игру.

— Какая температура? — спросил обеспокоенный флейтист.

— Пустяковая.

Госпожа Мегрэ предусмотрительно не назвала ее, ибо цифра была несколько ниже тридцати семи.

Она обожала всякие микстуры, горчичники, любила варить бульоны, сбивать гоголь-моголи. Ей нравилось также тщательно задергивать шторы, создавая в комнате приятный для глаз больного полумрак, и ходить на цы-

почках, приоткрывая время от времени дверь в его комнату, чтобы проверить, спит ли он.

Бедняга Минар, он уже больше не нужен! Мегрэ даже сердился на себя за это чувство. Он ведь очень к нему привязался. И приятно было бы доставить ему удовольствие.

Каждое утро Минар являлся к девяти-десяти утра. Он даже не звонил, а только скребся в дверь, тихо-тихо, чтобы не потревожить Мегрэ — вдруг тот еще спит. Потом, пошептавшись с госпожой Мегрэ в передней, входил, топтался на пороге, а затем робко приближался к постели.

— Нет, нет, не подымайтесь! Я только пришел узнать, как дела. У вас нет для меня никаких поручений? Я был бы счастлив...

Речь шла уже не о том, чтобы выслеживать преступников. Он готов был на любые услуги. Он и госпоже Мегрэ предлагал свою помощь.

— Может быть, вы позволите мне сходить за продуктами? Я прекрасно справлюсь, вот увидите.

В конце концов он «всего на минутку» присаживался на краешек стула у окошка и застывал в такой позе на долгие часы. Если у него спрашивали, как поживает его жена, он поспешно откликался:

— Какое это имеет значение!

Он снова приходил после обеда, уже во фраке, перед тем как отправиться на работу, так как теперь он играл на балах где-то на бульваре Сен-Мишель, и играл уже не на флейте, а на корнет-а-пистоне, отчего вокруг губ у него оставался розовый след.

Ле Брэ тоже каждое утро присылал дежурного из комиссариата справляться о здоровье Мегрэ. Это очень разочаровало консьержку — она, правда, считала своего жильца государственным чиновником, но никак не думала, что он имеет отношение к полиции.

— Комиссар просил вас хорошенько следить за собой, ни о чем не беспокоиться. Все в порядке.

Мегрэ поглубже закапывался в мягкую постель. Он хотел уйти в себя, замкнуться. Он еще не знал тогда, что это станет его излюбленным приемом, к которому он будет нередко прибегать в минуты отчаяния и затруднений.

Но успокоение не приходило. Мысли его не приобретали ясности, они путались, как в лихорадке. Он медленно проваливался в полузабытье, и действительность изменялась, смешиваясь с воспоминаниями детства. Все здесь помогало этому: тени и свет в комнате, цветы на обоях, запахи, доносившиеся из кухни, бесшумные шаги госпожи Мегрэ...

Он восстанавливал все события с самого начала, расставлял всех участников, как шахматные фигурки на доске: старый Бальтазар, Жандро-отец, Лиз и Ришар, Луи, Жермен, юная служанка Мари.

Он передвигал их взад-вперед, потом смешивал все в одну кучу. Затем наступала очередь Ле Брэ, который выходил из квартиры Мегрэ на бульваре Ришар-Ленуар, садился в кабриолет и бросал кучеру: «Набережная Орфевр».

Был ли он на «ты» с высоким начальством, с Ксавье Гишаром? С этой минуты все приобретало особую остроту. Что говорил Ле Брэ Гишару в его просторном кабинете, в котором Мегрэ довелось побывать дважды и который был для него самым священным местом на земле?

«Мой секретарь — тот молодой человек, которого вы мне рекомендовали,— занимается сейчас одним расследованием. Я не мог иначе поступить и вынужден был поручить дело ему. Полагаю, он натворит немало глупостей».

Сказал ли он именно так? Вполне возможно. Ле Брэ был прежде всего светским человеком. Он ежедневно по утрам занимался фехтованием в клубе Гоха, бывал на приемах, присутствовал на всех премьерах и показывался на скачках в светло-сером парадном костюме.

А Ксавье Гишар? Тот был другом отца Мегрэ и происходил из той же среды. Он жил не в долине Монсо, а в тесной квартирке Латинского квартала, уделяя больше времени своим книгам, чем прекрасным дамам.

Нет, он не способен ни на свинство, ни на компромисс!

Между тем он вызывал к себе Бародэ. Какие указания он дал последнему?

Ну, а если даже все было именно так — разве это доказывает, что Мегрэ допустил какую-нибудь ошибку? Пу-

скай он еще не успел закончить следствие! Не знал, кто выстрелил в графа. Не знал также, почему стреляли в него. Но он бы все распутал.

Он сознавал, что проделал за короткий срок большую работу. Не зря так испугался комиссар!

Что же все это означает?

Газеты больше не упоминали о деле.

Тело Боба, должно быть, отправили в морг для вскрытия.

Мегрэ снова видел себя на улице Шапталь, позади всех этих господ, которые не обращали на него никакого внимания. Бародэ, который не знал его в лицо, принимал его, по-видимому, за кого-нибудь из домашних. Прокурор, судья и секретарь суда полагали, что он один из людей Бародэ. Только Луи бросал на него насмешливые взгляды. Вероятно, он был осведомлен о его деятельности через Жермен.

Все это было унизительно, приводило в отчаяние. Моментами, закрыв глаза, расслабленный теплом постели, он рисовал себе план идеально проведенного следствия.

«В следующий раз я поступлю так-то и так-то...»

На четвертый день ему вдруг надоело быть больным, и, еще до прихода флейтиста, он поднялся, умылся холодной водой, тщательно побрился, снял повязку с головы.

— Ты идешь на работу?

Он ощутил потребность вновь вдохнуть воздух комиссариата, сесть за свой черный стол, оглядеть жалких посетителей, жмущихся на скамейке у побеленной стены.

— Что мне сказать Жюстену?

Теперь флейтиста звали просто Жюстеном, как друга семьи, как дальнего родственника.

— Если хочет, пусть придет за мной к часу дня, вместе позавтракаем.

Он не надел на ночь наусники, и ему пришлось подкручивать кончики усов горячими щипцами для завивки волос. Большую часть пути он прошел пешком, окунувшись в оживленную суету бульваров, и вся его злость растаяла в утренней весенней свежести.

Зачем ему думать об этих людях? О Жандро, засев-

ших в своей крепости. О старике, чей характер наследуют в его роду только женщины. Об истории с завещанием. Зачем ему интересоваться, к кому перейдут по наследству все кафе «Бальтазар»?

Ибо он понимал, что дело не только в деньгах. Решался вопрос, кто станет обладателем пакета акций, кто возглавит, наконец, фирму. Лиз, Ришар? Тот, кто получит состояние старого Бальтазара, получит могущество и власть.

Подумать только! Молодая девушка, забыв о своих двадцати годах, мечтает о директорском кресле точно так же, как мечтала о нем ее покойная мать.

Ему, Ришару, стать всесильным хозяином или ей, Лиз, всемогущей хозяйкой?

Пусть сами разбираются!

Ей-богу, они так и сделали! Но как быть с мертвецом, по которому никто не плакал, не считая девицы с авеню Де Ваграм?

Он вошел в комиссариат, поздоровался за руку со своими коллегами.

— Бертран отправился к вам узнать, как вы себя чувствуете.

Он не доложил о себе комиссару, молча уселся на свое место, и только в половине одиннадцатого, когда Ле Брэ приоткрыл свою обитую войлоком дверь, он увидел Мегрэ.

— Вы пришли, Мегрэ? Так зайдите же ко мне!

Ему очень хотелось держаться непринужденно.

— Присаживайтесь. Я не уверен, что вы разумно поступили, так рано поднявшись с постели. Я хотел предложить вам отпуск для восстановления здоровья. Не думаете ли вы, что несколько дней в деревне пойдут вам на пользу?

— Я чувствую себя совершенно здоровым.

— Тем лучше, тем лучше! Кстати, как вы могли убедиться, вся эта история уладилась. Впрочем, я вас поздравляю, вы были, оказывается, недалеки от истины. Как раз в тот день, когда я приходил вас проведать, Луи позвонил в полицию.

— По собственному желанию?

— Признаюсь, я ничего толком не знаю. К тому же это не имеет ровно никакого значения. Главное, он при-

знался. По-видимому, он догадывался, что ведется следствие, и понимал, что доберутся до правды.

Мегрэ, опустив глаза, упорно рассматривал письменный стол, и на лице его не отражалось никаких чувств Ощущая неловкость, комиссар продолжал:

— Он, минуя нас, обратился непосредственно в префектуру. Вы читали газеты?

— Да.

— Конечно, правда была несколько приукрашена. Дань необходимости, со временем вы это поймете. Есть случаи, когда скандал недопустим, когда голая правда приносит больше вреда, чем пользы. Поймите меня правильно. Мы оба знаем, что граф проник в дом отнюдь не как грабитель. Может быть, его там ждали. Лиз Жандро была расположена к нему. Я употребляю это слово в лучшем его смысле. Не забывайте, что она родилась в замке д'Ансеваль, что обе семьи связывают определенные узы. Боб был человеком отчаянным. Он скатывался все ниже и ниже с непонятным неистовством. Почему не предположить, что она пыталась направить его на путь истинный? Таково мнение моей жены, которая хорошо знает характер Лиз. Но не в этом дело. Был ли он пьян в ту ночь, как это с ним довольно часто случалось? Держал ли он себя вызывающе? Луи весьма скуп на подробности. Его привлекли крики и шум. Когда он вошел в комнату, Боб и Ришар Жандро сцепились в схватке, и ему показалось, что он увидел нож в руке графа.

— А нож нашли? — негромко спросил Мегрэ, по-прежнему уставившись на стол.

Казалось, он упорно разглядывает какое-то пятнышко на полированной поверхности.

— Не знаю. Следствие вел Бародэ. В силе остается все та же версия — на ночном столике лежал револьвер, и Луи, защищая своего хозяина, выстрелил. А теперь скажите, мой юный друг, к чему бы привел скандал? Публика не приняла бы правды. Мы живем в такое время, когда определенные слои общества находятся уж очень на виду. На карту была поставлена честь мадемуазель Жандро, ибо речь шла бы главным образом о ее чести. Так или иначе, это типичный случай самообороны.

— Вы уверены, что стрелял дворецкий?

— В деле имеется его признание. Подумайте только, Мегрэ, как реагировали бы некоторые газеты, каковы были бы последствия этого дела для молодой девушки, которую у нас нет оснований обвинять ни в чем, кроме как в некоторой... м-м-м... экспансивности...

— Понимаю.

— Мадемуазель Жандро уехала в Швейцарию. Нервы ее не выдержали такой перегрузки, и она, вероятно, пробудет за границей несколько месяцев. Луи оставлен на свободе за отсутствием состава преступления. Его единственная ошибка заключается в том, что, потеряв голову, он, вместо того чтобы немедленно во всем признаться, закопал труп в саду.

— Он один его закапывал?

— Поставьте себя на место Ришара Жандро. Я вижу, вы все еще сомневаетесь. Но в конце концов вы поймете. Бывают случаи, когда мы не вправе...

— ...поступать согласно велениям совести?

Тогда Ле Брэ снова стал сух и высокомерен, более высокомерен, чем когда-либо.

— Мне не в чем упрекнуть свою совесть,— отрезал он,— хотя я имею основания полагать, что она у меня не менее щекотлива, нежели у любого из вас. Вы молоды, Мегрэ, очень молоды, и это единственная причина, по которой я не могу на вас обижаться.

Было около двенадцати, когда в комиссариате зазвонил телефон.

Инспектор Бессон снял трубку и обратился к Мегрэ:

— Это вас. Все тот же тип. Он звонит уже в третий раз, и всегда в одно и то же время.

Мегрэ взял трубку.

— Алло! Жюль?

Он узнал голос Дедэ.

— Ну как дела? Лучше? Уже работаете? Скажите, у вас есть время позавтракать со мной?

— К чему?

— Это уж мое дело. С того самого дня мне охота свезти вас позавтракать в деревню. Не бойтесь. Я приеду за вами на своей колымаге. Но только я буду стоять не у комиссариата, а на углу улицы Фонтен, потому что я не очень-то люблю такие заведения, как ваше. Идет?

Бедняга Жюстен, опять ему не повезло!

— Скажите ему, что меня вызвали по срочному делу. Увидимся с ним сегодня вечером или завтра утром.

Через четверть часа он садился в серый «дион-бутон».

Дедэ был один.

— Скажите, что вам больше по вкусу? Как насчет жареного пескаря? Давайте раньше на минуточку остановимся у ворот Майо и пропустим по одной.

И они зашли в бар, где Дедэ заказал два абсента.

Он был весел, но глаза его сохраняли серьезность. На нем был все тот же серый костюм в клеточку, ботинки желтовато-зеленого цвета и ярко-красный галстук.

— Еще по одной? Нет? Ну, как хотите. Сегодня у меня нет никаких оснований вас спаивать.

И они покатили сначала по дороге, потом выехали на берег Сены, по которой скользили рыбацкие лодочки, и вот наконец у самой воды увидели маленькую харчевню с садом за домом и сетями, натянутыми перед верандой для просушки.

— Густав, сообрази-ка нам обед на славу. Начнем с жареных пескарей.— И, обращаясь к Мегрэ, объяснил: — Он сейчас закинет сеть, и мы получим их прямо живехонькими.— Затем снова к хозяину: — Ну, а еще что ты нам предложишь?

— Не желаете ли петуха в розовом «божелэ»?

— Ладно, давай петуха.

Дедэ чувствовал себя здесь как дома. И в кухню зашел, и в погреб спустился, откуда вернулся с бутылкой белого луарского вина.

— Это стоит всех аперитивов мира. А пока, в ожидании жареного пескаря, набейте свою трубку, и потолкуем.— Он почувствовал необходимость объяснить: — Знае-

те, почему я так хотел встретиться с вами? Потому что вы мне нравитесь. Вы не такой негодяй, как все эти типы там у вас.

Он тоже будет приукрашивать правду,— Мегрэ это отлично знал. Люди такого сорта, как Дедэ, страшные болтуны, и это часто их губит. Они так довольны собой, что почти всегда испытывают необходимость говорить о своих темных делишках.

— Где Люсиль? — спросил Мегрэ, который полагал, что и она примет участие в завтраке.

— Хотите — верьте, хотите — нет, но она действительно больна. Видите ли, эта девушка по-настоящему любила Боба. Она дала бы разрезать себя за него на мелкие куски. Вся эта история убила ее. Она не хотела ни за что покидать улицу Брей — там, видите ли, все ей напоминает о нем. Вчера я уговорил ее поехать в деревню и сам отвез туда. Я потом поеду к ней. Ну, пока хватит! Может быть, еще когда-нибудь вернемся к этому.

Он закурил сигарету, медленно пуская дым через нос. Вино искрилось в стаканах, под легким ветерком колыхалась молодая травка в саду. Видно было, как хозяин, стоя в своем ялике, готовится закинуть сеть.

— Полагаю, что вы из любопытства заглянули в мое досье и убедились, никаких мокрых дел за мной не числится. Всякие там пустяки. Два раза схлопотал по шесть месяцев и поклялся, что с меня хватит.— Он пил для храбрости.— Газеты читали?

И так как Мегрэ утвердительно кивнул головой, он продолжал:

— Вы бы посмотрели на Люсиль! Она стала белее бумаги. Хотела во что бы то ни стало пойти и выдать всех сообщников. Я ее успокоил. «Что это даст?» — говорил я. Запачкать они его запачкали, так ведь? Если бы мне где-нибудь в таком месте, где нет лягавых, попался бы этот тип с кривым носом, ну, тот, Ришар, клянусь, я бы ему с удовольствием все кости пересчитал. Он швырнул пятьдесят тысяч франков и думает, что кум королю. Так вот! Между нами, хоть вы и из полиции, а я вам скажу: с ним еще счеты не кончены. Рано или поздно, но в один прекрасный день мы еще с ним встретимся. Подлецы разные бывают. Но таких, как этот, я просто не выношу. А теперь расскажите о себе.

— Мне не дали закончить следствие,— выдавил из себя Мегрэ.

— Знаю. И мне платят за то, что я это знаю.

— Они вам приказали молчать?

— Они мне сказали, чтоб я держался в стороне, и в убытке я не останусь.

Это означало, что на все проделки Дедэ они закрывают глаза, что ему простят удар, который чуть было не отправил Мегрэ на тот свет, что не станут доискиваться, откуда взялись сорок девять тысяч франков, обнаруженные в его бумажнике.

— Особенно меня разозлил трюк с дворецким. Вы этому верите?

— Нет.

— Слава богу! А не то я перестал бы вас уважать. Надо же было найти кого-нибудь, кто выстрелил, так пусть им будет слуга. А кто, по-вашему, выкинул этот фортель? Здесь мы можем говорить начистоту, верно? Да, учтите, если вы попытаетесь воспользоваться тем, что я вам тут сказал, я поклянусь, что рта не раскрывал... Полагаю, что это девушка.

— Таково и мое мнение...

— С той разницей, что у меня есть все основания так полагать. Утверждаю, что если она и кокнула Боба, так по ошибке. Кого она хотела угробить, так это братишку. Потому что они ненавидят друг друга так, как только могут ненавидеть в таких семейках. Вы не знали Боба, а жаль. Это был самый шикарный парень на свете. Он мог там такое натворить!.. Но злости в нем не было, доложу я вам. Он был выше этого. Он так их презирал, что и смотреть на них не хотел. Когда девчонка стала увиваться вокруг него...

— Когда это началось?

— Осенью. Не знаю, кто ее надоумил. Она узнала, что Боба можно встретить после бегов, часов около пяти, на танцульке, на авеню Де Ваграм.

— И она туда пошла?

— Еще бы! Даже без вуалетки. Сказала ему, кто она такая, что живет в замке д'Ансеваль, что интересуется им, что будет счастлива принять его у себя.

— Он ухаживал за ней?

— А как же, ведь она сама набивалась. Он ее даже

водил в отель на улицу Брей — вы его знаете. Чтобы посмотреть, до чего она может дойти, понимаете? Да, он был отличный парень. Красавец. Ну, а она такая, что только удовольствия ради в отель не пойдет. От Люсиль он ничего не скрывал. Если бы она ревновала ко всем!.. А вот и пескари. Интересно, понравятся они вам?..

Он умел говорить и есть в одно и то же время и не ограничивал себя ни в том, ни в другом, равно как и не пренебрег второй бутылочкой, поставленной перед ним.

— Не старайтесь понять. Сам Боб, который был куда хитрее вас и меня, вместе взятых,— не подумайте только, что я говорю это, чтоб вас обидеть,— сколько времени потратил, пока разобрался, что к чему. Что его удивляло, так это ее желание выйти за него замуж. Она ему все условия изложила. Само собой, работать ему не придется, ежемесячно будет получать столько-то на мелкие расходы и все прочее. А он и ухом не повел. Он понимал, что ей чертовски хочется стать графиней. Есть такие люди. Они сначала покупают зáмок. Потом покупают знатное имя бывшего владельца. Вот как мне объяснял Боб.

Он посмотрел Мегрэ в глаза и, довольный произведенным впечатлением, сказал, как отрезал:

— Так вот, дело было совсем не в этом!

Он грыз хрустящих пескарей, время от времени поглядывая на Сену, по которой медленно проплывали катера, начинавшие гудеть за несколько сот метров до шлюза.

— Не пытайтесь понять. И не ищите. Боб, когда узнал, просто ахнул. Хотя и знал историю этой семейки назубок. Знаете, кто надоумил ее насчет брака? Старик!

Он торжествовал.

— Признайтесь, что ради такой новости стоило поехать завтракать в Буживаль. Вам приходилось слышать о старой мумии, которая завещала свой дом со всеми картинами государству, чтобы там устроили музей? Хотите посмеяться, так слушайте дальше. Заметьте, я тоже не все знаю. Да и Боб знал не все до конца. Оказывается, старик, который начал с того, что шатался с мешком по деревням, мечтал о внуках и правнуках благородного

происхождения. Знаете, что я думаю? Это должна была быть его месть, потому что, оказывается, Ансевали к нему не слишком ласково относились. Они продали ему свой замок и фермы. Скромненько отбыли, но ни разу не захотели пригласить его ни пообедать, ни даже позавтракать. Тогда он в своем завещании поставил условия, которые взволновали всю семью. Его дочь еще была жива, когда он умер. Миллионеры, они не такие уж дураки, имейте в виду. Старик все предусмотрел. После смерти дочери акции должны были быть поделены на две части: пятьдесят один процент — молодой барышне, сорок девять процентов — кривоносому. Оказывается, очень важно, что большинство голосов, как они говорят, будут принадлежать барышне. Я не очень-то во всем этом разбираюсь. Пошли дальше. Раздел должен был произойти, когда ей сравняется двадцать один год.

— То есть в будущем месяце.

— Да... Вот именно. Из песни слова не выкинешь. Так на чем мы остановились? Вспомнил! Так вот, была еще одна загвоздка. Если наша девица выйдет замуж за одного из Ансевалей, она получает все акции с обязательством выплачивать своему братишке ежемесячное пособие с его части наследства. Это означает, что никакого отношения ко всем этим кафе «Бальтазар» и к замку он больше иметь не будет. Бальтазары и Жандро стали бы Ансевалями, и род их восходил бы к крестоносцам. Боб был очень сведущ в таких вот делишках, и вы себе представить не можете, как он гоготал.

— Он согласился?

— За кого вы его принимаете?

— Как же он обо всем узнал?

— Через братика. Вот послушайте, как глупо человек может попасться. Жандро с кривым носом тоже вовсе не дурак. Он не хочет, как его отец, проводить все свое время в клубах и бегать за служанками с улицы Мира. Он хочет быть хозяином.

— Начинаю понимать.

— Быть не может! Даже Боб и тот не сразу понял. Кривоносый попросил его прийти к нему в контору. Говорят, что она похожа на ризницу: всюду старинная мебель, все стены отделаны резным деревом, а на одной из них — портрет старика от пола до самого потолка. Он

смотрит с него как живой, в глазах — насмешка. Откровенно говоря, мне из всей семейки нравится только старик. Боб говорил, что такого хитрого пройдохи он в жизни своей не встречал. Ну конечно, это было сказано ради красного словца. Боб его и не встречал вовсе, потому что тот давно умер. Дальше — больше. Братец выкладывает ему все, как есть. Спрашивает Боба, собирается ли тот жениться на его сестре. Боб отвечает, что никогда не имел такого намерения. Тогда тот ему говорит, что он совершает ошибку,— это, мол, будет выгодное дельце для всех. А почему, спрашивается, это будет выгодно для всех? Да потому, что Ришар Жандро подсыплет деньжат мужу своей сестры. Столько денег, сколько тот захочет. При одном условии: чтобы он таскал его сестру по белу свету, развлекал ее и отбил у нее вкус к коммерции... Теперь вы поняли?.. Боб отвечает, что к такой работе у него нет призвания. Тогда этот гад с кривым носом заявляет, что тем хуже для него, что ему это может очень дорого обойтись... Подумать только, вы меня чуть в тюрьму не упекли за пятьдесят кусков, которыми я разжился у этого кривоносого подлеца!

Аромат поданного к столу петуха в винном соусе заглушил на некоторое время благоухание цветущих деревьев и запахи реки. Дедэ с аппетитом приступил к еде.

— Хлебните-ка этого «божелэ» и признайтесь, что не стоило сажать меня на тюремную похлебку и лишить себя тем самым такого завтрака. А?.. Знаете, что было в портфеле у этой рожи? Я говорил вам, что Боб был шикарный парень, но не святой, отнюдь... Ему, как и многим другим, тоже случалось время от времени сидеть на мели. С самого детства он был знаком с разными там богачами. И иногда, смеха ради, подделывал их подписи на векселях и прочих других штуковинах. В этом ничего такого особенного не было. Люди даже никуда не обращались с жалобами, и часто все устраивалось как нельзя лучше. Так вот, эта гадина, черт его знает каким образом, скупил целую коллекцию таких бумажонок. «Если вы не женитесь на моей сестре, я вас разоблачу. Если, женившись, вы немедленно не отправитесь вместе с ней куда глаза глядят, я вас тоже разоблачу» — так он говорил Бобу. Зверь! Страшный зверь. Почище старика! Клянусь

вам, Боб очень жалел, что напоролся на девчонку и влип в эту историю. Что касается мамзели, то она страшно торопилась. Она хотела идти под венец сейчас же, немедленно, не дожидаясь двадцати одного года. Она его забрасывала письмами, телеграммами. Назначала ему свидание за свиданием. Иногда он шел, иногда не шел. Чаще всего не шел, и тогда она приезжала за ним на улицу Брей, поджидала его на углу, не думая о том, за кого ее принимают... Люсиль ее хорошо знала...

— Когда вы отвезли Боба на улицу Шапталь пятнадцатого ночью...

— Он решил покончить со всем, плюнуть им в лицо, сказать и ей и ее братцу, что не продается.

— Он просил вас подождать его?

— Не то чтобы просил, но полагал, что задержится ненадолго... Крылышко или ножку? Вы бы взяли грибков. Гюстав собирает их на холме и сам маринует.

Мегрэ великолепно себя чувствовал, и «божелэ» после сухого белого было очень кстати.

— Как вы думаете, зачем я вам все это рассказываю?

— Не знаю.

— Нет, знаете.

— Пожалуй.

Во всяком случае, он догадывался. У Дедэ было тяжело на душе — совсем нюни распустил, как сказал бы он сам,— слишком тяжело, чтобы молчать. С Мегрэ он ничем не рисковал.

Но гордиться Дедэ было нечем. Этот завтрак он затеял, для того чтобы очистить свою совесть. Ему хотелось показать мерзость других и самому предстать в лучшем свете.

Завтрак в Буживале надолго запомнился Мегрэ. Воспоминание о нем помогало ему впоследствии воздерживаться от безрассудных решений и скоропостижных выводов.

— Что произошло там, наверху, я не знаю.

Мегрэ тоже не знал, но теперь ему было куда легче строить предположения. Надо было только выяснить, собирался ли Ришар Жандро провести этот вечер дома? Может быть, он должен был остаться в клубе или где-нибудь в другом месте?

А может быть,— это ведь было в его характере — сам

Боб попросил Ришара подняться к сестре? Почему бы и нет?

Хотя бы для того, чтобы выложить им обоим, что он о них думает.

«Во-первых, я не женюсь...»

Мегрэ, которому никогда не приходилось встречаться с Бобом, начинал уже создавать себе четкое представление о его характере и даже внешности.

«Во-вторых, у меня нет никакого желания продавать имя, которое я не даю себе труда носить...»

Ведь если в районе площади Терн и на ипподроме кто-то и звал его графом, то все равно все были уверены, что это прозвище, и представления не имели о его настоящем имени.

Может быть, Лиз Жандро чересчур яро заступалась за свою попранную честь? Может быть, брат вышел из себя?

«Вы-то уж заткнитесь! Я расскажу вашей сестре о той комбинации, которую вы придумали».

Хватило ли у него времени? Или тот сразу набросился на него?

Миллионы людей, которые пили кофе «Бальтазар», точно так же, как госпожа Мегрэ, вклеивали в альбомы картинки с изображением всех видов растений и цветов, и думать не думали о том, что их утренний кофе был поводом для драки, разыгравшейся в одной из комнат особняка на улице Шапталь. Гнусной драки, к отголоскам которой прислушивался слуга за дверью.

По-видимому, мужчины схватились мертвой хваткой. Возможно, они катались по полу.

Был ли вооружен Ришар Жандро? Он из тех людей, которые способны наносить удар из-за угла.

— Мне думается, стреляла девчонка. Не со зла. Просто голову потеряла. Она, может быть, сначала бросилась к окну звать на помощь, да ее оттащили. А может, окно было открыто и раньше? Что-то не заметил... Видите ли, я полагаю, что она в конце концов по-настоящему влюбилась в Боба. Ведь такое не скроешь. Сначала-то она все это из деловых соображений, а потом попалась на удочку. Он ведь был не похож на всех этих мороженых судаков, с которыми ей приходилось встречаться... Когда она увидела, сдается мне, что Боб падает и брат

ее пытается нанести ему удар исподтишка, она потеряла голову и выстрелила. К несчастью, она не умела целиться. И угодила в Боба, да еще в самое сердце... Что, если заказать еще бутылочку? Оно же совсем легкое, это вино. Вот так-то, старина!

Когда я увидел чудака, который пытался достучаться к ним, я уехал, потом опять вернулся, но никого уже не было. Тогда я предпочел смыться. Мы посоветовались с Люсиль. Все надеялись, что Боб вернется или хотя бы даст знать, в какую он угодил больницу. В конце концов я отправился к Жандро в контору. Вот почему я знаю, как выглядит старик. Он тотчас же раскошелился — жалко, я не содрал с него сто тысяч вместо пятидесяти. Свора мерзавцев! Вы свалились нам на голову как раз в тот момент, когда мы собрались прятать концы в воду. Согласитесь, что было бы глупо дать себя поймать...

Ваше здоровье, старина! Они все устроили как нельзя лучше для себя. Я уже начинаю понемножку свыкаться с этой мыслью. Но меня просто тошнит, когда я вижу на улице их грузовые фургоны, запряженные откормленными битюгами... Хозяин! Кофе нам, только не «Бальтазар».

Пришлось, однако, выпить бальтазаровское — другого не оказалось.

— До чего все гадко! — процедил Дедэ сквозь зубы.— Хорошо, что можно будет отсидеться в деревне.

— С Люсиль?

— Она вроде не против. У нас есть пятьдесят тысяч франков или около того. Я всегда мечтал открыть бистро на берегу реки, такое, к примеру, как это, где посетителями будут мои дружки-приятели. Только трудно найти такое местечко — надо ведь, чтобы оно было неподалеку от ипподрома. Завтра пошатаюсь вокруг Мэзон-Лафита. Я и Люсиль туда отвез и там спрятал.— Он вдруг сконфузился и поспешил добавить: — Не подумайте, что мы стали добропорядочными буржуа.

* * *

Так прошла целая неделя. Каждое утро по звонку Мегрэ входил в кабинет комиссара и представлял ему дневной рапорт. Каждое утро Ле Брэ открывал рот,

словно собирался что-то сказать, но потом отворачивался.

Они не обменивались ни словом, кроме служебных разговоров. Мегрэ стал более серьезен и менее подвижен, хотя и не располнел. Он даже не утруждал себя улыбкой и прекрасно отдавал себе отчет в том, что был для Ле Брэ постоянным живым укором.

— Скажите, голубчик...

Это было в начале мая.

— ...когда у вас экзамены?

Экзамены по тому самому предмету, которым он занимался в ночь, когда в его жизнь ворвался флейтист, заявившийся в полицейский комиссариат, чтобы сообщить о расквашенном носе.

— На следующей неделе.

— Надеетесь преуспеть?

— Надеюсь.

Он продолжал оставаться холодным, сухо официальным.

— Гишар говорил мне, что вы мечтали поступить в Сыскную.

— Да, было такое.

— А теперь?

— Сам не знаю.

— Мне кажется, там вы будете больше на месте. Я, конечно, вами очень дорожу, однако постараюсь вам помочь в этом деле.

Мегрэ, у которого перехватило дыхание от волнения, не проронил ни слова. Он все еще сердился. По существу, он не смог простить случившегося им всем — и комиссару, и Жандро, и людям из Сыскной, и, может быть, даже самому Гишару, к которому в глубине души испытывал почти сыновнее почтение.

Однако если бы Гишар...

Он понимал, что в конечном счете правыми окажутся они. Скандал ни к чему бы не привел. При всех обстоятельствах Лиз Жандро была бы оправдана.

И что же?

Не к самой ли жизни он предъявлял претензии и не заблуждался ли он, не желая этого понять?

Он не хотел выкупа. Он не желал хоть чем-нибудь быть обязанным комиссару Ле Брэ.

— Дождусь своей очереди,— наконец проговорил он.

Назавтра же его вызвали на Набережную Орфевр.

— Все еще сердитесь, мой мальчик? — спросил его главный, кладя руку ему на плечо.

Он не сумел удержаться и почти с вызовом, как мальчишка, бросил:

— Это Лиз Жандро убила Боба.

— По всей видимости.

— Вы в это верите?

— Я подозреваю. Ради ее брата Луи не пошел бы на такой риск.

Окна кабинета выходили прямо на Сену. Буксиры тащили за собой целую вереницу барж и сигналили, прежде чем пройти под мостом. Трамваи, автобусы, извозчики, такси безостановочно катили по мосту Сен-Мишель, а на тротуарах пестрели женщины в ярких платьях.

— Присаживайтесь, старина.

Урок, преподанный ему в этот день отцовским тоном, нельзя найти ни в одном из учебников по научной криминалистике.

— Вы поняли? Наша задача — приносить как можно меньше ущерба. Чему бы это разоблачение могло послужить?

— Правде.

— Какой правде?..— И высокое начальство заключило: — Можете закурить трубку. С понедельника вы приступите к работе — инспектором в группе комиссара Бародэ.

Мегрэ не подозревал, что в один прекрасный день, спустя двадцать лет, он снова встретится с Лиз, которая будет носить аристократическую итальянскую фамилию мужа. И что она примет его в той же неизменной конторе Бальтазаров, о которой он знал со слов некоего Дедэ, и что он, наконец, увидит портрет старика, висящий на том же месте.

«Господин комиссар...»

Это он, Мегрэ, комиссар.

«Считаю лишним просить вас о сохранении тайны...»

Сюртэ в это время уже переименовали в Сыскную полицию.

И речь пойдет о том, что на административном языке называется «следствие в семейных интересах».

«К сожалению, у моей дочери характер отца...»

Что касается ее самой, то она была спокойна и холодна, как старый Бальтазар, портрет которого, во весь рост, висел на стене за креслом.

«Она дала себя увлечь одному бессовестному человеку, который увез ее в Англию, где добился разрешения на брак. Необходимо любой ценой...»

Да, тогда он не знал, что ему доведется еще раз держать честь семьи Бальтазар в своих руках...

Ему было двадцать шесть лет, и ему не терпелось сообщить жене новость: «Я поступаю в опергруппу шефа».

Но ему не удалось тотчас же осуществить свое желание. На улице его ждал Жюстен Минар.

— Плохие новости?

— Хорошие. Меня засватали.

Флейтист разволновался, он был даже более взволнован, чем сам Мегрэ.

— Вы покидаете комиссариат?

— С завтрашнего дня.

— Выпьем?

И они отправились в пивную «Дофин», в двух шагах от Набережной Орфевр. Инспекторы из Сыскной, сидевшие здесь, не знали этих двух мужчин, которые то и дело чокались и казались необыкновенно счастливыми. Спустя несколько дней они познакомятся — во всяком случае с одним из них. Мегрэ станет их коллегой. Он будет заходить сюда как к себе домой, гарсон будет называть его по имени и знать, что́ ему подать.

Домой он вернулся на взводе. Десять раз они провожали друг друга, флейтист и он, от одного угла улицы до другого.

— Твоя жена...— возражал Мегрэ.

— Неважно. Какое это имеет значение?

— Сегодня тебе не надо дудеть в свою дуделку?

— В какую дуделку?

Поднимаясь по лестнице, он здорово шумел. Открыв дверь, серьезно заявил:

— Приветствуй нового инспектора из группы шефа!

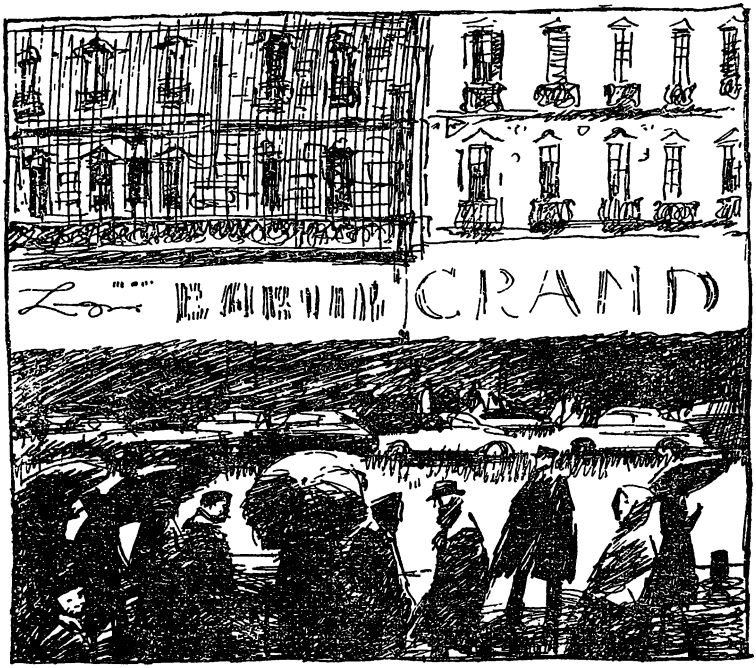
— Где твоя шляпа?

Проведя рукой по голове, он убедился, что позабыл где-то шляпу.

— Таковы все женщины! И заметь, заметь, прошу

тебя, потому что это весьма важно... весьма важно, ты слышишь?.. Вовсе не благодаря комиссару... Они уже давно ко мне присматривались, а я и понятия не имел .. Знаешь, кто мне об этом сказал?.. Сам шеф... Он мне сказал... Я не могу повторить все, что он мне сказал, но он просто, как отец... Отец, понимаешь ты...

Тогда она принесла ему комнатные туфли и приготовила крепкий кофе.

МЕГРЭ, ЛОНЬОН И ГАНГСТЕРЫ

Глава первая,

В КОТОРОЙ МЕГРЭ ВЫНУЖДЕН ЗАНЯТЬСЯ ГОСПОЖОЙ ЛОНЬОН, ЕЕ БОЛЕЗНЯМИ И ЕЕ ГАНГСТЕРАМИ

— Договорились... договорились... да, мосье. Ну да, да... Обещаю... Я сделаю все, что смогу... Так точно... Будьте здоровы... Что-что? Я говорю: будьте здоровы... Обижаться тут нечего... Всего доброго, мосье...

Мегрэ повесил трубку — наверное, в десятый раз за последний час (впрочем, звонков он не считал), закурил, с укоризной взглянул на окно — нудный холодный дождь хлестал по стеклу,— снова взялся за перо и склонился над рапортом, к которому приступил час назад, но за это время написал всего лишь полстраницы.

Дело в том, что с первой же строчки он стал думать совсем о другом — о дожде, нескончаемом, нудном дожде, предвестнике зимы, который так и норовит попасть вам за шиворот, просочиться сквозь подметки ваших ботинок, стечь крупными каплями с полей вашей шляпы,— об этом холодном дожде, от которого непременно схватишь насморк, гнусном, тоскливом дожде, про который говорят: в такую погоду хороший хозяин собаку из дома не выгонит.

В такой дождь люди, словно привидения, бродят из угла в угол. Может, они и звонят-то без конца просто от скуки?.. То и дело трещал телефон, но из всех этих разговоров едва ли три было нужных. И когда снова раздался звонок, Мегрэ взглянул на аппарат с таким видом, словно собирался размозжить его ударом кулака, и рявкнул:

— Алло?

— Мадам Лоньон желает поговорить с вами лично, она на этом настаивает.

— Кто-кто?

— Мадам Лоньон.

Услышать это имя сейчас, когда Мегрэ и так был вне себя от беспрестанных звонков и скверной погоды, имя человека, ставшего притчей во языцех в парижской полиции, анекдотически невезучего, за что и прозванного «горе-инспектором», да к тому же, как многие считали, с дурным глазом,— нет, это было уже слишком! Прямо как в водевиле.

А тут еще говорить с ним желал не сам Лоньон, а госпожа Лоньон. Однажды Мегрэ видел ее в квартире Лоньонов на площади Константэн-Пеке, на Монмартре, и с того дня перестал злиться на инспектора Лоньона, стараясь только по мере возможности не иметь с ним никаких дел. Но при этом Мегрэ жалел его от всего сердца.

— Соедините меня... Алло! Мадам Лоньон?

— Простите, что я вынуждена побеспокоить вас, мосье Мегрэ...

Она говорила чересчур изысканно, отчеканивая каждый слог, как это бывает с людьми, которые силятся подчеркнуть свое хорошее воспитание. Мегрэ почему-то машинально отметил про себя, что сегодня четверг,

19 ноября. Мраморные часы, стоящие на камине, показывали ровно половину одиннадцатого.

— Я никогда не позволила бы себе настаивать на том, чтобы говорить с вами лично, не будь у меня на это чрезвычайно веской причины...

— Слушаю вас, мадам.

— Вы нас знаете — и моего мужа, и меня.

— Да, мадам.

— Мне совершенно необходимо поговорить с вами, господин комиссар. У меня в доме происходят ужасные вещи... Я боюсь... Если бы не болезнь, я бы уже была у вас, на Набережной Орфевр. Но, как вам известно, я долгие годы заключена, как в тюрьме, в своей квартире на пятом этаже.

— Если я вас верно понял, вы хотели бы, чтобы я пришел к вам?

— Да, я прошу вас об этом, мосье Мегрэ.

Он едва верил своим ушам! Она говорила вежливо, но твердо.

— А вашего мужа нет дома?

— Он исчез.

— Что? Лоньон исчез? Когда?

— Не знаю. Его нет в участке, и никто не знает, где он. А гангстеры снова приходили нынче утром.

— Кто-кто?

— Гангстеры. Я вам все расскажу. Пусть Лоньон злится на меня. Мне очень страшно.

— Вы хотите сказать, что к вам в дом приходили какие-то люди?

— Да.

— Они ворвались силой?

— Да.

— Они что-нибудь унесли?

— Видимо, документы. Но я не могу этого проверить.

— И все это произошло, как вы говорите, сегодня утром?

— Полчаса назад. Но двое из них приходили и позавчера.

— Как на это реагировал ваш муж?

— С тех пор я его не видела.

— Я еду к вам.

Мегрэ еще не верил в эту историю. Точнее, не совсем

верил Он почесал в затылке, сунул в карман две трубки и приоткрыл дверь в комнату инспекторов:

— Никто ничего не слышал последние дни про Лоньона?

Это имя всегда вызывало улыбку. Нет. Никто о нем не слышал. Инспектор Лоньон, несмотря на свое бешеное честолюбие, работал не на Набережной Орфевр, а во втором отделе полицейского комиссариата IX района, и его участок находился на улице Ла Рошфуко.

— Если меня спросят, я вернусь через час. Есть дежурная машина?

Он надел свое грубошерстное пальто, спустился во двор, где стояла полицейская малолитражка, и дал адрес Лоньона. Дождь лил как из ведра, и прохожие уже не обращали внимания на грязные брызги, которыми их обдавали мчавшиеся мимо машины.

Дом, где жил Лоньон, был ничем не примечателен, построен лет сто назад, и, конечно, без лифта. Вздохнув, Мегрэ поплелся на пятый этаж; дверь открылась прежде, чем он успел постучать, и госпожа Лоньон — у нее были красные глаза и красный нос — впустила его в прихожую со словами:

— Я вам так признательна, что вы пришли! Если бы вы только знали, с каким восхищением к вам относится мой бедный муж!

Это было ложью. Лоньон ненавидел Мегрэ. Лоньон ненавидел всех, кому посчастливилось работать на Набережной Орфевр, ненавидел всех комиссаров полиции, всех, кто занимал более высокий пост. Он ненавидел пожилых за то, что они были старше его, а молодых — за то, что были моложе. Он...

— Садитесь, пожалуйста, господин комиссар.

Госпожа Лоньон была маленького роста, плохо причесана и одета во фланелевый халат неприятного лилового цвета. У нее были синяки под глазами и вообще изможденный вид; она непрестанно подносила руку к груди, как это делают сердечники.

— Я решила ничего здесь не трогать, чтобы вы сами все осмотрели...

Квартирка была маленькая: столовая, гостиная, спальня, кухонька и туалетная комната,— все таких размеров, что мебель мешала открывать полностью

двери. На кровати спал, свернувшись в клубочек, черный кот.

Мадам Лоньон ввела Мегрэ в столовую — было ясно, что гостиной они вообще никогда не пользуются. Все ящики буфета были выдвинуты, но там лежало не серебро, а какие-то бумаги, блокноты, фотографии. Видно было, что в них кто-то рылся: на полу валялись письма.

— Я полагаю,— сказал Мегрэ, вертя трубку в руке, но не решаясь закурить,— что лучше всего вам рассказать мне все сначала. По телефону вы мне что-то говорили о гангстерах.

— Да. Всю эту неделю Лоньон дежурил по ночам. Во вторник утром он вернулся домой, как обычно, в начале седьмого. Но вместо того чтобы поесть и лечь спать, он больше часа бегал взад-вперед по комнатам — у меня даже голова закружилась.

— Вам показалось, что он чем-то взволнован?

— Вы же знаете, господин комиссар, как он добросовестен. Я не переставая ему твержу, что он даже чересчур добросовестен, что он подрывает свое здоровье и что все равно ему никогда не дождаться благодарности. Вы уж извините меня за откровенность, но и вы не станете отрицать, что Лоньона еще не оценили по достоинству. Ведь он только и думает что о своей работе, отдает ей все силы, живьем себя съедает...

— Итак, во вторник утром...

— В восемь часов утра он спустился вниз, чтобы купить еду. Мне стыдно, что я стала совсем беспомощная, хотя это и не моя вина. Врач запретил мне подниматься по лестнице, и Лоньону приходится самому приносить в дом все необходимое. Конечно, бегать за покупками — неподходящее занятие для такого человека, как он, я это знаю. И каждый раз я...

— Итак, во вторник утром?

— Он отправился в магазин. Потом сказал, что ему необходимо зайти в комиссариат, но что там он, наверное, долго не задержится, а спать будет после обеда.

— Он не говорил вам, чем он сейчас занимается?

— Нет, он никогда не говорит о делах. А если я, не дай бог, задам ему насчет этого какой-нибудь вопрос, он всегда отвечает, что это профессиональная тайна.

— С тех пор он не возвращался?

— Нет, он вернулся часов в одиннадцать.

— В тот же день?

— Ну да, во вторник, около одиннадцати.

— И все так же нервничал?

— Не знаю уж, в нервах ли тут было дело или в ужасном насморке, но чувствовал он себя явно плохо. Я умоляла его подумать о себе, принять лекарство и лечь в постель. Но он ответил, что леченьем займется потом, когда у него будет время, что он должен снова уйти и вернется к обеду, а скорее всего, и раньше.

— Он пришел к обеду?

— Подождите! Господи, вы только послушайте, что я подумала: а вдруг я его больше никогда не увижу? А я как раз осыпала его упреками и все твердила, что он думает только о работе и совсем не заботится о своей больной жене!..

Мегрэ покорно ждал; ему неудобно было сидеть на таком скрипучем стуле, но он не решался откинуться на спинку, боясь, что стул вот-вот рассыплется.

— Через четверть часа после его ухода, а может быть, даже и четверти часа не прошло, короче, около часа дня я услышала на лестнице чьи-то шаги и подумала, что это, наверно, к жиличке с шестого этажа... Эта дама, между нами говоря, вызывает...

— Да, так, значит, шаги на лестнице...

— Шаги затихли на нашей площадке... Я как раз только прилегла — доктор велел мне отдыхать после каждой еды. Раздался стук в дверь, но я не двинулась с места. Лоньон мне советовал не открывать, если люди, постучав, не называют себя. Когда работаешь в полиции, нельзя не иметь врагов, не правда ли? Вы понимаете, как я была удивлена, когда услышала, что дверь сама открылась, а потом раздались шаги сперва в прихожей, потом в столовой. Их было двое, двое мужчин. Они заглянули в спальню и увидели меня. Я крикнула, чтобы они немедленно убирались вон, грозила позвать полицию и даже протянула руку к телефону на ночном столике.

— Ну?

— Тогда один из них, тот, что поменьше ростом, пригрозил мне револьвером и сказал что-то, видимо, по-английски.

— Что это были за люди?

— Не знаю, как вам сказать. Они были очень хорошо одеты. Оба курили сигареты. Шляп они не сняли. Казалось, они были удивлены, не обнаружив того, что искали. «Если вам нужен мой муж...» — начала я, но они меня не стали слушать. Тот, что повыше, обошел квартиру, а маленький тем временем не спускал с меня глаз. Они заглянули даже под кровать и порылись в стенном шкафу.

— А в ящиках они не рылись?

— Эти два — нет. Они пробыли здесь не больше пяти минут, ни о чем меня не спросили и преспокойно ушли, словно их визит был чем-то вполне естественным. Конечно, я тут же бросилась к окну и увидела, как они стоят на тротуаре возле большой черной машины и что-то обсуждают. Длинный сел в машину, а второй пошел пешком до угла улицы Колэнкур. Мне показалось, что он вошел в бар. Я тут же позвонила мужу в комиссариат.

— Он оказался на месте?

— Да, он только что туда пришел. Я рассказала ему, что произошло.

— Он был удивлен?

— Кто его знает. По телефону он всегда разговаривает каким-то странным тоном.

— Он попросил вас описать этих людей?

— Да, и я это сделала.

— Опишите их и мне.

— Очень смуглые, похожие на итальянцев, но я убеждена, что говорили они не по-итальянски. Мне кажется, что главным был длинный — красивый мужчина, ничего не скажешь, только, пожалуй, слишком полный, лет сорока. У него был такой вид, словно он только что вышел из парикмахерской.

— А маленький?

— Тот выглядел куда вульгарней! Нос у него перебит, уши как у боксера, золотой зуб. На нем была серая шляпа и серый плащ, а на его товарище — новенькое, с иголочки пальто, знаете, такое, из верблюжьей шерсти...

— Ваш муж прибежал домой?

— Нет.

— Он прислал полицейских?

— Нет. Он только попросил меня не волноваться, если ему придется несколько дней отсутствовать. Когда я

— Тот, что поменьше ростом, пригрозил мне револьвером,— сказала мадам Лоньон.

его спросила, что же я буду есть, он мне ответил, что едой он меня обеспечит.

— И он это сделал?

— Да. Вчера утром пришел посыльный и принес продукты. И сегодня тоже.

— Вчера вы не имели никаких сведений о Лоньоне?

— Он звонил мне дважды по телефону.

— А сегодня?

— Один раз, часов в девять утра.

— Вы не знаете, откуда он вам звонил?

— Нет. Он никогда не говорит, где он находится. Не знаю, как себя ведут другие полицейские инспекторы со своими женами, но он...

— Простите, вернемся к сегодняшнему визиту.

— Я снова услышала на лестнице шаги.

— В котором часу?

— Вскоре после того как пробило десять. Я не поглядела на будильник. Быть может, в половине одиннадцатого.

— Это были те же люди?

— Вероятно, но вошел сюда тип, которого я прежде не видела. Он не постучал, а сам открыл дверь, словно у него был ключ. Наверно, он пользовался отмычкой. Я как раз возилась на кухне, чистила овощи и вдруг увидела его — он стоял в дверях. «Не двигайтесь с места,— сказал он.— А главное, не кричите. Я вам ничего не сделаю».

— Он говорил с акцентом?

— Да. По-французски он говорил не очень хорошо, с ошибками. Я почти уверена, что это американец: высокий, рыжеватый блондин, косая сажень в плечах и жует резинку... Типичный американец... Он с любопытством глядел по сторонам, словно впервые попал в парижскую квартиру. Он сразу же заметил в гостиной на стене, в рамочке из черного дерева с позолотой, диплом, который Лоньон получил за двадцать пять лет безупречной службы в полиции. В дипломе были обозначены фамилия мужа и его звание. «Шпик, черт побери! — воскликнул он и, обернувшись ко мне, спросил: — Где ваш муж?» Я ответила, что понятия не имею, но это, как мне показалось, его нисколько не обеспокоило, он тут же стал выдвигать все ящики и просматривать лежавшие там документы,

счета и письма. Затем он покидал все это как попало обратно, часть бумаг упала на пол. Он нашел и нашу фотографию, снятую пятнадцать лет назад, взглянул на меня, покачал головой и сунул ее себе в карман.

— Короче, он, видимо, не предполагал, что ваш муж работает в полиции?

— Не могу сказать, что это его особенно поразило, но убеждена, что он этого не знал, когда явился сюда.

— Он спросил вас, в каком комиссариате служит ваш муж?

— Он спросил, где бы он мог его найти. Я ответила, что в точности не знаю, что муж никогда не говорит со мной о своей работе.

— О чем он еще спрашивал?

— Ни о чем. Он продолжал разглядывать все, что ему попадалось под руку.

— В ящике лежали и деловые бумаги?

— Да. Кое-что он сунул себе в карман вместе с фотоснимком. На верхней полке буфета стояла бутылка кальвадоса, и он налил себе большую рюмку.

— Это все?

— Он даже заглянул под кровать и в оба стенных шкафа. Потом он вернулся в столовую, выпил еще рюмку кальвадоса, с насмешливой улыбкой поклонился мне и ушел.

— Вы не обратили внимания, он был в перчатках?

— Да, в перчатках из свиной кожи.

— А те двое в тот раз?

— Кажется, они тоже были в перчатках. Во всяком случае, тип, который грозил мне пистолетом.

— Вы и сегодня подошли к окну после его ухода?

— Да, я видела, как он вышел из дому и направился к перекрестку; на углу улицы Колэнкур его поджидал один из тех двух типов, тот, что поменьше ростом. Я немедленно позвонила в комиссариат на улице Ла Рошфуко и попросила Лоньона. Мне сказали, что утром его не было и что они его не ждут, а когда я стала настаивать, мне объяснили, что он не появился и прошлой ночью, хотя это было его дежурство.

— Вы им сообщили, что у вас происходит?

— Нет. Я тут же подумала о вас, господин комиссар. Видите ли, я ведь знаю Лоньона как облупленного. Он

готов в лепешку расшибиться, лишь бы все сделать как можно лучше. До сих пор никто еще не оценил его по достоинству, но он мне часто говорил о вас. Я знаю, вы не похожи на других, вы ему не завидуете, вы... Я боюсь, мосье Мегрэ. Должно быть, Лоньон замахнулся на людей, с которыми ему не справиться, и бог знает, где он сейчас находится...

Их прервал телефонный звонок. Госпожа Лоньон вздрогнула:

— Вы разрешите?

Мегрэ услышал, как она вдруг заговорила обиженным тоном:

— Как! Это ты? Где ты? Я звонила в участок, и мне сказали, что со вчерашнего дня ты туда не заглядывал. К нам приехал комиссар Мегрэ.

Мегрэ подошел к ней и протянул руку к трубке.

— Разрешите?.. Алло! Лоньон, это вы?

Лоньон не мог вымолвить ни слова, должно быть, он застыл, стиснув зубы и глядя в одну точку.

— Скажите, Лоньон, где вы сейчас находитесь?

— В комиссариате.

— А я — в вашей квартире, в обществе вашей жены. Мне необходимо с вами поговорить. Я сейчас заеду на улицу Ла Рошфуко. Ждите меня... Что вы говорите?

Он с трудом расслышал, как инспектор пробормотал:

— Я бы предпочел встретиться с вами в другом месте... Я вам потом объясню, господин комиссар...

— Тогда через полчаса я буду ждать вас у себя, на Набережной Орфевр.

Он повесил трубку и взял шляпу.

— Как вы думаете, беды не случится? — спросила госпожа Лоньон.

И так как Мегрэ глядел на нее, явно не понимая вопроса, она добавила:

— Он такой отчаянный и такой усердный, что иногда...

* * *

— Пусть войдет.

Лоньон промок до нитки. Брюки и ботинки его были в таком виде, что казалось, он шатался всю ночь по улицам. К тому же его замучил страшнейший насморк, и он

ни на минуту не выпускал из рук носового платка. Слегка наклонив голову, как человек, ожидающий выговора, он застыл посреди комнаты, не подходя к Мегрэ.

— Садитесь, Лоньон. Я только что от вас.

— Что вам рассказала жена?

— Полагаю, все, что знала.

Наступила довольно долгая пауза, которой Лоньон воспользовался, чтобы высморкаться, но поднять глаза и посмотреть Мегрэ прямо в лицо он так и не решился. Комиссар знал, как обидчив Лоньон, и поэтому медлил, соображая, с чего лучше начать разговор.

Характеристика, которую госпожа Лоньон дала своему мужу, не была такой уж неточной. Этот болван от излишнего усердия постоянно попадал в дурацкие положения и был при этом уверен, что весь мир в сговоре против него, что все вокруг тайно строят козни, чтобы помешать ему получить повышение.

И удивительнее всего то, что инспектор Лоньон был вовсе не глупым и действительно на редкость добросовестным и честным человеком.

— Она лежит? — спросил он, прерывая затянувшееся молчание.

— Когда я приехал, она была на ногах.

— Сердится?

— Располагайтесь поудобней, Лоньон, и не отводите глаз. Вне зависимости от того, что мне наговорила ваша жена, достаточно взглянуть на вас, чтобы понять: с вами происходит что-то неладное. Вы мне непосредственно не подчиняетесь, следовательно, ваши дела меня как бы не касаются. Но раз уж ваша супруга обратилась ко мне, может быть, все же лучше посвятить меня в то, что приключилось. Как вы думаете?

— Думаю, вы правы.

— В таком случае я попрошу вас рассказать мне все, вы понимаете, *все,* а не *почти* все.

— Понимаю.

— Очень хорошо. Курите, пожалуйста.

— Я не курю.

Это было правдой. Мегрэ просто забыл, что Лоньон не курит из-за жены, которой делается дурно от запаха табака.

— Что вы знаете об этих гангстерах?

— Я думаю, это настоящие гангстеры.
— Американцы?
— Да.
— Как вы с ними связались?
— Сам толком не пойму. Я оказался сейчас в таком положении, что, наверное, лучше вам во всем чистосердечно признаться, даже если я потеряю из-за этого место.
Он не сводил глаз с письменного стола, и его нижняя губа дрожала.
— Все равно рано или поздно это должно было случиться.
— Что именно?
— Вы сами знаете. Меня держат только потому, что нет повода меня уволить, потому что им еще ни разу не удалось ко мне прицепиться, все они уже много лет так и норовят застукать меня...
— Кто они?
— Да все.
— Послушайте, Лоньон!..
— Да, господин комиссар!
— Пожалуйста, не считайте себя жертвой, которую все преследуют,— это просто смешно!
— Извините, господин комиссар.
— Да что вы стоите точно в воду опущенный? Взгляните хоть разок на меня. Ну вот, так-то оно лучше, так вы хоть похожи на мужчину. А теперь выкладывайте, в чем дело.
Лоньон не плакал, но от насморка глаза его слезились, он ежесекундно подносил платок к лицу, и это раздражало Мегрэ.
— Ну, так я вас слушаю.
— Это случилось в понедельник, вернее в ночь с понедельника на вторник.
— Вы дежурили?
— Да. Было что-то около часа ночи. Притаившись, я наблюдал за происходящим вокруг.
— Где вы стояли?
— За оградой церкви Нотр-Дам де Лорет, на улице Флешье.
— Выходит, на чужом участке?
— Нет, как раз на границе двух участков; правда,

улица Флешье относится к третьему кварталу, но следил я за баром на углу улицы Мартир, которая входит в мой участок. Мне донесли, что туда по ночам захаживает один тип, торгующий кокаином. Улица Флешье плохо освещена и в такой поздний час всегда пустынна. Вдруг из-за угла улицы Шатодэн появилась какая-то машина, резко затормозила и на мгновение остановилась метрах в десяти от меня. Люди, сидевшие в машине, меня не заметили. Дверца распахнулась, и на тротуар выбросили человека, точнее, труп человека; затем машина сорвалась с места и умчалась по улице Сен-Лазар.

— Вы записали ее номер?

— Да. Прежде всего я кинулся к трупу. Я мог поклясться, что человек этот мертв, но все же мне надо было в этом убедиться. В темноте я ощупал его грудь и тут же отдернул руку — рубаха была пропитана липкой, еще теплой кровью.

Нахмурив брови, Мегрэ пробормотал:

— Что-то я ничего об этом не читал в сводке происшествий за ту ночь.

— Знаю.

— Каким же образом?..

— Сейчас я вам объясню. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что поступил неправильно. Быть может, вы мне даже не поверите...

— Что стало с телом?

— Вот именно об этом я и хочу рассказать. Полицейского поблизости не оказалось. Бар — он находился метрах в ста от места происшествия — был еще открыт. Я бросился туда, чтобы позвонить.

— Кому?

— В комиссариат третьего квартала.

— Вы позвонили?

— Я подошел к стойке, чтобы взять жетон для автомата, и, машинально бросив взгляд через окно на улицу, увидел вторую машину, которая свернула с улицы Флешье на улицу Нотр-Дам де Лорет и затормозила у того места, где лежал труп. Тогда я выскочил из бара, чтобы записать ее номер, но машина была уже слишком далеко.

— Такси?

— Не думаю. Все это произошло очень быстро. Я по-

чувствовал что-то неладное и со всех ног кинулся к церкви. Трупа у решетки не оказалось.

— И вы не доложили об этом?

— Нет.

— Вам не пришло в голову, что если сообщить номер первой машины, ее, может быть, удалось бы задержать?

— Я подумал об этом, но решил, что люди, способные на такие вещи, не настолько глупы, чтобы долго разъезжать на этой машине.

— И вы не написали рапорта о происшедшем?

Мегрэ, конечно, понял, в чем дело. Долгие годы бедняга Лоньон ждал, что ему посчастливится напасть на какое-нибудь громкое дело, которое привлечет к нему всеобщее внимание. И, как нарочно, всякий раз, когда на его участке происходило что-нибудь серьезное, он либо не дежурил, либо по тем или иным причинам розыск поручали оперативной группе с Набережной Орфевр.

— Я знаю, что поступил неправильно. Я понял это очень скоро, еще ночью, но, поскольку я тут же не доложил начальству, было уже поздно...

— Вы нашли машину?

— Утром я отправился в префектуру, просмотрел списки и установил, что эта машина приписана к гаражу у ворот Майо. Я пошел туда и выяснил, что в этом гараже можно взять машину напрокат — на день, два или даже на месяц.

— Машина была на месте?

— Нет. Ее взяли за два дня до этого на неопределенный срок. Мне показали регистрационную карточку клиента — это был некий Билл Ларнер, подданный США, проживающий в гостинице «Ваграм» на авеню Де Ваграм.

— Вы застали там Ларнера?

— Нет, он ушел из гостиницы в четыре часа утра.

— Вы хотите сказать, что до четырех утра он находился в своей комнате?

— Да.

— Значит, в машине его не было?

— Наверняка. Портье видел его, когда он поднимался к себе в номер,— это было около двенадцати ночи. В половине четвертого утра Ларнеру позвонили, и он тут же ушел.

— Вещи он взял с собой?

— Нет. Он сказал, что идет на вокзал встретить друга и вернется к завтраку.

— Конечно, он не вернулся?

— Нет.

— А машина?

— Утром ее обнаружили возле Северного вокзала.— Лоньон снова высморкался и с виноватым видом поглядел на Мегрэ.— Повторяю, я поступил неправильно. Сегодня уже четверг, а я со вторника, с самого утра, безуспешно пытаюсь во всем этом разобраться. Двое суток я не был дома.

— Почему?

— Жена вам, наверное, сказала, что во вторник, едва я ушел, они явились ко мне домой. Ведь это о чем-то говорит, верно?

Мегрэ его не перебивал.

— По-моему, здесь может быть только одно объяснение: выбросив труп на тротуар, они заметили, что кто-то стоит в тени у решетки. Они подумали, что, вероятно, я записал номер их машины, и бросили ее у вокзала, а потом позвонили Биллу Ларнеру и предупредили его— ведь по регистрационной карточке в гараже его теперь легко найдут.

Мегрэ слушал, рисуя что-то в блокноте.

— А дальше что?

— Не знаю. Я ведь только высказываю предположение: должно быть, они просмотрели газеты и убедились, что об этом деле молчат.

— А как узнали ваш адрес?

— Я нахожу этому только одно объяснение, и оно доказывает, что мы имеем дело с очень ловкими людьми, с профессионалами высокого класса. Видимо, кто-то из них дежурил возле гаража, когда я приходил туда справиться о машине, и выследил меня. А как только я, позавтракав, ушел из дому, они проникли в мою квартиру.

— Они что, надеялись найти у вас труп?

— Вы тоже так думаете?

— Не знаю... Почему вы с тех пор не были дома?

— Потому что они, скорее всего, наблюдают за домом.

— Вы их боитесь, Лоньон?

Щеки Лоньона стали такими же пунцовыми, как и его нос.

— Я предполагал, что меня в этом заподозрят. Но это неправда. Я хотел только сохранить свободу передвижения. Я снял комнату в маленькой гостинице на площади Клиши. С женой я говорю по телефону. Все это время я работаю без устали. Я обошел больше ста гостиниц в районе Терн, вокруг авеню Де Ваграм и авеню Де л' Опера. Жена описала мне тех двух типов, которые ворвались к нам в дом. Я побывал в префектуре, в отделе иностранцев. При этом я делал и всю свою текущую работу...

— Короче говоря, вы надеялись, что сумеете один расследовать это дело?

— Сперва — да. Я считал, что это мне окажется под силу. А теперь я отступаю. Пусть будет что будет.

Бедный Лоньон! Несмотря на свои сорок семь лет и неприятную внешность, он минутами напоминал обиженного мальчишку, повзрослевшего сорванца, ненавидящего взрослых, от которых зависит.

— Сегодня они нанесли вашей жене второй визит, и она, не сумев вас найти, позвала меня.

Инспектор был в отчаянии. Он посмотрел на Мегрэ с таким видом, словно хотел сказать, что теперь ему уже все безразлично.

— На этот раз приходили не те два типа, что во вторник, а высокий блондин, почти рыжий...

— Это Билл Ларнер,— пробурчал Лоньон,— мне его так описали.

— Он унес вашу фотографию и, видимо, какие-то документы. На углу его ждал один из тех двух, что уже были у вас. Они ушли вместе.

— Я полагаю, что должен ответить за свой проступок перед судом чести.

— Об этом мы еще успеем поговорить.

— Когда?

— После завершения следствия.

Лоньон нахмурил брови, лицо его по-прежнему было мрачным.

— Главное сейчас — найти этих людей. Надеюсь, вы того же мнения?

— И я буду в этом участвовать?

Мегрэ ничего не ответил.

Глава вторая,

В КОТОРОЙ ИНСПЕКТОР ЛОНЬОН ИЗ КОЖИ ВОН ЛЕЗЕТ, ЧТОБЫ ДОКАЗАТЬ, ЧТО ОН БЛАГОВОСПИТАННЫЙ ЧЕЛОВЕК, ХОТЯ РЕЧЬ ИДЕТ О ЛИЧНОСТЯХ ВЕСЬМА ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ

Было около пяти часов, когда Мегрэ соединили наконец с Вашингтоном. Уже давно пришлось зажечь свет, а многочисленные посетители успели за день так затоптать пол в его кабинете, что он стал темным. В самом ли деле табак в такую погоду меняет вкус или Мегрэ тоже подхватил грипп?

Он услышал, как телефонистка объявила по-английски:

— Парижская Сыскная полиция. Комиссар Мегрэ у аппарата.

И тут же раздался молодой, веселый, сердечный голос Джимми Макдональда:

— Алло! Жюль?

За время своей поездки по Соединенным Штатам Мегрэ привык, правда не без труда, к такому обращению, но все же и теперь ему это давалось нелегко. Поэтому он задержал на мгновение дыхание, прежде чем в свою очередь произнести:

— Алло, Джимми!

Макдональд, один из основных сотрудников ФБР, сопровождал Мегрэ в поездке по крупным городам США. Это был высокий сероглазый парень; галстук он почти всегда таскал в кармане, а пиджак перекидывал через руку.

За океаном после пятиминутного знакомства все обычно называют друг друга по имени.

— Как Париж?

— Хлещет дождь.

— А у нас солнышко.

— Послушайте, Джимми, мне нужна справка. Прежде всего, известен ли вам некий Билл Ларнер?

— Sweet Билл?

— Не знаю. Я знаю только имя — Билл Ларнер. Судя по внешности, ему лет сорок.

Sweet Билл означает Нежный Билл.

— Видимо, это он. Он уехал из Штатов года два назад и проболтался несколько месяцев в Гаване, прежде чем отправиться в Европу.

— Опасен?

— Он не убийца, если вы это имеете в виду, но один из самых ловких воров, так сказать, американской школы. Мошенник высшего класса; никто не умеет лучше его выманить у наивного обывателя пятьдесят долларов, посулив ему в будущем миллион. Так, значит, он у вас?

— Да, он в Париже.

— Быть может, по французским законам вам удастся отправить его за решетку. У нас это никогда не получалось: невозможно было собрать достаточно улик и всякий раз приходилось выпускать его на свободу. Хотите, я вам вышлю копию его досье?

— Если можно. Но это еще не все. Я вам прочту сейчас список фамилий. Если попадутся знакомые, скажите.

Мегрэ дал задание Жанвье. Сыскная полиция достала списки всех пассажиров, высадившихся в Гавре и Шербуре за последние несколько недель. От портовых инспекторов, которые проверяли паспорта при высадке, были получены сведения, которые позволили сразу же исключить из этого списка значительное число имен.

— Вы меня хорошо слышите?

— Будто вы находитесь в соседнем кабинете.

На десятой фамилии Макдональд прервал своего французского коллегу:

— Вы сказали — Чина́глиа?

— Чарли Чинаглиа.

— Он тоже у вас?

— Прибыл две недели назад.

— Этого бы хорошо не выпускать из поля зрения. Он уже сидел в тюрьме раз пять или шесть и, если бы не умел выходить сухим из воды, давно угодил бы на электрический стул. Это — убийца. К несчастью, он попадался только за ношение оружия, драки с увечьем, бродяжничество и тому подобное...

— Как он выглядит?

— Маленького роста, всегда одет с излишней тщательностью, на пальце — бриллиантовое кольцо, носит ботинки только с высокими каблуками. Нос перебит, уши как у боксера.

— Похоже, он прибыл вместе с неким Чичéро, который занимал соседнюю каюту.

— Черт подери! Тони Чичеро работал с Чарли в Сен-Луи, но сам в мокрых делах не участвует — он, так сказать, мозговой трест.

— У вас есть о них какие-нибудь материалы?

— Достаточно, чтобы создать целую библиотеку. Пошлю вам самое интересное. И фотографии. Сегодня же, вечерним самолетом.

Остальных фамилий Макдональд не знал.

Мегрэ надо было поговорить по поводу другого дела с начальником Сыскной полиции, поэтому он вышел из кабинета с папкой протоколов в руке. Пересекая приемную, он почувствовал на себе чей-то взгляд, обернулся и с удивлением обнаружил в самом темном углу, на краешке кресла, Лоньона; когда инспектор увидел, что Мегрэ его заметил, по его лицу скользнула жалкая улыбка.

Было около шести. Почти все инспекторы уже ушли, и длинный, всегда пыльный коридор был совершенно пуст.

Если Лоньону необходимо было с ним снова поговорить, он должен был бы ему позвонить по телефону либо доложить о своем приходе через секретаря. На худой конец, просто зайти в комнату инспекторов: ведь как-никак он тоже служит в полиции!

Но нет, Лоньон повел себя совсем по-другому! Он совершил ошибку и теперь, видно, испытывал потребность оказаться в унизительном положении — сидеть и часами ждать, как жалкий бесправный проситель, пока Мегрэ, проходя мимо, случайно не обратит на него внимание.

Мегрэ чуть не рассердился, потому что чувствовал в поведении Лоньона смирение паче гордости. Лоньон как бы говорил своим видом: «Вот видите, я провинился, и вы могли бы вызвать меня на дисциплинарный совет. Но вы проявили доброту. Я это понимаю и должен теперь все стерпеть, как человек, которому оказывают милость». Какая чушь! В этом весь Лоньон, и, может, именно из-за его жалкого вида так тягостно было ему помогать. Даже простуда его была как бы не только простудой, но искуплением вины!

За это время Лоньон успел переодеться. Но и этот костюм был не лучше прежнего. Ботинки он тоже сменил, и пока они были еще сухие, но пальто на нем было все то же, насквозь промокшее, хоть выжимай,— видно, другого у него не было.

Он, вероятно, приехал на автобусе и долго ждал его на остановке, под проливным дождем, ждал, словно бросал всем вызов: «Глядите на меня! Машины мне не дают, а такси я нанять не могу, вернее, не хочу, я не намерен потом объясняться с нашим кассиром, который всех подозревает в жульничестве, когда принимает отчеты о служебных расходах. Я не жулик. Я честный человек. Абсолютно честный!»

— Вы хотите со мной поговорить? — спросил Мегрэ.

— Мне не к спеху. Я подожду, пока вы сможете меня принять.

— Тогда пройдите в мой кабинет.

— Разрешите мне подождать вас здесь.

Болван! Мрачный болван! И все же как его не пожалеть? Он наверняка очень несчастен и ест себя поедом.

Когда двадцать минут спустя Мегрэ вышел из кабинета начальника, он застал Лоньона на том же месте; тот сидел неподвижно, и с пальто его, как с зонтика, стекали на пол крупные капли.

— Заходите ко мне, садитесь.

— Я подумал, что должен сообщить вам все, что мне удалось узнать. Сегодня утром вы мне не дали никаких точных указаний, и я понял, что мне следует попытаться сделать то немногое, что в моих силах.

Все то же чрезмерное самоуничижение. Правда, обычно Лоньон был несносен из-за чрезмерной гордости.

— Я вернулся в гостиницу «Ваграм». Билл Ларнер там так и не появлялся, но мне удалось собрать о нем кое-какие сведения.

Мегрэ едва не сказал: «Мне тоже», но сдержался. К чему это?

— Он в течение почти двух лет занимает один и тот же номер. Я зашел туда. Там по-прежнему лежат его вещи. По всей видимости, он забрал с собой только портфель с документами и бумагами, потому что в ящиках я не нашел ни паспорта, ни писем. Он одевается у самых дорогих портных, живет широко и щедро дает на

чай. Я спросил, бывают ли у него друзья. Мне ответили, что нет. Зато ему то и дело звонят. Писем он не получает никогда. Один из дежурных администраторов сказал, что Ларнер часто обедает в ресторане у Поччо на улице Акаций,— во всяком случае, он несколько раз видел, как Ларнер туда заходил.

— Вы были у Поччо?

— Нет еще. Я подумал, что, может быть, вы сами захотите туда отправиться. Зато я говорил со служащими почтового отделения на улице Ноель. Ему пишут туда «до востребования». В основном он получает письма из Соединенных Штатов. Вчера утром он заходил за своей корреспонденцией. Сегодня его там еще не видели, но на его имя, правда, ничего и не поступило.

— Это все, что вы узнали?

— Почти. Я побывал еще в префектуре, в отделе регистрации иностранцев, и нашел его досье — ведь он попросил вид на жительство в Париже по всей форме. Родился он в штате Омаха, это в Америке, но где точно, не знаю; ему сорок пять лет.

Лоньон вытащил из своего бумажника небольшую фотографию — несколько таких фотографий иностранцы должны сдавать при оформлении вида на жительство. Судя по этой фотографии, Билл Ларнер — красивый мужчина, с живыми и веселыми глазами, этакий бонвиван, пожалуй только чуть-чуть отяжелевший.

— Вот все, что мне удалось узнать. Я пытался обнаружить отпечатки пальцев в своей квартире, но их не оказалось. Дверь, правда, они открыли отмычкой, но работали, видно, в перчатках.

— Ваша жена чувствует себя лучше?

— Вскоре после моего прихода у нее был припадок. Сейчас она лежит в постели.

Разве он не мог бы рассказать все это более естественным тоном? Он словно извинялся за болезнь жены,— казалось, и тут он считал себя лично во всем виноватым.

— Ах да, чуть не забыл. Я еще заскочил в гараж у ворот Майо, чтобы показать им фотографию. Они подтвердили, что именно Ларнер взял у них напрокат машину. Когда надо было внести деньги в залог, он вытащил из кармана брюк целую пачку банкнотов. Говорят

там были купюры даже в тысячу франков. Машина оказалась на месте, и я ее тщательно осмотрел. Ее недавно вымыли, но на заднем сиденье я обнаружил пятна — должно быть, пятна крови.

— Нет ли пробоин или вмятин от пуль?

— Не заметил.

И Лоньон снова принялся сморкаться с тем же видом, с каким женщины, понесшие тяжелую потерю, вдруг ни с того ни с сего начинают вытирать слезы во время самого пустого разговора.

— Что вы теперь намерены делать? — спросил комиссар, стараясь не глядеть на Лоньона.

От одного вида его красного носа и влажных глаз у Мегрэ самого стали слезиться глаза, и ему показалось, что и у него разыгрался грипп. Но он не мог не испытывать жалости к Лоньону: несмотря на этот ужасный, холодный дождь, бедняга несколько часов мотался взад-вперед по Парижу, хотя все, что он узнал, можно было выяснить по телефону. Но стоит ли об этом говорить? Не испытывал ли Лоньон потребности таким образом наказать себя?

— Я буду делать все, что вы мне поручите. Я вам крайне благодарен, что вы мне разрешаете принимать участие в расследовании, хотя и понимаю, что я никак не могу на это претендовать.

— Ваша жена ждет вас к обеду?

— Она меня никогда не ждет. Но даже если бы она меня ждала...

Мегрэ хотелось крикнуть: «Прекратите! Ведите себя, как мужчина, черт побери!» Но вместо этого он, как бы помимо воли, сделал вдруг Лоньону нечто вроде подарка:

— Послушайте, Лоньон, сейчас половина седьмого. Я позвоню домой, скажу жене, что задержусь, и мы вместе пообедаем у Поччо. Быть может, мы обнаружим там что-нибудь интересное.

Он зашел в соседнюю комнату, дал какие-то указания Жанвье, натянул на себя свое толстое пальто, и несколько минут спустя они уже поджидали такси на углу набережной. Дождь все не утихал. Париж напоминал туннель, по которому мчится поезд: свет огней казался неестественным, а люди жались к стенам, словно старались укрыться от какой-то таинственной опасности.

Уже в пути Мегрэ пришла в голову новая идея, и он попросил остановить машину у первого попавшегося бистро.

— Мне надо позвонить. А заодно глотнем по рюмочке.

— Я вам нужен?

— Нет, а что такое?

— Я предпочел бы подождать вас в машине. От спиртного у меня всегда изжога.

Это был небольшой бар для шоферов. В жарко натопленном зале воздух был сизый от дыма. Рядом с кухней висел телефон.

— Отдел иностранцев? Это ты, Робен? Добрый вечер, старик. Взгляни, пожалуйста, есть ли в регистрационных книгах имена, которые я тебе сейчас назову.

И он продиктовал по буквам фамилии Чинаглиа и Чичеро.

Имен этих в книгах не оказалось. Чинаглиа и Чичеро в префектуру не заходили: видимо, они не собирались долго оставаться в Париже.

Улица Акаций!

Мегрэ казалось, что в этот день он был чрезмерно великодушен: пока они ехали в такси, он рассказал Лоньону о том, что он уже успел предпринять.

— Вне всякого сомнения, именно Чарли Чинаглиа и Чичеро посетили во вторник вашу квартиру. Несомненно также, что они действовали в сговоре с Ларнером, который достал им машину. А потом этот Ларнер и самолично явился к вам. Видимо, он вынужден был это сделать потому, что те два типа не говорят по-французски.

— Мне это тоже приходило в голову.

— В первый раз они искали не документы, а человека, живого или мертвого, того самого, которого они выбросили из машины на улице Флешье. Вот почему они заглядывали под кровать и открывали стенные шкафы. Ничего не найдя, они решили выяснить, кто вы такой, где вас можно увидеть, и послали к вам Ларнера, а он уже рылся в ящиках.

— Теперь они знают, что я работаю в полиции.

— Это их не обрадовало. И то, что газеты молчат об этом деле, их тоже, вероятно, тревожит.

— Вы не боитесь, что они смоются?

— На всякий случай я предупредил вокзалы, аэродромы и полицию на шоссейных дорогах. Я дал их приметы. Вернее, в данный момент этим занимается Жанвье.

Несмотря на темноту, он уловил, что улыбка скользнула по губам Лоньона. Нетрудно было догадаться о ходе его мыслей:

«Вот почему все кричат о великом Мегрэ! Когда инспектору вроде меня нужно как угорелому носиться по Парижу, чтобы собрать кое-какие жалкие сведения, знаменитому комиссару достаточно позвонить в Вашингтон и дать задания целому штату сотрудников оповестить вокзалы и полицию!»

Браво, Лоньон! Мегрэ захотелось похлопать его по колену и сказать: «Да сними же ты маску, стань самим собой!» А может быть, Лоньон почувствовал бы себя несчастным, если б лишился прозвища «горе-инспектор»? Он испытывал настоящую потребность жаловаться, ворчать, чувствовать себя самым невезучим человеком на свете.

Такси остановилось на узкой улице Акаций у ресторана Поччо, окна и дверь которого были задернуты занавесками в бело-красную клетку. Переступая порог, Мегрэ почувствовал, как на него пахнуло Нью-Йорком, таким, каким он его увидел тогда благодаря Джимми Макдональду. Ресторан Поччо походил не на парижский ресторан, а на одно из тех заведений, которые можно найти почти на любой улице вблизи Бродвея. Свет в зале был притушен, к этому полумраку надо было привыкнуть; сперва не удавалось разглядеть ни одного предмета, а контуры лиц расплывались.

Вдоль стойки из красного дерева стояли высокие табуреты, а на полках между бутылок красовались маленькие флажки — американские, итальянские и французские. Радиоприемник был включен, но музыка звучала тихо. Девять или десять столиков были покрыты скатертями в красную клетку, точь-в-точь такую же, как на занавесках, а на стенах, обшитых деревом, висели фотографии боксеров и артистов, почти все с автографами.

В этот час ресторан был еще почти пуст. У стойки двое мужчин играли в кости с барменом. В глубине зала сидел молодой человек с девушкой, они ели спагетти.

Никто не бросился навстречу вошедшим; правда, все присутствующие проводили глазами эту странную пару — Мегрэ и худого, мрачного Лоньона, и на мгновение в зале воцарилось напряженное молчание, словно кто-то шепнул, едва они переступили порог: «Шухер, полиция!»

Мегрэ задержался у дверей, видимо колеблясь, не устроиться ли им у стойки. Но потом, сняв пальто и шляпу, все же решил сесть за ближайший столик. В зале вкусно пахло пряностями и чесноком. Игра возобновилась. Кости снова ударили о стойку, но бармен при этом не спускал насмешливого взгляда с новых клиентов.

Ни слова не говоря, официант протянул меню.

— Вы любите спагетти, Лоньон?

— Я закажу то же, что и вы.

— Что ж, тогда для начала две порции спагетти.

— Вино?

— Бутылку кьянти.

Мегрэ скользил взглядом по фотографиям, висящим на стенах, и вдруг встал и подошел поближе, чтобы получше рассмотреть одну из них. Снимок, привлекший его внимание, был, видимо, сделан несколько лет назад; на нем был изображен молодой боксер, в углу фотографии — дарственная надпись Поччо и подпись: Чарли Чинаглиа.

Бармен, по-прежнему стоя за стойкой, не спускал с Мегрэ глаз. Не переставая играть, он спросил:

— Интересуетесь боксом?

— Точнее, некоторыми боксерами. Вы — Поччо?

— А вы — Мегрэ?

Они обменялись этими репликами совершенно спокойно, как бы небрежно, так же как теннисисты перед началом матча для разминки перебрасываются мячами.

Когда официант поставил на столик бутылку кьянти, Поччо сказал:

— А я думал, вы пьете только пиво.

Он был небольшого роста, почти лысый, лишь несколько очень черных волосиков торчало на самой макушке. Глаза у него были большие и круглые, нос — картошкой, похожий на нос Лоньона, рот тоже большой и подвижный — рот клоуна. Со своими партнерами, сидевшими против него за стойкой, он разговаривал по-итальянски. Оба они были одеты с чрезмерной изы-

сканностью, и Мегрэ без всякого сомнения нашел бы их имена в полицейском архиве. Младший явно употреблял наркотики.

— Лоньон, берите спагетти.

— После вас, господин комиссар.

Быть может, Лоньон и в самом деле никогда прежде не ел спагетти, а быть может, он все это специально разыгрывал: он тщательно подражал всем жестам Мегрэ с видом гостя, который из кожи вон лезет, чтобы понравиться хозяину.

— Невкусно?

— Да нет, что вы, вполне можно есть.

— Хотите, я закажу что-нибудь другое?

— Ни за что! Это наверняка очень питательно.

Спагетти упорно соскальзывали с его вилки, и молодая женщина, сидевшая в глубине зала, не могла сдержать смеха. Кончив играть в кости, те, что стояли у стойки, пожали руку Поччо и, бросив взгляд на Мегрэ, медленно, подчеркнуто медленно двинулись к двери, словно специально демонстрируя, что им нечего бояться и что совесть их чиста.

— Поччо!

— Да, господин комиссар!

Поччо оказался еще меньше ростом, чем можно было предположить, глядя на него через стойку. У него были на редкость короткие ноги, и это особенно бросалось в глаза, потому что он носил чересчур широкие штаны.

Он подошел к столику Мегрэ и Лоньона с дежурной улыбкой на губах и с белой салфеткой под мышкой.

— Так вы, значит, любите итальянскую кухню?

Вместо ответа Мегрэ снова поглядел на фотографию боксера и спросил:

— Вы давно видели Чарли?

— Вы знаете Чарли? Вы были в Америке?

— А вы?

— Я? Я там прожил двадцать лет. В Сен-Луи, в Бруклине.

— Когда Чарли приходил сюда с Биллом Ларнером в последний раз?

Разговор этот шел совсем в американском духе, и Мегрэ заметил, что Лоньон прислушивался к нему с некоторым изумлением.

И в самом деле, подобные беседы во Франции происходят обычно по-другому: Поччо вел себя совсем не так, как этого можно было ожидать от хозяина весьма подозрительного заведения, когда его допрашивает полицейский комиссар. Держался он крайне непринужденно, уверенно, а его большие круглые глаза искрились насмешкой. Скорчив комичную гримасу, он почесал себе затылок.

— Выходит, вы и Билла знаете? Неженку Билла, да? Очень симпатичный парень.

— Один из ваших завсегдатаев?

— Вы полагаете?

Поччо подсел к ним.

— Анжелино, принеси стакан.

И он налил себе кьянти.

— Не волнуйтесь, вином угощаю я. Обедом, впрочем, тоже. Не каждый же день мне выпадает честь принимать комиссара Мегрэ.

— А вы весельчак, Поччо!

— Мне всегда весело. Не то что вашему другу. Он, видно, потерял жену?..— И Поччо поглядел на Лоньона с наигранным сочувствием.— Анжелино! Ты подашь этим господам эскалопы по-флорентийски. Скажи Джиовани, чтобы он приготовил их, как для меня. Вы любите эскалопы по-флорентийски, комиссар?

— Позавчера я видел Чарли Чинаглиа.

— Вы только что прилетели из Нью-Йорка?

— Чарли в Париже!

— Серьезно? Ну что за народ! Десять лет назад он звал меня только «мой Поччо», он дня без меня не мог прожить. Впрочем, если мне память не изменяет, он называл меня «папа Поччо». А теперь выясняется, что Чарли в Париже, а ко мне и носа не кажет!

— И Билл Ларнер тоже вас забыл? И Тони Чичеро?

— Повторите, пожалуйста, последнее имя.

Поччо даже не пытался скрыть, что ломает комедию. Он откровенно кривлялся, словно клоун на манеже. Лишь внимательно приглядевшись, можно было заметить, что, несмотря на все ужимки и шуточки, взгляд его оставался жестким и тревожным.

— Странно. Я знавал немало разных Тони, но вот Тони Чичеро что-то не припомню.

— Он из Сен-Луи.

— А вы были в Сен-Луи? В этом городе я получил американское гражданство. Ведь я — гражданин Соединенных Штатов.

— Но сейчас вы живете во Франции. И французское правительство может в один прекрасный день лишить вас лицензии на содержание ресторана.

— Почему? Разве я нарушил санитарные нормы? Драк у меня тоже не бывает — можете справиться у комиссара нашего района. Господин комиссар — вы его, наверное, знаете — посещает иногда мой скромный ресторан, для меня это большая честь... В эти часы у меня всегда мало народу — моя клиентура приходит позже... Ну как, по вкусу ли вам наши эскалопы?

— У вас есть телефон?

— Конечно! Кабина вон там, в глубине зала, дверь налево, рядом с туалетом.

Мегрэ встал, направился к телефону, плотно закрыл за собой дверь, набрал номер Сыскной полиции и шепотом произнес:

— Жанвье? Я у Поччо, это ресторан на улице Акаций. Предупреди службу подслушивания, чтобы на весь вечер подключились к этому телефону. Времени у тебя достаточно — ничего интересного раньше чем через полчаса не произойдет. Пусть записывают все разговоры, особенно если будет произнесено хоть одно из трех имен, которые я тебе сейчас назову.

И он по буквам продиктовал имена Чинаглиа, Чичеро и Билла Ларнера.

— Ничего нового?

— Ничего. Просматриваю регистрационные карточки гостиниц.

Когда Мегрэ вернулся в зал, он увидел, что Поччо пытается, правда тщетно, вызвать улыбку на лице Лоньона.

— Значит, выходит, вы пришли ко мне не ради моей итальянской кухни, комиссар?

— Послушайте, Поччо, Чарли и Чичеро уже две недели в Париже, вы это знаете не хуже меня. С Ларнером они встретились, скорее всего, у вас.

— Чичеро я не знаю, но что до Чарли, то он, должно быть, сильно изменился, раз я его не узнал.

— Ясно. По некоторым причинам мне хотелось поговорить с этими господами с глазу на глаз.

— Со всеми тремя?

— Речь идет о серьезном деле. Об убийстве.

Поччо комично перекрестился.

— Вы меня поняли? Ведь мы не в Америке, где так трудно собрать улики.

— Вы меня огорчаете, комиссар. Честно говоря, я от вас такого не ожидал.— И добавил, поднимая свой стакан: — За ваше здоровье! Я очень рад с вами познакомиться! Я много слышал о вас, как, впрочем, и все. И я говорил себе: «Этот человек знает жизнь, все видит насквозь». А вы приходите ко мне и обращаетесь со мной так, словно вам невдомек, что Поччо никогда никому не причинил ни малейшего зла. Вы расспрашиваете меня о каком-то давно забытом боксере, которого я не видел десять, а то и пятнадцать лет, и думаете обо мне бог весть что...

— Стоп! Сегодня я больше не намерен обсуждать с вами все это. Я вас предупредил: речь идет о мокром деле.

— Странно, в газетах об этом ничего не было. Кого убили?

— Это не имеет значения. Но если Чарли и Чичеро в самом деле приходили сюда или если вы имеете хоть самое смутное представление о том, где они находятся, то — обещаю вам — вас будут судить как соучастника преступления.

Поччо печально покачал головой:

— Нехорошо так со мной поступать!

— Они приходили сюда, да или нет?

— Когда, по-вашему, они могли сюда прийти?

— Еще раз спрашиваю: они здесь были?

— Здесь бывает столько народу, господин комиссар! По вечерам у меня все столики заняты, часто даже на улице стоит очередь. Разве я могу всех заметить?

— Они сюда приходили?

— Знаете что! Хотите убедиться, что Поччо верный человек? Я вам обещаю: как только кто-либо из них появится у меня, я вам тут же позвоню! Это по-честному. Опишите мне Чичеро.

— Не имеет смысла.

— Тогда как же, по-вашему, мне его опознать? Разве я могу проверять паспорта своих клиентов! Сами подумайте! Я женат, господин комиссар, у меня дети. Я всегда уважаю законы страны, в которой живу. Могу вам сказать: я подал прошение на получение французского гражданства.

— После того как получили американское?

— Это было ошибкой: мне не нравится тамошний климат. Я уверен, что ваш спутник меня лучше поймет.

Он посмотрел на Лоньона в упор, с жестокой насмешкой, и тот, не зная, куда отвести глаза, громко высморкался.

— Официант! — крикнул Мегрэ.

— Я вам уже сказал, что вы — мой гость.

— Сожалею, но я не могу этого принять.

— Ваш отказ я буду рассматривать как личное оскорбление.

— Как вам угодно. Официант, принесите счет!

В сущности, Мегрэ только делал вид, что сердится. Поччо был не робкого десятка, и это импонировало Мегрэ. Нравилось ему и то, что он занимается парнями, которые оказались не по зубам американской полиции. Что и говорить, железные ребята,— такие ведут игру до конца. Разве Макдональд не сказал ему, что Чинаглиа — убийца? Он уже предвкушал радость, которую испытает, когда позвонит через несколько дней в Вашингтон и скажет небрежным тоном: «Алло! Джимми!.. Мне удалось их взять». Но пока что Мегрэ понятия не имел, кем же был тот человек, которого выбросили на улице Флешье, чуть ли не к ногам инспектора Лоньона. Он не знал даже, умер ли этот незнакомец. Что же касается второй машины, той, что подобрала труп или раненого, то про нее уж решительно ничего не было известно.

Видимо, во всей этой истории действовали две враждующие группы. В одну, судя по всему, входили Чарли Чинаглиа, Тони Чичеро и Ларнер.

Но кто сидел во второй машине? Почему эти люди пошли на такое рискованное дело? Если тот человек и в самом деле был мертв, то что они сделали с трупом?

Если же он был жив, то где ему оказали первую помощь?

Это дело пока напоминало уравнение с двумя неиз-

вестными — такие дела попадаются очень редко. Видимо, американцы прибыли из-за океана для того, чтобы свести с кем-то какие-то счеты, о которых французской полиции ничего не известно.

Единственной опорной точкой является сейчас ресторан Поччо. Там сразу окунаешься в атмосферу нью-йоркского кабачка. И это в двух шагах от Триумфальной Арки!

— Надеюсь, настанет день, когда я с вами рассчитаюсь,— пробурчал итальянец, когда Мегрэ, заплатив по счету, встал и собрался уходить.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, комиссар, что настанет день, а я в этом убежден, когда вы разрешите угостить вас обедом и не станете обижать меня, как сегодня, вытаскивая свой бумажник.

Его большой рот растянулся в улыбке, но глаза не улыбались. Он проводил Мегрэ и Лоньона до дверей и не отказал себе в удовольствии дружески похлопать Лоньона по плечу.

— Вызвать вам такси?

— Не стоит.

— Правда, дождь перестал. Что ж, прощайте, комиссар. Надеюсь, ваш спутник сумеет пережить потерю жены.

Наконец дверь захлопнулась, и Мегрэ с Лоньоном медленно пошли вдоль тротуара. Лоньон молчал. Быть может, в глубине души он радовался, что с Мегрэ обошлись как с новичком.

— Я велел записывать все его разговоры по телефону,— сказал комиссар, когда они уже подходили к перекрестку.

— Я это понял.

Мегрэ нахмурил брови. Если эта мысль пришла в голову даже Лоньону, когда Мегрэ вдруг спешно отправился звонить, то такой человек, как Поччо, уж наверняка догадался, в чем дело.

— В таком случае он не будет пользоваться телефоном. Скорее всего, он пошлет записку.

Улица была пустынной. Гараж напротив уже был закрыт. Асфальт на авеню Мак-Магон еще блестел от дождя, у тротуара такси поджидало клиентов, и только

вдалеке, у следующего перекрестка, можно было с трудом различить три расплывчатых силуэта.

— Думаю, что вам, Лоньон, следует остаться здесь и следить за рестораном. Вы мало спали эти дни, я скоро пришлю кого-нибудь вас подменить.

— Всю эту неделю я дежурю по ночам.

— Но при этом вы должны были бы отсыпаться днем, а вам это не удавалось.

— Это не имеет значения.

Ну что за несносный тип! Мегрэ был вынужден проявлять с ним чудеса терпения, чего он никогда не стал бы делать с Жанвье, Люка или с любым другим своим сотрудником.

— Как только придет подменяющий вас инспектор, вы отправитесь домой и немедленно ляжете спать.

— Это приказ?

— Да, приказ. Если вам почему-либо придется отсюда уйти, прежде чем вас подменят, обязательно позвоните мне.

— Хорошо, господин комиссар.

Мегрэ расстался с ним на углу улицы, быстрым шагом направился к авеню Терн, зашел там в первое попавшееся бистро, взял с прилавка жетон и заперся в кабине телефона-автомата.

— Жанвье? Ничего нового? Служба подслушивания ничего не сообщала? Кто с тобой дежурит? Торанс? Скажи ему, чтобы он взял такси и поехал на улицу Акаций. Там стоит Лоньон, его надо подменить. Лоньон объяснит, в чем дело.

Потом он сел в такси и поехал домой.

— Да, тебе звонила мадам Лоньон,— сказала ему жена.

— А что такое?

Мегрэ налил себе рюмочку сливянки.

— Она не знает, где ее муж, и волнуется за него. Она уверяет, что когда Лоньон уходил из дому, он был явно не в себе.

Мегрэ пожал плечами и взял было телефонную трубку, но вовремя сдержался. Хватит на сегодня! Он лег, спокойно проспал всю ночь и проснулся утром от запаха кофе. Но пока он умывался и брился, он почему-то все время думал о Лоньоне.

Когда Мегрэ в девять утра пришел в префектуру, Люка уже сменил Жанвье, который пошел спать.

— Есть сведения от Торанса?

— Он звонил вчера вечером, часов в десять. Передал, что не застал Лоньона на улице Акаций.

— Где он?

— Кто? Торанс? Все там же. Он только что звонил и спрашивал, надо ли ему там оставаться. Я велел ему позвонить еще раз через несколько минут.

Мегрэ попросил, чтобы его соединили с квартирой Лоньона.

— Это говорит комиссар Мегрэ.

— Вы не знаете, где мой муж? Я всю ночь не сомкнула глаз...

— Он не приходил домой?

— Как? Вы не знаете, где он?

— А вы?

Что за глупый вопрос! Надо было немедленно успокоить госпожу Лоньон, сказать ей хоть что-нибудь.

С того времени, как Мегрэ простился с Лоньоном на углу улицы Акаций, и до того момента, как туда приехал Торанс, прошло не больше получаса, и за это время Лоньон исчез. Он никому не позвонил и вообще не подал никаких признаков жизни.

— Признайтесь, господин комиссар, вы тоже думаете, что с ним случилось несчастье?.. Я всегда знала, что этим дело кончится... А я сижу совсем одна, беспомощная, на пятом этаже, и не могу двинуться с места.

Один бог знает, что ей сказать, чтобы хоть немного успокоить. Мегрэ в конце концов и сам расстроился.

Глава третья,

В КОТОРОЙ ПОККО ВЫСКАЗЫВАЕТ СВОЕ МНЕНИЕ ПО РЯДУ ВОПРОСОВ, В ЧАСТНОСТИ ПО ВОПРОСУ О ДИЛЕТАНТИЗМЕ

Засунув руки в карманы пальто, Мегрэ в бешенстве ходил взад-вперед и ждал, стараясь сквозь клетчатые занавески разглядеть, что происходит в ресторане. Приехав на улицу Акаций, он был очень удивлен, обнаружив,

что фонарь над дверью ресторана не горит. Однако внутри свет был, правда, тусклый — зажжена была одна только лампочка где-то в глубине зала.

Он постучал в окно, и ему почудилось, что там кто-то зашевелился. Дождя в то утро не было, но холод так и пронизывал, казалось, вот-вот начнутся заморозки. Мир под темно-свинцовым небом выглядел злым и жестоким.

— Он, конечно, дома, но я бы глазам своим не поверила, если бы он вам открыл,— сказала торговка овощами, выглянув из соседней лавочки.— В этот час он всегда занимается уборкой и не любит, чтобы его беспокоили. Он откроет двери не раньше одиннадцати часов, если только вы не постучите условным стуком.

Мегрэ снова принялся стучать на разные лады, а потом приподнялся на цыпочки, чтобы заглянуть поверх занавесок. По всему было видно, что он сильно не в духе. Он не любил, чтобы трогали его людей, даже если речь идет о жалком инспекторе, по имени Лоньон.

Наконец в полумраке зала он заметил какую-то фигуру, по контурам напоминающую медведя. Фигура медленно двинулась к дверям, и вскоре Мегрэ увидел лицо Поччо совсем близко от своего — их разделяло только стекло окна. Итальянец снял цепь с двери, повернул ключ и впустил гостя.

— Входите,— сказал он с таким видом, словно ожидал визита комиссара.

На Поччо были старые, чересчур широкие штаны, бледно-голубая рубашка с засученными рукавами, а на ногах — красные шлепанцы. Как бы не обращая никакого внимания на приход Мегрэ, он направился в глубину ресторана, туда, где горела лампочка, и снова сел за столик, на котором стояли остатки обильного завтрака.

— Будьте как дома. Может быть, выпьете чашечку кофе?

— Нет.

— Рюмочку коньяку?

— Тоже нет.

Нисколько не удивляясь, Поччо покачал головой, словно хотел сказать: «Отлично! Я и не думаю обижаться!»

Цвет лица у него был серый, под глазами — синие мешки. В сущности, он походил не на клоуна, а скорее на старого фарсового актера, у которого лицо от непрерывных гримас стало как бы каучуковым. У таких актеров, влачащих жалкую жизнь и всегда вынужденных приспосабливаться к обстоятельствам, обычно появляется это неопределенное выражение лица, говорящее о полнейшем равнодушии ко всему.

В углу, у самой стены, стояли несколько метелок и ведро. За окошечком была видна кухня, оттуда тянуло запахом бекона.

— Вы, кажется, сами мне сказали, что женаты и что у вас есть дети.

Поччо почесал затылок, поднялся и взял сигару из коробки, стоящей на этажерке, зажег ее и выпустил струю дыма чуть ли не в лицо Мегрэ. Все это он проделал нарочито медленно, как при замедленной съемке в кино.

— А что, ваша жена живет в префектуре на Набережной Орфевр? — спросил наконец Поччо.

— Значит, вы живете не здесь?

— Я мог бы сказать вам, что вас это не касается. Я мог бы даже указать вам на дверь, и вы не смогли бы на это пожаловаться. Вы понимаете меня? Вчера вечером я вас встретил, как родного, и даже хотел угостить обедом. А я ведь не шибко люблю полицейских! Надеюсь, вы на меня за это не в обиде? Но вы в своем деле мастак, а я уважаю людей, которые могут чего-то добиться. Ладно. Вчера вы отказались быть моим гостем, дело ваше. А сегодня вы с утра заявляетесь ко мне и спрашиваете о каких-то пустяках. Я не обязан вам отвечать.

— Вы предпочитаете, чтобы я вас вызвал для допроса в полицию?

— Это другое дело, но хотел бы я поглядеть, как бы у вас это получилось. Вы, видно, забыли, что я американский подданный, и, пока не получу указаний от своего консула, я с места не сдвинусь.

Поччо снова сел перед пустой тарелкой, положил локоть на стол, развалился на стуле, всем своим видом показывая, что он у себя дома, и сквозь дым сигары наблюдал за Мегрэ.

— Видите ли, мосье Мегрэ, вас здесь избаловали. Вчера вечером, уже после вашего ухода, мне кто-то напомнил, что вы не так давно совершили путешествие по Америке. Трудно в это поверить! Что же там ваши коллеги умудрились вам показать? Неужели они вам не объяснили, что за океаном все происходит совсем не так, как у вас на родине! А кроме того, учтите, я у себя дома, и с этим вам придется считаться. Дома, понимаете? Представьте себе, что кто-то ворвется к вам в квартиру и начнет задавать вашей жене разнообразные вопросы... Ладно, успокойтесь, я все это говорю только для того, чтобы вы поняли, с кем имеете дело, и знали, что если я с вами разговариваю, то делаю это из любезности, а не по обязанности, только потому, что хочу это делать. И не надо мне угрожать, как вы позволили себе вчера вечером, тем, что у меня отнимут лицензию на содержание ресторана... А теперь, возвращаясь к вашему вопросу, я могу вам ответить — поскольку у меня нет никаких причин скрывать это от вас,— что моя жена и мои дети живут в деревне, здесь им торчать не к чему. Могу сообщить также, что чаще всего я ночую в комнате, расположенной над рестораном, и что по утрам я сам делаю уборку.

— Каким образом вам удалось предупредить Чарли и Ларнера?

— Простите, я вас не понимаю.

— Вчера, после моего ухода, вы сообщили Чарли и его друзьям о моем посещении.

— В самом деле?

— Но вы не пользовались телефоном.

— Я полагаю, что мои разговоры по телефону подслушивали?

— Где Чарли?

Поччо вздохнул и бросил взгляд на фотографию Чинаглиа — боксера.

— Вчера,— продолжил Мегрэ,— я вас предупредил, что дело серьезное. Сегодня оно стало еще серьезнее, потому что инспектор, который меня сопровождал, исчез.

— Этот весельчак?

— Выйдя от вас, я расстался с ним на углу улицы, где он должен был ждать, чтобы его сменили. Полчаса спустя его там не оказалось, и до сих пор неизвестно, где он. Вы понимаете, что это значит?

— А зачем мне это понимать?

Мегрэ с трудом заставил себя сдержаться. Он не отрывал взгляда от лица Поччо.

— Я хочу знать, как вы их предупредили. Я хочу знать, где они скрываются. Билл Ларнер больше не возвращался в гостиницу «Ваграм». Двое других тоже где-то прячутся. Скорей всего, они в Париже и, видимо, недалеко отсюда, раз вам удалось через несколько минут сообщить им о моем появлении, не пользуясь телефоном. Садитесь-ка лучше за стол, Поччо. В котором часу приходит официант?

— В двенадцать.

— А повар?

— В три. Завтрак мы не готовим.

— Я допрошу их обоих.

— Это ваше дело.

— Где Чарли?

Поччо, который как будто что-то обдумывал, медленно поднялся и, вздохнув, словно нехотя, направился к фотографии боксера и стал ее внимательно разглядывать.

— Во время путешествия по Соединенным Штатам вы посетили Чикаго, Детройт, Сен-Луи, не правда ли?

— Я объездил весь Средний Запад.

— Вы, наверное, обратили внимание на то, что парни там не похожи на выпускников средних школ, готовящихся к конфирмации?

Мегрэ ждал, не понимая еще, к чему ведет Поччо.

— Пять лет кряду я работал метрдотелем в Чикаго, прежде чем смог завести собственное дело. Я открыл ресторанчик в Сен-Луи, очень похожий на этот, куда охотно ходили самые разные люди — политики, боксеры, гангстеры и артисты. Так вот, имейте в виду, мосье Мег-

рэ, я там никогда ни с кем не ссорился, даже с лейтенантом полиции, который время от времени заглядывал ко мне и выпивал у стойки двойное виски. И знаете почему?

Он готовил реплику на манер опытного комедианта.

— Потому что я никогда не занимался чужими делами. Почему же вы думаете, что, оказавшись в Париже, я изменю своим принципам? Разве спагетти, которые я вам подал, были невкусными? Вот об этом я готов с вами говорить до второго пришествия.

— Итак, вы отказываетесь мне сообщить, где находится Чарли?

— Послушайте, Мегрэ...

Казалось, вот-вот и он назовет его Жюлем. Поччо говорил с Мегрэ чуть ли не покровительственным тоном и мог, того и гляди, положить ему руку на плечо.

— В Париже вы слывете великим человеком, и люди уверяют, что вы почти всегда добиваетесь своего. Хотите, я вам скажу, почему вам это удается?

— Я хочу только одного — адрес Чарли.

— Опять вы за свое. Мы как будто говорим о серьезных вещах. Вы выигрываете игру только потому, что обычно ваши партнеры — любители. А за океаном нет любителей. И там редко удается заставить говорить человека, если он решил молчать.

— Чарли — убийца.

— В самом деле? Я полагаю, что это вам рассказали в ФБР. Но, может, они рассказали вам еще и о том, почему им до сих пор не удалось отправить Чарли на электрический стул?

Мегрэ решил его не перебивать, он слушал его невнимательно и, нахмурив брови, разглядывал все вокруг. Он думал о своем. Ясно, что Чарли и остальные были предупреждены о его приходе и о том, что Лоньон дежурит на улице Акаций. Но при этом по телефону не звонили. Значит, если кто-то и вышел из ресторана, чтобы их предупредить, то далеко ему идти не пришлось. С другой стороны, если бы Лоньон увидел, что из ресторана выходит официант, или там повар, или даже сам Поччо, он безусловно бы это засек.

— Вот в этом и заключается вся разница, Мегрэ, разница между любителями и профессионалами. Я вам

как будто уже говорил, что я уважаю людей, которые чего-то добились в своем деле.

— В том числе и убийц?

— Вот вы мне вчера рассказали историю, которая меня не касается и которую я, впрочем, уже успел забыть, а сегодня утром являетесь снова, чтобы поведать мне следующую главу этой истории, но я вовсе не желаю ее знать. Вы толковый человек и, видимо, храбрый. У вас приличная репутация. Я не знаю, просили ли вас господа из ФБР заняться этим делом, но я могу это предположить. И поэтому должен вам сказать: «Бросьте все это!»

— Благодарю за совет.

— Я даю его вам вполне искренне. Когда Чарли занимался боксом в Чикаго, он работал в легчайшем весе, и ему никогда не пришло бы в голову помериться силами с тяжеловесом.

— Вы его видели со вчерашнего дня?

Поччо демонстративно молчал.

— Я полагаю также, что вы откажетесь назвать мне имена тех двух клиентов, с которыми вы вчера играли в кости?

На лице Поччо выразилось удивление.

— Разве я обязан знать фамилии, адреса и семейное положение своих клиентов?

Мегрэ встал и все с тем же рассеянным видом направился к стойке, зашел за нее и осмотрел висевшие над ней полки. Поччо, с виду равнодушный, внимательно следил за ним.

— Когда мне удастся найти одного из этих клиентов, дело примет для вас, я полагаю, дурной оборот.

Мегрэ показал Поччо блокнот и карандаш, которые он там нашел.

— Вот теперь понятно, как вы предупредили Чарли, или Билла Ларнера, или Чичеро,— неважно, кого из них, это все одна шайка. А я-то думал, вы сделали это после моего ухода,— вот в чем моя ошибка. Оказывается, вы справились с этой задачей куда раньше. Едва мы переступили порог ресторана, как вы уже почуяли, чем тут пахнет. Пока мы заказывали обед, вы успели черкнуть несколько слов на листке, вырванном из этого блокнота, и передать записку одному из ваших партнеров. Что вы на это скажете?

— Скажу, что все это крайне интересно.

— И больше ничего?

— Ничего.

Зазвонил телефон. Нахмурив брови, Поччо вошел в кабину и снял трубку.

— Это вас,— сказал он.

Сыскная полиция вызывала Мегрэ, который, уходя, сообщил, где он будет. Звонил инспектор Люка.

— Его нашли, шеф.

У Люка был такой голос, что Мегрэ сразу понял: дело серьезное.

— Убит?

— Нет. Примерно час назад торговец рыбой из Онфлера проезжал на грузовичке по Национальному шоссе и обнаружил в лесу Сен-Жермен, между Пуасси и Лепек, человека, который без сознания валялся у обочины.

— Лоньон?

— Да. Он был в тяжелом состоянии. Торговец отвез его к доктору Гренье, в Сен-Жермене, и доктор нам только что позвонил.

— Лоньон ранен?

— Лицо распухло — бандиты, видимо, не жалели своих кулаков, но самое серьезное — рана на голове. Доктор считает, что его ударили рукояткой револьвера. На всякий случай я попросил, чтобы Лоньона немедленно доставили на машине «скорой помощи» в Божон. Он там будет минут через сорок.

— Больше ничего?

— Как будто обнаружили следы тех двух.

— Чарли и Чичеро?

— Да. Десять дней назад, прибыв из Гавра, они остановились в гостинице «Этуаль» на улице Брэй. С понедельника на вторник они не ночевали в своем номере, а во вторник утром явились, чтобы заплатить по счету и взять багаж.

Улица Брэй, гостиница «Ваграм», ресторан Поччо на улице Акаций, гараж, где взяли напрокат машину,— все это находилось в одном районе.

— Дальше...

— Машину, которую угнали вчера вечером около девяти часов на авеню Гранд Армэ, нашли сегодня утром у ворот Майо. Она принадлежит инженеру, который

играл в бридж у друзей. Она вся забрызгана грязью, словно на ней долго ездили по загородным дорогам.

И эта история с машиной тоже произошла в том же районе.

— Что мне делать, шеф?

— Отправляйся в Божон и жди меня там.

— Предупредить мадам Лоньон?

Мегрэ вздохнул.

— Придется, ничего не поделаешь. Но не сообщай ей подробностей. Скажи, что он жив, и все... И не звони ей по телефону, а зайди на площадь Константэн-Пеке, перед тем как отправиться в Божон.

— Милое поручение!

— Не говори, что он ранен в голову.

— Ясно.

Мегрэ даже повеселел: удача, наконец-то удача улыбнулась мрачному Лоньону. Правда, довольно странным образом. Если его серьезно ранили, он станет своего рода героем и, наверное, получит медаль.

— До скорой встречи, шеф!

— До скорой!

Поччо тем временем начал подметать ресторан — все стулья были опрокинуты на столики.

— Моего инспектора ранили,— сообщил Мегрэ, не спуская с него глаз.

Но Поччо внешне никак не отреагировал на это сообщение.

— Только ранили?

— Вас это удивляет?

— Не очень. Должно быть, это предупреждение. Там так часто делают.

— Вы по-прежнему намерены держать язык за зубами?

— Я вам уже сказал, что я никогда не лезу в чужие дела.

— Мы еще увидимся.

— Буду рад.

Уже у дверей Мегрэ вдруг вспомнил о блокноте, он вернулся и взял его со стола. На этот раз он заметил, что в глазах Поччо на мгновение мелькнула тревога.

— Зачем вы его берете?! Это мой блокнот.

— Я вам его отдам.

На улице его ждала машина префектуры.

— В Божон!

В предместье Сент-Оноре, у мрачного фасада больницы, Мегрэ передал блокнот полицейскому, который вел машину.

— Ты сейчас вернешься на Набережную Орфевр, поднимешься в лабораторию и передашь это Мерсу́. Да поменьше верти этот блокнот в руках.

— А что мне ему сказать?

— Ничего. Он сам все знает.

«Скорая помощь» еще не прибыла, и Мегрэ вошел в бистро, заказал рюмку кальвадоса и тут же направился к телефону.

— Это вы, Мерсу? Говорит Мегрэ. Вам сейчас доставят от меня блокнот. Скорее всего, вчера вечером из него вырвали листок и написали на нем записку.

— Понятно. Вы хотите знать, не отпечатался ли текст на следующей странице?

— Вот именно. Вполне возможно, что потом этим блокнотом уже не пользовались. Но я в этом не уверен. Главное — поторопитесь. В полдень я буду у себя.

— Будет сделано, шеф.

Собственно говоря, уверенность, с которой держался Поччо, произвела на Мегрэ известное впечатление. В том, что он говорил, была доля правды, и даже не малая. В Сыскной полиции считали, что большинство убийц, если не все,— полные идиоты. «Любители!» — как утверждал Поччо.

Он был недалек от истины. В Европе удавалось скрыться, пожалуй, не более десяти процентам убийц, тогда как по ту сторону океана парни вроде Чинаглиа разгуливали на свободе из-за недостатка улик, хотя все знали, что они убийцы.

Да, что и говорить, то были настоящие профессионалы, и они вели игру до конца. Комиссар не помнил, чтобы кто-нибудь когда-либо позволял себе говорить с ним покровительственным тоном: «Оставьте все это, Мегрэ!»

Само собой разумеется, он не имел намерения последовать этому совету, но он не мог не вспомнить, что накануне Макдональд по телефону не очень-то его ободрил.

Мегрэ действовал на этот раз в необычной для него обстановке. Его противниками были люди, методы кото-

рых он знал лишь понаслышке, и ему были неведомы ни образ их мыслей, ни их повадки.

Зачем Чарли и Тони Чичеро приехали в Париж? Было похоже на то, что они пересекли океан с определенной целью и не теряли здесь времени даром. Неделю спустя после приезда они выбросили на тротуар возле церкви Нотр-Дам де Лорет чей-то труп. Этот труп — а может быть, это был живой человек, но только без сознания — исчез пять минут спустя, чуть ли не на глазах у Лоньона.

— Налейте-ка еще!

Мегрэ выпил вторую рюмку — и снова ему показалось, что он совсем простужен; потом он пересек улицу и вошел под арку как раз в ту минуту, когда туда въехала «скорая помощь».

В машине и в самом деле оказался Лоньон, которого привезли из Сен-Жермена. Он спорил с санитаром, уверяя, что его не надо нести, что он сам дойдет. Когда же Лоньон увидел Мегрэ, ничто уже не могло удержать его на носилках.

— Что вы меня держите, если я в состоянии ходить!

Мегрэ даже пришлось отвернуться, потому что он был не в силах сдержать улыбки при виде лица горе-инспектора. Один глаз Лоньона совсем заплыл, а врач из Сен-Жермена наклеил ему ярко-розовый пластырь на нос и уголок рта.

— Я должен вам объяснить, господин комиссар...

— Потом, потом.

Беднягу Лоньона шатало от слабости, и сестре пришлось его поддерживать под руку, пока он добирался до палаты. Вместе с ними вошел врач.

— Вы меня позовете, как только окажете ему первую помощь. Сделайте так, чтобы он мог говорить.

Мегрэ ходил взад-вперед по коридору; минут десять спустя к нему присоединился Люка.

— Ну, как мадам Лоньон? Было тяжко?

Взгляд Люка был красноречивей всяких слов.

— Она возмущена, что ее не везут к мужу. Она уверяет, что никто не имеет права держать его в больнице и, таким образом, разъединять их.

— А как бы она его лечила?

— Именно это я и пытался ей растолковать. Она хочет видеть вас и говорит, что обратится к префекту поли-

ции. Мадам Лоньон сетовала, что ее бросили на произвол судьбы, одну, больную, без всякой помощи, и отдали во власть гангстеров.

— Ты ей сказал, что ее дом охраняют?

— Да, только это ее немного и успокоило. Мне пришлось показать ей из окна дежурящего у ее дома полицейского. «Те, кто пользуются почестями, те и делят пирог»,— сказала она на прощанье.

Из палаты вышел врач, вид у него был озабоченный.

— Пролом черепа? — тихо спросил Мегрэ.

— Не думаю. Мы потом сделаем снимок. Но его здорово избили. А кроме того, он всю ночь провалялся в лесу. Есть все основания опасаться воспаления легких. Вы можете с ним поговорить. Ему от этого станет легче. Он вас требует и отказывается от всякого лечения до тех пор, пока не поговорит с вами. Мне с большим трудом удалось сделать ему укол пенициллина, и то мне пришлось для этого показать ему название лекарства на ампуле: он все боялся, что я его усыплю.

— Пожалуй, мне лучше пойти одному,— сказал Мегрэ, оборачиваясь к Люка.

Лоньон лежал на белой кровати, по палате ходила сестра. Лицо его было пунцово-красным, видимо, подскочила температура. Мегрэ сел у изголовья.

— Ну как, старик?

— Они меня схватили.

Он глядел на Мегрэ одним глазом, и комиссар заметил, как по щеке его покатилась слеза.

— Доктор сказал, что вам нельзя волноваться. Расскажите только самое главное.

— Когда мы с вами расстались, я продолжал стоять на углу — оттуда мне легче было наблюдать за дверью ресторана. Я прижался к стене, довольно далеко от фонаря.

— Никто не вышел от Поччо?

— Никто. Прошло примерно минут десять, и вдруг по улице Мак-Магон промчалась машина, резко повернула и остановилась прямо передо мной.

— Это был Чарли Чинаглиа?

— Их было трое. Высокий, Чичеро, сидел у руля, а рядом с ним — Билл Ларнер. Чарли сидел сзади. Не успел я выхватить из кармана револьвер, как Чарли уже

распахнул дверцу и навел на меня дуло своего браунинга. Он не произнес ни слова, только знаком приказал мне сесть в машину. Те двое на меня даже не взглянули. Что мне оставалось делать?

— Сесть в машину,— со вздохом сказал Мегрэ.

— Машина тут же тронулась, а тем временем меня обыскали и вытащили револьвер. Все это — молча. Я увидел, что мы выезжаем из Парижа через ворота Майо, потом я узнал шоссе Сен-Жермен.

— Машина остановилась в лесу?

— Да. Ларнер жестом показал своим спутникам, куда ехать. Мы свернули на узкую дорогу, и там, вдалеке от шоссе, машина остановилась. Они приказали мне выйти.

Да, Поччо был прав, уверяя, что они не любители!

— Чарли так и не проронил ни звука, а верзила Чичеро, засунув руки в карманы, курил сигарету за сигаретой и задавал по-английски вопросы, которые Ларнер мне переводил.

— Одним словом, они взяли Ларнера в качестве переводчика?

— Мне показалось, что он был не в восторге от своей роли. Несколько раз он как будто советовал им отпустить меня. Прежде чем начать задавать вопросы, Чарли со всего размаха ударил меня по лицу, и у меня из носу пошла кровь. «Я думаю, что вам лучше всего проявить покладистость,— сказал Ларнер с легким акцентом,— и сообщить этим господам все, что их интересует».

В общем, они задавали мне в различных вариантах все тот же вопрос: «Что вы сделали с тем, кого подобрали?» Сперва я молча глядел на них — много чести отвечать на их вопросы! Тогда Чичеро что-то сказал Чарли по-английски, и тот меня снова ударил. «Зря вы себя так ведете,— сказал Ларнер с недовольным видом.— Уверяю вас, в конце концов вы все равно заговорите». После третьей или четвертой оплеухи — уж не знаю точно — я поклялся, что понятия не имею о том, что стало с этим типом, и вообще не знаю, о чем идет речь. Но они мне не поверили. Чичеро по-прежнему курил сигарету за сигаретой и время от времени принимался шагать взад и вперед, чтобы размять затекшие ноги. «Кто предупредил полицию?» Что я мог им ответить?

Я сказал, что в тот час находился там случайно, не из-за них, а в связи с другим делом.

После каждого моего ответа Чичеро подавал знак Чарли, который только этого и ждал, чтобы снова ударить меня по лицу. Они вывернули у меня все карманы, вытащили бумажник и при свете фар разглядывали каждую бумажку.

— И это долго длилось?

— Не знаю точно. Полчаса, а может, и больше. У меня все болело. Один из ударов пришелся по глазу, из носа текла кровь. «Клянусь вам,— говорил я им,— я абсолютно ничего не знаю». Но Чичеро не был удовлетворен моим ответом, он снова начал что-то говорить Ларнеру, и тот стал задавать мне новые вопросы. Он спросил меня, видел ли я, что на улице Флешье остановилась другая машина. Я ответил, что видел. «Какой номер?» — «Я не успел разглядеть».— «Врешь!» — «Нет, не вру!» Еще они спросили меня про вас, потому что видели, как вы заходили в мой дом на площади Константэн-Пеке. Я им сказал, кто вы. Тогда они спросили, связались ли вы с ФБР, и я им ответил, что не знаю, что во Франции инспекторы не задают вопросов комиссарам. Ларнер рассмеялся. Мне показалось, что он вас знает. В конце концов Чичеро, пожав плечами, двинулся к машине. Ларнер с явным облегчением последовал за ним, но Чарли не двинулся с места. Он что-то крикнул им вдогонку, они ничего не ответили. Тогда он вытащил из кармана браунинг, и я подумал, что он меня убьет...

Лоньон замолчал, из его глаз снова покатились слезы — слезы бешенства. Мегрэ предпочел не уточнять, как повел себя Лоньон в этой ситуации — упал ли он на колени, молил ли о пощаде. Впрочем, скорее всего, он этого не делал — такой, как он, вполне способен стоять, мрачно потупившись, и ждать своего конца.

— Но он ограничился тем, что стукнул меня рукояткой браунинга по голове, и я потерял сознание. Когда я пришел в себя, их уже не было. Я попытался подняться, звал на помощь.

— Вы всю ночь пробродили по лесу?

— Я думаю, что кружился по одному и тому же месту. Несколько раз я терял сознание. Мне трудно было подняться на ноги, и тогда я пытался ползти. Я слышал

— Чарли стукнул меня рукояткой браунинга по голове, и я потерял сознание,— рассказывал Лоньон.

шум проезжающих машин и всякий раз кричал. К утру дополз до шоссе, и какой-то грузовичок меня подобрал.— Почти без паузы он добавил: — Мою жену предупредили?

— Да, Люка заходил к ней.

— Что она сказала?

— Она настаивает, чтобы вас перевезли домой.

Мегрэ заметил, что видящий глаз Лоньона тревожно заблестел.

— Меня отвезут домой?

— Нет. Вы нуждаетесь в уходе, и здесь вам будет лучше.

— Я сделал все, что мог.

— Конечно, конечно.

Было видно, что какая-то мысль мучает Лоньона. Он никак не мог решиться ее высказать, но в конце концов, отвернувшись к стене, пробормотал:

— Я не достоин больше служить в полиции.

— Почему?

— Потому что знай я, где находится этот тип, я бы в конце концов сказал...

— Я бы тоже,— возразил Мегрэ с таким видом, что трудно было решить, говорит он это всерьез или для того, чтобы успокоить инспектора.

— Мне долго придется пролежать в больнице?

— Несколько дней, во всяком случае.

— Меня будут держать в курсе событий?

— Конечно.

— Вы мне это обещаете? Вы на меня не сердитесь?

— За что, старина?

— Вы же знаете, что я кругом виноват.

В сущности, Лоньон немного хитрил. Пришлось его уговаривать, что он ни в чем не виноват, уверять, что он выполнил свой долг и что если бы он иначе себя повел в ночь с понедельника на вторник, то полиции никогда не удалось бы напасть на след Чарли и Чичеро. К тому же во всем этом была доля истины.

— Я в отчаянии, что доставляю вам столько хлопот.

Ну вот, он нисколько не изменился! От чрезмерной гордыни все пытается унизить себя. Вечно перегибает палку! Мегрэ уже не знал, как ему поскорее уйти. К счастью, в дверь постучали, и появилась сестра.

— Пора отправляться на рентген.

На этот раз Лоньону пришлось лечь на носилки, и его покатили по коридору; Люка, который ждал Мегрэ в коридоре, дружески помахал Лоньону рукой.

— Пошли, Люка!

— Что они с ним сделали?

Не отвечая прямо на вопрос, Мегрэ сказал как бы про себя:

— Поччо прав. Это железные парни!

Потом, подумав, добавил:

— Меня все-таки очень удивляет, что такой человек, как Билл Ларнер, с ними работает. Мошенники его типа не любят участвовать в мокрых делах.

— Вы полагаете, что его вынудили?

— Во всяком случае, я бы охотно поговорил с Биллом.

Ларнер тоже был профессионалом, но совсем другого рода, так сказать, другой специальности, один из тех международных мошенников, которые свершают свои операции лишь время от времени, тщательно все подготовив, и действуют только наверняка, чтобы взять не меньше двадцати или тридцати тысяч долларов и получить таким образом возможность прожигать жизнь годик-другой. Во всяком случае, в Париже он уже два года живет, видимо, на свой капитал, и никто его ни разу не побеспокоил.

Мегрэ и Люка сели в такси, и комиссар велел ехать в префектуру. Но когда они пересекли улицу Руаяль, он передумал.

— Улица Капуцинов,— сказал он шоферу,— «Манхеттен-бар».

Мысль поехать туда пришла ему в связи с тем, что он вспомнил о фотографиях, развешанных по стенам у Поччо. В «Манхеттен-баре» стены тоже были украшены фотографиями боксеров и актеров. Но клиенты здесь были иные, чем на улице Акаций. Вот уже больше двадцати лет в «Манхеттен-бар» к Луиджи ходит вся американская колония в Париже и большинство туристов, приезжающих из-за океана.

Еще не было полудня, и в баре было почти пусто. За стойкой стоял сам Луиджи и возился с бутылками.

— Добрый день, комиссар! Что вам налить?

Он был родом из Италии, так же как и Поччо. Говорили, что он проигрывал на скачках почти все, что зарабатывал в своем заведении. Впрочем, играл он не только на скачках, а на всем, на чем только можно играть: на футбольных матчах, на соревнованиях по теннису и плаванию — одним словом, все для него было поводом заключить пари, даже завтрашняя погода. В скучные послеобеденные часы, между тремя и пятью, ему случалось с одним своим соотечественником, как-то связанным с посольством, играть на машинах, проезжающих по улице.

«Держу пари на пять тысяч франков, что за десять минут здесь проедет не меньше двадцати машин фирмы «Ситроен»... По рукам?» — предлагал он своему другу-итальянцу.

Чтобы соответствовать обстановке, Мегрэ заказал виски и принялся разглядывать фотографии, висящие на стенах: он почти тут же обнаружил фотографию Чарли Чинаглиа на ринге, ту же самую, что висела у Поччо, только без автографа.

Глава четвёртая,

В КОТОРОЙ РЕЧЬ СНОВА ЗАХОДИТ О ВЫСОКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ И В КОТОРОЙ У МЕГРЭ ЛОПАЕТСЯ ТЕРПЕНИЕ

Когда они вышли из бара «Манхеттен», оба в темных пальто и черных шляпах,— высокий плотный Мегрэ и маленький, щуплый Люка,— они больше походили на вдовцов, перехвативших рюмочку-другую по дороге с кладбища, чем на сыщиков.

Неужели Луиджи нарочно напоил их? Вполне возможно, но, уж во всяком случае, он сделал это без злого умысла. Луиджи честный человек, ничего плохого о нем сказать нельзя, даже высшие чиновники из американского посольства считают вполне приличным сидеть у его стойки.

Просто Луиджи очень щедро угостил их, вот и все. К тому же комиссар уже пропустил две рюмки кальвадоса в предместье Сент-Оноре.

Мегрэ не был пьян, да и Люка не был пьян. Но не думал ли Люка, что его шеф в подпитии? Он что-то странно глядел на него снизу вверх, пока они пробирались сквозь толпу.

Люка не был с ним утром на улице Акаций, он не слышал слов Поччо, вернее, не присутствовал на уроке, который тот преподал комиссару. Поэтому Люка не мог понять, в каком настроении сейчас находится Мегрэ.

Луиджи им тут же прочел небольшую лекцию о боксерах. Получилось все как-то само собой. Мегрэ, поглядывая на фотографию Чарли, спросил как бы невзначай:

— Вы его знаете?

— Да! Этот паренек мог бы прославиться на весь мир. В своем весе он несомненно был лучшим. Причем он много работал, чтобы этого добиться. А потом в один прекрасный день этот идиот влип в какую-то дурацкую историю, и федерация запретила ему выступать на ринге.

— Ну и что с ним сталось?

— То же, что и со всеми этими парнями. Тысячи мальчишек в Чикаго, в Детройте, в Нью-Йорке, во всех больших городах начинают заниматься боксом в надежде стать чемпионами. А сколько бывает чемпионов в каждом поколении, комиссар?

— Не знаю. Конечно, немного.

— Да и чемпионство их длится недолго. Тот, кто не растратил все деньги на крашеных блондинок и на «кадиллаки», открывает ресторанчик или магазин спортивных товаров. Ну, а остальные, которые считают, что всего уже добились и не способны работать головой из-за полученных ударов, умеют лишь одно — бить, и находятся люди, которые нуждаются в их услугах. Так эти парни становятся телохранителями или сообщниками. Вот что случилось с Чарли.

— Мне говорили, что он стал убийцей.

— Вполне возможно,— сказал Луиджи, нисколько не удивившись.

— Вы давно его видели?

Мегрэ задал этот вопрос с самым невинным видом, потягивая рюмку виски и не глядя на Луиджи. Он знал Луиджи, а Луиджи знал комиссара. Они ценили друг друга. Однако в ту же секунду атмосфера в баре изменилась.

— Он в Париже?

— Как будто.

— Почему вы им интересуетесь?

— Да так... ничего особенного...

— Я никогда не видел Чарли Чинаглиа, потому что уехал из Соединенных Штатов задолго до того, как он приобрел известность, и что-то не слыхал, что он приехал в Европу.

— Я думал, что кто-нибудь мог вам это сказать. Он несколько раз был у Поччо. А ведь вы оба родом из Италии.

— Я из Неаполя,— уточнил Луиджи.

— А Поччо?

— Он сицилиец. Это примерно то же, что спутать марсельца с корсиканцем.

— Я все думаю, к кому, кроме Поччо, Чарли мог обратиться, приехав в Париж? Он приехал не один, а вместе с Тони Чичеро.

Вот тогда-то Луиджи и налил ему еще рюмку виски. Вид у Мегрэ был рассеянный, говорил он вяло, невнятно. Люка, который хорошо знал повадки своего шефа, говорил в таких случаях, что комиссар «удит рыбку в мутной воде». На этот прием иногда попадались даже сотрудники Мегрэ.

— Это чертовски запутанная история,— процедил Мегрэ сквозь зубы и вздохнул.— Не говоря уже о том, что здесь замешан и другой американец, по имени Билл Ларнер.

— Билл не имеет с ними ничего общего,— торопливо заявил Луиджи.— Билл настоящий джентльмен.

— Он бывает у вас?

— Заглядывает изредка.

— А предположим, что Биллу Ларнеру нужно скрыться. Как вы думаете, куда бы он пошел?

— Что ж, предположим, как вы говорите, потому что я не допускаю и мысли, что с Биллом может случиться подобное. Но в таком случае он, уверяю вас, так скроется, что его никто не найдет. Однако, повторяю, Билл не имеет ничего общего с теми двумя типами.

— А Чичеро вы знаете?

— Встречал его имя в американских газетах.

— Гангстер?

— Вы что, комиссар, в самом деле занялись этими гангстерами?

Луиджи был уже не так дружественно настроен, как вначале. И хотя он подчеркнул разницу между собой — неаполитанцем — и сицилийцем Поччо, он стал вдруг говорить с комиссаром тем же тоном, что и Поччо.

— Вы ведь побывали в Штатах, верно? Тогда вы сами должны понять, что такие дела не по плечу французской полиции. Сами американцы не в силах справиться со всеми этими бандами. Я не знаю, зачем приехали в Париж те, о ком вы говорите, если они действительно приехали. Раз вы это утверждаете, я не могу вам не верить, хоть меня это и удивляет. Но так или иначе, дела этих людей нас не касаются.

— Даже если они убили человека?

— Француза?

— Не знаю.

— Если они кого-то убили, значит, им поручили это сделать и вы никогда не соберете против них улик. Заметьте, я не знаю ни того, ни другого — оба они сицилийцы. Что же касается Билла Ларнера, я продолжаю утверждать, что он не имеет с ними ничего общего.

— А вы не помните, в связи с чем американские газеты писали о Чичеро?

— Скорее всего, в связи с Rackets[1]. Вам этого не понять. Во Франции не существует настоящих организаций преступников, как там. У вас здесь нет профессиональных убийц. Представьте себе, что в Париже какой-нибудь парень обойдет торговцев своего квартала и заявит, что им необходима охрана от бандитов и что отныне охранять их будет он за вознаграждение в столько-то тысяч франков в неделю. Что сделает торговец? Обратится в полицию? Расхохочется в лицо этому типу? Так вот, а в Америке никто не рассмеется, и только идиоты обратятся в полицию. Потому что, если они сообщат что-либо полиции или откажутся платить, в их лавке вскоре взорвется бомба, либо их расстреляют из пулемета, когда они будут возвращаться домой.

Луиджи все больше воодушевлялся. Можно было подумать, что он, как и Поччо, гордится своими соотечественниками.

[1] Rackets *(англ.)* — шантаж, вымогательство.

— Но это еще не все. Предположим, полиции удастся схватить одного из этих парней. Почти всегда найдется судья или какой-нибудь политический деляга, который поможет ему выкрутиться, даже если шериф заупрямится и не захочет его выпустить на свободу: с десяток свидетелей будут клятвенно утверждать, что в момент свершения преступления этот бедняга находился на другом конце города. А если какой-нибудь честный свидетель решит утверждать обратное, да еще окажется настолько безумным, что вовремя не возьмет назад свои показания, с ним наверняка в день процесса произойдет на улице несчастный случай. Теперь вам понятно?

В бар вошел высокий белокурый парень и встал у стойки в двух метрах от Мегрэ и Люка. Луиджи ему подмигнул.

— Мартини?

— Мартини,— кивнул пришедший и с любопытством принялся разглядывать французов.

Мегрэ уже дважды высморкался. В носу свербило, глаза слезились. Неужели он заразился гриппом от Лоньона!

Люка все ждал момента, когда шеф что-то ответит. Но комиссар не возражал Луиджи, словно ему нечего было сказать.

Дело в том, что он начинал терять терпение. Вот Поччо посоветовал ему все это бросить — ну ладно, это еще куда ни шло: хозяин ресторана на улице Акаций имел, видимо, веские причины давать такой совет. Это ясно... Но когда здесь, в элегантном баре, такой человек, как Луиджи, говорит ему примерно то же самое,— нет, это уже слишком!

— Представьте себе, комиссар, что американский детектив приезжает в Марсель и пытается покончить там с блатным миром. Как вы думаете, что из этого получится? А марсельские бандиты — дети по сравнению с...

Понятно, понятно! Как знать, быть может, если бы Мегрэ отправился к американскому консулу или даже к самому послу, то услышал бы примерно то же: «Не занимайтесь этим, Мегрэ, этот орешек вам не по зубам». Одним словом, ему объясняли, что у него не та квалификация, чтобы заниматься подобными делами.

Он залпом допил виски и продолжал мрачно молчать,

чувствуя, что Люка сильно разочарован и не может понять, почему комиссар не поставит Луиджи на место.

Даже когда они вышли на улицу, Люка все еще не решался спросить об этом Мегрэ, который не остановил такси и не направился к автобусной остановке, а, засунув руки в карманы, молча шагал по тротуару. Они уже прошли довольно большое расстояние, когда, обернувшись к Люка, комиссар сказал зло, словно споря с кем-то:

— Ты готов держать пари, что я их поймаю?

— Я в этом убежден,— поспешно заверил его Люка.

— И я! Слышишь? Я тоже! Я их...

Мегрэ редко позволял себе ругаться, но на этот раз у него вырвалось бранное слово, и он испытал облегчение.

* * *

Возможно, это было и лишнее, но все же Мегрэ послал Люка на улицу Акаций побродить у дверей ресторана.

— Прятаться не стоит, Поччо достаточно хитер, чтобы тебя все равно обнаружить. Он, наверное, никому не звонил, потому что знает, что мы подслушиваем все его телефонные разговоры, но он наверняка постарался предупредить тех двух типов, которые вчера играли с ним в кости, и, скорее всего, они-то и передали его записку Чарли и Чичеро. Но все же есть некоторая вероятность, что он почему-либо не смог с ними снестись и что хоть один из них заглянет в ресторан.

Мегрэ подробно описал приметы игроков в кости и дал Люка точные инструкции. Добравшись до префектуры, он, не заходя в свой кабинет, поднялся в лабораторию. Мерс, ожидая его, жевал бутерброд. Он сразу же включил проекционный аппарат, похожий на огромный волшебный фонарь, и на экране появилось изображение каких-то знаков.

Это был восстановленный текст той записки, которую Поччо написал на листе блокнота. Первые буквы можно было четко разобрать: Г. А. Л., а потом шли цифры.

— Как вы и предполагали, шеф, это номер телефона. Первая цифра — 2, вторая — 7, третью разобрать невозможно, четвертая то ли 0, то ли 9, а может быть, и 6. Я в этом не уверен.

Мерс тоже с удивлением поглядел на Мегрэ не потому, что от него пахло виски, а потому, что у комиссара было какое-то отсутствующее выражение лица. К тому же, выходя из лаборатории, он сказал фразу, которую можно было редко услышать от него:

— Спасибо, сынок...

Мегрэ спустился в свой кабинет, снял пальто, распахнул дверь комнаты инспекторов.

— Жанвье! Лапуэнт...

Но прежде чем дать задание инспекторам, он позвонил в закусочную «Дофин» и заказал сэндвичи и пиво всем троим.

— Вы успели позавтракать?

— Да, шеф.

— Тогда возьмите телефонные книги. Придется проглядеть все номера подстанции Гальвани.

Это была колоссальная работа. Если случайно не повезет, Жанвье и Лапуэнту придется просидеть черт те сколько времени, прежде чем удастся найти нужный номер.

Те двое, что играли в кости с Поччо, ушли незадолго перед тем, как Мегрэ и Лоньон приступили к обеду, другими словами, за три четверти часа, а может быть, и за час до того, как комиссар и инспектор Лоньон покинули ресторан. Поччо поручил им позвонить по такому-то номеру подстанции Гальвани. Эта подстанция обслуживала квартал авеню Гранд Армэ, а ведь именно на этой улице угнали машину, на которой Лоньона увезли в Сен-Жерменский лес.

Пока все как будто сходилось. Трое американцев либо были вместе, когда их предупредили, либо смогли очень быстро снестись друг с другом. Ведь час спустя они втроем уже оказались с машиной у ресторана.

— Это телефон гостиничный, шеф?

— Понятия не имею. Возможно. Но если они живут в гостинице, то, значит, раздобыли себе фальшивые документы.

Это отнюдь не было исключено. Такой ловкач, как Поччо, мог, конечно, достать что угодно.

— Я все же не думаю, чтобы они остановились в гостинице или меблированных комнатах,— ведь там их легче всего найти. Наверно, они заехали к кому-нибудь из

друзей Ларнера: ведь Ларнер живет в Париже уже два года и у него наверняка есть много знакомых. Скорее всего, он поселил их у какой-нибудь женщины. Вам придется перебрать все номера, которые, судя по первым цифрам, могут подойти. Составьте список одиноких женщин в этом районе, а также всех людей с итальянскими или американскими фамилиями.

Впрочем, особых иллюзий Мегрэ себе не строил. Даже если этот сизифов труд увенчается успехом и инспекторы набредут на нужный номер, то почти наверняка окажется, что птички давно упорхнули. Поччо не новичок, в наивности его не упрекнешь. Совершенно ясно, что он успел снова оповестить их об опасности, раз Мегрэ унес блокнот.

Мегрэ позвонил сперва жене, чтобы она не ждала его к завтраку, затем госпоже Лоньон, которая снова принялась сетовать на свою жизнь.

Сквозь приоткрытую дверь комнаты инспекторов Мегрэ слышал, как Жанвье и Лапуэнт набирали номер за номером и потом что-то плели, всякий раз придумывая другую историю. Он сидел неподвижно, откинувшись в своем кресле, и все реже подносил ко рту погасшую трубку.

Однако он не спал. Ему было жарко. Должно быть, у него поднялась температура. Полузакрыв глаза, он пытался сосредоточиться и продумать все до конца, но мысли разбегались, и всякий раз он подбадривал себя одной и той же фразой: «Все равно им от меня не уйти!»

Поймать их он, конечно, поймает, но вот как — об этом он, честно говоря, не имел ни малейшего представления. И все же он был, как никогда, преисполнен решимости довести дело до победы. Ему это представлялось чуть ли не вопросом национальной чести, а слово «гангстер» действовало на него, как красное на быка...

«...Отлично, мосье Луиджи! Отлично, мосье Поччо! Отлично, господа американцы! Но все равно вам не удастся меня переубедить. Я всегда утверждал и продолжаю утверждать, что все убийцы — идиоты. Не будь они идиотами, они не стали бы убивать. Ясно? Нет? Я вас не убедил? Что ж, я, Мегрэ, берусь вам это доказать. Вот и все! Действуйте!..»

Когда посыльный, несколько раз постучав в дверь и

не получив ответа, приоткрыл ее, он увидел, что Мегрэ спит, зажав трубку в зубах.

— Срочный пакет, господин комиссар!

Это были фотографии и сведения, которые ему прислали из Вашингтона самолетом.

Десять минут спустя в лаборатории печатали десятки этих фотографий. В четыре часа дня в приемной собрались журналисты, и Мегрэ каждому из них вручил целую серию фотографий.

— Не спрашивайте меня, почему мы их ищем, но помогите мне их найти. Опубликуйте эти фотографии на первых страницах газет. Мы объявляем розыск по всей стране. Мы просим каждого, кто видел кого-нибудь из этих людей, немедленно позвонить мне по телефону.

— Они вооружены?

Мегрэ секунду поколебался, как ответить, а потом решил честно признаться:

— Они не только носят оружие, они пускают его в ход.

И он употребил слово, которое и его самого начало уже раздражать.

— Это — убийцы. Во всяком случае — один из них.

Фотографии гангстеров были переданы также на все вокзалы, пограничные заставы и жандармским патрулям на шоссейных дорогах.

Все это, как сказал бы бедняга Лоньон, организовать было нетрудно. Люка еще дежурил перед входом в ресторан на улице Акаций. Жанвье и Лапуэнт продолжали звонить по телефону. Как только какой-нибудь номер казался им подозрительным, туда немедленно отправляли инспектора, чтобы все проверить на месте.

В пять часов дня Мегрэ сказали, что его вызывает Вашингтон, и минуту спустя он услышал в трубке голос Макдональда:

— Послушайте, Жюль, я здесь долго думал по поводу вашего звонка, а потом мне случайно представился случай поговорить с одним очень важным начальником.

Быть может, Мегрэ все это выдумал, но ему почему-то показалось, что Макдональд говорит с ним очень дружески, но менее откровенно, чем накануне. Воцарилась недолгая пауза.

— Да, да, я вас слушаю.

— Вы уверены, что Чинаглиа и Чичеро в Париже?

— Да. Уверен. Только что это подтвердилось — нашелся человек, который их видел вблизи и опознал по фотографиям.

Это было правдой. Он послал инспектора к госпоже Лоньон, и она, поглядев на фотографии, действительно подтвердила, что это те самые люди, что проникли к ней в квартиру...

— Алло!

— Да, да, я вас слушаю.

— Их только двое?

— Они действуют заодно с Биллом Ларнером...

— Этот тип не имеет никакого значения, я вам уже это говорил. А ни с кем другим они здесь не встречались?

— Именно это я и пытаюсь выяснить.

Казалось, Макдональд все ходит вокруг да около, как человек, который боится сказать лишнее.

— А вы ничего не слышали еще об одном сицилийце?

— Как его зовут?

Снова раздумье, прежде чем ответить:

— Маскарели.

— Он приехал одновременно с ними?

— Наверняка нет. На несколько недель раньше.

— Я прикажу искать это имя в регистрационных книгах гостиниц.

— Маскарели скорей всего остановился не под своим именем.

— В таком случае...

— И все же проверьте. Если вам что-либо удастся узнать о Маскарели, по кличке Sloppy Джо, сейчас же сообщите об этом, желательно по телефону. Даю вам его приметы: маленького роста, худощав, на вид ему можно дать не меньше пятидесяти, тогда как на самом деле ему сорок один, вид болезненный, на шее — рубцы от фурункулов. Вы понимаете, что значит английское слово «Sloppy»?

Мегрэ знал это слово, но затруднился бы перевести его точно. Так говорят про неряху, про опустившегося человека.

— Так вот, его прозвали Неряха Джо вполне заслуженно.

— Зачем он приехал во Францию?

Снова пауза.

— А зачем приехали Чинаглиа и Чичеро?

Макдональд наконец ответил, но тихо, словно спрашивал совета у кого-то, кто стоял рядом с ним:

— Если Чарли Чинаглиа и Чичеро встретили Неряху Джо в Париже, то есть некоторые основания полагать, что человек, которого выкинули из машины на глазах у вашего инспектора, и есть Неряха Джо.

— Вы на редкость ясно выражаетесь! — усмехнулся Мегрэ.

— Простите меня, Жюль, но это примерно все, что я сам знаю.

Комиссар вызвал по телефону Гавр, потом Шербур и поговорил с теми портовыми чиновниками, которые занимаются документами прибывающих пассажиров. Проверили все регистрационные списки, но фамилии Маскарели не обнаружили. Мегрэ передал им приметы этого типа, и они обещали расспросить своих инспекторов.

В кабинет заглянул Жанвье.

— Шеф, Торанс просит вас подойти к телефону.

— Где он находится?

— Где-то возле авеню Гранд Армэ, проверяет адреса.

В самом деле, ему не было никакого смысла всякий раз возвращаться на Набережную Орфевр. Он звонил из ближайшего бара о результатах, и ему сообщали новый адрес

— Алло! Это вы, шеф? Я звоню вам от одной дамы, которую я предпочел бы не выпускать из виду. Мне кажется, что вам стоило бы с ней побеседовать. Правда, она не очень-то любезна.

Мегрэ услышал в трубке голос какой-то женщины, а потом голос Торанса, который громко ее увещевал. Он даже расслышал его слова:

— Если вы сейчас же не замолчите, я вам заткну рот, понятно?.. Вы слушаете, шеф? Я нахожусь в доме номер двадцать восемь-бис на улице Брюнель, третий этаж, налево. Даму эту зовут Адриен Лор. Думаю, стоило бы проверить ее имя по нашим книгам.

Мегрэ поручил это Лапуэнту, надел пальто, сунул в карман две трубки и спустился по лестнице. Ему повезло — во дворе стояла дежурная машина.

— Улица Брюнель.

Все тот же район, совсем близко от авеню Де Ваграм, в двухстах метрах от улицы Акаций, в трехстах метрах от того места, где накануне вечером украли машину. Дом был благоустроенный, в таком, должно быть, жили вполне состоятельные люди: лестница была устлана коврами. Мегрэ поднялся на лифте на третий этаж, дверь слева отворилась, и на пороге появился огромный Торанс. Увидев комиссара, он с облегчением вздохнул.

— Быть может, вам, шеф, и удастся из нее что-нибудь вытянуть. Я — пас.

Посреди гостиной стояла полная брюнетка в пеньюаре.

— Вашего полку прибыло! — воскликнула она с саркастической усмешкой.— Теперь вас уже двое. Интересно, сколько вам еще понадобится людей, чтобы справиться с одной женщиной?

Мегрэ вежливо снял шляпу и положил ее на кресло. Потом, поскольку в комнате было очень жарко, снял пальто и тихо спросил:

— Разрешите?

— Вы сейчас сами убедитесь, что я ничего не разрешаю.

Это была довольно красивая женщина лет тридцати, с хрипловатым голосом. В комнате пахло духами. Дверь в спальню была открыта, и там виднелась незастеленная кровать. На диванчике в гостиной лежала подушка, другая подушка валялась на полу, в углу, рядом с двумя положенными друг на друга ковриками.

Торанс, перехватив взгляд Мегрэ, спросил:

— Видите, шеф?

Было совершенно ясно, что здесь прошлой ночью спала не одна она.

— Я долго звонил в дверь, но она не открывала. Она уверяет, что спала. Я спросил ее, знакома ли она с американцем, по имени Билл Ларнер, и заметил, что она в нерешительности, не знает, что ответить, и пытается выиграть время, делая вид, будто вспоминает. Несмотря на ее протесты, я подошел к двери и заглянул в спальню. Пройдите и посмотрите сами. На этажерке, слева.

На этажерке в рамке из красной кожи стояла фотография, снятая, по всей вероятности, в Довиле: женщина

и мужчина в купальных костюмах — хозяйка квартиры и Билл Ларнер.

— Теперь вы понимаете, почему я вам позвонил? Но это еще не все. Взгляните-ка на корзину для бумаг,— я там насчитал восемь сигарных окурков. Это голландские большие сигары, каждую из которых курят не меньше часа. Я полагаю, что в тот момент, когда я позвонил, она заметила, что пепельница полна окурков, и выбросила все это в корзину для бумаг.

— Вчера вечером у меня были гости.

— Сколько гостей?

— Это вас не касается.

— Билл Ларнер был у вас?

— Это вас тоже не касается. Впрочем, мы сфотографировались год назад и с тех пор успели поссориться.

На буфете стояла бутылка ликера и рюмка. Адриен налила себе ликера, но им выпить не предложила, потом взяла сигарету, закурила и рукой взбила волосы на затылке.

— Послушайте, дорогая...

— Я вам не дорогая.

— Было бы гораздо разумнее с вашей стороны разговаривать со мной более любезно.

— Этого еще не хватало, черт побери!

— Я понимаю, что у вас не было плохих намерений. Ларнер попросил вас приютить его и двух его друзей. Скорее всего, он и не сказал вам, что это за люди.

— Можете плести все, что вам будет угодно.

Торанс красноречиво поглядел на Мегрэ, словно говоря: «Видите, как она разговаривает!» Но Мегрэ терпеливо продолжал:

— Вы француженка, Адриен?

— Она бельгийка,— вмешался Торанс.—Я нашел в ее сумочке удостоверение личности. Она родилась в Антверпене и живет во Франции пять лет.

— Другими словами, мы можем отобрать у вас вид на жительство. Я полагаю, вы работаете в ночном кабаре?

— Она танцовщица в «Фоли-Бержер»,— сказал Торанс.

— Ну и что? Если я танцую в кабаре, это вам не дает еще права врываться ко мне, словно в хлев!

— Послушайте меня, Адриен. Я не знаю, что вам тут наговорил Ларнер, но, во всяком случае, правду о своих друзьях он вам, наверно, не сказал. Вы говорите по-английски?

— Для моей работы вполне достаточно.

— Тех двух типов, которые у вас ночевали, ищут по обвинению в убийстве. Понимаете? А это значит, что и вас будут судить за соучастие в преступлении, поскольку вы их приютили. Вы знаете, какой срок за это дают?

Удар попал в самую точку. Адриен перестала ходить по комнате и с тревогой посмотрела на Мегрэ.

— От пяти до десяти лет тюрьмы.

— За что? Я ничего дурного не сделала.

— Я в этом убежден, именно поэтому я вам говорю, что вы ведете себя глупо. Помогать друзьям — дело, конечно, хорошее, но только если за это не приходится платить такой ценой.

— Вы пытаетесь заставить меня говорить?

— Того типа, который поменьше ростом, звали Чарли?

Она не стала возражать.

— А другой — Тони Чичеро?

— Их я не знаю. Но Билл никогда никого не убивал, в этом я уверена.

— Я тоже. Я даже убежден, что Билл помогал им против своей воли.

Она взяла бутылку, налила себе еще полрюмки ликера и чуть было не предложила Мегрэ, но, передумав, пожала плечами.

— Я знаю Ларнера много лет,— сказал Мегрэ.

— Он только два года назад приехал во Францию.

— Но пятнадцать лет назад мы завели на него карточку в нашей картотеке. Мне сегодня уже сказали про него, что он джентльмен.

Нахмурив брови, она настороженно наблюдала за ним, все еще боясь попасть в ловушку.

— Чарли и Чичеро прятались у вас два, а то и три дня. У вас есть холодильник?

Торанс снова вмешался:

— Я об этом тоже подумал. В кухне стоит холодильник. Он битком набит продуктами: два холодных цыпленка, половина окорока, почти целый круг колбасы...

— Вчера вечером, — продолжал Мегрэ, — им что-то сообщили по телефону, и они поспешно уехали все втроем.

Она села в кресло, и со скромностью, которой от нее нельзя было ожидать, плотнее запахнула пеньюар.

— Они вернулись посреди ночи. Я убежден, что они изрядно выпили. Насколько я знаю Билла Ларнера, он, наверное, напился как следует, потому что присутствовал при сцене, которая не была рассчитана на его первы.

Торанс ходил взад и вперед по квартире, и Адриен с раздражением воскликнула:

— Да что вы мечетесь, как маятник!

Потом, обернувшись к Мегрэ, спросила:

— Что же, по-вашему, было дальше?

— Я точно не знаю, в котором часу они получили сегодня новое сообщение. Во всяком случае, не раньше одиннадцати. Наверное, они еще спали. Они торопливо оделись. Они вам сказали, куда они отправляются?

— Вы все-таки пытаетесь меня впутать в эту историю?

— Напротив, я пытаюсь вас из нее выпутать!

— Вы тот Мегрэ, о котором так часто пишут в газетах?

— Почему вы меня об этом спрашиваете?

— Ходят слухи, что вы приличный человек. Но вот этот толстяк — решительно не по мне.

— Что они вам сказали, когда уходили?

— Ничего. Даже спасибо не сказали.

— Какой был вид у Билла?

— Я еще не подтвердила, что Билл здесь был.

— Но вы должны были слышать, о чем они говорили, когда одевались.

— Они говорили по-английски.

— Вы как будто знаете английский?

— Не те слова, которые они употребляли.

— Ночью, когда Билл был с вами вдвоем в этой комнате, он говорил с вами о товарищах?

— Откуда вы это знаете?

— Не сказал ли он вам, что он постарается от них отделаться?

— Он сказал мне, что, как только будет возможность, он отвезет их за город.

— Куда?

— Не знаю.

— Билл часто ездит за город?

— Почти никогда.

— А вы с ним ни разу не ездили?

— Нет.

— Вы были его подругой?

— Периодами.

— Вы бывали у него в номере в гостинице «Ваграм»?

— Однажды. Я застала его с какой-то девицей. Он выставил меня за дверь. А потом, три дня спустя, он пришел ко мне как ни в чем не бывало.

— Он рыболов?

Она рассмеялась.

— Вы хотите сказать, что он сидит с удочкой? Нет! Это не в его жанре.

— А в гольф он играет?

— Да. В гольф играет.

— Где?

— Не знаю. Я никогда не ездила с ним играть в гольф.

— Бывало, что он уезжал на несколько дней?

— Нет, обычно он уезжает утром, а вечером возвращается.

Все это было не то. Мегрэ хотел выяснить, где Ларнер проводил ночи.

— Если не считать этих двух типов, которые у вас ночевали, он не знакомил вас со своими друзьями?

— Очень редко.

— Что это были за люди?

— Чаще всего это бывало на скачках,— с жокеями, владельцами конюшен.

Торанс и Мегрэ переглянулись. Они покраснели от возбуждения.

— Он много играл на скачках?

— Да.

— Вел большую игру?

— Да.

— Выигрывал?

— Почти всегда. У него были каналы, по которым он получал информацию.

— Через жокеев?

— Должно быть, так.

— Он никогда вам не говорил о таком месте, как Мэзон-Лафит?

— Он мне однажды оттуда звонил.

— Ночью?

— После моего выступления в «Фоли-Бержер».

— Он попросил вас приехать к нему туда?

— Нет, напротив. Он звонил, чтобы предупредить меня, что он приедет.

— Он собирался переночевать в Мэзон-Лафите?

— Наверное.

— В гостинице?

— Он не уточнил.

— Благодарю вас, Адриен. Простите, что я вас побеспокоил.

Казалось, она была удивлена, что они не уводят ее с собой; ей еще трудно было поверить, что она не попалась в ловушку.

— Который из них убивал? — спросила она, когда Мегрэ уже взялся за ручку двери.

— Чарли. Это вас удивляет?

— Нет. Но второй мне понравился еще меньше: он холодный, как крокодил.

Она не ответила на поклон Торанса, но улыбнулась Мегрэ, который попрощался с ней подчеркнуто вежливо, почти церемонно.

На лестнице комиссар сказал своему спутнику:

— Надо распорядиться, чтобы ее телефон подключили на прослушивание, хотя это вряд ли что-нибудь даст. Эти люди очень осторожны.

Потом, вдруг вспомнив, с какой настойчивостью Поччо и Луиджи предостерегали его, он добавил:

— Пожалуй, тебе придется наблюдать за Адриен. Нельзя допустить, чтобы с ней случилась беда.

Ресторан Поччо находился отсюда в двух шагах; Люка продолжал следить за всеми, кто входил туда и выходил. Мегрэ попросил шофера ехать по улице Акаций.

— Ничего нового?

— Один из тех двух клиентов, которых вы мне описали, ну, из тех, что играли в кости, минут пятнадцать назад зашел в ресторан.

Шофер остановил машину как раз напротив двери. Мегрэ не мог отказать себе в удовольствии спокойно выйти из машины, толкнуть дверь и с порога приветствовать Поччо, поднеся руку к шляпе:

— Привет, Поччо!

Потом он подошел к парню, который сидел у стойки.

— Предъявите, пожалуйста, ваше удостоверение личности.

По виду этот тип был либо джазовым музыкантом, либо профессиональным танцором. Он помялся в нерешительности, как бы прося совета у Поччо, который отвел глаза.

Мегрэ записал его имя и адрес в блокнот.

Странное дело, парень этот оказался не итальянцем и не американцем, а испанцем и, судя по документам, был драматическим актером. Он жил в маленькой гостинице на авеню Терн.

— Благодарю вас!

Мегрэ вернул ему удостоверение, не задав ни одного вопроса, снова поднес руку к полям шляпы и вышел; испанец и Поччо проводили его изумленными взглядами.

Глава пятая,

В КОТОРОЙ НЕКИЙ БАРОН ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ОХОТУ, А МЕГРЭ ПО НЕОСМОТРИТЕЛЬНОСТИ ИДЕТ В КИНО

Мегрэ удобно откинулся на заднее сиденье машины: ему было тепло и уютно, он глядел на проносящиеся мимо огни и обдумывал все, что удалось выяснить. Когда они выехали на площадь Согласия, он сказал шоферу:

— Сверни-ка на улицу Капуцинов, мне необходимо позвонить.

Позвонить надо было в префектуру, которая находилась отсюда в пяти минутах езды, но Мегрэ был не против еще раз попасть в бар «Манхеттен». Теперь он был совсем иначе настроен, чем утром.

Бар был полон — у стойки, в клубах дыма, толпилось не меньше тридцати человек. Почти все здесь говорили по-английски, кое-кто из посетителей читал американские газеты. Луиджи и его два помощника сбивали коктейли.

— То же виски, что сегодня утром,— произнес Мегрэ таким спокойным и веселым тоном, что хозяин посмотрел на него с удивлением.

— Бурбон?

— Не знаю. Вы же мне сами наливали.

Луиджи был явно недоволен его посещением, и Мегрэ даже показалось, что он окинул быстрым взглядом всех своих клиентов, чтобы убедиться, что здесь нет никого, с кем комиссар не должен был бы встретиться.

— Скажите-ка, Луиджи...

— Минуточку...

Он разносил напитки и суетился куда больше, чем это было необходимо, словно желая избежать вопросов комиссара.

— Я хотел вам сказать, Луиджи, что есть еще один из ваших соотечественников, с которым мне надо было бы встретиться. Интересно, слышали ли вы когда-нибудь о неком Маскарели, по прозвищу Неряха Джо?

Мегрэ произнес эту тираду, не повышая голоса. И хотя многие вокруг кричали, пытаясь перекрыть гул голосов, не меньше десяти человек с любопытством взглянули на комиссара, стоило ему только произнести имя Маскарели.

Что до Луиджи, тот лишь буркнул в ответ:

— Не знаю его и знать не хочу.

Мегрэ, довольный собой, направился в кабину телефона-автомата.

— Это ты, Жанвье? Погляди-ка, не ушел ли еще Барон? Если он здесь, попроси его меня подождать, а если его уже нет, постарайся с ним связаться по телефону и попроси его как можно скорее вернуться на Набереж-

ную Орфевр. Мне совершенно необходимо с ним поговорить.

Протиснувшись к стойке, Мегрэ выпил свою рюмку виски и вдруг заметил парня, которого уже видел сегодня. Это был высокий блондин, ну прямо герой американского фильма; парень этот, в свою очередь, тоже не спускал глаз с комиссара.

Луиджи оказался слишком занятым, чтобы попрощаться с Мегрэ, который вышел из бара, сел в машину и четверть часа спустя вошел в свой кабинет. Ему навстречу встал человек, который поджидал его, уютно устроившись в кресле.

Человека этого звали Бароном не потому, что он был бароном, а потому, что это была его фамилия. Он не работал в опергруппе Мегрэ. Вот уже двадцать пять лет, как он занимался только скачками и предпочитал оставаться простым инспектором, нежели изменить свою специализацию.

— Вы меня вызывали, комиссар?

— Садитесь, старина. Одну минутку...

Мегрэ снял пальто, зашел в соседнюю комнату, чтобы выяснить, нет ли каких-нибудь сообщений, а потом, вернувшись в кабинет, тоже уселся в кресло и вытащил трубку.

Должно быть, оттого, что Барон все свое время проводил на ипподромах, где занимался не какой-нибудь мелюзгой, а только крупными игроками, завсегдатаями, он постепенно стал походить на своих подопечных. Как и у них, у него на шее обычно болтался полевой бинокль, а в день розыгрыша Гран При он не обходился без серого котелка и серых гетр. Некоторые уверяли, что видели его даже с моноклем, и это вполне возможно; вполне возможно также, что Барон и сам пристрастился к игре, как утверждают сплетники.

— Сейчас я вам изложу суть дела, которое меня интересует, а вы мне скажете, что вы по этому поводу думаете. Представьте себе американца, который вот уже два года живет в Париже и регулярно ходит на скачки...

— Американец какого типа?

— Не из тех, кого приглашают на приемы в посольство. Мошенник высокого класса, Билл Ларнер.

— Я его знаю,— спокойно заметил Барон.

— Прекрасно. Это нам многое облегчит. По некоторым причинам Ларнеру понадобилось сегодня утром куда-то скрыться, причем не одному, а вместе с двумя своими соотечественниками, которые недавно высадились во Франции и не говорят ни слова по-французски. Они знают, что у нас есть их приметы, и я сильно сомневаюсь, чтобы они решились сесть на поезд или на самолет. Я убежден, что они скрываются где-то вблизи Парижа, где их, по-видимому, что-то держит. Автомобиля у них нет, но они весьма ловко пользуются чужими машинами, а потом бросают их.

Барон слушал внимательно, с тем выражением, которое обычно бывает на лицах специалистов, когда к ним обращаются за консультацией.

— Я довольно часто встречал Ларнера с красивыми женщинами,— заметил он.

— Знаю. У одной из таких он даже провел со своими приятелями последние два дня, но я не думаю, чтобы он дважды ставил на одну и ту же карту.

— Я тоже этого не думаю,— он слишком хитер.

— От этой дамы я и узнал, что у него есть друзья среди жокеев и владельцев конюшен. Понимаете, к чему я веду? Ему надо было быстро, не теряя ни минуты, найти надежное укрытие. Более чем вероятно, что он обратился к кому-нибудь из своих земляков. Вы знаете американцев, связанных с ипподромом?

— Есть и американцы, но их, конечно, меньше, чем англичан. Подождите-ка. Я сейчас подумал об одном жокее, о Малыше Лопе, но он, если не ошибаюсь, сейчас в Миами. Встречал я еще американца Фреда Брауна, который работает в конюшне одного из своих соотечественников. Но, наверное, скачками занимаются и другие американцы.

— Послушайте, Барон. Парень, у которого Ларнер решил укрыться, должен обязательно жить где-нибудь уединенно. Поставьте себя на место Билла Ларнера и подумайте, у кого бы он считал себя вне опасности. Мне говорили, что он как-то ночевал в Мэзон-Лафите или где-то поблизости от этого места.

— Совсем неглупо.

— Что — неглупо?

— В тех краях и в самом деле есть несколько конюшен. Я должен вам немедленно дать ответ?

— Во всяком случае, как можно скорее.

— Ну что ж, тогда я обойду несколько баров, в которые прежде хаживал, и потолкаюсь среди этого люда. Если я смогу сегодня вечером дать ответ, где мне вас найти?

— Я буду дома.

Барон с важным видом двинулся к двери, но Мегрэ после минутного раздумья его остановил.

— Еще одно слово. Будьте осторожны. Если вам удастся что-либо обнаружить, один ничего не предпринимайте. Мы имеем дело с убийцами.

Он произнес это слово не без иронии, потому что слишком много раз повторял его за последние сутки.

— Все ясно. Я почти наверняка позвоню вам сегодня вечером. А к утру уж во всяком случае до чего-нибудь докопаюсь.

Когда Мегрэ наконец приехал домой, он застал жену уже одетой. Он собирался, выпив грог и приняв аспирин, лечь в постель, чтобы заглушить начинающийся грипп, но — увы — не тут-то было: ведь по пятницам они всегда ходили в кино!

— Как Лоньон? — спросила жена.

Перед самым уходом он получил последние сведения из больницы. У горе-инспектора все же началось воспаление легких, но с болезнью надеялись быстро справиться с помощью пенициллина; зато врачей сильно тревожил удар, который Лоньон получил по голове.

— Пролома черепа, правда, нет, но боятся сотрясения мозга. Он начал бредить.

— А как себя ведет его жена?

— Она продолжает вопить, что никто не имеет права разлучать супругов, которые прожили вместе больше тридцати лет, и настаивает, чтобы либо его перевезли домой, либо ей разрешили находиться в больнице.

— Она своего добилась?

— Нет.

Обычно супруги Мегрэ медленно шли до бульвара Бон-Нувель и там заходили в первый попавшийся кинотеатр. Фильмом Мегрэ было нетрудно угодить. Более того, он охотнее смотрел самую заурядную картину, чем

какую-нибудь нашумевшую ленту; он любил, сидя в кресле, глядеть на экран и ни о чем не думать. Чем менее шикарным был кинотеатр, тем демократичнее была там публика; чем больше зрители смеялись в нужных местах и отпускали шутки, ели мороженое, жевали резинку, тем большее удовольствие он получал.

На улице было по-прежнему сыро и холодно. Выйдя из кино, они посидели на террасе какого-то маленького кафе, выпили по стакану пива и попали домой только в одиннадцать часов вечера. Едва Мегрэ переступил порог квартиры, как раздался телефонный звонок.

— Алло! Барон, это вы?

— Нет, это говорит Вашэ, господин комиссар. Я заступил на дежурство в восемь часов вечера. С девяти я тщетно пытаюсь с вами связаться.

— Есть что-нибудь новое?

— На ваше имя пришло письмо. Почерк женский. На конверте крупными буквами написано: *Крайне срочно.* Можно мне его вскрыть и прочитать вам?

— Читай!

— Минуточку. Вот: «Господин комиссар! Совершенно необходимо, чтобы я с вами как можно скорее встретилась. Это вопрос жизни и смерти. К несчастью, я не могу выйти из своей комнаты и даже не знаю, как переправить вам это письмо. Не смогли бы вы посетить меня в гостинице «Бретань», улица Ришé, это почти напротив «Фоли-Бержер». Я живу в номере сорок семь. Никому ничего не говорите. Вокруг гостиницы, наверное, кто-нибудь ходит. Приходите, приходите, я вас умоляю».

Подпись была неразборчива, начиналась она с буквы «М».

— Скорее всего, Мадо,— сказал Вашэ,— но я в этом не уверен.

— В котором часу отправлено письмо?

— В восемь вечера.

— Ясно. Больше ничего? От Люка или от Торанса нет никаких сведений?

— Люка сидит в ресторане у Поччо. Поччо уговорил его зайти к нему, уверяя, что просто глупо стоять на холоде, когда можно сидеть в тепле. Он просит дать ему дальнейшие указания.

— Пошлите его спать.

Госпожа Мегрэ слышала этот разговор; она вздохнула, но не стала возражать, видя, что муж ищет свою шляпу. Она привыкла к его ночным отлучкам.

— Спать-то ты хоть вернешься? И возьми шарф, прошу тебя.

Перед тем как выйти, он выпил немного сливянки. Ему пришлось идти пешком до площади Республики и только там удалось схватить такси.

— Улица Рише, напротив «Фоли-Бержер»!

Он знал гостиницу «Бретань», пользующуюся весьма дурной репутацией; на верхних этажах комнаты сдавались понедельно или помесячно.

Спектакль в «Фоли-Бержер» уже давно кончился, и прохожих на улице почти не было.

Мегрэ вошел в плохо освещенный коридор и постучал в застекленную дверь; за стеклом сразу же вспыхнул свет и кто-то пробурчал сонным голосом:

— Кто там?

— Я в номер сорок семь.

— Проходите.

Мегрэ смутно различал сквозь занавеску, что на раскладушке лежал какой-то человек, который протянул было руку, чтобы дернуть за резиновую грушу и тем самым открыть вторую дверь, но не сделал этого. Окончательно проснувшись, портье вник наконец в то, что ему сказал посетитель.

— В номере сорок семь никого нет,— пробурчал он, снова укладываясь.

— Минуточку. Мне надо с вами поговорить.

— Что вам угодно?

— Я из полиции.

Мегрэ и не пытался разобрать, что бубнил себе под нос портье, но это были явно бранные слова по его адресу.

Портье нехотя поднялся с постели, на которой он лежал одетый, подошел к двери, повернул ключ в замочной скважине и впустил посетителя, окинув его злобным взглядом.

— Вы из полиции нравов? — нахмурив брови, спросил он.

— Откуда вы знаете, что в номере сорок семь никого нет?

— Тип, который там жил, уже несколько дней как смотался, а его подруга недавно вышла.

— Когда?

— Точно не скажу. Часов в девять или в половине десятого.

— Ее зовут Мадо?

Портье пожал плечами.

— Я дежурю только ночью и имен не знаю. Уходя, она сдала мне ключ. Вот поглядите — он висит на доске.

— Эта дама ушла одна?

Портье молчал.

— Я вас спрашиваю: эта дама ушла одна?

— Что вам от нее надо? Ладно, ладно. Не сердитесь. Незадолго перед этим к ней приходили.

— Кто? Мужчина?

Портье был поражен, что в такой гостинице, как эта, ему задают подобные вопросы.

— Гость долго оставался в номере?

— Минут десять.

— Он спросил вас, в каком номере она живет?

— Он меня ни о чем не спрашивал. Он поднялся по лестнице, даже не взглянув на меня. Тогда дверь еще была не заперта.

— Откуда вы знаете, что этот тип направился именно к ней в номер?

— Да потому, что они вышли вместе.

— У вас ее регистрационная карточка?

— Нет. Они все у хозяйки, она их хранит у себя в кабинете, а он заперт на ключ.

— А где хозяйка?

— Спит.

— Дайте мне ключ от номера сорок семь и разбудите хозяйку. Пусть она поднимется ко мне.

Портье как-то странно поглядел на Мегрэ и вздохнул.

— Да, в мужестве вам не откажешь. А вы уверены, что вы в самом деле служите в полиции?

Мегрэ предъявил свой жетон и с ключом в руке стал подниматься по лестнице. Номер 47 находился на четвертом этаже, это был самый обычный гостиничный номер, с железной кроватью, умывальником у стены, обтрепанным креслом и комодом.

Кровать была застелена покрывалом сомнительной

чистоты, а на нем валялась газета с фотографиями Чарли Чинаглиа и Чичеро на первой странице. Это была вечерняя газета — в киоски она попадала не раньше шести часов. Всех читателей, видевших кого-либо из этих людей, просят срочно сообщить об этом комиссару Мегрэ.

Может, это объявление и заставило женщину, по имени Мадо, послать ему письмо?

В углу комнаты стояли два чемодана — один старый, потрепанный, другой совсем новый. На обоих — наклейки Канадского пароходства. Мегрэ раскрыл чемоданы и стал выкладывать на кровать все, что там лежало,— белье, платья, кофты; большинство вещей тоже были совсем новыми, купленными в магазинах Монреаля.

— Я вижу, вы не церемонитесь! — раздался голос у двери.

Это появилась хозяйка, она с трудом переводила дух, должно быть, слишком быстро подымалась по лестнице. Она была небольшого роста, с резкими чертами лица, а железные бигуди на ее седеющих волосах не прибавляли ей привлекательности.

— Прежде всего, кто вы такой?

— Комиссар Мегрэ из опергруппы.

— Что вам надо?

— Мне надо выяснить, кто эта женщина, которая здесь живет?

— Зачем? Что она сделала?

— Я бы вам посоветовал дать мне ее регистрационную карточку без пререканий.

Карточку хозяйка на всякий случай захватила с собой, но передала ее Мегрэ с большой неохотой.

— В полиции, видно, никогда не научатся хорошим манерам.

Она направилась к двери, ведущей в соседний номер, с явным намерением прикрыть ее поплотнее.

— Минуточку. А кто занимает тот номер?

— Муж этой дамы. Разве это не его право?

— Не трогайте эту дверь. Я вижу, что они записались под именами Перкинс — мосье и мадам Перкинс из Монреаля, Канада.

— Ну и что?

— Вы видели их паспорта?

— Я никогда не сдала бы им комнат, если бы их документы не были в порядке.

— Судя по этой карточке, они прибыли месяц назад.

— Вас это огорчает?

— Вы можете мне описать Джона Перкинса?

— Небольшого роста, брюнет, нездорового вида и вдобавок с больными глазами.

— Почему вы думаете, что у него больные глаза?

— Потому что он всегда носит темные очки, даже ночью. Разве он совершил что-нибудь плохое?

— Как он был одет?

— С иголочки, во все новое с головы до ног. Впрочем, в этом нет ничего удивительного для молодожена, не так ли?

— Они молодожены?

— Я так думаю.

— Почему?

— Потому что они почти не выходят из своих комнат.

— А почему они сняли два номера?

— Ну, знаете, это меня не касается.

— А где они едят?

— Я их об этом не спрашивала. Мосье Перкинс, видимо, в номере, потому что я никогда не видела, чтобы он днем выходил куда-нибудь, особенно последнее время.

— Что значит — последнее время?

— Ну, скажем, последнюю неделю. А может быть, и две.

— Неужели он никогда не выходил подышать воздухом?

— Только вечером.

— Всегда в темных очках?

— Я вам говорю то, что видела. Ваше дело — верить или нет.

— А жена его выходит на улицу?

— Да, она бегает в магазины, чтобы купить для него еду. Я даже как-то зашла к ним проверить, не вздумали ли они готовить у себя в номере,— у нас это запрещено.

— Таким образом, в течение нескольких недель он ест всухомятку?

— Похоже на то.

— И вам это не казалось странным?

— От иностранцев и не такого можно ждать.

— Портье мне сказал, что Перкинс вот уже несколько дней не показывается в гостинице. Когда вы его видели в последний раз?

— Не помню. В воскресенье или понедельник.

— Из вещей он ничего не взял?

— Нет.

— Он не предупредил вас, что уедет на несколько дней?

— Он ни о чем меня не предупреждал. Впрочем, что бы он мне ни говорил, я бы все равно ничего не поняла — ведь он не знает ни слова по-французски.

— А его жена?

— Она говорит, как мы с вами.

— Без акцента?

— С легким акцентом, похожим на бельгийский. Говорят, это канадский акцент.

— У них канадские паспорта?

— Да.

— Как вы узнали, что Перкинс уехал из гостиницы?

— Как-то вечером он вышел погулять — то ли в воскресенье, то ли в понедельник — я вам уже говорила, а на следующий день Люсиль, горничная, которая убирает эти номера, сообщила мне, что его нет и что его жена как будто этим обеспокоена... Но если вы еще долго собираетесь меня расспрашивать, мне придется сесть.

Она уселась с важным видом в кресло и бросила на комиссара раздраженный взгляд.

— К Перкинсам приходили знакомые?

— Насколько я знаю, нет.

— Где у вас телефон?

— В конторе, и я там нахожусь весь день. Они ни разу не пользовались телефоном.

— А письма они получают?

— Ни единого.

— Мадам Перкинс не ходит на почту? Может быть, она получает корреспонденцию до востребования?

— Я за ней не следила. Послушайте, а вы уверены, что имеете право рыться в их вещах?

Дело в том, что Мегрэ, задавая все эти вопросы, продолжал вынимать из чемоданов вещь за вещью, и теперь все их имущество было разложено на кровати.

Вещи эти были хорошего качества, не слишком шикарные, но и не дешевые. Туфли поражали высотой каблуков, а белье больше подходило бы для танцовщицы ночного кабаре, чем для новобрачной.

— Я хочу зайти в соседнюю комнату.

— Вы у меня разрешения не спрашивали!

Хозяйка пошла за ним следом, словно боялась, что он что-нибудь унесет. Во втором номере тоже стояли новые чемоданы, купленные в Монреале, и вся мужская одежда была тоже новой, с этикетками канадских фирм. Можно было подумать, что эта парочка вдруг решила явиться в каком-то новом виде, и за несколько часов они приобрели все необходимое для путешествия. На комоде валялось штук десять американских газет — и все.

Ни единой фотографии, ни единого документа. На самом дне чемодана Мегрэ нашел паспорт на имя Джона Перкинса из Монреаля, Канада, с женой. Судя по визам и печатям, супруги сели на пароход шесть недель назад в Галифаксе и высадились в Саутхэмптоне, откуда они через Дьепп попали во Францию.

— Вы удовлетворены?

— А Люсиль, горничная, о которой вы говорили, живет в гостинице?

— Она ночует на седьмом этаже.

— Попросите ее спуститься ко мне.

— С величайшей охотой! Как удобно служить в полиции! Можно будить людей в любой час ночи, нарушать их сон...

Поднимаясь по лестнице, она продолжала что-то возмущенно бубнить. Мегрэ тем временем обнаружил бутылку синих чернил, которыми Мадо написала письмо. Он увидел также сверток с колбасой, лежавший за окном.

Люсиль оказалась невзрачной брюнеткой, да к тому же еще и косой. На ней был халатик небесно-голубого цвета, и она все время старательно запахивала его полы

— Вы мне больше не нужны,— обратился Мегрэ к хозяйке.— Можете идти спать.

— Ах, как вы любезны!.. Люсиль, не смущайся, держись независимо!

— Хорошо, мадам!

Люсиль и в самом деле нисколько не была смущена.

Едва за хозяйкой захлопнулась дверь, как она произнесла с неописуемым восхищением:

— Правда, что вы знаменитый комиссар Мегрэ?

— Садитесь, Люсиль. Я хотел бы, чтобы вы мне рас сказали все, что вы знаете о Перкинсах.

— Мне всегда казалось, что это какая-то странная пара.

— Почему?

Она покраснела.

— Потому что они жили в разных комнатах.

— В котором часу вы делали уборку?

— Как когда: иногда в девять утра, а иногда и после обеда. Ее номер я старалась убирать, когда она уходила. Но он всегда бывал дома.

— Как он проводил время?

— Читал толстые газеты, я уж не знаю, на скольких страницах, решал кроссворды или писал письма...

— Вы сами видели, как он писал письма?

— Да, довольно часто.

— Говорят, он никогда не выходил днем?

— Первое время выходил, а последние две недели нет

— У него болели глаза?

— В комнате не болели, там он никогда не надевал темных очков, но даже в коридор без них не выходил.

— Иначе говоря, он от кого-то прятался?

— Думаю, что да.

— Вам не казалось, что он чем-то напуган?

— Да, пожалуй. Когда я стучала в дверь, он никогда не открывал задвижки, пока я не назовусь.

— Она вела себя так же, как и он?

— Нет, совсем не так. Разве что с понедельника. Точнее, с утра вторника. Во вторник я заметила, что мосье Перкинса больше нет.

— Она вам сказала, что он уехал?

— Нет, она мне ничего не сказала, но была сама не своя. Несколько раз она меня просила купить ей колбасы и хлеба. Сегодня вечером...

— Значит, это вы бросили письмо в почтовый ящик?

— Да. Она мне позвонила и велела его отправить. Я обычно выполняла для нее всякие мелкие поручения, и она мне хорошо платила за это. Газеты тоже я ей покупала.

— Вы ей и сегодня принесли вечернюю газету?

— Да.

— Вам показалось, что она собирается куда-то уйти?

— Нет, она уже разделась.

— Потом она позвонила вам, чтобы вы отправили письмо?

— Да, когда я вошла, на ней было домашнее платье.

— В котором часу вы легли?

— В девять часов. Я начинаю работать в семь утра.

— Благодарю вас, Люсиль. Если вы вспомните еще какую-нибудь подробность, позвоните мне, пожалуйста, в префектуру. Если меня не будет, передайте то, что вы хотите сказать, инспектору, который подойдет.

— Хорошо, мосье Мегрэ.

— Вы можете идти спать.

Она еще минутку в нерешительности постояла, улыбнулась и прошептала:

— До свиданья, мосье Мегрэ!

— Вы можете идти спать.

Он спустился вниз к портье, который ждал его за бутылкой красного вина.

— Ну, так что же вам рассказала хозяйка?

— Она была весьма любезна,— ответил комиссар.— Люсиль тоже.

— Люсиль небось с вами заигрывала?

— Вы каждый вечер заступаете в девять часов?

— Да. Но я ложусь не раньше одиннадцати, а иногда и позже, после того как кончается представление в «Фоли-Бержер».

— Вы видели мужчину, который приходил за мадам Перкинс?

— Сквозь эту занавеску, но все же я его разглядел.

— Опишите мне его.

— Высокий блондин, в мягкой шляпе, сдвинутой на затылок. Он был без пальто, и это меня удивило, потому что теперь холодно.

— Может, у дверей стояла его машина?

— Нет. Я долго слышал их шаги.

Мегрэ показалось, что рассказ о человеке без пальто ему что-то напоминает. Но что именно? Этого он пока не мог сообразить.

— Как вы думаете, она шла с ним по доброй воле?

— Что вы хотите сказать?
— Она открыла дверь дежурки?
— Конечно, открыла, раз она мне передала ключ.
— А спутник ждал ее в коридоре?
— Да.
— У вас не было впечатления, что он ей угрожает?
— Нет. Он спокойно курил сигарету.
— Она вам ничего не передала?
— Нет, ничего. Она мне протянула ключ и сказала «Добрый вечер, Жан». Вот и все.
— Вы обратили внимание на то, как она была одета?
— На ней было темное пальто и серая шляпа.
— У нее в руке не было чемодана?
— Нет.
— Когда ее муж выходил вечером, ему случалось брать такси?
— Нет. Насколько я видел, он всегда уходил и возвращался пешком.
— А куда он ходил? Далеко?
— Не думаю, чтобы далеко. Он никогда не отсутствовал больше часа.
— А вместе они когда-нибудь выходили?
— Только вначале.
— А последние две недели?
— По-моему, нет.
— Он так и не снимал своих темных очков?
— Нет.

Окна номера 47 и смежной с ними комнаты выходили на улицу. Если жена никогда не сопровождала так называемого Перкинса, то не значит ли это, что она следила из окна, свободен ли путь? Быть может, когда он возвращался, она условным знаком оповещала его, что он безбоязненно может войти в свой номер.

По описаниям Перкинс, если не считать одежды, весьма походил на Маскарели, по кличке Неряха Джо!

Его исчезновение в ночь с понедельника на вторник не заставляет ли предположить, что он и был тем незнакомцем, которого выбросили из машины на улице Флешье чуть ли не к ногам бедняги Лоньона?

Мегрэ вынул из кармана фотографию Билла Ларнера и показал ее портье.

— Вы его узнаете?

— Нет. Я его никогда не видел.

— Вы уверены, что за мадам Перкинс заходил не он?

— Абсолютно уверен.

Потом Мегрэ показал ему фотографии Чарли и Чичеро.

— А этих вы знаете?

— Не знаю. Видел эти фотографии сегодня вечером в газете.

Мегрэ приехал сюда на такси, но тут же его отпустил. Поэтому ему пришлось пешком отправиться в сторону Монмартра в надежде поймать какую-нибудь машину. Не успел он пройти и ста метров, как ему показалось, что за ним следят.

Он остановился. Шаги, которые он слышал все время за спиной, тоже заглохли. Он пошел дальше и снова услышал, что за ним кто-то идет. Тогда он резко обернулся и заметил, что кто-то метрах в пятидесяти от него тоже резко повернул и пошел в другую сторону.

Впрочем, разглядеть человека, следившего за ним, Мегрэ не удалось — тот прятался в тени домов. Само собой разумеется, Мегрэ не мог ни бежать за ним, ни окликнуть его.

Выйдя на улицу Монмартр, комиссар уже не пытался поймать такси, а зашел в первый попавшийся ночной бар.

Нисколько не сомневаясь, что тот тип стоит возле бара и ждет его выхода, Мегрэ заказал рюмку коньяку и направился в телефонную будку.

Глава шестая,

В КОТОРОЙ ДЕЛО ПОШЛО НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ

Комиссариат полиции 4-го округа находился через несколько домов от ярко освещенного бара, куда зашел Мегрэ; это был как раз тот самый комиссариат, которому и пришлось бы расследовать это дело, не усердствуй так Лоньон,— ведь улица Флешье проходила как раз по границе участка.

Мегрэ с сосредоточенным видом набрал номер.

— Алло? Это кто?.. Говорит Мегрэ.

— Инспектор Бонфис у аппарата, господин комиссар.

— Сколько человек с тобой дежурит, Бонфис?

— Только двое, Большой Никола́ и Данвер.

— Слушай меня внимательно. Я нахожусь в баре «Солнце». За мной следят — какой-то тип ходит за мной по пятам.

— Его приметы?

— Понятия не имею. Он прячется в тени домов и держится на таком расстоянии, что разглядеть его невозможно.

— Вы хотите, чтобы мы его взяли?

Мегрэ едва не повторил с раздражением фразу, которую слышал от Поччо и от Луиджи: «Тут придется иметь дело не с любителем».

— Слушай меня внимательно,— сказал он.— Если этот тип подошел к окну и увидел, что я тут же направился в кабину телефона-автомата, он все понял и, скорее всего, уже удрал. И даже если он не видел, что я звоню, он все равно, наверное, подумал о такой возможности... Что ты там бубнишь?

— Я говорю, что люди не всегда могут все предвидеть.

— Такие, как он, все предвидят. Во всяком случае, он настороже.

Хотя Мегрэ и не видел Бонфиса, он не сомневался в том, что по его лицу пробежала ироническая усмешка Стоит ли разводить всю эту антимонию, чтобы задержать одного типа на улице, да еще в тот момент, когда он этого не ждет!

— Вы останетесь в баре, шеф?

— Нет. Здесь на улице еще встречаются прохожие Я предпочел бы, чтобы мы произвели эту операцию без свидетелей. Пожалуй, улица Гранд Бательер подошла бы лучше всего. Она короткая, и ее легко блокировать с обоих концов. Немедленно пошли двух-трех полицейских в форме на улицу Друо и прикажи им укрыться, чтобы до поры до времени их не заметили, и пусть держат пистолеты наготове.

— Такое серьезное дело?

— По-видимому, Никола и Данвер должны устроить засаду на ступеньках Пассажа Жуфруа. Мне кажется, что в этот час решетка, перекрывающая вход в Пассаж, уже закрыта, да?

— Да.

— Передай им мои инструкции да повтори все дважды. Минут через десять я выйду из бара и медленно пойду направо. Когда я сверну на улицу Гранд Бательер, никто из твоих людей не должен двинуться с места. А когда этот тип с ними поравняется, они его схватят. И пусть они будут осторожны — он наверняка вооружен.

Помолчав, Мегрэ добавил, хотя и знал, что вызовет этим улыбку у инспектора.

— Если я не ошибаюсь, это — убийца. Что до тебя, Бонфис, то ты с несколькими полицейскими перекроешь улицу Фобур Монмартр.

Редко приходится прибегать к таким мерам, чтобы задержать одного человека, и все же в самую последнюю минуту Мегрэ добавил:

— Чтобы действовать наверняка, приготовь машину на улице Друо.

— Кстати о машине...

— Что такое?

— Может, тут и нет связи, но все же лучше вам это знать. Этот тип давно идет за вами?

— С улицы Рише.

— А вы знаете, как он туда добрался? Дело в том, что примерно полчаса назад один из ажанов [1] обнаружил на Монмартре, как раз совсем поблизости от улицы Рише, украденную машину, о пропаже которой нас известили сегодня после обеда.

— Где ее украли?

— У ворот Майо.

— Твой ажан пригнал ее в комиссариат?

— Нет, она все еще стоит неподалеку от улицы Рише.

— Не трогайте ее. А теперь повтори мои указания.

Бонфис повторил все слово в слово, как хороший ученик, даже слово «убийца» не обошел, хотя и произнес его, пожалуй, после еле уловимой паузы.

[1] А ж а́ н — так французы в разговорной речи называют полицейского.

— Десять минут тебе хватит?

— Дайте лучше пятнадцать.

— Хорошо, я уйду из бара ровно через пятнадцать минут. Проверь, чтобы у всех было оружие.

У самого Мегрэ оружия не было. Он подошел к стойке и выпил грог, чтобы как-то одолеть этот злосчастный грипп, который привязался к нему.

По тротуару время от времени проходили запоздавшие парочки. Было уже час ночи, и почти все такси направлялись теперь к ночным кабаре на Монмартре. Не спуская глаз со стенных часов, Мегрэ выпил вторую порцию грога, застегнул доверху пальто, открыл дверь и, сунув руки в карманы, двинулся в путь. Поскольку он пошел назад, человек, выслеживающий его, должен был бы оказаться впереди него, но он никого не видел. Может, этот тип успел забежать вперед, пока комиссар говорил по телефону?

Мегрэ не хотелось оборачиваться, он соблюдал все правила игры, шел нарочито неторопливыми шагами и даже полистал у фонаря записную книжку, делая вид, что ищет адрес.

Украденная машина действительно стояла у тротуара; полицейских видно не было. На улице было человек десять прохожих, они громко говорили — видно, сильно выпили.

Мегрэ понимал, что только на улице Гранд Бательер он выяснит, идет ли за ним его преследователь, поэтому он завернул за угол не без некоторой тревоги и, лишь пройдя метров пятьдесят, вновь услышал звук шагов за своей спиной.

Теперь уже все зависело от Большого Никола, громадного парня, любителя всяких облав и драк. Проходя мимо Пассажа Жуфруа, Мегрэ не позволил себе обернуться, но он знал, что там, на ступеньках, в тени решетки, притаились в засаде два полицейских. В гостинице напротив в двух или трех окнах еще горел свет.

Мегрэ шел, посасывая свою трубку, и старался как можно точнее рассчитать, в какой момент его преследователь дойдет до входа в Пассаж. Еще десять шагов... Ну вот, сейчас...

Он ожидал, что до него донесется шум рукопашной схватки, быть может, звук падения тела на асфальт.

Вместо этого вдруг ни с того ни с сего в полной тишине прогремел выстрел.

Мегрэ резко обернулся и увидел посреди улицы невысокого коренастого парня, который выстрелил второй раз, а потом и третий в сторону Пассажа.

На улице Монмартр раздался свисток — видно, Бонфис звал своих ажанов.

Улица Гранд Бательер была блокирована с обоих концов. Кто-то скатился со ступенек Пассажа — должно быть, это был Никола, потому что распростертое на тротуаре тело казалось огромным. Данвер тоже выстрелил. Подбежали ажаны с угла улицы Друо. Один из них выстрелил слишком рано, и пуля едва не угодила в Мегрэ. Секунду спустя подъехала полицейская машина.

Практически у убийцы не было никаких шансов удрать, и, однако, по чисто случайному стечению обстоятельств ему удалось совершить это чудо.

В тот момент, когда с двух сторон двигались цепи полицейских, на углу улицы Друо появился грузовик с овощами, который, непонятно почему, направлялся на Монмартр, чтобы таким кружным путем проехать к Центральному рынку. Ехал он на большой скорости и изрядно тарахтел. Шофер, видно, не понимал, что творится вокруг,— он слышал выстрелы, и один из полицейских крикнул ему что-то, наверное, велел остановиться, но шофер с перепугу сделал обратное: нажав на акселератор, он пулей промчался по улице.

Бандит тут же сориентировался и, уцепившись за борт, на ходу вскочил на грузовик, хотя в него стрелял Данвер и даже Никола, который, не будучи в силах приподняться, все же продолжал палить из пистолета.

Казалось, что в этом поединке победит полиция, потому что за грузовиком помчалась подоспевшая легковая машина, но на углу улицы Монмартр пуля пробила ей скат, и от погони пришлось отказаться.

Бонфис, который отскочил в сторону, пропуская грузовик, свистел теперь что было мочи, чтобы оповестить ажанов, которые могли оказаться на пути грузовика, на Больших Бульварах. Но те ничего не поняли. Они видели, как проехал грузовик, но не знали, что́ им надлежит делать. Прохожие, услышав выстрелы, в панике бросились бежать.

В полной тишине прогремел выстрел.

Мегрэ понял, что все пропало — на этот раз он проиграл. Предоставив Бонфису заняться погоней, он подошел к Никола и склонился над ним.

— Ранен?

— В живот,— простонал Никола, и лицо его исказилось от боли.

Подъехал полицейский автобус, из него вытащили носилки.

— Знаете, шеф, я уверен, что тоже попал в него,— сказал Никола, когда его вносили в машину.

Это оказалось правдой. Когда мостовую осветили, то в том месте, где гангстер стоял во время перестрелки, обнаружили пятна крови.

Вдалеке, где-то за Большими Бульварами, в направлении Центрального рынка, прогремело еще несколько выстрелов. В том квартале удрать ничего не стоило. В ночные часы нескончаемой вереницей съезжались туда грузовики с овощами и фруктами. Их разгружали прямо на улице. Скопление машин, толчея — сотни безработных ждали случая хоть немного подработать, помогая таскать мешки и ящики; пьяницы, пошатываясь, выходили из захудалых ночных кабачков, которые здесь встречались на каждом шагу.

Мегрэ, опустив голову, понуро приплелся в комиссариат и зашел в пустой кабинет Бонфиса. Посреди комнаты стояла маленькая печурка, и комиссар стал механически засыпать в нее уголь.

Комиссариат был почти пуст — там находился только бригадир и трое рядовых полицейских, которые не решились задавать вопросы комиссару, но всем видом и поведением выражали свое крайнее изумление.

Все произошло совсем не так, как обычно. События разыгрались чересчур быстро, причем точность и жестокость каждого хода просто сбивали с толку.

— Вы оповестили опергруппу? — спросил Мегрэ у дежурного.

— Как только узнал, как обернулось дело. Они оцепят весь район Центрального рынка.

Таков был заведенный порядок, но Мегрэ прекрасно знал, что все это ничего не даст. Если стрелявший умудрился уйти от шести вооруженных людей на пустынной улице, к тому же блокированной с двух концов, то в та-

ком муравейнике, как Центральный рынок, скрыться ему будет легче легкого.

— Вы не будете ждать результатов погони?

— Куда отвезли Никола?

— В городской госпиталь.

— Я буду на Набережной Орфевр. Пусть меня держат в курсе событий.

Мегрэ взял такси, и когда он проезжал район рынка, его дважды останавливали полицейские пикеты: началась большая облава и «черный ворон» стоял уже наготове.

Поччо и Луиджи были не так уж неправы — это Мегрэ знал с самого начала. Конечно, Чинаглиа и его компания не новички и не любители. Можно было подумать, что они предвидят каждый шаг, предпринимаемый полицией, и тут же его парируют.

Мегрэ медленно поднялся по большой лестнице, прошел через комнату инспекторов, где Вашэ, который еще ничего не знал, варил на плитке кофе.

— Хотите, шеф?

— Выпью с удовольствием.

— Вы нашли Мадо?

Но, взглянув на Мегрэ, который молчал, Вашэ предпочел не повторять своего вопроса.

Мегрэ снял пальто, но, сам того не замечая, сел за стол прямо в шляпе и принялся машинально играть карандашом.

Так же машинально он набрал свой номер и услышал голос жены:

— Это ты?

— Я, вероятно, не приду ночевать.

— Что случилось?

— Ничего.

— Я вижу, ты совсем расклеился. Из-за насморка?

— Быть может!

— Неприятности?

— Спокойной ночи.

Вашэ принес ему чашку дымящегося кофе, и он подошел к стенному шкафу, чтобы достать бутылку коньяку, которая там всегда стояла.

— Хочешь?

— В кофе — это было бы как нельзя более кстати.

— Барон не звонил?
— Нет еще.
— У тебя есть его номер?
— Я его записал.
— Позвони-ка ему.

Молчание Барона тревожило Мегрэ. Ведь Барон обещал ему звонить, и было маловероятно, что он еще продолжает свою охоту.

— Никто не отвечает, шеф.
— Где Люка?
— Я отослал его спать, как вы велели.
— А Торанс?
— Вслед за дамой, которую вы ему поручили, он отправился в закусочную на улицу Руаяль — она там ужинала со своей подругой. Потом вернулась домой одна, а Торанс продолжает следить за домом.

Мегрэ пожал плечами. К чему все это, раз противник их все время опережает? Вспомнив о словах Поччо, о покровительственном тоне Луиджи, он в бешенстве сжал зубы. Оба итальянца как бы говорили ему: «Вы, комиссар, очень хороши здесь, в Париже. В борьбе с преступниками-кустарями вы мастак. Но это дело вам не по зубам. Речь идет о ребятах, которые ведут отчаянную игру, и они могут с вами дурно обойтись. Лучше бросьте! Какое вам, в конце концов, до всего этого дело?»

Он позвонил в госпиталь, чтобы узнать, как себя чувствует Никола, с трудом добился толка.

— Сейчас как раз идет операция,— сказали ему наконец.
— Положение серьезное?
— Лапартония, полостная операция.

Лоньона они увозят на машине в лес Сен-Жермен, бьют кулаком по физиономии, а потом чуть не пробивают череп рукояткой револьвера. Большому Никола они всаживают пулю в живот, прежде чем он успевает двинуться с места.

Иначе говоря, следуя за Мегрэ по улице Гранд Бательер, этот тип ждал ловушки и держал револьвер наготове. Только чудом удалось Данверу уцелеть.

Судя по облику, это был Чарли. Чарли, который почти не знает Парижа, который не говорит ни слова по-

французски, умудрился, однако, один, в центре города одурачить целый отряд полицейских!

Маскарели, тот, кого звали Неряха Джо, покинул Монреаль под чужим именем, в обществе женщины, которая, судя по всему, была ему совершенно чужой. А Чарли и Чичеро сели на теплоход в Нью-Йорке под своими собственными именами, не прячась, как люди, которым нечего бояться, и в гостинице на улице Этуаль они тоже остановились под своими именами.

Знали ли они, зачем едут в Париж? Наверняка. Они знали также, к кому можно обратиться за помощью. Мегрэ готов был поклясться, что такой человек, как Билл Ларнер, который никогда не прибегал к насилию, с тяжелым сердцем согласился с ними сотрудничать. Так или иначе, им удалось принудить его к соучастию и заставить взять на свое имя машину из гаража.

Знали ли они адрес Маскарели? Вряд ли, потому что они схватили его только спустя две недели после своего появления в Париже. Они ничего не делали необдуманно, использовали в игре каждый козырь. В течение двух недель, пока готовилась расправа, они, вероятно, посетили ресторан Поччо в обществе Билла Ларнера.

Ходили ли они в бар «Манхеттен»? Возможно. Луиджи был честным человеком, но он все равно никогда бы не рассказал Мегрэ об их посещении. Разве он не говорил весьма многозначительно об американских коммерсантах, которые предпочитают платить выкуп, чем ждать пули из-за угла!

Неряха Джо тоже, видно, был в курсе всего, поскольку последние две недели он удвоил меры предосторожности. Сидя в гостинице на улице Рише, он все время чувствовал, что ему грозит опасность, и выходил на улицу лишь по вечерам, да и то на несколько минут, в темных очках, как некоторые киноактеры, скрывающиеся от толпы поклонников.

Чарли и Чичеро, должно быть, несколько дней кряду следили за ним, тщательно готовили ловушку и в понедельник, в машине, взятой Ларнером напрокат, караулили его вблизи гостиницы «Бретань». Видимо, все произошло точно так же, как с Лоньоном,— машина ждала у тротуара, револьвер был наведен на Маскарели. «В машину! Быстро!»

И все это в центре города, в час, когда на улице полно народу! Увезли ли его из города, чтобы всадить в него пулю? Скорее всего, нет. Возможно, они воспользовались револьвером с глушителем и, совершив свое грязное дело, выбросили труп на улице Флешье.

Думая, Мегрэ рисовал на листе бумаги человечков, как школьник на полях тетради.

В тот момент, когда машина тронулась, они вдруг заметили Лоньона в тени ограды. Видимо, стрелять было уже невозможно. К тому же для них не имело особого значения, будет ли обнаружен труп или нет. Главное дело сделано — Джо убран.

В правильности своих рассуждений у Мегрэ сомнений не было. Машина с гангстерами, покружив в том же квартале, вернулась через несколько минут на улицу Флешье, и тут выяснилось, что труп исчез. Полиция этого сделать не могла — на такую операцию у нее ушло бы куда больше времени, не говоря уже о разных формальностях — составлении протокола и тому подобного. А на тротуаре никого не было.

Как же узнать, кто похитил тело?

«Это — профессионалы»,— сказал тогда Луиджи.

И они действительно вели себя как профессионалы. Догадываясь, что человек, которого они обнаружили у ограды церкви, наверное записал номер их машины, они с утра стали следить за гаражом, где взяли машину напрокат, увидели Лоньона, который пытался собирать сведения, и пошли за ним, ожидая, видимо, найти у него труп или раненого.

Чарли и Чичеро ни слова не говорили по-французски, поэтому они не могли ни о чем расспросить ни консьержку, ни госпожу Лоньон. Тогда они послали туда Ларнера. Можно себе представить, как у них вытянулись физиономии, когда они узнали, что Лоньон служит в полиции. Но почему же молчат газеты? Это не могло их не тревожить.

Понятно, им было крайне важно отыскать свою жертву живой или мертвой. Вместе с тем теперь, когда они узнали, что их разыскивает полиция, им следовало исчезнуть.

Можно было подумать, что начиная с этой минуты они предвидели каждый шаг Мегрэ и умело отражали

его атаки. Все трое удрали из гостиницы, а потом, получив записку от Поччо, покинули и убежище на улице Брюнель.

Фотографии всех трех появились в газетах. А несколько часов спустя подругу Неряхи Джо уводят из гостиницы. А когда из этой же гостиницы вышел Мегрэ, за ним стал следить Чарли Чинаглиа, который, ничего не боясь, устроил перестрелку на улице, словно они были в Чикаго, а не в Париже.

— Послушай, Вашэ...

— Да, комиссар.

— Позвони еще раз Барону.

Эта история с Бароном его все больше тревожила. Инспектор сказал, что он пошатается по барам, где бывают люди, играющие на скачках.

Мегрэ не недооценивал силы противника. Барон, возможно, кое-что узнает. Но не догадались ли гангстеры, что он напал на их след? Не случилось ли с ним того же, что и с Лоньоном?

— Номер по-прежнему не отвечает.

— Ты уверен, что у тебя правильный номер?

— Сейчас проверю.

Вашэ позвонил в справочную и выяснил, что номер у него верный.

— Который час?

— Без пяти два.

И вдруг Мегрэ пришло в голову, что «Манхеттен», видимо, один из тех самых баров, куда ходят люди, связанные с ипподромом.

Быть может, бар еще открыт? Даже если нет, Луиджи, наверное, еще не ушел, проверяет кассу.

И в самом деле, Луиджи снял трубку.

— Говорит Мегрэ.

— Да...

— У вас еще есть посетители?

— Я закрыл бар десять минут назад. Я здесь один и как раз собирался уходить.

— Скажите, Луиджи, вы знаете инспектора Барона?

— Тот, что занимается скачками?

— Да. Вы видели его нынче вечером?

— Видел.

— В котором часу?

— Сейчас соображу. В баре еще было много народу. Наверное, что-нибудь около половины двенадцатого. Как раз после окончания спектаклей.

— Он говорил с вами?

— Мимоходом.

— А вы не знаете, с кем он разговаривал?

Возникла пауза.

— Послушайте, Луиджи. Вы хороший человек, и у нас к вам никогда не было никаких претензий.

— К чему вы это?

— Одному из моих инспекторов только что всадили пулю в живот.

— Он умер?

— Ему сейчас делают операцию. Кроме того, из гостиницы похитили женщину.

— Вы знаете, кто она?

— Подруга Неряхи Джо.

Снова пауза.

— Барон забрел к вам не только потому, что ему захотелось выпить.

— Что-нибудь случилось?

— Чарли стрелял в моего инспектора.

— Вы его арестовали?

— Ему удалось бежать, но он тоже ранен.

— Что вас интересует?

— Я не знаю, где Барон, а мне необходимо его найти.

— Ну, сами посудите, чем я могу вам помочь? Я понятия не имею, куда он пошел.

— Если вы мне расскажете, с кем он у вас разговаривал, я, может быть, соображу, где его искать.

Снова пауза, на этот раз еще более длительная, чем первая.

— Послушайте, комиссар, думаю, что нам с вами не вредно поболтать. Я не уверен, впрочем, что это вам что-нибудь даст, потому что я знаю не так уж много. Только, пожалуй, нам лучше встретиться не здесь, а в другом месте. Кто знает...

— Вы зайдете в префектуру?

— Ну нет уж, благодарю покорно. Послушайте, если вы поедете на бульвар Монпарнас в «Куполь» и будете при этом уверены, что за вами не следят, я тоже туда приеду.

— Когда вы там будете?

— Вот закрою здесь и поеду.

Прежде чем уйти, Мегрэ еще раз позвонил в госпиталь.

— Надеемся его спасти,— сказал ему врач.

Потом он попросил соединить его с Бонфисом.

— Ну что, так и не задержали?

— Полчаса назад нам сообщили, что украли еще одну машину на улице Виктуар. Я передал по линии ее номер.

Все одна и та же тактика.

— Скажите, Бонфис, вы осмотрели машину, которую бросили на улице Монмартр?

— Да. Она, видимо, сегодня была за городом, потому что грязь на скатах еще не высохла. Я позвонил ее хозяину, но он утверждал, что утром машина была чистой.

Выйдя на улицу, Мегрэ разбудил спящего шофера.

— В «Куполь».

Луиджи приехал раньше его, он уже сидел за столиком и ел сосиски, запивая их пивом. Зал был почти пуст.

— За вами никто не следил?

— Нет.

— Садитесь. Что вы закажете?

— То же, что и вы.

Впервые Мегрэ видел Луиджи не в его баре. Вид у него был серьезный, озабоченный, говорил он шепотом, не спуская глаз с двери.

— Не люблю, уж поверьте мне, просто терпеть не могу впутываться в такие дела. Но, с другой стороны, если я этого не сделаю, вы не оставите меня в покое.

— Можете не сомневаться,— холодно ответил Мегрэ.

— Сегодня утром я попытался вас предостеречь. Теперь, похоже, отступать поздно.

— Да, игра начата, и я сыграю ее до конца. Что вы знаете?

— Ничего определенного. Но все же вдруг это поможет вам найти след. В любой другой вечер я бы, наверно, не обратил внимания на Барона. Его появление привлекло мое внимание потому, что это был второй...

Он спохватился и хотел было прикусить язык, но Мегрэ ему подсказал:

— Второй шпик за день, да? — И добавил: — Барон был пьян?

— Во всяком случае, не трезв.

Это была слабость Барона, но, даже выпив, он редко терял самообладание.

— Он довольно долго просидел один в своем углу, наблюдая за клиентами, а потом подошел к некому Лорису, который когда-то работал в конюшне Ротшильда. Не знаю, о чем они говорили. Лорис — пьяница, из-за этого он и потерял свое место. Оба сидели в конце стойки, у стены. Потом я видел, как они направились к одному из столиков в глубине зала, и Лорис познакомил Барона с Бобом.

— Кто этот Боб?

— Жокей.

— Американский?

— Он жил в Лос-Анжелосе, но не думаю, чтобы он был американцем.

— Он живет в Париже?

— В Мэзон-Лафите...

— Это все?

— Потом Боб отправился звонить по телефону, и звонил он, видимо, за город, потому что взял у меня несколько жетонов.

— Похоже, что он звонил в Мэзон-Лафит?

— Пожалуй!

— Они ушли вместе?

— Нет. Я их на некоторое время потерял из виду, потому что, как я вам уже сказал, у меня была уйма людей после театра — многие заходили выпить рюмочку. Когда я снова кинул взгляд на их столик, Боб и ваш друг сидели уже вдвоем.

Мегрэ не совсем понимал, к чему ему все это знать; Луиджи тем временем сделал знак, чтобы им принесли еще пива.

— Один из моих клиентов все время наблюдал за ними,— сказал он наконец.

— Кто такой?

— Парень, который вот уже несколько дней заходит ко мне выпить виски. Кстати, он был здесь и сегодня утром, когда вы пили у стойки.

— Высокий блондин?

— Он сказал мне, чтобы я звал его Гарри. Я знаю о нем только то, что он из Сен-Луи.

— Как Чарли и Чичеро,— пробурчал Мегрэ.

— Вот именно.

— Он не говорил с вами о них?

— Вопросов он мне не задавал, но когда пришел в первый раз, он постоял у фотографии Чарли и как-то странно улыбнулся.

— Он мог слышать, о чем говорили Барон и Боб?

— Нет. Он просто наблюдал за ними.

— Он двинулся вслед за Бароном?

— До этого мы еще не дошли. Я вам рассказываю, заметьте, только то, что видел, и никаких выводов не делаю. Увы, этого нельзя себе позволить, и мне было бы куда приятнее знать, что Чарли убит, а не ранен. Боб подошел ко мне и спросил, не видел ли я сегодня Билли Фаста.

— Кто такой Билли Фаст?

— Билли тоже занимается лошадьми и тоже живет где-то в Мэзон-Лафите. Он был внизу... Не помню, право, доводилось ли вам там бывать,— ведь у меня в подвале есть еще комната, где собираются завсегдатаи.

— Знаю.

— Сперва Боб спустился туда один, потом вернулся за Бароном. Примерно в четверть первого, а может и позже, Барон прошел через большой зал и направился к двери.

— Один?

— Один. И он нетвердо держался на ногах.

— А ваш новый клиент, блондин из Сен-Луи?

— Вот именно он вышел следом за Бароном.

Мегрэ решил, что Луиджи добавить больше нечего, и мрачно посмотрел на свой стакан. То, что он узнал, имело, конечно, свой тайный смысл, но выявить его было чертовски трудно.

— Вы действительно больше ничего не знаете?

Луиджи посмотрел ему прямо в лицо и долго не отводил взгляда, прежде чем сказать:

— Вы понимаете, что я рискую своей шкурой?

Мегрэ почувствовал, что ему лучше молчать и терпеливо ждать.

— Само собой разумеется, я вам ничего не говорил, я вас не видел сегодня вечером, и ни при каких обстоятельствах вы не будете выставлять меня свидетелем.

— Обещаю, можете на меня положиться.

— Билли Фаст живет, собственно, не в самом Мэзон-Лафите, а в небольшой гостинице, расположенной прямо в лесу. Я слыхал об этом заведении. Насколько я себе представляю, некоторые типы ездят туда время от времени, чтобы быть в курсе того, что происходит в определенных кругах. Заведение это называется «Весельчак».

— Хозяин американец?

— Американка, которая когда-то была танцовщицей в мюзик-холле; она питает слабость к Биллу.

Мегрэ вытащил из кармана бумажник, но Луиджи остановил его и сказал с гримасой вместо улыбки:

— Нет уж, простите, платить буду я. И так говорят, что полиция кидает мне куски. Сколько с меня?

Когда они вышли из «Куполя», лица у обоих были весьма озабоченные.

Глава седьмая,

В КОТОРОЙ МЕГРЭ В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ ПЕРЕХОДИТ В НАСТУПЛЕНИЕ И РИСКУЕТ НАВЛЕЧЬ НА СЕБЯ СЕРЬЕЗНЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Увидев Мегрэ, Вашэ сразу понял, что есть новости, но он понял и другое: задавать вопросы сейчас неуместно.

— Несколько минут назад звонил Бонфис. Сказал, что бандиту удалось прорваться через оцепление. Какая-то торговка на рынке уверяет, что видела его за грудой корзин, но что он, угрожая револьвером, заставил ее молчать. Видимо, это правда, потому что на одной из корзин обнаружили следы крови. На улице Рамбуто он налетел на какую-то девицу; она говорит, что у него одно плечо выше другого. Бонфис думает, что он и не пытался вырываться из оцепленного квартала, а скрывался там, перебегая с места на место, в зависимости от маневров полиции. Поиски продолжаются.

Мегрэ, казалось, не слушал доклада Вашэ. Он вынул из ящика своего стола револьвер и проверил, заряжен ли он.

— Ты не знаешь, у Торанса есть при себе оружие?

— Скорей всего, нет, если вы не дали ему специальной инструкции.

Торанс всегда уверял, что его кулаки не хуже любого револьвера.

— Соедини меня с Люка.

— Ведь вы два часа назад отослали его спать.

— Да, да, помню.

Комиссар сосредоточенно глядел в одну точку; говорил он медленно, усталым голосом.

— Это ты, Люка? Прости, старик, что я тебя разбудил, но я подумал, что ты огорчишься, если нам ночью посчастливится кончить это дело без тебя.

— Сейчас приеду, шеф.

— Нет, не сюда. Мы выиграем время, если ты поймаешь машину и приедешь прямо на авеню Гранд Армэ, угол улицы Брюнель. Мне все равно придется заехать туда за Торансом. Да, кстати, не забудь захватить свой пугач.

После секундного раздумья Люка все же решился спросить:

— А как Жанвье?

Такой вопрос могли понять лишь несколько человек в Сыскной полиции. Еще до того как Мегрэ упомянул о револьвере, Люка понял, что предстоит серьезная операция. Раз Мегрэ позвонил ему, раз он заедет за Торансом, Люка не мог не подумать о Жанвье, их верном товарище. Отправиться на такое дело без него было как бы несправедливо.

— Жанвье я отпустил домой. Если мы заедем за ним, мы потеряем слишком много времени.

Жанвье жил в пригороде, как раз в противоположном направлении от тех мест, куда им надо было ехать.

— Меня вы не возьмете с собой? — робко спросил Вашэ.

— А кто будет дежурить?

— Бюшэ сидит в своем кабинете.

— Нельзя взвалить на него всю ответственность. Ты бывал в Мэзон-Лафите?

— Я часто проезжал мимо на машине, а два или три раза ездил туда на скачки.

— А места вокруг Мэзон-Лафита, в сторону леса, знаешь?

— В свое время я там тоже как-то был с ребятами.

— Ты не слыхал про заведение, которое называется «Весельчак»?

— Такое название часто встречается. Проще всего позвонить в жандармерию. Можно, я вас соединю?

— Ни в коем случае! И в местную полицию тоже нельзя обращаться. Вообще никому ни слова об этом. Чтобы ни в одном разговоре не было даже намека на Мэзон-Лафит, ясно?

— Да, шеф.

— Добрый вечер, Вашэ.

— Добрый вечер, шеф.

Когда Мегрэ вышел из кабинета, в каждом его кармане лежало по пистолету. Садясь в дежурную машину, которая ждала во дворе, он спросил полицейского, сидевшего за рулем:

— Оружие при тебе?

— Да, господин комиссар.

— У тебя есть дети?

— Мне двадцать три года.

— Ну и что ж?

— Да я еще не женат.

Это был ажан новой школы, и он больше походил на чемпиона Олимпийских игр, чем на тех усатых и пузатых полицейских, которые стояли на перекрестках до войны.

Поднялся сильный холодный ветер, но небо этой ночью было каким-то совсем необыкновенным. Низко над землей проносились свинцовые тучи; они сбились в плотную массу, и временами темнота была такая, что хоть глаза выколи; но все же иногда эта завеса как бы разрывалась, и в разрыве, будто в щели между скалами, открывался фантастический лунный пейзаж: высоко в небе застыли сверкающие курчавые облака, отливающие чистым серебром.

— Давай-ка поедем медленнее.

Люка жил на левом берегу, и надо было дать ему время добраться до авеню Гранд Армэ. Мегрэ не без сожаления отказался выполнить просьбу Вашэ. Была минута, когда комиссар колебался, не прихватить ли все же и его, и Бонфиса, который с восторгом участвовал бы в такой операции.

Мегрэ прекрасно понимал, какую ответственность он взял на себя и в каком тяжелом положении он может оказаться.

Прежде всего, он не имел никакого права действовать в районе Мэзон-Лафита. Согласно установленному порядку, он должен был либо обратиться в Управление национальной безопасности, которое послало бы туда своих людей, либо получить разрешение по всей форме в жандармерии департамента Сен-э-Уаз, но на это пришлось бы потратить много часов.

Даже с точки зрения элементарной осторожности — ведь он с самого начала знал, с каким противником имеет дело, а тем более после того, что произошло на улице Рише,— все как будто говорило о том, что для этой операции необходимо привлечь большой вооруженный отряд и устроить настоящую облаву с оцеплением и прочим. Но Мегрэ был убежден, что именно при такой облаве они не обошлись бы без жертв.

Вот почему он решил действовать на свой страх и риск и остановил свой выбор на Торансе и Люка. Он охотно взял бы с собой еще только Жанвье, будь тот на месте, да, быть может, и Малыша Лапуэнта, чтобы представить ему случай выказать свою храбрость.

— Сверни на улицу Брюнель. Как увидишь Торанса, остановись.

Торанс их уже поджидал, топая ногами, чтобы согреться.

— Ну, лезь в машину. Оружие есть?

— Нет, шеф. Знаете, шеф, та дама оказалась совсем неопасной.

Мегрэ дал ему один из своих двух револьверов; машина проехала еще несколько метров и остановилась на углу авеню Гранд Армэ.

— Вы напали на след? Мы их задержим?

— Скорее всего.

— Когда моя подопечная отправлялась в театр, она спросила меня: «Почему бы вам не сесть со мной в одно такси, раз мне все равно от вас не отвязаться?» У меня не было никаких оснований отказать себе в этом удовольствии, и я сел к ней в такси. «А спектакль вы не будете смотреть?» — спросила она, когда мы приехали в театр. Но я предпочел охранять ее уборную. Я только позволил

себе из-за кулис посмотреть ее номер. Потом мы вместе вернулись назад.

— Она ни о чем не говорила?

— Только о Билле Ларнере. Похоже, она и в самом деле не знает тех двух. Она клянется, что сама их боится. Потом она позвала какую-то подругу и вместе с ней отправилась в ресторанчик на улице Руаяль, чтобы перекусить. Она и мне предложила поужинать с ними, но я отказался. Потом мы вернулись к ее дому и, словно влюбленные, довольно долго стояли у парадного, прежде чем расстаться.

Мегрэ подозревал, что Торанс нарочно болтает без удержу,— видно, он заметил напряженность шефа. В эту минуту к их машине подъехало такси, хлопнула дверца, и торопливо, бодрым шагом к ним подошел Люка.

— Поехали? — спросил он.

— Ты не забыл оружие?

Мегрэ скомандовал шоферу:

— В Мэзон-Лафит.

Они проехали Нэи, потом Курбевуа. Мегрэ взглянул на часы — половина четвертого; тяжелые грузовики почти непрерывным потоком двигались в сторону Центрального рынка; попадались также фургоны, но легковых машин почти не было.

— Вы знаете, в какое гнездышко они залетели, шеф?

— Может, знаю, но я в этом не уверен. Барон не позвонил мне, хотя обещал. Боюсь, как бы ему в голову не пришла та же мысль, что и Лоньону,— сделать все самому.

— Он выпил?

— Мне говорили, что изрядно.

— Он с машиной?

Мегрэ нахмурил брови.

— У него есть машина?

— Дней десять назад он купил по случаю сильно подержанный автомобиль и теперь с ним не расстается.

Не это ли объясняет странное поведение инспектора? Когда он, набравшись как следует, вышел из бара Луиджи и сел в свою машину, не пришла ли ему в голову пьяная мысль прокатиться в Мэзон-Лафит, чтобы воочию убедиться, что он напал на след?

— Вы звонили в жандармерию? — спросил Люка.

Мегрэ отрицательно покачал головой.

— А Управление национальной безопасности в курсе нашей операции?

— Нет.

Они прекрасно понимали друг друга, никто не хотел прерывать молчания.

— Наши приятели все вместе?

— Если не разбежались. Но не думаю. Чарли ранен, видимо, в плечо.

Мегрэ коротко рассказал им о сцене, которая разыгралась на улице Рише,— Люка и Торанс напряженно слушали его, по достоинству оценивая ситуацию.

— Похоже, Чарли приехал сегодня в Париж один. Вы думаете, он хотел увезти эту женщину из гостиницы?

— Скорее всего. Видно, он просто опоздал, вот и все. Раз он рассчитывал справиться с этим один, значит, полагал, что ему никто не окажет сопротивления.

В сущности, все они были несколько взволнованы, потому что на этот раз им приходилось действовать в непривычной обстановке. Как правило, они могли почти с абсолютной точностью предвидеть, как себя поведет противник: французских бандитов любого сорта они успели изучить как свои пять пальцев, знали все их повадки. Но парни из-за океана прибегали к методам, которые ставили в тупик французских сыщиков. Американцы действовали чересчур быстро. Вот эта быстрота, с которой они принимали решение, и была, пожалуй, их главной особенностью. Вместе с тем они нисколько не боялись огласки, и то обстоятельство, что полиция знала их имена и дела, не имело, видимо, для них никакого значения.

— Будем стрелять? — спросил Торанс.

— Только в случае необходимости. Я бы предпочел обойтись без трупов.

— У вас есть определенный план?

— Нет, никакого.

Мегрэ знал только одно — с него довольно! Так или иначе, но с этим пора покончить. Заокеанские гости убили в центре Парижа человека, потом расправились с Лоньоном, чуть ли не в упор выстрелили в полицейского, уж не говоря о том, что они похитили женщину из дома напротив «Фоли-Бержер».

Их фотографии напечатаны во всех газетах, их приме-

ты переданы в полицейские участки по всей стране, и, несмотря на все это, они ведут себя в незнакомом городе, как дома, и крадут машины с той же легкостью, с какой другие останавливают такси.

— Куда дальше? — спросил шофер, когда они проехали мост и вдалеке засверкали огни Мэзон-Лафита.

В стороне возвышался замок. Они миновали ипподром, освещенный луной. На улицах — ни души, но в домах еще кое-где горел свет. Чтобы найти гостиницу «Весельчак», проще всего было бы обратиться к полицейскому, который дежурил у фонаря.

— Нет, поехали дальше,— сказал Мегрэ.— Там будет еще один перекресток. Не стоит привлекать его внимание.

К счастью, сторожка у шлагбаума была освещена. Видимо, ожидался поезд. Мегрэ вылез из машины и зашел в сторожку. За столом перед литровой бутылкой вина сидел стрелочник с огромными усищами.

— Вы знаете, где находится гостиница «Весельчак»?

Усач пустился в нескончаемые объяснения, и Мегрэ пришлось позвать шофера, потому что оказался не в силах разобраться во всех тех перекрестках и поворотах, про которые ему толковал стрелочник.

— Вы проедете через второй мостик и направитесь в сторону Этуаль. Понятно? Главное — не вздумайте сворачивать на дорогу, которая ведет к замку Миэт, вы должны свернуть на ту, предыдущую...

Казалось, шофер понял, куда надо ехать. И все же десять минут спустя выяснилось, что они заблудились в лесу, и им пришлось выходить у каждой развилки и разбирать названия на указателях.

А тучи тем временем опять сгустились, тьма была кромешная, и без электрического фонарика и шагу нельзя было ступить.

— Перед нами стоит машина с погашенными огнями.

— Придется пойти посмотреть.

Машина стояла на дороге посреди леса. Они вчетвером направились к ней. Мегрэ приказал вынуть пистолеты. Сухие листья шуршали под ногами. Быть может, все эти предосторожности и были смешны, но комиссар не хотел рисковать жизнью своих ребят,— не меньше десяти минут ушло на то, чтобы незаметно подкрасться к машине.

Машина оказалась пустой. Внутри была прибита дощечка с фамилией владельца и с его адресом — улица Риволи. Они осветили машину фонариком и обнаружили на переднем сиденье свежие пятна крови.

Еще одна украденная машина!

— Интересно, почему он ее здесь бросил? Ведь вокруг нет домов. Если мы действительно находимся там, где я думаю, если стрелочник не ошибся, то «Весельчак» отсюда в полукилометре, не больше. Измерь-ка, Люка, сколько там осталось бензина?

Это было самым простым объяснением: Чарли сел в первую попавшуюся машину и не смог доехать — не хватило бензина.

— Ну, пошли! Важно, чтобы они не услышали, что мы подходим к дому.

— Как вы думаете, Барон здесь проезжал?

Земля на дороге размокла, но была покрыта сухими листьями, поэтому обнаружить следы шин или ботинок оказалось невозможным. К тому же пользоваться фонариком уже становилось опасным.

Наконец они дошли до какого-то поворота, за которым начиналась лужайка, а на этой лужайке, слева, разрывая темноту, резко выделялись два слабо освещенных прямоугольника — это явно были окна, и в них сквозь неплотные занавески пробивался свет. Мегрэ отдавал распоряжения шепотом:

— Ты останешься здесь,— приказал он шоферу,— и присоединишься к нам, только если начнется драка. Ты, Торанс, обойдешь дом сзади, на случай, если они попытаются удрать через окно.

— Стрелять в ноги?

— Желательно. Люка пойдет вместе со мной — мы подкрадемся к дому с этой стороны, чтобы наблюдать за окнами.

Все трое были возбуждены, хотя им уже не раз приходилось бывать и не в таких переделках и задерживать бандитов при куда более сложных обстоятельствах.

Что же было такого особенного в этих американцах? Словно Поччо и Луиджи внушили Мегрэ невесть какой комплекс неполноценности!

— Желаю удачи, ребята!

— Идите к черту,— проворчал Торанс, постучав о

ствол дерева, и даже Люка, который уверял, что он совсем не суеверный, тоже прошептал словно нехотя:

— Идите к черту!

Судя по всему, «Весельчак» был прежде охотничьим домиком. Сквозь тучи пробился луч луны и осветил его. Остроконечная крыша, крытая шифером; на первом этаже, наверное, не больше трех комнат и столько же — на втором.

Мегрэ и Люка бесшумно подходили все ближе, и, когда до дома оставалось метров двадцать, комиссар коснулся руки инспектора, показывая ему, что надо свернуть налево.

Сам он еще немного постоял, не двигаясь, чтобы его товарищи успели занять указанные места. К счастью, ветер, еще более сильный, чем в Париже, гнул ветки и шуршал сухими листьями. В течение двух-трех минут им всем грозила серьезная опасность: луна пробилась сквозь тучи и, словно луч прожектора, осветила поляну — стало так светло, что Мегрэ четко видел пуговицы на пальто Торанса и пистолет в руке у Люка, хотя Люка находился теперь от него дальше, чем дом.

Но как только луна снова зашла за тучи, Мегрэ подкрался к одному из освещенных окон, которое было неплотно завешено занавеской в красную клетку, как у Поччо. Сквозь щель комиссар прекрасно мог наблюдать за всем, что происходило внутри.

Он увидел довольно большую комнату, что-то вроде бара, с оцинкованной стойкой и шестью дубовыми столиками. На побеленных стенах висели лубочные картинки. Вместо стульев стояли деревенские скамьи, и на одной из них в профиль сидел Чарли Чинаглиа.

Он был без рубашки; его чересчур пухлая, очень белая грудь вся была покрыта черными волосами. В комнату вошла толстая крашеная блондинка, она несла кастрюлю, из которой шел пар. Губы ее двигались, она что-то говорила, но звуки ее голоса не проникали за окно.

Тони Чичеро тоже сидел здесь. На столе рядом с бутылкой, то ли со спиртом, то ли с каким-то дезинфицирующим средством, лежали два револьвера. На полу стоял таз с розоватой водой — в нем плавали кусочки окровавленной ваты.

У Чарли никак не прекращалось кровотечение,— это,

видимо, его пугало. Пуля угодила ему в левое плечо и вырвала кусок мяса.

Никто из этой троицы, судя по их виду, не предполагал, что их могут здесь побеспокоить. Женщина налила теплой воды в блюдце, плеснула туда немного жидкости из бутылки, окунула в эту смесь вату, а потом приложила ее к ране — Чарли стиснул зубы.

Тони Чичеро курил сигару; он взял с соседнего стола бутылку виски и протянул ее Чарли, который отхлебнул прямо из горлышка. Билла Ларнера в комнате не было. А когда Чичеро повернул голову, Мегрэ обнаружил не без удивления, что у него подбит глаз.

Все дальнейшее произошло так быстро, что никто толком не понял, что же, собственно говоря, происходит.

Возвращая Чичеро бутылку с виски, Чарли случайно бросил взгляд на окно. Мегрэ явно ошибался, думая, что из комнаты невозможно его увидеть, потому что Чарли, не изменившись в лице, протянул здоровую руку к одному из револьверов. Но Мегрэ выстрелил первый, и, словно в кадре голливудского фильма, револьвер Чарли упал на пол, а рука его бессильно повисла.

В тот же миг Чичеро, не оборачиваясь, опрокинул стол, который таким образом, словно щит, заслонил его от Мегрэ; блондинка тоже укрылась от пуль, метнувшись к простенку между окнами.

Мегрэ наклонился как раз вовремя — первая пуля со звоном пробила стекло, а вторая оторвала часть оконного наличника.

Мегрэ услышал слева от себя шаги — к нему подбежал Люка.

— Промахнулись?

— В одного попал. Берегись!

Чичеро продолжал стрелять. Люка стал ползком пробираться к двери.

— А мне что делать? — крикнул шофер издалека.

— Стой пока на месте!

Мегрэ чуть приподнялся, чтобы заглянуть в комнату,— пуля прострелила ему шляпу.

Он пытался прикинуть, где может быть Билл Ларнер. Примет ли он участие в этой схватке? Билл представлял для них серьезную угрозу, потому что они не имели понятия, где он находится,— он мог напасть на них с фланга,

мог стрелять из окна второго этажа, мог подкрасться к ним сзади.

Ударом ноги Люка распахнул дверь. И в то же мгновение ликующий, воинственный вопль Торанса огласил комнату:

— Вперед, шеф, дорога открыта!

Блондинка тоже вопила. Люка кинулся в комнату. Мегрэ выпрямился во весь рост и увидел, что возле опрокинутого стола на полу схватились врукопашную двое мужчин. Хозяйка схватила подставку для поленьев и занесла ее над головой. Но Люка подскочил вовремя и не дал ей нанести удар. Смешно было глядеть, как коротышка Люка скручивает руки американке на голову больше его.

В следующую секунду Мегрэ уже был в комнате. Лежа на полу, Чарли пытался дотянуться до пистолета, который валялся сантиметрах в двадцати от его руки, и тогда комиссар позволил себе то, чего ни разу не позволял за все годы работы в полиции,— он дал волю охватившему его бешенству и что было силы стукнул Чарли каблуком по руке.

Торанс всей своей тяжестью навалился на Чичеро, который пытался ткнуть ему пальцем в глаз, и Мегрэ пришлось изрядно повозиться, прежде чем ему удалось надеть на Чичеро наручники. Только тогда Торанс смог наконец встать на ноги. Он весь сиял, хотя вид у него был весьма неприглядный: перепачканное пылью потное лицо, расцарапанная в кровь щека, разорванный ворот рубашки.

— Шеф, может, мы на нее тоже наденем наручники?

Люка уже выбился из сил в единоборстве с хозяйкой, и Мегрэ, взяв у Торанса наручники, надел их на беснующуюся блондинку.

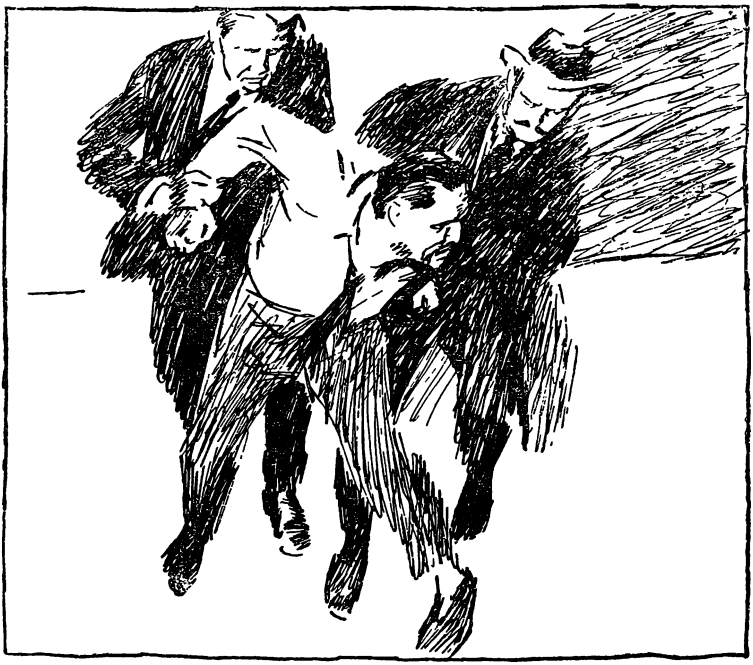
— Как вам не стыдно так обращаться с женщиной!

Торанс приподнял Чарли за плечи — его передернуло от боли.

— Что мне с ним делать, шеф?

— Посади его в уголок.

— Когда я услышал выстрелы,— рассказывал Торанс,— я решил проникнуть в дом через черный ход. Но дверь оказалась заперта. Тогда я высадил стекло и очутился на кухне.

Мегрэ медленно, тщательно набивал свою трубку — ему нужно было отдышаться. Потом он подошел к застекленному шкафу, где стояли стаканы.

— Кто хочет виски?

Однако он все еще не был спокоен и послал шофера поглядеть, не пытается ли кто-нибудь удрать из дома.

— А ты, Люка, проверь, пожалуйста, не стоит ли поблизости еще машина.

Мегрэ заглянул на кухню — на столе валялись какие-то объедки, толкнул следующую дверь и попал в комнату поменьше, которая, видимо, служила столовой.

Держа в руке еще не остывший револьвер, он поднялся по лестнице на второй этаж, задержался на мгновение на площадке, прислушался, а потом распахнул ногой ближайшую дверь.

— Есть здесь кто?

В комнате — судя по всему, спальне хозяйки — нико-

го не оказалось. Все стены были увешаны фотографиями мужчин и женщин, как в ресторане у Поччо,— не менее ста фотографий, причем большинство из них были с автографами на имя Элен, а на некоторых была изображена она сама лет двадцать назад, в костюме танцовщицы мюзик-холла.

Прежде чем войти в соседние комнаты, Мегрэ убедился, что и там никого нет. Все постели были застелены. В одной из комнат стояли чемоданы, набитые шелковым бельем, предметами туалета, ботинками, но ни единого документа Мегрэ там не обнаружил.

Видимо, это были те самые чемоданы, которые Чарли и Чичеро таскали с собой, переезжая с места на место. На самом дне наиболее тяжелого из них Мегрэ нашел еще два пистолета, кастет, резиновую дубинку и изрядный запас патронов.

Ничто не указывало на то, что они привезли сюда подругу Неряхи Джо. Зато, возвращаясь назад через кухню, Мегрэ заметил возле кофейника портсигар с инициалами «Б. Л.» — явное свидетельство, что Ларнер побывал в этом доме.

Вернулся Люка, ботинки его были забрызганы грязью.

— Вокруг нет других машин, шеф.

Торанс внимательно разглядывал изувеченную руку Чарли: странная вещь — крови не было, но рука отекала, пальцы синели прямо на глазах.

— Интересно, здесь есть телефон?

Аппарат висел за дверью.

— Вызови любого доктора из Мэзон-Лафита, но не говори, что мы из полиции. Пожалуй, скажешь, что просто произошел несчастный случай.

Люка взялся выполнить это поручение, а Мегрэ после некоторых колебаний, преодолев смущение, все же решился — впервые в присутствии своих инспекторов — заговорить по-английски, хотя и говорил на нем весьма скверно.

— Где Билл Ларнер? — спросил он у Чичеро, который сидел на скамье, прислонившись спиной к стене.

Как он и ожидал, Чичеро не удостоил его ответом, а только презрительно улыбнулся.

— Я знаю, что Билл был здесь нынче вечером. Это он тебе подбил глаз?

Улыбка исчезла, но Чичеро все равно не раскрыл рта.

— Как тебе будет угодно. Говорят, ты упрям, но и у нас найдутся не менее упрямые парни, чем ты.

— Я хочу позвонить своему консулу,— произнес наконец Чичеро.

— Всего лишь! В четыре часа утра! А что ты ему скажешь, интересно?

— Не хотите — не надо. Но вам придется за это ответить.

— Да, мне за все придется ответить... Люка, тебе удалось вызвать доктора?

— Он будет здесь через пятнадцать минут.

— Как ты думаешь, он не позвонит перед выездом в полицию?

— По-моему, нет. Он не выразил никакого удивления.

— Подожди, еще выяснится, что он сюда не раз заглядывал. Соединись-ка с Набережной Орфевр, надо узнать, не звонил ли Барон.

Молчание Барона его беспокоило, и исчезновение этой женщины из гостиницы «Бретань» тоже.

— Да, раз уж Вашэ на проводе, попроси его выслать нам еще одну машину. В одной мы, пожалуй, все не усядемся.

Потом он подошел к Чарли и поглядел на него в упор:

— Тебе нечего мне сказать?

В ответ тот обрушил на комиссара одно из самых отборных и витиеватых английских ругательств.

— Что он говорит? — поинтересовался Торанс.

— Он скромно намекает на некоторые обстоятельства, связанные с моим появлением на свет,— пояснил Мегрэ.

— Вашэ не имеет никаких сведений от Барона, шеф. Последний раз Вашэ звонил ему минут пятнадцать назад. Бонфис сообщил, что украли еще одну машину.

— С улицы Риволи?

— Да.

— Ты ему сказал, что мы ее нашли здесь, в лесу?

У дверей остановилась машина, и в комнату вошел молодой еще человек с черным чемоданчиком в руках. Увидев царящий в комнате беспорядок, пистолеты, валяющиеся на столе, и наручники, он невольно сделал шаг назад.

— Входите, доктор, не смущайтесь. Мы из полиции, и у нас произошло здесь небольшое объяснение с этими господами и с этой вот дамой.

— Доктор,— завопила хозяйка,— немедленно сообщите в полицию Мэзон-Лафита, там меня знают, что эти скоты...

Мегрэ объяснил доктору, кто он такой, и, указав на Чарли, который, казалось, вот-вот потеряет сознание, сказал:

— Я хотел бы, чтобы вы оказали ему первую помощь, привели его, так сказать, в чувство, чтобы мы могли доехать до Парижа. В первый раз его угостили свинцом еще в городе, а потом добавили здесь, во время нашего спора.

Пока доктор возился с Чарли, Мегрэ снова обошел дом; особенно его заинтересовали фотографии, висевшие в комнате хозяйки; он взял один из чемоданов, вывалил все барахло прямо на пол и накидал в него, не разбирая, фотографии со стен, документы, лежавшие в ящике, письма, счета, вырезки из газет. Туда же он положил портсигар, стаканы и чашки, аккуратно завернув их сначала в бумагу.

Когда Мегрэ вернулся в холл, он заметил, что у Чарли какой-то странный вид.

— Я впрыснул ему наркотик, так что у вас не будет с ним никаких хлопот.

— Он серьезно ранен?

— Он потерял много крови. В больнице ему сделают, наверно, переливание... Кто-нибудь еще нуждается в моей помощи?

— Нет, но, прошу вас, выпейте с нами стаканчик.

Мегрэ знал, что он делает. Он опасался, как бы доктор все же не предупредил местную полицию или жандармерию, поэтому он не хотел отпускать его, прежде чем придет машина, которую выслал сюда Вашэ.

— Садитесь, доктор. Вам уже случалось здесь бывать?

— Несколько раз... Верно, Элен?

Видимо, он был с хозяйкой накоротке.

— Я приезжал в этот дом при совсем других обстоятельствах. Помню, как-то один жокей сломал себе здесь ногу и пролежал месяц в комнате на втором этаже. Я то-

гда часто наведывался сюда — лечил его. В другой раз меня позвали посреди ночи — один джентльмен хватил лишнего и ему стало плохо с сердцем. Припоминаю также, что однажды меня вызывали из-за какой-то девицы, которую стукнули — как мне объяснили, совершенно случайно — бутылкой по голове.

Наконец приехала машина. Чарли пришлось туда внести — ноги у него были как ватные. Чичеро прошел сам, с презрением глядя на всех, и, ни слова не говоря, сел на заднее сиденье, сложив руки на животе.

— Ты поедешь с ним, Торанс!

Он заслужил эту честь, ведь он первым ворвался в дом!

— Жаль, что еще так рано и ресторан Поччо закрыт.

Будь сейчас не половина пятого утра, а девять, Мегрэ, возможно, не отказал бы себе в удовольствии заехать на улицу Акаций: пусть-ка Поччо поглядит, кто сидит в машине.

— По дороге завезите Чарли в госпиталь Божон. Лоньону будет приятно узнать, что они с ним находятся под одной крышей. А Чичеро доставьте в префектуру.

Потом он обратился к блондинке, которую, судя по ее документам, звали Элен Донау:

— Садитесь в машину.

Она поглядела ему в глаза, но не двинулась с места.

— Я же вам сказал: садитесь в машину.

— И не подумаю. Я у себя дома. Где ордер на мой арест? Я требую, чтоб меня соединили с консулом!

— Ясно. Об этом мы с вами поговорим потом. Так вы, значит, отказываетесь садиться в машину?

— Да.

— Ну что ж, Люка, придется нам еще поработать!

Они схватили Элен и понесли ее. Доктор, не в силах сдержать смеха при виде этой сцены, любезно распахнул перед ними дверь. Элен так отбивалась, что Люка на мгновение ее отпустил и она чуть не упала на пол. Пришлось звать на помощь шофера. Наконец все же удалось запихнуть Элен в машину, и Люка сел рядом с ней.

— В префектуру,— скомандовал комиссар.

Но они не проехали и ста метров, как он передумал.

— Ты очень устал, Люка?

— Да нет, не очень. А что?

— Мне не хотелось бы оставлять этот домик без присмотра.

— Ясно. Выхожу.

Мегрэ пересел на его место и, закурив, галантно спросил свою соседку:

— Надеюсь, вам дым не мешает?

Вместо ответа она кинула ему в лицо ругательство, смысл которого он недавно объяснил Торансу.

Глава восьмая,

В КОТОРОЙ НЕКИЙ ИНСПЕКТОР ПЫТАЕТСЯ ВСПОМНИТЬ, ЧТО ЖЕ ЕМУ УДАЛОСЬ УЗНАТЬ

Мегрэ уселся поудобнее и поднял воротник пальто; глаза у него ломило — то ли от простуды, то ли от бессонной ночи; он уставился в одну точку и не обращал ни малейшего внимания на свою спутницу. Но не прошло и пяти минут, как Элен сама заговорила, отрывисто, словно про себя:

— Видала я таких субчиков из полиции, которые думают, что они умнее всех, но потом им вправляли мозги...

Долгая пауза. По всей вероятности, она ожидала, что Мегрэ будет как-то реагировать на ее слова, но комиссар выслушал эту тираду совершенно равнодушно.

— Я заявлю консулу, что типы, ворвавшись в мой дом, вели себя как дикари. Он меня знает. Все меня знают... Я скажу, что они меня избили, что один из инспекторов приставал ко мне...

Видимо, она когда-то была красивой; даже теперь, когда ей было уже пятьдесят, а то и все пятьдесят пять, она сохраняла известную привлекательность. Забавно было за ней наблюдать: несколько минут она пыталась демонстративно молчать, но потом всякий раз не выдерживала, срывалась и, как бы ни к кому не обращаясь, гневной фразой громко выражала свое возмущение:

— Я расскажу, что они избили раненого человека!..

Быть может, она выкрикивала эти фразы, чтобы дать выход душившему ее бешенству, а может, она просто пыталась вывести Мегрэ из себя.

— Хороши, ничего не скажешь! Невесть что о себе

воображают только потому, что надели наручники на невинную женщину!

Она несла такую околесицу, что шофер едва сдерживал смех. Что до Мегрэ, то он невозмутимо потягивал трубочку, выпуская дым малыми клубами, и изо всех сил старался сохранять серьезное выражение лица.

— Готова спорить, что никому и в голову не придет угостить меня сигаретой!

Мегрэ пропустил эти слова мимо ушей — пусть обратится к нему непосредственно.

— Вы мне дадите в конце концов сигарету?

— Извините. Я не понял, что это вы ко мне обращаетесь. К сожалению, у меня при себе нет сигарет — я курю трубку. Но как только мы прибудем на место, я достану вам сигареты.

Она не прерывала больше молчания до моста Лажат.

— Мнят о себе невесть что... Одни французы умные, а мы все дурачки! Ни черта бы вам нас не взять, если бы не Ларнер!

На этот раз Мегрэ поглядел на Элен внимательно, но на ее лице, слабо освещенном приборной доской, он не смог ничего прочесть; он даже не понял, нарочно ли она это сказала или просто проговорилась.

Дело в том, что в этой маленькой фразе содержалась очень ценная для него информация. Впрочем, он и сам об этом догадывался. С самого начала ему казалось, что Билл Ларнер не по доброй воле сотрудничает с такими парнями, как Чарли и Чичеро. К тому же его роль была тут явно второстепенной, он был, так сказать, лишь подручным: достал машину, сделал обыск у Лоньона, нашел им жилье — сперва у своей подруги на улице Брюнель, а потом, видимо, в «Весельчаке». Во время допроса Лоньона в лесу Билл служил переводчиком, но сам он не бил инспектора. Этой ночью он, воспользовавшись, видимо, тем, что Чарли поехал в Париж, решил отделаться от этой компании и вернуть себе свободу, о которой уже давно мечтал, особенно с тех пор, как стало ясно, что дело это явно не в его вкусе. Прямо ли он заявил Чичеро, что намерен смотаться? Или Чичеро засек Билла, когда он собирался бежать, и попытался его остановить? Так или иначе, ясно было, что Билл Ларнер стукнул Чичеро — это он подбил ему глаз.

— У вас есть машина? — спросил Мегрэ у Элен.

Теперь, когда Мегрэ задавал вопросы, Элен демонстративно молчала, с презрением глядя на него.

Насколько он помнил, гаража возле «Весельчака» не было. Чарли вернулся в Париж на той машине, на которой все они приехали в Мэзон-Лафит. Ларнер, видимо, пошел пешком через лес к шоссе или к вокзалу. С момента его ухода прошло не больше двух часов. Но теперь мало шансов задержать его, прежде чем он перейдет границу.

Когда у ворот Майо они проехали мимо бистро, которое оказалось уже открытым, Элен заявила, снова ни к кому не обращаясь:

— Я хочу пить!

— У меня в кабинете есть коньяк. Мы там будем через десять минут.

Машина быстро мчалась по еще пустынным в этот час улицам.

Когда они въехали во двор префектуры, Элен, прежде чем двинуться с места, спросила:

— Вы мне правда дадите коньяку?

— Обещаю.

Мегрэ с облегчением вздохнул: теперь можно не бояться, что ее снова придется тащить насильно, как в лесу.

— Жди меня,— сказал он шоферу.

Когда Мегрэ попытался помочь своей спутнице подняться по лестнице, она завопила:

— Не трогайте меня! Я пожалуюсь консулу!

Быть может, она всего-навсего разыгрывала эту дурацкую роль? Быть может, она всегда разыгрывала какую-нибудь роль...

— Сюда, пожалуйста!

— А коньяк?

— Да, да.

Он открыл дверь в комнату инспекторов. Торанс со своим подопечным еще не прибыл, потому что по пути он заехал в госпиталь и оставил там раненого. Вашэ, говоривший в этот момент по телефону, с любопытством поглядел на американку.

— Значит, просто снята трубка? Вы в этом уверены? Благодарю вас.

— Сейчас,— бросил Мегрэ, видя, что Вашэ хочет ему что-то сказать.— Постереги ее, пожалуйста.

Мегрэ прошел к себе в кабинет, взял бутылку, налил в стакан коньяку и протянул его Элен. Элен выпила залпом и тут же показала пальцем на бутылку.

— Зачем же сразу? Подождем немного... У тебя есть сигареты, Вашэ?

Он сунул Элен в рот сигарету, поднес спичку, и она, пустив ему в лицо струю дыма, с трудом проговорила:

— Все равно я вас ненавижу.

— Вашэ, кто-нибудь должен ее стеречь. Но при ней нельзя ни о чем говорить.

— А почему бы нам не сунуть ее в «клетку»?

«Клеткой» они называли узенькую камеру под лестницей, где с трудом помещался матрас. Света там не было. После минутного раздумья Мегрэ все же предпочел оставить ее в пустом кабинете. Выходя, он запер его на ключ.

— А коньяк? — крикнула она ему из-за двери.

— Успеется.

Он вернулся к Вашэ.

— У кого это снята трубка?

— У Барона. Я набирал его номер через каждые полчаса. Сперва никто не подходил. Но вот уже час как все время занято. Мне это показалось странным, и я позвонил в справочную. Дежурная уверяет меня, что там просто сняли трубку.

— Ты знаешь, где он живет?

— На улице Батиньоль. Номер дома у меня записан. Вы хотите туда поехать?

— Пожалуй, придется. А ты пока объяви розыск Билла Ларнера. Часа три назад он ушел из Мэзон-Лафита. Я думаю, скорее всего, он попытается перейти бельгийскую границу. Торанс привезет сюда Тони Чичеро.

— А Чарли?

— В госпитале Божон.

— Вы его как следует отделали?

— Да нет, не очень.

— Что они говорят?

— Ничего.

Они переглянулись, прислушались, и Мегрэ направился в кабинет, где он запер Элен. Несмотря на наручники,

она учинила там настоящий погром: чернильницы, настольные лампы, бумаги — все валялось на полу.

Увидев комиссара, она заявила, нагло улыбаясь:

— Я веду себя примерно так, как вы себя вели у меня.

— «Клетка»? — спросил Вашэ.

— Что ж, раз ей так хочется.

* * *

На мосту Пон-Неф машина Мегрэ повстречалась с машиной, в которой Торанс вез Чичеро в префектуру, и шоферы успели даже помахать друг другу. Как только Мегрэ очутился на улице Батиньоль, его внимание привлек открытый спортивный автомобиль, который как-то странно поставили: его передние колеса заехали на тротуар. Заглянув внутрь, он обнаружил маленькую дощечку с фамилией «Барон».

Мегрэ позвонил. Консьержка, которая еще спала, впустила его в парадное, но ему пришлось вступить с ней в переговоры через дверь, чтобы узнать, на каком этаже живет инспектор.

— Он вернулся один? — спросил Мегрэ.

— Какое вам дело?

— Я его коллега.

— Вот у него и спросите!

Это был один из тех многонаселенных домов, где на каждом этаже расположено по нескольку квартир. В основном здесь жили рабочие, и во многих окнах в этот ранний час уже горел свет. Поражал контраст между этим убогим домом и аристократическими замашками его жильца. Теперь Мегрэ понял, почему Барон, неисправимый старый холостяк, никогда не рассказывает о своей личной жизни.

На четвертом этаже к одной из дверей была прибита визитная карточка; на ней стояла только фамилия хозяина, профессия указана не была. Мегрэ постучал. Никто не отозвался, и тогда он на всякий случай дернул за ручку двери.

Дверь поддалась. Мегрэ чуть не споткнулся о шляпу Барона, валявшуюся на полу. Он зажег свет и увидал слева крохотную кухню, справа — столовую в стиле Генриха II (такое количество вышитых салфеточек теперь

можно встретить только в квартирах консьержек), а за ней, сквозь распахнутую дверь,— спальню.

Барон лежал одетый поперек кровати, руки его безжизненно свисали, и, если бы он не храпел, можно было подумать, что случилось несчастье.

— Барон! Послушай, старик!

Барон перевернулся на другой бок, но не проснулся, и Мегрэ снова принялся его трясти.

Через несколько минут инспектор наконец засопел и, приоткрыв веки, застонал, потому что яркий свет больно ударил ему в глаза; он сразу узнал Мегрэ и, внезапно охваченный ужасом, попытался сесть.

— Какой сегодня день?

Видимо, он хотел спросить, который час, потому что искал взглядом будильник, валявшийся, должно быть, где-то под кроватью — оттуда доносилось тиканье.

— Дать вам воды?

Мегрэ принес из кухни стакан воды; инспектор был крайне мрачно настроен и явно чем-то встревожен.

— Извините меня, пожалуйста... Спасибо... Я болен .. Если бы вы только знали, как я худо себя чувствую...

— Может быть, вам приготовить крепкий кофе?

— Мне стыдно... клянусь вам...

— Полежите еще несколько минут.

Квартира Барона больше походила на жилье старой девы, чем на квартиру холостяка, и, глядя на эту обстановку, можно было себе легко представить, как Барон, возвращаясь из полиции, надевает передник и занимается хозяйством.

Вернувшись из кухни, Мегрэ увидел, что инспектор уже сидит на краю кровати, с безнадежным видом уставившись в одну точку.

— Выпейте! Вам станет лучше.

Мегрэ тоже налил себе чашку кофе. Он снял пальто и сел на стул. В комнате сильно пахло алкоголем. Костюм Барона был настолько грязный и мятый, что казалось, инспектор провел ночь под мостом.

— Ужасно,— пробормотал он и вздохнул.

— Что ужасно?

— Не знаю. Мне нужно вам сказать что-то очень важное. Понимаете, что-то такое, что имеет *решающее* значение.

— Говорите, я вас слушаю.

— Я и пытаюсь вспомнить, но не могу. Что произошло?

— Мы арестовали Чарли и Чичеро.

— Вы их арестовали?

Лицо Барона выражало крайнее напряжение.

— Я думаю, в жизни своей я еще не был так пьян. Я действительно чувствую себя совсем больным. Это из-за них... Подождите. Я вспоминаю, что их не надо было арестовывать.

— Почему?

— Гарри мне сказал...

Он вспомнил вдруг имя и счел это уже крупной победой.

— Его зовут Гарри... Подождите...

— Сейчас я вам помогу. Вы были в баре «Манхеттен» на улице Капуцинов. Вы разговаривали там с разными людьми и изрядно выпили.

— Нет, у Луиджи я почти не пил. Это было потом...

— Вас хотели споить?

— Не знаю. Подождите. Я уверен, что постепенно я все вспомню. Он мне сказал, что их не надо арестовывать, потому что из-за этого провалится... Господи! До чего же трудно все это вспомнить!

— Что провалится? Вы очень поздно ушли от Луиджи. Ваша машина стояла у дверей. Вы сели в нее, должно быть, с намерением поехать в Мэзон-Лафит.

— Откуда вы это знаете?

— Кто-то в баре, скорее всего, Лоп или Тэдди Браун...

— Черт побери! Откуда вы все это можете знать?! Да, верно, я с ними разговаривал. Теперь я это точно вспомнил. Это вы мне поручили найти их. До этого я успел побывать еще в нескольких барах.

— И везде пили?

— Ну конечно, стаканчик здесь, стаканчик там — иначе ничего не получится. Что-то голова у меня...

— Подождите.

Мегрэ прошел в туалетную комнату, вернулся с полотенцем, смоченным холодной водой, и положил его Барону на лоб.

— Вам кто-то рассказал про Элен Донау и про ее маленькую гостиницу в лесу. Про «Весельчак», помните?

Барон широко раскрыл глаза от удивления.

— Который сейчас час?

— Половина шестого утра.

— Как вам удалось их взять?

— Это не имеет значения. Когда вы вышли от Луиджи и сели в свою машину, за вами вышел высокий парень, блондин, очень высокий, молодой еще, и он, наверное, подошел к вам?

— Точно. Это его зовут Гарри.

— А дальше?

— Он назвал мне свою фамилию. Я твердо уверен, что он мне ее назвал. Я помню даже, что она состоит из одного слога. Фамилия певца.

— Он что, певец?

— Нет, но у него фамилия певца. Прежде чем я успел захлопнуть дверцу, он сел рядом со мной и сказал: «Не бойтесь!»

— По-французски?

— Он говорит по-французски с сильным акцентом, делает много ошибок, но понять его можно.

— Американец?

— Да. Слушайте, потом он сказал мне вот что: «Я тоже как бы из полиции. Здесь нам стоять не стоит, поедем куда хотите». Как только машина тронулась, он стал мне объяснять, что он помощник district attorney. Это, насколько я понял, что-то вроде следователя и вместе с тем прокурора штата. В больших городах все они имеют по нескольку помощников.

— Знаю.

— Ну да, вы ведь там были. Он попросил меня остановить машину, чтоб я взглянул на его паспорт. По особо важным делам district attorney и его помощники сами ведут следствие. Это точно?

— Точно.

— Он знал, куда я собирался отправиться из бара Луиджи. «Вам не следует ехать сейчас в Мэзон-Лафит. Из этого ничего хорошего не получится. Во всяком случае, до этого я должен с вами поговорить».

— И этот разговор состоялся?

— Мы говорили с ним не меньше двух часов. Но в этом-то и вся беда, что я никак не могу вспомнить, о чем мы говорили. Сперва мы довольно долго колесили по го-

роду, и он угостил меня сигарой. Быть может, из-за этой сигары мне и стало так худо. Нестерпимо захотелось пить. Я не знал точно, где мы находились, но увидел открытое бистро. Кажется, это было где-то в районе Северного вокзала.

— Вы ему не посоветовали встретиться со мной?

— Конечно, посоветовал. Но он не хочет.

— Почему?

— Это все очень сложно. Если бы у меня не болела так ужасно голова!.. Кое-какие подробности я помню с удивительной точностью. Отдельные фразы целиком встают в моей памяти, я мог бы их повторить дословно, но между ними — полный провал.

— Что вы пили?

— Всего понемногу.

— Он тоже пил?

— Ну да. Он сам доставал бутылки за стойкой и выбирал на свой вкус.

— Вы уверены, что он пил с вами наравне?

— Да что вы, он пил даже больше меня! Он был по-настоящему пьян. В доказательство скажу вам, что он даже упал со стула.

— Вы мне не объяснили, почему он не хочет со мной встретиться.

— Вообще-то он вас хорошо знает и восхищается вами.

— Бросьте!

— Он видел вас на каком-то коктейле, который устроили в вашу честь в Сен-Луи, и был там на вашем докладе. Он приехал во Францию за Неряхой Джо.

— Это он его подобрал на улице Флешье?

— Да.

— Что он с ним сделал?

— Он отвез его к какому-то доктору. Подождите, не перебивайте меня! Я сейчас вспомнил целый кусок нашего разговора. В связи с доктором. Он мне рассказал, как он с ним познакомился. Это было сразу же после освобождения. Гарри служил тогда в американской армии и больше года был приписан к какой-то комиссии, которая дислоцировалась в Париже. Тогда он еще не был помощником прокурора. Он здорово веселился. И вот среди людей, с которыми он кутил, и был этот доктор... Это моло-

дой доктор, он еще не обзавелся кабинетом и живет где-то поблизости от бульвара Сен-Мишель.

— Туда Гарри и поместил Неряху Джо?

— Да. У меня возникло впечатление, что он говорит со мной вполне откровенно. Он все твердил: «Вот это вы скажите Мегрэ... И вот это тоже не забудьте ему передать».

— Куда проще было бы прийти ко мне.

— Он не хочет устанавливать официальный контакт с французской полицией.

— Почему?

— Ночью мне это казалось очень понятным. Помню, я с ним полностью согласился. А теперь это стало куда менее ясным. Погодите, погодите!.. Прежде всего, вам пришлось бы допросить раненого — и вся история попала бы в газеты.

— Гарри знает, что Чинаглиа и Чичеро в Париже?

— Он все знает. Их он знает как свои пять пальцев. Он раньше меня выяснил, что они скрываются в «Весельчаке».

— Билла Ларнера он тоже знает?

— Да. Минутку... Я как будто припоминаю всю историю... Видите ли, мы оба немало выпили. Он несметное число раз повторял одно и то же, видимо считая, что я, как француз, не способен ничего понять.

— Это мы знаем! Как Поччо! Как Луиджи!

— Дело в том, что в Сен-Луи сейчас ведется серьезное следствие. Как это там часто бывает, назрела необходимость хоть немного очистить город от гангстеров. Этим занимается главным образом Гарри. Все знают, кто там возглавляет их банду. Гарри назвал мне имя этого типа,— очень влиятельный человек, проник в высшее общество, живет в городе, весьма респектабельный гражданин, является личным другом большинства видных политических деятелей и крупных полицейских чиновников.

— Все это не ново.

— Вот и Гарри так говорит. Но только там, за океаном, другие законы, чем у нас здесь, и запрятать человека в тюрьму не так-то просто. Это правда?

— Правда.

— Никто не смеет давать показания против главаря

гангстеров. Ведь всем ясно, что тот, кто на это решится, не проживет и двух суток.

Барон был просто счастлив. Он вдруг нашел ведущую пить.

— Вы мне разрешите выпить еще стаканчик пива? Мне от него лучше. Вам налить?

Лицо у него было все еще серое, черные круги под глазами не прошли, но в зрачках уже начинали вспыхивать искорки.

— Наше бистро закрыли, и мы отправились искать другое место, где можно посидеть и поговорить по душам. Куда мы попали, не помню. Как будто в маленькое ночное кабаре,— там выступали три или четыре танцовщицы. Кроме нас, в зале никого не было.

— Он говорил о Неряхе Джо?

— Пытаюсь сейчас вспомнить... Этот Джо — несчастный парень, он чуть ли не умирает от туберкулеза. Он буквально с детства связан с гангстерами, но всегда был последней спицей в колеснице. Два месяца назад в Сен-Луи убили человека перед дверью ночного клуба. Ах, если бы я только мог вспомнить имена! Все в городе знают, что убийца — это тот тип, о котором я вам говорил, главарь тамошних гангстеров. При убийстве присутствовало два человека. Одного из них — швейцара клуба — на следующее утро нашли мертвым. Вот тогда Неряха Джо и удрал из Сен-Луи, потому что он был вторым свидетелем убийства. А у них за океаном оказаться свидетелем опасно для жизни.

— Он отправился в Канаду?

— Да, в Монреаль. Но там он тоже не нашел покоя. С одной стороны, за ним охотились помощники district attorney, чтобы заставить его говорить; с другой — гангстеры, чтобы заставить его молчать.

— Понятно!

— А вот я никак не мог понять, в чем здесь дело. Оказывается, от Неряхи Джо зависит судьба миллионных состояний. Если он заговорит, то разом рухнет не только могучая организация гангстеров, но и вся слаженная политическая машина в Сен-Луи. Гарри столько раз твердил одно и то же, что и сейчас я словно слышу, как он говорит: «Нет, здесь вам этого не понять. У вас не существует подобных бандитских объединений, организо-

ванных по принципу анонимных акционерных обществ. Ваша работа куда легче, чем наша...»

Мегрэ тоже казалось, что он слышит слова Гарри. Эту песню он уже знал наизусть.

— В Монреале Джо чувствовал себя в опасности, потому что был слишком близко от своих соотечественников. Ему удалось раздобыть себе фальшивый паспорт. Так как этот паспорт был выписан на имя супружеской пары, он стал искать женщину, которая согласилась бы уехать вместе с ним, думая, что таким образом он вернее собьет со следа своих преследователей. В конце концов он уговорил продавщицу сигарет в ночном кабаре сопровождать его. Она всю жизнь мечтала увидеть Париж... Извините меня...

Барон неуверенным шагом отправился в туалетную комнату и вернулся оттуда с двумя таблетками аспирина.

— У Неряхи Джо денег было немного. Он понимал, что даже в Париже его рано или поздно найдут. И вот в один прекрасный день он написал длиннющее письмо прокурору, где заявлял, что, если ему гарантируется защита от гангстеров, если за ним приедут в Париж и выплатят ему солидную сумму, он готов выступить в качестве свидетеля на суде. Быть может, я что-то и путаю, но вот в чем суть этой истории.

— Гарри поручил вам все это мне рассказать?

— Да. Он даже готов был позвонить вам по телефону. И наверняка сделал бы это сегодня утром, если бы не выяснил вчера, что я знаю, где прячутся Чарли и Чичеро. Они настоящие убийцы. Особенно опасен Чарли.

— Как Чарли и Чичеро нашли в Париже Неряху Джо?

— Они нашли его в Монреале. Через ту девицу, которую Маскарели увез с собой в Париж. У нее там мать, и девица оказалась настолько неосторожной, что писала ей из Парижа.

— Она указала свой адрес?

— Нет, она получала письма до востребования, но сообщила, что живет напротив большого мюзик-холла. Когда Гарри решил сесть на теплоход, чтобы отыскать и привезти в Сен-Луи Неряху Джо, он узнал, что Чинаглиа и Чичеро опередили его на двое суток.

Мегрэ представил себе жизнь Маскарели в Монреале, а потом в Париже, где он даже вечером не решался выйти на несколько минут подышать свежим воздухом.

Теперь комиссар понимал, зачем Чичеро и Чарли была нужна взятая напрокат машина. В течение нескольких дней они, должно быть, ожидали в ней у «Фоли-Бержер» подходящего момента, чтобы перейти к действиям. Когда же этот момент наконец наступил, Гарри уже следил за ними.

— Гарри рассказал мне эту сцену... Он бродил вокруг гостиницы и как раз завернул на улицу Рише, когда увидел, что Неряха Джо садится в какую-то машину. Гарри сразу понял, в чем дело. Такси поблизости не было, и он вскочил в первую попавшуюся машину, стоящую у мюзик-холла, которая оказалась, по счастью, незапертой.

Мегрэ не мог не улыбнуться, представив себе, как помощник прокурора уводит чужую машину! Все эти люди из-за океана, к какой бы среде они ни принадлежали, ведут себя в Париже, как у себя дома. Многочисленные прохожие, которые шли в тот час по улице Рише, даже не подозревали, что присутствуют при погоне в духе Чикаго. И если бы бедняга Лоньон, прижавшись к решетке церкви Нотр-Дам де Лорет, не выслеживал бы в ту ночь мелкого торговца кокаином, никто бы никогда ничего не узнал обо всей этой истории.

— Неряха Джо жив?

— Да. Как говорит Гарри, доктору удалось его подштопать. Ему необходимо было сделать переливание крови, и Гарри дал ему уж не знаю сколько кубиков своей. Он ухаживает за ним, как родной брат, да куда там — лучше брата! Если он вернется в Сен-Луи с живым Неряхой Джо и сумеет сохранить ему жизнь до дня процесса; если, наконец, в день процесса Джо не струсит и подтвердит свои показания, Гарри станет почти таким же знаменитым, как Девей — после того как сумел очистить Нью-Йорк от гангстеров.

— А спутница Джо? Ее увел Гарри?

— Да. Он сердился на вас, когда увидел фотографии Чарли и Чичеро в газетах.

Слов нет, эти люди были сильны — что помощник прокурора, что гангстеры! Они угадали, что подруга Маскарели, увидев фотографии в газете, решится действовать

и обратится в полицию. Она это и сделала — ведь написала же она письмо Мегрэ!

Чарли уехал из «Весельчака», чтобы заставить ее молчать. Но за несколько минут до его прихода в гостиницу явился Гарри и увел ее, чтобы надежно укрыть.

Они не стеснялись в выборе средств. Они вели себя так, будто Париж — это своего рода ничья земля, где каждый может действовать на свой страх и риск.

— Она тоже у доктора?

— Да.

— Гарри не боится, что Чарли узнает этот адрес?

— Он будто бы принял необходимые меры предосторожности. Прежде чем туда идти он всякий раз убеждается, что за ним не следят, да к тому же кто-то их охраняет.

— Кто?

— Не знаю.

— Короче, что же он просил мне передать?

— Он просит вас не заниматься Чарли и Чичеро, во всяком случае, ближайшие несколько дней. Неряху Джо можно будет посадить на самолет не раньше чем через неделю. Он опасается всяких неожиданностей, которые могут помешать их отлету.

— Если я правильно вас понял, он просил мне передать, что вся эта история меня не касается?

— Примерно так. Но он ваш горячий поклонник и заранее радуется, что, когда все кончится, ему наверняка представится случай поболтать с вами либо здесь, либо в Сен-Луи.

— Воплощенная любезность! Где вы расстались с этим господином?

— У дверей его гостиницы.

— Адрес помните?

— Это где-то в районе улицы Рени. Если я там похожу, то, мне кажется, узнаю дом.

— Вы в силах выйти?

— Разрешите мне только переодеться.

Начинало светать. Дом просыпался, наполнялся звуками, доносились голоса из соседних квартир, раздавались шаги на лестнице, где-то заговорило радио. Мегрэ услышал плеск воды — инспектор, видимо, мылся, а когда он вернулся в столовую, то выглядел так, словно сошел

с картинки модного журнала, только лицо его по-прежнему было цвета папье-маше.

Они спустились вниз; увидев, что машина стоит двумя колесами на тротуаре, Барон ужасно смутился.

— Мы поедем на моей машине?

— Я предпочитаю такси. Но если хотите, можете поставить ее как следует, вдоль тротуара.

Они прошли пешком до бульвара Батиноль и там сели в такси.

— Левый берег. Сперва на улицу Рени.

— Какой номер дома?

— Нам надо проехать всю улицу.

Не меньше четверти часа колесили они по этому кварталу, останавливались у всех гостиниц, и Барон разглядывал фасады. Наконец он сказал:

— Вот она.

— Вы уверены?

— Да. Я отлично помню эту медную дощечку.

Они вошли. Какой-то мужчина протирал мокрой тряпкой коридор.

— В конторе никого нет?

— Хозяин приходит только в восемь часов. Я ночной сторож.

— Вы знаете имена постояльцев?

— Вон на доске все фамилии.

— Здесь живет американец, высокий блондин, еще молодой, его зовут Гарри?

— Наверняка нет.

— Может, все же проверите?

— Незачем. Я знаю, о ком вы говорите.

— Как?

— Парень, которого вы мне описали, зашел сюда сегодня часа в четыре утра. Он спросил меня, в каком номере живет мосье Дюран. Я ответил ему, что у нас нет никакого Дюрана. «А Дюпон?» — спросил он. Я решил, что он смеется надо мной,— он ведь был сильно выпивши.

Мегрэ и Барон переглянулись.

— Он стоял вот тут, где вы сейчас стоите, и казалось, не собирался уходить. Потом он полез в карман, что-то долго искал и, наконец, вынул купюру в тысячу франков, сунул ее мне и сказал, что его будто бы преследовала женщина, и он решил забежать в гостиницу, чтобы от

нее отделаться. Он попросил меня выйти на улицу и поглядеть, уехала ли машина, постоял еще несколько минут и только тогда ушел.

Барон был взбешен.

— Он разыграл меня как мальчишку,— пробурчал он, когда они вышли на улицу.— Как вы думаете, он в самом деле помощник прокурора?

— Скорее всего.

— Тогда почему он это сделал?

— Потому что все эти люди из-за океана, что гангстеры, что прокуроры, считают нас чуть ли не детьми беспомощными, не способными справиться с мало-мальски серьезным делом. Мы для них, видите ли, приготовишки!

— Куда вас теперь везти, мосье Мегрэ? — спросил шофер такси, узнавший комиссара.

— Набережная Орфевр.

И, нахмурившись, Мегрэ забился в угол машины.

Глава девятая,

В КОТОРОЙ МЕГРЭ, НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО, СОГЛАШАЕТСЯ ВЫПИТЬ РЮМКУ ВИСКИ

— Господин комиссар, начальник приехал.

— Иду.

Было девять часов утра, и даже в тусклом свете пасмурного дня было заметно, что Мегрэ небрит и что глаза у него красные от бессонницы и простуды.

Уже три раза ему докладывали:

— Американка поднимает дьявольский шум.

— Пусть себе шумит на здоровье.

Потом пришел инспектор и рассказал:

— Я приоткрыл дверь, чтобы передать ей чашку кофе, но она выхватила чашку и швырнула мне в лицо. Матрас разорван в клочья, и вся камера засыпана конским волосом.

Мегрэ только пожал плечами. Потом он велел позвонить Люка и передать ему, что охранять «Весельчак» больше не надо и что он может ехать домой спать.

Но Люка ни за что не хотел пропустить конца этой

истории и поэтому отправился не домой, а примчался на Набережную Орфевр. Он тоже весь оброс темной щетиной.

Что касается Торанса, то он заперся в пустом кабинете с Тони Чичеро и упорно задавал ему одни и те же вопросы, на которые Тони отвечал презрительным молчанием.

— Ты только зря теряешь время, старик,— заметил Мегрэ.

— Знаю. Но мне это доставляет удовольствие. Он не понимает, о чем я его спрашиваю, но я отлично вижу, что его это тревожит. К тому же ему дико хочется курить, но он слишком горд, чтобы попросить сигарету. Как-то раз он все же открыл было рот, но тут же умолк.

В опергруппе Мегрэ все были охвачены каким-то лихорадочным возбуждением, непонятным для тех, кто не участвовал в этом деле. Маленький Лапуэнт, например, еще не был в курсе событий и с удивлением глядел на Мегрэ и его ближайших сотрудников, которые делали все в это утро с каким-то особым ожесточением.

Полицейские комиссариаты пятого и шестого районов были поставлены на ноги.

— Необходимо как можно скорее найти этого доктора. Живет он где-то возле бульвара Сен-Мишель, но сомневаюсь, чтобы у него на двери висела табличка. Точный возраст его не знаю, думаю, что он еще молод. Надо расспросить о нем в аптеках квартала. Вполне вероятно, что в прошлый вторник он накупил много разных лекарств. Надо обойти магазины хирургических инструментов.

Все утро районные инспекторы обходили дом за домом, аптеку за аптекой, не имея ни малейшего понятия о том, что они занимаются людьми, которые приехали из Сен-Луи, только чтобы свести друг с другом личные счеты.

Инспектор из Сыскной полиции отправился на медицинский факультет и переписал там списки молодых врачей, получивших дипломы за последние два-три года. Потом он расспрашивал всех преподавателей факультета.

Если к этому прибавить всех полицейских и жандармов, которые искали Билла Ларнера на шоссейных доро-

гах и на бельгийской границе, то выходило, что в связи с делом американцев было мобилизовано несколько сот человек.

Мегрэ постучал в дверь, закрыл ее за собой, пожал руку начальнику Сыскной полиции и в изнеможении опустился на стул. В течение десяти минут он монотонным голосом изложил вкратце все, что знал об этом деле. К концу его доклада начальник, казалось, стал более озадачен, чем комиссар.

— Что вы собираетесь делать? Вы хотите схватить этого Маскарели?

Мегрэ испытывал сильное искушение так поступить — ему надоело, что с ним обращаются, как с первоклассником.

— Если я это сделаю, я помешаю помощнику прокурора разделаться с главой гангстеров в Сен-Луи.

— А если вы этого не сделаете, вы не сможете обвинить Чарли и Чичеро в покушении на убийство.

— Конечно. Но остается Лоньон. Они похитили Лоньона, увезли его в лес Сен-Жермен и отделали там под орех. Они ворвались также в его квартиру, прибегнув при этом к взлому, и, наконец, Чарли стрелял в инспектора на улице Гранд Бательер.

— Он заявит, что на него напали первыми, что он подумал, будто попал в ловушку бандитов и, естественно, защищался, и надо сказать, внешне все обстоятельства говорят в его пользу. Его адвокат распишет суду, как он спокойно шел по улице и вдруг увидел, что два человека кинулись на него.

— Хорошо. Допустим даже, что все это так и будет. Но Лоньон у нас остается, и за одно это Чарли получит несколько лет тюрьмы, а нам достаточно продержать его хотя бы несколько месяцев.

Начальник не мог не улыбнуться, глядя, с каким упрямством Мегрэ ведет свою линию.

— Американка никак не связана с делом Лоньона,— заметил начальник, подыскивая новые возражения.

— Я знаю, ее придется отпустить. Поэтому я даю ей вволю накричаться. Против Поччо я тоже сейчас не могу возбудить дело. Но с ним мы сладим по-другому: обнаружим в ближайшее время какое-нибудь нарушение санитарной инструкции и прикроем его лавочку.

— Сердитесь, Мегрэ?

Мегрэ в свою очередь улыбнулся.

— Согласитесь, шеф, что они просто зарвались. Если бы Лоньон не проявил такого усердия в ночь с понедельника на вторник, мы бы это дело прошляпили как маленькие. А потом всю эту историю рассказывали бы в Сен-Луи. И я словно слышу: «Ну, а французская полиция?» — «Французская полиция? Куда ей! Этот орешек ей не по зубам! Да оно и понятно...»

Было одиннадцать часов утра. Мегрэ только что кончил говорить по телефону с госпожой Лоньон, которая тревожила его в этот день уже второй раз, как позвонил инспектор шестого района.

— Алло! Комиссар Мегрэ? Врача зовут Луи Дювилье, он живет в доме номер семнадцать-бис на улице Мосье де Принс.

— Он сейчас дома?

— Да.

— У него есть кто-нибудь?

— Консьержка говорит, что, по всей видимости, у него уже несколько дней живет какой-то больной. И еще какая-то женщина.

— С какого дня живет женщина?

— Она пришла вчера.

— Больше никого нет?

— Американец, который приходит почти каждый день.

Мегрэ повесил трубку, и четверть часа спустя он медленно подымался по лестнице указанного дома. Дом был старый, лифта не было, а квартира доктора находилась на шестом этаже. Слева был звонок. Он позвонил и услышал за дверью шаги. Потом дверь чуть-чуть приоткрылась, показалось чье-то лицо, и Мегрэ, распахнув ногой створку, воскликнул:

— А ты что здесь делаешь?!

Он не мог сдержать смеха. Человек, который встретил его с пистолетом в руках, был не кто иной, как Дедэ из Марселя, известный в Париже тем, что изображал бандитов во всех ночных кабаре. Дедэ не знал, что ответить, он растерялся и уставился на комиссара своими круглыми глазами, пытаясь спрятать пистолет.

— Я не делаю ничего плохого, поверьте мне!

— Хелло, мосье Мегрэ!

Высокий блондин в рубашке с засученными рукавами вышел ему навстречу из комнаты-мансарды с застекленной крышей, похожей на ателье художника. Лицо у него было чуть отекшее, а глаза такие же погасшие, как у Барона. Но он весело поглядел на Мегрэ и протянул ему руку.

— Я так и думал, что вчера наболтал лишнего и что вы в конце концов найдете мой адрес. Вы на меня сердитесь?

Из кухни вышла молодая женщина — она там что-то разогревала на газовой плитке.

— Разрешите вас познакомить?

— Я предпочел бы поговорить с вами в другом месте.

Сквозь открытую дверь Мегрэ увидел кровать, на которой лежал темноволосый человек. Услышав голоса, он натянул на себя одеяло.

— Я вас понимаю. Подождите меня минутку.

Он вернулся в прихожую в пиджаке и со шляпой в руках.

— А мне что делать? — спросил Дедэ, обращаясь не только к нему, но и к Мегрэ.

— Ты свободен,— ответил Мегрэ.— Бандиты сидят за решеткой...

Комиссар и его спутник молча спустились по лестнице и направились в сторону бульвара Сен-Мишель.

— То, что вы сейчас сказали, правда?

— Четверо за решеткой, а Чарли в госпитале.

— Ваш инспектор передал вам мою просьбу?

— Через сколько дней вы сумеете сесть в самолет со своим подопечным?

— Через три или четыре дня. Как разрешит доктор. У него будут неприятности?

— Скажите мне, мосье Гарри... Гарри... как?

— Гарри Пилс.

— Понятно. Фамилия певца! Барон мне говорил. Так вот, представьте себе, что я приеду в вашу страну и буду вести себя там так, как вы вели себя у нас?

— Я принимаю ваш упрек.

— Но вы не ответили на мой вопрос.

— У вас были бы неприятности, серьезные неприятности.

— Где вы познакомились с Дедэ?

— После войны, когда я почти все ночи напролет проводил в мюзик-холлах Монмартра.

— Вы наняли его, чтобы он охранял раненого?

— Не мог же я стеречь его день и ночь. Доктору тоже надо было уходить.

— Как вы поступите с подругой Джо?

— У нее нет денег на обратную дорогу. Я обещал ей оплатить теплоход. Она уезжает послезавтра.

Они проходили мимо бара, Гарри Пилс остановился и после некоторого колебания неуверенно спросил:

— Вы не думаете, что мы могли бы вместе выпить? Я хочу сказать, не согласились ли бы вы...

Смешно было видеть, как этот здоровый парень атлетического сложения смущается и краснеет.

— А может, здесь нет виски? — возразил Мегрэ.

— Есть. Я знаю.

Он заказал виски и поднял свою рюмку, держа ее перед собой. Мегрэ поглядел на него хмуро, как человек, у которого еще не отлегло от души, и сказал не без яда:

— За веселый Париж, как вы говорите!

— Вы еще сердитесь?

Быть может, чтобы показать, что он не так уж сердится, или просто потому, что Пилс симпатичный парень, Мегрэ выпил еще рюмку.

А так как он не мог уйти, не угостив Гарри, они выпили по третьей.

— Послушайте, Мегрэ, старина...

— Нет, Гарри, теперь моя очередь спрашивать.

К полудню Пилс уже говорил:

— Видишь ли, Жюль...

* * *

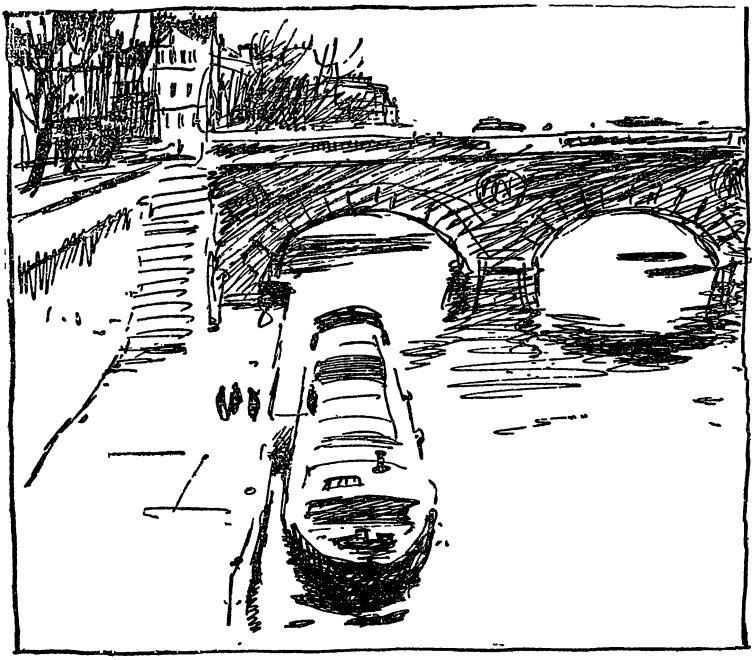
— Что с тобой? — спросила мадам Мегрэ.— Похоже, что ты...

— У меня грипп — вот и все, и я сейчас лягу, выпив грога и приняв две таблетки аспирина.

— Ты есть не будешь?

Не отвечая, он прошел через столовую, добрался до спальни и начал раздеваться. Если бы не жена, он лег бы, наверное, в носках.

И все же он им показал... Да, показал!

МЕГРЭ И БРОДЯГА

ГЛАВА I

По дороге с Набережной Орфевр к мосту Мари Мегрэ вдруг остановился, потом сразу же двинулся вперед, так что Лапуэнт, шедший рядом, не успел даже ничего заметить. На какое-то мгновение комиссар почувствовал себя таким же юным, как и его спутник.

Должно быть, в этом был повинен воздух — удивительно прозрачный, какой-то пряный и благоухающий. Вот в такое же солнечное утро, что и нынче, Мегрэ, тогда еще молодой инспектор, только что назначенный в отдел охраны уличного порядка Сыскной полиции — парижане

продолжали называть ее по-старому, Сюртэ, — долго бродил по парижским улицам.

Хотя настало уже двадцать пятое марта, это был первый настоящий весенний день, безоблачный и ясный. Недаром ночью на город обрушился грозовой ливень, сопровождаемый далекими перекатами грома. Первый раз в этом году Мегрэ оставил пальто у себя в кабинете, и теперь легкий ветерок трепал полы его расстегнутого пиджака.

Мегрэ шел, заложив руки за спину, поглядывая направо и налево, подмечая все, на что он давным-давно уже перестал было обращать внимание.

Для такой короткой прогулки не стоило брать одну из черных машин, стоявших во дворе Сыскной полиции, и мужчины двинулись пешком по набережной. На паперти Собора Парижской богоматери они невольно спугнули стаю голубей. Неподалеку, прямо на площади, стоял туристический автобус — большой желтый автобус, прибывший из Кельна.

Перейдя железный мостик, они очутились на острове Сен-Луи, и в одном из окон Мегрэ заметил молоденькую горничную в черном платье и белой кружевной наколке, похожую на героиню пьес, идущих на Бульварах. Немного дальше помощник мясника, в белом фартуке, отпускал мясо. Из соседнего дома вышел почтальон.

Утром распустились почки, окропив деревья своей нежной зеленью.

— Вода в Сене стоит еще высоко,— заметил Лапуэнт, до сих пор не раскрывавший рта.

Да, паводок был высокий. Целый месяц, почти не переставая, лили бесконечные дожди, и чуть ли не каждый вечер по телевизору показывали затопленные города и селения, где на улицах бесновалась вода. Желтоватые волны Сены несли мимо разные обломки, старые ящики, ветви деревьев.

Мегрэ и Лапуэнт добрались по набережной Бурбонов до моста Мари и теперь неторопливо переходили мост, пристально рассматривая сероватую баржу, стоявшую на приколе ниже по течению. Судя по красно-белому треугольнику, намалеванному на носовой части, она принадлежала компании водных перевозок. Баржа называлась «Пуату». Пыхтение и скрежет парового подъ-

емного крана, разгружавшего ее трюмы, набитые песком, примешивались к смутному городскому гулу.

Выше моста, в метрах пятидесяти от «Пуату», стояла на причале другая баржа. Чистенькая и опрятная, она, казалось, уже с раннего утра была надраена до блеска. За кормой лениво плескался бельгийский флаг, а возле белой рубки, в парусиновой люльке, напоминавшей гамак, спал ребенок. Высоченный светловолосый мужчина смотрел в сторону набережной, словно поджидая кого-то.

На барже золотыми буквами было написано: «Звааарте Звааан» [1]. Ни Мегрэ, ни Лапуэнт не понимали, что означало это фламандское название.

Было около десяти часов. Полицейские вышли к набережной Селестэн и собирались было спуститься к причалу, как в эту минуту подкатила служебная машина. Из нее вышли трое мужчин. Хлопнула дверца.

— Смотрите, какое единодушие! Все собрались вовремя...

Эта троица прибыла тоже из Дворца Правосудия, но из другой части здания — именно из той самой, где заседали лица поважнее — чиновники судебного ведомства. Это были помощник прокурора Паррен, судья Данцигер и старик, секретарь суда, фамилию которого Мегрэ никак не мог запомнить, хотя и встречался с ним сотни раз.

Прохожие, торопившиеся по своим делам, дети, игравшие на тротуаре,— все они и не подозревали, что присутствуют при выезде прокуратуры на место преступления. Да и действительно, в такое весеннее утро это событие отнюдь не выглядело торжественно. Помощник прокурора вынул из кармана золотой портсигар и машинально протянул его Мегрэ, хотя у того была во рту трубка.

— Ах, извините, не заметил...

Это был высокий, худощавый, изысканно одетый блондин, и комиссар в который раз подумал, что щегольство, видно, присуще сотрудникам прокуратуры. Зато судья Данцигер, этакий маленький толстячок, одет был совсем просто.

— Что ж, пошли, господа?

---

[1] «Звааарте Звааан» *(фламанд)* — «Черный Лебедь».

Все спустились по выбитой мостовой и оказались у самой воды неподалеку от баржи.

— Вот эта?

Мегрэ знал не больше своих спутников. Утром он прочел в суточном отчете краткое изложение всех ночных происшествий, а полчаса назад раздался телефонный звонок: его просили присутствовать при выезде прокуратуры.

Он не возражал. Приятно было снова очутиться в привычной обстановке и в хорошо знакомой среде. Впятером они направились к самоходной барже, с которой на берег была переброшена доска.

Рослый, светловолосый речник сделал несколько шагов им навстречу.

— Давайте руку,— сказал он помощнику прокурора, который шел первым.— Так оно будет безопаснее. Верно?

Говорил он с заметным фламандским акцентом. Резкие черты лица, голубые глаза, сильные руки, манера двигаться — все напоминало гонщиков-велосипедистов после пробега, когда они дают интервью для печати.

Здесь, у самой реки, подъемный кран, выгружавший песок, грохотал еще сильнее.

— Вас зовут Жозеф ван Гут? — спросил Мегрэ, мельком взглянув на листок бумаги.

— Да, мосье. Жеф ван Гут.

— Вы владелец этого судна?

— Ну конечно, мосье, я его хозяин. А то кто же!

Из рубки тянуло чем-то вкусным. Внизу, у самого трапа, выстланного цветастым линолеумом, хлопотала по хозяйству молоденькая женщина.

Мегрэ кивнул на ребенка в люльке.

— Ваш сын?

— Ха, не сын, мосье, дочка. А звать ее Йоланда. Мою сестру тоже зовут Йоланда, и она крестная малышки...

Но тут счел нужным вмешаться помощник прокурора, предварительно дав знак секретарю приготовиться к записи.

— Расскажите нам, как все это произошло.

— Ну что ж. Я его выловил, а вон тот, с соседней баржи, мне помог...

Жеф показал пальцем на «Пуату», где на корме, прислонясь к рулю, стоял какой-то человек и смотрел в их сторону, словно поджидая своей очереди.

Несколько раз пропела сирена, и мимо них, вверх по течению, медленно прошел буксир, ведя за собой четыре баржи. И когда каждая проходила мимо «Зваарте Звааи», Жеф ван Гут в знак приветствия поднимал правую руку.

— Вы знали утопающего?

— В жизни не видал.

— Давно вы стоите на причале у этой набережной?

— Со вчерашнего вечера. Я иду из Жемона в Руан с грузом шифера... Хотел было дотемна пройти Париж и заночевать у Сюренского шлюза... Да вот, слышу, двигатель пошаливает. Мы ведь, речники, не очень-то любим ночевать в Париже. Понимаете?..

Вдали, прямо под мостом, Мегрэ заметил двух-трех бродяг и среди них очень толстую женщину. Ему показалось, что он уже где-то видел ее.

— Как это произошло? Он бросился в воду?

— Вот уж не думаю, мосье! Если б он сам бросился в воду, то что же делали здесь тогда те двое?

— В котором часу это было? Где вы находились в это время? Расскажите нам подробно обо всем, что случилось в течение вечера. Вы стали на якорь у набережной незадолго до наступления темноты?

— Точно.

— Вы заметили под мостом бродягу?

— Да разве их замечаешь? Они почти всегда там торчат.

— Что вы делали потом?

— Поужинали — Хуберт, Аннеке и я.

— Кто такой Хуберт?

— Мой брат. Он работает со мной. Аннеке — моя жена, ее имя Анна, а по-нашему — Аннеке.

— А потом?

— Мой брат принарядился и пошел на танцы. Годы такие, верно?

— Сколько ему?

— Двадцать два.

— Сейчас он здесь?

— Пошел за продуктами, скоро вернется.

— Что вы делали после ужина?

— Занялся двигателем и сразу же заметил утечку масла. А поскольку я хотел отчалить сегодня утром, вот и пришлось взяться за починку.

Фламандец подозрительно оглядывал их, одного за другим, как человек, не привыкший иметь дело с правосудием.

— В котором часу вы окончили вашу работу?

— Вчера я не успел и доделал утром.

— Где вы находились, когда услыхали крики?

Жеф почесал голову, глядя на просторную, надраенную до глянца палубу.

— Сперва я поднялся сюда, чтобы выкурить папиросу и посмотреть, спит ли Аннеке.

— В котором часу?

— Около десяти, точно не помню.

— Она спала?

— Да, мосье. И малышка тоже. Дочурка иногда плачет ночью: у нее режутся первые зубки...

— Потом вы снова спустились к двигателю?

— Совершенно верно.

— В рубке было темно?

— Да, мосье, ведь жена спала.

— На палубе тоже было темно?

— Конечно.

— Ну, а потом?

— Прошло порядочно времени, потом я услыхал звук мотора — будто неподалеку затормозила машина...

— И вы не вышли взглянуть?

— Нет, мосье. Да и зачем?

— Ну, а дальше...

— Немного погодя слышу — бух!

— Как если бы кто-нибудь упал в воду?

— Да, мосье.

— И тогда?

— Я поднялся по трапу и высунулся из люка.

— И что же вы увидели?

— Двух человек, которые бежали к машине...

— Так там стояла машина?

— Да, мосье, красная машина, марки «Пежо-403».

— Неужели было так светло, что вы могли ее рассмотреть?

— Там, как раз над стеной, на набережной, стоит фонарь.

— Как выглядели эти двое?

— Тот, что пониже ростом,— широкоплечий, в светлом дождевике.

— А другой?

— Мне не удалось хорошенько его разглядеть, потому что он первым сел в машину и сразу же включил мотор.

— Вы не запомнили номерной знак?

— Какой знак?

— Номер, обозначенный на табличке?

— Помню только, что там было две девятки и кончался он на семьдесят пять...

— Когда вы услышали крики?

— Как только машина тронулась с места.

— Иначе говоря, прошло некоторое время, прежде чем человек, которого бросили в воду, стал кричать? В противном случае вы, наверно, услышали бы его крики раньше?

— Думаю, что так, мосье. Ведь ночью тише, чем днем.

— А который был час?

— За полночь.

— Вы не заметили кого-нибудь на мосту?

— Я не смотрел вверх.

На набережной, как раз над стеной, начали останавливаться прохожие, с интересом наблюдая за этими людьми, что-то обсуждавшими с хозяином баржи. Мегрэ показалось, что бродяги тоже подошли ближе. Кран попрежнему черпал песок из трюма «Пуату» и ссыпал его в грузовики, подъезжавшие один за другим.

— Он громко кричал?

— Да, мосье.

— А как он кричал? Звал на помощь, что ли?..

— Просто кричал... Потом крики стихли...

— Что же вы сделали?

— Спрыгнул в ялик и отвязал его...

— Вам удалось сразу же разглядеть тонущего?

— Нет, мосье, не сразу. Хозяин «Пуату», должно быть, тоже услышал крики: он бежал по палубе и пытался зацепить что-то багром...

— Продолжайте.

Фламандец, как было видно, старался изо всех сил, рассказывая о происшедшем, но давалось это ему не легко — недаром на лбу у него проступили бусинки пота.

— Вы все время видели тонущего?

— То видел, то не видел.

— Потому что тело скрывалось под водой?

— Да, мосье, и его уносило течением.

— Так же, как и ваш ялик?

— Да, мосье... Сосед спрыгнул в него...

— Владелец «Пуату»?

Жеф вздохнул, очевидно подумав, что собеседники его не слишком понятливы. Для него-то все было очень просто, и, вероятно, он не в первый раз переживал подобные происшествия.

— И вы вдвоем вытащили его из воды?

— Да.

— В каком он был состоянии?

— Глаза у него были открыты... В ялике его начало рвать...

— Он ничего не говорил?

— Нет, мосье.

— Он казался испуганным?

— Нет, мосье.

— А как он выглядел?

— Да никак. Он лежал неподвижно, а вода все лилась и лилась изо рта...

— Глаза у него все время были открыты?

— Да, мосье, я уже думал, что он умер.

— Вы звали на помощь?

— Нет, мосье. Звал не я...

— Ваш приятель с «Пуату»?

— Нет. Нас окликнули с моста.

— Значит, кто-то был на мосту Мари?

— В ту минуту — да. Он спросил нас, не утонул ли кто. Я подтвердил. Тогда он крикнул, что сейчас сообщит полиции.

— И он это сделал?

— Да. Немного погодя на велосипедах приехали два ажана.

— Дождь уже шел?

— Гроза началась как раз в то время, когда мы втаскивали этого человека на палубу.

— Вашего судна?

— Да.

— Ваша жена проснулась?

— В рубке горел свет. Аннеке набросила на себя пальто и смотрела на нас.

— Когда вы обнаружили кровь?

— Когда его положили возле руля; она текла из трещины в голове.

— Из трещины?

— Ну, из дырки... Я не знаю, как вы это называете...

— Полицейские приехали сразу?

— Почти сразу.

— А прохожий, который их вызвал?

— Больше я его не видал.

— Вам не известно, кто он?

— Нет, мосье.

В это солнечное утро нелегко было представить себе ночную сцену, о которой Жеф ван Гут рассказывал так подробно, тщательно подбирая слова, словно переводя их с фламандского.

— Вам, конечно, известно, что бродягу ударили по голове, а потом уже бросили в воду?

— Так сказал доктор. Ведь один из полицейских сам сбегал за доктором. Потом приехала «скорая помощь». Когда раненого увезли, мне пришлось вымыть палубу— там натекла здоровенная лужа крови...

— Что же, по-вашему, произошло?

— Не знаю, мосье.

— Вы сказали полицейским...

— Сказал то, что думал. Разве я поступил не так?

— Что же вы им сказали?

— Этот малый, наверно, спал под мостом.

— Но вы прежде его не видели?

— Что-то не помню... Под мостами всегда спят люди...

— Прекрасно. Продолжайте. Значит, подъехала машина...

— Да, да, красная машина. Вот в этом-то я уверен!

— Она остановилась недалеко от вашей баржи?

Жеф кивнул и указал рукой на берег.

— Мотор у нее работал?

На сей раз речник отрицательно мотнул головой.

— Итак, вы услышали шаги?

— Да, мосье.

— Шаги двух человек?

— Я увидел двоих мужчин, они возвращались к машине...

— А когда они подъезжали к мосту, вы их не видели?

— В то время я возился внизу с мотором.

— Значит, эти двое, из которых один был в светлом дождевике, очевидно, оглушили спящего бродягу и бросили в Сену. Так?

— Когда я поднялся на палубу, он был уже в воде...

— В медицинском заключении говорится, что потерпевший не мог так поранить голову при падении в воду... даже если бы случайно стукнулся головой о камни...

Ван Гут смотрел на них с таким видом, будто хотел сказать, что уж это его никак не касается.

— Вы не возражаете, что мы допросим вашу жену?

— Я не против, чтоб вы потолковали с Аннеке, но она все равно вас не поймет, потому что говорит только по-фламандски...

Помощник прокурора взглянул на Мегрэ, как бы спрашивая, нет ли у него вопросов. Комиссар отрицательно покачал головой. Если у него и возникли кое-какие вопросы, то он задаст их позже, когда господа из прокуратуры покинут баржу.

— Мы скоро сможем двинуться дальше? — спросил речник.

— Как только подпишете свои показания и сообщите нам, куда вы направляетесь.

— В Руан.

— Вам придется и в дальнейшем держать нас в курсе вашего местонахождения. Мой секретарь принесет вам бумаги для подписи.

— А когда?..

— Наверно, после полудня.

Подобный ответ явно не удовлетворил Жефа ван Гута.

— Кстати, в котором часу ваш брат возвратился на судно?

— Почти сразу после отъезда «скорой помощи».

— Благодарю вас.

Жеф ван Гут снова помог господину Паррену и его спутникам перейти по узкой доске, и маленькая группа направилась к мосту. Бродяги, стоявшие у баржи, отошли на несколько шагов.

— Что вы думаете об этом деле, Мегрэ?

— Думаю, что все это выглядит очень странно. Не часто бездомный бродяга подвергается нападению...

Под сводами моста Мари, как раз у каменной стены, прилепилось некое сооружение, которое можно было бы назвать собачьей конурой. Бесформенное и полуразвалившееся, оно тем не менее на какое-то время служило жильем человеческому существу.

Заметив, что господин Паррен застыл от изумления, Мегрэ усмехнулся и, не выдержав, сказал:

— Такие же конуры существуют под всеми парижскими мостами. Одну из них можете увидеть напротив здания Сыскной полиции.

— И полиция ничего не предпринимает?

— Если полиция их уничтожит, они вырастут снова, только подальше...

Это причудливое логово сооружалось, как правило, из старых ящиков и кусков брезента. Размеры его были рассчитаны на то, чтобы там, скорчившись, мог разместиться лишь один-единственный человек. От соломы, рваных одеял, старых газет, разбросанных по земле, шел такой тяжелый дух, что никакие сквозняки не могли выветрить его.

Господин Паррен поостерегся дотрагиваться до вещей пострадавшего, и Мегрэ пришлось самому бегло осмотреть весь этот хлам.

Жестяной цилиндр с дырками и решеткой заменял плиту. В нем еще лежала сероватая зола. Тут же валялись куски бог знает где подобранного древесного угля. Разворошив подстилку, комиссар обнаружил своеобразный клад: две черствые горбушки хлеба, огрызок чесночной колбасы, а рядом, в углу,— книги, заглавия которых он вполголоса прочел:

— «Мудрость» Верлена, «Надгробные речи» Боссюэ...

Мегрэ поднял с земли какой-то журнал, который, должно быть, долго валялся под дождем и был извлечен

из мусорного ящика. Оказалось, что это старый номер «Медицинского вестника».

И, наконец, половина книги — вторая часть «Записок с острова Святой Елены».

Судья Данцигер казался не меньше озадаченным, чем представитель прокуратуры.

— Странный подбор книг,— заметил судья.

— Он мог ведь быть и случайным,— высказал свое мнение Мегрэ.

Там же, под дырявым одеялом, комиссар нашел кой-какую одежду: серый, весь в заплатах свитер с пятнами краски, вероятно принадлежавший какому-нибудь художнику; брюки из желтоватого тика; войлочные домашние туфли с протертыми подошвами; пять непарных носков. И, наконец, ножницы с отломанным острием.

— Этот человек умер? — спросил помощник прокурора, по-прежнему держась на почтительном расстоянии, словно боялся набраться блох.

— Час назад, когда я звонил в больницу, он был еще жив.

— Что же, его надеются спасти?

— Пытаются... У бедняги проломлен череп, и, кроме того, врачи опасаются, как бы он не заболел воспалением легких.

Мегрэ машинально катал взад и вперед сломанную детскую коляску — наверно, бродяга брал ее с собой, когда ходил рыться в мусорных ящиках. Обернувшись к группке оборванцев, внимательно следивших за ним, комиссар оглядел их одного за другим. Кое-кто из них сразу же отвернулся. На лицах остальных было написано тупое равнодушие.

— Эй, подойди-ка сюда!..— подозвал он женщину, поманив ее пальцем.

Если бы все это происходило лет тридцать назад, когда Мегрэ служил еще в отделе охраны уличного порядка, он мог бы назвать по имени каждого из этих людей, ибо в то время лично знал большинство парижских бродяг.

Впрочем, с тех пор они почти не изменились. Разве только число их заметно поубавилось.

— Где ты ночуешь?

Женщина улыбнулась, будто желая задобрить его.

— Вон там,— ответила она, указав на мост Луи-Филиппа.

— Ты знаешь человека, которого ночью вытащили из воды?

Лицо у нее было отекшее, изо рта несло винным перегаром. Сложив руки на животе, женщина кивнула.

— Наши звали его Тубибом [1].

— Почему?

— А он из ученых. Говорят, и вправду был раньше врачом.

— Давно он живет под мостами?

— Уже несколько лет.

— Сколько?

— Не знаю... Я давно потеряла счет годам...

Сказав это, она рассмеялась и отбросила с лица седую прядь. Когда она молчала, ей можно было дать лет шестьдесят, но стоило ей заговорить, как сразу же обнажалась почти беззубая челюсть, и толстуха казалась

[1] Тубиб — от арабского «тебиб» — ученый; в разговорном французском языке — врач.

много старше. Однако в глазах ее по-прежнему таилась усмешка, и время от времени она оборачивалась к остальным бродягам, как бы призывая их в свидетели.

— Разве не так? — спрашивала она у них.

Они смущенно кивали в ответ, чувствуя себя неловко в присутствии комиссара и всех этих хорошо одетых господ.

— Он всегда ночевал под этим мостом?

— Не всегда... Я встречала его и под Новым мостом, а еще раньше — на набережной Берси...

— А на Центральном рынке? — Мегрэ прекрасно знал, что многие бедняки проводят ночи именно там.

— Нет,— ответила женщина.

— Случалось тебе встречать его у мусорных ящиков?

— Очень редко. Чаще всего он нанимался в ходячие рекламы.

— А что тебе еще известно о нем?

— Больше ничего...

— Он когда-нибудь разговаривал с тобой?

— А как же! Ведь это я иногда подстригала ему волосы. Нужно помогать друг другу!

— Он много пил?

Мегрэ понимал бессмысленность этого вопроса: пили почти все бродяги.

— Не больше других.

— Много?

— Пьяным я его никогда не видала. А вот уж про меня этого не скажешь! — И она засмеялась.— Представьте себе, я вас знаю и помню, что вы не злой. Как-то раз вы меня допрашивали у себя в кабинете... Давно это было, может, лет двадцать назад, когда я еще работала у ворот Сен-Дени...

— Ты ничего не слыхала прошлой ночью?

Она показала рукой на мост Луи-Филиппа, чтобы подчеркнуть расстояние, которое отделяло его от моста Мари.

— Слишком далеко...

— И ты ничего не видела?

— Видела только фары машины... Я подошла поближе — правда, не очень — боялась, как бы меня в нее не упрятали,— и разглядела, что это была «скорая помощь»...

— Ну, а вы что-нибудь видели? — обратился Мегрэ к трем другим бродягам.

Они испуганно замотали головами.

— А не пройти ли нам к хозяину «Пуату»? — предложил помощник прокурора, очевидно желая поскорее покончить с этим делом.

Речник с «Пуату», совсем не похожий на фламандца, уже поджидал их. Вместе с ним на борту «Пуату» тоже жили жена и дети, хотя баржа принадлежала не ему. Она почти всегда ходила лишь от песчаных карьеров Верхней Сены до Парижа. Речника звали Жюстен Гуле. Этому самому Жюстену Гуле — низкорослому, с плутоватыми глазками и прилипшей к губе потухшей сигаретой — можно было дать лет сорок пять.

Из-за грохота крана, продолжавшего разгружать песок, приходилось говорить очень громко.

— Вот ведь занятно! — хмыкнул Гуле.

— Что занятно?

— Да то, что нашлись люди, которые не поленились грахнуть бродягу и швырнуть его в воду.

— Вы их видели?

— Я ровно ничего не видел.

— Где вы находились?

— Когда кокнули этого малого? У себя в постели.

— Что же вы слышали?

— Слышал, как кто-то завопил.

— А шума машины не слышали?

— Может, и слышал. Наверху, по набережной, вечно мчатся машины, так что на это я не обратил внимания.

— Вы поднялись на палубу?

— Ну да... Как был — в пижаме, даже штаны не успел натянуть.

— А ваша жена?

— Она спросонья спросила: «Куда ты?»

— Что вы увидели с палубы?

— А ничего... Как всегда, в Сене крутились воронки. Я крикнул: «Э-эй!», чтобы малый ответил, и я бы знал, с какой стороны он барахтается.

— А где в это время находился Жеф ван Гут?

— Фламандец-то? Я вскоре разглядел его на палубе баржи... Он как раз отвязывал свой ялик... Когда течение проносило его мимо меня, я спрыгнул в лодку... Мы уви-

дели того самого малого — он то всплывал, то исчезал... Фламандец попытался зацепить его багром...

— С большим железным крюком на конце?

— Как и все багры.

— А не могли вы разбить ему голову, когда пытались зацепить багром?

— Ну нет!.. В конце концов, мы все-таки зацепили его за штанину. Я сразу нагнулся и схватил его за ногу.

— Он был без сознания?

— Глаза у него были открыты.

— Он ничего не сказал?

— Его рвало водой... Потом на барже у фламандца мы заметили, что бедняга весь в крови.

— Полагаю, что на этом можно и закончить,— вполголоса буркнул господин Паррен. Вся эта история мало интересовала его.

— Хорошо. Я займусь остальным,— сказал Мегрэ.

— Вы пойдете в больницу?

— Да, собираюсь. Врачи говорят, что пройдет несколько часов, прежде чем он сможет говорить.

— Держите меня в курсе.

— Непременно.

Когда они снова проходили под мостом Мари, Мегрэ сказал Лапуэнту:

— Позвони в районный комиссариат, пусть пришлют человека.

— А где я вас найду, шеф?

— Здесь.

И Мегрэ сухо попрощался с представителями прокуратуры.

ГЛАВА II

— Они из суда? — спросила толстуха, глядя вслед трем уходящим мужчинам.

— Из прокуратуры,— поправил Мегрэ.

— А разве это не одно и то же? — И, тихонько присвистнув, она продолжала: — Подумать только! Носятся с ним как с писаной торбой! Значит, он и вправду тубиб?

Этого Мегрэ еще не знал. И, казалось, вовсе не спешил узнать. Он все никак не мог избавиться от стран-

ного ощущения, будто все это он давным-давно пережил. Лапуэнт поднялся на набережную и исчез из виду. Помощник прокурора в сопровождении коротышки-судьи и секретаря осторожно взбирался по откосу, внимательно глядя себе под ноги: не дай бог, еще испачкаешь ботинки!

Черно-белый «Зваарте Зваан», позолоченный солнцем, казался таким же чистеньким снаружи, каким, наверно, был и внутри. Высоченный фламандец стоял у рулевого колеса и посматривал в сторону Мегрэ, а жена его, такая маленькая, больше похожая на девочку, со светлыми, почти белыми волосами, склонилась над люлькой младенца и меняла под ним пеленку.

Несмотря на неумолчный шум машин, мчащихся по набережной Селестэн, несмотря на скрежет крана, разгружавшего песок с «Пуату», было хорошо слышно, как щебечут птицы, как плещутся волны Сены.

Трое бродяг все еще держались поодаль, и только толстуха пошла за комиссаром под мост. Ее полинявшая, некогда красная кофта напоминала теперь обсосанный розовый леденец.

— Как тебя звать?

— Леа. Обычно меня зовут «толстуха Леа».

Это показалось ей очень смешным, и она опять расхохоталась.

— Где ты ночевала прошлую ночь?

— Я вам уже говорила.

— С тобой кто-нибудь был?

— Только Дедэ, вон тот низенький, он сейчас повернулся к вам спиной.

— Дедэ твой друг?

— Все они мои друзья.

— Ты всегда ночуешь под этим мостом?

— Иногда я меняю квартиру. А что вы здесь ищете?

Мегрэ и вправду что-то искал. Он снова нагнулся над кучей хлама, составлявшего имущество Тубиба. Теперь, когда помощник прокурора и его спутники ушли, он чувствовал себя свободнее. Мегрэ не торопился. Он вытащил из-под тряпья таганок, сковороду, ложку и вилку. Потом примерил очки в металлической оправе, с треснувшим стеклом. Все затуманилось у него перед глазами.

— Тубиб надевал их только для чтения,— пояснила толстуха Леа.

— Непонятно,— начал Мегрэ, глядя на нее в упор,— почему я не нахожу...

Женщина не дала ему кончить. Она отошла на несколько шагов от конуры и вытащила из-за большого камня бутылку, в которой еще оставалось пол-литра фиолетового вина.

— Ты пила его?

— Да, я хотела прикончить. Пока Тубиб вернется, оно все равно прокиснет.

— Когда ты брала бутылку?

— Ночью, после того как его увезла «скорая помощь».

— Больше ни к чему не прикасалась?

Леа с серьезным видом сплюнула на землю.

— Клянусь!

Мегрэ поверил. Он по опыту знал, что бродяги никогда не крадут друг у друга. Да и вообще редко крадут не только потому, что их могут сразу же схватить, но в силу какого-то безразличия ко всему на свете.

Напротив, на острове Сен-Луи, были настежь распахнуты окна уютных квартир, и в одном из них видна была женщина, расчесывавшая волосы перед зеркалом.

— Ты знаешь, у кого он покупал вино?

— Я несколько раз видела, как он выходил из бистро на улице Аве-Мария... Это недалеко отсюда, на углу улицы Жардэн...

— А как относился Тубиб к другим?

Желая угодить комиссару и ответить поточнее, толстуха задумалась.

— Право, не знаю... Он мало отличался от них...

— Он не рассказывал о своей жизни?

— У нас об этом никто не говорит. Разве что когда изрядно налакаются...

— А ему случалось напиваться?

— По-настоящему — ни разу.

Из-под кипы старых газет — они, видимо, служили бродяге своего рода одеялом — Мегрэ извлек вдруг раскрашенную деревянную лошадку со сломанной ногой. Но это его нисколько не удивило. Как, впрочем, и толстуху.

Какой-то человек, обутый в эспадрильи [1], легко и бесшумно спустился по откосу и подошел к барже фламандца. В каждой руке он держал по сетке с провизией, откуда торчали два больших батона и перья зеленого лука.

Судя по всему, это был брат фламандца, очень похожий на Жефа ван Гута, только помоложе и посимпатичнее. На нем были синие полотняные брюки и свитер в белую полоску. Поднявшись на палубу, он перекинулся парой слов с братом, потом посмотрел в сторону комиссара.

— Не трогай здесь ничего! А сама ты можешь мне еще понадобиться. Если узнаешь что-нибудь... приходи,— сказал комиссар толстухе Леа.

— Неужто такая, как я, пойдет в ваше заведение? — опять рассмеялась она.— Можно прикончить ее? — спросила она, показав на бутылку.

Мегрэ кивнул в ответ и пошел навстречу Лапуэнту, возвращавшемуся в сопровождении полицейского. Комиссар приказал ему до прихода эксперта охранять груду старья, составлявшего имущество Тубиба. Потом в сопровождении Лапуэнта направился к «Звааарте Звааан».

— Вас зовут Хуберт ван Гут?

Куда молчаливее, а может, и подозрительнее, чем брат, юноша ограничился кивком головы.

— Вчера вечером вы ходили на танцы?

— А что в этом плохого?

Акцент у него был меньше заметен. Разговаривая с ним, Мегрэ и Лапуэнту, стоявшим на набережной, приходилось высоко закидывать голову.

— Где же это вы были?

— Возле площади Бастилии. Там есть такая узенькая улочка и на ней с полдюжины кабаков. Я был у «Леона».

— Вы туда и раньше захаживали?

— Не раз...

— Значит, вам ничего не известно о том, что случилось ночью?

— Лишь то, что мне рассказал брат.

Из медной трубы на палубу валил дым. Женщина с

[1] Эспадри́льи — холщовые туфли на веревочной подошве.

ребенком уже спустилась вниз, в каюту, откуда до комиссара и инспектора доносился аппетитный запах еды.

— Когда мы сможем отчалить? — спросил молодой человек.

— Наверное, после полудня, как только судья пришлет вашему брату на подпись протокол допроса.

У Хуберта ван Гута, аккуратного, тщательно причесанного, была, как и у брата, розоватая кожа и очень светлые волосы.

Немного погодя Мегрэ и Лапуэнт пересекли набережную Селестэн и на углу улицы Аве-Мария увидели бистро «Маленький Турин». На пороге стоял хозяин в жилете. Внутри никого не было.

— Можно войти?

Хозяин посторонился, удивившись, что его бистро привлекло таких посетителей. Оно было крохотное: стойка да три столика — вот и все. Стены были ярко-зеленые. С потолка свисали окорока, болонские колбасы, странные желтоватые сыры, с виду похожие на раздутые бурдюки с вином.

— Что пожелаете?

— Вина.

— Кьянти?

На полках стояли оплетенные бутыли, но хозяин не прикоснулся к ним, а достал из-под прилавка бутылку и наполнил стаканы, не сводя любопытных глаз с гостей.

— Вы знаете бродягу, по прозвищу Тубиб?

— Как он там? Надеюсь, жив?

Здесь звучал уже не фламандский, а итальянский акцент и вместо флегматичного Жефа ван Гута и его брата — экспансивный хозяин бистро.

— Вы в курсе дела? — спросил Мегрэ.

— Слыхал, что с ним ночью что-то случилось.

— Кто вам сказал об этом?

— Какой-то бродяга утром.

— Что же он вам сказал?

— Что возле моста Мари была потасовка и за Тубибом приехала «скорая помощь».

— И все?

— Кажется, речники вытащили его из воды.

— Тубиб у вас покупал вино?

— Частенько.

— Он много пил?

— Около двух литров в день... Конечно, когда у него водились деньжонки...

— А как он их зарабатывал?

— Как все они — подсоблял на Центральном рынке или в другом месте... Иногда разгуливал по улицам с рекламными щитами. Тубибу я охотно давал в долг.

— Почему?

— Потому что он был не простой бродяга, как другие... Он спас мою жену.

Хозяйка бистро, почти такая же толстая, как Леа, но очень подвижная, суетилась рядом на кухне.

— Ты это про меня?

— Я тут рассказываю, как Тубиб...

Она вошла в зал, вытирая руки о передник.

— Так это правда, что его хотели убить? Вы из полиции? Как вы думаете, он выкарабкается?

— Пока еще неизвестно,— уклончиво ответил комиссар.— А от чего он вас спас?

— Ах, если б вы меня видели два года назад, вы б меня не узнали. Я была вся в экземе. Лицо красное, как кусок говядины на прилавке мясника... И не видно было конца этой болезни. В диспансере меня лечили самыми разными средствами, прописывали всякие мази, от которых так омерзительно пахло, что я сама себе опротивела... Ничего не помогало... Мне даже запрещали есть, но у меня и аппетита-то не было... Делали мне еще уколы...

Слушая ее, муж согласно кивал головой.

— Как-то днем Тубиб сидел вон в том углу возле двери, а я жаловалась на свою хворь зеленщице. И тут я почувствовала, что он как-то странно смотрит на меня... А потом вдруг мне и говорит, да так просто, будто заказывает стакан вина: «Пожалуй, я сумею вас вылечить». Я спросила, правда ли, что он доктор. Тубиб улыбнулся и тихо ответил: «Меня никто не лишал права заниматься врачебной практикой».

— Он выписал вам рецепт?

— Нет. Только попросил немножко денег — насколько я помню, двести франков — и сам сходил за порошками к аптекарю. «Будете растворять по одному порошку в теплой воде и пить перед каждым приемом пищи.

Утром и вечером умывайтесь очень соленой водой». Хотите верьте, хотите нет, но через два месяца кожа у меня стала такой же гладкой, как теперь.

— Тубиб лечил еще кого-нибудь, кроме вас?

— Не знаю. Ведь разговорчивым его не назовешь...

— Он приходил к вам каждый день?

— Почти каждый день... и покупал свои два литра вина.

— Он всегда был один? Вам никогда не приходилось видеть его в обществе неизвестных людей?

— Нет...

— Он не называл вам своей фамилии, не говорил, где раньше жил?

— Знаю только, что у него была дочь. У нас тоже есть дочка, сейчас она в школе... Как-то она принялась разглядывать Тубиба, он ей и сказал: «Не бойся... У меня тоже была маленькая девочка».

Лапуэнт, должно быть, только удивлялся: почему это Мегрэ вдруг заинтересовался историей какого-то бродяги? В газетах, в отделе происшествий, ей отведут всего несколько строк, не больше.

Но Лапуэнт не знал — он был еще слишком молод,— что за всю свою служебную карьеру Мегрэ впервые пришлось иметь дело с покушением на жизнь бродяги.

— Сколько с меня?

— Не выпьете ли еще стаканчик — за здоровье бедного Тубиба?

Они выпили еще по стакану кьянти — на сей раз угощал хозяин.

Миновав мост Мари, Мегрэ и Лапуэнт вскоре вошли под серые своды больницы. Там им пришлось вести долгие переговоры с неуступчивой женщиной, восседавшей в регистратуре.

— Вы не знаете его фамилии?

— Мне известно лишь, что на набережных его звали Тубиб и что сюда его доставили прошлой ночью.

— Прошлой ночью дежурила не я. В какое отделение его поместили?

— Не знаю... Я говорил по телефону с одним из практикантов. Он не сказал мне, будут его оперировать или нет.

— Как фамилия практиканта?

Регистраторша несколько раз перелистала книгу записей и позвонила куда-то по телефону.

— А кго вы будете?

— Комиссар Мегрэ.

Ясно было, что это имя ничего ей не говорит, и она повторила в трубку:

— Комиссар Мегрэ...

Прошло не меньше десяти минут, пока она, словно оказывая ему великую услугу, со вздохом произнесла:

— Пройдите по лестнице «С». Поднимитесь на четвертый этаж. Там вы найдете старшую сестру.

По пути Мегрэ и Лапуэнту встречались санитары, молодые врачи, больные в халатах, а через открытые двери палат виднелись ряды коек.

На четвертом этаже им снова пришлось ждать; старшая сестра раздраженно разговаривала с двумя мужчинами, которые тщетно старались ее в чем-то убедить.

— Ничего не могу сделать,— бросила она напоследок.— Обращайтесь к администрации, не я устанавливаю порядки.

Мужчины удалились, проворчав сквозь зубы что-то нелестное. Старшая сестра повернулась к Мегрэ:

— Вы по поводу бродяги?

— Комиссар Мегрэ,— представился тот.

Сестра тщетно пыталась вспомнить, кто это, но и ей имя комиссара ничего не говорило. Здесь был совсем другой мир — мир занумерованных кабинетов, разделенных перегородками отделений, коек, расставленных рядами в просторных палатах, и в ногах каждой койки — дощечка с начертанными на ней таинственными знаками.

— Как он себя чувствует?

— Если я не ошибаюсь, его как раз сейчас осматривает профессор Маньéн.

— Его оперировали?

— Кто вам сказал про операцию?

— Не помню... Я полагал...

Здесь, в этой больнице, Мегрэ чувствовал себя явно не в своей тарелке и даже как-то робел.

— Под какой фамилией он у вас значится?

— Под той, что стоит в его удостоверении личности.

— Оно хранится у вас?

— Могу вам его показать.

Сестра зашла в маленький кабинетик за стеклянной перегородкой в конце коридора и тотчас вернулась, неся засаленное удостоверение личности, еще влажное после пребывания в водах Сены.

Фамилия — Келлер.

Имя — Франсуа Марн Флорантен.

Профессия — тряпичник.

Место рождения — Мюлуз, Нижний Рейн.

Согласно документу, Келлеру минуло шестьдесят три года и проживал он в Париже в меблированных комнатах на площади Мобер. Мегрэ хорошо знал эти номера: они служили официальным местом жительства многих бродяг.

— Он пришел в сознание?

Сестра хотела было забрать удостоверение, но комиссар положил его к себе в карман, и она недовольно проворчала:

— Это не положено. По правилам...

— Келлер лежит в отдельной палате?

— С какой стати?

— Проводите меня к нему.

Сначала она заколебалась, но в конце концов уступила.

— Вам все равно придется договариваться с профессором.

Пройдя впереди Мегрэ и Лапуэнта, сестра распахнула дверь, за которой виднелись два ряда коек, занятых больными. Большинство из них лежало неподвижно, с открытыми глазами, а двое или трое в больничных халатах стояли в глубине комнаты и о чем-то потихоньку толковали.

Возле одной из коек, как раз посреди палаты, десяток юношей и девушек, одетых в белые халаты и шапочки, окружили коренастого человека с подстриженными бобриком волосами. Он тоже был в белом халате и, судя по всему, проводил с ними занятия.

— Сейчас профессору нельзя мешать. Как видите, он занят,— заметила сестра.

Однако подошла к нему и прошептала несколько слов на ухо. Профессор взглянул на Мегрэ и продолжал что-то объяснять студентам.

— Профессор освободится через несколько минут,—

сказала сестра.— Он просит вас подождать у него в кабинете.

И она провела их в маленькую комнату, где стояло всего два стула. На письменном столе в серебряной рамке — фотография женщины с тремя детьми, склонившимися друг к другу.

Мегрэ поколебался, потом выбил трубку прямо в пепельницу, полную сигаретных окурков, и снова ее набил.

— Простите, что заставил вас ждать, господин комиссар. Когда сестра доложила мне о вас, я был несколько озадачен... В конце концов...

Неужели и он тоже скажет: «Ведь это всего лишь бродяга»? Нет, не может быть!

— ...в конце концов, дело весьма обычное, не так ли? — докончил профессор.

— Пока я и сам почти ничего не знаю и надеюсь, что как раз вы прольете свет на это дело.

— Что ж, пробит череп, к счастью — без сопутствующих трещин. Мой ассистент, должно быть, уже сказал вам об этом утром по телефону.

— Тогда еще не было результатов рентгена.

— Теперь снимок сделан... Возможно, потерпевший выкарабкается, поскольку мозг, кажется, не задет.

— Мог ли этот пролом явиться результатом падения и удара о камни набережной?

— Ни в коем случае. Ему был нанесен сильный удар каким-то тяжелым предметом... ну, скажем, молотком или гаечным ключом...

— И от этого он потерял сознание?

— Бесспорно... И в результате сейчас находится в коматозном[1] состоянии... Кстати, он может пробыть в нем несколько дней, а может и в любую минуту прийти в себя...

Перед мысленным взором Мегрэ возник крутой берег Сены, конура Тубиба, грязная вода, плескавшаяся в нескольких метрах от него, и почему-то вдруг вспомнилось, что́ говорил фламандец.

— Простите, что я возвращаюсь к этому вопросу. Вы говорите, что ему нанесли удар по голове. Один удар?

---

[1] В коматозном — в бессознательном состоянии.

— А почему вы об этом спрашиваете?

— Это может иметь значение для следствия.

— Сначала я подумал, что ударов было несколько.

— Почему?

— Потому что у него разорвано ухо и на лице имеется несколько неглубоких ссадин. Теперь же, когда больного обрили, я осмотрел его более тщательно.

— И пришли к выводу?..

— Простите, где это произошло?

— Под мостом Мари.

— Была драка?

— Кажется, нет. Говорят, на потерпевшего напали ночью, во время сна. Как вы думаете, это правдоподобно?

— Вполне.

— И вы полагаете, что он сразу потерял сознание?

— Я в этом почти убежден. А теперь, после того что вы мне рассказали, мне понятно, почему у него разорвано ухо и лицо в царапинах. Его вытащили из воды, не так ли? Эти второстепенные ранения доказывают, что беднягу не несли, а волокли по камням набережной. Там есть песок?

— В нескольких метрах от этого места разгружают баржу с песком.

— Я обнаружил песчинки в ране.

— Значит, по-вашему, Тубиб...

— Как вы сказали? — удивился профессор.

— Так его зовут на набережных. Не исключено, что когда-то он был врачом.

И вдобавок первым врачом, которого комиссар за тридцать лет своей деятельности обнаружил под мостом Сены. Правда, в свое время Мегрэ как-то набрел там на бывшего преподавателя химии из провинциального лицея, а несколько лет спустя — на женщину, которая в прошлом была известной цирковой наездницей.

— Возможно ли, с медицинской точки зрения, чтобы человек, в бессознательном состоянии сброшенный в реку, сразу же очнулся от холодной воды и закричал? — спросил Мегрэ.

Профессор почесал затылок.

— Хм... вы многого от меня требуете. Мне не хотелось бы утверждать безоговорочно... но я не вижу в

этом ничего невозможного. Под воздействием холодной воды...

— Он мог прийти в себя?

— Не обязательно. Бывает, что в коматозном состоянии больные что-то говорят и мечутся. Не исключено...

— Во время вашего осмотра он не сказал ни слова?

— Несколько раз простонал.

— Когда его вытащили из воды, у него якобы были открыты глаза...

— Это ничего не доказывает. Полагаю, вы хотели бы на него взглянуть? Пойдемте со мной.

Профессор Маньен повел полицейских в палату. Старшая сестра удивленно и неодобрительно смотрела на них.

Все больные молча следили за этими неожиданными посетителями, которые, пройдя по палате, остановились у изголовья одной из коек.

— Смотреть тут, собственно, почти не на что! — обронил профессор.

В самом деле, бинты, окутавшие голову и лицо бродяги, оставляли открытыми только глаза, ноздри и рот.

— Сколько шансов, что он выкарабкается?

— Семьдесят из ста, а то и восемьдесят, ибо сердце довольно крепкое.

— Благодарю вас, профессор.

— Вам сообщат, как только он придет в сознание. Оставьте старшей сестре номер своего телефона.

До чего же было приятно снова очутиться на улице, увидеть солнце, прохожих, желтый с красным автобус, что стоял у паперти Собора Парижской богоматери. Из автобуса выходили туристы.

Мегрэ шел молча, заложив руки за спину, и Лапуэнт, чувствуя, что комиссар озабочен, не заговаривал с ним.

Они вошли в здание Сыскной полиции, поднялись по широкой лестнице, казавшейся особенно пыльной при солнечном свете, и, наконец, очутились в кабинете комиссара.

Прежде всего Мегрэ открыл настежь окно и проводил взглядом караван баржей, спускавшихся вниз по течению.

— Нужно послать кого-нибудь сверху осмотреть его вещи.

Наверху размещалась судебно-медицинская экспертиза, различные специалисты, техники, фотографы.

— Лучше всего взять машину и перевезти сюда его пожитки.

Мегрэ отнюдь не боялся, что другие бродяги завладеют вещами Тубиба, но уличные мальчишки могли все растащить.

— Тебе придется пойти в управление мостов и дорог... Думаю, что в Париже не так уж много красных машин «Пежо-403». Перепиши все номера с двумя девятками... Возьми в помощь сколько нужно ребят: пусть они проверят эти машины и их владельцев.

— Ясно, шеф.

Оставшись один, Мегрэ прочистил и набил трубки и взглянул на ворох служебных бумаг, скопившихся на столе.

В такую великолепную погоду ему не хотелось завтракать в кабачке «Дофин», и после недолгого раздумья он отправился домой.

В этот час яркое солнце заливало столовую. На госпоже Мегрэ было платье в розовых цветочках, почему-то напомнившее комиссару розоватую кофту толстухи Леа.

С рассеянным видом он ел телячью печенку, зажаренную в сухарях.

— О чем ты думаешь? — вдруг спросила его жена.

— О бродяге.

— Каком бродяге?

— О бродяге, который когда-то был врачом.

— А что он натворил?

— Насколько мне известно, ничего худого. А вот его, когда он спал под мостом Мари, ударили по голове и потом бросили в Сену.

— Он умер?

— Его вовремя вытащили речники.

— За что же его так?

— Об этом-то я и думаю... Кстати, он родом из тех же мест, что и твой свояк.

Сестра госпожи Мегрэ была замужем за дорожным инженером и жила в Мюлузе. Чета Мегрэ часто ездила к ним в гости.

— Как его зовут?

— Келлер. Франсуа Келлер.
— Странно, что-то знакомая фамилия...
— Она довольно распространена в тех местах.
— А не позвонить ли сестре?

Комиссар пожал плечами. Потом подумал: а почему бы и нет? Правда, сам он мало верил в успех этого предприятия, но знал, что жене приятно будет поговорить с сестрой.

Подав кофе, госпожа Мегрэ вызвала по телефону Мюлуз. Ожидая вызова, она повторяла про себя, словно пытаясь вспомнить:

— Келлер... Франсуа Келлер...

Раздался звонок.

— Алло, алло! Да, да, я заказывала Мюлуз. Это ты, Флоранс? Что? Да, это я. Нет, ничего не случилось... Из Парижа, из дому. Он рядом, пьет кофе. Чувствует себя хорошо... Все в порядке... У нас тоже. Наконец дождались весны... Как дети? Гриппом? Я тоже немножко прихворнула на прошлой неделе. Послушай, я тебе звоню по делу. Ты случайно не помнишь некоего Келлера, Франсуа Келлера? Что? Сейчас узнаю... Сколько ему лет? — повернувшись к мужу, спросила она.

— Шестьдесят три года.

— Шестьдесят три года... Да... Ты его лично не знала? Что ты говоришь?.. Не разъединяйте, барышня... Алло! Да, он был врачом. Добрых полчаса пытаюсь вспомнить, от кого я о нем слышала. Думаешь, от твоего мужа?.. Да, подожди! Я повторю мужу все, что ты сказала, ему ведь не терпится. Этот Келлер женился на девушке, по фамилии Мервиль. Кто такие Мервили? Советник суда? Значит, Келлер женился на дочери советника суда? Ну-ну... Тот умер? Давно? А дальше? Не удивляйся, что я повторяю твои слова, иначе я что-нибудь забуду. Почтенная семья, давно живущая в Мюлузе. Дед был мэром. Плохо слышу... Статуя? Вряд ли это имеет значение. Не беда, если ты в этом не уверена. Алло! Келлер женился на ней. Единственная дочь... На улице Соваж? Молодожены жили на улице Соваж. Чудак? Почему? Ты точно знаешь? Да, да, поняла! Такой же дикий, как и его улица [1].

---

[1] Сова́ж — по-французски «дикий».

Жена смотрела на Мегрэ с таким видом, будто хотела сказать, что делает все от нее зависящее.

— Да, да. Все равно, даже если это и неинтересно. С ним ведь никогда ничего не поймешь... Иной раз какая-нибудь мелочь. Да... В каком году? Значит, прошло почти двадцать лет. Она получила от тетки наследство. А он от нее ушел. Не сразу. Прожил еще с год. У них были дети? Дочь? За кого? Руслэ? Аптекарские товары? Она живет в Париже?

Госпожа Мегрэ повторила мужу:

— У них была дочь, которая вышла замуж за сына Руслэ, фабриканта аптекарских товаров. Они живут в Париже.

Потом снова заговорила в трубку:

— Понимаю... Послушай, постарайся разузнать обо всем подробнее. Да, спасибо! Поцелуй за меня мужа и детей. Звони в любое время, я не выхожу из дому.

В трубке послышался звук поцелуя. Теперь госпожа Мегрэ обратилась к мужу:

— Я была уверена, что слышала эту фамилию. Ты понял? По всей вероятности, это тот самый Франсуа Келлер, что женился на дочери советника суда. Советник умер незадолго до их свадьбы.

— А его жена? — спросил комиссар.

Госпожа Мегрэ пытливо взглянула на мужа: уж не подтрунивает ли он над ней?

— Не знаю. Флоранс ничего не сказала про нее. Лет двадцать тому назад мадам Келлер получила наследство от одной из своих теток. Теперь она очень богата. А доктор всегда слыл чудаком. Ты слушал, что я тебе говорила? По словам сестры, он настоящий дикарь. Семья Келлер переехала из прежнего дома в особняк, неподалеку от собора. Доктор еще год прожил с женой, а потом внезапно исчез. Флоранс сейчас позвонит своим приятельницам — конечно, тем, кто постарше,— чтобы разузнать подробности. А потом мне все сообщит. Тебе же это интересно?

— Мне все интересно,— вздохнул Мегрэ, поднимаясь с кресла, чтобы взять с подставки следующую трубку.

— А тебе не придется поехать в Мюлуз?

— Еще сам не знаю.

— Возьмешь меня с собой?

Они улыбнулись друг другу. Окно было распахнуто настежь. Ярко светило солнце, невольно нагоняя непрошеные мысли об отпуске.

— До вечера... Я запишу все, что сестра мне расскажет. А потом можешь посмеяться над нами...

ГЛАВА III

Юный Лапуэнт, видимо, бегал по Парижу, разыскивая красные машины марки «Пежо-403». Жанвье тоже не было на месте: его вызвали в клинику, и там он беспокойно мерил шагами коридоры, поджидая, когда жена подарит ему четвертого ребенка.

— У тебя срочная работа, Люка?

— Потерпит, шеф!

— Зайди ко мне на минутку.

Он хотел послать его в больницу за вещами Тубиба. Утром Мегрэ как-то не подумал об этом.

— Тебя, конечно, начнут гонять из кабинета в кабинет и ссылаться на разные правила. Поэтому лучше заранее запастись письмом со множеством печатей, чтобы это произвело на них впечатление.

— А кто его подпишет?

— Подпиши сам. Им ведь важны только печати. Мне хотелось бы также получить отпечатки пальцев этого самого Франсуа Келлера... Кстати, не проще ли мне самому позвонить директору больницы?

Откуда-то прилетел воробей, уселся прямо на подоконник и теперь поглядывал на мужчин, расхаживавших по комнате, которая, должно быть, представлялась ему своеобразным человечьим гнездом.

Мегрэ крайне вежливо предупредил директора больницы о том, что к ним зайдет бригадир Люка. Итак, все обошлось как нельзя лучше.

— Никакого письма не нужно! — объявил Мегрэ, вешая трубку.— Тебя немедленно проведут к директору, и он сам будет тебя сопровождать.

Оставшись один, Мегрэ принялся перелистывать телефонный справочник абонентов Парижа.

«Руслэ... Руслэ... Амедэ... Артюр, Алин...»

Там было множество разных Руслэ, но он остановился на фамилии, выделенной жирным шрифтом: «Фармацевтическая лаборатория Рене Руслэ».

Лаборатория находилась в Четырнадцатом округе, неподалеку от Орлеанской заставы. Ниже значился домашний адрес этого Руслэ — бульвар Сюшэ, Шестнадцатый округ.

На часах было половина третьего. Неожиданно налетел порыв ветра, завертел на мостовой клубы пыли, как бы предвещая грозу, но быстро утихомирился, и вот снова по-весеннему засияло солнце.

— Алло! — раздался низкий и приятный женский голос.

— Простите, я хотел бы поговорить с мадам Руслэ.

— Кто говорит?

— Комиссар Мегрэ из Сыскной полиции.

Женщина помолчала, потом спросила:

— А по какому вопросу?

— По личному делу.

— Я мадам Руслэ.

— Вы родились в Мюлузе и ваша девичья фамилия Келлер?

— Да.

— Мне необходимо встретиться с вами как можно скорее. Вы не разрешите заехать к вам?

— Вы хотите сообщить мне что-то неприятное?

— Мне нужно только получить от вас кое-какие сведения.

— Когда вам угодно меня видеть?

— Я могу выехать немедленно...

— Не мешай мне разговаривать, Жанно! — сказала она кому-то, должно быть ребенку.

Чувствовалось, что госпожа Руслэ удивлена, заинтригована, встревожена.

— Я жду вас, господин комиссар. Наша квартира на четвертом этаже.

Мегрэ любил парижские набережные в утренние часы. Вид их всегда пробуждал в нем множество воспоминаний. Особенно было приятно вспоминать о совместных прогулках с госпожой Мегрэ, когда они неторопливо бродили по берегу Сены через весь Париж. Мегрэ нравились также и та спокойная улица, и красивые дома, и зелень

богатых кварталов, куда вез его сейчас в маленьком полицейском автомобиле инспектор Торанс.

— Подняться с вами, шеф?

— Пожалуй, не стоит.

В вестибюль, облицованный белым мрамором, вела двустворчатая дверь из кованого железа и стекла. Просторный лифт поднимался плавно и бесшумно. Мегрэ едва успел нажать кнопку звонка, как дверь отворилась, и лакей в белой куртке почтительно принял из его рук шляпу.

— Пожалуйте сюда!

У порога лежал красный мяч, на ковре валялась кукла, и в приоткрытую дверь комиссар успел заметить няню, уводившую по коридору маленькую девочку в белом. Отворилась другая дверь — должно быть, из будуара, расположенного рядом с гостиной.

— Входите, господин комиссар!

Мегрэ полагал, что госпоже Руслэ должно быть лет тридцать пять. Однако она выглядела куда моложе. Интересная брюнетка в легком летнем костюме. Взгляд столь же приветливый и мягкий, как и голос. Едва слуга затворил за собой дверь, как она обратилась к гостю:

— Садитесь, пожалуйста! С той минуты, как мне позвонили, я не перестаю ломать себе голову...

Вместо того чтобы прямо перейти к цели своего визита, Мегрэ невольно спросил:

— Сколько же у вас детей?

— Четверо: одиннадцати, девяти, семи и трех лет.

Судя по всему, она впервые видела у себя в доме полицейского и теперь смотрела на него во все глаза.

— Вначале я подумала, не случилось ли чего-нибудь с мужем.

— Он в Париже?

— Нет, он на съезде в Брюсселе, и я тотчас же позвонила ему.

— Вы помните своего отца, мадам Руслэ?

Казалось, она немного успокоилась. В комнате повсюду стояли цветы, а через большие окна виднелись деревья Булонского леса.

— Да, я его помню, хотя...

Она замялась.

— Когда вы его видели в последний раз?

— Очень давно... Мне было тогда тринадцать лет...

— Вы еще жили в Мюлузе?

— Да... Я переехала в Париж только после замужества.

— Вы познакомились со своим будущим супругом в Мюлузе?

— Нет, в Ла-Боле, куда мы с мамой ездили каждый год.

Вдруг послышались детские голоса, крики. В коридоре кто-то шлепнулся.

— Извините меня, одну минуту.

Она вышла, прикрыв за собой дверь, и что-то сказала тихо, но довольно решительно.

— Простите, пожалуйста... Дети сегодня не в школе, и я обещала пойти с ними гулять.

— Вы узнали бы вашего отца?

— Думаю, что да.

Мегрэ вытащил из кармана удостоверение личности Тубиба. Судя по дате выдачи документа, снимок был сделан лет пять назад. Это была обычная карточка, отснятая фотоавтоматом, какие стоят в крупных магазинах, на вокзалах или в полицейской префектуре.

Франсуа Келлер не побрился и не приоделся даже ради такого случая. Щеки его заросли густой бородой, которую он, вероятно, время от времени подстригал ножницами. Голова слегка облысела. Взгляд был рассеянный и безразличный.

— Это он?

Держа документ в слегка дрожавшей руке, госпожа Руслэ нагнулась, чтобы лучше его рассмотреть. Вероятно, она была близорука.

— Отец сохранился в моей памяти не таким, но я почти уверена, что это он.

И она еще ниже склонилась над карточкой.

— Вот с лупой я могла бы... Обождите, я сейчас принесу.

Госпожа Руслэ положила удостоверение на столик, вышла из комнаты и через несколько минут вернулась с лупой в руке.

— У отца был маленький, но глубокий шрам над левым глазом. Так и есть... Его довольно трудно различить на такой фотографии, но все же вот он. Взгляните сами!..

Мегрэ тоже посмотрел в лупу.

— Я так хорошо помню об этом шраме потому, что отец пострадал из-за меня... Как-то в воскресенье мы гуляли за городом. Мне было тогда около восьми лет... День выдался очень жаркий. Вдоль пшеничного поля росло много маков, и мне захотелось нарвать букет. А поле было окружено колючей проволокой. Отец раздвинул ее, чтобы я могла пролезть. Он придерживал нижнюю проволоку ногой и слегка нагнулся вперед... Странно, что я так хорошо помню эту сцену, хотя забыла многое другое! Нога у него, очевидно, соскользнула, и проволока, спружинив, ударила его по лицу. Мама боялась, что поврежден глаз. Вытекло много крови. Мы побежали на ближайшую ферму, чтобы промыть глаз и наложить повязку... Вот с тех пор у него и остался шрам.

Рассказывая об этой истории, она с беспокойством поглядывала на Мегрэ и, казалось, оттягивала ту минуту, когда комиссару придется сообщить ей подлинную причину своего визита.

— С ним что-нибудь случилось?

— Прошлой ночью его ранили, и притом в голову, но врачи думают, что его жизнь вне опасности.

— Это произошло в Париже?

— Да, на берегу Сены... Затем тот или те, кто на него напали, бросили его в воду.

Комиссар не сводил с нее глаз, следя, как она реагирует на его слова, но госпожа Руслэ и не пыталась укрыться от его пристального взгляда.

— Вам известно, как жил ваш отец?

— Лишь в общих чертах...

— То есть?

— Когда он нас покинул...

— Вы мне сказали, что вам было тринадцать лет. А вы помните, как он уехал?

— Нет. Утром я не нашла его дома и очень удивилась. Тогда мама сказала мне, что отец отправился в далекое путешествие...

— Когда вы узнали, где он находится?

— Через несколько месяцев маме сообщили, что отец живет в Африке, в лесах, и лечит там негров...

— И это было действительно так?

— Думаю, да... Позднее люди, встречавшиеся там с отцом, подтвердили эти слухи. Он поселился в Габоне, на врачебном пункте, расположенном в сотнях километров от Либревиля...

— И долго он пробыл в Габоне?

— Во всяком случае, несколько лет. Между прочим, в Мюлузе одни считали отца чуть ли не святым, другие...

Мегрэ ждал. Поколебавшись, она добавила:

— Другие называли его фантазером, полусумасшедшим...

— А ваша матушка?

— Думаю, что мама смирилась со случившимся...

— Сколько ей сейчас лет?

— Пятьдесят четыре года... Нет, пятьдесят пять... Теперь я знаю, что отец оставил ей письмо, но она мне никогда его не показывала. Видимо, он написал, что не вернется и поэтому готов взять на себя все неприятности, связанные с разводом.

— Они развелись?

— Нет. Мама рьяная католичка...

— Ваш муж в курсе дел?

— Конечно. Мы от него ничего не скрыли.

— Вы знали, что ваш отец возвратился в Париж?

Веки ее вздрогнули, и Мегрэ почувствовал, что она готова солгать.

— И да, и нет... Сама я никогда его не видела... И у нас с мамой не было полной уверенности, что он действительно вернулся. Впрочем, один из жителей Мюлуза рассказывал маме, что встретил на бульваре Сен-Мишель человека-рекламу, удивительно похожего на отца... Это был старый друг мамы... Он добавил, что когда он окликнул этого человека по имени, тот вздрогнул, но не признался...

— Ну, а вашей матушке или вам не приходила мысль обратиться в полицию?

— А зачем? Отец сам избрал свой удел... Он понимал, что не может жить с нами.

— Вас не тревожила его судьба?

— Мы с мужем не раз говорили о нем.

— А с вашей матушкой?

— Конечно, я спрашивала ее об отце... и до замужества, и после...

— Как же она смотрит на эту историю?

— В нескольких словах трудно это объяснить. Мама его жалеет... И я тоже. Но иногда я спрашиваю себя: не чувствует ли он себя так счастливее...

И, понизив голос, смущенно добавила:

— Есть люди, которые не способны приноровиться к нашему образу жизни... Да и потом мама...

Чувствовалось, что госпожа Руслэ волнуется. Поднявшись с кресла, она подошла к окну, постояла, глядя на улицу, потом вернулась обратно.

— Я не могу сказать о ней ничего дурного. Но у нее свой взгляд на вещи... впрочем, как и у каждого человека. Может быть, выражение «властный характер» слишком сильно по отношению к ней, но мама любит, чтобы все делалось так, как ей хочется.

— После ухода отца у вас сохранились с матерью хорошие отношения?

— Более или менее... И все же я с радостью вышла замуж и...

— ...и избавились от ее опеки?

— Не без этого,— улыбнулась она.— Конечно, это не слишком оригинально: ведь многие девушки оказываются в таком же положении. Мама любит бывать в гостях, принимать у себя, встречаться с видными людьми... В Мюлузе у нее собиралось самое избранное общество.

— Даже когда отец жил с вами?

— Да, в последние два года.

— А почему в последние два?

Комиссар вспомнил о телефонном разговоре госпожи Мегрэ с сестрой и почувствовал себя как-то неловко: ведь сейчас он узнает без ее помощи все эти подробности.

— Потому что мама получила наследство от тети... Раньше мы жили очень скромно, в тесной квартирке и даже не в лучшем районе города. Отец в основном лечил рабочих... Наследство свалилось на нас как снег на голову... Вскоре мы переехали на новое место. Мама купила особняк возле собора... Ей нравилось, что над порталом был герб...

— Вы знали родных вашего отца?

— Нет. Только видела несколько раз его брата, которого потом убили на фронте. Если не ошибаюсь, он погиб где-то в Сирии... во всяком случае, не во Франции.

— А родителей вашего отца?

Снова послышались детские голоса, но на сей раз она не обратила на них внимания.

— Его мать умерла от рака, когда папе исполнилось пятнадцать лет... А отец был подрядчиком по столярным и плотничьим работам. Мама говорила, что у него под началом было человек десять. Однажды, когда мой отец еще учился в университете, деда нашли повесившимся в мастерской, и выяснилось, что он был на краю банкротства.

— Но вашему отцу все же удалось закончить курс?

— Да, он одновременно учился и работал у аптекаря.

— А какой характер был у вашего отца?

— Очень ласковый. Я понимаю, что мой ответ не может вас удовлетворить, но именно таким он и запомнился. Очень ласковый и немного грустный.

— Бывали у него ссоры с вашей матерью?

— Я никогда не слышала, чтобы отец повысил голос... Правда, если он не был занят дома, то, как правило, все свое свободное время проводил у больных. Помнится, мама упрекала его за то, что он не следит за собой, ходит всегда в одном и том же неглаженом костюме, иной раз по три дня не бреется. А я говорила ему, что у него колется борода, когда он меня целует.

— Об отношениях вашего отца с коллегами вам, очевидно, мало что известно?

— То, что я знаю, исходит от мамы, только тут трудно отделить правду от полуправды. Она, конечно, не лжет, но в ее изложении все выглядит так, как ей хотелось бы видеть... Раз она вышла за отца, то одно это уже делало его человеком необыкновенным.

«Твой отец — лучший врач в городе,— говорила она мне.— И, безусловно, один из лучших врачей во Франции. К сожалению...» — Госпожа Руслэ снова улыбнулась.— Вы, разумеется, догадываетесь, что за этим следовало... Отец не сумел приспособиться... Он не хотел поступать, как другие... Мама не раз давала ему понять, что дедушка повесился отнюдь не из-за угрозы банкротства, а потому что страдал неврастенией... У него была дочь, которая какое-то время провела в психиатрической больнице...

— Что с ней стало?

— Не знаю... Думаю, что и мама ничего о ней не знает. Во всяком случае, она уехала из Мюлуза.

— А ваша матушка по-прежнему живет там же?

— Мама давно переехала в Париж.

— Вы можете дать ее адрес?

— Орлеанская набережная, двадцать девять-бис.

Мегрэ вздрогнул, но она ничего не заметила и продолжала:

— Это на острове Сен-Луи... С тех пор, как остров стал одним из самых модных районов Парижа...

— Знаете, где было совершено покушение на вашего отца?

— Конечно, нет...

— Под мостом Мари... В трехстах метрах от дома вашей матери.

Она обеспокоенно нахмурилась.

— Это ведь мост через другой рукав Сены, не так ли? Мамины окна выходят на набережную Турнель.

— У вашей матери есть собака?

— Почему вы об этом спрашиваете?

Несколько месяцев, пока ремонтировали дом Мегрэ на бульваре Ришара Ленуара, супруги жили на Вогезской площади и часто по вечерам гуляли по острову Сен-Луи. В этот час владельцы собак или слуги обычно прогуливали своих питомцев по набережным Сены.

— У мамы только птицы. Кошки и собаки приводят ее в ужас.-- Внезапно переменив тему разговора, она спросила: — Куда же поместили отца?

— В ближайшую к мосту Мари больницу.

— Вы, несомненно, хотели бы...

— Не теперь... Возможно, позднее я попрошу вас навестить его, чтобы окончательно установить его личность. Но сейчас голова и все лицо у него забинтованы.

— Он очень страдает?

— Он без сознания.

— За что же его так?

— Вот это я и пытаюсь выяснить.

— Может быть, произошла драка?

— Нет. По всем данным, его ударили, когда он спал.

— Под мостом?..

Комиссар поднялся.

— Вы, наверно, сейчас пойдете к маме?

— Это необходимо.

— Разрешите позвонить ей по телефону, чтобы сообщить о случившемся?

Мегрэ помедлил с ответом. Он предпочел бы увидеть, какое впечатление произведет это известие на госпожу Келлер. Однако отказать не решился.

— Благодарю вас, господин комиссар. Об этом происшествии напечатают в газетах?

— О покушении, вероятно, уже напечатано, но лишь несколько строк, и фамилия вашего отца, конечно, не упоминается — ведь и я узнал ее лишь около полудня.

— Мама будет настаивать, чтобы фамилию не называли.

— Я сделаю все, что в моих силах.

Когда госпожа Руслэ провожала гостя до передней, крошечная девчурка подбежала к ней и уцепилась за юбку.

— Сейчас пойдем гулять, детка. Беги попроси Нана одеть тебя.

Торанс расхаживал взад и вперед перед домом госпожи Руслэ. Маленький черный автомобиль Сыскной полиции выглядел довольно жалко среди длинных, сверкающих никелем частных машин.

— Набережная Орфевр?

— Нет. Остров Сен-Луи, Орлеанская набережная...

Дом был старинный, с огромными воротами, но содержался в отличном состоянии. Медные ручки, перила, лестница, стены — все было начищено, отмыто, выскоблено. Даже консьержка, в черном платье и белом переднике, походила на служанку из хорошего дома.

— Вы приглашены?

— Хм... Нет, но мадам Келлер ждет меня.

— Минутку, прошу вас...

Швейцарская походила на маленькую гостиную, где пахло не кухней, как обычно, а воском для паркетов.

Консьержка сняла телефонную трубку.

— Как доложить?

— Комиссар Мегрэ.

— Алло!.. Берта?.. Скажи, пожалуйста, мадам, что некий комиссар Мегрэ просит его принять... Да, он здесь... Ему можно подняться?.. Благодарю... Можете подняться... Третий этаж, направо.

Поднимаясь по лестнице, Мегрэ вдруг подумал, стоят ли еще на причале, у набережной Селестэн, фламандцы или же, подписав протокол, уже спускаются по реке к Руану. Не успел он позвонить, как дверь распахнулась и молоденькая, хорошенькая горничная окинула комиссара любопытным взглядом, будто бы впервые увидела живого полицейского.

— Пожалуйста, сюда... Позвольте вашу шляпу...

Комнаты с очень высокими потолками были отделаны в стиле барокко: повсюду позолота, мебель, щедро украшенная резьбой... С порога слышалось щебетанье попугайчиков. В приоткрытую дверь гостиной видна была громадная клетка, а в ней — не менее десятка птичьих пар.

Прождав минут десять, Мегрэ в знак протеста закурил трубку. Впрочем, он тотчас же вынул ее изо рта, как только в гостиную вошла госпожа Келлер. Мегрэ был поражен, увидев перед собой маленькую, хрупкую и еще молодую женщину. Она казалась лет на десять старше дочери, не больше. У нее были голубые глаза и великолепный цвет лица. Черное с белым платье очень ей шло.

— Жаклин звонила мне,— сразу же сказала она, указывая Мегрэ на неудобное кресло с высокой жесткой спинкой.

Сама она села на пуф, обитый старинной ковровой тканью. Держалась она прямо — так, должно быть, ее приучили в монастырском пансионе.

— Итак, вы разыскали моего мужа?

— Мы его не разыскивали,— возразил комиссар.

— Ну, разумеется... Но вообще я не понимаю, ради чего он мог бы понадобиться вам... Каждый волен жить так, как ему нравится... Что же, он в самом деле вне опасности или вы сказали это, чтобы не волновать дочь?

— Профессор Маньен считает, что восемьдесят процентов за то, что он поправится.

— Маньен?.. Я с ним хорошо знакома... Он не раз бывал здесь...

— Вы знали, что ваш муж в Париже?

— И знала, и не знала. После его отъезда в Габон прошло около двадцати лет. За это время я получила всего две открытки, да и те были написаны в первые месяцы его пребывания в Африке...

Госпожа Келлер не разыгрывала перед Мегрэ комедию скорби, она смотрела ему прямо в лицо, как женщина, не теряющаяся ни в каких ситуациях.

— Вы хоть уверены, что речь идет действительно о нем?

— Ваша дочь опознала его.

Мегрэ протянул госпоже Келлер удостоверение ее мужа с фотографией.

Она подошла к комоду, взяла очки и долго рассматривала карточку. На лице ее не отразилось ни малейшего волнения.

— Жаклин права. Конечно, он изменился, но и я бы поклялась, что это Франсуа.— Она подняла голову.— В самом деле он жил поблизости?

— Под мостом Мари.

— А ведь я проходила не раз по этому мосту... Одна моя хорошая знакомая живет как раз напротив, на том берегу Сены. Мадам Ламбуа... Должно быть, вы слышали о ней, ее муж...

Мегрэ абсолютно не интересовало, какое высокое положение занимает супруг госпожи Ламбуа.

— Вы не встречались с мужем после того, как он покинул Мюлуз?

— Ни разу.

— Он не писал вам? Не звонил?

— Кроме двух открыток, я не имела от него никаких известий... Во всяком случае, прямым путем...

— А косвенным?

— Как-то у друзей я столкнулась с бывшим губернатором Габона, господином Периньоном. Он спросил, не родственница ли я некоего доктора Келлера.

— Что же вы ответили?

— Правду. Он был очень смущен. Я с трудом вытянула из него кое-какие сведения. Господин Периньон признался, что Франсуа не нашел там того, что искал...

— А что же он искал?

— Понимаете ли, Франсуа был идеалист... Он не со-

здан для современной жизни. После разочарования, постигшего его в Мюлузе...

На лице Мегрэ промелькнуло удивление.

— Разве дочь вам об этом не рассказывала? Впрочем, она тогда была еще слишком мала и редко видела отца... Вместо того чтобы подобрать себе подходящую клиентуру... Вы не откажетесь от чашечки чаю?.. Нет? В таком случае, извините меня — я привыкла пить чай в это время.— Она позвонила.— Подайте чай, Берта!

— На одну персону?

— Да. Что я могу вам предложить, комиссар?.. Виски? Ничего? Как вам угодно. Так о чем я говорила?.. Ах, да... Если я не ошибаюсь, существует такой роман, который называется не то «Врач бедняков», не то «Сельский врач»... Так вот, муж был своего рода врачом для бедных, и, если бы я не получила наследства от тети, мы вскоре тоже превратились бы в бедняков... Учтите, я ничего не имею против него... Такова уж была у него натура... Его отец... впрочем, неважно... В каждой семье свои проблемы.

Зазвонил телефон.

— Вы разрешите?.. Алло! Да, это я... Алиса?.. Да, дорогая, может быть, немного запоздаю... Нет, нет, напротив, очень хорошо... Ты видела Лору?.. Она там будет?.. Я больше не могу с тобой говорить — у меня тут один посетитель... Потом расскажу. До свидания! — Улыбаясь, она уселась на прежнее место.— Это жена министра внутренних дел. Вы ее знаете?

Мегрэ лишь отрицательно мотнул головой и машинально опустил трубку в карман. Попугайчики госпожи Келлер раздражали его не меньше, чем помехи в разговоре. Вот и теперь вошла горничная и стала накрывать стол к чаю.

— Франсуа хотел стать ординатором, больничным врачом, и два года упорно готовился к конкурсу... Если вы будете в Мюлузе, всякий скажет, что тогда допустили вопиющую несправедливость: Франсуа, несомненно, был лучшим, наиболее подготовленным из кандидатов. Мне думается, что в больнице он оказался бы на своем месте... Взяли, по обыкновению, протеже одного влиятельного лица. Но это же не причина, чтобы все бросить...

— Значит, это-то разочарование и привело...

— Не знаю, может быть, и так... Я слишком редко видела мужа... Если даже он сидел дома, то обычно запирался у себя в кабинете. Он и раньше был каким-то диковатым, а с того дня вообще... будто утратил власть над собой... Я не хочу говорить о нем дурно... Мне и в голову не приходила мысль о разводе, хотя в своем письме он предложил мне развестись.

— Он пил?

— Дочь говорила вам об этом?

— Нет.

— Да, он стал пить... Заметьте, я ни разу не видела его пьяным, хотя в кабинете всегда стояла бутылка вина... Правда, другим случалось видеть, как он выходил из паршивеньких бистро, где люди его положения обычно не бывают.

— Вы начали рассказывать мне про Габон.

— Я думаю, что муж хотел стать вторым доктором Швейцером[1] Надеюсь, вы понимаете меня?.. Лечить негров в джунглях, построить там больницу, постараться не видеть белых, а особенно людей своего круга...

— И это ему удалось?

— Судя по тому, что мне — кстати, весьма неохотно — сообщил губернатор, ему удалось лишь восстановить против себя администрацию и местные крупные компании... Может быть, из-за климата он стал пить еще больше. Не подумайте, что я говорю это из ревности, я никогда его не ревновала... Там, в Габоне, он жил в хижине... с негритянкой, и кажется, у них были дети...

Мегрэ смотрел на клетку с попугайчиками, пронизанную лучами солнца.

— Ему дали понять, что его дальнейшее пребывание там нежелательно.

— Вы хотите сказать, что его выслали из Габона?

— По всей вероятности, да. Я не знаю толком, как это делается, а губернатор говорил весьма уклончиво... Но так или иначе, Франсуа пришлось уехать.

— Как-то раз один из ваших знакомых встретил его на бульваре Сен-Мишель. Когда же это случилось?

---

[1] Швейцер, Альбер (1875—1965) — крупный французский ученый, врач и прогрессивный деятель. Организовал в Габоне хирургическую клинику и лепрозорий.

— Дочь и об этом вам говорила? Имейте в виду, я вовсе не уверена, что это был именно он. Просто человек с рекламой местного ресторана был похож на Франсуа... Когда мой знакомый назвал его по имени, он вздрогнул...

— Ваш знакомый заговорил с ним?

— Франсуа посмотрел на него так, будто никогда в глаза его не видел. Вот и все, что мне известно.

— Я только что говорил вашей дочери, что сейчас не время просить вас посетить больницу, чтобы опознать его,— ведь все лицо у него забинтовано. Но когда ему станет лучше...

— А вы не думаете, что это будет слишком тягостно?

— Для кого?

— Для него, конечно!

— И тем не менее необходимо устранить малейшие сомнения насчет его личности.

— Я почти убеждена, что это он... Хотя бы из-за шрама... Помню, это было в воскресенье, в августе...

— Я знаю.

— В таком случае, я не вижу, чем еще могу быть вам полезной...

Мегрэ поднялся — ему не терпелось выскочить на улицу и больше не слышать этой ужасной трескотни попугайчиков.

— Надеюсь, что в газетах...

— Обещаю вам, что в газетах будет лишь краткое сообщение.

— Это важно не столько для меня, сколько для моего зятя. Человеку деловому всегда неприятно, когда... Заметьте, зять был в курсе дел, он все понял и примирился... Так вы и в самом деле ничего не хотите выпить?

— Благодарю вас.

Очутившись на тротуаре, Мегрэ спросил Торанса:

— Где здесь можно найти скромненькое, тихое бистро? Страшно хочу пить!

Эх, поскорее бы кружку холодного пива с густой шапкой пены!

И они действительно нашли тихое полутемное бистро, но пиво там, увы, оказалось тепловатым и безвкусным.

— Список у меня на столе,— сказал Люка. Как всегда, он старательно выполнил поручение.

Мегрэ увидел перед собой не один, а несколько списков, напечатанных на машинке. Прежде всего — опись самых разнообразных предметов. Сотрудник судебно-медицинской экспертизы подвел их под рубрику «рухлядь», хотя вещи эти, некогда хранившиеся под мостом Мари, составляли все движимое и недвижимое имущество Тубиба! Фанерные ящики, детская коляска, рваные одеяла, старые газеты, жаровня, котелок, «Надгробные речи» Боссюэ и все остальное было свалено теперь наверху, в углу лаборатории Дворца Правосудия.

В следующем списке перечислялась одежда Келлера, доставленная Люка из больницы. И, наконец, на отдельном листе было выписано все содержимое его карманов.

Вместо того чтобы просмотреть этот последний список, Мегрэ отодвинул его в сторону и с любопытством вскрыл коричневый бумажный пакет, куда бригадир Люка сложил все мелочи. В эту минуту Мегрэ, освещенный лучами заходящего солнца, представлял собой занятное зрелище — ни дать ни взять, ребенок, который нетерпеливо развязывает мешочек под рождественской елкой, ожидая найти в нем бог весть какое сокровище!

Сначала комиссар извлек и положил на стол очень старый, помятый стетоскоп.

— Он находился в правом кармане пиджака,— пояснил инспектор.— Я попросил в больнице проверить его, и мне сказали, что он неисправен.

Почему же, в таком случае, Франсуа Келлер носил его при себе? Надеялся починить? Или же хранил его как реликвию, как последний своеобразный символ своей профессии?

Затем Мегрэ вынул перочинный нож с тремя лезвиями и пробочник с треснувшей роговой ручкой. Как и все остальное, он, скорее всего, откопал его в каком-нибудь мусорном ящике.

Еще вересковая трубка, мундштук которой был скреплен проволокой.

— В левом кармане...— пояснял Люка.— Она еще влажная.

Мегрэ невольно принюхался.

— Табака, наверно, нет? — спросил он.

— На дне мешка валялось несколько окурков. Но они так размокли, что превратились в сплошную кашу.

Перед мысленным взором комиссара мелькнул образ человека, который останавливается на тротуаре, нагибается за окурком, разворачивает гильзу и ссыпает табак в трубку... Мегрэ, разумеется, не подал вида, но в глубине души ему было приятно, что Тубиб курил трубку. Ни его дочь, ни жена не упоминали об этой детали.

Гвозди, винтики. Для чего? Бродяга, видимо, подбирал их во время раскопок мусорных ящиков и набивал ими карманы, не задумываясь, пригодятся ли они ему когда-нибудь. Очевидно, он считал их своеобразными талисманами. Недаром в его карманах нашли еще три предмета, совсем уж бесполезные для человека, который ночует под мостами и от холода завертывается в газеты.

Это были три шарика — три стеклянных шарика с желтыми, красными и зелеными волокнами внутри. Такой шарик дети обменивают на пять или шесть простых, а потом любуются его необыкновенными красками, переливающимися на солнце.

Вот и все содержимое мешка, кроме нескольких монет да кожаного кошелька с двумя пятидесятифранковыми билетами, слипшимися от воды.

Мегрэ взял один из шариков и принялся перекатывать его на ладони.

— Ты взял у него отпечатки пальцев?

— Да. Все больные смотрели на меня во все глаза... Потом я поднялся в архив и перебрал для сравнения карточки с дактилоскопическими данными.

— И что же?

— Ничего. Келлер никогда не имел дела ни с нами, ни с судом.

— Он еще не пришел в себя?

— Нет. Когда я стоял возле его койки, глаза его были полуоткрыты, но, скорее всего, он ничего не видел. Дышит он со свистом. Иногда тихонько стонет...

Прежде чем вернуться домой, комиссар подписал необходимые бумаги. Несмотря на сосредоточенное выражение лица, в Мегрэ угадывалась какая-то задорная

легкость, что было под стать искрящемуся, солнечному парижскому дню. Уходя из комнаты, Мегрэ — неужто по рассеянности? — опустил один из стеклянных шариков себе в карман.

Был вторник, и, следовательно, дома его ждала запеканка из макарон. Обычно в остальные дни блюда менялись, но по четвергам у Мегрэ всегда подавался мясной бульон, а по вторникам — макаронная запеканка, начиненная мелконарубленной ветчиной или тонко нарезанными трюфелями.

Госпожа Мегрэ тоже была в отличном настроении, и по лукавому блеску ее глаз комиссар понял, что у жены есть для него новости. Он не сразу сказал ей, что побывал у Жаклин Руслэ и мадам Келлер.

— Я здорово проголодался!

Госпожа Мегрэ думала, что он тотчас же засыплет ее вопросами, но он не торопился и принялся расспрашивать ее лишь тогда, когда они уселись за стол, стоявший перед открытым окном. Воздух казался синеватым, на небе еще алели полосы вечерней зари.

— Звонила тебе сестра?

— Кажется, Флоранс неплохо справилась. За день она успела обзвонить всех своих приятельниц.

На столе возле прибора госпожи Мегрэ лежал листок бумаги с записями.

— Пересказать тебе, что она мне передала?

Уличный гул мелодично вплетался в их разговор; слышно было, как у соседей включили телевизор.

— Не хочешь послушать последние новости?

— Нет, я предпочитаю послушать тебя...

Пока жена рассказывала, Мегрэ несколько раз опускал руку в карман и будто невзначай вертел стеклянный шарик.

— Чему ты улыбаешься?

— Просто так... Я тебя слушаю.

— Прежде всего я узнала, откуда взялось состояние, которое тетка оставила мадам Келлер. Это довольно длинная история. Рассказать тебе подробно?

Он кивнул, продолжая похрустывать макаронами.

— В свое время ее тетка работала сиделкой и в сорок лет еще не была замужем.

— Она жила в Мюлузе?

— Нет, в Страсбурге. Это была сестра матери мадам Келлер. Ты меня слушаешь?

— Да, да.

— Итак, она работала в больнице... Там каждый профессор ведет несколько палат для частных пациентов. Однажды, незадолго до войны, она ухаживала за больным, о котором потом нередко вспоминали в Эльзасе. Это был некий Лемке, торговец металлическим ломом, человек богатый, но с весьма скверной репутацией. Кое-кто утверждал, что он не чурался и ростовщичества.

— И он на ней женился?

— Откуда ты знаешь?

Мегрэ пожалел, что испортил ей конец рассказа.

— Я догадался по твоему лицу.

— Да, он на ней женился. Но слушай дальше... Во время войны Лемке продолжал торговать цветным ломом. Естественно, он сотрудничал с немцами и сколотил себе на этом неплохое состояние... Я слишком тяну? Тебе надоело?

— Ничего подобного! Что же было после освобождения?

— ФФИ[1] искали Лемке, чтобы отобрать награбленное и расстрелять. Но найти его не удалось. Лемке с женой скрылись, и никто не знал куда. Позднее выяснилось, что они перебрались в Испанию, а оттуда отплыли в Аргентину. Один владелец ткацкой фабрики из Мюлуза встретил там Лемке на улице... Еще немного макарон?

— Охотно, только поподжаристей!

— Я не знаю, продолжал ли Лемке заниматься делами или просто путешествовал с женой для собственного удовольствия, но как-то раз они решили полететь в Бразилию. В горах их самолет разбился. Экипаж и все пассажиры погибли. И вот, поскольку Лемке и его жена тоже стали жертвами этой катастрофы, все их состояние нежданно-негаданно перешло к мадам Келлер. При обычных обстоятельствах все деньги должна была бы получить семья мужа... А ты знаешь, почему родным Лемке ничего не досталось и все перешло к племяннице его жены?

Мегрэ покривил душой: он ничего не сказал и только

[1] Французские силы внутреннего сопротивления во время второй мировой войны.

пожал плечами. На самом-то деле он уже давным-давно все понял.

— Оказывается,— продолжала госпожа Мегрэ,— если супруги пали жертвой несчастного случая и невозможно установить, кто из них умер первым, по закону считается, что жена пережила мужа, пусть даже на несколько секунд. Врачи утверждают, что мы, женщины, более живучи... Таким образом, сначала тетка стала наследницей своего мужа, а от нее все состояние перешло к племяннице... Уф!..— Госпожа Мегрэ была явно довольна своим сообщением и даже немного гордилась собой.— Словом, в какой-то мере из-за того, что больничная сиделка в Страсбурге вышла за торговца металлическим ломом и некий самолет разбился в горах Южной Америки, доктор Келлер стал бродягой... Если бы его жена внезапно не разбогатела, если бы они продолжали жить на улице Соваж, если бы... Ты понимаешь, что я хочу сказать? Тебе не кажется, что он остался бы в Мюлузе?

— Возможно.

— Я знаю кое-что и о мадам Келлер. Но предупреждаю, может быть, это лишь сплетни, и сестра не ручается за достоверность этих сведений.

— Все-таки расскажи.

— Мадам Келлер — маленькая, энергичная и крайне беспокойная особа — обожает светскую жизнь и влиятельных людей. Когда муж ее уехал, она бросилась в омут веселья, по нескольку раз на неделе устраивала званые обеды. Так она стала эгерией[1] префекта Бадэ, жена которого долго хворала и в конце концов умерла. Злые языки болтают, что мадам Келлер была любовницей префекта и что у нее были и другие любовники. Среди них называли имя одного генерала, но я забыла его фамилию...

— Я видел мадам Келлер,— сказал комиссар.

Если госпожа Мегрэ и была разочарована, то не показала виду.

— Ну и какая же она?

— Такая, как ты ее сейчас описала. Энергичная маленькая дама, нервная, выхоленная. Она выглядит моложе своих лет и обожает попугайчиков.

---

[1] По римской легенде, прорицательница и советчица царя Нумы.

— Почему попугайчиков?

— Потому что ими забита вся квартира.

— Она живет в Париже?

— На острове Сен-Луи, в трехстах метрах от моста Мари, под которым ночевал ее муж. Кстати, доктор курил трубку.

В перерыве между макаронами и салатом Мегрэ вытащил из кармана шарик и катал его по скатерти.

— Что это такое?

— Стеклянный шарик. У Тубиба их было три.

Госпожа Мегрэ пристально посмотрела на мужа.

— Ты ему симпатизируешь, да?

— Мне кажется, я начинаю его понимать...

— Ты понял, почему такой человек, как Келлер, стал бродягой?

— Более или менее. Он жил в Африке, единственный белый на врачебном пункте, удаленном от городов и больших дорог. Там его снова постигло разочарование.

— А почему?

Не легко было объяснить это госпоже Мегрэ, которая всегда вела размеренный образ жизни, обожала порядок и чистоту.

— И вот я все пытаюсь разгадать,— шутливо продолжал Мегрэ,— в чем доктор провинился?

Жена нахмурилась.

— Что ты хочешь этим сказать? Ведь его оглушили и бросили в Сену, так?

— Он — жертва, это верно.

— Тогда почему же ты говоришь...

— Криминалисты, в частности американские, выдвинули на этот счет теорию, и, по-видимому, она не столь парадоксальна, как представляется с первого взгляда.

— Какую теорию?

— Что из десяти преступлений по крайней мере восемь можно отнести к таким, когда жертва в значительной мере делит ответственность с убийцей.

— Не понимаю.

Мегрэ как завороженный смотрел на шарик.

— Представь себе жену и ревнивого мужа. Они поссорились... Мужчина упрекает женщину, а та держится вызывающе...

— Случается...

— Предположим, у него в руке нож и он ей говорит: «Берегись, в следующий раз я убью тебя!»

— И так может быть...

— Предположим теперь, что женщина бросает ему в лицо: «Ты не посмеешь, ты на это не способен!»

— Теперь я поняла...

— Прекрасно. Так вот, во многих житейских драмах случается именно так. Вот ты сейчас рассказывала о Лемке. Он разбогател двояким путем: во-первых, давал деньги в рост, доводя клиентов до отчаяния, а во-вторых, торговал с немцами. Разве ты удивилась бы, узнав, что его убили?

— Но ведь доктор...

— ...Как будто никому не причинил вреда. Он жил под мостами, пил прямо из бутылки красное вино и расхаживал по улице с рекламой на спине.

— Вот видишь!

— И тем не менее кто-то ночью спустился на берег и, воспользовавшись тем, что Тубиб спал, нанес ему удар по голове, который мог стать смертельным, а потом, дотащив тело до Сены, бросил в реку, откуда его чудом выловили речники. Вполне понятно, что этот «кто-то» действовал не без причины... Иначе говоря, сознательно или нет, но Тубиб дал кому-то повод расправиться с ним.

— Он все еще не пришел в себя?

— Пока нет.

— И ты надеешься что-нибудь вытянуть из него, когда он сможет говорить?

Мегрэ пожал плечами и стал молча набивать трубку. Немного позже они потушили свет и снова сели у раскрытого окна. Вечер был тихий и теплый. Разговор как-то не клеился...

Когда на следующее утро Мегрэ пришел на службу, стояла такая же ясная и солнечная погода, как накануне. На деревьях зазеленели первые листочки, изящные и нежные.

Едва комиссар сел за письменный стол, как вошел Лапуэнт. Он был в превосходном настроении.

— Тут вас ждут двое молодчиков, шеф.

Он просто сгорал от нетерпения, и вид у него был такой же гордый, что и вчера у госпожи Мегрэ.

— Где они?

— В приемной.

— Кто такие?

— Владелец красной «Пежо-403» с другом, который в понедельник вечером сопровождал его. Впрочем, моя заслуга в этом деле невелика. Как ни странно, но в Париже не так уж много красных «Пежо-403» и лишь на трех из них номерной знак с двумя девятками. Одна из машин уже неделю в ремонте, вторая сейчас вместе с владельцем находится в Канне.

— Ты допросил этих людей?

— Задал им пока лишь пару вопросов. Мне хотелось, чтоб вы сами на них взглянули. Пригласить их к вам?

Лапуэнт вел себя как-то таинственно, словно он готовил Мегрэ сюрприз.

— Ладно.

Мегрэ ждал, сидя за столом, и, будто талисман, держал в кармане разноцветный шарик.

— Мосье Жан Гийо,— объявил инспектор, вводя первого из посетителей.

Это был мужчина лет сорока, среднего роста, довольно изысканно одетый.

— Мосье Ардуэн, чертежник,— снова возвестил Лапуэнт.

Чертежник был высок ростом, худощав и на несколько лет моложе Гийо. Мегрэ сразу же заметил, что он заикается.

— Садитесь, господа. Как мне сообщили, один из вас — владелец красной машины марки «Пежо»?

Жан Гийо не без гордости поднял руку.

— Это моя машина,— сказал он.— Я купил ее в начале зимы.

— Где вы живете, мосье Гийо?

— На улице Тюрен, недалеко от бульвара Тампль.

— Ваша профессия?

— Страховой агент.

Ему было явно не по себе. Еще бы! Ведь он оказался в Сыскной полиции и его допрашивает не кто иной, как сам комиссар. Но тем не менее он не казался испуганным и даже с любопытством оглядывал все вокруг, чтобы потом подробно рассказать о происшедшем приятелям.

— А вы, мосье Ардуэн?

— Я-я... жи-живу в-в т-том же доме.

— Этажом выше,— помог ему Гийо.

— Вы женаты?

— Хо-хо-холост.

— А я женат, у меня двое детей, мальчик и девочка,— не дожидаясь очереди, добавил Гийо.

Лапуэнт стоял у двери и загадочно улыбался. Казалось, эти двое — сидя на стульях, каждый со шляпой на коленях — исполняют какой-то странный дуэт.

— Вы друзья?

Они ответили одновременно, насколько это позволяло заикание Ардуэна.

— Близкие друзья...

— Вы знали некоего Франсуа Келлера?

Они удивленно переглянулись, словно услышали это имя впервые. Потом чертежник спросил:

— К-к-кто это?

— Он долгое время был врачом в Мюлузе.

— Да я сроду там не бывал! — воскликнул Гийо.— А он утверждает, будто со мной знаком?

— Что вы делали в понедельник вечером?

— Как я уже говорил вашему инспектору, я не знал, что это запрещено.

— Расскажите подробно, что вы делали в понедельник.

— Около восьми вечера, когда я возвратился домой после объезда клиентов — мой участок в западном предместье Парижа,— жена отозвала меня в уголок, чтоб не слышали дети, и сообщила, что Нестор...

— Кто такой Нестор?

— Наша собака, огромный датский дог. Ему как раз исполнилось двенадцать лет. Он очень любил детей, ведь они, можно сказать, родились на его глазах. Когда дети были маленькими, Нестор ложился у их кроваток и даже меня едва подпускал к ним.

— Итак, ваша жена сообщила вам...

Господин Гийо невозмутимо продолжал:

— Не знаю, держали ли вы когда-нибудь догов, но обычно они почему-то живут меньше, чем собаки других пород. В последнее время стали поговаривать, будто доги подвержены всем человеческим болезням. Несколько недель назад Нестора разбил паралич, и я предложил от-

везти его к ветеринару и усыпить, но жена не захотела. Когда я в понедельник возвратился домой, то мне сказали, что у собаки началась агония, и, чтобы дети не видели этой тяжкой картины, жена побежала за нашим другом Ардуэном, и он помог перенести Нестора к себе...

Мегрэ посмотрел на Лапуэнта, тот подмигнул ему.

— Я сейчас же поднялся к Ардуэну, чтобы толком разузнать, что с собакой,— продолжал господин Гийо.— Бедняжка Нестор был безнадежен. Я позвонил нашему ветеринару. Мне ответили, что он в театре и вернется не раньше полуночи. Мы провели более двух часов возле околевающей собаки. Я сел на пол и положил ее голову к себе на колени.

Слушая рассказ господина Гийо, Ардуэн то и дело кивал головой, а потом даже попытался вставить слово:

— Он... он...

— Нестор испустил дух в половине одиннадцатого,— прервал его страховой агент.— Я зашел домой предупредить жену. Пока она ходила в последний раз взглянуть на Нестора, я оставался в квартире вместе со спящими детьми. Помню, я что-то наспех съел, так как в тот день не успел пообедать. Признаюсь, чтоб немного приободриться, я выпил две рюмки коньяку, а когда жена вернулась, отнес бутылку к Ардуэну — он был взволнован не меньше моего.

В общем, маленькая драма переплелась с большой.

— Вот тогда-то мы и задумались, как быть с трупом собаки. Я где-то слышал, что существует специальное кладбище для собак, но место там, наверно, стоит дорого, и, кроме того, я не мог потратить на эту церемонию целый рабочий день. Жена тоже была занята.

— Короче говоря...— прервал его Мегрэ.

— Короче говоря...— Гийо запнулся, потеряв нить повествования.

— М-мы... мы... мы...— снова вмешался Ардуэн.

— Нам не хотелось бросить Нестора где-нибудь на пустыре... Вы представляете себе дога? Когда собака лежала на полу в столовой Ардуэна, она казалась еще больше и внушительнее. Короче говоря...

Господин Гийо словно обрадовался, найдя оборванную было нить рассказа.

— Короче говоря, мы решили бросить пса в Сену. Я взял мешок из-под картошки, но он оказался мал — не умещались лапы... Мы с трудом снесли труп по лестнице и засунули его в багажник машины.

— В котором часу?

— Было десять минут двенадцатого.

— Откуда вам известно, что было именно десять минут двенадцатого?

— Консьержка еще не спала. Она увидела нас, когда мы спускались по лестнице, и спросила, что случилось. Я ей все объяснил. Дверь в швейцарскую была открыта, и я машинально взглянул на часы: они показывали десять минут двенадцатого.

— Вы сказали консьержке, что собираетесь бросить собаку в Сену? Вы сразу же поехали к мосту на набережной Селестэн?

— Да, так было ближе всего...

— Чтобы добраться туда, вам потребовалось лишь несколько минут, не больше... Полагаю, вы не останавливались в пути?

— Когда ехали к Сене? Нет... Мы выбрали кратчайший путь и затратили на него минут пять... Вначале я не решался спуститься по откосу на машине, но так как на берегу не было ни одной живой души — все-таки рискнул.

— В половине двенадцатого?

— Ни в коем случае! Сейчас вы поймете почему. Мы с Ардуэном подняли мешок и, раскачав, бросили в воду.

— И по-прежнему никого не видели?

— Нет...

— Но ведь поблизости стояла баржа?

— Совершенно верно. Мы даже заметили внутри свет.

— А человека на палубе?

— Нет...

— Значит, до моста Мари вы не доехали?

— Нам незачем было ехать дальше. Мы бросили Нестора в воду близ того места, где стояла машина...

Ардуэн все время согласно кивал головой. Иногда он открывал рот, тщетно пытаясь что-то добавить, но тут же вынужден был смириться и промолчать.

— Ну, а потом?

— А потом мы уехали. Очутившись...

— Вы хотите сказать, на набережной Селестэн?

— Да. Мне стало как-то не по себе, и я вспомнил, что в бутылке не осталось ни капли коньяку... Н-да, вечер выдался на редкость тяжелый... ведь Нестор был все равно что член нашей семьи... На улице Тюрен я предложил Люсьену выпить по стаканчику вина, и мы остановились перед кафе на углу улицы Фран-Буржуа, совсем рядом с площадью Вогезов.

— Опять пили коньяк?

— Да... В кафе на стене висели часы, и я невзначай взглянул на них. Хозяин предупредил меня, что они минут на пять спешат. Было без двадцати двенадцать.

И Гийо снова с сокрушенным видом повторил:

— Клянусь, я не знал, что это запрещено. Войдите в мое положение. Я ведь поступил так только из-за детей: хотел избавить их от грустного зрелища... Дети еще не знают, что Нестор умер, мы им сказали, что он убежал, что, может быть, его еще найдут...

Мегрэ, сам не зная почему, вынул из кармана стеклянный шарик и принялся вертеть его между пальцами.

— Полагаю, вы сказали мне правду?

— А зачем мне лгать? Если нужно уплатить штраф, я...

— В котором часу вы возвратились домой?

Мужчины смущенно переглянулись. Ардуэн раскрыл было рот, но господин Гийо перебил его:

— Поздно, около часа.

— Разве кафе на улице Тюрен было открыто до часа ночи?

Мегрэ хорошо знал этот квартал. Там все закрывалось в полночь, если не раньше.

— Нет, кафе закрылось... и мы пропустили по последней рюмке на площади Республики.

— Вы были пьяны?

— Вы же знаете, как это бывает? Выпьешь стаканчик, чтобы успокоиться... Потом второй...

— Вы снова проехали по набережной?

Гийо недоуменно посмотрел на товарища, как бы прося подтвердить его показания.

— Конечно, нет, нам нечего было там делать.

Мегрэ обратился к Лапуэнту:

— Проводи господ в соседнюю комнату и запиши по-

казания. Благодарю вас, мосье. Нет надобности разъяснять вам, что все вами сказанное будет проверено.

— Клянусь, я говорил только правду.

— Я-я-я-я... т-тоже.

Это походило на фарс. Мегрэ остался в кабинете один. Стоя у открытого окна, он машинально вертел стеклянный шарик и задумчиво смотрел на Сену, бегущую за деревьями, на проходившие мимо суда, на светлые пятна женских платьев на мосту Сен-Мишель. Потом сел за письменный стол и позвонил в больницу.

— Соедините меня со старшей сестрой хирургического отделения.

Теперь, когда старшая сестра воочию убедилась, что Мегрэ беседовал с самим профессором, и даже получила от того соответствующие указания, она стала воплощением любезности.

— Я как раз собиралась вам звонить, господин комиссар. Профессор Маньен только что осмотрел больного. Он находит, что больному гораздо лучше, и надеется, что удастся избежать осложнений. Это поистине чудо...

— Больной пришел в сознание?

— Не совсем, но иногда он смотрит на окружающее вполне осмысленно. Пока трудно сказать, отдает ли он себе отчет в случившемся...

— Лицо у него все еще забинтовано?

— Уже нет.

— Вы думаете, сегодня он окончательно придет в себя?

— Это может произойти с минуты на минуту. Вы хотите, чтобы я известила вас, как только он заговорит?

— Не стоит... Я сам зайду в больницу...

— Сейчас?

— Да, сейчас.

Мегрэ не терпелось познакомиться с человеком, которого он видел только с забинтованной головой. Комиссар прошел через комнату инспекторов, где Лапуэнт в это время печатал на машинке показания страхового агента и его приятеля-заики.

— Я ухожу в больницу. Когда вернусь, не знаю...

Сунув в рот трубку и заложив руки за спину, Мегрэ неторопливо, словно направляясь в гости, пошел в больницу, которая находилась почти рядом, в двух шагах от

Дворца Правосудия. В голове мелькали какие-то бессвязные мысли.

Войдя в приемную, он увидел толстуху Леа. На ней была та же розовая кофта. С раздосадованным лицом она отошла от регистраторши и, заметив комиссара, бросилась к нему.

— Вы только представьте, господин комиссар, мне не позволяют повидать его и даже не говорят, как он себя чувствует! Чуть не позвали ажана, чтобы он выставил меня за дверь. Ну, а вы что-нибудь о нем знаете?

— Мне только что сообщили, что ему гораздо лучше.

— Есть надежда, что он поправится?

— Весьма вероятно.

— Он очень страдает?

— Вряд ли. Ему, наверно, делают уколы.

— Вчера какие-то в штатском приходили за его вещами. Это ваши люди?

Мегрэ кивнул и, улыбнувшись, добавил:

— Не беспокойтесь, ему все вернут.

— Вы еще не знаете, кто мог это сделать?

— А вы?

— Я?.. Вот уже пятнадцать лет, как я живу на набережной, и за все это время первый раз вижу, чтоб напали на бродягу... Ведь мы безобидные люди. Вы-то это знаете лучше, чем кто другой.

Слово, как видно, понравилось ей, и она повторила:

— Безобидные... У нас никогда не бывает даже драк. Каждый волен поступать, как ему хочется. А если не дорожить свободой, для чего же тогда спать под мостами?..

Присмотревшись, Мегрэ заметил, что глаза у нее покраснели, а лицо приобрело багровый оттенок, которого не было накануне.

— Вы сегодня пили?

— Чтоб заморить червяка.

— А что говорят ваши товарищи?

— Ничего не говорят... Когда насмотришься всякого, неохота судачить.

Видя, что Мегрэ направляется к лестнице, Леа спросила:

— Можно мне подождать вас, чтоб узнать новости?

— Я, возможно, задержусь.

— Не страшно. Не все ли равно, где болтаться?

К толстухе возвратилось хорошее настроение. На лице промелькнула по-детски наивная улыбка.

— А сигареты у вас не найдется?

Мегрэ показал на трубку.

— Тогда щепотку табаку... Если нечего курить, я жую табак.

Мегрэ поднялся в лифте вместе с больным, лежащим на носилках, и двумя сестрами. На четвертом этаже он столкнулся со старшей сестрой, как раз выходившей из палаты.

— Вы же знаете, где лежит Келлер... Я скоро приду: вызывают в операционную...

Как и накануне, больные уставились на Мегрэ. Очевидно, его узнали. Держа шляпу в руке, комиссар направился к койке доктора Келлера и увидел наконец его лицо, кое-где заклеенное пластырем.

Вчера Келлера побрили, и теперь он мало походил на свою фотографию. Лицо — землистое, с заострившимися чертами. Губы — тонкие, бледные. Мегрэ невольно вздрогнул, внезапно встретившись со взглядом больного.

Вне всякого сомнения, Тубиб смотрел именно на него, и это был взгляд человека, находящегося в полном сознании.

Мегрэ чувствовал: необходимо что-то сказать, а что сказать — он не знал. Возле кровати стоял стул, и он опустился на него.

— Вам лучше? — наконец спросил он, понизив голос.

Мегрэ был уверен, что слова эти вовсе не потонули в тумане, что они были восприняты и поняты. Но глаза, по-прежнему устремленные на Мегрэ, выражали полное безразличие.

— Вы меня слышите, доктор Келлер?

Так начался длительный и малоуспешный поединок.

ГЛАВА V

Мегрэ редко говорил с женой о делах, которые вел. Впрочем, он почти никогда не обсуждал их даже со своими ближайшими помощниками и ограничивался только тем, что давал им указания. Таков уж был метод его ра-

боты: самому добраться до сути, постепенно вникая в жизнь людей, о существовании которых он еще накануне и не подозревал.

«Что вы думаете об этом, Мегрэ?» — зачастую спрашивал его судебный следователь после выезда на место происшествия или же по ходу выяснения фактов.

Ответ был всегда один:

«Ничего не думаю, господин следователь».

А однажды кто-то заметил:

«Не думает, а вникает».

В известной степени это было действительно так, ибо комиссар придавал слишком большое значение каждому высказанному слову и поэтому предпочитал помалкивать.

Но на сей раз все получилось иначе, во всяком случае, в отношении госпожи Мегрэ — возможно, потому, что благодаря сестре, жившей в Мюлузе, она существенно помогла мужу.

Усаживаясь за обеденный стол, Мегрэ сообщил жене:

— Сегодня я познакомился с Келлером...

Госпожа Мегрэ была поражена. И не только тому, что он сам заговорил о Келлере. Ее поразил прежде всего веселый тон мужа. Может быть, «веселый» и не то слово, но как бы то ни было, выражение глаз и бодрый тон комиссара свидетельствовали об отличном настроении.

Газеты на этот раз не докучали Мегрэ, а помощник прокурора и судья оставили его в покое... Что им до какого-то бродяги, которого пристукнули под мостом, потом бросили в Сену, но он чудом спасся, а теперь профессор Маньен не перестает удивляться его живучести! Хм... ну и что?

Короче говоря, налицо такое странное преступление, где не было ни жертвы, ни убийцы и вообще никто не беспокоился о Тубибе, если не считать толстой Леа да еще двух-трех бродяг.

И тем не менее Мегрэ отдавал этому расследованию столько времени, словно речь шла о драме, взволновавшей всю Францию.

— Он пришел в сознание? — спросила госпожа Мегрэ, стараясь скрыть острое любопытство.

— И да, и нет. Он не произнес ни звука... Только смотрел на меня... Но я убежден, что он все понял, о чем я ему говорил... Старшая сестра придерживается иного

мнения: она считает, что сознание больного притуплено лекарствами и что он примерно в таком состоянии, в каком бывает боксер, приходящий в себя после нокаута...

Мегрэ принялся за еду, глядя в окно и прислушиваясь к щебету птиц.

— Как ты думаешь, он знает, кто на него напал?

Мегрэ вздохнул. Потом на лице его вдруг промелькнула насмешливая улыбка — улыбка, которую он, казалось, адресовал себе самому.

— Не могу сказать ничего определенного... Мне очень трудно передать свое впечатление...

...Редко в своей жизни он бывал так озадачен и вместе с тем так заинтересован расследованием дела.

Кстати говоря, сама встреча происходила в крайне неблагоприятной обстановке — прямо в палате, где примерно десять больных лежали на койках, а другие сидели или стояли у окна. Некоторым было очень плохо. Все время раздавались звонки, по палате взад и вперед сновала медицинская сестра, наклоняясь то над одним, то над другим.

Почти все больные с нескрываемым любопытством разглядывали комиссара, сидевшего подле Келлера, и прислушивались к его словам.

К двери то и дело подходила старшая сестра и укоризненно, с обеспокоенным видом поглядывала на них обоих.

— Пожалуйста, не задерживайтесь в палате,— просила она Мегрэ.— Его нельзя утомлять...

Комиссар, наклонившись к больному, говорил тихо, чуть ли не шепотом:

— Вы слышите меня, мосье Келлер? Вы помните, что с вами случилось в понедельник вечером, когда вы спали под мостом Мари?

Лицо пострадавшего казалось совершенно бесстрастным, но Мегрэ интересовали только глаза. В них не отражалось ни тревоги, ни тоски. Глаза были серые, поблекшие, какие-то изношенные, много повидавшие на своем веку.

— Вы спали, когда на вас было совершено нападение?

Тубиб не отрывал взгляда от Мегрэ. И странное дело: казалось, не Мегрэ изучает Келлера, а Келлер изучает его.

Это настолько стесняло комиссара, что он счел необходимым представиться:

— Меня зовут Мегрэ. Я руковожу бригадой Сыскной полиции и пытаюсь выяснить, что с вами произошло... Я видел вашу жену, вашу дочь, речников, которые вытащили вас из Сены...

При упоминании о жене и дочери Тубиб даже не вздрогнул, но можно было поклясться, что в эту минуту в глазах его промелькнула легкая ирония.

— Вам трудно говорить?

Он даже и не пытался ответить ему хотя бы кивком головы или движением ресниц.

— Вы понимаете, что вам говорят?

Ясное дело! Мегрэ был убежден, что не ошибся. Келлер не только понимал смысл слов, но и прекрасно разбирался в интонации.

— Быть может, вас стесняет, что я задаю вам вопросы в присутствии других больных?..— И тут же, чтобы расположить к себе бродягу, он добавил: — Я бы с радостью положил вас в отдельную палату. Но это, к сожалению, связано со сложными формальностями. Мы не можем оплатить это из нашего бюджета.

Как ни странно, но будь доктор не жертвой, а убийцей или подозреваемым лицом, все обстояло бы куда проще. Ведь для жертвы — увы! — по смете ничего не предусмотрено.

— Я буду вынужден вызвать сюда вашу жену: необходимо, чтобы она вас официально опознала... Эта встреча будет вам неприятна?

Губы больного слегка шевельнулись, но он не произнес ни звука. На лице — ни гримасы, ни улыбки.

— Как вы чувствуете себя? Могу ли я вызвать ее сегодня, сейчас же?

Больной промолчал, и Мегрэ, воспользовавшись этим, решил немножко передохнуть. Ему было жарко. Он задыхался в палате, насквозь пропитанной больничными запахами.

— Можно от вас позвонить? — спросил он у старшей сестры.

— Вы еще долго собираетесь его мучить?

— Его должна опознать жена... На это уйдет всего несколько минут.

Жена Келлера была дома и обещала по телефону тотчас же приехать. Мегрэ распорядился, чтобы ее пропустили внизу, и стал расхаживать по коридору. Вскоре к нему подошел профессор Маньен.

Они остановились у окна, выходившего во двор.

— Вы тоже считаете, что он окончательно пришел в себя? — спросил Мегрэ.

— Вполне возможно... Я только что осматривал его, и мне думается, он понимает все, что происходит вокруг... Но, как врач, я не могу еще дать точного ответа. Иные полагают, что мы не можем ошибаться и должны на все давать определенный ответ. А ведь на самом деле чаще всего мы продвигаемся ощупью... Я попросил невропатолога осмотреть его сегодня...

— Нельзя ли перевести его в отдельную палату? Это очень трудно?

— Не только трудно, но просто невозможно. Больница переполнена. В некоторых отделениях приходится ставить койки в коридорах. Разве что перевести его в частную клинику...

— Если об этом попросит его жена?

— А вы думаете, он согласится?

Это было маловероятно. Если Келлер решил уйти из дома и скитаться под мостами, то, уж конечно, не для того, чтобы теперь, после покушения на него, перейти на иждивение жены...

Выйдя из лифта, госпожа Келлер озадаченно озиралась по сторонам. Мегрэ направился к ней.

— Ну, как он?

Госпожа Келлер не казалась ни встревоженной, ни взволнованной — просто чувствовала себя не в своей тарелке. Ей явно не терпелось поскорее вернуться домой, на остров Сен-Луи, к своим попугаям.

— Он абсолютно спокоен.

— Пришел в сознание?

— Полагаю, что да, хотя доказательств пока еще нет.

— Мне придется говорить с ним?

Мегрэ пропустил ее вперед. Пока она шла по сверкающему паркету, все больные провожали ее взглядом. А госпожа Келлер поискала глазами мужа, потом решительно направилась к пятой койке и остановилась в двух шагах от больного, словно еще не решив, как держаться.

Келлер смотрел на нее все тем же безразличным взглядом. Одета она была очень изящно — в бежевом костюме из легкой шерстяной ткани и элегантной шляпе. Тонкий аромат ее духов смешивался с запахами палаты.

— Вы его узнаете?

— Да, это он... Очень изменился, но это он...

Снова наступило тягостное молчание. Наконец, собравшись с духом, она решилась подойти поближе. Не снимая перчаток и нервно теребя замок сумки, она заговорила:

— Это я, Франсуа... Я всегда знала, что рано или поздно встречу тебя в подобном виде... Но, говорят, ты скоро поправишься... Мне хотелось бы тебе помочь...

О чем думал Тубиб, глядя на нее отрешенным взглядом? Вот уже семнадцать или восемнадцать лет он жил в другом мире. И теперь, словно вынырнув из бездны, вновь столкнулся с прошлым, от которого сам некогда бежал.

На лице больного не отражалось ни малейшего волнения. Спокойно он смотрел на женщину, которая когда-то была его женой, потом слегка повернул голову, чтобы удостовериться, что Мегрэ еще не ушел...

...Дойдя до этого места в своем рассказе, Мегрэ заметил:

— Я мог бы поклясться, что он просил меня положить конец этой очной ставке.

— Ты рассказываешь о нем так, будто давно его знаешь...

А разве нет? Мегрэ никогда раньше не встречал Франсуа Келлера, но за долгие годы работы сколько подобных людей раскрывали перед ним душу в тиши его кабинета! Конечно, точно такого случая у него не было, но человеческие проблемы оставались теми же.

— Мадам Келлер не выразила ни малейшего желания побыть возле больного,— продолжал Мегрэ.— Уходя из палаты, она хотела было раскрыть сумку и достать деньги, но, к счастью, этого не сделала... В коридоре она спросила у меня: «Вы считаете, что он ни в чем не нуждается?» Я ответил, что у него все есть, но она не успокоилась: «Может, оставить для него некоторую сумму у директора больницы?.. Франсуа наверняка чувствовал бы себя лучше в отдельной палате...» — «Сейчас нет свобод-

ных палат». Она все не уходила. «Что еще от меня требуется?» — «В настоящую минуту — ничего. Я пришлю к вам инспектора, и вы подпишете бумагу, удостоверяющую, что это действительно ваш муж...» — «А зачем, раз это он и есть?» Наконец она ушла...

Позавтракав, супруги засиделись за чашкой кофе. Мегрэ раскурил трубку.

— Потом ты вернулся в палату?

— Да. Несмотря на укоризненные взгляды старшей сестры...

— Тубиб по-прежнему молчал?

— Да... Говорил я один — и очень тихо: около соседа по койке хлопотал студент-медик.

— Что же ты ему сказал?

Для госпожи Мегрэ этот разговор за кофе таил в себе неизъяснимую прелесть, ибо муж, как правило, ничего не рассказывал о своих делах. Обычно он звонил ей по телефону, говорил, что не придет к завтраку или к обеду, а иногда даже — что проведет ночь у себя в кабинете или же в другом месте, и она узнавала подробности только из газет.

— Я уж не помню, что ему сказал... — смущенно улыбнулся Мегрэ.— Мне хотелось завоевать его доверие... Я говорил ему о Леа, поджидавшей меня на улице, о его вещах, которые лежат в надежном месте, о том, что он получит их, когда выйдет из больницы... Мне показалось, что это было ему приятно. Я еще сказал, что если не хочет, он может больше не встречаться с женой, что она предложила оплатить ему отдельную палату, но сейчас свободных палат нет... Наверное, со стороны это выглядело так, будто я читаю молитву. «Вас можно было бы поместить в частную клинику, но я подумал, что вы предпочтете остаться здесь»,— сказал я ему.

— А он по-прежнему молчал?

— Я знаю, что это глупо,— несколько смущенно промолвил Мегрэ,— но я уверен, что Келлер одобрял мои действия. Должно быть, мы отлично понимали друг друга... Я попробовал снова заговорить о покушении. «Это произошло, когда вы спали?» — спросил я.— Все это напоминало игру в кошки-мышки. Я убежден, что он просто-напросто решил ничего не говорить. А человек, ко-

торый способен столько лет прожить под мостами, способен и хранить молчание.

— Почему же он молчит?

— Не знаю.

— Может, хочет кого-нибудь выгородить?

— Не исключено.

— Кого же?

Мегрэ встал и пожал широкими плечами.

— Если бы я знал, то был бы господом богом... Мне хочется ответить тебе словами профессора Маньена: «Я не умею творить чудеса».

— В общем, ты так ничего и не узнал?

— В общем, да...

Впрочем, Мегрэ покривил душой. У него почему-то сложилось прочное убеждение, будто он уже многое знает о Келлере. И хотя они по-настоящему еще не были знакомы, между ними уже установился некий таинственный контакт.

— В какую-то минуту...

Он помедлил, словно боясь, что его обвинят в ребячестве. Но что поделаешь: должен же он выговориться!

— В какую-то минуту я вынул из кармана шарик... По правде говоря, я сделал это неумышленно: он просто оказался у меня в руке, и я решил положить его Тубибу на ладонь... Вид у меня, конечно, был весьма нелепый... А он — лишь прикоснулся к шарику — сразу его узнал. Что бы там ни говорила медсестра, я уверен, что лицо его просветлело и в глазах загорелись радостные, лукавые огоньки...

— И все же он не раскрыл рта?

— Это совсем другое дело... Ясно как божий день, что он мне не поможет... Он, по всей вероятности, твердо решил молчать, и мне придется доискиваться до сути одному...

Неужели именно это обстоятельство так взволновало Мегрэ? Жена почти не помнила случая, чтобы он с таким воодушевлением, с таким увлечением расследовал какое-нибудь дело.

— Внизу меня поджидала Леа, жуя табак, который я ей дал. Я высыпал ей на руку все содержимое своего кисета.

— Ты думаешь, она что-нибудь знает?

— Если бы она знала, то рассказала бы. У таких людей чувство солидарности развито гораздо сильнее, чем у тех, кто спит под крышей... Я уверен, что они расспрашивают друг друга и параллельно со мной ведут свое маленькое следствие... Она сообщила мне один любопытный факт, который может прояснить ситуацию: оказывается, Келлер не всегда жил под мостом Мари. Он, если можно так выразиться, поселился в этом квартале всего два года назад.

— Где же он жил раньше?

— Тоже на берегу Сены, но выше по течению, на набережной Рапэ, под мостом Берси.

— И часто они меняют место жительства?

— Нет. Это для них так же сложно, как нам поменять квартиру. Каждый привыкает к своей норе и дорожит ею.

Он налил себе рюмку сливянки и выпил — для бодрости духа и в награду за рассказ. Потом взял шляпу и поцеловал жену.

— До вечера!

— Ты вернешься к обеду?

Этого он и сам не знал. Собственно говоря, Мегрэ даже не представлял себе, за что ему теперь взяться.

Торанс с утра проверял показания страхового агента и его друга-заики. Он, очевидно, уже допросил консьержку с улицы Тюрен и виноторговца, имевшего лавку на углу улицы Фран-Буржуа.

Скоро станет известно: правдива ли история с собакой или придумана для отвода глаз. Впрочем, если даже все и подтвердится, это вовсе еще не значит, что двое друзей не могли напасть на Тубиба.

Но с какой целью? На этот вопрос комиссар пока не мог ответить.

Ну, а зачем, скажем, госпоже Келлер топить мужа в Сене? И кому она могла это поручить?

Как-то раз при столь же таинственных обстоятельствах был убит один чудаковатый бедняк. Тогда Мегрэ сказал судебному следователю:

«Бедняков не убивают...»

Бродяг тоже не убивают. И все-таки кто-то попытался же избавиться от Франсуа Келлера.

Мегрэ стоял на площадке автобуса и рассеянно слушал перешептывание двух влюбленных. И вдруг его осе-

нило, вспомнилась фраза: «Бедняков не убивают...» Да, да, бедняков не убивают...

Войдя в свой кабинет, он сразу же позвонил госпоже Келлер. Ее не оказалось дома. Служанка сказала, что мадам завтракает с подругой в ресторане, но в каком — она не знает.

Тогда он позвонил Жаклин Руслэ.

— Значит, вы виделись с мамой... Она звонила мне вчера после вашего визита. Сегодня она тоже разговаривала со мной примерно с час назад... Итак, это действительно мой отец?

— В этом нет ни малейшего сомнения.

— И вы по-прежнему не знаете, из-за чего на него напали?.. Может быть, это произошло во время драки?

— А разве ваш отец любитель драк?

— Ну что вы, он был самый тихий человек на свете! Во всяком случае, тогда, когда мы жили вместе. Мне думается, если бы даже его ударили, он не дал бы сдачи.

— Скажите, вы в курсе дел вашей матери?

— Каких дел?

— Когда ваша мать выходила замуж, у нее ведь не было состояния и, вероятно, она не надеялась когда-либо разбогатеть... Как и ваш отец... Поэтому меня интересует, был ли у них составлен брачный контракт. Если нет, значит, все их имущество считается общим, и, следовательно, ваш отец мог бы предъявить права на половину состояния.

— О нет, об этом не может быть и речи,— не колеблясь, заявила госпожа Руслэ.

— Вы уверены?

— Мама вам это подтвердит. Когда я выходила замуж, такой вопрос возник у нотариуса. Оказалось, мои родители оговорили раздельное пользование имуществом...

— Могу ли я спросить имя вашего нотариуса?

— Мосье Прижан, улица Бассано.

— Благодарю вас.

— Вы не хотите, чтобы я сходила в больницу?

— А вы сами?

— Я не уверена, что это доставит ему удовольствие. Маме он ничего не сказал. Кажется, даже сделал вид, будто не узнал ее...

— Что ж! Быть может, и в самом деле лучше вам не ходить...

Мегрэ хотелось как-то убедить себя в том, что он не бездействует, и поэтому он позвонил господину Прижану. Ему пришлось долго уламывать нотариуса, убеждать его и даже припугнуть бумагой, подписанной следователем, так как тот настаивал на святости профессиональной тайны.

— Я прошу вас сообщить мне только одно: были ли в брачном контракте мосье и мадам Келлер из Мюлуза оговорены условия раздельного пользования имуществом и у вас ли их брачный договор?

После затянувшейся паузы на другом конце провода послышалось сухое «да», и трубку повесили.

Выходило, что Франсуа Келлер был действительно бедняк, не имевший никакого права на состояние, нажитое торговцем металлоломом и впоследствии доставшееся его жене.

Дежурная на коммутаторе крайне удивилась, когда комиссар попросил:

— Дайте мне Сюренский шлюз!

— Шлюз?

— Да, шлюз. Разве там нет телефона?

— Есть. Соединяю.

В трубке раздался голос смотрителя шлюза. Комиссар назвал себя.

— Я полагаю, вы отмечаете, какие суда проходят из одного бьефа в другой? Мне хотелось бы знать, где сейчас может находиться самоходная баржа, которая должна была пройти через ваш шлюз вчера, к ночи. У нее фламандское название «Зваарте Зваан»...

— Знаю, знаю!.. Два брата, маленькая блондиночка и младенец. Они последними прибыли к шлюзу и ночью прошли в нижний бьеф.

— Вы не могли бы сказать, где они сейчас?

— Минутку!.. У них мощный дизель, да и течение здесь довольно сильное...

Мегрэ ждал, пока его собеседник что-то подсчитывал, бормоча под нос названия городов и деревень.

— Если я не ошибаюсь, они прошли уже километров сто и, стало быть, достигли Жюзье. Во всяком случае, они наверняка миновали Пуасси. Все зависит от того, сколько

времени баржа простояла у Буживальского и Карьерского шлюзов...

Через несколько минут комиссар вошел в кабинет инспекторов:

— Кто из вас хорошо знает Сену?

— Вверх или вниз по течению?

— Вниз... Возле Пуасси, а может быть, и ниже...

— Я! — отозвался один из инспекторов.— У меня есть лодка, и я каждый год во время отпуска спускаюсь на ней до Гавра. Лучше всего я знаю окрестности Пуасси, потому что оставляю там лодку.

Мегрэ и не подозревал, что инспектор Невэ, серенький, тщедушный горожанин, занимается спортом.

— Возьмите во дворе машину. Вы поедете со мной.

Однако Мегрэ пришлось ненадолго задержаться. Пришел Торанс и сообщил результаты произведенного им дознания.

— Собака действительно околела в понедельник вечером,— подтвердил он.— Мадам Гийо все еще плачет, говоря об этом. Мужчины положили труп собаки в багажник и увезли, чтобы бросить в Сену... Их видели в кафе на улице Тюрен. Они заходили туда незадолго до закрытия.

— В котором часу?

— Немного позже половины двенадцатого. Кое-кто из посетителей задержался за игрой в белот[1], и хозяин ждал, когда они кончат, чтобы опустить жалюзи. Мадам Гийо смущенно подтвердила, что муж вернулся поздно и был изрядно навеселе. В котором часу — она не знает, так как уже спала... При этом она заверила меня, что это не в его привычках, что всему виной пережитое волнение.

Наконец, комиссар и Невэ уселись в машину и помчались по лабиринту улиц к Аньерской заставе.

— По берегу Сены на машине не проедешь,— заметил Невэ.— Вы уверены, что баржа миновала Пуасси?

— Так считает смотритель шлюза.

Теперь на дороге стали попадаться открытые машины. Некоторые водители, обняв за плечи своих спутниц, вели машину одной рукой. В садиках люди сажали цветы. Какая-то женщина в голубом платье кормила кур.

---

[1] Белóт — вид карточной игры.

Прикрыв глаза, Мегрэ дремал. Казалось, его не интересует ничего на свете. Всякий раз, как показывалась Сена, Невэ называл, что́ это за место.

Вверх и вниз по течению мирно скользили суда. Вот на палубе какая-то женщина стирает белье. Вот другая стоит за рулем, а у ног ее примостился малыш трех-четырех лет.

В Мелане, где стояло несколько барж, Невэ притормозил машину.

— Как вы ее назвали, шеф?

— «Зваарте Зваан». Это означает «Черный Лебедь».

Невэ вышел из машины, пересек набережную и вступил в разговор с речниками. Мегрэ издали видел, как они оживленно жестикулируют.

— Баржа прошла здесь с полчаса назад,— сказал Невэ, снова садясь за баранку.— Они делают по десять километров в час, а то и больше, так что сейчас они где-нибудь неподалеку от Жюзье...

И действительно, за Жюзье, у островка Монталэ, показалась бельгийская баржа, шедшая вниз по течению.

Они обогнали ее на несколько сот метров, и Мегрэ, выйдя из машины, подошел к берегу. Не боясь показаться смешным, он принялся размахивать руками.

У штурвала, с сигаретой в зубах, стоял младший из братьев, Хуберт. Узнав комиссара, он тотчас же наклонился над люком и сбавил скорость. Через минуту на палубе появился длинный и тощий Жеф ван Гут. Сначала показалась его голова, затем туловище и, наконец, вся его нескладная фигура.

— Мне нужно с вами поговорить! — крикнул комиссар, сложив ладони рупором.

Жеф знаками дал понять, что ничего не слышит из-за шума двигателя, Мегрэ попытался объяснить ему, что нужно остановиться.

Вокруг — типично сельский пейзаж. Примерно в километре от них виднелись красные и серые крыши, белые стены, бензоколонка, позолоченная вывеска гостиницы.

Хуберт ван Гут дал задний ход. Жена Жефа тоже выглянула из люка и, видимо, спросила у мужа, что случилось.

Братья действовали как-то странно. Со стороны можно было даже подумать, что они не понимают друг друга.

Жеф, старший, указывал вдаль, на деревню, должно быть говоря брату, где нужно остановиться. А Хуберт, стоявший за рулем, уже подводил баржу к берегу.

Поняв, что ничего другого не остается, Жеф бросил чалку, и инспектор Невэ, как бывалый моряк, ловко подхватил ее. На берегу оказались кнехты для причала, и через несколько минут баржа остановилась.

— Что еще нужно от нас? — в ярости заорал Жеф.

Между берегом и баржей еще оставалась узкая полоска воды, а он, видно, и не собирался спускать сходни.

— Вы считаете, что можно вот так взять да и остановить судно? — не унимался речник.— Этак и до аварии недалеко, ей-ей!

— Мне нужно с вами поговорить,— сказал Мегрэ.

— Вы говорили со мной в Париже, сколько вам было угодно. Ничего нового я вам не скажу...

— В таком случае мне придется вызвать вас к себе.

— Что-что?.. Чтобы я вернулся в Париж, не выгрузив шифер?..

Хуберт, более покладистый, делал брату знаки, чтоб тот унялся. Затем он сбросил сходни, с ловкостью акробата прошел по ним и закрепил их на берегу.

— Не обижайтесь, мосье. Ведь он прав... Нельзя останавливать судно где попало...

Мегрэ в замешательстве поднялся на борт, не зная толком, о чем их спрашивать. Кроме того, они находились в департаменте Сены-и-Уазы и, по закону, допрос фламандцев должна была вести версальская полиция.

— Долго вы будете нас держать?

— Не знаю...

— Мы не собираемся тут торчать целую ночь. Иначе до захода солнца нам не добраться до Манта.

— В таком случае продолжайте путь!

— Вы поедете с нами?

— Отчего бы и нет?

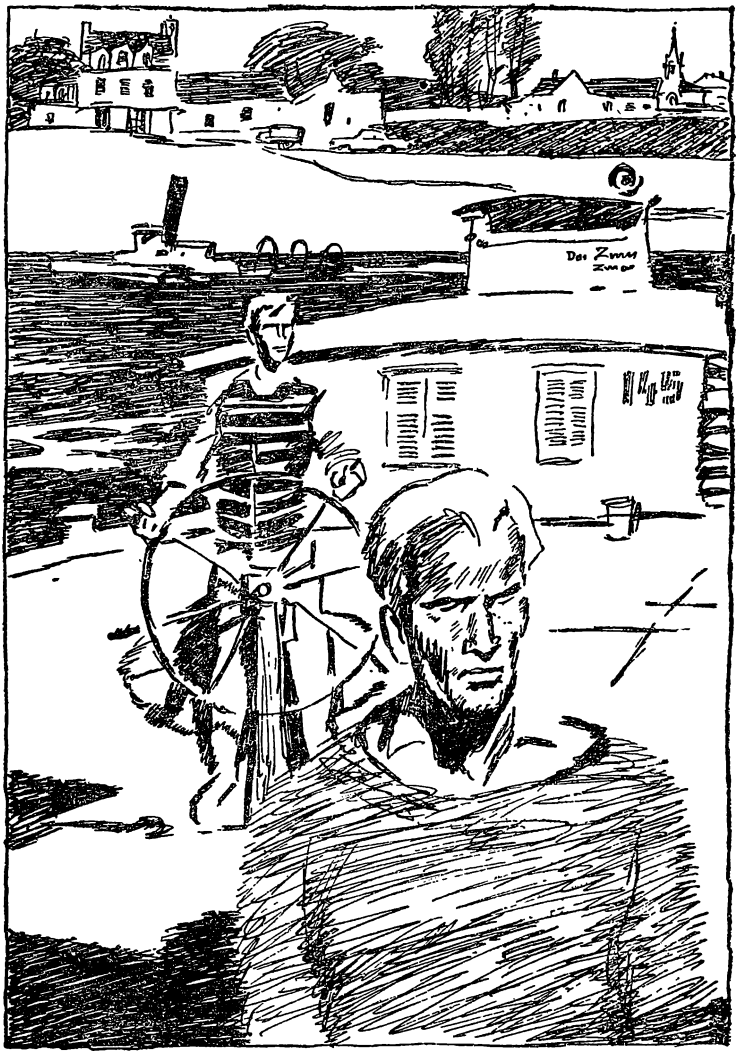
— Ну, знаете, такого еще не бывало.

— Вот что, Невэ, садитесь в машину! Встретимся в Манте.

— Что ты на это скажешь, Хуберт?

— Ничего не поделаешь, Жеф! С полицией не стоит ссориться...

Над палубой по-прежнему виднелась светловолосая

Хуберт ван Гут дал задний ход.

головка молодой женщины, а снизу доносился лепет ребенка. Как и накануне, из каюты неслись аппетитные запахи.

Доску, служившую сходнями, убрали. Прежде чем сесть в машину, Невэ освободил чалку, и она упала в реку, взметнув целый сноп сверкающих брызг.

— Раз у вас есть вопросы, слушаю...

Снова затарахтел двигатель, заплескалась вода, ударяясь о борт судна.

Мегрэ стоял на корме и медленно набивал трубку, размышляя, с чего же начать.

ГЛАВА VI

— Вчера вы мне сказали, что машина была красная, так?

— Да, мосье (он произносил «мосье» на манер шталмейстера, объявляющего программу в цирке). Такая же красная, как этот флаг.

Речник указал пальцем на черно-желто-красный бельгийский флаг, который развевался за кормой.

Хуберт стоял на руле; молодая женщина снова спустилась к ребенку. Что же до Жефа, то в нем, судя по лицу, боролись противоположные чувства. С одной стороны, фламандское гостеприимство требовало принять комиссара подобающим образом, как всякого гостя, и даже поднести ему стаканчик можжевеловой, а с другой — он с трудом сдерживал раздражение из-за этой внезапной остановки на полном ходу. Больше того, он воспринимал предстоящий допрос как оскорбление.

Мегрэ чувствовал себя весьма неловко и все ломал голову, как бы половчее подойти к этому трудному собеседнику. Ему часто приходилось сталкиваться с простыми, малоразвитыми людьми, которые считают, что другие только и ждут случая, чтобы воспользоваться их неосведомленностью. И такое предвзятое убеждение приводит к тому, что они либо становятся слишком развязными, либо замыкаются в упорном молчании.

Не впервые комиссару приходилось вести расследование на барже. Особенно ему запомнилась «конная» бар-

жа, которую тянула вдоль каналов лошадь... На ночь ее забирали на борт вместе с возчиком.

Те давнишние суда были построены из дерева и приятно пахли дегтем, которым их время от времени смазывали. Внутреннее убранство рубки напоминало уютный загородный домик.

А на барже фламандца в открытую дверь видна была вполне современная городская обстановка: массивная дубовая мебель, ковры, вазы на вышитых скатерках, сверкающая медная посуда.

— Где вы находились в ту минуту, когда услышали шум на набережной? Помнится, вы чинили двигатель?

В светлых глазах Жефа, устремленных на комиссара, промелькнуло что-то похожее на замешательство. Видно было, что фламандец колеблется, не зная, какую позицию занять, и явно старается подавить гнев.

— Послушайте, мосье... Вчера утром вы были здесь, когда судья задавал мне вопросы. У вас тоже были вопросы... А тот маленький человечек, что приходил вместе с судьей, записал все на бумаге... Днем он заходил еще раз, чтобы я подписал бумагу. Верно?

— Да, вы правы...

— И вот теперь вы приходите опять и спрашиваете у меня то же самое. Мне хочется вам сказать, что вы дурно поступаете... Если я не ошибаюсь, вы убеждены, что я все наврал... Я, мосье, человек неученый... Мне почти не пришлось ходить в школу. И Хуберту тоже... Но мы оба — труженики, да и Аннеке не бездельница.

— Я хочу только проверить...

— Проверять-то нечего! До сих пор я чувствовал себя на барже так же спокойно, как вы у себя в квартире. И вдруг какого-то неизвестного мне человека бросают в воду... Я прыгаю в ялик, чтобы его спасти... Я не жду ни благодарности, ни денег... Но почему же за это донимать меня вопросами? Вот так я рассуждаю, мосье!

— Мы нашли тех двух мужчин, что приезжали на красной машине...

Действительно ли Жеф изменился в лице или это только показалось Мегрэ?

— Ну и хорошо! Их бы и спрашивали...

— Они утверждают, что вышли из машины не в полночь, а в половине двенадцатого...

— Может быть, у них отстали часы?

— Мы проверили их показания... С набережной они отправились в кафе на улицу Тюрен и прибыли туда без двадцати двенадцать.

Жеф взглянул на брата, который стремительно обернулся к нему.

— Сойдемте лучше вниз,— предложил он Мегрэ.

Довольно просторная каюта служила одновременно и кухней и столовой. В белой эмалированной кастрюле тушилось рагу. Аннеке, кормившая грудью ребенка, сразу прошла в спальню — в приоткрывшуюся дверь комиссар успел разглядеть покрытую стеганым одеялом кровать.

— Может, присядете?

Все еще колеблясь и действуя как бы против собственной воли, речник достал из буфета со стеклянными дверцами темный глиняный кувшин с можжевеловой водкой и два высоких стакана.

Сквозь оконный переплет виднелись деревья, растущие на берегу, иногда мимо проплывала красная крыша какой-нибудь виллы. Жеф со стаканом в руке долго и молча стоял посреди каюты, потом отхлебнул вина и, подержав его во рту, проглотил. Наконец он спросил:

— Он умер?

— Нет. Пришел в сознание.

— Что же он сказал?

Теперь настала очередь Мегрэ помедлить с ответом. Он рассматривал вышитые занавески на окнах, медные плетенки с цветочными горшками, фотографию толстого пожилого мужчины в свитере и морской фуражке, висевшую в золоченой рамке на стене.

Люди такого типа нередко встречаются на судах: коренастые, широкоплечие, с моржовыми усами.

— Это ваш отец?

— Нет, мосье. Это отец Аннеке.

— Ваш отец тоже был речником?

— Мой отец был грузчиком в Антверпе. А это, сами понимаете, неподходящее занятие для доброго христианина, верно?

— Потому вы и стали речником?

— Я начал работать на баржах с тринадцати лет, и до сих пор никто на меня не жаловался...

— Вчера вечером...

Мегрэ рассчитывал расположить к себе собеседника вопросами, не имеющими прямого отношения к делу, но фламандец упрямо качал головой.

— Нет, мосье!.. Я не темню... Вам стоит только перечитать бумагу, которую я подписал...

— А если я обнаружу, что ваши показания не точны?

— Тогда поступайте, как найдете нужным.

— Вы видели, как те двое на машине выехали из-под моста Мари?

— Прочтите, что я говорил...

— Они уверяют, что не проезжали мимо вашей баржи.

— Каждый может болтать, что ему взбредет в голову, верно?

— Они еще утверждают, что на набережной не было ни души и, воспользовавшись этим, они бросили в Сену околевшую собаку.

— Я здесь ни при чем, если они называют это собакой...

Аннеке вернулась, но теперь уже без ребенка, которого, вероятно, уложила спать. Что-то бросив мужу по-фламандски, на что он кивнул, она стала разливать суп.

Баржа замедлила ход. Сначала Мегрэ подумал, что они уже добрались до места, но, поглядев в окно, увидел буксир, а за ним — три баржи, тяжело поднимавшиеся вверх по течению. Они проходили под мостом.

— Судно принадлежит вам?

— Да, мне и Аннеке.

— Ваш брат совладелец?

— А что это такое?

— Это значит, что ему принадлежит определенная доля в имуществе.

— Нет, мосье, баржа принадлежит только мне и Аннеке.

— Значит, брат служит у вас?

— Да, мосье.

Мегрэ начал привыкать к его выговору, к его «мосье» и бесконечным «верно?». По глазам фламандки было видно, что она понимает лишь отдельные французские слова и пытается угадать, о чем говорят мужчины.

— И давно?

— Почти два года...

— А где он работал раньше? На другом судне? Во Франции?

— Так же, как и я: то в Бельгии, то во Франции. Все зависит от грузов...

— Почему вы взяли его к себе?

— Нужен же мне помощник, верно? Сами видите, баржа не маленькая...

— А как же раньше?

— Что — раньше?

— Как же вы обходились без помощи брата?

Мегрэ продвигался вперед очень медленно, на ощупь, подыскивая самые безобидные вопросы — и все это из опасения, как бы его собеседник снова не заартачился.

— Я вас не понимаю.

— У вас были другие помощники?

— Конечно...

Прежде чем ответить, он покосился на жену, словно желая убедиться, что она ничего не поняла.

— Кто же это был?

Чтобы выгадать время и собраться с мыслями, Жеф опять наполнил стаканы.

— Я сам,— наконец заявил фламандец.

— Вы были матросом?

— Нет, механиком.

— А кто же был хозяином?

— Я не уверен, имеете ли вы право задавать мне подобные вопросы... Частная жизнь есть частная жизнь. К тому же, мосье, я бельгийский подданный...— Он начинал нервничать, и его акцент сказывался теперь сильнее.— Так не годится! Мои дела касаются меня одного, и если я фламандец, это еще не значит, что всякий может совать нос в мою корзину с яйцами.

Мегрэ не сразу понял последнюю фразу, но, поняв, с трудом подавил улыбку.

— Я могу опять явиться сюда — на сей раз с переводчиком — и допросить вашу жену.

— Я не позволю беспокоить Аннеке...

— А придется... если я принесу вам бумагу, подписанную судьей! Вот только я думаю, не проще ли отвезти вас всех троих в Париж?

— А что тогда будет с баржей?.. Уверен, что у вас нет никакого права на это!

— Почему же тогда вы не отвечаете мне прямо?

Ван Гут нагнул голову, глядя исподлобья на Мегрэ, будто школьник, готовящий какую-то каверзу.

— Потому что это мои личные дела.

До сих пор он был прав. У Мегрэ не было серьезных мотивов для подобного допроса. Он просто следовал своей интуиции. Его поразило поведение речника, когда он в Жюзье поднялся к нему на баржу.

Это был совсем не тот человек, что в Париже. Он был явно озадачен появлением комиссара и не сумел это скрыть. С этой минуты он держался настороженно, замкнуто, и в глазах его уже не было того насмешливого блеска, того своеобразного юмора, как на набережной Селестэн.

— Вероятно, вы хотите, чтоб я увез вас в Париж?

— Для этого нужно основание. Ведь существуют же законы!

— Основание — ваш отказ отвечать на самые обычные вопросы.

По-прежнему тарахтел двигатель, снизу были видны длинные ноги Хуберта, стоявшего за рулем.

— А все потому, что вы пытаетесь меня запутать.

— И не собираюсь... Просто хочу установить истину.

— Какую истину?

Видно было, что Жеф, расхаживавший по каюте, то проникался уверенностью в своем неоспоримом праве, то, наоборот, казался явно встревоженным.

— Когда вы купили эту баржу?

— Я ее не покупал.

— Однако она принадлежит вам?

— Да, мосье, она принадлежит мне и моей жене.

— Иначе говоря, вы стали ее хозяином, женившись на Аннеке? А раньше баржа тоже принадлежала ей?

— Что ж тут особенного? Мы поженились по всем правилам, в присутствии бургомистра и кюре...

— До того времени владельцем «Звааарте Зваане» был ваш тесть?

— Да, мосье, старый Виллемс.

— Других детей у него не было?

— Нет, мосье...

— А что сталось с его женой?

— Она умерла за год до нашей женитьбы.

— В то время вы уже работали на барже?

— Да, мосье...

— И давно?

— Виллемс нанял меня, как раз когда умерла его жена... Это было в Оденарде...

— Раньше вы работали на другом судне?

— Да, мосье. Оно называлось «Дрие Гебрудерс».

— Почему же вы ушли оттуда?

— Потому что «Дрие Гебрудерс» — старая баржа, она почти никогда не ходила во Францию и перевозила только уголь.

— А вам не нравилось возить уголь?

— Да, грязная работа...

— Значит, вы пришли на эту баржу около трех лет назад. Сколько же лет было тогда Аннеке?

Услышав свое имя, Аннеке с любопытством посмотрела на собеседников.

— Восемнадцать.

— И незадолго до этого умерла ее мать?

— Да, мосье... В Оденарде, я вам уже сказал...

Он прислушался к шуму мотора, посмотрел на берег, подошел к брату и что-то ему сказал. Хуберт приглушил двигатель: баржа подходила к железнодорожному мосту.

Комиссар терпеливо распутывал клубок, стараясь не порвать тоненькую нить.

— Значит, раньше они обходились на барже своими силами,— сказал Мегрэ.— Но вот умерла мать, и им потребовался помощник... Так?

— Да...

— Вы должны были следить за двигателем?

— За двигателем и всем прочим... На судне приходится делать все...

— И вы сразу влюбились в Аннеке?

— Вот это, мосье, уже личный вопрос, верно?.. Это касается только ее и меня.

— Когда вы поженились?

— В будущем месяце исполнится два года.

— А когда умер Виллемс? Это его портрет на стене?

— Да, это он...

— Когда же он умер?

— За полтора месяца до нашего брака.

Мегрэ все казалось, что он продвигается вперед не-

позволительно медленно. Но ничего не оставалось, как, вооружившись терпением, постепенно сужать круг, чтобы не спугнуть фламандца.

— Оглашение брака было сделано после смерти Виллемса?

— У нас оглашение печатают за три недели до свадьбы. А как делают во Франции, не знаю...

— Но вопрос о браке уже был решен?

— Надо думать, раз мы поженились...

— Не можете ли вы задать этот вопрос вашей жене?

— А зачем ей задавать такой вопрос?

— Если этого не сделаете вы, мне придется обратиться к ней через переводчика...

— Что ж...

Он хотел сказать: «Что ж, зовите переводчика!» И тогда Мегрэ оказался бы в трудном положении: ведь они находились в департаменте Сены-и-Уазы, где комиссар не имел права вести подобный допрос.

К счастью, ван Гут передумал и заговорил с женой на родном языке. Аннеке от неожиданности покраснела, потом посмотрела на мужа, на гостя и, улыбнувшись, сказала что-то.

— Вам не трудно перевести?

— Хорошо. Она говорит, что мы давно любили друг друга...

— Примерно с год до свадьбы?

— Примерно так...

— Иначе говоря, все это началось, как только вы появились на барже?

— А что в этом плохого?..

Мегрэ прервал его:

— Я хочу знать только одно: был ли Виллемс в курсе дела?

Жеф промолчал.

— Вероятно, вначале, как большинство влюбленных, вы это скрывали?..

Ван Гут отвернулся и опять стал смотреть на реку.

— Сейчас причаливаем... Я нужен брату на палубе.

Мегрэ пошел за ним. Действительно, уже видны были набережные Мант-ла-Жоли, мост, десяток барж, стоявших у причала.

Мотор заработал медленнее. Дали задний ход, забур-

лила вода у винта. Речники с других судов смотрели на прибывших. Чалку поймал какой-то мальчишка лет двенадцати.

Присутствие на барже человека в городском костюме, да еще в шляпе, привлекло всеобщее внимание.

С одной из барж кто-то обратился к Жефу по-фламандски, и он ответил тоже по-фламандски, продолжая внимательно следить за ходом судна.

На набережной их поджидал инспектор Невэ с сигаретой в зубах, а рядом, у огромной груды кирпича, стояла маленькая черная машина.

— Надеюсь, теперь-то вы оставите нас в покое? Нам пора ужинать. Мы ведь встаем в пять утра.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— На какой еще вопрос?

— Вы не сказали, знал ли Виллемс о ваших отношениях с его дочерью.

— Но ведь я женился на ней или, может, не женился?

— Женились, когда Виллемс умер.

— А разве моя вина, что он умер?

— Он долго болел?

Мегрэ и фламандец снова стояли на корме, и Хуберт, нахмурившись, слушал их разговор.

— Виллемс никогда в жизни не болел, если не считать болезнью то, что каждый вечер он напивался как свинья.

Быть может, Мегрэ ошибся, но ему показалось, что Хуберт удивился, заметив, какой неожиданный оборот принял их разговор, и как-то странно посмотрел на брата.

— Он умер от delirium tremens? [1]

— Это что такое?

— Так чаще всего кончают жизнь пьяницы. Начинается приступ, потом...

— Да не было у него никакого приступа! Просто он так наклюкался, что свалился...

— В воду?

Казалось, Жефу неприятно было присутствие брата, прислушивавшегося к их разговору.

— Ну да, в воду...

— Это произошло во Франции?

Фламандец кивнул.

---

[1] Delirium tremens *(лат.)* — белая горячка.

— В Париже?
— В Париже-то он и пил больше всего...
— Почему?
— Он встречался с какой-то женщиной, уж не знаю где, и они пьянствовали до самой ночи.
— Вы знаете эту женщину?
— Как ее звать — не знаю...
— А где живет, тоже не знаете?
— Нет.
— Но вы их видели вместе?
— Да, встречал, а однажды видел, как они входили в гостиницу... Только Аннеке не надо об этом говорить.
— Разве она не знает, как умер ее отец?
— Знает, но об этой женщине ей никто не говорил.
— Могли бы вы ее узнать?
— Может быть... Хотя не уверен...
— Она была с ним, когда случилось несчастье?
— Не знаю.
— Как же это произошло?
— В точности не могу сказать. Меня там не было...
— А где вы были?
— Лежал на койке.
— А Аннеке?
— На своей койке.
— Который был час?
Жеф ответил, хотя и неохотно:
— Третий час ночи.
— Виллемс часто возвращался так поздно?
— В Париже — да, из-за этой бабы...
— Что же все-таки произошло?
— Я вам уже сказал: он свалился в воду...
— Проходя по сходням?
— Наверное...
— Дело было летом?
— В декабре.
— Вы услышали, как он упал?
— Я услышал, как что-то ударилось о корпус судна.
— Он кричал?
— Нет, не кричал...
— Вы бросились ему на помощь?
— Ну конечно.
— Раздетый?

— Я натянул штаны.

— Аннеке тоже услыхала?

— Не сразу... Она проснулась, когда я поднялся на палубу.

— Когда вы поднимались или когда были уже на палубе?

Во взгляде Жефа промелькнуло что-то похожее на ненависть.

— Спросите у нее! Неужели вы думаете, что я помню?

— Вы увидели Виллемса в воде?

— Ничего я не увидел. Только слышал, как что-то плюхнулось.

— А разве он не умел плавать?

— Как же, умел. Да только в таком виде не очень-то поплаваешь.

— Вы прыгнули в ялик, как и в понедельник вечером?

— Да, мосье.

— Удалось вам вытащить его из воды?

— Минут через десять, не раньше. Всякий раз, как я пытался его схватить, он исчезал под водой...

— Аннеке была на палубе?

— Да, мосье...

— Когда вы его вытащили, он был уже мертв?

— Я еще не знал... Только видел, что он весь синий.

— А потом пришел доктор, полиция?

Да, мосье. У вас есть еще вопросы?

— Где это произошло?

— В Париже. Я же вам говорил...

— В каком месте?

— Мы погрузили вино в Маконе и выгружали его в Париже, на набережной Рапэ.

Мегрэ удалось не выказать ни удивления, ни удовлетворения. Казалось, он вдруг превратился в добродушного человека, раздражение его улеглось.

— Теперь, кажется, все. Итак, Виллемс утонул ночью, у набережной Рапэ. Вы в это время спали на барже. Дочь его тоже. Так?

Жеф молча моргал глазами.

— Примерно через месяц вы женились на Аннеке...

— Не могли же мы жить вдвоем и не пожениться...

— А когда вы вызвали брата?

— Сразу же. Через три-четыре дня.

— После свадьбы?

— Нет. После несчастья.

Солнечный диск уже скрывался за порозовевшими крышами, но было еще светло, правда, свет этот казался каким-то призрачным, тревожным.

Хуберт, глубоко задумавшись, неподвижно стоял у руля.

— Я полагаю, что вы ничего об этом не знаете? — обратился к нему Мегрэ.

— О чем?

— О том, что произошло в понедельник вечером?

— Я был на танцах — на улице Лапп.

— А о смерти Виллемса?

— Я получил телеграмму...

— Теперь уже все? — нетерпеливо перебил его Жеф ван Гут.— Можно садиться за ужин?

Но Мегрэ очень спокойно ответил:

— Боюсь, что еще нет...

Казалось, разорвалась бомба. Хуберт вскинул голову и в упор посмотрел — не на комиссара, а на брата. Во взгляде Жефа зажглась ярость.

— Может быть, вы все-таки скажете, почему я не могу сесть за стол? — спросил он Мегрэ.

— Потому что я намерен отвезти вас в Париж.

— Не имеете права.

— Если понадобится, через час у меня будет ордер на привод, подписанный следователем.

— А почему, скажите на милость?

— Чтобы там продолжить допрос.

— Я сказал все, что знал.

— А еще для того, чтобы устроить вам очную ставку с бродягой, которого вы в понедельник вечером вытащили из Сены.

Жеф повернулся к брату, словно призывал его на помощь:

— Ты думаешь, Хуберт, что комиссар имеет право?..

Но Хуберт промолчал.

— Вы хотите увезти меня в этой машине? — указал он рукой на набережную, где рядом с машиной стоял Невэ.— А когда мне позволят вернуться на баржу?

— Может быть, завтра...

— А если не завтра?

— В таком случае, возможно, что и никогда.

— Что?.. Что такое?

Жеф вдруг сжал кулаки, и на какой-то миг Мегрэ подумал, что фламандец сейчас бросится на него.

— А моя жена? А мой ребенок? Что это вы затеяли? Я сообщу своему консулу!

— Это ваше право.

— Вы что, смеетесь надо мной?

Ему все еще не верилось.

— Да разве можно ни с того ни с сего ворваться на судно и арестовать человека, который не сделал ничего дурного?

— Я вас еще не арестовал.

— А как же это тогда называется?

— Я просто увожу вас в Париж, на очную ставку со свидетелем, которого пока нельзя перевозить.

— Но я же совсем не знаю этого человека. Он звал на помощь, вот я и вытащил его из воды. Если бы я думал...

На палубе появилась Аннеке и что-то спросила у мужа по-фламандски. Он долго ей что-то объяснял. Потом она по очереди оглядела трех мужчин и снова обратилась к Жефу. Мегрэ мог бы поручиться, что она советовала мужу поехать с ним.

— Где вы собираетесь устроить меня на ночлег?

— Вам дадут кровать на Набережной Орфевр.

— В тюрьме?

— Нет, в Сыскной полиции.

— Могу я переодеться?

Комиссар кивнул, и фламандец с женой спустился в каюту. Мегрэ остался наедине с Хубертом. Тот по-прежнему упорно молчал, рассеянно разглядывая машины и прохожих на берегу. Комиссару тоже не хотелось говорить. Он страшно устал от этого допроса, который вел на ощупь, не раз падая духом и думая, что он ничего не добьется.

Первым заговорил Хуберт.

— Не обращайте внимания на его грубость,— примирительно произнес он.— Парень он горячий, но неплохой.

— Виллемс знал об его отношениях с дочерью?

— На барже трудно что-нибудь скрыть.

— Как вы думаете, отцу по душе был этот брак?

— Не знаю, меня тогда не было...

— И вы тоже считаете, что он, напившись, свалился в воду со сходней?

— Частенько бывает и так. Многие речники гибнут именно такой смертью...

В каюте о чем-то разговаривали по-фламандски. В голосе Аннеке слышалась мольба, фламандец же не скрывал своего гнева. Быть может, он опять отказывается ехать с комиссаром?

Победа осталась за женой. Когда Жеф снова появился на палубе, волосы его были тщательно причесаны, даже немного влажны. Белая рубашка подчеркивала смуглый загар. Синий, почти новый костюм, полосатый галстук и черные башмаки — все выглядело так, будто он собрался на воскресную мессу.

Не глядя на Мегрэ, Жеф сказал что-то по-фламандски брату, потом сошел на берег и остановился возле черной машины.

Комиссар открыл дверцу. Невэ с удивлением посмотрел на них.

— Куда поедем, шеф?

— На Набережную Орфевр.

Они двинулись в путь. Было уже темно. В свете фар мелькали то деревья, то сельские домики и, наконец, серые улицы большого предместья.

Устроившись в углу, Мегрэ молча посасывал трубку. Жеф ван Гут тоже не открывал рта, и Невэ, удивленный этим необычным молчанием, ломал себе голову, что же могло произойти.

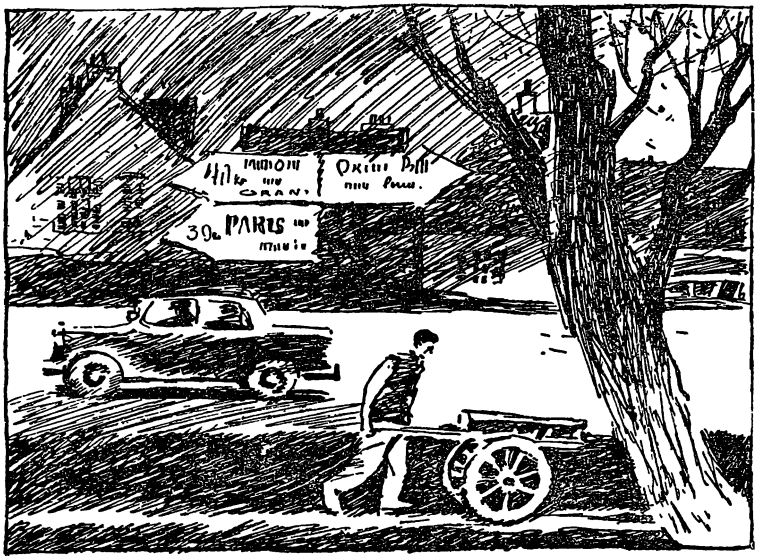
— Все удачно, шеф? — рискнул он наконец задать вопрос. Но, не получив ответа, умолк и продолжал вести машину.

Было уже восемь часов вечера, когда они въехали в ворота Дворца Правосудия. Свет горел только в нескольких окнах, но старый Жозеф был на своем посту.

В комнате инспекторов было почти пусто. Лапуэнт, поджидавший своего начальника, что-то печатал на машинке.

— Попроси, чтобы принесли бутерброды и пиво!

— На сколько человек?

— На двоих... Нет, впрочем, на троих. Ты мне можешь понадобиться. Ты свободен?

— Да, шеф.

В кабинете Мегрэ речник выглядел еще более длинным и тощим, черты его лица вроде бы еще больше обострились...

— Можете сесть, мосье ван Гут.

При слове «мосье» Жеф нахмурился, усмотрев в этом какую-то угрозу.

— Сейчас нам принесут бутерброды.

— А когда я могу повидаться с консулом?

— Завтра утром.

Мегрэ сел за свой стол и позвонил жене:

— К ужину не вернусь... Нет... Возможно, мне придется задержаться...

Очевидно, ей хотелось засыпать его вопросами, но она ограничилась одним-единственным. Зная, как волнует мужа судьба бродяги, она спросила:

— Он умер?

— Нет...

Госпожа Мегрэ даже не поинтересовалась, задержал ли он кого-нибудь. Раз муж звонит из своего кабинета и предупреждает, что проведет там часть ночи, значит, допрос либо уже начался, либо вот-вот начнется.

— Спокойной ночи!

Он с досадой посмотрел на Жефа.

— Я же просил вас сесть...

Ему было как-то не по себе при виде этой долговязой фигуры, застывшей посреди кабинета.

— А если я не желаю сидеть? Ведь это мое право. Хочу — стою, хочу — сижу, верно?

Мегрэ только вздохнул и стал терпеливо ждать, когда мальчик из кабачка «Дофин» принесет бутерброды и пиво.

ГЛАВА VII

Эти ночи, которые в восьми случаях из десяти неизменно оканчивались признанием обвиняемых, постепенно обрели свои традиции, свои правила, подобно театральным пьесам, сыгранным сотни раз.

Когда мальчик из кабачка «Дофин» принес бутерброды и пиво, дежурные инспектора сразу поняли, в чем дело.

Мерзкое настроение и с трудом сдерживаемый гнев не помешали фламандцу наброситься на бутерброды и залпом осушить первую кружку, искоса поглядывая на Мегрэ.

То ли из вызова, то ли в знак протеста, он ел неопрятно, чавкал, широко раскрывая рот, и, словно с палубы в воду, выплевывал на пол хрящики, попадавшиеся в ветчине.

Комиссар, внешне спокойный и благожелательный, делал вид, что не замечает этих выпадов, и не мешал речнику расхаживать взад и вперед по кабинету, как дикому зверю в клетке.

Прав ли был Мегрэ? Проводя дознание, пожалуй, самое трудное — это решить, в какой момент следует выдвинуть главный козырь. Но нет никаких установленных правил, которые могли бы точно определить, когда это сделать. Просто надо обладать интуицией.

Мегрэ не раз случалось приступать к расследованию, не имея никаких серьезных данных. И все-таки за несколько часов он одерживал победу. Бывало и наоборот, когда при наличии явных улик и десятка свидетелей приходилось биться целую ночь.

В каждом отдельном случае самое важное — найти правильный тон. Вот какие мысли одолевали Мегрэ, когда он, заканчивая свой скромный ужин, поглядывал на речника.

— Хотите еще бутерброд?

— Я хочу только одного — поскорее вернуться на баржу к моей жене.

Наконец ему наскучило шагать по комнате, и он остановился. Мегрэ понимал, что тут нельзя торопиться, что лучше всего вести допрос «под сурдинку»: приветливо начать, ни в чем не обвиняя, незаметно подвести к одному якобы незначительному противоречию, потом к другому, наконец, добиться, чтобы обвиняемый совершил пусть даже не слишком грубую ошибку, но все-таки ошибку, и так мало-помалу затянуть узел.

Отослав Лапуэнта с каким-то поручением, Мегрэ остался с глазу на глаз с Жефом.

— Послушайте, ван Гут...

— Я слушаю вас уже не первый час, верно?

— Мы говорим так долго лишь потому, что вы не хотите откровенно отвечать.

— Может быть, вы собираетесь назвать меня лжецом?

— Я вовсе не обвиняю вас во лжи. Просто мне думается, вы чего-то недоговариваете...

— А что бы вы сказали, если бы я полез к вам с вопросами о вашей жене и детях?

— У вас было тяжелое детство... Ваша мать, должно быть, мало занималась вами?

— Слава богу, теперь уже и до матери добрались! Так знайте же, что она умерла, когда мне было всего пять лет. И это была на редкость порядочная женщина, святая, и если она сейчас смотрит на меня с небес...

Мегрэ старался ничем не выказывать нетерпения и с сосредоточенным видом смотрел прямо перед собой.

— Ваш отец женился вторично?

— Отец — это другое дело... Он здорово пил...

— С каких лет вы стали работать?

— Я вам уже говорил. С тринадцати лет...

— Есть у вас еще братья, кроме Хуберта? Или сестры?

— Есть сестра. Ну и что?

— Ничего. Просто мы знакомимся.

— В таком случае и я должен бы задавать вам вопросы.

— Извольте.

— Вам-то что, вы сидите в своем кабинете и считаете, что вам все дозволено.

С самого начала Мегрэ уже видел, что разговор будет долгий и трудный. Ван Гут не блещет умом, а известно, что трудно иметь дело с людьми недалекими. Они всегда упорствуют, отказываются отвечать, не колеблясь отрицают то, что утверждали часом раньше, и нисколько не смущаются, когда их тычут носом в собственные противоречия.

Если подозреваемый умен, то достаточно нащупать слабое место в его утверждениях, в его системе защиты, чтобы он не замедлил «расколоться».

— Думаю, что я не ошибаюсь, считая вас работягой.

Тяжелый, недоверчивый взгляд исподлобья.

— Это верно. Я всегда много работал.

— Некоторые хозяева, наверное, злоупотребляли вашей молодостью, вашей добросовестностью. И вот вы встретили Луи Виллемса, который пил, как и ваш отец...

Застыв посреди комнаты, Жеф смотрел на Мегрэ, словно животное, которое почуяло опасность, но еще не знает, с какой стороны ждать нападения.

— Я убежден, что если бы не Аннеке, вы не стали бы работать на «Зваарте Зваан» и перешли бы на какую-нибудь другую баржу.

— Мадам Виллемс тоже была славная женщина.

— Она не была заносчивой и властной, как ее муж...

— С чего вы взяли, что он был заносчивый?

— А разве это не так?

— Он был босс, хозяин, и хотел, чтобы все помнили об этом.

— Уверен, будь мадам Виллемс жива, она бы не противилась вашему браку с ее дочерью!

Фламандец не был умен, но обладал чутьем дикого зверя, и на этот раз Мегрэ слишком поторопился.

— Ага... Значит, вот что вы придумали... А ведь и я тоже могу выдумывать истории, верно?

— Ничего я не выдумываю. Такой мне представляется ваша жизнь. Впрочем, быть может, я и ошибаюсь...

— Тогда плохи мои дела, если вы по ошибке упечете меня в тюрьму.

— Да выслушайте же меня до конца, черт возьми! У вас было тяжелое детство. Еще ребенком вы уже работали, как взрослый мужчина. Но вот вы встречаете Аннеке... Она смотрит на вас не так, как другие. В ее глазах вы не наймит, обязанный делать всю черную работу, а в ответ выслушивать только брань. Она видит в вас настоящего человека. Конечно, вы ее сразу полюбили. И будь жива ее мать, она наверняка бы порадовалась вашей любви...

Наконец фламандец сел, правда, еще не в кресло, а на подлокотник, но и это был уже прогресс.

— Ну и что дальше? — спросил он.— Знаете, забавная получается у вас история.

— К несчастью, мадам Виллемс умирает. Вы остаетесь на барже втроем с ее мужем и Аннеке. Вы проводите с девушкой целые дни, и, даю голову на отсечение, Виллемс следит за вами...

— Это по-вашему так!

— Владельцу судна вовсе не улыбается, чтобы его дочь вышла замуж за парня без гроша в кармане. По вечерам, напившись, он становится омерзительным, грубым...

Наконец Мегрэ вновь обрел присущую ему осторожность и внимательно следил за выражением глаз фламандца.

— И вы думаете, что я кому-нибудь позволю поднять на себя руку?

— Уверен, что нет. Руку-то он поднимал, но не на вас, а на свою дочь. И не сомневаюсь, что как-то раз он застал вас вдвоем...

На какую-то минуту Мегрэ замолк, дымя трубкой. Наступила гнетущая тишина.

— Вы только что упомянули об одной очень любопытной детали. Виллемс сходил на берег чаще всего в Париже, потому что там у него была приятельница, с которой он вместе пьянствовал. В других городах он пил либо

на барже, либо в каком-нибудь кабачке недалеко от набережной. Как и все речники, он, по вашим словам, вставал чуть свет, а укладывался спать рано. В Париже вы с Аннеке имели возможность оставаться вдвоем...

В соседнем кабинете послышались чьи-то шаги и голоса. В комнату заглянул Лапуэнт:

— Все в порядке, шеф.

— Подожди немного.

И допрос продолжался. В кабинете было не продохнуть от дыма.

— Возможно, однажды вечером он вернулся раньше обычного и застал дочь в ваших объятиях. Виллемс пришел в ярость, а в гневе он, конечно, бывал ужасен. Он мог вышвырнуть вас за дверь... мог ударить дочь...

— Это все ваши выдумки,— упрямо повторил Жеф.

— На вашем месте я бы придерживался именно этой выдумки. Тогда смерть Виллемса можно было бы рассматривать почти как несчастный случай...

— Это и был несчастный случай.

— Я сказал «почти». Я даже не утверждаю, что вы помогли ему свалиться в воду. Он был пьян. Не стоял на ногах. Может быть, в эту ночь шел дождь?

— Да...

— Вот видите! Значит, доска была скользкая. Ваша вина лишь в том, что вы не сразу оказали ему помощь. Если, конечно, не совершили более тяжкого проступка и не столкнули его сами. Но было это два года назад, и в полицейском протоколе говорится о несчастном случае, а не об убийстве...

— Так в чем же дело? Почему вы стараетесь припаять мне убийство?

— Я пытаюсь только разобраться в этой истории. Предположим теперь, что кто-то видел, как вы толкнули Виллемса в воду. Этот человек мог находиться на набережной, хотя в ту минуту вы его и не видели. Он мог сообщить в полицию, что вы не сразу прыгнули в лодку, а довольно долго стояли на палубе, выжидая, пока хозяин захлебнется.

— А Аннеке? Может быть, она тоже все видела и молчала?

— Допускаю, что в два часа ночи она спала... Во всяком случае, человек, который ночевал в ту ночь под мо-

стом Берси и видел вас, ничего не сообщил полиции. Бродяги не очень-то любят вмешиваться в чужие дела. Они по-иному смотрят на вещи, и у них свое понятие о справедливости... Теперь вы могли жениться на Аннеке, а так как на барже нужен был помощник, вы вызвали из Бельгии брата. Наконец-то вы были счастливы и, говоря вашим языком, сами стали боссом. С тех пор вы много раз заходили в Париж и, могу поклясться, избегали причаливать у моста Берси...

— Ошибаетесь, мосье! Я приставал там не менее трех раз...

— Лишь потому, что того человека там больше не было. Бродяги тоже меняют место жительства, и ваш незнакомец устроился под мостом Мари. И вот в тот понедельник он узнал «Зваарте Зваан», узнал вас... И я начинаю думать...

Мегрэ сделал вид, будто ему вдруг пришла в голову какая-то мысль.

— О чем же вы начинаете думать?..

— Я начинаю думать, уж не заметили ли вы его на набережной Рапэ, когда Виллемса вытащили из воды? Да! Почти наверняка вы должны были его заметить. Он подошел, но ничего не сказал. И вот в тот понедельник, когда он стал расхаживать вокруг вашей баржи, вы подумали, что он, может, что-нибудь сболтнул. Вполне возможно, что он и пригрозил вам...

Последнему комиссар сам не верил. Слишком уж это было непохоже на Тубиба. Но сейчас такая версия была ему необходима.

— Вы испугались... Но вдруг подумали: а почему бы и с ним не могло случиться то же самое, что и с Виллемсом?

— И я сбросил его в воду? Так, что ли?

— Допустим, что вы его толкнули...

Жеф снова поднялся. Теперь тон его стал спокойнее, жестче.

— Нет, мосье, вы никогда не заставите меня сознаться в том, чего не было. Все это ваши выдумки.

— Может быть, я в чем-то ошибся. В таком случае скажите мне...

— Я уже сказал.

— Что?

— Все это черным по белому записал тот коротышка, что приходил с судьей.

— Вы заявили тогда, что около полуночи услышали шум...

— Раз я сказал, значит, так и было.

— Вы еще сказали, что двое мужчин — один из них в светлом дождевике — вышли как раз в это время из-под моста Мари и направились к красной машине...

— Так она и была красная!

— И что они прошли мимо вашей баржи...

Ван Гут даже и бровью не повел. Мегрэ поднялся с кресла и отворил дверь.

— Входите, господа!

Оказывается, тем временем Лапуэнт отправился за страховым агентом и его другом-заикой. Он застал их втроем вместе с мадам Гийо за партией в белот, и мужчины беспрекословно последовали за ним. Гийо был в том же светлом дождевике, что и в понедельник вечером.

— Это те самые люди, что уехали на красной машине?

— Думаю, не одно и то же — видеть людей ночью, на плохо освещенной набережной, или в кабинете...

— Они подходят под описание, которое вы дали.

Жеф пожал плечами, не собираясь ничего уточнять.

— Что ж, они действительно были в тот вечер на набережной Селестэн... Не угодно ли вам, мосье Гийо, рассказать, что вы там делали?

— Мы спустились в машине к самой воде...

— На каком расстоянии от моста?

— Более, чем на сто метров.

— Внизу вы остановили машину?

— Да, мосье.

— А дальше?

— Дальше мы вышли из машины и подошли к багажнику, чтобы вынуть собаку.

— Она была тяжелая?

— Нестор весил больше, чем я: семьдесят два килограмма. В последний раз я взвешивал его два месяца назад у мясника...

— У набережной стояла на причале баржа?

— Да.

— Итак, взяв свой груз, вы направились к мосту Мари?

Ардуэн открыл было рот, чтобы возразить, но тут, по счастью, вмешался его друг.

— Почему вы решили, что мы направились к мосту Мари?

— Потому, что так утверждает этот человек.

— Он видел, как мы шли к мосту Мари?

— Не совсем так... Он видел, как вы шли обратно.

Двое друзей переглянулись.

— Он не мог видеть, как мы шли вдоль баржи, потому что мы бросили собаку в воду у самой кормы. Я даже боялся, как бы мешок не зацепился за руль. И даже подождал, чтобы убедиться, что труп унесло течением...

— Вы слышали, Жеф?

Но тот, нимало не смущаясь, заметил:

— Это все его выдумка. А у вас была своя. Другие еще чего-нибудь навыдумывают, верно? А при чем тут я?

— Который был час, мосье Гийо?

Тут уж Ардуэн не мог удовольствоваться немой ролью и вмешался:

— По... по... почти... половина...

— Примерно половина двенадцатого,— прервал его господин Гийо.— Без двадцати двенадцать мы уже были в кафе на улице Тюрен.

— Ваша машина красного цвета?

— Да, у меня красная машина, «Пежо-403».

— И в номерном знаке есть две девятки?

— 7949, Л-Ф 75. Можете посмотреть технический паспорт...

— Не хотите ли, мосье ван Гут, спуститься во двор и опознать машину?

— Я хочу только одного — вернуться к жене.

— Как вы объясняете эти противоречия в показаниях?

— Объяснять — ваше дело, а не мое.

— Вы понимаете, какую вы допустили ошибку?

— Да: вытащил человека из воды.

— Но сделали вы это не по своей воле.

— Как — не по своей воле? Значит, я был вроде лунатика, когда отвязал ялик и взял багор?

— Вы забыли об одной детали: кроме вас, еще кое-кто тоже слышал крики бродяги... Виллемс — тот не кри-

чал: видимо, от холодной воды его сразу же хватил удар. С Тубибом вы были осторожнее и сначала оглушили его. Вы были уверены, что он мертв или, во всяком случае, не справится с течением и водоворотами... Услышав крики, вы были неприятно поражены. И вы бы не пошевелили пальцем — пусть себе покричит, пока не отдаст богу душу,— если б не услышали голоса речника с «Пуату». Он видел, что вы стояли на палубе своей баржи. Тогда-то вы и сочли нужным разыграть роль спасителя!

Жеф только пожимал плечами.

— Когда я вам сказал, что вы допустили ошибку, я имел в виду не то, что вы бросились спасать человека. Я имел в виду ту историю, что вы рассказали, вернее, сочли нужным рассказать мне, чтобы рассеять подозрения. Вы ее тщательно продумали...

Страховой агент и его друг, потрясенные, смотрели то на комиссара, то на фламандца, поняв наконец, что на карту поставлена человеческая жизнь.

— В половине двенадцатого вы вовсе не чинили мотор, как пытались нас убедить. Вы находились в таком месте, откуда видна набережная — либо в каюте, либо где-нибудь на палубе... Иначе вы бы не заметили красной машины. Вы видели, как бросили в воду собаку, и вспомнили об этом, когда полиция стала расспрашивать о случившемся. Вы решили, что машину не найдут, и заявили, будто видели двух мужчин, возвращавшихся из-под моста Мари.

— Я никому из вас не мешал говорить, верно? Они болтают что хотят, и вы тоже болтаете что хотите...

Мегрэ снова подошел к двери.

— Мосье Гуле, прошу вас!

Лапуэнт ввел в кабинет речника с баржи «Пуату», которая все еще разгружала песок у набережной Селестэн.

— В котором часу вы услышали крики на реке?

— Около полуночи.

— А не можете сказать точнее?

— Нет.

— Было больше половины двенадцатого?

— Наверняка. Когда все было кончено, я хочу сказать, когда тело вытащили на берег и пришел ажан, было уже половина первого. По-моему, ажан записал время

у себя в блокноте. И, уж конечно, больше получаса не могло пройти с той минуты, как...

— Что вы на это скажете, ван Гут?

— Я? Ничего... Он тоже рассказывает по-своему. Верно?

— И ажан рассказывает?

— Ажан тоже может выдумать.

В десять часов вечера, когда три свидетеля ушли, из кабачка «Дофин» снова принесли поднос с бутербродами и с бутылками пива. Мегрэ вышел в соседнюю комнату и сказал Лапуэнту:

— Теперь твоя очередь...

— Что я должен у него спрашивать?

— Что хочешь...

Такая уж у них была система. Случалось, они сменяли друг друга по три-четыре раза в течение ночи, задавая одни и те же вопросы, но несколько в ином разрезе, стараясь мало-помалу измотать подозреваемого.

— Алло! Соедините меня, пожалуйста, с женой.

Госпожа Мегрэ еще не ложилась.

— Не жди меня... не советую...

— Ты, кажется, устал. Трудный допрос?

Она почувствовала по тону, что настроение у него неважное.

— Он будет отпираться до конца, не давая ни малейшей зацепки. В жизни не встречал более упрямого негодяя.

— А как Тубиб?

— Сейчас узнаю...

Он тут же позвонил в больницу и попросил к телефону ночную сиделку хирургического отделения.

— Спит. Нет, болей нет... После обеда его смотрел профессор и заявил, что теперь он вне опасности.

— Больной что-нибудь говорил?

— Перед сном попросил пить.

— А больше ничего не говорил?

— Ничего. Принял снотворное и закрыл глаза.

Полчаса Мегрэ расхаживал по коридору, предоставив сражаться Лапуэнту, голос которого гудел за дверью. Затем решил вернуться к себе и, войдя в кабинет, увидел, что ван Гут снова сидит в кресле, положив на колени огромные руки.

По лицу Лапуэнта не трудно было угадать, что он ничего не добился, тогда как речник насмешливо посматривал на него.

— Долго будет продолжаться эта канитель? — спросил он, видя, что Мегрэ снова уселся в кресло.— Не забудьте, что вы мне обещали вызвать консула. Я расскажу ему обо всех ваших фокусах, и об этом напишут в бельгийских газетах.

— Послушайте, ван Гут...

— Я слушаю вас час за часом, а вы долбите одно и то же. И этот тоже.— Он указал на Лапуэнта.— Может, у вас за дверью стоят еще другие, которые опять же будут меня допрашивать?

— Может быть.

— Но я отвечу им то же самое.

— В ваших показаниях много противоречивого.

— А если даже и так? Посмотрел бы я, как бы вы не противоречили себе на моем месте!

— Вы же слышали, что утверждают свидетели.

— Свидетели говорят одно, а я говорю другое. Это еще не доказывает, что я вру. Я всю жизнь работал. Спросите у любого речника, что́ он думает о ван Гуте. Не найдете ни одного, кто плохо бы отозвался обо мне.

И Мегрэ начал все сызнова, решив, что на этот раз доведет дело до конца. Ему вспомнился случай, когда человек, столь же неподатливый, как ван Гут, вдруг спасовал на шестнадцатом часу допроса, в ту минуту, когда комиссар уже собирался оставить его в покое.

Это была одна из самых изнурительных ночей в практике Мегрэ. Дважды он уходил в соседний кабинет, а на его место садился Лапуэнт. Под конец не осталось ни бутербродов, ни пива, и все трое походили на трех призраков, затерянных в пустынных кабинетах Дворца Правосудия, где уборщицы уже начали подметать коридоры.

— Вы не могли видеть, как эти двое мужчин проходили мимо вашей баржи.

— Разница между нами в том, что я был там, а вас там не было...

— Но вы же слышали их показания?

— Все что-нибудь болтают.

— Учтите, я не обвиняю вас в преднамеренном акте...

— Это что такое?

— Я не утверждаю, что вы заранее решили его убить.

— Кого? Виллемса или того человека, которого я вытащил из воды? Ведь теперь их уже двое, верно? А завтра, может быть, окажется трое, четверо, пятеро... Вам ничего не стоит прибавить еще кого-нибудь.

В три часа ночи измученный Мегрэ решил прекратить допрос. Теперь уж все опротивело ему, Мегрэ, а не допрашиваемому.

— На сегодня хватит,— буркнул он, поднимаясь.

— Значит, я могу вернуться к жене?

— Пока нет...

— Вы отправите меня ночевать в тюрьму?

— Вы будете спать здесь, в одном из кабинетов, на раскладушке.

Лапуэнт увел фламандца, а Мегрэ, выйдя из Дворца Правосудия, зашагал по пустынным улицам. Лишь возле Шатлэ ему удалось поймать такси.

Он тихонько вошел в спальню; мадам Мегрэ повернулась и сонным голосом спросила:

— Это ты?

Будто это мог быть кто-нибудь другой.

— Который час?

— Четыре...

— Он сознался?

— Нет.

— Но ты думаешь, что это все-таки он?

— Уверен.

— И пришлось его отпустить?

— Пока еще нет.

— Хочешь, я приготовлю тебе чего-нибудь поесть?

Мегрэ не хотел есть, но, перед тем как лечь спать, залпом осушил стакан вина. Впрочем, это не помешало ему добрых полчаса ворочаться без сна с боку на бок.

Да, надолго он запомнит этого бельгийского речника!

ГЛАВА VIII

Утром их сопровождал Торанс, так как Лапуэнту пришлось всю ночь пробыть на Набережной Орфевр. Но сначала Мегрэ по телефону связался с больницей.

— Уверен, что со вчерашнего дня больной находится в полном сознании,— подтвердил профессор.— Только прошу вас не утомлять его. Не забывайте, что он перенес тяжелое потрясение и придет в нормальное состояние лишь через несколько недель.

Втроем они зашагали по залитым солнцем набережным. Комиссар, Торанс и между ними — ван Гут. Их можно было принять за праздных гуляк, наслаждающихся прекрасным весенним утром.

Лицо ван Гута — он не догадался захватить бритву — заросло светлой щетиной, блестевшей на солнце.

Они зашли в бар напротив Дворца Правосудия и выпили по чашке кофе со сдобой. Фламандец с невозмутимым видом съел семь булочек.

Вероятно, ван Гут думал, что его ведут к мосту Мари, на место происшествия, и очень удивился, когда они свернули в мрачный двор больницы, а потом пошли по бесконечным больничным коридорам.

Порой ван Гут хмурился, но волнения не проявлял.

— Можно войти? — спросил Мегрэ у старшей сестры.

Та окинула любопытным взглядом его спутника и пожала плечами. Все эти вещи были выше ее понимания, так что она и не старалась понять.

В очной ставке фламандца с Келлером Мегрэ видел свой последний шанс.

Он первым вошел в палату. Взгляды всех больных, как и накануне, тотчас устремились на него. Широкие плечи Мегрэ заслоняли идущего следом за ним Жефа; шествие замыкал Торанс.

Безразлично, без всякого интереса Тубиб следил за их приближением. Даже появление речника не произвело на него никакого впечатления.

Что же касается Жефа, то он тоже держался абсолютно спокойно — вот так же, как и на протяжении всей ночи. Свесив руки, он равнодушно взирал на непривычное для него зрелище больничной палаты.

Реакции, которой так ждал Мегрэ, не последовало.

— Подойдите ближе, Жеф!

— Ну что еще вам нужно от меня?

— Подойдите сюда!

— Ладно... А что дальше?

— Вы узнаете его?

— Должно быть, этот тип тогда тонул, верно? Только в тот вечер у него была здоровая щетина...

— И все-таки вы узнаете его?

— Вроде бы так...

— А вы, мосье Келлер?

Мегрэ затаив дыхание впился взглядом в бродягу. Тубиб тоже пристально взглянул на комиссара и наконец, как бы решившись, медленно повернулся к речнику.

— Вы узнаете его?

Как знать: колебался ли Келлер? Комиссар был уверен, что да. Прошла томительная минута ожидания, затем врач из Мюлуза снова спокойно посмотрел на Мегрэ.

— Вы узнаете его?

Комиссар едва сдерживал гнев, теперь наверняка зная, что этот человек решил молчать. Доказательство тому — тень улыбки на лице бродяги, лукавые искорки в зрачках.

Губы больного приоткрылись, и он тихо сказал:

— Нет.

— Это один из тех двух, что вытащили вас из Сены...

— Спасибо,— еле слышно произнес Тубиб.

— И он же — я в этом почти уверен — ударил вас по голове, а потом сбросил в воду...

Молчание. Тубиб не дрогнул, не пошевелился; жили только его глаза.

— Вы по-прежнему его не узнаете?

Невероятно напряженная сцена: разговор велся вполголоса, меж двух рядов коек; все больные следили за каждым их жестом, ловили каждое слово.

— Вы не хотите отвечать?

Келлер остался недвижим.

— А ведь вам известно, почему он покушался на вас!

Во взгляде больного промелькнуло любопытство. Казалось, бродяга был удивлен, что Мегрэ удалось столько разузнать.

— Это случилось два года назад, когда вы еще ночевали под мостом Берси. Однажды ночью... Вы меня слышите?

Тот кивнул.

— Однажды ночью, в декабре, вы невольно явились свидетелем преступления, в котором был замешан этот человек.

Келлер, казалось, раздумывал, как ему поступить.

— Тогда он столкнул в реку,— продолжал Мегрэ,— хозяина баржи, подле которой вы ночевали. Правда, его-то вытащили слишком поздно...

Опять молчание и полное безразличие на лице больного.

— Это правда? Увидев вас в понедельник на набережной Селестэн, убийца испугался, что вы проболтаетесь.

Больной с трудом повернул голову и посмотрел прямо в лицо Жефу ван Гуту.

Однако в его взгляде не угадывалось ни ненависти, ни злобы — ничего, кроме проблесков любопытства.

Мегрэ понял, что ему ничего больше не удастся вытянуть у бродяги, и, когда сестра попросила посетителей уйти, комиссар не стал настаивать. Они вышли.

В коридоре речник вскинул голову:

— Ну как? Здорово вы продвинулись в этом деле?

Фламандец был прав: на сей раз выиграл он.

— Я тоже,— торжествующе продолжал ван Гут,— умею выдумывать всякие истории!

Не стерпев, Мегрэ буркнул сквозь зубы:

— Заткнись!

* * *

Пока Жеф в обществе Торанса сидел в кабинете на Набережной Орфевр, Мегрэ провел около двух часов у судьи Данцигера. Тот позвонил помощнику прокурора Паррену и попросил его зайти. Затем Мегрэ подробно — от начала до конца — изложил им свою версию преступления.

Судья делал у себя в блокноте пометки карандашом и, когда Мегрэ закончил, со вздохом произнес:

— В общем, у вас нет против него ни одной улики.

— Ни одной,— подтвердил комиссар.

— За исключением несовпадения во времени в его показаниях. Но любой опытный адвокат отведет этот аргумент.

— Знаю.

— У вас есть надежда добиться признания?

— Никакой.

— Бродяга будет по-прежнему молчать?

— Я в этом убежден.

— Как вы думаете, почему он занял такую странную позицию?

Объяснить это было трудно. Особенно тем, кто никогда не сталкивался с людьми, ночующими под мостами.

— Вот именно: почему? — вставил слово помощник прокурора.— Ведь он чуть не отправился на тот свет. Мне думается, он должен был бы...

В самом деле, как иначе мог думать помощник прокурора, который жил с семьей в Пасси[1], устраивал у себя дважды в месяц приемы и заботился прежде всего о собственной карьере и о повышении оклада.

Но не так думал бродяга.

Ведь существует же правосудие!

Еще бы! Но те, кто не боится спать зимой под мостами, завернувшись для тепла в старые газеты, меньше всего думают об этом самом правосудии.

— Ну, а вы, комиссар, его понимаете?

Мегрэ не решился ответить «да», поскольку это вызвало бы недоумение.

— Видите ли... для него суд присяжных, разбирательство дела, вопросы, приговор и тюрьма — все это не имеет существенного значения.

Что бы подумали эти двое, если бы комиссар рассказал им о стеклянном шарике, который он вложил в руку пострадавшего? Или хотя бы о том, что бывший доктор Келлер, чья жена живет на острове Сен-Луи, а дочь вышла замуж за крупного фабриканта аптекарских товаров, хранит у себя в кармане, как десятилетний мальчишка, стеклянные шарики?

— Он все еще требует встречи с консулом?

Речь снова зашла о Жефе.

Взглянув на помощника прокурора, судья нерешительно заметил:

— При таком положении дела я едва ли смогу подписать ордер на его арест. Судя по вашим словам, комиссар, если я даже и допрошу ван Гута, то это все равно ни к чему не приведет.

Да, чего не смог добиться Мегрэ, вряд ли добьется судья!

---

[1] Пасси́ — один из фешенебельных районов Парижа.

— Что же дальше?

Что дальше? Прежде чем прийти сюда, Мегрэ уже знал, что партия проиграна. Остается только одно: отпустить ван Гута да еще принести ему извинения, если он потребует.

— Простите, Мегрэ, но при таких обстоятельствах...

— Я понимаю...

Предстояло пережить несколько неприятных минут. Это случалось не в первый раз и всегда, когда он сталкивался с людьми недалекими.

— Извините, господа,— тихо произнес Мегрэ, покидая кабинет судьи.

Немного спустя комиссар повторил эти слова уже у себя в кабинете.

— Извините, мосье ван Гут! Правда, я приношу извинения только формально. Знайте: своего мнения я не изменил. Я по-прежнему убежден, что это вы убили своего хозяина, Луи Виллемса, и сделали все возможное, чтобы избавиться от бродяги, который мог оказаться нежелательным свидетелем. А теперь можете вернуться на свою баржу к жене и ребенку. Прощайте, мосье ван Гут!

Вопреки ожиданиям, речник не возмутился, а только с некоторым удивлением поглядел на комиссара и, уже стоя на пороге, протянул ему длинную руку, проворчав:

— Всякий может ошибиться, верно?

Мегрэ сделал вид, что не заметил протянутой руки, и пять минут спустя с головой погрузился в текущие дела.

В последующие недели полиция произвела нелегкую работу, проверив все обстоятельства дела как в районе набережной Берси, так и у моста Мари. Допросили множество людей. Бельгийская полиция прислала запрошенный материал, который подкололи к остальным материалам расследования.

Что же касается комиссара, то в течение трех месяцев его часто видели у причала на набережной Селестэн. Сунув руки в карманы, с трубкой в зубах, он, словно бездельник, прохаживался мимо моста Мари. Тубиб выписался из больницы и снова вернулся в свое убежище под сводом моста. Вещи ему возвратили.

Иногда Мегрэ как бы случайно останавливался возле бродяги. Разговор их бывал недолог:

— Живем?

— Живем!

— Рана вас больше не беспокоит?

— Временами немного кружится голова...

Они избегали говорить о случившемся, но Келлер прекрасно понимал, зачем приходит сюда комиссар. И Мегрэ тоже знал, что тот все понимает. Это превратилось уже в своеобразную игру. Невинную игру, которая длилась до наступления летней жары.

Однажды утром комиссар остановился перед бродягой, который жевал краюху хлеба, запивая ее красным вином.

— Живем?

— Живем!

Быть может, Франсуа Келлер решил, что его собеседник достаточно ждал? Посмотрев на стоявшую на приколе бельгийскую баржу, очень похожую на «Зваарте Зваан», он заметил:

— Хорошо живется этим людям.

И, указав на двух белокурых детей, игравших на палубе, добавил:

— В особенности малышам...

Мегрэ внимательно посмотрел ему в глаза, инстинктивно чувствуя: сейчас за этим что-то последует.

— Но жизнь никому не дается легко,— продолжал бродяга.

— Так же, как и смерть...

— И судить никому не дано.

Они поняли друг друга.

— Спасибо,— прошептал комиссар. Наконец-то он узнал то, что хотел узнать.

— Не за что. Я же ничего не сказал.— И, подражая фламандцу, Тубиб добавил: — Верно?

Он и вправду ничего не сказал. Он отказывался судить. Он не пожелал давать свидетельских показаний.

Тем не менее за завтраком Мегрэ не удержался и как бы мимоходом спросил жену:

— Ты помнишь историю с баржей и бродягой?

— Конечно. Есть что-нибудь новое?

— Я тогда не ошибся...

— Значит, ты его арестовал?

Он отрицательно покачал головой.

— Жизнь никому не дается легко,— сказал Келлер комиссару Мегрэ.

— Нет! Пока фламандец не допустит какого-либо промаха — а это вряд ли случится,— его не арестуешь.

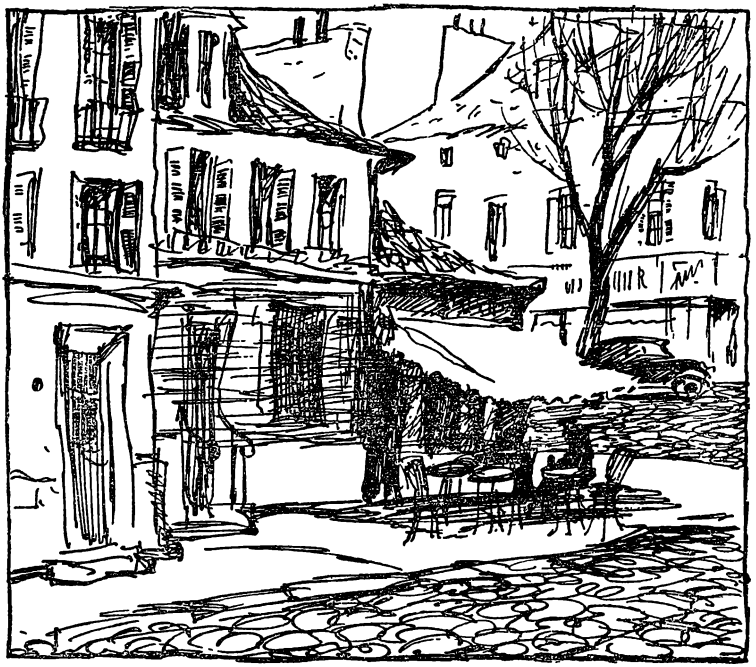
— Тубиб что-нибудь сказал?

— В известном смысле — да...

Больше взглядом, чем словами. Они поняли друг друга, и Мегрэ улыбнулся, вспоминая то удивительное сообщничество, которое на мгновение возникло между ними под мостом Мари.

Повести и рассказы

Трубка Мегрэ.
Показания мальчика из церковного хора.
Сейф ОСС
Кража в лицее города Б.
Три Рембрандта.
Пассажир и его негр.
Привидение на вилле мосье Марба.
Семь крестиков в записной книжке инспектора Лекера.

ТРУБКА МЕГРЭ

Глава 1

ДОМ, ГДЕ ВЕЩИ ДВИГАЮТСЯ САМИ

Мегрэ вздохнул. Он был в кабинете шефа, и в его вздохе прозвучали усталость и удовлетворение: так вздыхают грузные мужчины на исходе жаркого июльского дня. Привычным жестом он вытащил часы из жилетного кармана: половина восьмого; взял свои папки со стола красного дерева. Обитая кожей дверь закрылась за ним, и он прошел через приемную. Все здесь было знакомо: и пустые красные кресла для посетителей, и старый привратник за стеклянной перегородкой, и длинный коридор Сыскной полиции, освещенный лучами заходящего солнца.

Он вошел в свой кабинет и сразу же почувствовал устоявшийся запах табака, хотя окна, выходившие на Набережную Орфевр, были раскрыты настежь. Положив бумаги на край стола, он выбил еще теплую трубку о подоконник и сел за стол; рука его машинально потянулась за другой трубкой, которая обычно лежала справа от него.

Но трубки на месте не оказалось.

Всегда у него было три трубки. Одна из них, пенковая, лежала у пепельницы. А самая любимая, та, которую он выкуривал охотнее всего,— большая, чуть изогнутая вересковая трубка, подаренная ему женой десять лет назад ко дню рождения,— исчезла.

Удивившись, он пошарил по карманам. Поискал на камине из черного мрамора. Он не тревожился. Ничего особенного не было в том, что ему не сразу удалось найти одну из своих трубок. Снова оглядел кабинет, открыл дверцу стенного шкафа, куда был втиснут старомодный умывальник с эмалированной раковиной.

Искал он, как и все мужчины, бестолково: ведь после обеда он уже не открывал этот шкаф, а когда ему позвонил судья Комельо, было шесть часов и во рту он держал ту самую трубку.

Он позвонил привратнику:

— Скажите, Эмиль, кто-нибудь входил в мой кабинет, пока я был у шефа?

— Никто не входил, господин комиссар.

Снова похлопал по карманам пиджака и брюк. Его раздражало это бессмысленное топтание на месте, он даже вспотел от досады, как это бывает с толстяками.

Он заглянул в комнату инспекторов — там никого не было. Ему уже приходилось терять свои трубки. Опустевшее помещение Сыскной полиции на Набережной Орфевр выглядело необычно и, если так можно сказать, уютно, будто наступило время отпусков. Постучал к шефу. Тот только что вышел. Он все же заглянул к нему, хотя знал заранее, что трубки там нет, ибо около шести, когда он зашел поговорить о делах и своем предстоящем отъезде в деревню, курил другую трубку.

Без двадцати восемь. А в восемь он обещал быть дома, на бульваре Ришар-Ленуар: сегодня они пригласили свояченицу с мужем. Дай бог памяти, что же он должен

купить по дороге?.. Кажется, фрукты. Совершенно верно. Жена просила принести персики.

Вечер был душный, и, шагая по улице, он продолжал думать о трубке. Странное дело: это пустяковое, но необъяснимое происшествие помимо воли беспокоило его.

Он купил персики. Придя домой, чмокнул в щеку свояченицу, которая располнела еще больше. Налил гостям аперитив. Именно сейчас ему особенно захотелось подержать во рту свою любимую трубку.

— Много работы?

— Да нет, все спокойно.

Такие времена бывали и раньше. Двое его коллег находились в отпуске. Третий позвонил утром и сказал, что два дня не будет на службе: к нему нагрянули родственники из провинции.

— Ты чем-то озабочен, Мегрэ? — заметила жена за ужином.

У него не хватило духу признаться, что его беспокоит исчезновение трубки. Действительно, ерунда какая-то. Не могло же это всерьез волновать его...

Да, тогда было около двух часов. Он сидел у себя в кабинете, к нему зашел Люка и доложил о недавнем ограблении. После этого, сняв пиджак и ослабив галстук, Мегрэ неторопливо написал рапорт по поводу одного самоубийства, которое приняли было за убийство. Он курил свою большую трубку. Затем привели Жежена, мелкого сутенера с Монмартра...

Разлили по рюмкам ликер. Женщины болтали о кулинарии. Свояк рассеянно слушал, покуривая сигару. Из раскрытого окна доносился шум с бульвара Ришар-Ленуар...

После обеда Мегрэ не выходил из кабинета, даже не выпил обычную кружку пива в ресторане на площади Дофин.

Впрочем, позвольте-ка, приходила ведь какая-то женщина... Как же ее звали? Руа или Леруа. Она явилась сама, без вызова.

Эмиль тогда доложил:

— К вам женщина с сыном.

— Что там у нее?

— Не желает говорить. Требует пропустить ее к шефу.

— Впусти ее.

Совершенно случайно у него выдалось свободное время, иначе бы он ее не принял. Да и разговору с ней он придал так мало значения, что сейчас с трудом припоминал детали...

Свояченица и свояк распрощались. Прибирая квартиру, жена заметила ему:

— Ты был не слишком-то разговорчив сегодня. Что-нибудь случилось?

Нет, как раз напротив. Все было в порядке, за исключением разве трубки. Смеркалось. Сняв пиджак, Мегрэ облокотился о подоконник.

...Та женщина — пожалуй, все-таки госпожа Леруа — села прямо против него, вид у нее был несколько чопорный, что свойственно людям, старающимся держаться с достоинством. Ей было около сорока пяти, она принадлежала к той породе женщин, которые, старея, словно высыхают.

— Я пришла к вам, мосье начальник...

— Начальника сейчас нет. Я комиссар Мегрэ.

Вот и припомнилась деталь. Она наверняка была оскорблена тем обстоятельством, что ее не принял лично начальник Сыскной полиции; она недовольно махнула рукой, словно бы говоря:

«Что поделаешь, кому-то ведь я должна изложить свое дело».

Юноша, на которого Мегрэ поначалу не обратил внимания, встрепенулся, глаза его заблестели, и он с жадным любопытством принялся рассматривать комиссара...

— Ты не ложишься, Мегрэ? — спросила госпожа Мегрэ, укладываясь в постель.

— Сейчас.

Так... Теперь нужно припомнить, что рассказывала эта женщина. До чего же она была болтлива! И назойлива! Обычно так говорят люди, которые придают значение каждому своему слову и опасаются, что их не примут всерьез. Особенно это свойственно женщинам под пятьдесят...

— Вдвоем с сыном мы живем неподалеку от...

Мегрэ слушал ее рассеянно.

Она вдова. Так. Овдовела лет пять или шесть назад. Мегрэ забыл. Во всяком случае, давно, ибо сокрушалась, что ей одной трудно воспитывать сына.

— Я всем жертвовала ради него, мосье комиссар.

Ну разве можно внимательно выслушивать то, что повторяют все женщины примерно такого же возраста при таких же обстоятельствах, повторяют гордо и смиренно... Что-то еще было связано с ее вдовством. Что же именно? Ах, да...

Она сказала:

— Мой муж был кадровым офицером.

Но сын поправил ее:

— Унтер-офицером, мама. Он служил интендантом в Венсенне.

— Нет уж, извини... Раз я говорю офицером, значит, знаю, что говорю. Если бы он не умер, если бы он не убил себя, работая всегда за других, он непременно и своевременно стал бы офицером. Ведь он...

Припоминая этот разговор, Мегрэ не забывал о трубке. Напротив, он старался восстановить все подробности разговора. Например, он уверен, что слово «Венсенн» так или иначе связано с трубкой: ведь он курил именно ее, когда прозвучало это слово. Кстати, позже речь о Венсенне уже не заходила.

— А где вы живете?

Сейчас он не мог припомнить название набережной, но это где-то в Шарантоне, сразу же за набережной Берси. Порывшись в памяти, он мысленно представил себе широкую набережную, вдоль которой тянулись склады, а у берега стояли баржи.

— У нас небольшой двухэтажный домик как раз между кафе на углу улицы и доходным домом.

Юноша сидел в углу кабинета и держал на коленях соломенную шляпу. Ну да, у него была соломенная шляпа.

— Мой сын не хотел, чтобы я обращалась к вам, мосье начальник. Простите, мосье комиссар... Но я ему возразила: «Ты ни в чем не провинился, поэтому...»

Какого цвета было у нее платье? Кажется, черное, с лиловым отливом. Такие платья носят женщины в возрасте, претендующие на элегантность. Замысловатая шляпа, вероятно не раз переделанная. Темные нитяные перчатки. Она с удовольствием слушала себя и речь свою начинала так:

«Вообразите себе, что...»

— Или же:

«Всем, конечно, известно, что...»

Перед ее приходом Мегрэ надел пиджак и теперь изнывал от жары, его клонило ко сну. Ну и наказание! Он жалел, что сразу же не направил ее в комнату инспекторов.

— Возвращаясь домой, я уже не раз замечала, что кто-то побывал там в мое отсутствие.

— Вы живете вдвоем с сыном?

— Да. И сначала я даже подумала, что это он. Однако это происходило в те часы, когда сын бывал занят на работе.

Мегрэ взглянул на юношу. Тому, казалось, не нравился этот разговор. Еще один тип, также хорошо ему знакомый. Худой, рыжеватый верзила лет семнадцати, на лице прыщи и веснушки.

Замкнутый? Возможно. Мамаша чуть позже сама сказала о его недостатках,— есть люди, которые любят чернить своих близких. Во всяком случае, застенчивый. И скрытный. Он сидел, упорно уставившись в ковер. Но как только никто не смотрел на него, метал взгляды на Мегрэ.

Парню было явно не по себе. Он, конечно, злился на мать, что она обратилась в полицию. Быть может, он немного стыдился ее манерности, ее многословия.

— Чем занимается ваш сын?

— Он парикмахер.

Юноша заметил с досадой:

— У моего дядюшки парикмахерская в Ипоре, и вот мама решила во что бы то ни стало...

— Разве стыдно быть парикмахером? Я хочу сказать, мосье комиссар, что во время работы он не смог бы улизнуть из парикмахерской. Она на площади Республики. Я сама это проверила.

— Значит, подумав, что в ваше отсутствие сын приходит домой, вы следили за ним?

— Да, мосье комиссар. Но никого конкретно я не подозреваю,— просто мне хорошо известно, что мужчины способны на все.

— Что же ваш сын мог делать в доме в ваше отсутствие?

— Ума не приложу.

— А почему вы уверены, что кто-то бывает в вашем доме?

— О! Это сразу же чувствуется, мосье комиссар. Едва открыв дверь, я могу сказать...

Что ж, не слишком научно, зато вполне убедительно. Мегрэ сам замечал такое.

— Ну, а еще?

— Да всякие мелочи. Платяной шкаф, например, я никогда не запираю, а его дверца оказалась как-то запертой на ключ.

— Вы держите в шкафу какие-нибудь ценности?

— Там у меня одежда, постельное белье, кое-какие семейные сувениры. Но ничего не пропало. И в подвале кто-то также передвинул один из ящиков.

— А что в нем было?

— Стеклянные банки. Пустые.

— Словом, ничего у вас не пропало?

— Нет как будто.

— С каких же пор вам кажется, что к вам в дом кто-то наведывается?

— Да уже месяца три. Но все это мне не кажется, я уверена в этом.

— Сколько раз, по-вашему, проникали к вам?

— Всего раз десять... После первого раза не приходили долго. Что-то около трех недель. А может, я не замечала. Потом приходили два раза подряд. Затем опять

никого не было недели три или даже больше. Но последние дни визиты следуют один за другим. Позавчера, например, когда была гроза, я увидела на полу мокрые следы.

— Мужские или женские?

— Скорее мужские, однако я не уверена.

— И все же ваш сын не хотел, чтобы вы обращались в полицию?

— Вот именно, мосье комиссар. Как раз этого я и не могу понять. Он ведь тоже видел следы.

— Вы видели следы, молодой человек?

Тот, насупившись, предпочел не отвечать. Означало ли это, что мамаша его преувеличивает или что она не совсем в своем уме? Как знать?

— Вам известно, каким путем незнакомец или незнакомцы проникают в ваш дом?

— Должно быть, через дверь. Окна я никогда не оставляю открытыми. А чтобы пробраться со двора, надо перелезть через высокую стену и пройти соседними дворами.

— Вы обнаружили какие-нибудь следы на замке?

— Ни царапинки. Я даже осмотрела его сквозь увеличительное стекло, оставшееся от мужа.

— Есть еще у кого-нибудь ключ от вашего дома?

— Ни у кого. Он мог быть у моей дочери (юноша заерзал на стуле), но она живет в Орлеане с мужем и двумя детьми.

— У вас с ней хорошие отношения?

— Я всегда говорила, что ей не следовало выходить замуж за это ничтожество. Кроме того, мы не видимся...

— Вас часто не бывает дома? Вы же сказали, что вы вдова. Вероятно, пенсия, которую вы получаете от армии, невелика...

— Я работаю,— скромно, но с достоинством ответила она.— Поначалу, то есть сразу же после смерти мужа, у меня в доме были жильцы. Двое. Но мужчины слишком большие грязнули. Видели бы вы, во что они превратили комнаты!

С этого момента Мегрэ уже не слушал ее, и тем не менее ему теперь отчетливо вспоминались не только ее слова, но даже интонация, с какой они были произнесены.

— Уже год я служу компаньонкой у мадам Лальман.

Это весьма достойная дама, мать врача. Мы скорее приятельницы, вы понимаете?

Говоря по правде, Мегрэ совершенно не интересовала эта история. Возможно, перед ним была одержимая. Во всяком случае, она несомненно принадлежала к той категории людей, которые вынуждают вас напрасно тратить время. И тут вошел шеф, вернее, он заглянул в кабинет и по виду посетителей сразу определил, что дело пустяковое.

— Можно вас на минутку, Мегрэ?

Они вышли в соседний кабинет и с десяток минут толковали о разрешении на арест, только что полученном по телеграфу из Дижона.

— Торанс займется этим делом,— сказал Мегрэ.

В это время во рту у него была трубка, но не та — самая любимая, а другая. Любимую он, вероятнее всего, положил на стол незадолго перед тем, как ему позвонил судья Комельо. Но в то время он не задумывался над этим.

Он вернулся в кабинет и, став перед окном, заложил руки за спину.

— В общем, у вас ничего не украли, мадам?

— Надеюсь.

— Стало быть, вы не намерены заявить о краже?

— Этого я не могу сделать, поскольку...

— Вам просто кажется, что последние месяцы и особенно последние дни кто-то проникает к вам в дом. Верно?

— Как-то раз даже ночью.

— Вы кого-нибудь видели?

— Я слышала.

— Что же вы слышали?

— На кухне упала чашка и разбилась. Я сразу же спустилась вниз.

— Вы были вооружены?

— Нет. Я не боялась.

— Там никого не было?

— Там уже никого не было.

— Кошки у вас нет?

— Ни кошки, ни собаки. От животных всегда грязь.

— Пролезть к вам кошка не могла?

Юноша на стуле терзался все больше.

— Мама, ты злоупотребляешь терпением комиссара Мегрэ!

— Итак, мадам, вы не знаете, кто бы мог проникнуть к вам и не имеете ни малейшего представления о том, что могли бы искать в вашем доме?

— Понятия не имею. Мы всегда были честными людьми и...

— Если вам нужен мой совет — смените замок. Тогда и посмотрим, будут ли продолжаться таинственные визиты.

— А как же полиция?

Но он уже выпроваживал их. Шеф ждал его в своем кабинете.

— На всякий случай я пришлю к вам завтра одного из моих сотрудников. Можно установить наблюдение за вашим домом. Но помимо этого, право, я не представляю...

— Когда он придет?

— Вы говорили, что по утрам бываете дома.

— Да. Разве что выйду в магазин.

— Десять часов вас устроит? Значит, завтра в десять часов. До свидания, мадам. До свидания, молодой человек.

Мегрэ нажал кнопку звонка. Вошел Люка.

— Это ты?.. Завтра к десяти утра пойдешь по этому адресу. Узнай, в чем там дело.

У него, правда, не было уверенности, что поступает он правильно. Полицейская префектура, как и редакции газет, притягивают к себе маньяков и помешанных...

...И теперь, ощущая ночную сырость у раскрытого окна, Мегрэ проворчал, вспоминая этот разговор:

— Негодный мальчишка!

Без сомнения, это он стащил трубку со стола.

Утром Мегрэ проснулся не в духе, встал, как говорится, с левой ноги. К тому же небо было затянуто тучами и начинало парить.

До Набережной Орфевр он добрался пешком и дважды машинально шарил в кармане, пытаясь найти любимую трубку. Тяжело вздохнув, он поднялся по пыльной лестнице. Эмиль встретил его словами:

— Вас ждут, мосье комиссар.

Заглянув в зал ожидания, он увидел госпожу Леруа.

Сидя на краешке обитого зеленым бархатом стула, она была готова в любое мгновение вскочить. Заметив его, она ринулась к нему навстречу. Вид у нее был чрезвычайно возбужденный и встревоженный. Вцепившись в лацканы его пиджака, она воскликнула:

— Что я вам говорила? Они снова приходили этой ночью. Мой сын исчез! Теперь-то вы мне верите? Ах, я сразу почувствовала, что вы принимаете меня за сумасшедшую. Не так уж я глупа. Вот полюбуйтесь...

Судорожно порывшись в сумке, она вытащила носовой платок с голубой каемкой и торжествующе помахала им:

— Вот... Разве это не доказательство? У меня в доме нет платков с голубой каемкой. А этот я нашла в кухне у стола. И это еще не все!

Мегрэ мрачно оглядел коридор, где царило утреннее оживление. На них стали уже оборачиваться.

— Пройдемте со мной, мадам,— вздохнул он.

Экая досада! Он так и предчувствовал, что она снова заявится. Он толкнул дверь своего кабинета, повесил шляпу на обычное место.

— Садитесь. Слушаю вас. Вы говорите, что ваш сын?..

— Этой ночью мой сын исчез, и теперь один бог знает, где он и что с ним!

Глава II

ДОМАШНИЕ ТУФЛИ ЖОЗЕФА

Трудно было понять, что именно думала эта женщина о судьбе собственного сына. Только что она причитала, заливаясь слезами:

— Я уверена, что они убили его. А вы тем временем ничего не сделали! Разумеется, вы приняли меня за сумасшедшую! И вот он убит! А я теперь осталась одна, совсем одна, без всякой поддержки!..

Теперь же, в такси, катившем под кронами деревьев на набережной Берси, так похожей на деревенскую аллею, лицо ее прояснилось и глаза снова заблестели.

Мегрэ сидел рядом с ней на заднем сиденье, Люка — с шофером. На противоположном берегу Сены виднелись заводские трубы. А на этом тянулись склады, доходные

дома, теснились невзрачные постройки, сооруженные еще в то время, когда здесь была сельская местность.

Мадам Руа, нет — Леруа, заерзав, постучала по стеклу:

— Приехали. Простите за беспорядок в доме. Понятно, что сегодня я не принималась за уборку.

Она поискала ключ в сумке. Дверь была темно-коричневая, стены — бурые. Мегрэ тем временем успел осмотреть замок; следов взлома не было.

— Входите, прошу вас. Вы, наверное, осмотрите все комнаты. Пожалуйста, вот осколки чашки, они на том самом месте, где я их нашла в тот день.

Она не преувеличивала, утверждая, что у нее идеальная чистота. Нигде ни пылинки. Везде порядок. Но, боже, как все это уныло выглядело! Более того — убого. Узкий коридор. стены снизу коричневые, вверху — темно-желтые. Коричневые двери. Обои, наклеенные по меньшей мере лет двадцать назад, давным-давно потеряли свой первоначальный цвет.

Хозяйка тараторила без умолку:

— Меня особенно удивляет, что я ничего не слышала, хотя сплю очень чутко. А эту ночь я спала как убитая...

Он взглянул на нее.

— Вы полагаете, что вам подсыпали снотворного?

— Нет, этого не может быть! Он бы не посмел! Да и зачем? Для чего бы это ему понадобилось?

Неужели она готова снова распалиться? Она металась словно угорелая, то обвиняя сына, то причитая по нем. Мегрэ же, напротив, был вял и медлителен и словно воплощал собой саму неподвижность. Подобно губке, он впитывал в себя все происходящее.

Женщина не отходила от него ни на шаг, следила за каждым его жестом, взглядом, подозрительно всматривалась в него, стараясь догадаться, о чем он думает.

Люка также наблюдал за начальником, сбитый с толку этим следствием, которое представлялось ему даже не смешной, а просто глупой затеей.

— Столовая направо, в другом конце коридора. Но когда мы бываем одни — а мы почти всегда одни,— мы едим на кухне.

Она бы крайне удивилась и даже возмутилась, узнав, что Мегрэ машинально ищет здесь свою трубку. Он стал

подниматься по узкой скрипучей и шаткой лестнице. Она последовала за ним, поясняя по дороге,— ее прямо распирала потребность давать пояснения!

— Жозеф занимал комнату слева... Боже мой! Я сказала — занимал, словно уж он...

— Вы ни к чему здесь не притрагивались?

— Нет, ни к чему, клянусь вам. Постель, как видите, приготовлена, но, ручаюсь, он не спал на ней...

Комиссар приоткрыл дверцу шкафа.

— Все его вещи на месте?

— В том-то и дело, что нет. Если бы в комнате были все его вещи, то костюм и рубашка лежали бы на стуле...

Возможно, юноша, услышав ночью шум, спустился в кухню, и там на него напал таинственный гость или гости?

— Вчера вечером вы видели его в постели?

— На ночь я всегда целую его. И вчера пришла, как обычно. Он был уже раздет. Его вещи были сложены на стуле. Ну, а ключ...— Видимо, у нее мелькнула какая-то мысль, и она вновь принялась объяснять: — Видите ли, снизу я всегда ухожу последней и двери сама закрываю на ключ. А ключ держу у себя в комнате, под подушкой, чтобы...

— Значит, сегодня утром ключ был на месте?

— Да, мосье комиссар. Я сразу об этом как-то не подумала, но потом вспомнила. Значит, он не собирался убегать, как вы думаете?

— Минутку. Стало быть, ваш сын лег спать. Затем встал и оделся.

— Смотрите-ка, на полу его галстук! Он не повязал галстук!

— А где его башмаки?

Она живо обернулась в угол комнаты, где стояли две пары сильно поношенных штиблет.

— И башмаки здесь. Он ушел в домашних туфлях.

Мегрэ по-прежнему искал трубку и нигде ее не находил. Впрочем, теперь он уже и сам точно не знал, что ищет. На всякий случай он осмотрел убогую комнату юноши. В шкафу висел синий костюм, его «выходной костюм», который он надевал только по воскресеньям, несколько рубашек, заношенных, не раз чиненных, и стояла пара лакированных туфель.

Валялась начатая пачка сигарет.

— Ваш сын не курил трубку?

— Что вы, я бы не позволила ему, в его-то возрасте! Впрочем, недели две назад он принес домой маленькую трубку, какими торгуют на ярмарках. Так я у него вырвала ее и бросила в печь.

Мегрэ вздохнул и перешел в комнату госпожи Леруа, которая продолжала причитать:

— Вы уж не обессудьте, я не успела убрать свою постель.

Она была назойлива до тошноты.

— Наверху у нас мансарда,— мы спали там первые месяцы после смерти мужа, когда у меня были жильцы... Ведь он не надел ни башмаков, ни галстука. Что вы скажете на это?

И Мегрэ раздраженно бросил:

— Я ничего не знаю, мадам!

* * *

Уже два часа Люка обшаривал весь дом, заглядывал во все закоулки, и всюду за ним следовала госпожа Леруа, голос которой не умолкал ни на минуту:

— Смотрите — вот этот ящик был как-то выдвинут. Тогда переворошили стопку белья на верхней полке...

За окном палило солнце, его густые жаркие лучи походили на расплавленный мед. Но в доме было сумрачно. Мегрэ совсем изнемог от усталости — ему уже не хватало сил поспевать за своими спутниками.

Уезжая из префектуры, он поручил одному из инспекторов позвонить в Орлеан и выяснить, приезжала ли последнее время в Париж замужняя дочь мадам Леруа. Едва ли это могло стать зацепкой... А если Жозеф тайком от матери сделал себе ключ? Значит, в таком случае, он намеревался сбежать этой ночью... Почему же он не надел галстук и тем более ботинки?

Мегрэ теперь точно знал, как выглядели его пресловутые домашние туфли. В целях экономии госпожа Леруа сшила их сама из старых лоскутков. А подметки вырезала из войлока.

Здесь царила бедность, и она была особенно мучительной и невыносимой, поскольку в ней не хотели признаваться.

Ну, а прежние жильцы? Госпожа Леруа рассказала ему о них. Первым по объявлению, выставленному в окне, пришел старый холостяк, служащий фирмы «Сустель».

— Достойный и хорошо воспитанный человек, мосье комиссар, если можно назвать воспитанным человека, который выбивает свою трубку где попало. К тому же у него была мания вставать по ночам — он спускался вниз и пил травяной настой. И все же он был человек образованный.

Вторую комнату вначале занимал каменщик или, как она его величала, подрядчик. Каменщик ухаживал за ней и твердо намерен был жениться.

— Он постоянно говорил мне о своих сбережениях, о домике в Монлюсоне, куда хотел увезти меня, когда мы поженимся. Заметьте, я ни в чем не могла упрекнуть его...

Но — увы! — каменщик все же съехал, видимо разочарованный. Его место занял некий Блюстейн.

— Иностранец. По-французски говорил хорошо, хотя и с легким акцентом. Он служил коммивояжером и ночевал лишь раз или два в неделю.

— У ваших жильцов был ключ?

— Нет, мосье комиссар. В то время я всегда бывала дома. А если куда выходила, ключ прятала за водосточной трубой, и они знали, где его найти. Как-то раз мосье Блюстейн исчез на целую неделю...

— Вас он ни о чем не предупреждал?

— Нет. И все-таки он тоже был хорошо воспитанный человек...

Возле швейной машины в углу столовой лежало несколько книг. Мегрэ небрежно полистал их. Все это были дешевые издания. Главным образом приключенческие романы. На полях книг часто попадались монограммы, выведенные то карандашом, то чернилами: «Ж» и «М». Причем «М» почти всегда намного больше и выписано старательнее, чем «Ж».

— Вы знаете кого-нибудь, чье имя начиналось бы с буквы «М», мадам Леруа? — крикнул он в сторону лестничной клетки.

— «М»? Нет, что-то не припоминаю. Впрочем, кузину моего мужа звали Марселла, но она скончалась от родов в Иссудене.

Был уже полдень, когда Люка и Мегрэ вышли на улицу.

— Что-нибудь выпьем, патрон?

Они вошли в маленькое бистро под красной вывеской на углу улицы и уселись за столик. Оба были в прескверном настроении. Люка выглядел особенно мрачным.

— Ну и дыра,— вздохнул он.— Кстати, я нашел любовную записку. Отгадайте где? В пачке сигарет этого парня. Должно быть, он до смерти боялся матери.

Это была действительно любовная записка:

Мой дорогой Жозеф,
ты меня так расстроил вчера, сказав мне, что я тебя презираю и никогда не выйду замуж за такого человека, как ты. Ты ведь хорошо знаешь, что я люблю тебя так же, как ты меня. Я верю, что ты непременно многого добьешься в жизни. Но, прошу тебя, не жди меня больше так близко от магазина. Тебя заметили, и мадам Роза уже что-то подозревает. Впредь жди меня у метро, но только не завтра, потому что за мной зайдет мама и мы пойдем к зубному врачу. Прошу тебя, ничего больше не выдумывай. Нежно целую тебя и люблю.

Матильда.

— Так вот что! — воскликнул Мегрэ, перебирая записи в своем бумажнике.

— Что такое?

— «Ж» и «М». Что поделаешь — такова жизнь! Так это начинается, а кончится в маленьком домишке, где будут царить одиночество и покорность судьбе. Как только я подумаю, что этот негодник стащил у меня трубку...

— Вы и впрямь полагаете, что у вас ее украли?

Видно было, что Люка не верит этому, как и всем басням матушки Леруа. Ему уже в зубах навязла вся эта история, и он не понимал поведения начальника, который всерьез строил бог знает какие догадки.

— Если бы он не стянул мою трубку...— начал Мегрэ.

— Ну и что? Что это доказывает?

— Тебе не понять. Я был бы спокойнее... Гарсон, сколько я вам должен?

Они ждали автобуса, глядя на безлюдную набережную. Было время обеда. Подъемные краны замерли, протянув неподвижные руки к небу, а баржи, казалось, заснули...

В автобусе, не выпуская трубки изо рта, Мегрэ вдруг прыснул от смеха:

— Бедняга... Мне вспомнился этот унтер... Ты замечал, Люка, что на кладбищах могилы вдов встречаются значительно чаще, чем могилы вдовцов? «Здесь покоится такой-то и такой-то, скончавшийся в 1901 году». А ниже надпись посвежее: «Здесь покоится такая-то, вдова такого-то, скончавшаяся в 1930 году». Разумеется, она последовала за ним, но двадцать девять лет спустя!

* * *

Пока в полицейской картотеке разыскивали всех Блюстейнов, когда-либо имевших дело с правосудием, Мегрэ занимался обычными текущими делами, Люка же бóльшую часть времени проводил в переулках около площади Республики.

Гроза так и не разразилась. А духота становилась все более невыносимой. Свинцовое небо с фиолетовыми отсветами напоминало готовый прорваться фурункул. Раз десять — не меньше — Мегрэ инстинктивно протягивал руку за пропавшей трубкой и всякий раз ворчал:

— Проклятый мальчишка...

Дважды он осведомлялся по телефону:

— Нет новостей от Люка?

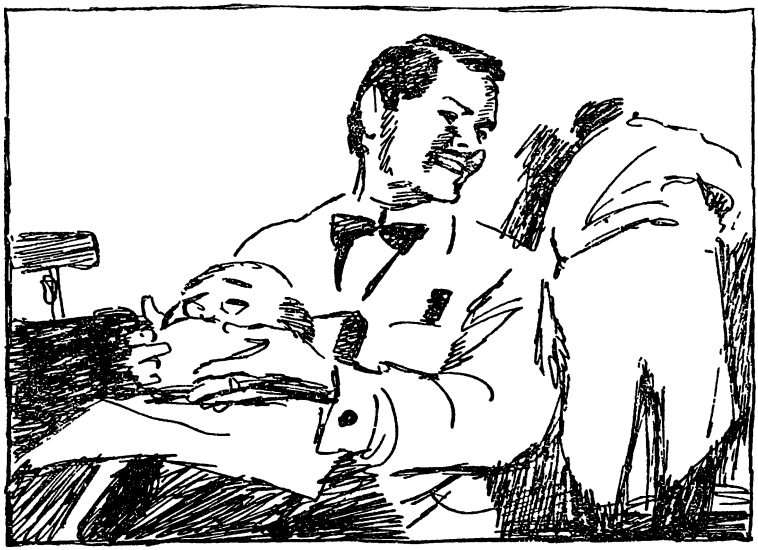
Не так уж сложно было опросить в парикмахерской сослуживцев Жозефа Леруа и таким образом найти Матильду — ту, что писала ему записки.

Итак, сначала Жозеф стащил трубку Мегрэ. Затем тот же Жозеф, хотя и одетый, но в домашних туфлях — если их можно назвать туфлями,— прошлой ночью исчез...

Мегрэ оторвался от чтения какого-то протокола, попросил телефонистку соединить его с картотекой и с несвойственным для него нетерпением спросил:

— Ну, как дела с Блюстейнами?

— Ищем, мосье комиссар,— тут их целая куча, настоящих и мнимых. Во всяком случае, пока еще не нашли

никого, кто проживал бы в это время на набережной Берси. Как только что-нибудь обнаружим, сразу же сообщим.

Наконец появился Люка. Он обливался по́том.

— Все в порядке, шеф. Но это было не легко, уверяю вас. Наш Жозеф — престранный тип... Он весьма неохотно посвящал других в свои секреты. Вообразите себе длинный парикмахерский зал. Пятнадцать или двадцать кресел и столько же мастеров. С утра до вечера толкучка... Люди входят, уходят... «Жозеф? — спросил у меня хозяин.— Какой это Жозеф? Ах, да. Прыщавый. Ну и что? Что натворил этот Жозеф?» Я спросил у него разрешения задать несколько вопросов его служащим. И пока я переходил от кресла к креслу, все они хихикали, переглядывались. «Жозеф? Нет, мы никогда не проводили время вместе. Он всегда уходил один. Была ли у него девчонка? Возможно... Хотя с такой рожей...» Снова хихиканье: «Был ли он откровенен? Чурбан — и тот откровеннее. Этот юный господин стыдился своей профессии и не снисходил до нас — брадобреев...» Види-

те, шеф, в каком тоне они разговаривали со мной. Хозяин уже начал ворчать, считая меня слишком назойливым. Наконец я добрался до кассы. Кассирша, толстушка лет тридцати, томная и сентиментальная на вид, прежде всего спросила меня: «Жозеф наделал глупостей?» — «Да нет же, мадемуазель, напротив. Скажите, были у него знакомые девушки где-нибудь в округе?»

— Нельзя ли покороче? — пробурчал Мегрэ.

— Охотно. Тем более, если вы намерены повидать малышку, сейчас самое время туда отправиться. Короче, через эту кассиршу Жозеф получал записки от Матильды. Найденная записка, вероятней всего, была написана позавчера. Обычно мальчишка-рассыльный вбегал в парикмахерскую, совал записку кассирше и шептал: «Для мосье Жозефа». К счастью, кассирша видела, как этот рассыльный входил в галантерейный магазин на бульваре Бон-Нувель. Так я и нашел, наконец, Матильду.

— Ты ей что-нибудь сказал?

— Она даже не подозревает, что я ею занимаюсь. Просто я спросил у хозяина магазина, есть ли у него служащая, по имени Матильда. Он показал мне ее за прилавком и хотел было позвать. Я же попросил его ничего ей не говорить... Сейчас половина шестого. Через полчаса магазины закрываются.

* * *

— Простите, мадемуазель...

— В чем дело, мосье?..

— Одно лишь слово.

— Оставьте меня в покое.

Миловидная девушка, она приняла Мегрэ за... Что ж, ничего не поделаешь.

— Полиция.

— Как? Что вам от меня нужно?

— Хочу кое-что выяснить о вашем Жозефе.

— О Жозефе? А что он сделал?

— Этого я не знаю, мадемуазель. Но мне хотелось бы узнать, где он сейчас.

И тут он спохватился:

«Черт возьми, оплошал...»

Опростоволосился, как новичок. Ведь он заметил, как

она беспокойно оглядывалась. Не стоило заводить с ней разговор. Проще было проследить за ней. Ведь у них свидание возле метро. Иначе она не замедлила бы шаг и спокойно шла бы своей дорогой.

— Он, должно быть, на работе, как обычно.

— Нет, мадемуазель. И вам наверняка известно это лучше, чем мне.

— Что вы хотите этим сказать?

На Больших Бульварах было время «пик». Целые толпы людей устремлялись в метро и исчезали под землей.

— Постоим здесь минутку,— сказал он, задерживая ее у входа.

Она заметно нервничала, озиралась по сторонам. Это была славная восемнадцатилетняя девушка, с круглой мордашкой и апломбом маленькой парижанки.

— Как вы узнали обо мне?

— Это не имеет значения. Что вам известно о Жозефе?

— А что вам от него нужно, хотела бы я знать?

Комиссар в свою очередь разглядывал толпу, говоря себе, что Жозеф, увидев его с Матильдой, тут же скроется.

— Не говорил ли ваш Жозеф, что жизнь его скоро переменится? Только не лгите.

— А зачем мне лгать? — Она закусила губку.

— Ну вот, вы задаете вопрос, чтобы выиграть время и придумать какую-нибудь небылицу.

Она топнула каблучком.

— А чем вы докажете, что вы действительно из полиции?

Он показал ей удостоверение.

— Признайтесь, Жозеф очень стыдился своего положения?

— Ну и что из этого?

— А то, что это мучило его, даже слишком.

— Возможно, он не хотел быть парикмахером — разве это преступление?

— Вы же знаете, что я имею в виду другое. Ему опротивел его дом, весь этот образ жизни. Он стыдился даже своей матери. Верно же?

— Мне он этого никогда не говорил.

— Но вы это чувствовали? Так вот, последнее время он должен был говорить вам о предстоящей перемене в его жизни.

— Нет, не говорил.

— Давно ли вы знаете друг друга?

— Немного больше полугода. Мы познакомились зимой. Он зашел в магазин купить бумажник. Я поняла, что он показался ему слишком дорогим, но он постеснялся сказать мне об этом и все-таки купил бумажник. Вечером я заметила его перед входом в магазин. Несколько дней он ходил следом за мной и не решался заговорить.

— Вы где-нибудь бывали вместе?

— Чаще всего мы встречались после работы на несколько минут. Иногда он провожал меня до станции метро «Шампионне». Я там живу. По воскресеньям иногда ходили в кино. Но редко, потому что мои родители...

— Вы никогда не были у него дома в отсутствие матери?

— Никогда. Клянусь вам. Как-то он показал мне свой дом издали, чтобы объяснить мне...

— Что он очень несчастлив... Вот видите!

— Он сделал что-нибудь дурное?

— Да нет же, деточка! Он просто исчез. И надо его найти. Я рассчитываю на вашу помощь, хотя, признаться, не слишком. Бесполезно спрашивать у вас, снимал ли он где-нибудь комнату.

— Сразу видно, что вы его не знаете. У него никогда не было денег. Весь заработок он отдавал матери, а того, что она ему оставляла, едва хватало на сигареты.

Она покраснела.

— Когда мы ходили в кино, каждый из нас платил за свой билет. И однажды...

— Ну, продолжайте же...

— Боже мой, а почему бы и нет... В этом нет ничего плохого. Месяц назад мы поехали вместе за город, и у него не хватило денег расплатиться за обед.

— Куда вы ездили?

— На Марну. Мы сошли с поезда в Шелле и погуляли между Марной и каналом.

— Благодарю вас, мадемуазель.

— Почему же его ищет полиция?

— К нам обратилась его мать. Не беспокойтесь, мадемуазель, и если узнаете что-нибудь о нем раньше нас, сообщите немедленно.

Обернувшись, он увидел, как она нерешительно спускается по лестнице в метро.

В кабинете на Набережной Орфевр его ждало донесение.

«Некий Блюстейн Стефан, 35 лет, был убит 15 февраля 1919 года в Ницце в отелле «Негреско», где он остановился за несколько дней до того. У Блюстейна бывало много посетителей, часто поздно ночью. Он был убит выстрелом из пистолета шестимиллиметрового калибра; оружие так и не было найдено. Проведенное следствие не установило убийцу. Преступник обшарил все вещи, и наутро в комнате царил неописуемый беспорядок.

Личность самого Блюстейна весьма подозрительна; попытки установить, откуда он появился, ни к чему не привели. Выяснилось лишь, что в Ниццу он приехал скорым поездом из Парижа. Сыскная полиция Ниццы несомненно располагает более полными сведениями».

Дата убийства совпадала с днем исчезновения Блюстейна с набережной Берси, и Мегрэ в который раз, привычно потянувшись за пропавшей трубкой, проворчал:

— Паршивец безмозглый!

Глава III

ЧАСТНЫЙ РОЗЫСК

Попадаются иногда фразы, которые так ладно укладываются в ритм движения — ну хотя бы поезда — и так прочно входят в сознание, что от них трудно отделаться. Именно такая фраза неотвязно преследовала Мегрэ в стареньком громыхающем такси, а ритм отбивали тяжелые капли дождя, стучавшие по мокрой крыше:

«Част-иый ро-зыск... Част-ный ро-зыск... Част-ный ро...»

Ведь, по сути дела, не было почти никаких оснований для того, чтобы тащиться по темной дороге вместе с бледной девушкой, сидящей рядом, и милым исполнительным Люка, подпрыгивающим на переднем сиденье. Обычно,

когда женщина, подобная мадам Леруа, отрывает вас от дел, ей даже не дают закончить ее причитаний.

«У вас ничего не украли, мадам? Вы не собираетесь подавать заявление? В таком случае весьма сожалею, но...»

И даже если у нее пропал сын:

«Вы говорите, что он сбежал? Если мы станем разыскивать всех сбежавших из дому, вся полиция будет заниматься лишь этим и нам еще не хватит людей!»

«Частный розыск по заявлению родственников» — вот как это называется. И производится он лишь на средства тех, кто ходатайствует о розыске. Что же до результатов...

Такси выехало за пределы Парижа и мчалось по шоссе. Зачем его понесло сюда? Ему даже не возместят проезд на такси. И все это из-за трубки...

Гроза разразилась как раз в тот момент, когда он подошел к двери дома на набережной Берси. Он позвонил и застал госпожу Леруа за обедом, который состоял из хлеба, масла и копченой селедки. Несмотря на переживания, селедку она попыталась спрятать.

— Вы узнаете этого человека?

Хотя и с удивлением, но не колеблясь, она ответила:

— Это мой бывший жилец, мосье Блюстейн. Странно, на фото он одет, словно...

Да, словно светский щеголь. В то время как на набережной Берси он был похож скорее на бедняка.

— Что это значит, мосье комиссар? Где этот человек? Что он сделал?

— Он убит. Скажите-ка, я вижу...

Он окинул взглядом комнату: шкафы были раскрыты, ящики выдвинуты.

— ...что нам с вами пришла одна и та же мысль.

Она покраснела. И готова была уже огрызнуться, но комиссар в этот день не отличался долготерпением.

— Вы пересмотрели все вещи в доме. Не отрицайте. Хотели узнать, не прихватил ли чего с собой ваш сын, не так ли? Ну и каковы результаты?

— Никаких, клянусь вам. Все на месте. Что вы на это скажете? Да куда же вы?

Он был уже за дверью. Опять потеряно время. И опять глупо. Недавно, разговаривая с девушкой на

бульваре Бонн-Нувель, он не удосужился спросить у нее точный адрес. А теперь она ему понадобилась. К счастью, ее хозяин живет в том же доме, что и магазин.

Пришлось взять такси. Крупные капли стучат по асфальту. Спешат прохожие. Машина то и дело застревает у светофоров.

— Улица Шампионне, дом шестьдесят семь.

Он ворвался в маленькую комнату, где четверо — отец, мать, дочь и двенадцатилетний сын — ели суп за круглым столом. Матильда испуганно вскочила.

— Прошу прощения. Мне нужна помощь вашей дочери, чтобы установить личность покупателя, которого она видела в магазине. Будьте любезны, мадемуазель, следуйте за мной.

* * *

— Куда мы едем?

— В Шелл.

— Вы думаете, он там?

— Я ровным счетом ничего не знаю, мадемуазель... Шофер, остановитесь сначала у префектуры на Набережной Орфевр.

Здесь он посадил в такси поджидавшего его Люка.

Частный розыск по заявлению родственников!.. Сам он сел сзади, вместе с Матильдой, которая испуганно жалась к нему. Крупные капли, протекая сквозь старенькую крышу такси, падали ему на левое колено. Прямо перед ним маячил тлеющий огонек сигареты Люка.

— Вы хорошо помните Шелл, мадемуазель?

— О да!

Черт побери, разве это не было самым дорогим ее воспоминанием об их любви? Один лишь раз они улизнули из Парижа, бегали вместе по высокой траве, по берегу реки...

— Вы уверены, что в темноте отыщете дорогу?

— Думаю, да. Если только такси поедет мимо вокзала: ведь в Шелл мы приехали поездом.

— Вы мне говорили, что обедали там в таверне?

— Да, в таверне. Запущенной, грязной и настолько мрачной, что нам даже жутко стало. Мы шли к ней по берегу Марны. Погодите... Как раз слева видна заброшенная печь для обжигания извести, а в полукилометре

оттуда — двухэтажный домик... Мы удивились, когда его там увидели... Мы вошли. Справа — обитая цинком стойка. Беленые стены, два железных стола и несколько стульев. Этот тип...

— Хозяин?

— Ну да. Маленький такой, чернявый. Он больше похож на... Не знаю, как вам объяснить. Может, нам просто показалось... Мы спросили, можно ли здесь перекусить. И он подал нам паштет, колбасу, а затем подогрел кролика. Все было очень вкусно. Хозяин болтал с нами, рассказывал о рыболовах, которые были его клиентами. Да, и в углу там лежала целая груда удочек...

— Это здесь? — спросил Мегрэ, видя, что шофер остановился.

Небольшое здание станции, несколько огней в ночной темноте.

— Направо,— сказала девушка,— а затем второй поворот, тоже направо. Там мы спросили дорогу. Но почему вы решили, что Жозеф здесь?

Просто так. Вернее, из-за трубки. Но в этом он не решился бы признаться.

Частный розыск по заявлению родственников! Ну и смешно же он выглядит. И все-таки...

— Теперь — прямо,— сказала Матильда, — дальше на реке есть мост, но по нему ехать не надо, сверните налево, только осторожно — дорога узкая!..

— Признайтесь все-таки, деточка, что ваш Жозеф последнее время говорил вам о возможных и даже весьма вероятных переменах в его жизни.

— Он очень честолюбив.

— Я говорю не о далеком будущем, а о том, что должно было произойти со дня на день.

— Ему не хотелось быть парикмахером.

— Он надеялся, что у него появятся деньги. Верно?

Бедняжка, как она мучилась! Как боялась предать своего Жозефа!

Машина медленно ехала по берегу Марны. Слева виднелись низкие домишки бедняков и лишь изредка комфортабельные виллы. То тут, то там мелькал свет, иногда лаяла собака. Примерно в километре от моста дорога стала ухабистой, такси остановилось, и шофер сказал:

— Дальше не проехать.

Дождь лил как из ведра. Выйдя из машины, они тут же промокли до нитки. Земля ускользала из-под ног, кусты цеплялись за одежду. Им пришлось идти цепочкой; шофер, ворча, забрался обратно в машину и, несомненно, готовился предъявить солидный счет.

— Странно. Я думала, что это ближе.

— Вы еще не видите дома?

Марна была совсем рядом. Шагая по лужам, они поднимали фонтаны брызг. Мегрэ шел впереди, раздвигая кусты. Матильда сразу вслед за ним. И Люка замыкал шествие с невозмутимостью овчарки. Девушке стало страшно.

— Я ведь узнала мост и печь. Мы не могли ошибиться.

— Смотрите, огонь слева...— проворчал Мегрэ.

— Так и есть. Это там.

— Т-шш... Не шумите...

— Вы предполагаете...

Мегрэ неожиданно резко прервал ее:

— Я ничего не предполагаю. Я никогда ничего не предполагаю, мадемуазель.

Когда они подошли ближе к дому, он тихо сказал Люка:

— Подожди здесь с малышкой и не трогайся с места, пока не позову. Посмотрите-ка, Матильда, отсюда виден фасад. Узнаете его?

— Да, клянусь вам...

И тут же широкая спина Мегрэ заслонила от нее освещенное окно..

Глава IV

ПРИЮТ РЫБОЛОВОВ

Матильда не преувеличивала, говоря, что место это подозрительное, более того — зловещее. Нечто вроде заброшенного тоннеля чернело вдоль дома с грязными окнами. Дверь была открыта, потому что начавшаяся гроза не принесла с собой прохлады.

Желтоватый свет падал на грязный пол. Мегрэ

— Добрый вечер, господа,— сказал Мегрэ, не вынимая трубки изо рта.

внезапно словно вынырнул из темноты. Фигура его, возникшая в проеме двери, выглядела необычайно внушительно. Коснувшись пальцами полей шляпы, он пробормотал, не вынимая трубки изо рта:

— Добрый вечер, господа.

За железным столом, на котором стояли бутылки виноградной водки и два граненых стакана, сидели двое мужчин. Один из них — чернявый, без пиджака — неторопливо поднял голову, чуть удивленно взглянул на Мегрэ и встал, подтягивая штаны.

— Добрый вечер...

Другой повернулся к вошедшему спиной. Наверняка это был не Жозеф Леруа. Человек был крепкого телосложения и одет в светло-серый костюм.

Странно, однако: несмотря на неожиданное вторжение, он даже не вздрогнул. Более того, он словно сжался. И было что-то неестественное в том, что этот человек не полюбопытствовал узнать, кто же вошел.

Мегрэ приблизился к стойке. Вода стекала с него ручьями, на грязном полу появились темные лужи.

— Нет ли у вас свободной комнаты?

Хозяин медленно, явно стараясь оттянуть время, прошел за стойку и спросил в свою очередь:

— Налить вам чего-нибудь?

— Пожалуй. Я спрашиваю, есть ли у вас комната?

— К сожалению, нет... Вы пешком?

Наступила очередь Мегрэ не отвечать на вопрос:

— Рюмку водки.

— Мне показалось, что подъехал автомобиль?

— Возможно. Так есть у вас комната или нет?

Все это время он смотрел на спину в нескольких метрах от себя, столь неподвижную, словно окаменевшую. Электричества здесь не было. Комнату освещала тусклая керосиновая лампа.

Если бы этот человек обернулся... Если бы его неподвижность не была такой упорной и нарочитой... Это беспокоило Мегрэ. Он быстро прикинул: если принять во внимание размеры кафе и кухни, то на втором этаже должны быть по крайней мере три комнаты. По виду хозяина, по тому беспорядку и запущенности, какие царили здесь, Мегрэ мог бы поклясться, что женщины в доме нет. А ему показалось, что он слышит шаги над головой.

— У вас сейчас много постояльцев?

— Никого. Разве что...

Он кивнул на человека, вернее, на его неподвижную спину.

И тут Мегрэ интуитивно почувствовал приближающуюся опасность. Надо было действовать быстро и наверняка. Он успел заметить, как рука человека потянулась к лампе. Мегрэ прыгнул вперед. Но было уже поздно. Лампа грохнулась на пол, зазвенели осколки, в комнате запахло керосином.

— Я был уверен, что знаю тебя, негодяй!

Мегрэ удалось схватить человека за пиджак и вцепиться, как клещ, в противника, но тот, пытаясь вырваться, ударил его. Они боролись в полной темноте. Мегрэ не остался в долгу и бил кулаком наугад. А как поведет себя хозяин? Поможет ли он клиенту? Вдруг кто-то впился зубами ему в руку. Всей тяжестью своего тела он рухнул на противника, и они вдвоем покатились по полу, по осколкам стекла.

— Люка! — что есть сил крикнул Мегрэ.— Люка!

Противник был вооружен. В кармане его пиджака Мегрэ явственно ощущал тяжелый пистолет и старался помешать руке дотянуться до кармана.

Нет, хозяин не подавал признаков жизни. Может быть, он преспокойно стоял за стойкой.

— Люка!

— Я здесь, шеф!

Люка уже бежал к дому, хлюпая по лужам и повторяя:

— Стойте на месте. Слышите? Я запрещаю вам следовать за мной!

Это относилось, конечно, к Матильде, которая, вероятно, обезумела от страха.

— Если укусишь еще раз, скотина, я раскрою тебе череп. Понял?

Локтем Мегрэ придавил руку, тянувшуюся к револьверу. Противник был силен так же, как и он. Возможно, комиссар допустил ошибку, схватившись с ним один на один, да еще в темноте. Они зацепили стол, и он опрокинулся на них.

— Сюда, Люка! Посвети фонарем.

— Сейчас, шеф.

Внезапно бледный луч фонарика выхватил из темноты переплетенные тела.

— Черт возьми! Николя! Вот так встреча...

— Я вас тоже сразу узнал. Еще по голосу.

— Ну-ка, Люка, помоги. Это опасный зверь. Треснika его покрепче, чтоб успокоился. Бей! Не бойся. Он выдержит.

Люка размахнулся и ударил лежащего резиновой дубинкой по голове.

— Где наручники? Давай сюда! Если бы я знал, что встречу эту скотину здесь!.. Так. Теперь все в порядке. Можешь встать, Николя! Напрасно прикидываешься, что потерял сознание. Твой лоб выдержит и не такое... Хозяин!

Ему пришлось позвать вторично. И очень странно было услышать невозмутимый голос из темноты:

— Слушаю вас.

— У вас есть еще одна лампа или свечка?

— Сейчас принесу свечу. Посветите мне в кухне.

Мегрэ обернул платком руку, которую прокусил бандит. Кто-то всхлипывал у двери. Это была Матильда. Она не понимала, что происходит, и, возможно, думала, что комиссар боролся с Жозефом.

— Входите, деточка. Не бойтесь. Я думаю, что сейчас все закончится... А ты, Николя, сядь здесь и не вздумай шевелиться!

Оба револьвера — свой и бандита — он положил перед собой на стол. Вернулся хозяин со свечой. Вид у него был такой безмятежный, словно бы ничего и не произошло.

— А теперь,— сказал ему Мегрэ,— приведите ко мне парнишку.

Небольшое замешательство. Неужели он станет отрицать?

— Кому я сказал — приведите мальчишку! Живо!

Хозяин направился к двери.

— Трубка-то хоть у него?

* * *

Заливаясь слезами, девушка повторяла:

— Вы уверены, что он здесь и что с ним ничего не случилось?

Мегрэ молчал, прислушиваясь, что происходит на-

верху. Хозяин постучал в дверь. Потом заговорил вполголоса. Затем настойчивей. Можно было различить обрывки фраз:

— Это мосье из Парижа. С ними девушка. Вы можете открыть...

Матильда все всхлипывала:

— А вдруг они убили его?

Мегрэ пожал плечами и направился к лестнице.

— Смотри в оба, Люка. Ты ведь знаешь Николя, нашего старого приятеля? А я-то думал, что он еще в тюрьме Фрэн!

Он медленно поднялся по лестнице, отстранил хозяина от двери:

— Это я, Жозеф. Комиссар Мегрэ. Можешь открыть, мальчик.

И хозяину:

— Чего вы ждете? Спуститесь и налейте чего-нибудь девушке. Грога, что ли,— пусть успокоится... Ну-ка, Жозеф! Пошевеливайся!

Наконец ключ повернулся. Мегрэ толкнул дверь.

— Почему здесь нет света?

— Подождите. Я сейчас зажгу. Тут остался еще огрызок свечи.

Руки Жозефа дрожали. Лицо, освещенное пламенем свечи, было перекошено от страха.

— Он все еще внизу? — пролепетал он. И затем добавил бессвязно: — Как вы меня нашли? Что они вам сказали? Кто эта девушка?

Деревенская комната, высокий потолок, разобранная постель, комод, которым Жозеф пытался забаррикадировать дверь.

— Ну-с, куда вы их спрятали? — спросил Мегрэ с самым невозмутимым видом.

Жозеф ошалело посмотрел на него и понял: комиссар знает все. Торопливо порывшись в карманах брюк, юноша вытащил маленький пакетик, обернутый в газету.

Волосы у него были растрепаны, одежда помята. Комиссар машинально взглянул ему на ноги. Он был обут в нелепые домашние туфли.

— А где моя трубка?

На этот раз Жозеф чуть не расплакался: губы его растянулись в плаксивую гримасу. Мегрэ даже показалось,

что он сейчас упадет на колени и станет просить прощения.

— Успокойтесь, молодой человек,— посоветовал он ему.— Внизу люди.

И с улыбкой взял трубку, которую парень протянул ему дрожащей рукой.

— Тсс... Матильда поднимается по лестнице. Ей не терпится, пока мы спустимся. Ну-ка, причешитесь.

Он взял графин, чтобы налить в умывальник воды, но графин был пуст.

— Воды разве нет? — удивился комиссар.

— Я ее выпил.

Ну конечно же! Как он об этом не подумал? Бледное вытянувшееся лицо паренька, провалившиеся глаза...

— Давно вы не ели? — И, не обернувшись к Матильде, сказал: — Выходите, деточка! Поверьте мне, ничего не случилось. Он вас очень любит. Иначе и быть не может. Но прежде всего ему нужно поесть.

Глава V

ТАЙНА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ЖОЗЕФА

Теперь было приятно послушать, как хлещет по листьям дождь, приятно было вдохнуть через широко открытую дверь влажную ночную прохладу.

Несмотря на голод, Жозеф едва смог проглотить бутерброд с паштетом, приготовленный ему хозяином,— так он был потрясен. Его кадык все еще судорожно поднимался и опускался. Ну, а Мегрэ, выпив пару рюмок виноградной водки, с наслаждением потягивал свою любимую трубку.

— Видите ли, молодой человек, если бы вы не стащили мою трубку, я уверен: рано или поздно ваш труп нашли бы в камышах Марны. Трубка Мегрэ кое-что да значит.

Честное слово, Мегрэ произносил эти слова с удовольствием. Вся эта история льстила его самолюбию. У него украли трубку, как незаметно крадут карандаш у великого писателя, кисть у великого художника, носо-

вой платок или какую-нибудь другую безделушку у кинозвезды.

Комиссар понял это сразу же. Застенчивый и нерешительный паренек стащил его трубку. И на следующую ночь исчез. А до этого он пытался уговорить свою мать не обращаться в полицию. Что же все это значит? А то, черт побери, что он сам хотел провести следствие. Потому что был уверен в себе! Потому что с трубкой Мегрэ во рту он возомнил...

— Когда вы поняли, что таинственные посетители ищут в вашем доме бриллианты?

Жозеф хотел было приврать из тщеславия, но, глянув на Матильду, передумал:

— Я не знал, что это бриллианты. Но был уверен, что искали что-то очень маленькое, ведь рылись даже в коробках из-под лекарств.

— Что ты на это скажешь, Николя? А, Николя?

Тот, злобно уставившись взглядом прямо перед собой, сидел на стуле в углу, наручники сжимали его запястья.

— Когда ты убил Блюстейна в Ницце...

Никакой реакции. Ни один мускул не дрогнул на его костлявом лице.

— Ведь ты прикончил Блюстейна в «Негреско», потому что понял: тот обманывал тебя. Так? Значит, не желаешь говорить? Ладно, заговоришь потом. Что сказал тебе Блюстейн? Что спрятал бриллианты в доме на набережной Берси?! И ты стал сомневаться — сумеешь ли их найти, ведь эти маленькие штуковинки очень легко спрятать. Вероятно, он указал тебе ложный тайник? Ну ладно. Я не спрашиваю тебя, откуда бриллианты. Мы узнаем это завтра, когда их осмотрят эксперты. На сей раз тебе не повезло. Тебя сцапали за старое дело. Что ты там натворил? Кажется, ограбление на бульваре Сен-Мартен? Ну как же! Ювелирный магазин! Раз уж на чем-то специализируешься... Верно ведь? Ты получил тогда три года. И вот уже три месяца, как, выйдя из тюрьмы, ты бродишь вокруг этого дома. У тебя был ключ, который Блюстейн сделал для себя. Ну? Будешь говорить? Что ж, как хочешь.

Молодые люди с удивлением смотрели на Мегрэ и не могли понять его неожиданно шутливого тона: они ведь

не знали обо всех треволнениях, которые он пережил за последние часы.

— Видишь ли, Жозеф... Смотри-ка, я уже обращаюсь к тебе на «ты». Все это просто. Какой-то незнакомец проникает в дом, где уже три года не было жильцов. Я тотчас же подумал, что это какой-нибудь тип, отбывший заключение. Ведь нельзя же болеть целых три года. Мне бы следовало проверить списки освобожденных из тюрьмы, и я бы тотчас наткнулся на нашего приятеля Николя... У тебя нет огонька, Люка? А теперь, Жозеф, расскажи, что произошло этой ночью.

— Я был уверен, что у нас припрятано что-то очень ценное. Возможно, целое состояние. И я решил отыскать...

— Но поскольку твоя мамаша обратилась ко мне, ты решил во что бы то ни стало найти клад этой ночью.

Жозеф кивнул головой.

— И чтобы тебе не помешали, ты подсыпал мамаше в настой какой-то чертовщины?

Он не отрицал.

— Мне так хотелось жить по-другому! — пролепетал он еле слышно.

— Ты спустился вниз в домашних туфлях. Почему же ты был уверен, что найдешь ценности именно этой ночью?

— Потому что, кроме столовой, я обыскал уже весь дом, разделив все комнаты на секторы. И убедился, что тайник может быть только в столовой.

Несмотря на усталость и унизительность положения, в глазах его блеснула гордость.

— И я нашел.

— Где?

— Возможно, вы обратили внимание в столовой на старую газовую проводку с горелками и поддельными свечами из фарфора? Не знаю уж, как пришла мне в голову мысль отвинтить эти свечи. В них-то я и нашел какие-то твердые предметы, завернутые в клочок бумаги.

— Скажи-ка мне: отправляясь на поиски, ты уже знал, что будешь делать в случае удачи?

— Нет, не знал.

— Ты не собирался удирать?

— Нет. Ей-богу!

— Хотел перепрятать клад в другое место?

— Да.

— У себя в доме?

— Нет. Я ведь знал, что вы перевернете у нас все вверх дном. И наверняка найдете. Я бы спрятал клад в парикмахерской. Ну, а потом...

Николя криво усмехнулся.

— Итак, ты открыл тайну газовых горелок...

— Как раз в тот момент, когда я отвинчивал последнюю свечу, мне показалось, что рядом кто-то стоит. Сначала я подумал, что это мама, и погасил фонарик. Но это был мужчина, он шел прямо на меня. Испугавшись, я бросился к двери, выскочил на улицу и побежал. Я был в домашних туфлях, без галстука, без шапки. Я бежал и слышал, что за мной гонятся.

— Нелегко тебе было угнаться за таким быстроногим зайцем, а, Николя? — насмешливо спросил Мегрэ.

— У площади Бастилии я заметил полицейский патруль и зашагал вслед за ним, потому что был уверен: этот человек при них не нападет на меня. Так мы дошли до Восточного вокзала. И тут у меня мелькнула мысль...

— Удрать в Шелл? Приятные воспоминания, так, что ли? Ну, а потом?

— До пяти утра я проторчал в зале ожидания. Там было много народа... А пока вокруг люди...

— Ясно.

— Но я не знал, кто меня преследует. Я поочередно разглядывал всех. Когда открыли кассу, я протиснулся между двумя женщинами и тихо спросил билет. В это время сразу отходило несколько составов. Я переходил из поезда в поезд, перебирался через пути.

— Парень, видно, доставил тебе хлопот даже больше, чем мне, а, Николя?

— Он не мог знать, до какой станции я взял билет. А в Шелле я спрыгнул, когда поезд уже тронулся.

— Что ж, неплохо. Совсем неплохо!

— И поскорее выскочил из вокзала. На улице — никого. Я снова побежал, никто меня не преследовал. Вот так я очутился здесь и сразу спросил комнату, у меня уже не было сил... Мне хотелось скорее припрятать...

Рассказывая, он весь дрожал.

— Мама никогда не давала мне много карманных денег, и, поднявшись в комнату, я нашел у себя в кармане всего пятнадцать франков и несколько телефонных жетонов. Мне хотелось вернуться домой, прежде чем мама...

— И тут появился Николя.

— Я заметил его в окно. Он выходил из машины... Я сразу же понял, что он доехал до Ланьи и взял там такси. Но только в Шелле он снова напал на мой след. Я тут же заперся на ключ, а затем, услышав на лестнице шаги, придвинул к двери комод. Я уже не сомневался, что он убьет меня.

— И глазом не моргнул бы! — заметил Мегрэ.— Но он боялся разоблачить себя: мешал хозяин. Так ведь, Николя? Он обосновался здесь, полагая, что рано или поздно ты выйдешь из комнаты. Ну хотя бы поесть..

— Я ничего не ел. Я очень боялся, что ночью он приставит лестницу и влезет ко мне через окно. Поэтому я запер ставни и старался не спать.

Мегрэ осторожно выбил трубку о каблук, снова набил, поглаживая ее с явным удовольствием.

— Ну, если б тебя угораздило сломать ее...— бурк-

нул он. И добавил другим уже тоном: — Что ж, дети, пора в путь!.. Жозеф, а что ты скажешь матери?

— Не знаю. Боюсь даже подумать.

— Да полно тебе. Скажи, что ты спустился в столовую, вообразив себя детективом, увидел там незнакомца, выходившего из вашего дома. И, гордясь мыслью, что ты настоящий сыщик, пошел за ним следом.

Тут Николя впервые раскрыл рот и презрительно бросил:

— Уж не думаете ли вы и меня втянуть в эту игру?

— А мы сейчас это выясним,— невозмутимо ответил Мегрэ.— С глазу на глаз, в моем кабинете... Ну что ж, поехали?

Немного позже он шептал на ухо Жозефу, задвинутому вместе с Матильдой в самый угол сиденья:

— Я подарю тебе другую трубку. Идет? И, если хочешь, даже больше этой.

— Но она не будет вашей,— ответил паренек.

ПОКАЗАНИЯ МАЛЬЧИКА ИЗ ЦЕРКОВНОГО ХОРА

Глава I

ДВА УДАРА КОЛОКОЛА

Моросил холодный дождь. Было темно. В половине шестого из казармы, стоявшей в самом конце улицы, донеслись звуки трубы, послышался топот лошадей, тянувшихся на водопой, а в одном из окон соседнего дома вспыхнуло светлое треугольное пятно: кто-нибудь тут вставал спозаранку, а может быть, свет зажег больной после бессонной ночи.

Ну, а вся улица — тихая, широкая, недавно застроенная чуть ли не одинаковыми домами — еще спала. Квартал был новый, заселенный самыми обычными мирными

обывателями — чиновниками, коммивояжерами, мелкими рантье, скромными вдовами.

Мегрэ поднял воротник пальто и прижался к стене у самых ворот школы; покуривая трубку и положив на ладонь часы, он ждал.

Ровно без четверти шесть с приходской церкви, высившейся позади, раздался перезвон колоколов. Из слов мальчишки Мегрэ знал, что это «первый удар» колокола, призывающий к шестичасовой мессе.

Колокольный звон все еще плыл в сыром воздухе, когда Мегрэ почувствовал, вернее, догадался, что в доме напротив надсадно задребезжал будильник. Через секунду он смолк. Должно быть, мальчик, лежа в теплой постели, протянул руку и на ощупь нажал кнопку будильника.

Не прошло и минуты, как осветилось окно на третьем этаже.

Все происходило именно так, как рассказывал мальчик: весь дом спал, а он осторожно, стараясь не шуметь, вставал первым. Сейчас, вероятно, он уже оделся, натянул носки и, ополоснув водой лицо и руки, наскоро причесался, а потом... Потом...

— Я тащу башмаки в руке по лестнице,— заявил он Мегрэ,— и только внизу надеваю, чтобы не разбудить родителей.

Так все и шло изо дня в день, зимой и летом, вот уже почти два года, с той поры, как Жюстен стал петь во время шестичасовой мессы в больнице.

Он утверждал:

— Больничные часы вечно отстают от приходских на три-четыре минуты.

Теперь комиссар убедился в этом. Вчера инспекторы опергруппы Сыскной полиции, к которой он был прикомандирован несколько месяцев назад, лишь пожимали плечами, выслушивая рассказ Жюстена обо всех этих мелочах, в частности — о «первом», а потом о «втором» ударе колокола.

Мегрэ долгое время сам был певчим. Потому-то он тогда и не улыбнулся.

Итак, на колокольне приходской церкви пробило без четверти шесть... Тут же задребезжал будильник, а немного погодя из больничной церкви донесся мелодичный

серебристый звон, похожий на звон монастырских колоколов.

Комиссар все еще держал на ладони часы. Мальчик потратил на одевание немногим больше четырех минут. Свет в окне погас. Должно быть, Жюстен ощупью спустился по лестнице, чтобы не разбудить родителей, затем присел на последней ступеньке, надел башмаки и снял пальто с бамбуковой вешалки, что стояла в коридоре справа.

Потом отворил дверь и, бесшумно закрыв ее, вышел на улицу. Вот он тревожно озирается по сторонам... Увидев четкий силуэт, узнает комиссара, который подходит к нему, и говорит:

— А я боялся, что вы не придете.

И устремляется вперед. Светловолосому, худому мальчишке лет двенадцать, но уже чувствуется, что он упрям и своеволен.

— Вам хочется, чтоб я проделал то же самое, что делаю каждое утро, верно? Я хожу всегда быстро и считаю минуты, чтоб не опоздать. Кроме того, сейчас, зимой, совсем темно и мне страшно. Через месяц станет посветлее...

Он свернул направо, вышел на тихую и еще сонную улицу, которая была куда корсче, чем первая, и упиралась в круглую площадь, обсаженную старыми вязами. По диагонали ее пересекали рельсы трамвая.

Мегрэ невольно подмечал все детали, напоминающие ему детство. Во-первых, мальчик шел по самому краю тротуара — боялся, как бы кто-нибудь не выскочил из темного угла. Во-вторых, проходя по площади, он обходил стороной деревья: ведь за их стволами мог прятаться человек...

В общем, мальчишка трусом не был — недаром вот уже две зимы он каждое утро совсем один, в любую погоду — сквозь густой туман или во мраке безлунной ночи,— бежал по той же самой безлюдной дороге.

— Когда дойдем до середины улицы Святой Катерины, вы услышите второй удар колокола в приходской церкви.

— Когда проходит первый трамвай?

— В шесть часов. Видел его всего два-три раза, когда опаздывал. Один раз будильник не прозвенел. Ну,

а еще раз потому, что опять заснул. Теперь-то я сразу вскакиваю, как только он зазвенит.

Худенькое бледное лицо под моросящим ночным дождем, вдумчивый и чуть-чуть тревожный взгляд.

— С хором покончено... Сегодня я иду туда только по вашей просьбе...

Они свернули налево и направились по улице Святой Катерины, где, как и на всех улицах квартала, через каждые пятьдесят метров высился одинокий фонарь. Возле каждого фонаря поблескивала лужа. И мальчик бессознательно шагал прямо по лужам — должно быть, так было безопаснее. Из казармы то и дело доносился глухой шум. Кое-где засветились окна. Порой какой-нибудь прохожий торопливо переходил улицу: видно, спешил на работу.

— Когда вы подошли к углу улицы, вы ничего не заметили?

В показаниях мальчишки это было самое уязвимое место: ведь улица Святой Катерины была прямой, пустынной, фонари тянулись, как по веревке, и разгоняли предутренний сумрак. Сразу можно было заметить — хоть за сто метров — двух людей, затеявших драку.

— Может, я и не смотрел вперед. Наверно, разговаривал сам с собой. Так со мной случается... Утром иду и потихоньку разговариваю сам с собой... Я собирался кое-что попросить у матери потом, дома, ну и... повторял то, что хотел ей сказать...

— А что же вы хотели попросить?

— Знаете, я давно мечтаю о велосипеде... Уже триста франков скопил на мессах...

Странно, но Мегрэ вдруг показалось, что мальчик старается идти подальше от домов — он даже сошел на мостовую, а потом снова зашагал по тротуару.

— Вот здесь... смотрите... А вот и второй удар колокола в приходской церкви...

И Мегрэ, не боясь показаться смешным, попытался понять и проникнуть в тот мир, которым каждое утро жил Жюстен.

— Наверно, я поднял голову. Знаете, так бывает, когда бежишь, не глядя перед собой, и вдруг упрешься в стену... Все произошло как раз на этом месте... Вот здесь...— показал он на тротуар.— Сначала я увидел че-

ловека — он лежал, вытянувшись во весь рост, и показался мне таким громадным, что я готов поклясться — он занимал весь тротуар.

Жюстен, конечно, ошибся — ведь тротуар был по крайней мере в два с половиной метра шириной.

— Точно не знаю, что я сделал... Должно быть, отскочил в сторону... Но сразу не убежал. Знаете отчего? Я увидел, что у него в груди торчит нож со здоровенной рукояткой из темной кости. Я ее заметил, потому что у дяди Анри почти такой же нож и он говорит, что рукоятка сделана из оленьего рога. Наверняка этот человек был уже мертв...

— Почему вы так думаете?

— Не знаю. У него был вид мертвеца.

— Глаза были закрыты?

— Глаз я не заметил. Ей-богу, больше я ничего не знаю... Но такое было у меня чувство, что он мертв... Правда, это быстро прошло, как я вам уже сказал вчера в вашем комиссариате. Вчера меня заставляли повторять одно и то же столько раз, что я больше ни слова не скажу. Да мне и не верят...

— А что же другой человек?

— Я поднял голову и увидел, что чуть подальше, пожалуй так метрах в пяти, кто-то стоит. У этого типа были очень светлые глаза. Он взглянул на меня и бросился бежать. Это был убийца...

— Как вы это узнали?

— Потому что он бросился бежать со всех ног.

— В каком направлении?

— Так вот, все прямо...

— Значит, в сторону казармы?

— Ну да...

Действительно, Жюстена накануне допрашивали по крайней мере раз десять. Больше того, до прихода Мегрэ инспекторы превратили допрос в какую-то своеобразную игру. Однако он ни разу не сбился в своих показаниях.

— А что вы сделали дальше?

— Тоже бросился бежать. Это трудно объяснить. Мне кажется... когда я увидал, что он убегает, я испугался... и тогда тоже пустился бежать...

— В противоположном направлении?

— Да...

— Вам не пришло в голову позвать на помощь?

— Нет... Я очень испугался. Особенно я боялся, как бы меня не подвели ноги — они у меня просто отнимались. Я добежал почти до площади Конгресса, а потом рванул по другой улице, которая тоже ведет к больнице, так что получился крюк.

— Ладно, пойдем дальше.

Снова раздался мелодичный перезвон колоколов больничной церкви. Пройдя метров пятьдесят, они остановились на перекрестке; слева тянулась стена с узкими бойницами — там были казармы, направо высился огромный полуосвещенный портал, а на нем вырисовывался циферблат часов.

Было без трех минут шесть.

— Опаздываю на минуту. Вчера, однако, я пришел вовремя, но как я несся!

На двери из мореного дуба висел тяжелый молоток. Приподняв его, Жюстен ударил им в дверь, и будто гром прокатился по улице. Подбежал привратник в домашних туфлях, приоткрыл ворота, пропустил Жюстена, но преградил дорогу Мегрэ, подозрительно оглядывая его.

— А это кто?

— Полиция.

— Предъявите документ.

Миновав ворота и еще одну дверь, они очутились в большом дворе; вокруг громоздились больничные постройки. Вдалеке, в утренней мгле, белели чепцы сестер-монахинь, направлявшихся в церковь.

— Почему вчера вы ничего не сказали привратнику?

— Не знаю... Торопился туда...

Мегрэ отлично его понимал. Действительно, что скажешь недоверчивому, несговорчивому привратнику? Ясно, мальчик поспешил в ризницу.

— Вы войдете со мной?

— Да.

В церкви было тепло и уютно. Больные в светло-серых халатах — кто с забинтованной головой, кто в лубках на перевязи, кто с костылями — уже сидели на скамьях, поставленных рядами. Сестры-монахини, расположившиеся на хорах, составляли какую-то одноли-

кую массу и, словно охваченные религиозным экстазом, низко склоняли головы в белых чепцах.

— Пойдемте за мной.

Им пришлось подняться на несколько ступеней и пройти мимо алтаря, где уже мерцали свечи. Справа находилась ризница из темного дерева; высокий, изможденный священник уже надел почти все облачение; стихарь из тонких кружев ждал маленького певчего; рядом стояла сестра-монахиня.

Вот здесь, именно в этом месте, вчера, задыхаясь, с подкосившимися ногами, остановился Жюстен. Вот здесь он крикнул:

«Сейчас на улице Святой Катерины убили человека!»

Маленькие деревянные часы показывали ровно шесть часов — колокола вновь зазвонили. Жюстен сказал сестре, подававшей ему стихарь:

— Это комиссар полиции...

И Мегрэ остался, а мальчик взбежал по ступеням к алтарю.

* * *

— Жюстен очень набожный мальчик, он ни разу нам не соврал,— рассказывала Мегрэ сестра-монахиня, ведавшая ризницей.— Случалось, он не приходил на мессу... Он мог бы сказать, что был болен... Он же откровенно признавался, что у него не хватило духа подняться спозаранку в такой холод или что ему приснился плохой сон и он не выспался...

А священник, только что отслуживший обедню, посмотрел на комиссара своими светлыми стеклянными глазами святого:

— Почему вы думаете, что мальчик выдумал всю эту историю?

...Теперь Мегрэ знал, какие события разыгрались накануне в ризнице. Жюстен, стуча зубами, исчерпав все доводы, был в нервном припадке... Но запаздывать с обедней нельзя, и сестра-монахиня из ризницы, предупредив старшую, заменила Жюстена.

И только минут через десять старшая сестра догадалась позвонить в полицию. Конечно, надо было бы сразу же приехать в церковь, ибо все почувствовали — что-то произошло. Но дежурный сержант ничего не мог понять.

— Какая старшая сестра? Старшая над чем?

Тихо и неторопливо — как говорят в монастырях — ему снова сказали, что на улице Святой Катерины совершено преступление. Однако прибывшие агенты ничего не нашли — ни жертвы, ни преступника...

В половине девятого утра Жюстен, будто ничего и не случилось, пришел, как обычно, в школу, а уже в половине десятого в класс ввалился приземистый, кряжистый человек, по виду боксер. Это был инспектор Бессон, известный своей грубостью.

Бедный мальчуган! Добрых два часа его допрашивали в мрачном здании комиссариата, где невозможно было продохнуть от табачного дыма — вытяжка почему-то не действовала. Причем допрашивали его не как свидетеля, а как обвиняемого.

Все три инспектора — Бессон, Тиберж и Валлен - по очереди старались засадить его под арест, пытаясь добиться хоть каких-то расхождений в его свидетельских показаниях. В довершение всего за сыном явилась мать. Она сидела в приемной вся в слезах и, всхлипывая, повторяла без конца:

— Мы честные люди и никогда не имели дела с полицией.

Мегрэ, проработавший почти всю ночь, приехал в комиссариат только к одиннадцати.

— Что здесь творится? — спросил он, увидя голенастого, нахохлившегося Жюстена. Он не плакал, только лихорадочно поводил глазами.

— Парень хочет оставить нас в дураках. Издевается над нами. Настаивает, будто видел на улице труп и даже убийцу, убежавшего при его приближении. Однако четыре минуты спустя по той же улице прошел трамвай, и кондуктор ничего не заметил... На улице — полнейший порядок и никто ничего не слыхал... Наконец, когда через четверть часа на место происшествия прибыла полиция, оповещенная какой-то сестрой, на тротуаре ничего не было — ни единого пятнышка крови...

— Зайдите ко мне в кабинет, дружок.

И Мегрэ оказался первым в тот день, кто не назвал Жюстена на «ты». Первым он обошелся с ним не как с фантазером и упрямцем, а как с маленьким мужчиной. Он заставил его пересказать всю историю и держался

спокойно, просто, не перебивая рассказа и не делая замечаний.

— Вы будете по-прежнему прислуживать в церкви?

— Нет. Больше я не буду туда ходить. Очень уж страшно...

А ведь это, право, была большая жертва. Конечно, мальчуган был набожен. И он вкушал поэзию первой мессы в таинственной тишине храма. Но, кроме того, за каждую обедню ему платили,— правда, пустяки, но вполне достаточно, чтобы скопить немного денег. Ведь ему так хотелось иметь велосипед, а родители не могли сделать такой роскошный подарок.

— Я попросил бы вас еще разок сходить туда завтра утром.

— Да я побоюсь пройти той же дорогой...

— Пойдем вместе. Я подожду вас около вашего дома. Скажите, вы сможете проделать все точно, как и в тот день?

Вот почему так и случилось, что Мегрэ в семь утра вышел из ворот больницы, раздумывая, как ехать — трамваем или машиной.

С сине-зеленого неба сыпался пронизывающий ледяной дождь. Несколько прохожих брели вдоль домов, подняв воротники пальто и сунув руки в карманы. Лавочники поднимали ставни витрин. То был самый заурядный, спокойный квартал, какой только можно себе представить.

И именно здесь, в этом квартале, какой-то проходимец, хулиган ранним утром напал на прохожего, обобрал его и всадил ему нож в грудь,— именно здесь случилось чрезвычайное происшествие. По словам мальчика, убийца убежал при его приближении и было тогда якобы без пяти шесть.

В шесть часов прошел первый трамвай, и кондуктор утверждает, что он ничего не видел. Возможно, он был рассеян или засмотрелся в другую сторону. Но ведь пять минут седьмого агенты, завершавшие ночной обход, проходили по тому же тротуару и тоже ничего не приметили.

В семь или в восемь минут седьмого капитан кавалерии, живущий в одном из трех домов, указанных Жюстеном, вышел из дому и направился в казармы.

Он также ничего не видел. Наконец, двадцать минут

седьмого моторизованный наряд полиции, высланный комиссариатом квартала, не нашел и следа жертвы.

А вдруг в этот минутный разрыв тело погрузили в легковую машину или в грузовик?.. Мегрэ не спеша, хладнокровно перебирал в уме всевозможные гипотезы и отбрасывал все, что казалось ему неверным. Кстати говоря, в доме номер сорок два жила больная женщина. Муж ее бодрствовал всю ночь. Его слова кое-что подтверждали:

— Мы слышим все, что происходит на улице, и я невольно все замечаю, потому что жена очень больна и вздрагивает при малейшем шуме. Постойте... Только она заснула, ее разбудил трамвай. Утверждаю, что ни одна машина не проезжала по улице раньше семи. Первой была та, что забирает мусорные ящики.

— А больше вы ничего не слышали?

— Кто-то пробежал.

— До трамвая?

— Да, потому что жена спала, а я как раз в эту минуту собирался приготовить кофе на плитке.

— Бежал один?

— Пожалуй, скорее, бежали двое...

— Не скажете, в каком направлении?

— Шторы были опущены... Они скрипят, когда их раздвигаешь, поэтому я и не взглянул.

То был единственный свидетель, показывавший в пользу Жюстена. В двухстах метрах отсюда находился полицейский пост, но дежурный агент не видел машины.

Можно ли допустить, что убийца, убежав, через несколько минут вернулся за своей жертвой и унес ее, не привлекая ничьего внимания?

Досаднее всего то, что появился новый свидетель, который только пожимает плечами, когда ему говорят об истории с мальчиком. Место, которое указал Жюстен, находилось как раз напротив дома шестьдесят один. Инспектор Тиберж побывал там накануне, а Мегрэ, который никогда и ничего не оставлял непроверенным, теперь, в свою очередь, позвонил в дверь. Было лишь четверть восьмого, но комиссар решил, что сюда можно явиться и в такой ранний час.

Усатая старуха, приоткрыв дверной глазок и расспросив Мегрэ с пристрастием, впустила его в квартиру, где приятно пахло свежим кофе.

— Пойду узнаю, сможет ли вас принять господин судья...

Весь дом занимал судья в отставке, живший на ренту. Жил он один, если не считать служанки. В комнате, выходившей окнами на улицу — должно быть, гостиной,— послышалось шушуканье, потом старуха вернулась и сердито бросила:

— Входите... да ноги вытирайте, пожалуйста, вы ведь не в конюшне.

Нет, это не была гостиная, а довольно большая комната, смахивающая и на спальню, и на рабочий кабинет, и на библиотеку, и, пожалуй, на сарай, потому что здесь были свалены в кучу самые неожиданные предметы.

— Вы пришли за трупом? —с издевкой спросил кто-то, и комиссар даже отпрянул.

Голос доносился со стороны камина — около него, в глубоком кресле, сидел высохший старик. Ноги его были закутаны пледом.

— Снимайте пальто. Я очень люблю тепло, а вы здесь долго не вытерпите.

И в самом деле: старик держал каминные щипцы, которыми он орудовал, умудряясь извлекать из полешьев яркое пламя.

— А я-то думал, что с моих времен полиция усовершенствовалась и научилась остерегаться свидетельских показаний детей. Дети и девушки — вот самые опасные свидетели, и когда я был судьей...

Он был одет в теплый халат, и, хоть в комнате было жарко, шея его была обмотана широким шарфом.

— Итак, напротив моего дома, говорят, совершилось преступление. Не правда ли?.. А вы, если не ошибаюсь, знаменитый комиссар Мегрэ, которого послали в наш город для реорганизации оперативной группы? — проскрипел старикашка.

Весь он был какой-то озлобленный, неприятный, полный едкой иронии и вдобавок вел себя крайне вызывающе.

— Итак, милейший комиссар, вы обвиняете меня в заговоре с убийцей, и я с глубочайшим сожалением сообщаю вам, как я вчера уже сказал вашему молодому инспектору, что вы на ложном пути. Вам, конечно, изве-

стно, что старики спят мало, что есть даже люди, которые всю жизнь очень мало спят... Так было с Эразмом[1] и с господином, известным под именем Вольтер[2].

И он с явным удовольствием посмотрел на полки, забитые книгами и поднимавшиеся до самого потолка.

— Так было со многими, да, впрочем, откуда вам знать... Короче говоря, в течение последних пятнадцати лет я сплю ночью не больше трех часов и вот уже десять лет с лишним, как ноги отказались служить мне... Впрочем, мне и ходить-то некуда. День и ночь торчу я в этой комнате. окна которой, как вы можете убедиться, выходят прямо на улицу. С четырех часов утра я уже сижу в кресле, с ясной головой, поверьте мне. Я мог бы даже показать вам книгу, которую я вчера утром штудировал... Впрочем, речь в ней шла о греческом философе, а это, полагаю, вас мало интересует. И если бы событие, вроде того, о котором рассказывает вам мальчишка, наделенный весьма живым воображением, произошло под моим окном, уверяю вас, я бы это заметил... Ноги у меня, как я уже говорил, не те, что прежде... Но на слух я пока не жалуюсь... Наконец, я от природы довольно любопытен и интересуюсь всем, что творится на улице, и, если вам угодно, могу в точности указать время, когда каждый продавец проходит мимо моего окна, направляясь в лавку.

И он с торжествующей улыбкой смотрел на Мегрэ.

— В таком случае, вы, разумеется, слышите, как Жюстен проходит мимо вашего окна? — спросил комиссар с ангельской кротостью.

— Ну конечно.

— Видите и слышите?

— Не понимаю!

— В течение полугода, а пожалуй, и больше в шесть часов утра уже светло... Ведь мальчик — как летом, так и зимой — поет в церковном хоре с шести часов утра...

— Я видел, как он проходит мимо.

— Отлично! И поскольку дело касается события еже-

---

[1] Эра́зм — он имеет в виду Эразма Роттердамского (1466—1536), выдающегося голландского писателя и ученого эпохи Возрождения.

[2] Вольте́р Франсуа Мари (1694—1778) — великий французский просветитель, писатель и философ.

дневного и регулярного, как первый трамвай, вы несомненно должны были обратить на это внимание.

— Что вы хотите этим сказать?

— А то, что, например, если заводской гудок ревет ежедневно в один и тот же час или один и тот же человек проходит перед вашими окнами с точностью часов, то вы, естественно, говорите себе: «Ага, сейчас столько-то времени». А если в положенный час гудок молчит, то вы отмечаете: «Сегодня воскресенье». А если человек не пройдет, вы говорите: «Что-то с ним случилось, уж не заболел ли?»

Судья смотрел на Мегрэ маленькими, живыми и коварными глазками, явно намереваясь позлить или проучить его.

— Все это я знаю...— пробурчал он, похрустывая иссохшими пальцами.— Я был судьей, еще когда вы под стол пешком ходили.

— Когда певчий проходил...

— Я слышал его шаги. Вы хотите, чтобы я признал именно это?

— А если он не проходил?

— Могло случиться и так. Но могло быть и иначе.

— А вчера?

Может быть, Мегрэ ошибался? Но ему показалось, что старый судья насупился и что на лице его застыла почти неуловимая злобная гримаса. Разве старики не сердятся, как дети? Разве не находит на них такое же ребячливое упрямство?

— Вчера?

— Да, вчера.

Вопрос повторяют, чтобы выиграть время и принять решение.

— Я ничего не заметил.

— Ни того, что он прошел мимо.

— Нет...

— Ни того, что не проходил?..

— Нет...

В одном случае из двух он лгал — для Мегрэ это было ясно. Он продолжал допытываться:

— Никто не пробегал мимо ваших окон?

— Нет.

На этот раз тон был уверенный: старик не лгал.

— Вы не слышали никакого необычного шума?

— Нет.

Все то же решительное и как будто торжествующее «нет».

— Ни шагов, ни шума, какой слышишь, когда человек падает, ни хрипа?

— Ровно ничего.

— Благодарю вас.

— Не за что.

— Зная, что вы были судьей, я, разумеется, не спрашиваю вас, готовы ли вы повторить сказанное под присягой.

— Когда вам угодно,— с каким-то радостным нетерпением заявил старик.

— Прошу извинить за беспокойство, господин судья.

— Желаю вам успеха в расследовании, господин комиссар.

Старуха явно подслушивала за дверью: она стояла на пороге и, проводив комиссара, закрыла за ним дверь.

В эту минуту, окунувшись в повседневную жизнь мирной улицы, Мегрэ испытывал странное чувство. Ему казалось, будто его мистифицировали, и в то же время он поклялся бы, что судья солгал ему только раз — промолчав.

И вместе с тем ему временами чудилось, что он близок к разрешению необычайно странной, трудноуловимой и неожиданной загадки, что для этого надо сделать лишь ничтожное усилие, но сделать его он — увы! — не может. И снова вспоминался мальчишка, и снова возникал перед глазами сморщенный старик. Что же их связывало?..

Потом, неторопливо набив трубку, он направился домой.

Глава II

ОТВАР МАДАМ МЕГРЭ И ТРУБКА КОМИССАРА

Ворох простынь и одеял зашевелился, высунулась рука, и на подушке появилось красное потное лицо — лицо комиссара Мегрэ.

— Дай-ка мне термометр! — буркнул он.

Госпожа Мегрэ склонилась над шитьем, приоткрыв оконную штору и пытаясь что-то разглядеть в потемках. Она со вздохом встала и повернула выключатель.

— Я думала, ты спишь. Ведь не прошло и получаса, как ты измерял температуру.

Зная по опыту, что возражать бесполезно, она встряхнула градусник и сунула ему в рот.

Однако он успел спросить:

— Никто не приходил?

— Ты бы услышал. Ведь ты же не спал.

Видимо, на несколько минут он все же задремал. И разбудил его проклятый бесконечный перезвон, вырвавший его из оцепенения.

Жили они теперь не у себя дома, не в Париже, а в провинциальном городе. Мегрэ предстояло пробыть здесь не меньше полугода, и госпожа Мегрэ не могла допустить, чтобы муж питался в ресторанах, поэтому недолго думая последовала за ним. Вот тогда-то они и сняли меблированную квартиру в верхней части города.

Обои в цветочках, громоздкая мебель, скрипучая кровать. Зато их соблазнила эта тихая улочка, где, по словам хозяйки госпожи Данс, не пробежит и кошка. Правда, госпожа Данс забыла добавить, что первый этаж был занят молочной и поэтому тяжелый запах сыра царил во всем доме.

Не сказала она и о том, что дверь молочной снабжена была не звонком или колокольчиком, а каким-то хитрым аппаратом из металлических трубок, который всякий раз — стоило открыть дверь — издавал протяжно-унылый перезвон. Мегрэ узнал об этом только сейчас, когда днем остался дома.

— Сколько? Тридцать восемь и пять?

— Сейчас у тебя тридцать восемь и восемь...

— А вечером будет тридцать девять.

Мегрэ был в ярости. Он злился всякий раз, когда болел, и сейчас мрачно посматривал на госпожу Мегрэ: ведь она ни за что не выйдет из комнаты, а ему так хотелось бы выкурить трубочку.

Дождь все лил и лил, мелкий, моросящий дождь, что тихо и тоскливо стучит в окошко, создавая впечатление, будто живешь в каком-то аквариуме. Лампочка без

абажура, висящая на длинном шнуре, заливала комнату ярким светом. И нетрудно было представить себе бесконечные пустынные улицы, освещенные окна домов, людей, метавшихся из угла в угол, словно рыбки в аквариумах.

— Ты сейчас выпьешь еще чашку отвара...

Это, вероятно, была уже десятая, считая с полудня. Теперь ему снова нужно было хорошенько пропотеть, чтобы простыни превратились чуть ли не в компресс. Он подхватил грипп в то холодное утро, когда ждал Жюстена у школы, а может — тогда, когда блуждал по улицам. Вернувшись в десятом часу в свой кабинет и машинально помешивая угли в камине, он почувствовал озноб. Затем бросило в жар. Брови покалывало. Поглядев на себя в огрызок зеркала, висевший в туалете, он увидел перед собой большие блестящие глаза.

Да и трубка не имела обычного вкуса, а это было плохим признаком.

— Скажите, Бессон, вы могли бы продолжить следствие по делу певчего, если я случайно не приду после полудня?

И Бессон, воображающий, что он хитрее других, ответил:

— Неужели, шеф, вы думаете, что можно всерьез говорить о каком-то деле певчего? Да хороший следователь давным-давно поставил бы на нем точку!

— И тем не менее вы будете наблюдать за улицей Святой Катерины. Поручите это своим агентам, ну хотя бы Валлену...

— На тот случай, если труп вдруг объявится прямо перед домом судьи?

Мегрэ чувствовал себя скверно, спорить не стал и с трудом отдал последние распоряжения.

— Составьте для меня список обитателей этой улицы. Это нетрудно сделать... улица не длинная.

— Допрашивать опять мальчишку?

— Нет...

...И вот сейчас его снова окатила горячая волна. Он чувствовал, как по телу бегут капли пота; есть не хотелось, клонило ко сну, но заснуть мешал бесконечный раздражающий перезвон медных трубок в молочной.

Он был в отчаянии: разве можно сейчас болеть!

Раздражало и то, что госпожа Мегрэ неотступно стерегла его, не разрешая выкурить трубку. Хоть бы на минутку сходила в аптеку за лекарствами! Но она, конечно, уже запаслась всем необходимым.

Да, он был в отчаянии и все же иногда, закрывая глаза, чуть ли не с наслаждением испытывал какую-то необычную легкость и, забывая о грузе лет, предавался давним ощущениям, пережитым когда-то в детстве.

И будто вновь видел юного Жюстена, его бледное, но решительное лицо. Все возникающие перед ним образы — расплывчатые и нечеткие — не были связаны с повседневными делами и, однако, чем-то настойчиво напоминали о настоящем. Странно, но он мог бы, например, описать почти в точности комнату Жюстена, хотя никогда ее и не видел,— железную кровать, будильник на ночном столике. Вот мальчик протягивает руку, бесшумно одевается... Все его движения отработаны до автоматизма...

А вот и первый удар колокола — значит, уже без четверти шесть... Нужно вставать... А вот и далекий звон из больничной церкви... Внизу, у лестницы, мальчик натягивает башмаки, приотворяет дверь, и в лицо бьет холодное дыхание утреннего города.

— Знаешь, мадам Мегрэ, он никогда не читал детективных романов.

В шутку они как-то — уже давно — стали называть друг друга по фамилии — Мегрэ и мадам Мегрэ, привыкли к этому и, пожалуй, даже забыли, что у них, как у всех, есть имена.

— И газет не читает.

— Право, лучше бы ты заснул...

Он уныло взглянул на трубку, лежащую на черном мраморном камине, и закрыл глаза.

— Я долго расспрашивал о нем его мать... Она весьма достойная женщина, но уж слишком волновалась...

— Спи.

Ненадолго он умолкал. Дыхание становилось ровнее. Можно было подумать, что наконец он заснул.

— Она утверждала, что он ни разу не видел мертвеца... Детей обычно избавляют от подобных зрелищ.

— Да какое это имеет значение?

— А он ведь мне говорил, что труп был длинный-

предлинный и, казалось, занимал весь тротуар .. Всегда создается такое впечатление, когда видишь мертвеца, лежащего на земле... Всякий раз мертвец кажется выше, длиннее, чем живой... Понимаешь?

— Ну что ты беспокоишься! Бессон сам расследует это дело.

— Бессон не верит.

— Во что не верит?

— Что был мертвец...

— Хочешь, я потушу лампу?

Он воспротивился. Тогда она встала на стул и заслонила лампочку вощаной бумагой, чтобы свет не бил в глаза.

— Постарайся заснуть хоть на часок, а потом выпьешь еще чашку отвара. Ты плохо пропотел...

— Право, если б я сделал хоть маленькую затяжку...

— Да ты с ума сошел!

Она вышла на кухню — приготовить отвар из овощей. Слышно было, как она шлепает по кухне в мягких комнатных туфлях. А ему почему-то все время мерещилась улица Святой Катерины, ровные ряды фонарей.

— Судья утверждает, что якобы ничего не слышал...

— Что ты говоришь?

— Бьюсь об заклад, что они ненавидят друг друга...

Из кухни раздался голос госпожи Мегрэ:

— О ком ты говоришь? Ты же видишь, я занята...

— О судье и мальчишке-певчем... Они никогда не разговаривали, но я готов поклясться, что они ненавидят друг друга. Знаешь, старики — особенно одинокие — превращаются в детей... Жюстен каждое утро проходил мимо него, и каждое утро старый судья сидел у окна. Он похож на сову...

— Не понимаю, что ты хочешь этим сказать.

В проеме двери показалась госпожа Мегрэ с дымящейся разливательной ложкой в руке.

— Постарайся вникнуть в мои слова... Судья говорит, будто ничего не слышал, и я не могу, разумеется, заподозрить его во лжи — это слишком серьезно...

— Ну хорошо, хорошо. Постарайся не думать больше об этом.

— ...но утверждать не решился, слышал он шаги Жюстена вчера утром или нет.

— Может, он опять заснул...

— Нет. Лгать он не смеет, но нарочно не дает точного ответа. А жилец из сорок второго дома, ухаживающий за больной женой, услышал, как по улице бежали.

Мысль его, подхлестанная лихорадкой, настойчиво и услужливо напоминала об этой детали.

— Куда же делся труп? — резонно возразила госпожа Мегрэ.— Больше не думай о мальчишке. Ведь Бессон знает свое дело — ты и сам не раз говорил об этом...

Не зная, что ей ответить, он закутался в одеяло, пытаясь заснуть, но стоило ему смежить веки, как перед ним тотчас же встало лицо маленького певчего, его худые ноги в черных носках.

— Тут что-то не так...

— Что ты говоришь? Что не так? Тебе плохо? Хочешь, я позову доктора?

Да нет, он думал все о том же, упорно возвращаясь к прежнему.

И снова он стоял у порога школы, и снова переходил площадь Конгресса...

— Вот здесь что-то неладно...

Прежде всего, судья ничего не слышал. И обвинить его в лжесвидетельстве можно лишь в том случае, если будет твердая уверенность, что кто-то действительно дрался под самыми его окнами, что какой-то человек действительно пробежал по направлению к казарме, тогда как мальчик бросился в противоположную сторону.

— Скажи-ка, мадам Мегрэ...

— Ну что?

— А что, если они оба побежали в одном и том же направлении?

Госпожа Мегрэ только вздыхала и снова бралась за шитье, слушая, словно по обязанности, монолог, прерываемый хриплым дыханием.

— Прежде всего, это логичнее...

— Что — логичнее?

— Что оба побежали в одном и том же направлении. Но тогда они должны были бежать отнюдь не к казармам... Выходит, мальчик преследовал убийцу? Нет. Скорее всего, убийца преследовал мальчика. Ради чего? Ведь он же не убил его. Ну хотя бы чтобы заставить его замолчать... Все равно мальчик проговорился... Или

помешать ему что-то рассказать, передать какие-то подробности... Послушай, мадам Мегрэ...

— Что тебе?

— Знаю, ты, должно быть, откажешь, но это просто необходимо... Дай мне, пожалуйста, трубку и табак. Право, я сделаю всего несколько затяжек. Мне думается, что я вот-вот все пойму, если только не потеряю нить рассуждений...

Она подошла к камину, взяла трубку и, вздохнув, решительно протянула ее мужу:

— Я так и знала, что ты найдешь убедительную причину. Во всяком случае, хочешь ты или нет, а вечером я сделаю тебе припарку...

* * *

И тут его осенило: в их квартире не было телефона, звонить приходилось из молочной, где телефон висел как раз позади прилавка.

— Спустись, пожалуйста, вниз и позвони Бессону. Сейчас семь. Возможно, он еще на месте. А если нет, звони в кафе «Центральное», где он всегда играет в биллиард с Тибержем.

— Позвать его к нам?

— Да, и пусть принесет мне не весь список обитателей улицы Святой Катерины, а только тех, что живут по левой стороне, и в частности на участке между площадью Конгресса и домом судьи.

— Хорошо... Ты хоть, по крайней мере, не сбрасывай с себя одеяло.

Но стоило ей спуститься по лестнице, как он тотчас же соскочил с постели, босиком бросился к кисету с табаком, набил трубку и, как ни в чем не бывало, снова улегся на свое ложе.

Сквозь тонкий пол доносился смутный гул голосов, слышался голос госпожи Мегрэ, говорившей по телефону, а он тем временем, несмотря на острую боль в горле, с наслаждением курил, глубоко затягиваясь. Он смотрел на дождевые потоки, струившиеся по черным стеклам, и вспоминал детство. Давным-давно он вот так же болел гриппом и мать приносила ему в постель крем-брюле...

Наконец появилась госпожа Мегрэ и, переводя дух,

бегло осмотрела комнату, будто ожидая наткнуться на нечто недозволенное. О трубке она забыла и думать...

— Он придет примерно через час.

— Придется попросить тебя еще об одной услуге, мадам Мегрэ... Сейчас ты оденешься и...

Она метнула на него подозрительный взгляд.

— ...и сходишь к Жюстену, попросишь у его родителей позволения привести его сюда. Будь с ним поласковее... Если я пошлю за ним кого-нибудь из инспекторов, малыш насторожится, а характер у него, должен сказать, не из мягких... Ты ему просто скажи, что я хочу поболтать с ним.

— А если мать решит сопровождать его?

— Настаивай на своем: матери не к чему присутствовать при нашем разговоре.

Мегрэ остался один. Ему было жарко. Из-под простыни торчала трубка, и под потолком плавало легкое облачко дыма. Он закрывал глаза, и сейчас же — снова и снова — перед ним возникал угол улицы Святой Катерины. И он больше не был комиссаром Мегрэ, он превратился в мальчика-певчего... Каждое утро он пробегал по одной и той же дороге в один и тот же час. А для храбрости вполголоса разговаривал с самим собой.

Вот он обогнул угол улицы Святой Катерины...

«Мамочка, купи мне, пожалуйста, велосипед...»

Итак, мальчишка репетировал сцену, которую, вернувшись с обедни, хотел разыграть перед матерью. И это было трудно, очень трудно... Хотелось найти иной, более тонкий ход...

«Знаешь, мама, если б у меня был велосипед, я бы мог...»

Или так:

«Я уже скопил триста франков... Если ты одолжишь мне недостающую сумму, которую я обещаю тебе вернуть — заработаю в церкви, я бы мог...»

Вот он и на углу улицы Святой Катерины... Через несколько секунд раздается второй удар колокола приходской церкви. Стоит пробежать какие-нибудь полтораста метров по темной и пустынной улице, как уже рядом внушительная дверь больницы... Бегом... Скорее... Только мелькают блики света между фонарями...

Мальчик сказал:

«Я поднял голову и увидел...»

В том-то и вся загвоздка. Судья живет почти посредине улицы, на полпути от площади Конгресса к казармам. И он ничего не видел, ничего не слышал. Муж больной женщины из сорок второго номера живет ближе к площади Конгресса, по правую сторону улицы, и он слышал, как кто-то быстро бежал.

Однако через пять минут на тротуаре не оказалось ни трупа, ни раненого. Никто не слышал шума машины — ни легковой, ни грузовой Дежурные агенты, делавшие обход, не приметили ничего необычного — ну, скажем, человека, несущего на спине другого.

Температура, видимо, подскочила еще выше, но Мегрэ больше не хотелось ставить градусник. Так было хорошо. Так было лучше. Слова рождали образы, а образы становились неожиданно четкими и рельефными.

Совсем как в детстве, когда он бывал болен,— тогда ему казалось, что мать, склонившись над ним, становится большой-пребольшой и не помещается в комнате.

Да, да... конечно, тело лежало на тротуаре и казалось таким длинным, потому что человек был мертв... И в груди его торчал нож с темной рукояткой...

А позади, в нескольких метрах, стоял другой — тот самый, у которого были светлые, очень светлые глаза... И он бросился бежать...

Бежал он по направлению к казарме, а Жюстен удирал со всех ног в обратном направлении.

— Так!

Что — так? Мегрэ произнес это слово вслух, будто в нем крылось решение проблемы, будто оно само по себе приводило к решению проблемы. И Мегрэ, со вкусом попыхивая трубкой, удовлетворенно улыбался.

Вот так же случается с пьяницами. Бывает, что они ясно представляют себе подлинную сущность вещей, но, к сожалению, не в состоянии толком изложить ее, и она вновь растворяется в каком-то тумане, стоит им только протрезветь.

Именно тут и кроется какая-то ложь. И Мегрэ, пышущий жаром, попытался детально воссоздать всю картину.

— Нет, Жюстен не выдумал...

Его страх, смятение в то утро, когда он прибежал в больницу, не были притворными. Не выдумал он и того, что тело, лежавшее на тротуаре, казалось ему слишком длинным. К тому же есть и свидетель, слышавший, как он бежал.

А что сказал по этому поводу судья, язвительно ухмыляясь?

«Вы все еще доверяете свидетельским показаниям детей?»

Или что-то в этом роде. Именно судья и ошибается. Дети никогда не выдумывают, потому что нельзя создать что-то из ничего. Правда всегда строится на... на прочной основе, и дети, даже переиначив все на свой лад, никогда ничего не выдумывают. Так...

Так! Снова удовлетворенное «так» — Мегрэ не раз и не два повторял это словцо, будто поздравляя себя с победой.

На тротуаре лежало тело...

И, разумеется, поблизости стоял человек. Действительно ли у него светлые глаза? Возможно, что и так.

Потом оба побежали.

Мегрэ готов был присягнуть, что старик судья не мог врать преднамеренно.

Жарко, душно! Пот заливал глаза. Тем не менее Мегрэ опять соскочил с постели и успел снова набить трубку до возвращения госпожи Мегрэ. А раз уж встал, то надо воспользоваться этим. И, открыв шкаф, он налил из бутылки полный стакан рома и выпил. Ну и пусть подпрыгнет температура — ведь все уже будет закончено!

Вот ведь здорово! Это вам не обычное расследование, а расследование, произведенное в постели! Этого мадам Мегрэ оценить не способна.

Нет, судья не солгал, и тем не менее ему хотелось сыграть шутку с мальчиком, которого он ненавидел, как ненавидят друг друга мальчишки-сверстники.

Наверно, они уже шагают по улице... А вот уж поднимаются по лестнице... Легкие, летящие шаги ребенка... Госпожа Мегрэ открывает дверь и подталкивает вперед маленького Жюстена. Его морская куртка из грубой шерсти покрыта мелким бисером дождевых капель. От нее пахнет мокрой псиной.

— Подожди, малыш, я сниму твою куртку.

— Я сам сниму.

Госпожа Мегрэ подозрительно взглянула на мужа. Конечно, она не поверила, что он курит ту же самую трубку. Но кто знает, подозревала ли она, что он осушил стакан рома!

— Присядьте, Жюстен,— произнес Мегрэ, указывая на стул.

— Благодарю. Я не устал.

— Я пригласил вас, чтобы поболтать с вами по-дружески. А что вы собирались делать?

— Решать задачу...

— Значит, несмотря на все треволнения, вы все же ходили в школу?

— А как же не пойти?

Да, самолюбивый мальчишка. Петушится еще больше, чем прежде.

— Мадам Мегрэ, будь любезна, присмотри за отваром из овощей на кухне. И закрой дверь.

Когда жена вышла, он подмигнул мальчишке и, перейдя на «ты», попросил:

— Дай-ка кисет с табаком, вон он, на камине... Вынь из кармана моего пальто трубку. Благодарю, дружок. Ты не испугался, когда за тобой пришла моя жена?

— Нет,— гордо заявил Жюстен.

— Тебе было досадно?

— Еще бы! Ведь все твердят, что я выдумываю.

— А ты ведь не выдумываешь, верно?

— На тротуаре лежал мертвый человек, а другой...

— Не торопись!

— Что?

— Не так быстро... Садись...

— Да я не устал.

— Знаю, но зато я сам устаю, когда вижу, что ты стоишь...

Мальчик присел на краешек стула и, свесив ноги, принялся ими болтать; между короткими штанишками и длинными носками торчали голые колени.

— Скажи-ка мне, какую штуку ты отмочил с судьей?

Вспышка возмущения.

— Я ничего ему не сделал.

— Ты знаешь, о каком судье я говорю?

— О том, который вечно торчит за окном и похож на филина.

— Пожалуй, на сову... Что же произошло между вами?

— Я никогда с ним не говорил.

— Что же произошло между вами?

— Зимой я его не видел, потому что, когда я проходил мимо, занавески были всегда задернуты.

— Ну, а летом?

— Я показывал ему язык.

— Почему?

— Потому что он вечно смотрел на меня и хихикал.

— Ты часто показывал ему язык?

— Каждый раз, когда видел его...

— А он?

— Он злился и всегда ухмылялся... Я решил, что он смеется надо мной потому, что я служу обедню, а он нечестивец...

— Значит, он солгал.

— А что он сказал?

— Что вчера утром ничего не произошло перед его домом, иначе бы он заметил...

Мальчишка внимательно посмотрел на Мегрэ и опустил голову.

— Он солгал, верно?

— На тротуаре лежал труп...

— Знаю.

— Откуда вы знаете?

— Знаю, потому что это правда,— мягко проговорил Мегрэ.— Дай-ка мне спички. Трубка потухла.

— У вас жар?

— Пустяки... У меня грипп.

— Вы его подхватили утром?

— Возможно. Ну садись же, садись...

Он прислушался, потом позвал:

— Мадам Мегрэ? Спустись-ка вниз... Кажется, пришел Бессон, а мне не хочется, чтобы он входил, пока я не кончу... Составь ему компанию. Мой приятель Жюстен тебя позовет...—И еще раз сказал своему юному собеседнику: — Садись же. А правда, что вы оба побежали?

— Я же вам говорил, что правда.

— И я в этом уверен... Ну-ка проверь, нет ли кого-нибудь за дверью и плотно ли она закрыта.

Ничего не понимая, Жюстен подчинился повелительному тону и выполнил приказание.

— Видишь ли, Жюстен, ты храбрый малый.

— Почему вы так думаете?

— Труп действительно был... человек действительно бежал...

Жюстен вскинул голову, и Мегрэ увидел, что губы его дрожат.

— А судья, который не солгал, ибо судьи не смеют лгать, но не сказал всей правды...

По комнате плыли запахи лекарств, отвара, рома и табака. По черному стеклу по-прежнему сбегали серебристые струи дождя. За окнами темнела пустынная улица. Кто же сидел друг перед другом: мужчина и мальчик? Или двое мужчин? Или два мальчика?

Голова у Мегрэ раскалывалась от боли, глаза блестели. У табака был какой-то странный привкус — привкус болезни...

— Судья не сказал всей правды, потому что он хотел позлить тебя... И ты тоже не рассказал мне всей правды... Только не смей плакать. И нечего всем знать о нашем разговоре. Понимаешь, Жюстен?

Мальчик кивнул головой.

— Если бы не было того, о чем ты рассказал, жилец из сорок второго дома, муж больной, не слышал бы, как кто-то бежал...

— Я не выдумал...

— Правильно! Но если бы все это произошло именно так, как ты рассказал, судья не смог бы утверждать, что он ничего не слышал... И если бы убийца побежал в направлении казармы, старик не стал бы ручаться, что никто не пробегал мимо его дома...

Мальчик не смел пошевелиться и только упорно смотрел на носки своих ботинок, болтавшихся под стулом.

— Судья, в сущности, поступил честно, не смея утверждать, что ты проходил мимо него вчера утром... Но он мог бы, пожалуй, утверждать наверняка, что ты не проходил... Это было бы правдой, поскольку ты мчался в обратном направлении. Конечно, он говорил правду, настаивая, что никто не проходил по тротуару мимо его окна... Ибо убийца вовсе не бежал в этом направлении...

— Откуда вы знаете?

Жюстен весь напрягся и, широко раскрыв глаза, уставился на Мегрэ так, как, должно быть, накануне уставился на убийцу или на жертву.

— Потому что преступник, конечно, бросился в том же направлении, что и ты. Вот почему жилец из сорок второго дома и слышал, как вы пробежали... Ведь убийца знал, что ты видел его, видел труп, что ты мог выдать его. Поэтому-то он и бросился вслед за тобой...

— Если вы это скажете маме, я...

— Тсс! У меня нет ни малейшего желания рассказывать об этом твоей маме или кому-нибудь другому. Видишь ли, дружок, я буду говорить с тобой как с мужчиной... Убийца, бесспорно, сообразителен и наделен большим хладнокровием — ведь он успел чуть ли не мгновенно убрать труп, не оставив на месте ни малейшего следа... Естественно, он не мог допустить такую глупость — позволить тебе, очевидцу, убежать.

— Не знаю...

— Зато я знаю. По долгу службы я обязан это знать. Самое трудное — не убить человека, а скрыть следы преступления. И труп таинственно исчез. Да, да, исчез, хотя ты его видел... и даже видел убийцу... Очевидно, убийца

обладает властью. И большой властью... Рискуя головой, он не отпустил бы тебя просто так.

— Я не знал...

— Чего не знал?

— Не знал, что это так важно.

— Да это вовсе и не важно, раз зло теперь устранено.

— Вы его арестовали?!

Сколько надежды было в этих словах!

— Разумеется, его скоро арестуют... Сиди... не болтай ногами...

— Больше не буду.

— Прежде всего, если б вся эта сцена произошла перед окнами судьи, то есть как раз на середине улицы, ты бы успел осознать то, что произошло, и сразу же убежал бы... Вот единственная ошибка, которую преступник допустил, хоть он и очень хитер.

— Как вы догадались?

— Я не догадался. Я сам был певчим и тоже бегал к шестичасовой мессе... Ты не мог пробежать сотню метров по улице, не заметив издали трупа. Итак, труп лежал ближе, гораздо ближе, прямо за углом...

— На пять домов дальше.

— Ты думал о другом, в частности о своем велосипеде, и, может быть, прошел двадцать метров, ничего не замечая...

— Просто немыслимо, что вы все знаете...

— А увидев, помчался к площади Конгресса, чтобы добраться до больницы по другой улице... Убийца побежал за тобой...

— Я думал, что умру от страха.

— Он схватил тебя за плечо?

— Он схватил меня за плечи обеими руками... Я вообразил, что он собирается меня задушить...

— Он велел тебе сказать...

Мальчуган тихо плакал. Был он мертвенно-бледен. По щекам медленно катились слезы.

— Если вы расскажете маме, она будет попрекать меня всю жизнь. Она вечно меня укоряет...

— Он приказал тебе говорить, что все это случилось не там, а гораздо дальше. Верно?

— Да.

— Перед домом судьи?

— Я сам выдумал, что перед домом судьи,— ведь я всегда показывал ему язык... А этот тип велел мне говорить, что труп лежал на другом конце улицы. И еще... что он якобы убежал по направлению к казарме.

— Вот так бы и осталось нераскрытым преступление, потому что никто тебе не поверил, потому что не обнаружили ни преступника, ни трупа и вообще никаких следов... Ведь твой рассказ казался чистой фантазией.

— Ну, а вы?

— Я не в счет. Помог случай — я был певчим, потом сегодня у меня поднялась температура... Чем же он пригрозил тебе?

— Сказал, что если я не расскажу все так, как он хочет, то, несмотря на полицию, обязательно разыщет меня и удушит, как курчонка.

— Ну, а дальше?

— Спросил, чего бы мне хотелось...

— И ты ответил: велосипед.

— Откуда вы знаете?

— Я же говорил тебе, что тоже был певчим...

— И вы мечтали о вело?

— И о вело, и о многом другом, чего мне так и не довелось иметь. А почему ты заявил, что у него светлые глаза?

— Не знаю... Я не видел его глаз; он был в больших очках. Но мне не хотелось, чтобы его нашли.

— Из-за велосипеда?

— Пожалуй... Вы скажете об этом маме, правда?

— Не бойся, не скажу ни маме, ни кому другому... Ведь мы с тобой друзья. Ну-ка, передай мне табак и не говори мадам Мегрэ, что за это время я выкурил три трубки. Видишь, взрослые тоже не всегда говорят всю правду... У какого дома это случилось, Жюстен?

— У желтого дома, что рядом с колбасной.

— Сходи-ка за моей женой.

— А куда?

— Вниз. Она разговаривает с инспектором Бессоном, который так грубо обошелся с тобой.

— Он хотел меня арестовать?

— Открой шкаф...

— Открыл...

— Там висят брюки...
— Что с ними делать?
— В левом кармане найдешь бумажник.
— Вот он.
— В бумажнике есть мои визитные карточки.
— Передать их вам?
— Дай одну... и также ручку... Она лежит на столе.
И Мегрэ вывел на карточке: «Чек на велосипед».

Глава III

ЖИЛЕЦ ИЗ ЖЕЛТОГО ДОМА

— Входите, Бессон!

Госпожа Мегрэ бросила взгляд на густое облако дыма, плававшее вокруг занавешенной лампы, и поспешила на кухню, откуда доносился запах горелого.

А Бессон, сев на стул и презрительно посмотрев на Жюстена, доложил:

— Вот список, который вы просили составить. Должен вам сказать...

— Он теперь не нужен. Кто живет в четырнадцатом?

— Минутку...

Он просмотрел список.

— Постойте-ка... Четырнадцатый... В доме всего лишь один жилец.

— Сомневаюсь.

— Как?

Он с беспокойством покосился на мальчика и продолжал:

— Иностранец, комиссионер по драгоценностям... по фамилии Франкельштейн...

И Мегрэ, обливаясь потом, пробормотал:

— Укрыватель краденого.

— Как вы говорите, шеф?

— Укрыватель краденого... А сверх того, пожалуй, и главарь банды.

— Не понимаю вас.

— Неважно... Будьте любезны, Бессон, передайте мне бутылку с ромом — она стоит в шкафу! Только побыстрее, старина, а то сейчас войдет мадам Мегрэ. Держу

пари, что у меня тридцать девять и пять... Франкельштейн! Попросите ордер на обыск у следователя... Впрочем, на это потребуется время — ведь он, конечно, играет где-нибудь в бридж... В моем письменном столе есть пустые бланки. В ящике слева... Заполните один. Произведите обыск. Наверняка найдете труп, даже если придется разобрать стену в подвале.

Ошеломленный Бессон встревоженно смотрел то на комиссара, то на мальчика, притаившегося в углу.

— Торопитесь, старина... Если он узнает, что малыш приходил вечером сюда, вы не найдете его в гнезде... Вот увидите, что это за тип!

И действительно, это был тип! В ту минуту, когда опергруппа позвонила в дверь, он не раздумывая бросился бежать проходными дворами, перелезая прямо через стены. Потребовалась немалая изворотливость, чтобы схватить убийцу — его взяли на крыше. Полицейские перевернули вверх дном весь дом и только через несколько часов обнаружили в чане с известкой искалеченный труп. Оказалось, сведение счетов — убит был некий субъект, недовольный хозяином: считая себя обманутым, он требовал денег, и Франкельштейн покончил с ним, не подозревая, что в эту минуту какой-то мальчишка-певчий заворачивает за угол улицы.

— Сколько?

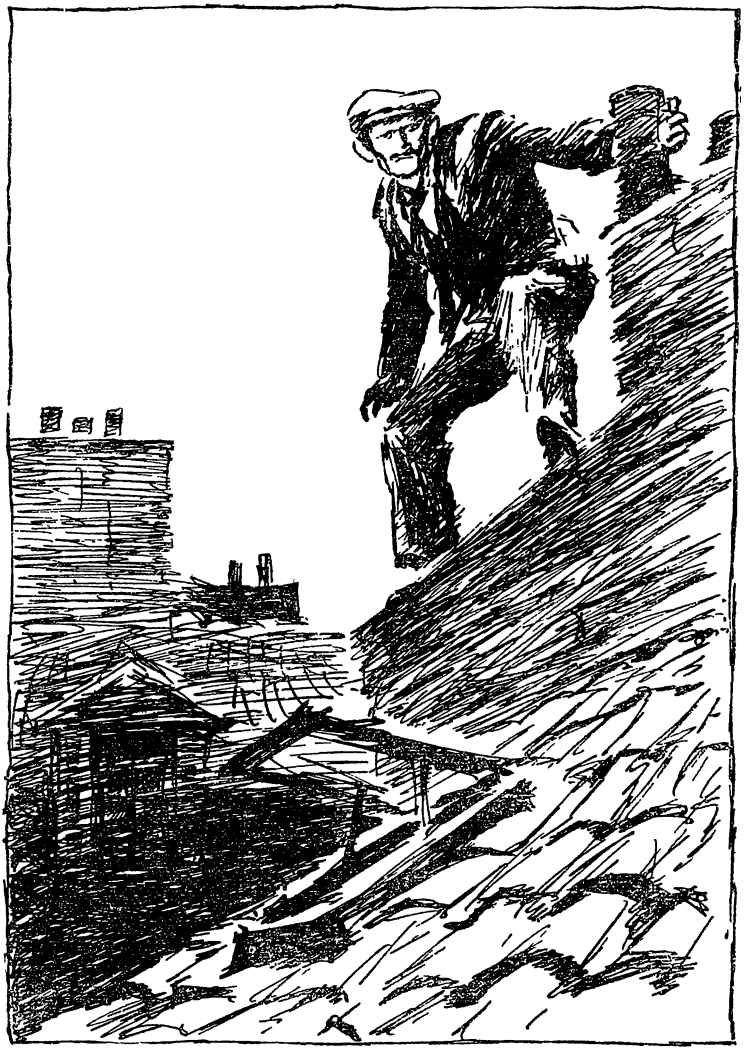
У Мегрэ не хватило мужества взглянуть на термометр.

— Тридцать девять и три.

— Не обманываешь?

Он знал, что мадам Мегрэ обманывает, что температура у него гораздо выше, но теперь ему было все равно. Так приятно погрузиться в полубессознательное состояние, унестись с головокружительной быстротой в туманный и вместе с тем такой реальный мир, в котором мальчик-певчий, похожий на юнца Мегрэ, бежал по улице, вообразив, что его сейчас задушат, и мечтая о велосипеде с никелированной рамой...

— Что ты говоришь? — спрашивала мадам Мегрэ, держа в вытянутых руках горячие припарки.

Убийцу взяли на крыше...

Он бормотал что-то несуразное, как ребенок в бреду, говорил то о «первом ударе», то «о втором ударе».

— Я опаздываю...

— Куда опаздываешь?

— К обедне... сестра... сестра...

Ему все не удавалось произнести слово «монахиня».

— Сестра...

Наконец он заснул с широким компрессом на шее и во сне все твердил о мессах в своем селении, о харчевне Мари Титен, мимо которой всегда пробегал во всю прыть, потому что боялся... чего-то боялся.

— Однако я уже видел его...

— Кого?

— Судью.

— Какого судью?

Все это трудно, почти невозможно объяснить. Судья напоминал ему кого-то из односельчан, кому он показывал язык... Кузнеца? Нет... Свекра булочницы... Впрочем, неважно кого... Просто человека, которого он не любил...

Судья-то все и напутал, чтобы отомстить мальчику и позлить людей... Он заявил, что не слышал никакого шума перед домом. Но не сказал, что слышал шум шагов преследователя, бегущего в обратном направлении...

Старики превращаются в детей... и ссорятся с детьми. Совсем как дети.

Мегрэ был очень доволен: он сплутовал, выкурив три-четыре трубки. Во рту держался приятный вкус табака. Теперь можно было поспать... А завтра, раз он болен гриппом, мадам Мегрэ приготовит ему крем-брюле.

СЕЙФ ОСС

Жозеф Леборнь читал газеты, вернее, смаковал отдел происшествий и, чтобы отвязаться от меня, молча указал на папку, помеченную тремя буквами: ОСС.

Первое, что мне бросилось в глаза, было сообщение одной из крупных парижских газет под заголовком:

ЗАГАДОЧНОЕ ОГРАБЛЕНИЕ

Кража, превосходящая по своей дерзости проделки самого Арсена Люпена[1], *имела ме-*

[1] Литературный персонаж.

сто на бульваре Осман. Кража эта поставила полицию в тупик, тем более что невозможно было даже в пределах двух недель установить день, когда она произошла.

Контора недавно учрежденного «Общества синтетического сахара», с капиталом в полтора миллиона франков, занимала обширное помещение в первом этаже дома № 36 по бульвару Осман.

В этой конторе обращал на себя внимание внушительных размеров сейф, сконструированный по последнему слову техники.

Не успели учредить «Общество синтетического сахара», как в этот сейф в присутствии трех членов-учредителей были положены ценные бумаги на сумму примерно в миллион франков, а заодно конверт за сургучной печатью с описанием способа изготовления синтетического сахара, автором которого был инженер Моровский.

Чтобы открыть этот сейф, изготовленный фирмой Леруа по особому заказу ОСС, необходимо было действовать одновременно тремя ключами. Каждый из трех учредителей получил по одному ключу, которым владел и владеет поныне.

Но вчера, когда они вновь собрались в конторе, чтобы вынуть из сейфа понадобившиеся им ценные бумаги, они, к великому изумлению, увидели, что он пуст.

Никаких следов взлома. Следственные власти тщетно пытались обнаружить на стали отпечатки пальцев.

Три учредителя ОСС — господа Моровский, Жермен Массар и Анри Лепрен — категорически утверждают, что открывали сейф только один раз, в тот день, когда прятали в него ценные бумаги и запечатанный конверт. С тех пор, по их словам, никто из них не расставался со своим ключом.

Конструктор сейфа, Жерар Леруа, уверяет, что такие три секретных замка не открыть са-

мому опытному злоумышленнику, даже с помощью наисовершеннейших инструментов.

Началось расследование. Перед полицией встала чрезвычайно трудная задача, осложненная еще и тем, что установить хотя бы приблизительно день кражи оказалось совершенно невозможным.

Однако полиция напала на след. Поступили сведения, что с неделю назад в Париже появился вор международного масштаба, связанный с амстердамской шайкой аферистов, специализировавшейся на такого рода операциях.

Выследить вора пока не удалось.

Леборнь не стрывался от газет, он словно позабыл обо мне, хотя я изо всех сил пытался привлечь его внимание своими домыслами. Тогда я решил ознакомиться с приложенной к делу вырезкой из одного еженедельника, который, не скрывая своей болтливости, охотно кое-что присочинял, не брезгуя даже шантажом.

КТО ИЗ ТРЕХ ЖУЛИКОВ САМЫЙ ЛОВКИЙ?

Периодическая печать уже сообщала о деле ОСС, но, по своему обыкновению, постаралась сказать не все.

Мы дополним сообщение, дабы читатель убедился, что перед ним одна из наиболее ловких афер, какую только можно себе представить.

Кроме того, газеты скрыли показания конструктора сейфа, господина Леруа, который сообщил следователю то, что ему доверительно рассказал его служащий, Жан-Батист Канель, старший монтер, установивший сейф на бульваре Осман.

Несколько дней спустя после учреждения ОСС, когда пресловутые ценности уже лежали в сейфе, на квартиру Канеля вечером, часов около десяти, явился один из учредителей ОСС — Жермен Массар. Канелю он показался крайне взволнованным.

Заверив монтера в том, что оба его компаньона уехали, один — в Марсель, другой — за границу, Массар сказал, что ему срочно понадобились находящиеся в сейфе ценные бумаги, а так как у него лишь один из трех ключей, то он просит Канеля пойти с ним на бульвар Осман, чтобы помочь открыть сейф.

Монтер колебался. Мотивируя свой отказ, он сказал, что сделать этого не может по техническим причинам.

Массар настаивал. Ничего не добившись, он ушел, предварительно попросив монтера никому не говорить о его визите.

Канель недоумевал и решил все-таки рассказать об этом господину Леруа; тот одобрил его поведение.

Следователь, надо думать, допросил и монтера, который не только повторил сказанное, но даже добавил нечто более важное, о чем не счел нужным уведомить своего хозяина.

А именно: на четвертый день после визита Массара на квартиру Канеля явился в свою очередь второй учредитель ОСС — Анри Лепрен.

После длительного вступления он предложил Канелю пятьдесят тысяч франков, если тот откроет ему сейф. Канель наотрез отказался, и Анри Лепрен, подобно своему предшественнику, стал умолять монтера сохранить этот разговор в тайне, причем пытался во что бы то ни стало вручить монтеру чек на десять тысяч франков в оплату за молчание.

Монтер был непреклонен, и Лепрен ушел, оставив чек на столе.

Канель признался следователю, что не устоял перед искушением и на другой день реализовал чек.

Из всего сказанного явствует, что дело это, в общем, не такое простое, каким его хочет представить пресса.

Но это далеко не все!

Мы вправе утверждать, что в деле участвует

еще и третий жулик, и это не кто иной, как сам Моровский.

Моровский — русский эмигрант, никогда не был инженером и всего лишь год проучился в Льежском университете.

В бытность свою в Льеже он за какие-то махинации чуть было не угодил в тюрьму и поспешил уехать в Берлин, где ему пришла в голову идея синтетического сахара. Моровский пытался заинтересовать кое-кого из промышленников своим якобы исключительно важным открытием.

Однажды это ему почти удалось. Но во время опытов один из присутствовавших инженеров изобличил мошенника.

Дело осталось без последствий, поскольку немецким промышленникам было неловко признаться в том, что они попали впросак, доверившись аферисту.

Моровский не пал духом и лишь поспешил сменить арену деятельности.

В Париже он набрел на Массара и Лепрена, которые сразу же ухватились за идею организации общества по использованию изобретения Моровского.

Не слишком доверяя друг другу, трое пройдох заказали для хранения ценных бумаг сейф с тройным замком и поделили между собой ключи.

Кто же из трех жуликов самый ловкий? Кому из них удалось все-таки открыть сейф?

Что хранилось в этом сейфе?

Какие ценности вложили в это дело Массар и Лепрен?

Не нам разоблачать аферист а.

В заключение мы можем лишь повторить вопрос: кто же из трех жуликов самый ловкий?

К материалам следствия, кроме фотографий сейфа, трех замков и ключей, был приложен план помещения, занимаемого ОСС на бульваре Осман.

— Ну, что вы об этом думаете? — спросил Жозеф Лсборнь, не отрываясь от чтения.

— По-видимому, в этом деле участвовал грабитель.

Леборнь пожал плечами и встал.

— Представляете ли вы себе, что такое сейф? Тогда я должен передать вам то, что сказал мне по телефону один из наших видных инженеров, господин Леруа: «Сейф не взломан. В данном случае не был применен ни один из классических приемов взлома. Сейф просто-напросто открыли изготовленными для него ключами».

— Как, по-вашему, сведения, которые сообщил еженедельник о Моровском, достоверны?

— Безусловно. Он, по-видимому, отъявленный жулик — специалист по фальшивым изобретениям.

— А Массар?

— Человек с темным прошлым.

— А Лепрен?

— Бывалый жулик.

— Как вы считаете, легко было проникнуть ночью в контору?

— Не труднее, чем в любое другое помещение: для злоумышленника открыть дверь проще простого.

— Ну, а привратница?

— Тянет за веревку, как все привратницы, и спросонья не слышит, какую фамилию ей назвал вошедший.

— А между собой эти жулики ладили?

— Притворно улыбались, но друг другу не доверяли.

— А сейчас?

— Сейчас каждый валит вину на другого. Массар и Лепрен вполне правдоподобно объяснили свои действия в отношении Канеля. Оба утверждают, что заинтригованные странным поведением Моровского, который все время откладывал опыты, захотели убедиться в содержимом загадочного конверта.

— Что говорит Моровский?

— Что он жертва своих компаньонов, которым не терпелось поскорее забрать из сейфа ценные бумаги.

— Почему они так торопились?

— Да потому, что, по словам Моровского, эти бумаги не представляли никакой ценности. Оба мошенника, разыграв комедию с анонимным обществом, попросту хотели украсть его изобретение. Причем сами они поло-

жили в сейф «дутые ценности», как говорят биржевики. Им бы только узнать способ изготовления синтетического сахара, и они либо воспользовались бы им сами, либо перепродали его.

— Следователь в этом разобрался?

— Он лишился сна. Вернее, не спал до вчерашнего дня.

— До вчерашнего дня?

— Иными словами, до того дня, когда я доискался истины.

* * *

В деле оказалась также копия письма:

Дорогой господин Канель!
Отнесите следователю по делу ОСС бумаги, не имеющие никакой ценности, а заодно и конверт, с которым вы не знаете, как поступить. В нем нет ничего, кроме чистой бумаги.
Мне кажется, я не ошибаюсь, считая, что вас даже не потревожат по этому делу, ибо предпочтут замять эту нелепую историю.
Говорите правду, только правду.

— И Канель сказал?

— Разумеется! Что уж тут было скрывать! Хорошо зная секреты большинства парижских сейфов, он, как человек честный, ни разу даже и не подумал воспользоваться этим. Но вот совладельцы одного из таких сейфов неожиданно приходят к нему домой и пытаются соблазнить его деньгами. Один из них даже предлагает Канелю пятьдесят тысяч франков. Мысль монтера заработала. Отныне он думает только о сейфе, где, по-видимому, хранится целое состояние. Он сам изготовляет ключи по образцу тех, что были сделаны им в свое время, и отправляется ночью в контору на бульваре Осман. Но кража не приносит ему ни сантима.

— А ценные бумаги?

— Ничего не стоят, как и предполагал Моровский. Ну и компания, доложу я вам! Один кладет в сейф описание несуществующего способа изготовления синтетиче-

ского сахара. Другой—пачку простой бумаги того сорта, что продается на вес! Теперь каждый думает лишь о том, как бы изъять из этого проклятого сейфа то, что он туда спрятал,— лишь бы не обнаружился его подлог.

— А вы все-таки заподозрили Канеля? — спросил я.

— Неужели вы думаете, что эти трое, каждый в отдельности и все, вместе взятые, не догадались бы симулировать обыкновенную кражу со взломом? Беспорядок в конторе, выломанная входная дверь и тому подобное послужили бы верной уликой. Учредителей ОСС даже и не заподозрили бы... И в ответе был бы один лишь бедняга Канель.

КРАЖА В ЛИЦЕЕ ГОРОДА Б.

— Должно быть, старею,— сказал я Жозефу Леборню.— Только тот, у кого молодость уже позади, способен умиляться, вспоминая о лицее или казарме... Разумеется, когда он уверен, что больше туда не вернется...

Я держал в руке почтовую открытку с изображением лицея в Б.— прелестном городке на юге Франции. На светлом фасаде здания причудливо переплетались тени и солнечные блики. Швейцар в черной шапочке выглядел так картинно, словно позировал перед объективом.

— И подумать только, те, кто живет в этом доме, вероятно, не понимают, какое им выпало счастье.

— Взгляните на два плана, приложенные к делу,— посоветовал мне Леборнь,— и вы снова почувствуете себя мальчуганом, которому настойчиво вдалбливают в голову латинские склонения. Посмотрите на обсаженный платанами двор, на арку, что ведет в залитый солнцем сад Окна классных комнат и учебных залов выходят на долину Роны. А из окон лаборатории видна церковная площадь, где местные жители обычно играют в шары...

— И в этом маленьком раю совершено преступление?

— Да... Не преступление, а ограбление.

— Крупная сумма?

— Две тысячи триста восемьдесят франков двадцать пять сантимов. Точно.

Я подумал, не шутит ли Леборнь: тон, каким он назвал эту сумму, показался мне излишне напыщенным.

— И вы утруждаете себя из-за двух тысяч франков и каких-то сантимов? — удивился я.

— Само по себе дело крайне любопытное. Кроме того, эта история чуть не стоила жизни одному человеку.

Леборнь вытащил из папки и положил предо мной газетную вырезку. Во мне что-то дрогнуло. Один заголовок чего стоил!

СКАНДАЛЬНОЕ ДЕЛО, ЕДВА НЕ ЛИШИВШЕЕ НАШ ЛИЦЕЙ ЕГО ДОБРОГО ИМЕНИ

А вот и содержание заметки:

В настоящее время полиция занимается расследованием дела, которое в течение недели считала нужным не разглашать, дабы неосмотрительной поспешностью не повредить безупречной репутации нашего славного города.

Кража была совершена в кабинете самого директора лицея, достопочтенного господина Гроклода, чьи выдающиеся заслуги правительство отметило пожалованием ему ордена Почетного Легиона.

Сумма в 2380 франков 25 сантимов, предназначенная для оплаты счетов разных постав-

щиков, в том числе и мясника, исчезла при загадочных обстоятельствах, исключающих всякую мысль об обычном ограблении.

Деньги лежали в ящике бюро господина Гроклода. Ящик был заперт на ключ.

Однако ни замок, ни ящик не были взломаны. В ночь кражи единственный ключ от ящика лежал у директора в кармане пиджака, висевшего на спинке стула.

Произвели негласный допрос. Увы, выяснилось только, что кражу совершил кто-то из «своих».

Подвергнутый допросу швейцар утверждает, что в ту ночь никто без его ведома не мог проникнуть в здание.

Мадемуазель Эльза Гроклод, комната которой расположена как раз над кабинетом отца, тоже ничего не слыхала.

Следствию негде было развернуться.

Пришлось взять на подозрение всех, кто служит в лицее.

Нас убедительно просили хранить тайну.

Но мы все же сочли нужным обрадовать наших читателей сообщением, что человек, над которым тяготеет это позорное обвинение и который, возможно, сейчас, когда мы пишем эти строки, уже арестован, к счастью, не принадлежит к числу жителей нашего города.

Впрочем, обвиняемый уже давно восстановил против себя наших сограждан: его поведение давало все основания предвидеть неизбежность того неприятного происшествия, местом действия которого оказался лицей.

— О таком деле лучше не напишешь,— заметил Жозеф Леборнь, читавший из-за моего плеча.— Газета весьма сдержанно описывает то единственное лицо, которое, будучи служащим лицея, не является коренным жителем города. Речь идет о двадцатитрехлетнем классном руководителе Анри Мажореле—лиценциате [1] филологических

[1] Низшая ученая степень в зарубежных университетах.

наук и сотруднике нескольких передовых литературных журналов... Я видел его фотографию, но не мог оставить ее у себя.

Мне кажется, что при полном внешнем несходстве характером он напоминает героя романа Альфонса Доде «Малыш».

Рост Мажореля метр восемьдесят; лицо сангвиника, усеянное веснушками, говорит о крестьянском происхождении; непокорные рыжие вихры не подчиняются гребенке и торчат во все стороны.

Неловкость и застенчивость сочетаются в этом юноше с мечтательной восторженностью.

Мажорель, как я уже говорил, сотрудничал в передовых журналах, но не пренебрегал и обычной газетной работой: засылал очерки, сказки и фантастические рассказы в редакции всех парижских газет.

В сопроводительных письмах Мажорель подчеркивал: «Я чувствую в себе призвание к большой газетной работе и готов, если Вы окажете мне доверие, оставить занимаемую мной скромную должность и предложить редакции свои услуги...»

Он получал лестные, но отрицательные ответы. А случалось, и вовсе не получал никаких.

Пожалуй, это все, что я о нем знаю...

— Он арестован?

— Собственно говоря, его попросили не покидать стены лицея и даже нашли ему замену — человека, который по четвергам водит школьников на прогулку.

— Мажорель отрицает свою вину?

— Категорически! Однако директор лицея обнаружил в его комнате среди томиков стихов несколько научных работ Гросса и Рейсса о научных приемах и методах сыска. Кроме того, школьная кухарка подтвердила, что по вечерам классный руководитель часто посылал из своего окна световые сигналы карманным электрическим фонариком. И, наконец, в деле имеется убийственное для Мажореля показание одного из учеников лицея.

Этот ученик рассказал, что на большой перемене, как это бывает во всех школах, классного руководителя окружали ученики, с которыми он беседовал запросто! За несколько дней до кражи Анри Мажорель, держа в руке книгу Рейсса «Техника сыска», объяснял своим юным

друзьям, что ныне полиция для разоблачения преступников располагает научными методами.

При этом Мажорель имел неосторожность добавить: «И все-таки лично я сумел бы перехитрить сыщиков. Для этого достаточно лишь изучить их приемы!»

Жозеф Леборнь закурил и мельком посмотрел на оба плана здания.

— Вам ясна подоплека? — продолжал он.— После этого показания никто больше не сомневался в виновности Мажореля. Но за отсутствием улик никому не хотелось браться за это дело. Еще надеялись обнаружить украденные деньги, которые Мажорель безусловно не мог далеко запрятать.

Но для всех по-прежнему оставалось загадкой, как была совершена кража, то есть каким образом две с лишним тысячи франков исчезли из запертого ящика.

Полиция, по своему обыкновению, арестовала всех бродяг и подвергла их строгому допросу.

Директор лишился аппетита и смотрел на всех сотрудников исподлобья.

Жена умоляла его подать рапорт в министерство и раз навсегда выбросить из головы это дело.

На переменах ученики больше не играли; разбившись на группы, они с жаром рассказывали друг другу о действиях полиции, о следах, уличающих преступников, о взломах и грабежах.

Между тем сам Мажорель оставался как бы в стороне от этой шумихи. В классах, в столовой, во дворе он держался особняком, мрачный и унылый. В городе Мажореля не любили: ему не прощали франтовских галстуков и широкополых черных шляп. Вероятно, мужчины не могли простить ему благосклонности, которую выказывали к нему женщины и молодые девушки.

Может быть, им нравилась его большая шляпа? А может быть, его стихи? Известно лишь, что Мажорель имел у дам успех, которым, впрочем, никогда не пытался воспользоваться. Ровно через неделю после кражи под одним из платанов в школьном дворе нашли тысячефранковую ассигнацию. Дул мистраль. Земля была усеяна листьями... Но господин Гроклод продолжал утверждать, что вор, испугавшись наказания, решил подбросить украденные деньги и таким образом замести следы. Директор

даже надеялся, что на следующий день возвратят и остальные. Утром он несколько раз обошел двор и тщательно осмотрел землю у подножия каждого дерева. Но безрезультатно. Тогда директор вызвал к себе в кабинет Анри Мажореля и заявил ему: «Если завтра в полдень вор не вернет остальные украденные им 1380 франков 25 сантимов, вас передадут в руки правосудия». Мажорель побледнел как полотно. Казалось, он лишился дара речи. Но едва он ушел в свою комнату, как директор получил письмо из Парижа... У меня есть копия этого письма, ибо писал его я. Чистая случайность! Мне прислали с юга инжир, завернутый в газету, статью из которой Вы только что прочли. Эта любопытная история заинтересовала меня... Пари держу, что Вы все поняли, даже еще не читая копии письма...

Я пожал плечами и благоразумно промолчал, боясь ошибиться, чем доставил бы большое удовольствие Леборню. И вот что я прочел:

Господин директор!

Покорнейше прошу Вас вытащить из своего бюро верхний ящик, который, как я полагаю, не запирается и, следовательно, служит для хранения бумаг, не имеющих ценности.

Будьте любезны, просуньте руку в образовавшуюся щель и попытайтесь дотянуться до дна второго, более глубокого и запертого на ключ ящика, где лежали украденные деньги.

Именно так и была совершена эта кража. Как Вы сами понимаете, только тонкая рука подростка могла дотянуться до дна второго ящика.

Классный руководитель повинен лишь в том, что, похваляясь своими способностями детектива, дал толчок воображению вверенных ему воспитанников. И они приняли вызов.

Я уверен, что Вам стоит лишь приказать — и школьники влезут на дерево и принесут Вам остальные деньги, спрятанные ими среди ветвей.

Примите, господин директор, уверения в моем глубоком почтении.

— Несомненно так,— сказал я.— Ну, а световые сигналы?

— Подумайте сами, откуда их можно было лучше всего увидеть. Из комнаты мадемуазель Гроклод, не так ли? Согласитесь, что с моей стороны было бы не слишком тактично обратить внимание директора лицея на влюбленных... Мое письмо пришло вовремя,— продолжал Леборнь.— Прочитав его, директор бросился в комнату классного руководителя и увидел, что тот, привязав к огромному кухонному ножу тонкую нитку, подвешивает этот нож к потолку над своей кроватью. Мажорель объяснил, что по теории Рейсса такая нитка через три часа двадцать минут неминуемо должна оборваться.

ТРИ РЕМБРАНДТА

— Знаете ли вы «Отель Друо»? — спросил меня Жозеф Леборнь.

— Кто же его не знает!

— Тогда послушайте одну историю, и «Отель Друо» предстанет перед вами в новом свете. В один прекрасный день был объявлен аукцион, обещавший сенсацию. Речь шла не более не менее как о неизвестном полотне Рембрандта, которое некий антиквар, по фамилии Валь, целых пятнадцать лет продержал в своей берлоге, пока, наконец, не решился продать.

То был автопортрет художника. Исключительную цен-

ность придавала ему не только подпись, но и дата — 1669, год смерти художника.

Другого портрета Рембрандта тех лет не существует.

Валь пригласил нескольких искусствоведов полюбоваться шедевром, и все в один голос признали его подлинным. Однако скептики перешептывались между собой: «Что еще скажут эксперты?»

Неожиданно распространилась волнующая весть: в субботу после полудня какой-то прилично одетый молодой человек явился в галерею Друо с картиной под мышкой и от имени Валя передал ее директору отеля, сообщив при этом, что с завтрашнего дня в зале, где будет выставлено драгоценное полотно, начнет дежурить детектив.

Размером картина была шестьдесят на семьдесят сантиметров и вставлена в гладкую раму из черного дуба.

Не успел молодой человек уйти, как к директору явился посыльный и, вручив ему сверток точно такого же размера, исчез.

Наконец в пять часов в «Отель Друо» явился сам Валь, сияющий, и на глазах у оторопевшего директора распаковал картину, наделавшую столько шума.

Сцену эту невозможно описать! Перед директором оказались теперь не один Рембрандт, а целых три, совершенно одинаковых, в одинаковых рамах, так что сам Валь уже не мог отличить свою картину от двух других.

Немедленно уведомили полицию. Начались поиски молодого человека, принесшего первое полотно; искали посыльного, который доставил второе. Тесный мирок картинной галереи Друо был взбудоражен.

К несчастью, в поисках лучшей экспозиции картины уже перевешивали с места на место, и владелец Рембрандта клялся, что отныне не может с уверенностью сказать, какая из них подлинная.

Три дня критики и наиболее известные антиквары толпились в выставочном зале. Мнения разделились. Чтобы помочь спорящим, на каждую раму наклеили ярлычок: номер один, номер два, номер три.

Одни отстаивали подлинность номера первого, другие — номера второго; у номера третьего было мало защитников.

Аукцион, естественно, отложили на неопределенное

время. Следствие продолжалось. Но ни молодого человека, ни посыльного найти не удалось...

Жозеф Леборнь, улыбаясь, пододвинул ко мне увеличенную фотографию подписей, проставленных под тремя картинами.

— А экспертиза?..— спросил я.

Леборнь расхохотался:

— Какая наивность! Вы что же, никогда не сталкивались с подобного рода делами? Недавно в Германии произошел скандал с поддельными полотнами Ван Гога. К делу привлекли десять экспертов, но между ними не было единодушия. После ожесточенных споров каждый из экспертов остался при своем мнении. Два года назад в Америке прогремела другая афера — фальсификация Рафаэля. Эксперты за счет владельца картины прокатились в Лондон, Берлин, Париж и Рим. По откровенному сообщению печати Соединенных Штатов Америки, в сдержанности уступающей нашей, экспертиза превратилась в настоящий митинг: эксперты колотили друг друга зонтиками.

— А рентген?

— Еще больший повод для споров. В нашем случае по всем трем картинам был получен один и тот же результат.

— Анализ полотна под микроскопом?..

— Ничего не дал.

— А тщательное изучение трех подписей?

— Посмотрите сами... И попытайтесь сделать выводы.

— Где находилось полотно до того, как его доставили в галерею Друо?

— Какое полотно?

— Разумеется, то, которое принес Валь. Подлинное.

— В квартире Валя, на авеню Суффрен. Оно даже не висело, а было заперто в маленькой комнате, рядом с кабинетом хозяина.

— И долго пролежало там?

— Лет пятнадцать. С того времени, как Валь откопал свой шедевр на каком-то провинциальном аукционе. Картина была грязная и закоптелая, едва можно было различить, что на ней изображено, а подпись и вовсе стерлась. Но у Валя тонкий нюх. Он реставрировал портрет... Однако никому, кроме самых близких, не го-

ворил о своей находке. Считанным людям выпало счастье полюбоваться ею. Валь же постоянно твердил: «Буду есть сухой хлеб, а Рембрандта не продам».

— Чем занимается этот Валь?

— Официально ничем. Он вечно толчется в «Отеле Друо», но широким размахом не отличается. Что-то покупает, что-то перепродает...

— И все-таки он решил расстаться со своим Рембрандтом?

— Он выдает замуж дочь.

— Стало быть, он женат?

— Вдов. Его единственной дочери двадцать два года. Жених ее — комиссионер по продаже драгоценных камней.

— Валь богат?

— Живет довольно скромно. Две служанки, недорогая квартира. Единственное его богатство, как утверждает он,— Рембрандт, с которым ему так не хотелось расставаться. Вот почему он рвал и метал, вот почему, стоя перед тремя полотнами, клялся, что разорен, и даже пытался покончить жизнь самоубийством.

— Каким образом?

— Принял веронал, но при первых признаках отравления дочь вызвала врача, и его спасли.

— Итак, аукцион не состоялся?

— Состоялся. Спустя три недели. А до того велись бесконечные споры, производились всякого рода экспертизы, и обычные и контрольные. Были напечатаны разноречивые заключения, а специалисты затеяли между собой острую полемику. В первую очередь заподозрили будущего зятя, поскольку он был единственный, кого допускали к картине. Но тот доказал, что не имеет к этому делу никакого отношения. Пришлось даже допросить двух-трех ни в чем не повинных оценщиков.

— А что представляют собой служанки?

— Одна — стара, ничего не знает, кроме своей кухни, на все вопросы отвечает что-то нечленораздельное и вообще производит впечатление выжившей из ума. Вторая служанка — молодая девушка из Люксембурга. Следствие установило, что она спала в каморке на шестом этаже, о существовании картины понятия не имела и никогда никого не приводила в квартиру хозяина.

— Чем кончилось дело?

— Аукцион — один из самых памятных — все-таки состоялся. Завсегдатаи «Отеля Друо» собрались все, как один. Из Берлина и Амстердама приехали коллекционеры и любители живописи.

Три портрета висели рядом, представляя собой небывалое зрелище, ибо совпадали до мельчайших деталей. Валь был совершенно убит. Он подходил то к одной, то к другой группе посетителей и десятки раз, вновь и вновь, рассказывал о своем несчастье.

«Я разорен,— твердил Валь.— Бандиты украли приданое моей бедной дочери. И все-таки картина здесь... здесь она, а я даже не могу ее опознать...»

— И нашлись покупатели?

— Цены на аукционе были бешеные. Самое забавное во всем этом, что картин было три. Следовательно, две из них никакой ценности не представляли. Аукцион напоминал скорее лотерею. Стоимость полотна номер один достигла без малого двухсот тысяч франков. Ко всеобщему удивлению, в одном из покупателей узнали агента крупного американского коллекционера. Вот это и подстегнуло всех. Стоимость картины номер два достигла суммы в триста тысяч франков. Никто не сомневался в том, что покупатель один и тот же; очевидно, он решил приобрести все три полотна, чтобы таким образом завладеть и подлинником. Это ему дорого обошлось. В «Отеле Друо» нет места сантиментам. Присутствовавшие на аукционе сразу поняли, что, уплатив даже такие огромные деньги, американец совершил бы неплохую сделку. Покупать две картины было бессмысленно. Необходимо за любые деньги купить все три. Страсти разгорелись. Цена третьей картины достигла четырехсот тысяч франков, затем полумиллиона, перевалила этот головокружительный предел и была отдана за семьсот тысяч франков тому же американскому агенту. Беднягу даже пот прошиб. Три полотна, из которых только одно было подлинное, обошлись ему в миллион двести тысяч франков.

— Но в конце концов дознались, какое из трех подлинное?

— Нет, конечно! Теперь все три красуются рядом в галерее богатого американца, который ими немало гордится.

— Значит, тайна так и осталась неразгаданной?

— Для всех, кроме двух людей.

— Кто же они?

— Автор мистификации и... я.

— Вы видели эти полотна?

— Нет. Я только распорядился сделать фотоснимки, которые вы держите в руках...

— Какая же из них подлинная? — спросил я, снова взглянув на подписи.

— Подлинной нет,— ответил Леборнь.— Все три портрета — подделка.

Я раскрыл рот от удивления, а Леборнь продолжал:

— Представьте себе человека, который решил попытать счастья. Антиквар этот, в общем, птица не крупного полета, но он хотел одним махом сорвать миллион. Не испугавшись подлога, он в один прекрасный день фабрикует означенного Рембрандта, вернее, трех сразу, совершенно схожих между собой. Он никому не показывает их, ограничиваясь лишь разговорами. Но один из этих автопортретов он все же демонстрирует кое-кому из близких в полумраке своего кабинета. Так рождается легенда об уникальном творении Рембрандта — **картине, которая не продается.** О ней именно потому и заговорили, что она не продавалась. И еще потому, что Валь не разрешал никому из любителей живописи даже взглянуть на нее.

Время шло. Картина, став предметом бесконечных толков, обрела жизнь. Отныне она у всех на устах!

Неожиданно Валь объявляет о своем решении продать картину. Ему якобы нужно дать приданое дочери. Но он стонет. В душе у него смерть.

Роковой час пробил! А что, если эксперты, налюбовавшись неизвестным полотном, установят фальсификацию? Но Валь не растерялся. Имея в своем распоряжении еще два полотна, он добился того, что экспертов уже не спрашивают: «Эта картина подлинная?» А спрашивают: «Какая же из этих трех действительно принадлежит кисти Рембрандта?»

И завязался бой. Такова уж натура человеческая. Конкуренты неизбежно должны были сцепиться. Они ожесточенно дрались и за номер один, и за номер два, и за номер три, который тоже имел своих защитников.

ПАССАЖИР И ЕГО НЕГР

Глава первая,

В КОТОРОЙ МАЛЕНЬКИЙ ДОКТОР, ПОПАВ НА РОСКОШНЫЙ ТЕПЛОХОД, СОВЕРШАЕТ ИНТЕРЕСНОЕ МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В КРАЙ ЛЕСОРУБОВ, НЕ ПОКИДАЯ ПОРТА БОРДО

— Быть может, добавить льда?

— Чуть-чуть. Благодарю...

Доллан с трудом сохранял выдержку, не показывая виду, что временами готов рассмеяться им прямо в лицо. Не верилось, что он, Маленький доктор из Марсилли,

в сером поношенном костюме, с небрежно завязанным галстуком и в старой шляпе, видавшей виды, сидит сейчас в салоне первого класса, стены которого обшиты красным деревом... Сидит, заложив ногу за ногу, удобно откинувшись в кресле, и попыхивает одной из тех гаванских сигар, что курят миллиардеры, а перед ним — стоит только протянуть руку — бокал виски со льдом.

Да, теплоход «Мартиник» стоял на якоре в порту, а не бороздил безбрежную гладь океана. Через иллюминаторы, в солнечной пыли, виднелись лишь набережные Бордо, а вместо грохота океанских валов, дыхания машин, плеска волн, бьющих о борт, слышался скрежет кранов, разгружавших судно.

Какое избранное общество окружало Маленького доктора, какие высокопоставленные лица оказывали ему внимание! Старый господин с бородкой, беспрерывно протирающий пенсне,— не кто иной, как администратор компании. Рослый молодцеватый человек с проседью, в белом мундире, украшенном галунами,— капитан парохода. Все прочие — офицеры, уполномоченный морского министерства и судовой врач.

А ведь еще несколько месяцев назад все эти господа обошлись бы с ним как с мальчишкой и, пожалуй, просто выставили бы за дверь. Но вот, совсем неожиданно, к нему пришло настоящее признание — он стяжал славу великого мастера по раскрытию тайн. Даже ворчунья Анна, его служанка, преисполнилась уважения, прочитав телеграмму:

НАСТОЯТЕЛЬНО ПРОСИМ ВАС НАЧАТЬ СРОЧНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ НА БОРТУ ТЕПЛОХОДА «МАРТИНИК» В ТОРГОВОМ ПОРТУ БОРДО ТОЧКА СОГЛАСОВАНО С ОФИЦИАЛЬНОЙ ПОЛИЦИЕЙ КОТОРАЯ ПРЕДОСТАВИТ ВАМ ВСЕ УДОБСТВА ТОЧКА ПРИНИМАЕМ ЗАРАНЕЕ ВСЕ ВАШИ УСЛОВИЯ.

Его маленький, в пять лошадиных сил, «ферблантин», покрытый пылью, стоял среди доков на набережной. Все эти господа были крайне удивлены и даже, казалось, разочарованы: «великий» детектив оказался молодым человеком лет тридцати, невзрачным, сухопарым и весьма скромно одетым.

Первым заговорил главный администратор компании:

— Драма, разыгравшаяся на борту парохода, док-

тор, окружена тайной и может принести большой ущерб компании, которую я представляю. С другой стороны, официальная полиция, вынужденная прибегать к некоторым, так сказать, научным методам, арестовала одну особу, а ее арест может принести нам еще больший ущерб. Вот почему мы просим вас сделать все возможное, чтобы как можно скорее раскрыть истину. «Мартиник», как вам известно, совершает регулярные рейсы вдоль западного берега Африки — иначе говоря, курсирует между Бордо и Пуант-Нуар, заходя во все французские колониальные порты. Он прибыл этой ночью. По расписанию он должен отправиться в рейс через два дня, но, очевидно, власти задержат его в Бордо, если тайна не будет раскрыта. Весь личный состав корабля в вашем распоряжении. Наша касса также. Мне остается только пожелать вам удачи и дружной работы вместе с этими господами.

И, довольный своим красноречием, господин с бородкой торжественно пожал руку Маленькому доктору и капитану, небрежно кивнул менее важным лицам и направился к лимузину, ожидавшему его у большого трапа.

— Опишите, пожалуйста, факты, капитан.

— Охотно... Начну с конца, то есть с событий этой ночи. По расписанию «Мартиник» должен был пришвартоваться вчера, во вторник, около шести часов вечера. Сначала нас задержало довольно сильное волнение в Гасконском заливе. Затем, когда мы поднимались по Жиронде, разразилась сильная гроза. Видимость была плохая, и мы наткнулись на мель. Потеряв около трех часов, мы прибыли в Бордо, когда таможня уже была закрыта.

— Вы хотите сказать, что пассажиры не могли сойти на берег?

— Именно так... Они вынуждены были ждать утра.

— Простите... Сколько времени пассажиры находились на борту?

— Те, которые сели в Пуант-Нуаре,— три недели.

— Родственники и друзья ожидали их на пирсе?

— Совершенно верно... Так случается довольно часто. Излишне рассказывать, что всякий раз задержка раздра-

жает пассажиров. По счастью, у нас всего двадцать пассажиров в первом классе. Ведь сентябрь — период отпусков — уже прошел...

— Таким образом, драма произошла уже здесь, на пирсе?

— Мне хотелось бы описать вам поточнее обстановку. Наступила ночь. Все пассажиры столпились на палубе, махали носовыми платками, любуясь освещенным городом, кричали в рупор, рассказывая своим близким о новостях. До прихода таможенного чиновника и санитарного представителя, которые явились сегодня в шесть утра, никто не имел права сойти на берег.

— И никто не сошел?

— Сойти было невозможно... Полиция порта и таможенники расставили охрану вдоль парохода. Представьте себе, что большинство пассажиров покинули Францию более трех лет назад, а некоторые — и все десять. Как я говорил, настроение у людей было не блестящее. Некоторые даже пытались улизнуть, но беглецов быстро водворяли на место. И вот тут-то Кероль, известный в Экваториальной Африке под именем Пополь, все уладил по-своему, крикнув: «Угощаю всех шампанским. Прошу в бар первого класса!»

— Извините,— негромко перебил его Маленький доктор, словно примерный школьник.—Я не знаком с устройством таких великолепных пароходов. Где находится бар первого класса?

— На верхней палубе. Сейчас покажу. Большинство пассажиров предложение приняли. Только некоторые отправились спать...

— Прежде чем продолжать, еще один вопрос: кто этот Кероль, по прозвищу Пополь?

Ответ прозвучал комично, ибо, не подумав, капитан выпалил:

— Труп.

— Позвольте... Ну, а до тех пор, пока он стал трупом?..

— Был кутилой, довольно известным как в Бордо, так и на Африканском побережье. Он — так называемый лесоруб...

— Очень жаль, капитан, но как понимать: что такое лесоруб... Не простой же дровосек, надеюсь?

Офицеры улыбнулись. Но доктор не повел и глазом, как всегда сохраняя спокойный и невинный вид примерного мальчика.

— Лесорубы, как правило, предприимчивые и решительные ребята. Они добиваются от губернатора концессий на несколько миллионов гектаров в экваториальных лесах, часто расположенных на значительном расстоянии от центров. Забираются туда, вербуют рабочих среди местных жителей, отправляют их на рубку красного и черного дерева и тут же сплавляют его по реке на берег... И нередко за несколько лет такие лесорубы наживают миллионы...

— Так было и с вашим Пополем?

— Три-четыре раза он наживал миллионное богатство. Возвращался во Францию и за несколько месяцев все спускал... Вот один любопытный штрих: четыре года назад он вернулся в Бордо с полными карманами... Лил проливной дождь. Из кафе, что напротив театра, Пополь увидел дам в вечерних туалетах и мужчин во фраках. Ради забавы он нанял все экипажи, все такси, которые нашлись в Бордо... Составился длинный кортеж... И вот он едет во главе сотни экипажей мимо театра, а зрители тщетно пытаются знаками остановить такси... Пришлось несчастным возвращаться домой пешком под проливным дождем, а Пополь...

— Что же, он снова поехал в Габон?

— Да, и сейчас возвращался оттуда уже в четвертый раз, и опять богачом, по крайней мере, он так утверждал... Его сопровождал негр, которого он в шутку назвал «Виктор Гюго», громадный негр из племени банту. Пополь не желал походить на других. Вот потому-то он и снял для негра каюту первого класса, рядом с каютой люкс, которую занимал сам... Усаживал его за свой стол в столовой первого класса... Напрасно я старался его отговорить... «Я за все плачу, не так ли? — возражал Пополь.— Не станет же он плевать в блюда!»

— Где сейчас этот Виктор?

— Скрылся... Погодите, сейчас дойду и до этого. Кроме Пополя и его негра, на борту находились только люди солидные, в основном — чиновники с положением и даже один генерал. Разумеется, Пополь со своим негром никак не подходили к этой компании...

Жаль, что вы его не знали... Конечно, он был грубоват... Видный был малый, лет сорока, рослый, скуластый, с дерзкими глазами, жизнерадостный. Он мог опустошить бутылку перно или пикона, не охмелев... Не переваривал чиновников и вечно над ними издевался. Он подсаживался к вам за стол без приглашения, заказывал выпивку для всех, рассказывал были и небылицы, хлопал собеседника по плечу, но был так обаятелен, что неприязнь к нему сразу рассеивалась. Ну, а женщины...

Тонкая улыбка скользнула по губам капитана: он взглянул на офицеров, потом продолжал:

— Не хотелось бы мне дурно отзываться о представительницах слабого пола, большим поклонником которого являюсь сам...

Маленький доктор уже заметил, что капитан неравнодушен к хорошеньким женщинам.

— Не знаю уж отчего — из-за жары или безделья, но вульгарные манеры Пополя некоторым дамам нравились.

— Не можете ли вы хотя бы назвать фамилии женщин, за которыми ухаживал Пополь? — спросил Маленький доктор.

— Прежде всего за красавицей Мендин, как ее называют в Браззавиле. Муж ее — администратор... Они вместе возвращались из полугодового отпуска.

— А что собой представляет мосье Мендин?

— Человек серьезный, даже мрачный, с утра до вечера дуется в бридж, проклинает все трапезы — ведь они мешают игре!..

— Кто еще?

— Конечно, мадемуазель Лардилье.

— Почему вы говорите — конечно?

— Потому что ее-то и арестовали...

— Опишите мне, как произошла драма.

— Возвращаюсь к прошлой ночи... Почти все пассажиры пили в баре...

— Мадам Мендин находилась там же?

— Да. Пришел и ее муж и уселся за бридж в углу вместе с генералом и еще двумя пассажирами.

— А мадемуазель Лардилье?

— Она тоже была там.

— А ее отец? Полагаю, что эта барышня путешествует не одна вдоль побережья Африки?

— Ее отец — Эрик Лардилье, владелец «торговых контор Лардилье», которые встретишь во всех портах Габона... Вы не знаете Африки? Тогда я уточню смысл слова «контора». Это огромные предприятия. В одной такой конторе продается и покупается все: местное сырье, машины, автомобили, продовольствие, одежда, инструменты, случается даже — пароходы и самолеты...

— Следовательно, у него большое состояние?

— Очень большое...

— Пополь и Эрик Лардилье были знакомы?

— Разумеется, они не могли не знать друг друга. Но я никогда не видел, чтобы они разговаривали... Лардилье выказывал пренебрежение к искателям приключений, которые, по его мнению, подрывают репутацию дельцов из колоний.

— Мосье Лардилье находился в баре?

— Нет. Он рано отправился спать.

— Теперь расскажите, пожалуйста, о самой сути драмы.

— В первом часу ночи Пополь оставил веселящееся общество, сказав, что тотчас же вернется. Казалось, он что-то позабыл в каюте...

— Негр был с ним?

— Нет. Негр, должно быть, был в каюте, укладывал чемоданы... Это меня наводит на мысль об одной детали, о которой я сейчас расскажу... Итак, Пополь сошел вниз. В это время один из стюардов — Жан Мишель, который находится на службе в компании долгие годы и пользуется полным доверием,— шел по коридору мимо каюты Пополя. Дверь была приоткрыта. Стюард машинально заглянул туда и увидел посреди каюты мадемуазель Лардилье. Она держала в руке револьвер... «Что вы делаете?» — крикнул он с ужасом и бросился в каюту. Дверь в ванную была также отворена. Он вошел туда... У самой ванны в луже крови лежало тело Поля Кероля, по прозвищу Пополь! Стюард сейчас же поднял тревогу. Первым подоспел доктор... и констатировал, что пассажир, получивший сквозное ранение в спину, умер сразу. Ему пришла мысль обернуть револьвер в носовой платок, который мадемуазель Лардилье, оторопев, положила на стол... Я известил власти... Расследование нача-

лось немедленно, чтобы утром пассажиры могли покинуть пароход. Представляете себе, какую ночь мы провели!

— Ну, а негр? — допытывался Маленький доктор.

— Разыскать его не сумели. Таможенники и агенты не видели, как он сошел. Большая часть иллюминаторов была открыта из-за жары, и, возможно, он пролез через иллюминатор левого борта и добрался до набережной вплавь.

— Что же говорит мадемуазель Лардилье?

— Антуанетта...— начал было капитан и прикусил губу. Потом продолжал: — Мы с ней были добрыми друзьями... Вот почему я и назвал ее по имени... Ее допрашивали больше часа, но ничего не добились, кроме слов, которые я уже знаю наизусть:

«Я направлялась к себе в каюту за испанской шалью, так как становилось свежо, и, проходя мимо раскрытой двери мосье Кероля, была поражена, увидя на полу... револьвер. Я его подняла и собралась позвать на помощь, как вдруг появился стюард... Больше я ничего не знаю... Я понятия не имела, что в ванной комнате лежит труп... Не было у меня никаких причин убивать мосье Кероля».

К несчастью,— вздохнул капитан,— на револьвере, которым был убит Пополь, были найдены отпечатки только ее пальцев. Вот копия с протокола допроса. Не угодно ли взглянуть?

«Вопрос. Постоянно ли вы встречались с мосье Керолем во время путешествия?

Ответ. Как почти со всеми на корабле.

Вопрос. Свидетели утверждают, что вам случалось довольно поздно прогуливаться с ним по палубе.

Ответ. Я ложусь поздно. Иногда я действительно бывала на палубе с ним или с капитаном. Но ведь это еще не значит, что я убила мосье Кероля».

— Что вы на это скажете, капитан?

— Все это правда...

Маленький доктор снова углубился в чтение.

«Вопрос. Вы никого не встретили в коридоре?

Ответ. Никого.

Вопрос. Однако убийца не мог уйти далеко, ибо врач установил, что мосье Кероль только что испустил последний вздох.

Ответ. К сожалению, больше ничего не могу добавить. И отвечать больше не буду...»

— Еще немного виски? Пожалуйста... Итак, полиция задержала Антуанетту. Она арестована. Ее отец вне себя от ярости. Это крупный клиент компании, и он готов поднять на ноги всех экспортеров Бордо против нас... Мне-то и пришла в голову мысль, доктор, обратиться к вам, так как мне известны многие ваши расследования... Не думаю, что Антуанетта виновна... Убежден, что это дело выходит далеко за рамки обыкновенной любовной истории, и вот об этом-то я и хотел вам сказать. Должен вам заметить, что, сев на «Мартиник» в Либревиле, Пополь сразу же повел себя странно. Правда, он всегда был оригиналом и кутилой, пускал пыль в глаза, любил принимать эффектные позы... Но на этот раз, по-моему, он был чем-то взбудоражен. Он все время повторял: «У американских гангстеров хорошая личная охрана. Я тоже рискую и потому завел себе телохранителя». Говорил он и другое, особенно когда бывал в подпитии — а это случалось ежедневно. Вот, например, одна из фраз, которую я запомнил: «На этот раз мое богатство лежит не в банках, и я теперь спокоен: государственная казна не отнимет у меня половину, как в последний мой рейс во Францию...»

Маленький доктор, как всегда бесстрастный и вежливый, спросил:

— Вы догадались, на что он намекал?

— Нет... Примечательно, что он говорил о многих миллионах. Утверждал, что ему не придется больше возвращаться в Африку. Когда африканский берег исчез из виду, он воскликнул: «Прощай навсегда!» В другой раз он сказал (бармен Боб это услышал): «Если приеду в Бордо живым, заделаюсь настоящим барином. И на этот раз — надолго!..»

— Полагаю, капитан, ваш Пополь не вез с собой миллионы в банковых билетах?

— Это невозможно! — оборвал капитан.— Где бы он добыл билеты на такую сумму? Банк Либревиля не имеет в своем распоряжении таких сумм. Однако...

Тут в разговор вмешался судовой врач.

— У меня есть основание думать, что Пополь держал деньги при себе. Мне вспомнилась одна подробность. Случилось это после остановки в Большом Бассаме. В эту ночь он много пил — больше обычного. Утром пришел встревоженный ко мне в каюту: «Прослушайте меня, доктор. Сейчас, когда я обеспечен на всю жизнь, так глупо было бы...» И, обнажив грудь, пояснил: «Сегодня я почувствовал покалывание с левой стороны... Скажите, может быть, это болит сердце?» Я его разуверил... Он стал одеваться. Надевая полотняную куртку, он заметил на полу небольшой бумажник из крокодиловой кожи — бумажник выпал из его кармана... Он усмехнулся и быстро его поднял: «Шутки в сторону — чуть было не оставил свой капитал в вашей каюте... Дороговато за одну консультацию. Хотя вы, конечно, не могли бы это реализовать...» Впрочем, бумажник был плоский. Содержимое, видимо, было невелико.

— А вы рассказали об этом визите полиции? — спросил Маленький доктор с некоторой тревогой.

— Признаюсь, не подумал. Рассказ капитана натолкнул меня...

— Капитан, как единственный хозяин на борту, вы, конечно, присутствовали при осмотре трупа и при обыске каюты. Скажите, не заметили ли вы при этом бумажника, о котором идет речь?

— Нет. Я видел толстый кожаный портфель, набитый разными бумагами, и паспорт. Ничего больше.

— Не знаете, где мадам Мендин проводит в Европе отпуск?

— В Аркашоне. У них там своя вилла.

— Благодарю. Полагаю, что во Франции мосье Лардилье живет в Бордо?

— На набережной Шортрон... Метрах в пятистах отсюда.

— Он сел в Либревиле?

— Нет... Главная его контора находится в Либревиле, но он сел вместе с дочерью в Порт-Жантиле.

— А Пополь знал, что Лардилье будет вашим пассажиром?

— Понятия не имею.

— Может быть, знает господин уполномоченный?

Тут вступил в разговор сам уполномоченный:

— В первый же день мосье Кероль спросил меня, каких пассажиров мы берем, заходя в порты. Я ему показал список.

— А вы не заметили, как он отнесся к списку?

— Это было давно... Я никак не ожидал, что путешествие завершится трагедией. Впрочем, я готов утверждать, хотя присягнуть не могу, что на губах у него промелькнула какая-то странная улыбка.

— Улыбка удовлетворения?

— Трудно сказать... Однако... мне не хочется, чтобы вы придавали чересчур большое значение тому, что я вам говорю, но мне кажется, улыбка была иронической. Нет. Пожалуй, не совсем точно... Скорее саркастической.

— И он ничего не сказал?

— Его слова тогда меня не удивили, но теперь, пожалуй, они обретают смысл: «У нас не будет недостатка в хорошеньких женщинах!»

— Благодарю вас, мосье! — с важностью произнес Маленький доктор. В первый раз он счел нужным принять почти торжественный вид.

— Могу ли я спросить вас, доктор, что вы думаете об этом и как на все это смотрите?

— Отвечу вам через двадцать четыре часа, капитан!

Он чуть не расхохотался, видя, какое значение придают эти господа его словам, но тут же подумал: «Ах ты простачок! Не так уж плохо, конечно, произвести впечатление на всех этих важных господ и сделаться в некоторой степени национальной знаменитостью. Все дело теперь в том, как раскрыть загадку. А посему хватит бездельничать в салоне первого класса, попивать ледяное виски и покуривать дорогие сигары. В моем распоряжении всего несколько часов, и можно остаться в дураках и вернуться в Марсилли с поджатым хвостом...»

И все же ему было весело. Вероятно, яркое солнце, новая для него обстановка, великолепный теплоход, белые мундиры, неуловимый аромат дальних плаваний — все это поднимало настроение.

В общем, стоит ли отчаиваться? Кто-то убил Кероля, по прозвищу Пополь,— это непреложный факт. Но неужели он, Жан Доллан, глупее убийцы? Да разве не служила ему девизом фраза, которую он подумывал написать над изголовьем своей кровати:

«Каждый убийца — глупец, ибо убийство никогда не дает выхода из положения».

Нет, в дураках он не собирался оставаться.

— Интересно знать, этот Виктор Гюго уже бывал в Европе?

— Никогда.

— Он говорит по-французски?

— Знает с десяток слов. Пополь разговаривал с ним на языке банту.

— А многие из жителей Бордо говорят на банту?

— Да с сотню найдется. Все они известны морским властям. Чтобы провезти негра из Экваториальной Африки, надо уплатить большой залог. Десять тысяч франков...

— Значит, Пополь уплатил десять тысяч франков, чтобы провезти негра? Полагаю, полиция не замедлит его арестовать.

Стюард доложил:

— Явился инспектор Пьер, капитан!

Вошел инспектор. Поклонившись, он с почтением посмотрел на Жана Доллана, или Маленького доктора, как его принято было называть и о котором он, вероятно, был наслышан.

— Я пришел сообщить вам, что мы арестовали негра. Он спрятался на борту старой баржи, стоящей на якоре близ моста... Он весь трясется... Ищут переводчика, чтобы допросить его.

— Разрешите задать вам один вопрос, инспектор? — сказал Маленький доктор.— Револьвер...

— Что — револьвер?

— Установлено, кому он принадлежит?

— Ни один пассажир не признался, что он его владелец. Это смит-вессон. Серьезное оружие...

— И этим оружием довольно трудно пользоваться, не правда ли?

— Громоздкое. Из него убить наповал можно за пятнадцать шагов... Вот небольшие браунинги — дело другое.

Маленький доктор осушил стакан, вытер рот и, поколебавшись, опустил руку в ящик с сигарами.

Да, пациенты в Марсилли не угощали его такими сигарами!

Глава вторая,

В КОТОРОЙ КАК БУДТО УСТАНОВЛЕНО, ЧТО НЕКТО, ПО ПРОЗВИЩУ ВИКТОР ГЮГО, ГЛУП, О ЧЕМ ГОВОРИТ ВЕСЬ ЕГО ВИД, И В КОТОРОЙ МАЛЕНЬКИЙ ДОКТОР ТЩЕТНО ВЕДЕТ ПОИСКИ

И вот случаю было угодно, чтобы на сцену выступил человек, отнюдь не наделенный выдержкой. Им оказался не кто иной, как комиссар полиции Фритте — невысокий черноволосый человечек со щетинистыми усами и румянцем во всю щеку. Он уставился на негра, в шутку прозванного Виктором Гюго, доставленного на пароход, бранился и бесновался, выкрикивая слова зычным голосом с акцентом, присущим жителям из пригорода Тулузы:

— В эту ночь... понимаешь, ночь... когда темно.. Ночь... ты здесь... здесь ждать хозяина... саиба... хозяин саиб спускаться...

Все происходившее поистине превращалось в настоящий фарс. Маленький доктор и инспектор Пьер старались не смотреть друг на друга, боясь расхохотаться. Капитан то и дело отворачивался.

Просторная каюта, загроможденная чемоданами Поля Кероля, была залита солнечным светом. Дверь в ванную была открыта. Комиссар вопил. Переводчик-негр вопил еще громче... И, наконец, в глазах Виктора Гюго вдруг появилось что-то осмысленное. Он ринулся в ванную. Все последовали за ним. Он подбежал к эмалевой вешалке, прибитой к стене около ванны,— на крюке еще висел пестрый мохнатый халат.

— Здесь,— произнес он.

Ух! Наконец-то он понял. Однако комиссар продолжал допытываться, и негр утвердительно кивал головой.

Он действительно был в ванной, когда в каюту спустился хозяин. Укладывал вещи в чемоданы и пошел за халатом и за туалетными мелочами.

— Разрешите взглянуть,— попросил Маленький доктор, встав рядом с негром.

И констатировал, что отсюда в каюту заглянуть нельзя.

— О чем он говорит? Переведи.

Дело в том, что Виктор Гюго, молчавший так долго,

заговорил скороговоркой, и удержать его не было никакой возможности.

— О чем он говорит?

— Говорит, что внезапно вошел хозяин... И так спешил, словно забыл какую-то важную вещь... Потом раздался еле слышный стук, казалось — кто-то икнул, и белый господин упал плашмя...

— Поль Кероль был поражен в спину,— заметил вполголоса инспектор, обращаясь к Маленькому доктору,— это как будто подтверждает невиновность негра.

Комиссар настаивал:

— Ну, а дальше... спроси, что он сделал, кого увидел...

— Никого он не видел... Он наклонился. На полу натекла целая лужа крови... И тут он до того испугался, что выпрыгнул в иллюминатор...

В этот миг Жан Доллан нащупал ногой какой-то твердый предмет — он посторонился, уступая место комиссару и окружающим. Потом наклонился, поднял небольшую трубку из закаленной стали, протянул ее комиссару Фритте и негромко спросил ровным, простодушным тоном, сразу же оборвав бурную сцену, разыгравшуюся только что:

— Скажите, комиссар, ведь это так называемая бесшумная пуля?

Да, это была та самая пуля, которую полицейским не часто случается видеть, ибо это изобретение американских гангстеров не легко достать.

— Вот почему никто и не слышал выстрела.

Оба негра недоумевали, не понимая, почему ими вдруг перестали интересоваться. Дело вдруг приняло другой оборот. Новый факт заставил Маленького доктора призадуматься.

Кто же в прошлую ночь проник в эту каюту и?..

— Хочу задать вам еще несколько вопросов, комиссар... Меня уверяли, будто с парохода никто не сошел на берег. Но есть ли уверенность, что никто и не поднимался на судно?

— Охранники и таможенники выполняют приказ точно.

— Вот что мне пришло в голову... Раз Виктор Гюго мог скрыться вплавь, выпрыгнув в иллюминатор, то кто-

нибудь мог пробраться на судно, подплыв к нему на лодке...

— Мы стоим метров на шесть выше уровня моря... Правда, он мог захватить лестницу. Или кто-нибудь отсюда бросил ему веревку...

Маленький доктор улыбнулся, и вспыльчивый комиссар недоуменно посмотрел на него: чему это он улыбается?

А дело было в следующем: в тот самый момент, когда Доллан отверг предположение, что убийца мог явиться извне, он догадался, что аналогичное предположение, теперь уже отвергнутое им, возникло и у его собеседника, который и ринулся по ложному следу.

И этот след не мог привести его к цели!

Рассуждения Маленького доктора пошли по правильному руслу, и с этой минуты он обрел прочную основу, опираясь на простую истину: *Пополь боялся не пришельца извне.*

Если это не так, то почему же во время всего путешествия, даже когда они плыли в открытом море, где уж никто не мог взобраться на теплоход, он предпринимал столько предосторожностей, заставлял негра сопровождать его днем и ночью, не расставаясь с ним даже в столовой?

И почему именно в Бордо он ослабил бдительность?

— Ну так вот, я и спрашиваю себя,— произнес Маленький доктор вполголоса, словно обращаясь к самому себе,— почему он бросил собутыльников и стремглав кинулся вниз?

Вещи Пополя все еще находились в каюте. Комиссар проследил за взглядом Маленького доктора.

— Этой ночью я перерыл все,— поспешил объявить он.— Сообщаю: в кармане мертвого нашли револьвер.

— Смит-вессон?

— Нет... Револьвер с барабаном большого калибра. А другой лежит в этом чемодане.

— А вам нигде не попадался бумажник из крокодиловой кожи? Возможно, я задам вам бесполезную работу, комиссар. Однако, думается, неплохо было бы тщательно обыскать каюту и ванную комнату... На это время следовало бы запереть негров в другом месте...

Обыск тянулся с час, не меньше, и предупредитель-

ный капитан прислал аперитивы. Доллан обернулся к стюарду и спросил:

— Сегодня ночью вы обслуживали этот коридор?

— Да, мосье.

— Не можете ли вы сообщить фамилии тех людей, что прибежали первыми, когда вы подняли тревогу?

— Сознаюсь, я не обратил на них внимания. Был очень взволнован. Ведь впервые пришлось увидеть такое зрелище. Помнится, судовой врач...

— А кто из пассажиров? Мосье Лардилье не был среди первых?

— Нет! Это я могу утверждать.

— Почему же?

— Потому что в этой суматохе я услышал звонок. Я даже удивился — кто может вызывать в такую минуту? Вышел в коридор. Лампочка горела над дверью каюты мосье Лардилье. Я постучал и вошел. Он лежал в постели в прескверном настроении и спросил меня: «Что означает этот шум? Нас задержали на борту на целую ночь и вдобавок мешают спать... Передайте капитану...»

— Вы рассказали ему обо всем?

— Да... Он накинул халат и пошел вслед за мной.

— Вы не заметили мадам Мендин?

— Нет.

— Я оказывал ей помощь,— вмешался судовой врач.— Узнав о смерти мосье Кероля, она спустилась вниз, как и все, но не дошла до его каюты и упала в обморок. Меня позвали к ней... Я велел стюардессе отвести ее в каюту.

Комиссар Фритте вздохнул:

— Считаю нужным заявить без промедления, что, так рассуждая, вы ничего не добьетесь. Я допрашивал пассажиров и экипаж еще ночью, прямо по горячим следам. И могу констатировать, что на теплоходе невозможно установить, что делает и как поступает каждый пассажир в данный момент... За исключением четырех игроков в бридж. Они-то безвылазно сидят за столом...

— Простите,— возразил Маленький доктор,— вы, верно, не умеете играть в бридж, комиссар. Ибо в бридже всегда есть «выходящий», а это значит, что один из

игроков может отойти от стола на несколько минут, пока длится партия...

Его маленькие глазки сверкали. Забавно натолкнуть полицейского на ложный след, особенно когда видишь, с каким пылом он кидается на него.

— Вы думаете, что...

— Думаю, что, пока мы не найдем бумажник, о котором я вам говорил, мы ничего не узнаем... Думаю также, что нам не удастся найти его. Ведь мы недостаточно хорошо знаем судно. И вы, капитан, вместе с механиком должны нам помочь... Ну так вот, предположим, вы занимаете каюту с помещением для ванны и вам необходимо спрятать бумажник небольших размеров. Куда бы вы его дели?

Перебрали все варианты. Простукивали изразец за изразцом на стенах ванной комнаты. Кое-где разобрали трубы и даже четыре вентилятора.

— Разрешите заняться чемоданами, комиссар?

— Ну что же, придется...

Разрезали их буквально на мелкие кусочки, решив удостовериться, что в них нет тайников. Исследовали каблуки башмаков, принадлежавших Пополю.

— Да нет, мосье, не может быть, чтобы... Поставим себя на место этого человека. Ему надо спрятать бумажник. Это вопрос жизни и смерти.

Доллан начинал терять уверенность: неужели провал? Он осматривался, ища вдохновения. И тут раздался голос комиссара:

— Раз это вопрос жизни или смерти, то кто вам сказал, что убийца не унес бумажник? Кроме того, доктор, мне кажется, мы предали забвению мадемуазель Лардилье, которая находилась именно здесь со смертоносным оружием в руке, когда стюард... Наконец, я обращаю ваше внимание на то, что отпечатки ее пальцев — неоспоримый факт и...

— Ясно, ясно,— буркнул Маленький доктор.— Я, пожалуй, пройдусь по городу, чтобы хорошенько все обдумать.

Капитан догнал его в конце коридора.

— Еще одно слово, доктор. Полагаю, что выражу волю компании... Не знаю, откроете ли вы истину, а я бы этого хотел... Но было бы желательно, чтобы вы во

всех случаях внушили господину Лардилье, что действуете в пользу его дочери. Пусть он знает, что мы делаем все возможное и невозможное, чтобы вытянуть ее из этой грязной истории...

Он, без сомнения, был влюблен в Антуанетту Лардилье — недаром, уходя, он слегка покраснел.

Глава третья,

В КОТОРОЙ МАЛЕНЬКИЙ ДОКТОР СТАНОВИТСЯ БОЛТЛИВЫМ И, ВНЕЗАПНО ОХВАЧЕННЫЙ СКЛОННОСТЬЮ К РЕКЛАМЕ, ПОСЕЩАЕТ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТ

— Я позволил себе побеспокоить вас лишь потому, что уверен: ваша дочь не убивала Поля Кероля. Компания, желая установить истину, поручила мне провести следствие совместно с полицией... Я решил, что правильнее всего прийти к вам первому...

Маленький доктор находился в гостиной дома Лардилье на набережной Шортрон; солнце било прямо в окна, но опущенные жалюзи пропускали лишь узенькие полоски света. Перед ним сидел грузный человек с густой шевелюрой и недоверчивым, хмурым взглядом.

— Вы старый колониальный житель, если можно так выразиться...

— Мне шестьдесят два года, из них сорок я провел в колониях. Не скрою, что я сам всего добился, с помощью трудолюбия и терпения и, конечно, с помощью упорства...

— Вы знавали человека, по прозвищу Пополь?

— С ним я не был знаком и, признаться, не имел ни малейшего желания знакомиться. Доведись вам жить в Африке, вы бы знали, что люди, подобные ему,— отъявленные негодяи, азартные игроки, которые наносят немалый ущерб делу колониализма...

— Позволю себе задать вам нескромный вопрос, мосье Лардилье... Поймите мое желание добиться истины. Зная ваше мнение о чудаке Пополе, я бы хотел уяснить, почему вы позволили своей дочери...

— Знаю, что вы скажете. У вас, доктор, без сомнения, нет детей. Моя дочь, мать которой умерла пятнадцать лет назад, провела бóльшую часть своей жизни в колонии, где нравы свободнее, чем здесь. У меня никого нет на всем свете, кроме нее. Нечего и говорить, что она балованное дитя. Когда я рискнул сделать замечание по поводу Поля Кероля, она мне ответила просто: «Не моя вина, что на борту никого нет забавнее его». И я понял, что отговаривать ее бесполезно.

— Таким образом, к сожалению, на ваших глазах за вашей дочерью начали ухаживать...

Брови дельца нахмурились.

— Черт возьми! Стоит девушке поиграть в мяч с мужчиной, как ее непременно в чем-то заподозрят...

«Полно, полно. Зря сердишься, любезный,— подумал Жан Доллан.— На сей раз я буду учтив».

А вслух произнес невинным тоном:

— Прошу прощения... Я просто повторил словцо, которое капитан...

И тут делец вышел из себя:

— Нечего сказать, хорош ваш капитан! Целый день не отходил от дам, а теперь позволяет себе...

— Верно, он поклонник прекрасного пола... Но я хотел бы поговорить с вами о делах поважнее. Представьте себе, я пришел к убеждению, что Пополь прятал у себя в каюте какой-то предмет и что именно из-за этого предмета его и убили. Да, я пришел к такому убеждению и почти уверен, что ваша дочь не причастна к преступлению... Вам ясно?

— Что вас навело на эту мысль?

— Да один пустяк... Я интуитивно в этом уверен... Так вот, послушайте...

Жан Доллан вдруг стал несносно болтлив и самоуверен. Глядя на него, трудно было поверить, что этот невзрачный развязный человечек в самом деле раскрывал таинственные преступления, по общему признанию — непостижимые.

— Вы много плавали, мосье Лардилье... А я, представьте себе, впервые сегодня утром поднялся на борт настоящего теплохода. Вот почему я и задаю вам такой вопрос: если б вы захотели спрятать бумажник или просто бумагу в роскошной каюте, вроде каюты Пополя,

какое место вы бы выбрали? Все дело в этом... Когда я смогу ответить на этот вопрос, господам из полиции придется освободить вашу дочь с нижайшими извинениями.

— Бумажник,— повторил Лардилье.— Какого вида бумажник?

— Скажем, маленький бумажник из крокодиловой кожи... Мы обыскали каюту сегодня утром... почти в полную негодность привели ванную комнату.. обшарили и каюту негра...

— И ничего не нашли?

— Ничего. Но я отказываюсь верить, как и комиссар, что убийца успел прихватить с собой бумажник, о котором идет речь, и с ним убежать... Сам факт, что ваша дочь появилась...

— Дочь утверждает, что она никого не видела.

— Знаю, знаю... читал ее показания.

— Вы считаете их неискренними?

— Совершенно искренними... то есть...

— Что «то есть»?

— Да нет, ничего... Вы не ответили на мой вопрос, мосье Лардилье. Куда бы вы спрятали бумажник?

— Право, не знаю... Под ковер?

— Смотрели...

— На шкаф...

— Искали.

— В таком случае, прошу извинить. Но мне нужно принять адвоката дочери — он ждет меня в два часа... Подумать только, ее посмели взять под стражу, как преступницу! Благодарю за визит, доктор. Всегда готов к услугам. Не угодно ли сигару?

— Благодарю.

Слишком много сигар! Слишком много виски! Он и так был возбужден. Таким оживленным он бывал не часто. И, явившись в редакцию газеты «Птит Жиронд», поразил редактора своим многословием.

— Я решил, что вы, конечно, не против получить кое-какие сведения о преступлении, совершенном этой ночью... Официальная полиция, вероятно, сообщила вам немногое. Мне же предложила вести следствие... Представьте себе, я пришел к убеждению, что вся драма вертится вокруг одной бумажонки... Не хотите ли записать?

Так вот: Поль Кероль, по прозвищу Пополь, возвращался из Габона с капиталом в несколько миллионов, как он утверждал. Он чего-то боялся. Знал, что ему угрожает опасность. Его капитал в несколько миллионов хранился в бумажнике из крокодиловой кожи. Однажды он выронил этот бумажник в каюте судового врача и таким образом... Я говорю слишком быстро? Ну, а некое лицо на корабле покушалось на этот бумажник или, вернее, на документ, содержащийся в нем... Во время плавания это лицо его подстерегало, но Пополь был на страже, и его не могли захватить врасплох. Почему же в последнюю ночь... впрочем, поставлю вопрос иначе: **почему Пополь, веселившийся в баре, вдруг стремглав бросился** к себе в каюту? Не потому ли, что вдруг почувствовал, что дал маху? Если б документ был при нем, нечего было бы бояться.

Мое предположение таково: выронив бумажник в каюте доктора, Пополь понял, что опасно хранить его при себе, а тем более в полотняном костюме. Он стал искать надежный тайник... И нашел, так как был великим выдумщиком. Согласитесь, противник был ему под стать. Иначе тотчас же оставил бы поле битвы... Словом, тайник был так надежен, что противнику не удалось его найти... А теперь я вновь возвращаюсь к вопросу, с которого начал: почему именно в Бордо, когда судно стояло у набережной, Пополь вдруг всполошился и бросился в каюту, где ему и суждено было погибнуть? Вот и все... Можете напечатать в газете все эти соображения.

Десятью минутами позже Маленький доктор взбирался по лестнице редакции газеты «Франс де Бордо», соперницы «Птит Жиронд», где он разыграл ту же роль и, рассказав снова всю историю, присовокупил:

— Полагаю, что мои выводы неизбежно приведут нас к раскрытию преступления...

День был поистине великолепен! Белый красавец корабль, блестевший на солнце, мундиры, любезные офицеры... Доллан был окрылен. Никогда в жизни он не чувствовал такого подъема. Ему казалось, будто он жонглер, играющий человеческими судьбами.

— В полицию! — крикнул он шоферу такси, ибо свой «ферблантин» оставил на набережной.

— Разрешите войти, комиссар... Так вот... Хочу попросить вас о небольшом одолжении. Прежде всего прикажите незаметно посторожить каюту Пополя, а также его слугу...

— Это уже сделано.

— Почему?

— Потому что таково правило...

И Маленький доктор усмехнулся. У него было полное основание просить, чтобы за этими каютами хорошенько следили.

— Наблюдать за ними будут всю ночь? Очень хорошо... Вторая просьба, так сказать, более деликатная... Полагаю, негр взят под стражу?

— Он в тюрьме. Так у нас положено. И пока не будет доказательств...

— А мне бы хотелось, чтобы вы его выпустили. Давайте договоримся. Я не прошу вас отпустить его на все четыре стороны. Вы его выпустите, а одному-двум сыщикам — из лучших — прикажете следить за ним... Думаю, негр не сумеет скрыться от них...

— Вы полагаете, он наведет нас на след?

На лице комиссара Фритте всегда появлялась хитрая усмешка, когда он воображал, будто проник в намерения своего собеседника. И вечно попадал впросак.

— От вас ничего не утаишь,— вздохнул Доллан без всякой иронии

— Право, все это бесполезно... Негр слишком глуп, вряд ли его взяли в сообщники... Впрочем, компания так усиленно рекомендовала во всем идти вам навстречу... Что еще вам угодно?

— Пока вы будете давать распоряжения насчет негра, я бы хотел воспользоваться вашим телефоном.

Он вызвал редактора газеты «Птит Жиронд», затем — «Франс де Бордо»:

— Верстка уже готова? Газета выходит через час? Не хотите ли прибавить к статье несколько строчек? Уверяю вас, это сенсация: негр, которого Пополь привез с собой как телохранителя и нарёк Виктором Гюго, будет выпущен примерно через час... Вы считаете, что это не так уж важно? Поверьте: это всего важнее. Особенно если вы добавите, что он не говорит по-французски и, конечно, отправится на поиски переводчика, с ко-

торым толковал утром... Так, значит, будет напечатано? Благодарю.

И Маленький доктор вытащил из кармана великолепную сигару, ибо был так предусмотрителен, что взял несколько штук из запаса компании.

Глава четвертая,

В КОТОРОЙ ОПИСЫВАЕТСЯ, КАК ЧЕЛОВЕК, УЖЕ ОДИН РАЗ СТАВИВШИЙ НА КОН СВОЮ ЖИЗНЬ И ВЫИГРАВШИЙ, ВЫНУЖДЕН В СВЯЗИ С ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ СНОВА НАЧАТЬ ИГРУ И ПРОИГРАТЬ

«Забавная у них работа! — думал он добродушно.— И ведь есть люди, которые зарабатывают себе на жизнь, занимаясь этим с утра до вечера».

Он подразумевал то, что называется наблюдением, или — на профессиональном жаргоне — слежкой. Вот уже добрых три часа он шел по пятам за Виктором Гюго, стараясь не обнаружить себя, иногда перегляды-ваясь с двумя агентами, которым было поручено следить за негром.

Несчастный негр! Большой город ослепил его, как яркое августовское солнце ослепляет сову. И не раз казалось, что его вот-вот подомнет трамвай, собьют такси и автобусы. И вся его фигура в старом костюме, подаренном ему Пополем и совсем потерявшем вид от пребывания в водах Жиронды, была до того нелепа, что прохожие оглядывались.

Должно быть, у него не было ни сантима за душой. Никто не подумал дать ему денег. Он плутал, петлял и смотрел вокруг, вытаращив глаза, а когда приходилось переходить через улицу, бросался вперед как безумный, так что легко было сбиться со следа.

К счастью, он издали заметил пароходные трубы, торчавшие над макушками деревьев. Трубы были ему хорошо знакомы. И, как предвидел Доллан, он пошел именно в ту сторону.

Несколько негров прохаживались по набережной, но

то были негры арабского происхождения, негры цивилизованные, и бедняга не осмеливался заговорить с ними.

Он шел все дальше и дальше вдоль набережной. Доктор не сомневался, что он дойдет до того угла, где напротив последних доков ютятся жалкие хибары, заселенные грузчиками-неграми и всякими бродягами — искателями удачи, случайно вывезенными из Африки.

Обе газеты вышли уже с час назад. Маленькому доктору повезло — иначе пришлось бы посетить не только Лардилье, но разыскивать каждого пассажира «Мартиника» и всякий раз начинать сызнова длинный рассказ, разглагольствовать о неуловимом тайнике и всем прочем. А теперь благодаря газетам все пассажиры уже знали, что он думает о преступлении. И один из них непременно...

— Если это мосье Мендин, успеет ли он добраться сюда из Аркашона?.. А если мадам Мендин?.. Может быть, это сам капитан... А может быть?..

Маленький доктор был настоящим актером — он играл роль перед самим собою. И напрасно... Ведь он прекрасно знал, кто должен явиться. Вернее, знал, что явится один из двоих. Напал на след, когда ему сообщили, что Антуанетта Лардилье отказалась отвечать — а ведь она не могла не встретить убийцу,— отказалась назвать его имя и предпочла тюремное заключение.

Кого же девушка хотела спасти? Скорее всего, отца... Но может быть, будущего жениха... иначе говоря, капитана «Мартиника»?

Оставалось одно: ждать... Тут неподалеку от Маленького доктора, который едва успел скрыться, произошла забавная сценка. Беглец увидел переводчика, с которым толковал утром,— тот сидел на веранде маленького бистро. Негр уставился на него, застыв на краю тротуара. Переводчик знаками подозвал его.

О чем они могли говорить? Угадать можно было лишь по их жестам, по мимике.

«Они тебя освободили?» — спросил переводчик.

«Не знаю... Сказали: «Убирайся».

«Присаживайся... Деньги-то у тебя хоть есть?»

Денег у него не было...

«Ты позволил белому завезти тебя во Францию, не потребовав денег? Как же теперь быть?..»

Обо всем этом Маленький доктор только догадывался, тем более что уже смеркалось и издали он не мог разглядеть выражение лиц у собеседников.

И вдруг он вздрогнул. Он заметил на другой стороне улицы капитана «Мартиника», который переоделся в сине-зеленый мундир. Держался он непринужденно и, покуривая сигарету, поглядывал в сторону бистро.

Доктор юркнул в автомобиль, стоявший рядом, и укрылся от любопытных взоров.

Оба негра теперь сидели рядом за круглым столиком и, очевидно, о чем-то спорили, так как жестикулировали еще яростнее.

А сыщики, стоя на набережной, тем временем любовались афишей, объявляющей об открытии международной ярмарки.

— Подойдет... не подойдет... подойдет... нет...

Игра в кошки-мышки. Конечно, логически рассуждая, удастся...

Подойдет!..

Так и есть. Капитан явно собирался перейти улицу и подойти к неграм.

Но вдруг он раздумал... И Маленький доктор, посмотрев на веранду, заметил невысокого приземистого человека, входившего в бистро.

То был Эрик Лардилье. Хозяин бистро, очевидно по его приказу, сразу же отправился за обоими неграми, ибо Лардилье безусловно решил избежать объяснений на веранде.

— Ну как, капитан?

Он с изумлением посмотрел на Маленького доктора. И сразу оживился:

— Вы об этом думали?

— О чем?

— О тайнике! Из-за вашей настойчивости я потерял покой и весь день повторяю: «Если б мне надо было спрятать документ, куда бы я его дел...» Наконец мне пришла в голову одна мысль. Пришла только что, когда я читал газету...

— В которой сообщалось, что негр освобожден?

— Да... Так вот, если б мне надо было спрятать документ, а меня сопровождал негр, я бы...

И тут Жан Доллан, бросив его на середине улицы, рванулся в бистро, знаком приказав сыщикам следовать за ним.

За столом при свете тусклой лампы сидел в компании двух негров господин Лардилье и пытался что-то им втолковать. Он хотел было вскочить, увидя, что дверь открылась. Слишком поздно!

— Добрый вечер, мосье Лардилье... Установлено, что кое у кого из нас возникла одна и та же мысль.

— Но... я...

— Войдите, господа. Вы узнаете мосье Лардилье, не так ли? У него возникла гениальная мысль... Он хочет спасти свою дочь, и это понятно... Он думал...

Вошел и капитан. Хозяин недоумевал, не понимая, что произошло. Оба негра собрались улизнуть, но Маленький доктор громко окликнул переводчика.

— Спроси-ка, куда его хозяин спрятал бумагу...

Переводчику будто зажали рот, он не находил слов, а негр все порывался сбежать.

— Обыщите его... карманы не обыскивайте — не стоит трудиться... проверили при аресте... Прощупайте подкладку пиджака, прокладку на плечах, отвороты брюк...

Он схватил Лардилье за руку.

— Я так и думал, что вы наведете меня на правильную мысль. Поскольку на борту парохода был явно спрятан документ и... Ну как? — спросил он сыщиков.

Пиджак, разодранный по швам, уже валялся на стуле.

— Снимите с него брюки...

Стесняться было нечего: в бистро собрались одни мужчины. И неожиданно оказалось, что негр носит кальсоны.

— Ничего?

— Подождите-ка. Да тут бумага...

— Внимание... Один из вас пусть встанет у дверей. Дайте-ка бумагу...

Он сам чуть не убежал от страха — боялся, что его ждет жестокое разочарование.

— Здесь есть телефон? Нет? Тогда лучше прочитать этот документ вслух: если он будет уничтожен, останутся свидетели... Подойдите, хозяин.

Чернила были размыты, бумага еще не просохла после ночного купанья негра.

Тому, кто найдет это письмо...

Немедленно доставьте его властям, но не здесь, в Габоне, а во Франции...

Это последняя воля умирающего. Через час, а может быть и скорее, я буду мертв... Я один с четырьмя бестолковыми неграми в хижине в глубине леса, в пятистах километрах от населенного пункта...

Никто не может меня спасти... У меня нет лекарства... Итак, конец...

Фамилия моя Бонтан... Роже Бонтан, я компаньон Эрика Лардилье. Когда он прибыл во Францию, он вынудил меня поместить все деньги в дело, которое затеял в Габоне.

Меня бьет озноб... Нужно торопиться и сказать главное.

Мы оба заработали много денег: он — в Африке, я — во Франции, где я был управляющим...

Зачем я послушался его, когда он попросил меня приехать и дать отчет о положении дел в наших конторах? И особенно когда он предложил мне побывать на лесоразработках?..

Поездка была рассчитана на сорок дней... Сейчас прошло две недели. Он снабдил меня облатками хины. Первая, что я принял, не содержала хины. Это был стрихнин.

Я проверил остальные... Еще шесть содержали яд.

Во всяком случае, я приговорен. Потому что Лардилье пожелал стать владельцем дела, которое...

Холодно... обливаюсь холодным потом... Осудите его — вот моя последняя воля...

— Капитан, будьте любезны сходить за автомобилем. Я не доверяю этому господину.

— Не угодно ли кусочек льда?

— Благодарю. Нет, виски тоже не надо... Признаюсь, капитан, ведь я вообще не пью... Пью, только когда

веду дознание, потому что тогда испытываешь необходимость подкрепиться. Полагаю, вы не нуждаетесь в объяснениях? На этот раз наш приятель Пополь мог не утруждать себя — нечего было заготовлять красное и черное дерево, чтобы разбогатеть... Письмо, найденное в хижине, затерянной в чаще леса, его бы обогатило. Он понял, что стал обладателем целого состояния и что бумажонка стоит всех ценных бумаг, которые пускает в обращение французский банк.

— Грубо говоря, шантаж...

— Шантаж и опасность, ибо человек, убивший другого человека из-за денег, колебаться не станет... Ну, а, так сказать, тайник — это негр! Вот почему Пополь с ним и не расставался. Вот почему, увидя, что негра нет в баре, он вне себя поспешил вниз... И получил пулю в спину... Бедный банту не видел убийцу... И убежал через иллюминатор, обезумев от ужаса... Ну, а Антуанетта, подозревавшая своего отца...

— Вы думаете, она была его соучастницей?

— Очевидно, она не знала, что он задумал. Но отец уговаривал ее быть полюбезней с Керолем. Это было для него средством узнать...

— Признаюсь, я верю в ее порядочность...

— Я тоже... Вот почему, заметив, что Пополь так встревожен, она пошла за ним... Должно быть, она увидела отца... не могла его не увидеть... Он держал револьвер в перчатках... А она, еще не заметив трупа, вырвала оружие из рук отца...

Чем же Лардилье рисковал, оставляя ее на подозрении? Ее не могли осудить, основываясь на одних догадках... В худшем случае убийство сошло бы за убийство из ревности, а Пополя выставили бы гнусным обольстителем... Лардилье тем временем нашел бы способ овладеть пресловутым письмом... Вот почему я ему столько наговорил о бумажнике из крокодиловой кожи... Но я не был уверен, что он убийца. Поэтому так много наболтал и представителям прессы. Тот, кто убил Пополя, чтобы завладеть документом, должен был непременно вернуться в каюту или разыскать негра, чтобы...

— Не желаете ли сигару?

— Благодарю, с утра я выкурил столько сигар, что они мне опротивели. Что касается расследования...

— Вы его вели мастерски и...

— Простите. Я добился результатов, противоположных тем, каких добивались вы: я не пощадил мосье Лардилье, видного клиента компании. Вот так-то!

— Компания просила вручить вам...

— Что?

— Право же, мы столько говорили о бумажнике из крокодиловой кожи... Вот мы его и выбрали...

Капитан «Мартиника» умолчал, что в бумажнике было несколько ассигнаций французского банка — ассигнаций, которые люди вроде Пополя называют «крупными купюрами».

ПРИВИДЕНИЕ НА ВИЛЛЕ МОСЬЕ МАРБА

Глава первая,

В КОТОРОЙ ИДЕТ РЕЧЬ О СТАРОМ ЧУДАКЕ, УТВЕРЖДАЮЩЕМ, ЧТО ОН НЕ ВЕРИТ В ПРИВИДЕНИЯ, И В КОТОРОЙ МАЛЕНЬКИЙ ДОКТОР БЛИЗОК К ТОМУ, ЧТОБЫ ВОЗОМНИТЬ СЕБЯ СЫЩИКОМ-ПРОФЕССИОНАЛОМ

Это случалось редко, но все-таки случалось — ни одного вызова за ночь. Ни одного экстренного больного! И вот в восемь часов утра Маленький доктор преспокойно сидел в постели; на коленях он держал поднос с завтраком, а рядом лежали только что доставленные почтальоном письма.

Он блаженствовал!

Однако не успел он допить чашку кофе с молоком, как затрезвонил дверной колокольчик — сколько раз доктор говорил себе, что надо непременно заменить его звонком потише, но все забывал,— в коридоре послышались приглушенные голоса и, наконец, неприятнейший звук — открылась и закрылась дверь в приемную.

Так и есть: больной! И, видно, что-то срочное, раз Анна не уговорила его подождать утреннего приема, в девять.

Маленький доктор поспешил распечатать последний, лежавший на одеяле конверт и углубился в чтение. Почти тут же появилась Анна.

— Что там такое?

— Папаша Каню...

— Опять нализался и упал с велосипеда?

— У него весь нос раздуло...

— Пусть смажет йодом... Надоел он мне — заладил каждую неделю падать с велосипеда и беспокоить меня из-за каких-то царапин... Скажите-ка, Анна...

— Чего вам?

— Как вы думаете, что у меня в руке?

— Почем я знаю! Какая-то бумажка...

— Ну-ка, посмотрите...

«Предъявителю выплатить...» — с трудом разбирала по складам Анна.

— Вы что, еще не поняли? Это же чек!.. А теперь прочтите, на какую сумму: пять тысяч... пять тысяч франков, разумеется. А если вы желаете знать, что думают люди о некоторых моих талантах, которые вы ни в грош не ставите, прочтите это письмо, пока я принимаю душ...

— А папаша Каню?

— Пусть посидит. Ничего с ним не случится... А когда прочтете, надо будет уложить чемодан: две смены белья, костюм...

— И позвонить доктору Магне, чтобы он принимал ваших больных... Если так и дальше пойдет, лучше уж ему совсем перебраться сюда...

— Читайте, Анна! — потребовал он сквозь приотворенную дверь ванной.

И, стоя под душем, принялся напевать.

Милостивый государь!

Прошу извинить, что я, человек Вам вовсе не знакомый, обращаюсь к Вам и беспокою по делу, которое не имеет никакого касательства к Вашей профессии. Но, прочитав это письмо до конца, Вы поймете, почему я осмелился так поступить.

Вот уже несколько лет, как я поселился в Гольф Жуане, между Каннами и Жуан-ле-Пэном. На прошлой неделе я имел удовольствие встретить человека, которого знавал в колониях, где он служил по судебному ведомству; сейчас он прокурор в Невере, фамилия его Верделье.

Поскольку мы всегда были в наилучших отношениях, я рассказал ему о своих неприятностях и пожаловался на местную полицию, которая не оказала мне никакой помощи; и тут-то он назвал Вас.

По его словам, он недавно наблюдал Вас за работой в Невере, где Ваше содействие в проводимом следствии дало поразительные результаты.

Мой друг прокурор, правда, добавил, что Вы не профессиональный сыщик, а врач, имеющий собственную практику в Марсильи возле Ла-Рошели, и лишь удовольствия ради иногда интересуетесь каким-нибудь незаурядным делом.

Но я убежден, что мое дело Вас заинтересует, и поэтому осмеливаюсь просить Вас приехать сюда как можно скорее.

Не подумайте, что я душевнобольной. Не скрою, местные жители считают меня чудаком, но если у меня и есть странности, то они, по-моему, объясняются тем, что я провел большую часть жизни в самых отдаленных уголках земного шара и это не могло не повлиять на мой характер.

Вот уже несколько недель, как в построенной мною вилле происходят невероятные вещи.

Полиция побывала у меня, но ничего не смогла раскрыть. Мне кажется, она склоняется к тому, чтобы попросту считать меня психически ненормальным.

Но это не так. Мой друг, прокурор Верделье, человек спокойный и уравновешенный, в случае необходимости может подтвердить Вам это.

Дважды в неделю в моей вилле появляется какой-то неизвестный, переворачивает все вверх дном, и, однако, мне ни разу не удалось увидать его.

Как это объяснить — не знаю.

В привидения я не верю.

И все же...

На месте вы лучше поймете мои страхи, и потому я позволил себе приложить к письму небольшой чек на покрытие Ваших первых расходов.

Я на Вас рассчитываю. Мне говорили, что Вы любитель таких загадок. Поверьте, эта — одна из самых таинственных.

Телеграфируйте час прибытия. Я встречу на вокзале. В Гольф Жуане экспрессы не останавливаются, но я приеду за Вами на машине в Канны.

Заранее приношу Вам свою глубокую благодарность и прошу принять уверения в совершенном почтении.

Эварист Марб,
бывший чиновник в колониях.

— Ну что, Анна?

— Ничего, мосье...

— Когда я уезжал в Невер, вы корили меня за то, что я даром трачу время... На сей раз, кажется, мои таланты начинают приносить доход?

— Мало ли на свете сумасшедших! — презрительно отрезала Анна.— Так что же мне все-таки сказать папаше Каню?

— Пусть мажет нос йодом и подбавляет в вино побольше воды...

...Он чуть не изменил своей старенькой Жестине — малолитражке в пять лошадиных сил, но, узнав, что из Ла-Рошели на Лазурный Берег нет прямого поезда, все же двинулся в путь на своей стрекотушке.

На следующий день, в субботу, поспав часа четыре в Марселе, он около десяти был в Каннах и берегом моря, тихого и голубого, как таз с подсинькой, добрался наконец до крохотного порта Гольф Жуан.

Стоял ноябрь. Курортная публика разъехалась. Но солнце еще припекало.

— Скажите, пожалуйста, где тут вилла мосье Марба?

— Сразу за рестораном «Камбала», в саду...

Но прежде чем Маленький доктор доехал до ограды виллы, из ресторана выскочила довольно странная личность. Очень маленький, очень худенький старичок, казавшийся еще более тщедушным от того, что на нем болталась слишком просторная пижама. Под расстегнутой курткой виднелась густо заросшая седой шерстью загорелая грудь.

Он был в домашних туфлях на босу ногу, а голову его украшал сильно помятый и донельзя засаленный колониальный шлем.

— Эй... эй! — крикнул он вслед автомобилисту и припустился за ним вдогонку.

— Простите, если я ошибся... Вы, случайно, не доктор Жан Доллан? Мой друг прокурор говорил мне, что у вас презабавная малолитражка... Я как раз завтракал, когда...

— Мосье Марб? — спросил Маленький доктор, не любивший подобных намеков в адрес Жестины.

— Я самый... Очень рад, что вы приехали. Но вы не телеграфировали и вот застаете меня в утреннем туалете...

Мосье Марб страшно нервничал. Разговаривая, он беспрестанно дергался, гримасничал, щурил глаза, вытягивал губы, шевелил пальцами...

— Я, как встану, сразу иду перекусить чего-нибудь в «Камбалу», запросто, знаете, по-соседски... С хозяином Титэном мы приятели. Может, пропустим рюмочку черносмородинной под анчоусы? А потом пройдем ко мне, и я вам все расскажу...

Все это, по правде сказать, не слишком обнадежило Маленького доктора. Спору нет, он обнаружил в себе особый нюх на преступления. Дважды, когда полиция оказалась бессильна что-либо понять, он нашел разгадку. А в Невере, кроме одного просчета, собственными силами восстановил всю картину сложнейшего преступления.

Но сейчас ему платят деньги. И поскольку чек на пять тысяч пришелся весьма кстати, у него не было ни малейшей охоты его возвращать.

Однако как быть, если Анна права и мосье Марб сумасшедший или, мягко выражаясь, большой оригинал?

— Титэн! Разреши тебе представить: мой старый приятель...— Знак глазами Доллану.— Знаем друг друга сто лет... Вот, приехал погостить ко мне на несколько деньков. Поболтать... Как положено добрым друзьям...

Новый взгляд, говоривший:

«Видите! Я храню ваше инкогнито! Вовсе не к чему, чтоб вся округа знала, зачем вы сюда пожаловали...»

— Анчоусы, Титэн! И оливок! Да бутылочку черносмородинной похолодней...

Прямо рок какой-то! Стоило Маленькому доктору приступить к расследованию, как непременно по той или иной причине приходилось выпивать. А на сей раз вино оказалось особенно коварным: пьется как лимонад, зато через несколько минут ударяет в голову.

— Пойдемте... Сестра наверняка еще не встала, но это ничего не значит. Вот и поболтаем до завтрака. Не обращайте внимания на мой костюм. Я столько натерпелся от жары в колониях, что чувствую себя хорошо только в пижаме...

Дом точь-в-точь походил на своего владельца! Спустя час доктор уже изучил его вдоль и поперек. Это была вилла, каких множество на Лазурном Берегу,— мешанина самых разных стилей; тут можно найти и некое подобие минарета, и внутренний дворик с фонтаном, как в Северной Африке.

А удобств — никаких!

Правда, ванная комната имелась, но ванна была за-

бита шляпными картонками и всяким старьем, а колонка, видно, уже давным-давно не действовала.

В столовой — сырость. Обои отстали. Мебель до того разнокалиберная, что казалось, находишься в аукционном зале, а не в жилых комнатах.

— Когда-нибудь,— уверял Марб,— я все это приведу в порядок... здесь ведь у меня настоящий музей! Тут собраны вещи, вывезенные со всех концов света. Службу я начал на Мадагаскаре... В холле на втором этаже вы, вероятно, обратили внимание на туземное оружие. Потом Индокитай... Видели мои малайские кинжалы с узором? Там есть редчайшие экземпляры. Ну конечно, коечто из Северной Америки, как у всех... Затем Гебриды и Таити...

При виде этого хлама, до того загромоздившего комнаты, что трудно было пройти, становилось понятно, почему мосье Марб предпочитает столоваться в соседнем бистро...

— Все это мне очень дорого как память. После моей смерти коллекция перейдет по завещанию колониальному музею.

На чердаке среди всевозможных туземных сувениров Маленький доктор заметил детские игрушки.

— Вы были женаты? — спросил он, закуривая, чтобы отогнать запах всей этой рухляди...

— Тсс... На Таити... На дочери вождя округа... Она умерла, но я привез сына. Сейчас он учитель плавания в Ницце. Я еще не рассказал, почему вас вызвал... Пройдемте сюда, чтоб нас не услышали,— я не доверяю даже Элоизе...

— Элоизе?

— Моей сестре... Она живет со мной. Она вдова, бездетная... Когда я путешествовал, Элоиза жила с мужем,— он был начальником станции в Сансере. Сейчас сестра перебралась сюда. Она слабого здоровья... Пройдемте ко мне в кабинет.

Кабинет был заставлен всякой всячиной, даже больше, чем остальные комнаты.

— Представьте, что четыре года назад...

Быть может, потому, что доктору платили впервые, он решил взять нахальством и разыграть из себя настоящего сыщика.

С апломбом, который придала ему выпитая черносмородинная, он перебил:

— Если позволите, сначала я задам вам несколько вопросов...

Записной книжки у него никогда не водилось, если не считать блокнота для рецептов. Его-то Маленький доктор и извлек из кармана с уверенным видом поседевшего на службе полицейского комиссара.

— Когда вы вышли в отставку?

— Шесть лет назад... Я вам объясню...

— Позвольте! После вы мне дадите какие угодно объяснения. Итак, вы вышли в отставку шесть лет назад (он записал в блокноте: «шесть лет») и сразу обосновались здесь?..

— Простите! Я этого не говорил. Когда я вернулся с Таити шесть лет назад, я еще не знал, где поселюсь. Сначала я поехал к сестре,— у нее был свой домик в Сансере...

— И сколько вы там прожили?

— Два года. Я не знал, какой климат мне лучше подойдет. Я успел отвыкнуть от Европы...

В блокноте появилась запись:

«Сансер: два года».

— Затем?

— Я купил этот участок довольно-таки дешево...

— Сколько?

Двадцать две тысячи франков... Земля стоила тогда дешевле, чем теперь. Мне просто повезло...

— И вы построили?

— Скромную виллу для сестры и себя.

— У вашей сестры было какое-то состояние?

— Она получает пенсию за мужа — тысячу восемьсот франков в месяц.

— А вы?

— Три тысячи пять. Я был чиновником первого класса. Перехожу к фактам...

— Давайте!

— Вот уже три месяца...

— А до этих последних трех месяцев?

— Ничего... Мы преспокойно тут жили с сестрой. Каждое утро к нам приходит убирать женщина... Обеды и ужины мы берем на дом от Титэна — ведь мы же доб-

рые соседи... Я тут завел знакомства, играю в белот... Гуляю...

— А ваша сестра?

— Спит... Шьет... Вышивает... Сидит в саду...

— Так! Ну, и что же эти три месяца?

— Дважды в неделю, по ночам, я слышу, как в доме кто-то ходит.

— И вы ни разу никого не видели?

— Я пытался. Вставал. Выскакивал с электрическим фонариком, но все впустую. Если б я один слышал шаги...

— Ваша сестра... Напомните мне ее имя!

— Элоиза... Несколько старомодное, но...

— Она тоже слышала?

— Как и я. Особенно на чердаке... К тому же утром видишь, что вещи в беспорядке, разбросаны где попало...

— Кроме вас с сестрой, никто не живет на вилле?

— Никто!

— И двери каждый вечер запираются?

— Не только двери, но и жалюзи. Об этом-то как раз я и говорил своему другу прокурору. Знаете, доктор Доллан... Я человек не суеверный, но меня начинает одолевать страх. Где только я не жил!.. Я знаком с верованиями туземцев всех пяти частей света... Мне приходилось заниматься делами по обвинению в колдовстве, в частности в Габоне... Так что вы сами понимаете, меня не легко напугать... Стаканчик чего-нибудь? Нет? Да вы не стесняйтесь!.. Так вот... Меня не легко напугать. Я всегда смеялся над англичанами с их привидениями. И все же есть одно обстоятельство, с которым вас надо познакомить, раз мы хотим раскрыть истину...

«Торопишься, брат!» — подумал Маленький доктор.

— Когда я управлял округом на Таити, я построил дом на земле, почитаемой туземцами священной. Там даже сохранился камень, на котором прежде приносились человеческие жертвы. Я смеялся над их верованиями, как смеялся над верованиями африканских негров или негров с Соломоновых островов... «Вот увидишь, говорили они мне (там они всех тыкают), ту-папау отомстят...» Так они, доктор, называют своих демонов.

— Ну и что ж, ту-папау доставили вам неприятности? — бесстрастно спросил доктор.

— Там нет... Но вот уже три месяца... Не смейтесь надо мной... Я ничего не утверждаю. Еще раз говорю: я вовсе не суеверен. Я скорее готов признать, что явления эти, из-за которых я вынужден был пригласить вас, вызваны естественными причинами... И все же, когда я ночью слышу эти шаги и шум, то не могу не вспомнить угрозы туземцев. Ну кому может понадобиться разгуливать в три часа ночи в такой вот вилле? Ни разу ничего не исчезало! Значит, это не вор! И это не убийца,— ведь ему ничего не стоило нас убить, сестру или меня. Что можно искать столько недель в доме какого-то несчастного пенсионера?..

— Простите! — перебил его Доллан.— Вы упоминали о местной полиции. Она была у вас?

— С неделю несколько агентов сторожили дом...

— Ну и что?

— Ничего! Ночной гость не явился. И в итоге они меня же сочли сумасшедшим. Но я вижу, сестра встала и ждет нас. Она знает, зачем вы здесь... Только прошу вас, не волнуйте ее понапрасну. Она убеждена, что это действительно ту-папау являются сюда меня мучить и...

Женщина лет за пятьдесят, тучная, флегматичная, даже более чем флегматичная — отупевшая от жаркого южного солнца.

— Простите, я плохая хозяйка, доктор, но здесь всегда такая жара! Вы не откажетесь от аперитива?.. Ну конечно, я подала его на террасу — там тень от смоковницы.

Он понял, почему она была такая осовелая. Подливая им аперитив, она не обносила и себя.

— Да что вы! Это еще никогда никому не повредило... Когда сидишь без дела...

Размышляя, Маленький доктор весь сжался в комок, весь напрягся, а тут еще надо было бороться с расслабляющим действием южного солнца.

— А ваш сын, мосье Марб... Вы его часто видите?

— Он приезжает время от времени, когда ему нужны деньги. Только не составьте себе превратного представления о нем. Таитяне такие же люди, как и мы. У его матери кожа была не темнее, чем у моей сестры. Его и не отличишь от здешних жителей, разве что он намного красивее.

— А когда вы жили в Сансере у сестры, ваш сын...

— Он учился в лицее в Каннах.

— Еще один вопрос. Что ж, привидение это, если его можно так назвать, выбирает для своих визитов какие-то определенные, излюбленные дни?..

— Как вам сказать... Вначале я этого не замечал. Вы знаете, когда выйдешь в отставку, живешь, не думая о числах и днях недели. Но потом я все-таки обратил на это внимание,— оно является по средам и субботам...

— Всегда?

— Кажется... А ты заметила это, Элоиза?

— И мне так кажется... Неужели привидения знают числа!..

— Какой сегодня день?

— Суббота.

— Значит, у нас есть шанс, что оно появится сегодня! Надеюсь, мосье Марб, вы никому не говорили о моем приезде?

— Никому!

— Даже сыну?

— Уж недели две, как я его не видел. Вы слышали, что я сказал Титэну. Я представил вас как своего старого друга. Вы меня простите, но поневоле напрашивается мысль, что, если привидение, как вы выразились, не явилось, когда тут была полиция, значит, его кто-то предупредил. Полиция здесь, на Юге, особенно болтлива...

Но тут мосье Марб перебил сам себя:

— Как вы смотрите на то, чтобы подкрепиться хорошим буйабесом у Титэна?

— Не откажусь...

— Вы вооружены?

— Это чтоб идти к Титэну? — простодушно заметил Маленький доктор.

— Нет! На сегодняшнюю ночь... Надо полагать, мы будем дежурить, чтобы поймать мое... наше... Словом, неизвестного, который...

— Вы ручаетесь, что у вас ни разу ничего не украли?

— Ручаюсь!

— Вы бы это заметили, несмотря на беспорядок в доме?

— Я заметил бы, если б у меня пропала хоть одна

негритянская стрела. Вы говорите — беспорядок, но это только так кажется, на самом деле я знаю, где лежит каждая мелочь...

— Вы никогда не получали писем с угрозами?

— Никогда...

На какую-то долю секунды он заколебался. Но, может быть, это только так показалось доктору.

— Итак, подытоживаем то, что вы сказали: у вас все было вполне благополучно — и у вашей сестры, и у вас. Четыре года вы спокойно жили на вашей вилле. Врагов у вас нет. Вы играли в белот. Ваш сын, уроженец Таити, давал уроки плавания в Ницце...

— Только этот год! — вмешался мосье Марб.

— Хорошо. И вот последние три месяца какой-то субъект или духи дважды в неделю по ночам переворачивают у вас в доме все вверх дном...

— Совершенно верно...

— Субъект — предположим, что это субъект,— ничего не унес. И ни разу ему не пришло в голову покуситься на вашу жизнь или на жизнь вашей сестры... Вы подозреваете, каким путем он проникает в дом?

— Через дверь.

— Простите?

— Я сказал, через дверь. А как же иначе? Либо у него есть ключ, либо он способен проходить сквозь стены. Во всяком случае, вот уже три месяца мы спим с закрытыми жалюзи.

— А что, если нам и вправду подкрепиться буйабесом? — вздохнул Маленький доктор.

Эх, зачем он ввязался в эту историю! И все только чтобы утереть нос Анне! А что, если мосье Марб в самом деле сумасшедший? Что, если...

И вдруг блеснула мысль: может, неверский прокурор, обозленный его вмешательством, нарочно назвал его имя мосье Марбу, чтобы превратить Маленького доктора во всеобщее посмешище?..

Однако были кое-какие данные, скудные, но зато довольно характерные, которые Жан Доллан мысленно отбирал, пока на террасе ресторана «Камбала» им подавали буйабес.

Мосье Марб уже шесть лет как в отставке.

Два года он провел у сестры.

Он купил участок и построил виллу.

— Скажите,— вдруг обратился Доллан к подававшему им буйабес Титэну,— сколько может стоить такая вот вилла?

И Титэн не колеблясь ответил:

— Четыреста пятьдесят тысяч. Верно, мосье Марб?.. Если бы он меня послушался, то сэкономил бы тысяч тридцать. Но что сделано, то сделано... Подбавить бульону, господин доктор? Кусочек окунька? Картошечку? Обязательно! Как раз картофель впитывает шафран, и это-то и придает вкус... А что бы вы скушали на второе, мосье Марб? Три порции свежайшей камбалы с укропчиком?..

Маленький доктор, помня о чеке на пять тысяч франков, по пути завезенном в банк, чувствовал себя не блестяще. А потом, это солнце, и это вино, беспрестанно подливаемое в стакан, и этот вкуснейший буйабес, от которого ужасно хотелось пить!

Глава вторая,

В КОТОРОЙ ИДЕТ РЕЧЬ О СТРЕЛЬБЕ ПО БУТЫЛКАМ В ПОДВАЛЕ И О ТОМ, КАК УРОЖЕНЕЦ ТАИТИ, МАРБ-МЛАДШИЙ, ВЫКАЗЫВАЕТ НЕОЖИДАННУЮ ЛЮБОВЬ К ДЕТЯМ

— Как вы смотрите, доктор, на то, чтобы прилечь на часок? На Юге это почти закон, а тем более после буйабеса Титэна и старого арманьяка, который он сейчас нам подаст. Ведь вы, наверно, почти всю прошлую ночь провели в дороге? А нынешнюю (он подмигнул), весьма вероятно (он опять подмигнул), вам тоже не удастся выспаться... Ты бы пошла приготовила нашему гостю комнату, Элоиза...

— А я уже приготовила,— ответила та, вовсе не желая упустить арманьяк.

Маленького доктора сильно клонило ко сну, но все же от него не ускользнуло, что мосье Марб недоволен. Возможно, он хотел услать сестру и что-то сообщить ему о ней.

Десять минут спустя Жан Доллан уже расположился в комнате, вся уборка которой, видимо, ограничилась тем, что гора хлама, загромождавшая кровать, перекочевала в угол. В окна било полуденное солнце, и жалюзи были закрыты, но сквозь щели между планками доктор увидел своего хозяина — тот, должно быть, тоже решил вздремнуть и устраивался в тени большой смоковницы в саду.

Теперь мосье Марб был в белом чесучовом костюме, застегнутом на все пуговицы; он, как видно, надел свой старый мундир колониального чиновника.

Мосье Марб расстегнул ворот, приладил к шлему носовой платок и растянулся в шезлонге.

Едва Доллан снял пиджак и полуботинки, как в дверь постучали, и в комнату, приложив палец к губам, вошла Элоиза.

— Тсс!.. Он уснул... Я хотела поговорить с вами, пока его нет. Что вы обо всем этом думаете, доктор?

— Что вы имеете в виду?

Она покрутила пальцем у лба, что во всех странах мира означает одно и то же: у человека, мол, не все дома.

— Вы, как врач, не считаете?..

— Почему вы так решили?

— Знаете, как большинство колониальных чиновников, мой брат был всегда чудаковат... Когда он насовсем вернулся во Францию, я, хоть и вдова, поначалу даже сомневалась, вести ли с ним общее хозяйство... Первые два года он еще был ничего, сидел себе в нашем домике в Сансере и разбирал и переписывал все это барахло, которое навез с разных концов света... Ну скажите сами: какой разумный человек станет забивать дом такой пакостью — ведь кто его знает, может, к вещам прикасались прокаженные...

Доллан бросил взгляд сквозь щели жалюзи: мосье Марб как будто спал.

— И вдруг он заговорил о том, что хочет переехать на Юг и построить виллу. Я и не представляла себе, что он богат. Я спросила: «А на какие шиши?» — «Не твое дело»,— говорит. «Ты столько накопил?» — «Я не обязан ни перед кем отчитываться...» И с тех пор, прямо скажу, пошло все хуже и хуже. Скрытный стал, как старуха. Когда уезжает, лучше не спрашивай куда. А открывает

почтовый ящик, будто все чего-то боится. Боязливый он очень, доктор... А вам признаться не смеет. Да вот... Он вам говорил, что, как услышит ночью шум, встает и обыскивает весь дом. Так неправда это все! Может, он и слышит шум, хотя сама я никогда хорошенько ничего не слыхала. Правда, сплю я крепко... А вот что он будто бы выходит из спальни — уж извините! — ничего подобного. Наверняка стоит за дверью, слушает, а у самого поджилки трясутся. И только наутро, уж когда совсем светло, брат начинает рыскать по всему дому, проверять, не пропало ли чего... И больше всего знаете что меня пугает? У себя в спальне он всегда теперь держит три заряженных револьвера. И чем, вы думаете, он занимается после обеда? Спустится один в подвал с карманным фонариком, осветит приставленные к стене пустые бутылки и стреляет... Сами посудите, что это за развлечение для человека в его возрасте? Поневоле подумаешь...

Она не поняла, почему на губах доктора Доллана вдруг появилась легкая усмешка. Дело в том, что сквозь щель в жалюзи он заметил, что кресло мосье Марба опустело, и догадался, что тот потихоньку поднялся по лестнице, какое-то мгновение прислушивался у двери, а затем...

Дверь и в самом деле распахнулась. Пойманная на месте преступления, Элоиза вздрогнула.

— Ты что тут делаешь?

— Я пришла узнать, не нужно ли чего доктору. Правда, доктор?

— Ступай...

Жаль, что доктора разморило от сытного завтрака и обильных возлияний, а то бы он лучше оценил неожиданность этой сцены и своеобразие обитателей виллы.

— Что она вам тут наплела? Я не решился вас предупредить или, вернее, только намекнул... После смерти мужа сестра пристрастилась к спиртному...

— А что, если мы в самом деле немножко отдохнем, мосье Марб, как вы любезно предложили?

— Ухожу, ухожу. Бога ради, простите... Когда я почувствовал, что сестры нет внизу... У меня острый слух, недаром я провел столько лет с туземцами, а они ступают совершенно бесшумно.

Он нехотя ушел, а Маленький доктор даже и не пытался уснуть. Больше того, боясь поддаться сонливости, он поборол искушение растянуться на кровати и остался сидеть в неудобной позе на стуле.

«Допустим, что мосье Марб не сумасшедший и говорит правду...»

Он прибег к тому же методу, который оказался столь успешным в предыдущих делах. Прежде всего надо найти твердую основу, опереться на какую-то бесспорную истину.

И эта истина сводилась примерно к следующему:

Неизвестный что-то ищет на вилле в Гольф Жуане.

Это «что-то» трудно найти, поскольку в течение трех месяцев неизвестный регулярно, дважды в неделю, посещает виллу, ищет и не находит.

И, наконец, до этого времени неизвестный ни разу не пытался завладеть этой вещью.

Одно из трех:

1-е: либо три месяца назад этой вещи еще не было на вилле.

2-е: либо неизвестный не знал, что вещь находится здесь.

3-е: либо неизвестный не мог тогда прийти за ней.

И почему он является только два раза в неделю? И всегда по средам и субботам?

Ведь вилла по другим дням охраняется не лучше. Трудности или преимущества одни и те же.

Значит, неизвестный свободен только по средам и субботам.

Наконец, его каким-то образом предупредили, что на вилле целую неделю сидела в засаде полиция — вот поэтому-то он и не являлся.

Продолжим: сумасшедший ли мосье Марб или он в здравом рассудке? Не будучи психиатром, Маленький доктор когда-то, в пору студенческой практики, изучал душевные болезни.

«Нервный, несомненно. Производит впечатление человека, которого преследует навязчивая идея, точнее говоря, человека, до смерти напуганного. И это не безот-

четный страх! А страх перед чем-то совершенно определенным».

Это видно хотя бы из того, что, когда ночью в доме слышался шум, мосье Марб — если верить Элоизе, а у нее нет причин лгать,— не смел выйти из своей спальни.

Знает ли он, кто с такой настойчивостью роется в его вещах?

И если знает, то знает ли, что ищет этот человек?

Зачем бы ему упражняться в стрельбе из револьвера, да еще в темноте, если он не решил когда-нибудь ночью пустить оружие в ход?

И, наконец, главный вопрос: если мосье Марб все это знал, почему он обратился к Маленькому доктору, о способностях которого слышал лишь стороной, и почему, не удостоверившись даже в его согласии, послал ему чек на довольно крупную сумму?

«Сегодня вечером ни под каким видом нельзя пить,— дал себе слово Жан Доллан.—Потому что сегодня ночью непременно что-то произойдет. Либо я узнаю все сегодня ночью, либо никогда не узнаю...»

В тот же миг он вздрогнул. Он думал, что до ночи может не беспокоиться, но события развивались быстрее, чем он предполагал.

Сначала в саду, затем на террасе послышались голоса — голоса двух спорящих мужчин.

Он приоткрыл окно, надеясь, что будет лучше слышно, но до него долетал лишь невнятный говор.

Была не была! Маленький доктор обулся, надел пиджак. Он же не обычный гость и вправе быть нескромным; если на то пошло, это даже его прямая обязанность.

Он спустился вниз, притворяясь, что после обеда хорошо вздремнул и не совсем еще очнулся... В столовой Элоиза наводила порядок, если вообще мыслимо говорить о порядке в этом доме. Она шепнула ему:

— Сын к нему приехал.

Маленький доктор закурил и, приняв непринужденный вид, вышел на террасу. Ему показалось, что мосье Марб, заметивший его первым, сделал сыну знак замолчать.

— Простите, если помешал, но...

— Что вы, доктор! Разрешите представить моего сына Клода. Я вам о нем рассказывал, не так ли? Посмотрите, какой он у меня рослый и красивый.

Гм!.. Рослый — это верно, сильный и гибкий. Брюнет. Смуглая гладкая кожа. Огромные глаза. Полные губы. И все-таки не хотелось бы доктору иметь такого сына. Отталкивали его крикливая элегантность и нагловатая манера держаться.

— Здравствуйте, мосье! — довольно сухо приветствовал Клод доктора.

— Доктор — мой давнишний приятель — приехал погостить у нас несколько дней.

И мосье Марб взглядом дал понять доктору, что сыну ничего не известно.

— Вы тоже служили в колониях? — подозрительно осведомился Клод.

Боясь, как бы доктор Доллан не сказал чего-нибудь лишнего, мосье Марб ответил за него.

— Нет. Я познакомился с доктором в Сансере. Когда я узнал, что он приехал на несколько дней в наши края...

— Послушайте, доктор!

А он невоспитан, этот юный Клод!

— Не знаю, давно ли вы знакомы с отцом, но могу вас уверить, он чистый маньяк...

— Клод! — перебил мосье Марб, которому явно было не по себе.

— А что? Не вижу причин что-то скрывать. То, о чем я тебя прошу, вполне естественно, все могут это знать, тем более старый приятель, как ты говоришь...

— Мой сын, мосье Доллан...

— Дай я скажу. И признайся, я не так уж часто тебе надоедаю. Если на то пошло, я зарабатываю себе на хлеб, и это в достаточной мере похвально...

— Клод!

— Вы, конечно, меня поняли, доктор. Я прочно стою на своих ногах... Разве что время от времени, когда уж очень прижмет, прошу у отца тысчонку-другую. Все молодые люди в моем возрасте так делают, да и почему он один должен пользоваться своим богатством... Сегодня я пришел к нему...

— Если тебе нужна тысяча франков...

— Ты же знаешь, что нет, папа... Так вот, доктор, рассудите нас... Если вы успели осмотреть дом, то видели, что он смахивает не то на барахолку, не то на музей. Тут есть все, что хотите,— и хлам, и неплохие вещицы. Отец такой человек, что не выбросит ничего, даже изношенный костюм; где-то у него хранится коробка со старыми пуговицами...

— Ты преувеличиваешь!

— Допустим. Тем не менее на чердаке наверху свалены все мои старые игрушки. В детстве меня баловали... Отец их сберег. Они, понятно, ничего не стоят... Так вот, сегодня... У меня есть друг, у него сынишка... Я обещал ему для мальчонки свои старые игрушки и пришел к отцу попросить...

Мосье Марб грустно улыбнулся.

— Вы поняли, доктор? Он находит вполне естественным забрать вещи, дорогие мне, как память о его детстве и о бедной моей жене...

— Да что ты слезу пускаешь! — накинулся на него молодой человек.— Так не дашь?

— Бери что хочешь...— покорно вздохнул старик.

— Я взял колымагу у приятеля... Я управлюсь в два счета.

И без малейшего угрызения совести Клод бросился в дом, слышно было, как он взбегал по лестнице.

— Он хороший мальчик! — снова вздохнул отец.— Хоть и сумасброд. Последнюю рубашку готов отдать. Обещал другу, и вот...

— Может, нам пойти взглянуть?

— На что?

— На игрушки, которые он собирается увезти.

— Если вам угодно.

Минуту спустя они уже были на бо́льшем из двух чердаков и застали там Клода роющимся в пыльном хламе. Мосье Марб и вправду был щедрым отцом. Вперемежку с туземными редкостями, вывезенными из колоний (тут оказалось даже чучело огромного крокодила!), стояли три деревянные лошадки, трехколесный велосипед, валялись оловянные солдатики.

— Ты все забираешь? — спросил отец, глядя в сторону.

Маленький доктор внутренне насторожился. Стран-

ное дело, он ощутил, что молодой человек на миг заколебался. Клод пытался заглянуть в глаза отца. Что происходит между этими двумя людьми? И почему старик еще упорнее глядит в угол?

— Да, все!

— Как хочешь...

Клод шаг за шагом обходил чердак. Он подбирал всякую мелочь: картонного паяца стоимостью в несколько су, целлулоидную флейту, продырявленный барабан, игрушечный пистолет.

И все же был недоволен. Он перешагивал через ящики, мешки, туземные щиты, груды стрел. Он что-то искал и все хмурился. Время от времени Клод бросал на отца подозрительный взгляд.

— Тебе все еще мало? — пытался шутить мосье Марб.— По-твоему, этих игрушек не хватит, чтобы позабавить сынишку твоего так называемого друга?

— Я искал...

Клод запнулся. Маленький доктор почувствовал, что сейчас будет сказано главное.

— Что ты искал?

— Трубу... Да ты вряд ли ее помнишь. Деревянная труба в синюю и красную полоску и с красным шелковым помпоном.

— Не помню.

— Странно!

— Почему?

— Мне казалось, что я ее видел.

— Ты считаешь, что сын твоего приятеля не может обойтись без...

— Да не в том дело. Я помню эту трубу, потому что это была моя любимая игрушка. Очень хотелось бы ее найти.

— Ищи!

Обращенный к доктору взгляд мосье Марба, казалось, говорил:

«Вот вам дети! Ты все им отдал! А в один прекрасный день они приходят и требуют, чуть ли не угрожают! Уносят дорогие как память вещи, чтобы отдать первому встречному. Им нет дела, что у отца сердце кровью обливается...»

И это действительно могло бы растрогать, если бы

Доллан не почувствовал за этим какой-то внутренней фальши. Будто вслух говорилось одно, а подразумевалось совсем другое. Да, несомненно, под видимостью комедии или даже фарса тут разыгрывается настоящая драма, но драма, к которой у него нет ключа.

— Нашел?

— Нет!

И молодой человек злобно уставился на отца.

— Может, ты хочешь обыскать весь дом?

Клод ничего не ответил. Но по нему видно было, что он готов ради какой-то грошовой деревянной трубы перевернуть вверх дном коллекцию, которую бывший чиновник в колониях кропотливо собирал всю свою жизнь.

Чуть ли не комическую нотку внесла в этот спектакль Элоиза. Когда она, отдуваясь после крутой лестницы, появилась на чердаке, Маленький доктор сразу же понял по ее глазам, что она как следует угостилась.

— Что вы тут делаете? — удивилась она.

— Да вот Клод забирает свои старые игрушки, чтобы отдать приятелю!

— И прекрасно!

— Все до единой.

— Пусть хоть все уносит из дому. По крайней мере можно будет прибраться... Что ты ищешь, Клод?

— Деревянную трубу...

— В красную и синюю полоску, с большим помпоном?

— Да.

— Так она в гардеробе у отца. Я ее на днях видела. Да еще удивилась, зачем это он прячет среди одежды и белья грошовую игрушку.

Мосье Марб не дрогнул. Только побелел. Капли пота проступили у него на лбу.

— Это правда? — впившись в него взглядом, спросил Клод.

— Раз твоя тетя говорит... Не знаю... Может, положил туда случайно... Надоели вы мне, наконец, с этими дурацкими игрушками, будто у меня нет других забот! — Он впервые сорвался. Его захлестнул гнев, вернее, бешенство.— Неужели надо было непременно выбрать время, когда у меня гостит приятель, чтобы морочить мне голову с этими игрушками? И я думаю, не лучше ли будет, если...

— Где гардероб, тетя? — хладнокровно осведомился молодой человек.

— У него в спальне.

Не обращая ни малейшего внимания на отца, Клод спустился вниз. За ним поплелся мосье Марб, следом — Маленький доктор, а Элоиза замыкала шествие.

— Я всегда удивлялась, к чему этой трубе...— бормотала она себе под нос.

Дверь в спальню была распахнута. Мосье Марб открыл гардероб.

— Ищи... Забирай ее, если найдешь...

И он горько усмехался, как человек, оскорбленный в своих лучших чувствах.

Клод уже слишком далеко зашел, чтобы отступать. Он рылся в костюмах и в стопках белья, шарил рукой за выстроенными в ряд ботинками и сандалиями.

И вот настала минута, когда вся эта сцена, казалось бы, достигла вершины комизма. Минута, когда Клод среди накаленной до предела атмосферы вдруг потряс над головой вещицей, совершенно ничтожной по сравнению с вызванными ею страстями,— деревянной трубой, какие продаются на ярмарках, и притом так грубо размалеванной, что доктор чуть не прыснул со смеху.

Но он сдержался. Он бросил взгляд на хозяина дома и увидел, как из глаз мосье Марба скатились две слезы.

— В доме такой беспорядок...— лепетал старик упавшим голосом, отворачивая лицо.

Глава третья,

В КОТОРОЙ МАЛЕНЬКИЙ ДОКТОР УЖЕ НИЧЕГО НЕ ЖДЕТ ОТ НОЧНЫХ ВИЗИТОВ И В КОТОРОЙ ОБРАЩАЕТСЯ ЗА ПОМОЩЬЮ К ИНСПЕКТОРУ ТРУДА

— Не обращайте внимания на мое волнение, доктор. Если б вы были отцом, вы бы меня поняли. Заметьте, я на него не сержусь.

Они стояли на террасе. Клод торопливо сваливал игрушки в машину.

— Сегодня вечером мы будем оба сторожить и...

— Если я вернусь,— поправил Жан Доллан.

— Как? Вы уезжаете?

— Мне надо съездить в Ниццу. Не беспокойтесь обо мне.

— Но если явится мой гость и...

Доллан чуть было не сказал: «Он не явится!», но удержался. Он уже знал по опыту, что никогда не следует выказывать излишнюю уверенность.

Погрузив все в машину, Клод подошел к ним.

— Надеюсь, папа, ты на меня не сердишься. Я ведь пообещал... Прости меня, если я тебя расстроил. Но признайся, игрушки эти здесь вовсе ни к чему, им скорее место там, где ребенок...

— Да, да,— кивнул старик.

— До скорого... Прощайте, доктор. Развлекайтесь тут у папы. До свидания, тетя.

Быть может, ему стало неловко за свою настойчивость? Он был любезнее, чем полчаса назад, словно скинул с себя какую-то заботу.

— Ну улыбнись! И забудем про все это!

Улыбка у мосье Марба, несмотря на все его старания, получилась кислая.

— Я исчезаю. Меня ждут друзья.

— Я тоже исчезаю... Не беспокойтесь обо мне, мосье Марб.

— Но...

Слишком поздно. Не успел автомобиль Клода проехать метров двести по прибрежной дороге в сторону Жуан-ле-Пэна, как Маленький доктор вскочил в свою Жестину и завел оглушительно стреляющий мотор.

Если б его в эту минуту спросили, почему он так торопится, не боясь показаться смешным, он несомненно ответил бы: «За трубой!»

И надо думать, что труба действительно имела немаловажное значение, поскольку, не доезжая до Антиба, Клод обернулся. Заметил ли он, что его преследуют? Так или иначе, он прибавил газу, но — увы! — заставить Жестину бежать быстрее было трудно. Потом, вместо того чтобы катить по шоссе в сторону Ниццы, Клод свер-

нул в первую улицу налево, затем повернул направо, развернулся под прямым углом, дал задний ход и въехал в узкий проулок, где едва могла пройти машина.

Когда несколько минут спустя Маленький доктор поравнялся с проулком, машины и след простыл. Жан Доллан не стал упорствовать. Несмотря на все зароки, ему пришлось зайти в кабачок позвонить. Он даже не знал, есть ли на вилле мосье Марба телефон, но, к счастью, телефон оказался.

— Алло! Это говорит доктор Доллан! Не будете ли вы так любезны дать мне адрес вашего сына в Ницце?.. Как вы сказали?.. Да нет! Не беспокойтесь... Да! Думаю, что буду... Как вы сказали?.. Гостиница «Альбион»? Спасибо.

— Нет, мосье. Мосье Клод еще не возвращался. Он редко приходит домой раньше двенадцати, а то и позже.

— Благодарю вас.—Маленький доктор повесил трубку.

Его трясло от лихорадки, той знакомой уже теперь доктору лихорадки, которая охватывала его всякий раз, когда в ходе расследования его, наконец, осеняла мысль... Мысль нелепая... Мысль, которую он прослеживал с тем большим упорством, чем невероятнее она казалась...

— Послушайте, гарсон!.. Работники каких профессий свободны вечером только по средам и субботам?

— Как вы сказали?

— Я спрашиваю, в какой профессии люди свободны только...

— Право, не сумею вам сказать. Раньше были определенные выходные дни. У парикмахеров, колбасников, мясников, у каждого был свой день. А сейчас, с этим новым трудовым законодательством, запутаешься. Работают чаще всего по скользящему графику. А у нас в Ницце, с нашими казино, сам черт себе ногу сломит...

А надо было действовать быстро. Надо было найти решение сейчас, сию минуту.

— Гарсон!

— Что желаете? — подозрительно отозвался тот.

— А кто контролирует этот скользящий график или как вы его назвали?..

— Инспектор труда, а кто же еще!

— Благодарю!

И через десять минут Маленький доктор уже сидел перед этим чиновником, слушавшим его с нескрываемым изумлением.

— Поймите меня правильно, господин инспектор. Вопрос очень щекотливый. Лицо это свободно ночью только два раза в неделю, по средам и по субботам. Значит, есть основание предполагать, что все остальные ночи этот человек работает, во всяком случае допоздна... Я понятия не имею ни о ваших правилах, ни о разбивке по сменам, но мне говорили, что все это находится под вашим контролем. Люди каких профессий работают по ночам в краю, где нет ни фабрик, ни заводов?.. Крупье, официанты в казино, пекари... Ну кто еще?..

— Ночные смены существуют у газовой компании и на электростанции. Я не говорю о водопроводе и...

— Две ночи в неделю, инспектор! Вот из чего нам нужно исходить... Можно вас попросить заглянуть в ваши списки?

Как и всегда в такие минуты, Маленький доктор весь напружинился. Вот тогда-то он становился похож на чертика-дергунчика, выскочившего из коробки.

— Две ночи...— бурчал себе под нос инспектор.— Вот что смущает. Одна — это было бы понятно... Постойте-ка! В некоторых заведениях ночная работа чередуется с дневной. Но тогда одну неделю работают в ночь, а другую в день. Разве что...

— Говорите же!

— Разве что в казино на набережной... Да и то это касается только барменов! Но вы навели меня на мысль. Они договариваются между собой, чтобы иметь по две ночи в неделю, и в эти дни готовят за другого утренний аперитив.

— Спасибо. Большое спасибо.

Он уже выскочил из комнаты, а инспектор еще долго думал, что за чудак к нему ворвался.

Что касается доктора, то он помчался в казино на набережную. Заплатил за вход. И бросился к бару первого игорного зала.

— Маленький коктейль...

— Мартини? Розовый?

— Можно розовый...

Потом второй, чтобы войти в доверие к бармену.

— Скажите... Вас здесь много?

— Барменов, что ли? Да с дюжину.

— Я ищу одного из ваших коллег, мы должны были с ним встретиться, да вот забыл, как его звать. Знаю только, что сегодня вечером он свободен. По средам и субботам он работает днем.

— Высокий такой, косой?

— Как его звать?

— Патрис.

— А живет он где?

— Не знаю. Могу спросить у старшего бармена. А то еще, может быть, Пьеро-с-островов...

— На всякий случай дайте и его адрес. А пока повторим...

Три коктейля! Но зато два адреса, из которых один был прямо-таки бесценным: Пьеро-с-островов жил в гостинице «Альбион» на маленькой улочке, выходившей на Променад-дез-англе.

— Мужчина средних лет?

— Да нет, постарше. Пьеро, пожалуй, все пятьдесят будет... Хотя он столько колесил по свету... Даже на тихоокеанских островах побывал. Потому его и прозвали Пьеро-с-островов. А потом и на другом острове, о котором он меньше любит вспоминать,— на Чертовом острове в Гвиане. Если это вы его ищете, так он около восьми бывает в итальянском ресторанчике на углу улицы...

Нет! Даже в знак признательности Маленький доктор не станет пить четвертый коктейль.

Глава четвертая,

ДОКАЗЫВАЮЩАЯ, ЧТО СЛЕПАЯ ФОРТУНА МОЖЕТ ПОДЧАС ОКАЗАТЬСЯ НЕМОЙ И ЭТО ОТНЮДЬ НЕ ВСЕХ УСТРАИВАЕТ

— Вы не скажете, мосье Клод Марб у себя?

Гостиница «Альбион» оказалась хоть и современной, но второразрядной гостиницей, постояльцами которой,

по-видимому, были служащие казино, платные танцоры, всякие девицы.

— Он прошел наверх полчаса назад. Понес какие-то свертки. Но я не знаю, может быть, он потом и вышел... Алло! Пятьдесят седьмой! Алло!.. Что вы сказали?.. Пятьдесят седьмой не отвечает... Спасибо!

Портье пробормотал сквозь зубы:

— Что-то я не видел, чтобы он выходил...

— А в каком номере живет Пьеро-с-островов?

— В тридцать втором. Желаете, я позвоню узнаю...

— Благодарю. Не беспокойтесь. Он меня ждет.

И Маленький доктор кинулся вверх по лестнице. Подходя к тридцать второму номеру, он услышал возбужденные голоса за дверью, но слов разобрать нельзя было, и он решил постучать.

Дверь осторожно приоткрылась, и незнакомый доктору человек, оглядев его, буркнул:

— Что вам?

В то же мгновение Доллан увидел темный на фоне окна силуэт второго человека — это был Клод. Тот его узнал и удивленно пробормотал:

— Пусть войдет.— Потом недоверчиво добавил: — А что вам тут надо?

Уф! Самое трудное позади. Он в номере. И раз эта парочка вместе, значит, он не ошибся. Но что он, в сущности, знает? Ничего или почти ничего!

Точнее говоря, он знает, что последние три месяца Пьеро-с-островов искал на вилле мосье Марба трубу и ее не нашел.

Он знает, что, отчаявшись, Пьеро обратился к Клоду Марбу и, вероятно, предложил ему крупную сумму, если тот добудет трубу.

Он знает, что труба эта была на Таити.

Мосье Марб жил на Таити.

Пьеро-с-островов жил на Таити, до того как...

Обычный номер с тесным туалетом. Игрушки в беспорядке валялись по углам, у одной из лошадок в пути отломалась голова. А труба... труба лежала на кровати.

— Я жду ваших объяснений,— не очень-то ласково процедил Пьеро.

— Вот... Пришел вас предупредить... Лучше не ходите сегодня ночью на виллу к мосье Марбу. Правда, вы,

вероятно, и не собирались, поскольку труба, наконец, в ваших руках...

Пьеро впился в него своими маленькими глазками.

— Слышь, Клод! — злобно пробурчал он.— Это ты навел на меня этого субчика?

— Клянусь, я от него отвязался в Антибе. Не понимаю, откуда он мог...

— Сейчас я вам все объясню, ребятки,— лихо блефовал доктор.— Злитесь небось? В трубе не оказалось того, на что вы рассчитывали?

— Уж не из полиции ли вы случайно?

— Я? Никогда в жизни! Я врач. И что меня сейчас занимает, это почему мосье Марб, человек вообще мирный и даже боязливый, непременно хотел убить своего ночного гостя, хотя тот не причинил ему ни малейшего вреда и ничего у него не украл...

Оба были изумлены, особенно Клод, который глядел на своего товарища, ожидая от него какого-то объяснения.

— Вы говорите, он хотел?..— переспросил Пьеро.

— А как же! Он в темноте упражнялся в стрельбе из револьвера. Потом, боясь, как бы его все же не обвинили в убийстве, предусмотрительно пригласил меня. Я должен был служить ему ширмой. Показал бы под присягой, что он стрелял в порядке законной самозащиты...

— Вот подлец!

— Совершенно с вами согласен. Но скажите, труба...

— Э-э, доктор, знать-то вы кое-что знаете, да не все... Верно? Я не новичок, меня не проведешь. Известное дело, теперь не отвяжетесь, пока все не узнаете. А я терпеть не могу, когда суют нос в мои дела... Клод, тот знает еще меньше вашего. Я просто пообещал ему десять кусков, если он притащит мне все игрушки из дома отца и деревянную трубу тоже...

Пьеро пожал плечами.

— Опоздал, к сожалению! Но этой свинье придется отвалить мне хороший куш, не то... Больно легко разыгрывать из себя честного человека и пользоваться трудами других... Вот что, доктор, уж если вы действительно доктор: меня просто с души воротит... Да, воротит! И если б этот Марб был сейчас здесь... Прости, Клод, но

шутка, которую сыграл со мной твой мерзавец отец... Ладно уж, просвещу вас, теперь все равно. Это было на Таити. Я хватался за любую работу. Ловил иностранных туристов. У меня была моторка, на которой я возил любителей поохотиться на акул. Как-то взял одного. Янки попался. По пути, уж не знаю почему, открывает он бумажник — и что же я вижу! Четыре банкноты по десять тысяч долларов. Вы-то знаете, что у американцев денег хватает, они выпускают банковые билеты на какую хочешь сумму: десять тысяч долларов, пятьдесят, сто тысяч... Надо только попросить в банке. Мой тип — он ехал в кругосветное путешествие — объяснил мне, что так удобнее, меньше места занимает. Словом...

В комнатушке воцарилась тягостная тишина, и у Клода, так же как и у доктора, перехватило дыхание.

— Словом, его утащила акула. Это уж не наше дело. Мне это дорого стоило. Пятнадцать лет отмантулил. Был на каторге, если хотите знать, потому как присяжные не поверили в историю с акулой. А что касается банкнот... Я иногда заходил к Марбу, он был неплохой малый... У него был ребенок... Я как раз сидел у него, когда узнал, что меня притянут за янки. Бумажки лежали у меня в кармане. Но не такой я дурак! Поднял с полу вон эту трубу, свернул билеты и туда их запихнул. Подумать только, по нынешнему курсу у меня было бы полтора миллиона франков! Пятнадцать лет каторги. Ни днем меньше, и выходишь оттуда гол, как... Я сказал себе: «Надо разыскать Марба. Надо добыть мою трубу». И вот три месяца назад узнаю, что он построил в Гольф Жуане виллу и там у него настоящая лавка старьевщика. Я нанимаюсь в казино... И два раза в неделю...

— Знаю! — прервал его Маленький доктор.— Вы не нашли трубы.

— И я уговорил его сына!

— Тоже знаю.

— Но мерзавец уже...

— Я даже могу вам сказать когда! Через два года после возвращения во Францию, когда он жил с сестрой в Сансере, он нашел банкноты в трубе. Что поделаешь? Догадался ли он сразу, что...

— Еще бы! Власти с ног сбились, разыскивая эти банкноты по всему Таити, а такие банкноты... Но он

знал, что я на каторге. И воспользовался этим. Построил виллу. А остальное рассовал по банкам. Потом, когда узнал из газет, что я на воле, когда стал слышать по ночам шум... Только я, конечно, дурак. Я не представлял, что он нашел мою захоронку. Думал, отставной чиновник может отгрохать себе такую виллу... Не могу же я пойти в полицию и заявить: «Верните мне деньги, которые я украл у американца и спрятал в игрушечную трубу у такого-то...» Понимаете? И он, пройдоха, прекрасно это знает! Но боится...

Мосье,
Считая расследование законченным и задачу, которую Вы соблаговолили мне поставить, разрешенной, я приношу свои извинения, что не мог лично проститься с Вами и с Вашей уважаемой сестрой, прошу принять... и т. д.

Доктор Доллан.

Зачем туда возвращаться? Чтобы схватить мосье Марба за плечи и кинуть ему в лицо: «Вы прекрасно знали, кто ваш ночной посетитель, и не боялись никаких ту-папау! Но вы не смели встретиться с ним один на один. Не смели один на один его убить. Вы страшились и самого поступка, и ответственности... И вот, поскольку он был предупрежден вашим сыном — совершенно неумышленно — о полиции, вы подумали о любителе... «Простодушный любитель» — так, вероятно, отозвался обо мне ваш приятель, прокурор в Невере... Любитель, который будет возле вас, чтобы стать свидетелем и подтвердить, что вы стреляли в состоянии законной самозащиты... Вы мне омерзительны, мосье Марб. Вы воспользовались деньгами, добытыми ценою преступления, и лучше будет, если...»

Прошла неделя. Никаких вестей от Марба. Зато открытка, на которой было нацарапано:

Порядок! Я его дойму.

Пьеро.

А полгода спустя:

Договорились. Женюсь на Элоизе. И вилла и деньги — все пополам.

Пьеро.

Это было первое дело Маленького доктора в качестве частного сыщика.

— А чек? — язвительно спрашивала Анна.

Он дал ей понять, что будет еще и другой чек...

Но ни чека, ни вестей от самого Марба Маленький доктор так никогда и не дождался.

СЕМЬ КРЕСТИКОВ В ЗАПИСНОЙ КНИЖКЕ ИНСПЕКТОРА ЛЕКЕРА

ГЛАВА I

— Дома,— разглагольствовал Соммéр, варивший кофе на электрической плитке,— мы всей семьей отправлялись к полуночной мессе, а от деревни до фермы полчаса езды. Нас, сыновей, было пятеро. В те времена зимы были холоднее, чем нынче. Мы туда, помнится, на санях добирались.

Лекéр, сидя у телефонного коммутатора, сдвинул наушники, чтобы лучше слышать Соммера.

— А ты откуда?

— Из Лотарингии.

— Зима в Лотарингии была и сорок лет назад не холоднее, чем сейчас, да только у крестьян не было тогда автомобилей. Сколько раз ты ездил к полуночной мессе на санях?

— Не помню...

— Три раза? Два? А может, один? Просто тебе это запомнилось, как запоминается все, что было в детстве.

— Во всяком случае, когда мы возвращались из церкви, дома ждала нас такая кровяная колбаса, какой я с тех пор больше не едал. Уж это-то не выдумка. Мы толком и не узнали, как мать ее делала, что́ она туда добавляла. Ничего подобного никогда не ел! Жена пыталась сделать такую же, да у нее ничего не вышло. Хотя рецепт она узнала у моей старшей сестры, а та говорит, что он достался ей от матери.

Соммер подошел к одному из больших, не занавешенных окон, за которыми царила кромешная тьма, и поскреб стекло ногтем.

— Смотрите-ка, стекла замерзли! Это тоже напоминает мне детство. По утрам, бывало, чтобы умыться, приходилось разбивать корку льда в кувшине, а он ведь стоял в комнате!

— Потому что тогда еще не было центрального отопления,— спокойно возразил Лекер.

Кроме Лекера, их было трое — трое «ночных», как их называли. Со вчерашнего вечера, с одиннадцати часов, они дежурили в этой большой комнате. И сейчас, в шесть утра, на них навалилась ночная усталость. На столах лежали остатки еды и три-четыре пустые бутылки.

На одной из стен загорелась лампочка величиной с таблетку аспирина.

— Тринадцатый округ,— прошептал Лекер, надевая наушники,— квартал Крулебарб.

Он схватил одну из вилок, вставил ее в гнездо.

— Квартал Крулебарб? Машина выехала. Что случилось?

— Вызывает постовой с бульвара Массена. Подрались двое пьяных.

Лекер аккуратно вывел крестик в одной из граф своей записной книжки.

— Что вы там делаете?

— Дежурим. Двое играют в домино.

— Кровяную колбасу ели?

— Нет. А что?

— Просто так. Кончаю. Что-то случилось в Шестнадцатом.

На стене против него был изображен огромный план Парижа; маленькие лампочки, вспыхивавшие на нем, обозначали полицейские участки. Как только там получали сигнал тревоги, лампочка немедленно зажигалась, и Лекер тотчас же вставлял вилку в соответствующее гнездо.

— Алло! Квартал Шайо? Машина вышла.

Во всех двадцати округах Парижа, у синего фонаря над входом в каждый комиссариат, стояли одна или несколько машин, готовых выехать по первому же сигналу.

— Что у вас?

— Веронал.

По-видимому, женщина. Уже третья за ночь. Вторая жила в одном из фешенебельных кварталов Пасси.

Лекер проставил еще один крестик в другой графе. Мамбер за своим столом заполнял формуляры.

— Алло! Одеон? Что у вас стряслось? Угнали машину?

Это уже по части Мамбера. И тот, записав данные, снял трубку с другого аппарата и продиктовал приметы машины Пьедебефу, телеграфисту, голос которого доносился откуда-то сверху. С одиннадцати часов вечера это была сорок восьмая по счету украденная машина.

А для большинства парижан эта рождественская ночь была совсем иной. Сотни тысяч людей заполнили театры и кино. Тысячи других допоздна делали покупки в больших магазинах, где продавцы, валясь с ног от усталости, все еще суетились у почти опустевших полок. Тысячи и тысячи семей рассаживались вокруг стола, уставленного праздничной снедью, где на почетном месте красовалась жареная индюшка и непременно кровяная колбаса, изготовленная, наверное, как и та, о которой рассказывал Соммер, по семейному рецепту.

Разметавшись, спали в своих постелях дети, а родители бесшумно наряжали елку, расставляя под ней подарки.

В ресторанах и в кабаре уже за неделю до сочель-

ника были расписаны все столики. А вдоль Сены тянулся длинный хвост бродяг в ожидании дарового ужина, который раздавала в эту праздничную ночь Армия Спасения.

Если бы не морозные узоры на окнах, дежурные и не знали бы, что на дворе такая стужа. В просторном, залитом желтоватым светом зале полицейской префектуры сейчас было тихо. Вот через два дня сюда снова набьется самая разношерстная публика: то явится какой-нибудь иностранец за видом на жительство, то придет кто-нибудь за правами на вождение машины, за визами или за другими справками.

Внизу, во дворе, в машинах, готовых к экстренным вызовам, дремали полицейские и водители. Но ничего особенного пока не произошло.

Крестики в записной книжке Лекера были весьма красноречивы. Даже не удосужившись их пересчитать, он знал, что в графе, отведенной под происшествия с пьяными, их около двухсот.

Но в эту рождественскую ночь полиция была снисходительна. Постовые миролюбиво убеждали пьяных расходиться по домам, не поднимая шума. И применяли силу только в тех случаях, когда какому-нибудь субъекту вино так ударяло в голову, что он начинал бить посуду или приставать к посетителям.

Примерно двести человек — среди них несколько женщин — забылись тяжелым сном прямо на полу за решеткой в разных полицейских участках.

Было зарегистрировано пять ножевых ранений, два у Порт д'Итали, три наверху, на Монмартре, но не в районе ночных кабаре, а в тех бараках, кое-как сколоченных из старых ящиков и прессованного картона, где ютится свыше ста тысяч североафриканцев.

В толчее и давке потерялось несколько детей — впрочем, вскоре их нашли.

— Алло! Шайо? Как там женщина, которая приняла веронал?

Она была жива. Такие редко умирают. В большинстве случаев они так и делали, чтобы не умереть. Достаточно самой попытки отравления.

— Кстати, о кровяной колбасе,— начал Рандон, куривший большую трубку,— это мне напомнило...

Так им и не удалось узнать, что именно это ему напомнило. На темной лестнице послышались неуверенные шаги, кто-то впотьмах нащупал ручку двери и повернул ее. Все четверо с удивлением воззрились на человека, которому пришла странная мысль заявиться сюда в шесть часов утра.

— Привет! — сказал мужчина, бросив шляпу на стул.

— Каким ветром тебя сюда занесло, Жанвье?

Это был один из молодых инспекторов опергруппы по расследованию убийств. Прежде чем ответить, он подошел к радиатору погреть руки.

— Одному скучно... Если убийца что-нибудь натворит, я тут скорее об этом узнаю.

Он тоже провел всю ночь на дежурстве, но не здесь, а по другую сторону улицы, в Сыскной полиции.

— Можно угоститься? — спросил он, приподнимая крышку кофейника.— Ну и ветер, просто ледяной!

Уши у него покраснели, глаза были совсем сонные.

— До восьми часов вряд ли что-нибудь будет известно, а может, и позже,— сказал Лекер.

Вот уже пятнадцать лет проводил он все ночи в этой комнате, где на стене висела карта с маленькими лампочками и стоял телефонный коммутатор. Он знал по именам большинство полицейских Парижа, во всяком случае тех, кто дежурил по ночам. Он даже был в курсе их личных дел, ибо в спокойные часы, когда лампочки подолгу не зажигались, они болтали между собой обо всем на свете.

Кроме того, он знал по описанию чуть ли не большинство полицейских участков. Он представлял себе, как там все выглядит: полицейские, сняв портупеи, сидят с расстегнутыми воротниками и так же, как и здесь, варят кофе. Но он никогда в глаза не видал этих людей и не узнал бы их на улице.

— Алло! Бишá? Как состояние раненого, которого привезли двадцать минут назад? Скончался?

Еще один крестик в записной книжке. Лекеру можно было задать самые сложные и неожиданные вопросы:

«Сколько за год совершается в Париже преступлений из-за денег?»

Он безошибочно отвечал:

«Семьдесят семь».

«Сколько убийств совершено иностранцами?»

«Сорок два».

«Сколько?..»

Но он ничуть не зазнавался. Просто он был очень педантичен, и все. Такова уж была его профессия. Никто его не обязывал заносить крестики в записную книжку, но ему это доставляло такое же удовольствие, как коллекционирование марок, к тому же за делом не замечаешь, как летит время.

Он был холост. Никто не знал, где он живет. что делает и чем занят после работы. Право, даже трудно было представить себе его в нерабочей обстановке, фланирующим по улице, как все другие.

«В особо важных случаях следует подождать, пока люди проснутся, пока консьержка отнесет им почту, а служанка приготовит завтрак и разбудит их».

Никакой заслуги в том, что он знал это правило,— всегда все происходит одинаково: только летом пораньше, а зимой позже. Сегодня же позднее, чем обычно,— ведь большинство парижан провело рождественскую ночь за столом. На улицах и сейчас еще полно людей, а двери ресторанов то и дело распахиваются, выпуская последних посетителей.

Еще будут поступать новые сведения об украденных машинах. Будут обнаружены по меньшей мере два-три трупа замерзших пьяниц.

— Алло! Сен-Жервэ?

Его Париж — совсем особый Париж. Он примечателен не Эйфелевой башней, Оперой и Лувром, а мрачными административными зданиями с полицейской машиной, стоящей у синего фонаря, и полицейскими мотоциклами у стены.

— Шеф уверен,— разглагольствовал Жанвье,— что этот тип что-нибудь да натворит нынче ночью. Такие ночи как раз для людей этого сорта. Праздники их всегда возбуждают.

Имени никто не называл, оно было не известно. Нельзя было даже сказать «человек в светлом пальто» или «человек в серой шляпе» — никто его не видел. Некоторые газеты называли его «господин Воскресный», ибо несколько убийств было совершено в воскресенье, но

потом последовало еще пять убийств в разные дни недели, примерно одно в неделю.

— Значит, ты дежуришь из-за него?

По той же причине усилили ночное дежурство по всему Парижу, а для полицейских и инспекторов это значило лишние часы работы.

— Вот увидите,— сказал Соммер,— когда его наконец поймают, снова окажется, что это какой-нибудь псих.

— Псих, который убивает,— вздохнул Жанвье, потягивая кофе.— Гляди-ка, зажглась лампочка.

— Алло! Берси? Машина вышла. Как?.. Минуточку. Утопленник?

Лекер, видимо, не колебался, в какую графу занести крестик. У него была графа для повесившихся, графа для тех, кто за отсутствием оружия выкинулся из окна. Была и графа для утопленников, для застрелившихся, для...

— Послушайте только! Знаете, что проделал один парень на Аустерлицком мосту? Кто из вас только что говорил о психах? Так вот, этот парень привязал к ногам камень, влез с веревкой на шее на перила и выстрелил себе в висок.

Но и для таких случаев у него в книжке отведена была графа под рубрикой «неврастеники».

Настал час, когда те, что не встречали сочельник, шли к утренней мессе... Шли они, уткнувшись носом в воротник, глубоко засунув руки в карманы пальто, съежившись под порывами ветра, поднимавшего ледяную пыль с тротуаров. То был также час, когда дети, просыпаясь, зажигали свет и в одних рубашонках босиком бросались к волшебному деревцу.

— Будь наш парень действительно психом, как утверждает судебно-медицинский эксперт, он убивал бы всех одним и тем же способом — ножом, или из револьвера, или еще как-нибудь.

— Каким оружием пользовался он в последний раз?

— Молотком.

— А до этого?

— Кинжалом.

— Где же доказательства, что это один и тот же?

— Прежде всего, в том, что восемь преступлений

были совершены почти одно за другим. Было бы просто удивительно, если бы в Париже вдруг объявилось восемь новых убийц.

Чувствовалось, что инспектор Жанвье наслышался в Сыскной полиции немало разговоров про этого убийцу.

— К тому же во всех этих убийствах есть что-то общее. Жертвой всегда является человек одинокий, молодой или старый, но всегда одинокий. Люди без семьи, без друзей.

Соммер бросил многозначительный взгляд на Лекера, которому не мог простить, что тот холост, а главное, бездетен. Сам он имел пятеро детей, и жена еще ждала шестого.

— Точно как ты, Лекер! Учти!

— И еще одно доказательство — он орудует только в определенных районах. Ни одного убийства в аристократических или буржуазных кварталах.

— Однако он грабит.

— Пустяки. Мелкие суммы. Сбережения, припрятанные под матрацем или в старой юбке. Он не прибегает ко взлому, не имеет специальных инструментов, как профессиональные грабители, и не оставляет никаких следов.

Снова зажглась лампочка. Угнали машину от дверей ресторана на площади Терн, недалеко от площади Этуаль.

— Хозяев машины больше всего бесит то, что им придется возвращаться домой в метро.

Еще час-полтора, и они все сменятся, кроме Лекера, который обещал товарищу подежурить за него, потому что тот отправился на рождество к родителям, жившим в окрестностях Руана.

Лекер частенько дежурил за других, и это стало настолько привычным, что ему просто говорили:

— Слушай, Лекер, замени меня, пожалуйста, завтра.

Вначале придумывали какие-нибудь трогательные поводы — заболела мать, похороны, первое причастие — и приносили кто пирожное, кто дорогую колбасу, кто бутылку вина.

Откровенно говоря, если бы Лекер мог, он проводил бы здесь двадцать четыре часа в сутки: ведь подремать

можно было на раскладушке, а несложную еду приготовить на электрической плитке. Удивительное дело, несмотря на то что он следил за собой не хуже других и всегда ходил подтянутым, выглядел он каким-то заброшенным — явным холостяком.

Он носил очки с выпуклыми, как лупы, стеклами, из-за чего глаза казались очень большими и круглыми. Когда он снимал очки, чтобы протереть стекла куском замши, всегда лежавшей у него в кармане, всех удивлял его неожиданно робкий и блуждающий взгляд.

— Алло! Жавель?

Это загорелась лампочка в Пятнадцатом округе около моста Жавель, в заводском квартале.

— Машина вышла?

— Мы не знаем еще, что случилось. Кто-то разбил сигнальное стекло на улице Леблан.

— Никто не позвонил?

— Нет. Наши выехали проверить. Позвоню еще раз.

В Париже вдоль тротуаров установлены сотни красных сигнальных тумб, в которых за стеклом висит телефонная трубка. Чтобы связаться с ближайшим полицейским комиссариатом, достаточно разбить стекло. Но может, какой-то прохожий разбил его нечаянно?

— Алло! Центральная? Наша машина возвращается. На месте никто не обнаружен. Вокруг все спокойно. Квартал патрулируется.

В последней графе — «разное» — Лекер для очистки совести поставил все же маленький крестик.

— Есть еще кофе? — спросил он.

— Сейчас сварю.

На карте снова вспыхнула та же лампочка. После первого сигнала не прошло и десяти минут.

— Жавель? Ну что?

— Опять разбито сигнальное стекло.

— Никто не отозвался?

— Нет. Озорник, наверное. Кому-то нравится нас беспокоить. На сей раз примем меры, чтобы найти его.

— В каком месте?

— Мост Мирабо.

— Смотри-ка, прямо рекордсмен по бегу.

Действительно, между двумя сигнальными тумбами было довольно большое расстояние. Но эти сигналы пока

еще не привлекли внимания полицейских. Тремя днями раньше кто-то так же разбил сигнальное стекло и нагло заорал:

— Смерть легавым!

Жанвье, поставив ноги на радиатор, уже подремывал, когда снова услышал голос Лекера, звонившего по телефону. Он открыл глаза и, увидев зажегшуюся лампочку, спросил сонным голосом:

— Опять?

— В районе Версаля разбито стекло.

— Идиотство! — пробурчал Жанвье, устраиваясь поудобнее и снова закрывая глаза.

Светать начнет поздно, не раньше половины восьмого, восьми. Иногда слышен был глухой перезвон колоколов, доносившийся словно из иного мира. Бедняги полицейские! Должно быть, они совсем закоченели в своих машинах, готовых в любую минуту выехать по первому же сигналу.

— Кстати, о кровяной колбасе...

— Какой колбасе?—прошептал Жанвье, просыпаясь. Щеки у него порозовели, и теперь он был похож на ребенка.

— Колбасе, которую делала моя мать...

— Алло! Надеюсь, ты не собираешься мне сообщить, что разбили стекло в районе твоего поста? Что? Правда? Он уже разбил два в Пятнадцатом... Нет! Поймать его не удалось... Скажи на милость, он просто классный бегун, этот парень. Он пересек Сену по мосту Мирабо. По-видимому, направляется к центру города. Да, попытайтесь...

В записной книжке добавился еще один крестик; к половине восьмого утра их было уже целых пять.

Маньяк он был или нет, но бежал он во всю прыть. А надо сказать, что температура отнюдь не располагала к подобным прогулкам. В какой-то момент он обогнул крутой берег Сены, сделал крюк, обошел богатый квартал Отей и разбил стекло на улице Фонтен.

— Он в пяти минутах от Булонского леса,— сообщил Лекер.— Если он направляется туда, мы потеряем след.

Но неизвестный описал полукруг или нечто в этом роде и возвратился на набережные, разбив по дороге стекло на улице Бертон, в двух шагах от набережной Пасси.

Первые сигналы поступили из нищенского, пользующегося дурной славой квартала Гренель. Но стоило человеку перейти Сену, как он оказывался совсем в ином мире, на просторных улицах, где в такой час не встретишь и кошки. Все закрыто. Шаги его на мостовой, скованной холодом, должны были гулко отдаваться в окружающей тишине.

Шестой сигнал: он обошел Трокадеро и находился теперь на улице Лонгшан.

— Кто-то работает под мальчика с пальчик,— заметил Мамбер.— За отсутствием хлебных крошек и белых камешков он рассыпает битое стекло.

Затем еще несколько сигналов — увели машину, где-то на улице Фландр вспыхнул пожар, подобрали раненого, который утверждал, что не знает, кто в него стрелял, хотя люди видели, что он всю ночь пил с каким-то типом.

— Опять Жавель вызывает. Алло! Жавель! Догадываюсь, что это снова твой сокрушитель стекол. Он не успел добраться до своего исходного пункта. Как? Ну конечно, он продолжает путь. Теперь он должен быть

уже где-то в районе Елисейских полей... Что? Минуточку... Говори. Какая улица? Миша́? Как Миша? Да... Между улицей Лекурб и бульваром Феликс-Фор? Да... Там железнодорожный виадук. Да... Вижу. Восемнадцатый... Кто звонил? Консьержка? В такую рань она уже на ногах? Значит, консьержка... Понимаю... Большой дом, неказистый с виду... Семиэтажный... Все ясно...

В этом квартале было полно таких зданий. Еще не старые и сравнительно недавно заселенные, они, возвышаясь посреди пустырей, казались уже обветшалыми. За их темными стенами, увешанными рекламами, почти не видно было одноэтажных домиков.

— Ты говоришь, она слышала, как кто-то бежал по лестнице и дверь со стуком захлопнулась... Дверь была открыта? Консьержка не знает, как это случилось? На каком этаже? На первом, что выходит во двор... Продолжай... Я вижу, выехала машина Шестнадцатого, готов держать пари, что это наш сокрушитель стекол... Старая женщина... Как? Матушка Файе? Служанка... Ходила помогать по хозяйству... Мертвая? Тупой предмет... Врач там? Ты уверен, что она мертва? У нее забрали деньги? Я спрашиваю потому, что полагаю, что у нее были припрятаны деньги.... Да... Позвони мне еще раз. Или я сам тебя вызову...

Он повернулся к заснувшему инспектору:

— Жанвье! Эй, Жанвье! Мне кажется, что это для тебя.

— Кто? Что такое?

— Убийца.

— Где?

— В Жавеле. Я записал адрес на клочке бумаги. На сей раз его жертва — старая женщина, служанка, матушка Файе.

Жанвье уже надевал пальто и, огыскивая шляпу, допивал кофе, оставшийся на дне чашки.

— Кто занимается Пятнадцатым округом?

— Гонес.

— Предупреди, пожалуйста, что я выехал туда.

Спустя минуту Лекер поставил еще один крестик, седьмой по счету, в последней графе своей записной книжки. Разбили вдребезги сигнальное стекло на авеню Иена, в ста пятидесяти метрах от Триумфальной Арки.

— Среди осколков стекла найден носовой платок со следами крови. Детский платок.

— Метка есть?

— Нет. Платок в синюю клетку, не очень чистый. Человек, по-видимому, обернул им руку, чтобы ударять по стеклам.

На лестнице раздались шаги. Это шла дневная смена. Гладкая, лоснящаяся кожа на щеках полицейских говорила о том, что они только-только побрились, умылись холодной водой, а потом прошлись по морозцу.

— Как праздновали? Хорошо?

Соммер уже закрыл жестяную коробку, в которой принес свой завтрак. Только один Лекер не двинулся с места; он оставался и будет работать вместе с вновь заступившей бригадой.

Толстяк Годен уже натянул на себя полотняную блузу, которую носил на работе, и поставил греть воду для грога: всю зиму он никак не мог избавиться от насморка и лечился с помощью солидных порций грога.

— Алло! Да... Нет, не ухожу... Я замещаю Потье, который уехал повидаться с семьей. Что? Да... Меня это интересует лично... Жанвье уехал, но я передам ваше сообщение в Сыскную полицию. Инвалид? Какой инвалид?

Вначале надо всегда проявить терпение, ибо не так-то просто разобраться в том, что вам сбивчиво сообщают люди, рассказывающие о происшествии так, будто весь мир уже должен быть в курсе событий.

— В домишке, что позади... Ясно. Значит, не на улице Миша́? На какой же? На улице Васко да Гама... Ну конечно, знаю. Домик с садом и забором... Я и не подозревал, что он инвалид. Хорошо... Он почти не спит... Мальчишка спустился по водосточной трубе? Сколько лет? Он не знает? Верно, очень темно... Откуда же ему известно, что это был мальчишка? Послушай, будь любезен, позвони мне еще раз. Ты тоже уходишь? Кто тебя заменит? Толстяк Жюль? Тот самый... Да... Ладно... Передай ему привет и скажи, пусть позвонит мне.

— Что случилось? — спросил один из вновь пришедших.

— Укокошили старуху в Жавеле.

— Кто?

— Какой-то инвалид, живущий позади дома, утверждает, что видел, как мальчишка карабкался по стене к ее окну...

— Неужели мальчишка убил?

— Во всяком случае, у одной сигнальной тумбы найден детский носовой платок.

Лекера слушали без особого интереса.

Лампы еще горели, но дневной свет уже настойчиво пробивался в окна, разрисованные морозом. Кто-то из присутствующих подошел к окну и поскреб хрустящую корочку льда на стекле. Чисто механически. Может быть, тоже воспоминания детства, как кровяная колбаса Соммера?

Все ночные дежурные разошлись. Пришедшие им на смену устраивались поудобнее, располагаясь на весь день, просматривали рапорты.

Угнали машину со сквера Ля Брюер.

Лекер сосредоточенно разглядывал свои семь крестиков, потом поднялся и встал перед огромной картой, укрепленной на стене.

— Заучиваешь план Парижа наизусть?

— Я его и так знаю. Но есть одна деталь, которая меня удивляет. Приблизительно за полтора часа разбиты семь сигнальных стекол. Но если присмотреться повнимательнее, бросается в глаза, что тот, кто этим развлекался, идет не по прямой, а все время петляет.

— Может быть, он недостаточно хорошо знает Париж?

— Или слишком хорошо. Он ни разу не прошел мимо полицейского участка, хотя они попадались бы на его пути, если бы он так не кружил. А сколько постовых на всех перекрестках!

И Лекер пальцем показал по плану.

— Но он и там не появлялся. Он их обходил. Он рисковал только на мосту Мирабо. Но тут уж ничего не поделаешь: если он хотел перейти Сену, то другого выхода у него не было.

— Наверно, он пьян,— пошутил Годен, прихлебывая горячий грог и дуя на него.

— Но почему, спрашивается, он перестал бить стекла?

— Он несомненно уже пришел домой

— Тип, который в шесть утра находится в квартале Жавель, вряд ли живет на площади Этуаль.

— Тебя это занимает?

— Меня это пугает.

— Кроме шуток?

Действительно, Лекер, для которого самые драматические ночные происшествия Парижа означали не более чем крестик в записной книжке, был непривычно взволнован.

— Алло! Жавель? Это ты, толстяк? Говорит Лекер... Послушай, позади дома на улице Миша есть домишко какого-то инвалида. Так... Но рядом с ним имеется еще один дом, красный, кирпичный, а внизу бакалейная лавка... Да... Там, в этом доме, ничего не случилось? Консьержка ничего не говорила? Не знаю... Нет, ничего не знаю... Может быть, пойдешь к ней узнать, ну да...

Его вдруг обдало жаром, он погасил не выкуренную еще и до половины сигару.

— Алло! Терн? Вы не получали сигналов о помощи в вашем квартале? Никаких? Только пьяные? Спасибо. Кстати, патруль выехал? Выезжает? Попросите их, на всякий случай, присматриваться, не попадется ли им мальчишка... Мальчишка, усталый, с окровавленной правой рукой... Нет, это не побег. Я вам потом объясню...

Глаза его были прикованы к карте, на которой добрых десять минут не загоралось ни одной лампочки. Вот снова мигнул сигнал, но это оказалось совсем не то. Просто случайное отравление газом в Восемнадцатом округе, на самом верху Монмартра...

Только черные силуэты озябших прохожих, возвращавшихся с ранней мессы, мелькали на улицах Парижа.

ГЛАВА II

Одно из самых отчетливых воспоминаний, сохранившихся у Андрэ Лекера о своем детстве,—это неотступное чувство однообразия. Мир его в то время ограничивался большой кухней их дома в Орлеане, на самой окраине города. Зимой и летом сидел он там у открытых дверей, забранных решеткой, которую отец смастерил как-то

в воскресный день, чтобы Андрэ не мог забираться один в сад, где весь день-деньской кудахтали куры и что-то грызли в своем загоне кролики.

В половине девятого утра отец на велосипеде отправлялся на работу в другой конец города на газовый завод. Мать принималась за хозяйство: по заведенному раз и навсегда порядку поднималась в комнаты и клала тюфяки на подоконники — проветривать.

Не успеешь оглянуться, как колокольчик торговца овощами, толкающего перед собой тележку, извещает о том, что уже десять часов. Два раза в неделю ровно в одиннадцать бородатый доктор приходил навещать его младшего брата, который вечно болел. В его комнату Андрэ не разрешалось входить.

Вот и все. Больше ничего. Он едва успевал поиграть, выпить стакан молока, как отец приходил завтракать.

Но отец-то за эти несколько часов должен был объездить несколько кварталов города, собирая плату за газ, повстречаться с множеством разных людей, о которых рассказывал потом за столом. А дома время почти не двигалось.

Правда, после полудня часы бежали, пожалуй, быстрее — быть может, благодаря дневному сну.

— Только я принялась за дела, а уже пора садиться за стол,— вздыхала частенько мать.

Большая комната префектуры чем-то напоминала Лекеру детство,— может быть, тем, что воздух здесь был каким-то застоявшимся, что всех служащих сковывало оцепенение, а звонки и голоса доносились словно сквозь дрему.

Еще зажглось несколько лампочек, еще несколько крестиков занесено в записную книжку — автобусом сбита машина на улице Клиньянкур,— и вот уже опять звонят из комиссариата Жавель.

На сей раз у трубки не толстяк Жюль. Это инспектор Гонес, который выезжал на место происшествия. Его успели перехватить и рассказать ему о доме на улице Васко да Гама. Он сам отправился туда и вернулся очень взволнованный.

— Это вы, Лекер?

В его голосе звучали странные нотки, результат дурного настроения или излишней подозрительности.

— Скажите, как вы узнали об этом доме? Вы что, знакомы с матушкой Файе?

— Никогда не видел, но знаю се.

Того, что произошло в это рождественское утро, Андрэ Лекер ожидал уже, наверное, лет десять. Точнее, когда он блуждал взглядом по плану Парижа, где то и дело загорались маленькие лампочки, он не раз говорил себе:

— Однажды непременно случится что-нибудь с теми, кого я знаю.

Иногда события разыгрывались в его квартале, поблизости от улицы, на которой он жил, но еще ни разу в его доме. Как грозовые облака, сгущались они над ним, но проносились мимо, не задевая места, где жил он. Но на сей раз свершилось.

— Вы расспросили консьержку? Она уже встала?

Он представил себе инспектора Гонеса на другом конце провода, представил его скучающую кисло-сладкую физиономию и продолжал:

— Мальчик дома?

Гонес недовольно спросил:

— Так вы и его знаете?

— Это мой племянник. Вам разве не сказали, что его зовут Лекер, Франсуа Лекер?

— Сказали.

— И что?

— Его нет дома.

— А отец?

— Он вернулся домой чуть позже семи.

— Как обычно — я знаю. Он тоже работает ночью.

— Консьержка слышала, как он поднимался к себе, на третий этаж во дворе.

— Знаю.

— Он тут же спустился и постучал в дверь к консьержке. Он был очень взволнован. Если верить консьержке, у него был растерянный вид.

— Мальчик исчез?

— Да. Отец спросил, не видел ли кто-нибудь, как и когда он уходил. Консьержка не знала. Тогда он поинтересовался, не приносили ли вечером или рано утром телеграммы.

— Телеграммы не было?

— Нет. Вы можете в этом разобраться? Вы не считаете, что, поскольку вы имеете отношение к семье и в курсе дела, вам стоило бы прийти сюда?

— Это ни к чему. Где Жанвье?

— В комнате у матушки Файе. Люди из уголовного розыска уже приехали и приступили к делу. Они тотчас же нашли на дверной ручке отпечатки детских пальцев. Почему бы вам не приехать сюда?

Лекер вяло ответил:

— Меня некому заменить.

Так оно и было, но при желании можно было, созвонившись с одним, с другим, найти кого-нибудь, кто бы согласился посидеть часок-другой в «Центральном». Откровенно говоря, ему не хотелось ехать на место преступления: он знал, что это ничего не даст.

— Послушайте, Гонес, мне необходимо найти мальчика. Вы понимаете? Полчаса назад он был где-то в районе площади Этуаль. Скажите Жанвье, что я буду здесь и что у матушки Файе было много денег — они, вероятно, где-то припрятаны.

И он принялся лихорадочно переставлять вилки из одного гнезда в другое, вызывая разные комиссариаты Восемнадцатого округа.

— Ищите мальчика лет десяти-одиннадцати, бедно одетого, и тщательно наблюдайте за всеми сигнальными тумбами.

Коллеги с любопытством наблюдали за ним.

— Ты думаешь, убил мальчишка?

Он даже не потрудился им ответить. Вызвал центральную телефонную станцию.

— Жюстен! Стало быть, ты сегодня дежуришь? Свяжись, пожалуйста, с радиофицированными машинами — пусть поищут мальчишку лет десяти, который слоняется где-то в районе площади Этуаль. Нет, я не знаю, куда он направляется. Мне кажется, он обходит улицы, где имеются комиссариаты, и основные перекрестки, где он рискует наткнуться на постового полицейского.

Ему была знакома квартира брата на улице Васко да Гамы: две темные комнаты и крохотная кухня. Мальчуган оставался ночью один, отец уходил на работу. Из окон видна была задняя стена дома на улице Миша, веревки с висевшим на них бельем, горшки герани, неза-

вешенные окна, за которыми мелькали самые разные люди.

Там, наверное, окна тоже затянуты ледяным узором. Эта деталь привлекла его внимание. Его память уцепилась за нее, и ему показалось, что она почему-то может иметь значение.

— Ты думаешь, что это ребенок разбивает сигнальные стекла?

— Обнаружен детский носовой платок,— ответил он отрывисто.

Сидя в раздумье у коммутатора, Лекер спрашивал себя, в какое еще гнездо ему вставить вилку.

А люди вокруг, казалось, действовали с головокружительной быстротой. Достаточно было Лекеру принять вызов, как врач тотчас же выехал на место происшествия, вслед за ним — товарищ прокурора с судебным следователем, которого, наверное, подняли с постели.

Но ему, Лекеру, ехать туда было незачем. Оставаясь на месте, он и так ясно представлял себе все эти улицы и дома, черную ленту железной дороги, которая проходила там.

В том квартале жили одни бедняки. Молодые, те еще мечтали когда-нибудь вырваться оттуда, люди средних лет начинали терять веру, а те, кто постарше — пожилые и совсем старики,— уже смирились со своей судьбой.

Лекер еще раз позвонил в Жавель.

— Инспектор Гонес еще здесь?

— Он пишет отчет. Позвать его?

— Пожалуйста... Алло! Гонес?.. Говорит Лекер... Простите за беспокойство... Вы поднимались в квартиру моего брата? Так! Постель мальчишки разобрана? Это меня немного успокаивает... Обождите... А разве были какие-нибудь свертки?.. Да, да... Как? Цыпленок, кровяная колбаса, дед-мороз и... Дальше я не разобрал... Маленький радиоприемник? Еще не распакованный?.. По-видимому... Жанвье нет?.. Он уже звонил в Сыскную? Спасибо...

Лекер удивился — уже половина десятого. Ни к чему больше смотреть на план Парижа в районе площади Этуаль. Если мальчишка продолжал идти в таком же темпе, он уже находится в пригородах столицы.

— Алло! Сыскная? Скажите, комиссар Сайяр у себя?

И еще один человек, потревоженный вызовом Лекера, был вынужден покинуть свой теплый дом. Скольким людям эта история испортила праздник!

— Простите, что беспокою вас, господин комиссар. Я по поводу мальчишки Лекера.

— Вы что-нибудь знаете? Он ваш родственник?

— Сын моего брата. По-видимому, это он разбил семь сигнальных стекол. Не знаю, успели ли вам сообщить, что в районе площади Этуаль его след утерян. Я прошу вашего разрешения дать сигнал общей тревоги.

— Вы не могли бы приехать ко мне?

— А у меня нет никого под рукой, кто мог бы меня подменить.

— Давайте сигнал! Я еду.

Лекер был по-прежнему внешне спокоен, только рука его немного дрожала, когда он вставлял вилки.

— Ты, Жюстен? Общий сигнал тревоги. Укажи приметы мальчика. Я не знаю, как он одет, но, скорее всего, он в пиджачке цвета хаки, сшитом из американской солдатской куртки. Для своего возраста довольно высокий, худой. Нет, без фуражки. Он всегда ходит с непокрытой головой, волосы падают на лоб. Может быть, следовало бы указать и приметы его отца. Это мне, пожалуй, труднее будет сделать. Меня ты ведь знаешь, верно? Так вот! Он похож на меня, но более бледный. У него болезненный вид. Он не осмеливается идти посредине тротуара и всегда жмется к стенкам домов. Немного прихрамывает — на последней войне был ранен в ногу. Нет! Не имею ни малейшего представления, куда они направляются. Не думаю, чтобы они шли вместе. Вероятнее всего, мальчишка в беде. Почему? Слишком долго объяснять. Давай общий сигнал. Пусть меня поставят в известность, если будут какие-нибудь новости.

Пока Лекер говорил по телефону, комиссар Сайяр успел уже добраться сюда с Набережной Орфевр, перейти улицу, миновав пустое здание префектуры. В своем свободном пальто он казался весьма представительным. В знак приветствия приложив руку к краю шляпы, он, словно соломинку, поднял стул и уселся на него верхом.

— Что с мальчишкой? — спросил он наконец, глядя пристально на Лекера.

— Сам задаю себе вопрос, почему от него больше нет сигналов.

— Сигналов?

— Ну, а зачем, спрашивается, разбивать сигнальные стекла, если не для того, чтобы сигнализировать о своем присутствии?

— А почему тогда, разбивая их, он не подает голоса?

— Предположим, за ним следом кто-то идет. Или, наоборот, он преследует кого-то?

— Я тоже об этом подумал. Скажите, Лекер, у вашего брата материальное положение не блестящее?

— Да, он беден.

— Только беден?

— Он три месяца назад потерял работу.

— Какую работу?

— Он был линотипистом в «Пресс», на улице Круассан, где он работал по ночам. Он всегда работал по ночам. У нас это, можно сказать, в роду.

— Из-за чего он потерял работу?

— По-видимому, поругался с кем-нибудь.

— С ним это бывает?

Звонок прервал их беседу. Из Восемнадцатого округа сообщили, что на углу улицы Лепик забрали мальчишку, торговавшего остролистом. Он был поляком, ни слова не говорившим по-французски.

— Вы у меня спросили, часто ли он ссорится? Не знаю, что вам ответить. Мой брат проболел бóльшую часть своей жизни. Когда мы были детьми, он почти не выходил из своей комнаты, оставаясь один на один с книгой. Он прочел тонны книг. Но никогда регулярно не посещал школу.

— Он женат?

— Жена его умерла спустя два года после свадьбы, и он остался один с десятимесячным малюткой на руках.

— И он его вырастил?

— Да. Так и вижу, как он купает его, меняет пеленки, готовит бутылочки с едой...

— Но это не объясняет, почему он ссорился с людьми.

Совершенно верно! Те же самые слова у комиссара приобретали иное значение, чем у Лекера.

— Обозлен?

— Не очень. Он привык.

— Привык к чему?

— Жить не так, как другие. Может быть, Оливье — так зовут моего брата — не очень умен. Может быть он слишком много знает из своих книг об одном и слишком мало о другом.

— Вы думаете, он способен был убить старуху Файе?

Комиссар сделал несколько затяжек. Слышно было, как наверху шагает телеграфист; двое полицейских, находившихся в комнате, делали вид, будто вовсе не прислушиваются к их разговору.

— Она — его теща,— вздохнул Лекер.— Рано или поздно вы бы об этом узнали.

— Они не ладили между собой?

— Она его ненавидела.

— За что?

— Она обвиняла его в том, что из-за него погибла ее дочь. Целая история с операцией, которую сделали не вовремя. Виноват был не мой брат, а больница, отказавшаяся ее принять, потому что у нее были не в порядке какие-то там бумаги. Но старуха все равно никогда не могла этого простить брату.

— Случалось ли им когда-нибудь за эти годы видаться?

— Бывало, на улице повстречаются — они ведь живут в одном квартале.

— Мальчишка об этом знал?

— Что старуха Файе — его бабушка? Не думаю.

— Отец ему не рассказал?

Лекер не отрывал взгляда от плана города, утыканного маленькими лампочками. Но наступил час затишья. Огоньки мигали все реже и реже, если и загорались, то сообщали все больше о транспортных происшествиях. Был отмечен один случай карманной кражи в метро и кражи багажа на Восточном вокзале.

И по-прежнему никаких сведений о мальчишке. А между тем на улицах Парижа все еще было довольно пустынно. Правда, кое-кто из ребятишек в рабочих кварталах обновлял на тротуарах полученные в подарок коньки или заводные машины, но почти во всех домах закрыты были и двери, и окна, запотевшие от тепла, царившего в комнатах. Жалюзи на витринах магазинов

были еще опущены, а в маленьких барах сидели лишь случайные посетители.

Только звон колоколов парил над крышами да празднично разодетые люди целыми семьями направлялись в церковь, откуда доносились торжественные звуки органа.

— Господин комиссар,— заговорил вдруг Лекер,— мальчик никак не идет у меня из головы. Совершенно очевидно, что сейчас ему почему-то труднее стало разбивать сигнальные стекла, не привлекая к себе внимания. Не попытаться ли заглянуть в церкви? В баре или кафе не так-то легко остаться незамеченным. А в церкви совсем другое дело...

И он опять вызвал к телефону Жюстена:

— Старина, я позабыл про церкви. Распорядись, чтобы взяли под наблюдение все церкви. И вокзалы. О вокзалах я тоже не подумал.

Он снял очки, веки его были красны, вероятно, он совсем не спал этой ночью.

— Алло! Да. Что? Да. Комиссар здесь.

Он протянул трубку Сайяру.

— С вами хочет говорить Жанвье.

На улице по-прежнему свирепствовал ветер и было сумрачно и холодно, только кое-где сквозь сплошные облака, словно предвестник солнечного дня, пробивался желтоватый свет.

Повесив трубку, комиссар пробурчал:

— Доктор Поль полагает, что преступление было совершено между пятью и половиной седьмого утра. Старуха была убита не с первого удара. По-видимому, она была уже в постели, когда услышала шум. Она поднялась и очутилась лицом к лицу с убийцей, в которого, вероятно, запустила туфлей.

— Оружие не обнаружено?

— Нет. Полагают, что он орудовал не то оловянной трубкой, не то каким-то закругленным инструментом, может быть, молотком.

— Деньги похищены?

— Исчез кошелек с незначительной суммой и старухин вид на жительство. Скажите-ка, Лекер, вам было известно, что тетушка Файе дает деньги под проценты?

— Да, я знал об этом.

— Вы мне сказали, что ваш брат месяца три назад потерял работу. Не так ли?

— Совершенно верно.

— Консьержка ничего не знала?

— И сын тоже. Именно из-за мальчишки он никому об этом не сказал.

Комиссар, которому было явно не по себе, закидывал то и дело ногу на ногу, поглядывая на полицейских, сидевших поодаль и безусловно слышавших весь разговор. В конце концов он уставился на Лекера с недоумением.

— Послушайте, старина, отдаете ли вы себе отчет в том...

— Конечно.

— Так вы тоже об этом подумали?

— Нет.

— Потому что это ваш брат?

— Нет.

— Сколько времени орудует убийца? Девять недель, так, кажется?

Лекер не спеша заглянул в свою книжку, пересчитал крестики в одной из граф.

— Девять с половиной недель. Первое преступление совершено было в квартале Эпинет, на другом конце Парижа.

— Ваш брат, сказали вы, не признался сыну в том, что остался без работы. Следовательно, он продолжал уходить в привычные часы из дому и возвращаться в положенное время? Почему?

— Чтобы не потерять его уважения.

— Что вы хотите этим сказать?

— Трудно объяснить. Он не такой отец, как все. Он сам его вырастил. Они живут только вдвоем. Вроде супружеской четы. Вы это понимаете? Брат днем готовит обед, делает все по хозяйству. Укладывает сына спать перед уходом на работу; возвращаясь, будит его...

— Это ничего не объясняет...

— Вы полагаете, что он согласился бы стать в глазах своего сына жалким неудачником, перед которым все двери захлопываются только потому, что он не умеет приспосабливаться?

— А что он делал по ночам в эти последние месяцы?

— Две недели был сторожем на заводе в Биланкуре.

Заменял кого-то. Чаще всего мыл машины в гаражах. Когда никуда не мог пристроиться, подносил овощи на Центральном рынке. А когда у него случался приступ...

— Приступ чего?

— Астмы. Время от времени его скручивает... Тогда он шел в зал ожидания на вокзал. Один раз провел ночь здесь в разговорах со мной...

— Предположим, что мальчишка сегодня рано утром увидел своего отца у старухи Файе!

— Окна замерзли.

— А если окно было приоткрыто? Многие даже зимой спят с открытыми окнами.

— Но не мой брат. Он очень зябнет, к тому же они слишком бедны, чтобы зря расходовать тепло.

— Ребенок мог соскрести лед ногтями. Когда я был маленький...

— Я тоже. Надо бы узнать, было ли открыто окно у старухи Файе.

— Окно было открыто, и лампа зажжена.

— Спрашивается, где сейчас может быть Франсуа?

— Мальчишка?

Удивительно и даже как-то неловко было сознавать, что Лекер думает только о ребенке. Пожалуй, даже более неловко, чем слышать, как он спокойно приводит улики, свидетельствующие против брата.

— Когда он вернулся утром домой, у него в руках был ворох покупок. Вы об этом подумали?

— Сегодня ведь рождество.

— Чтобы купить цыпленка, пирожные, радиоприемник, нужны деньги. Он у вас брал взаймы?

— За последний месяц нет. Я очень жалею об этом, я бы ему сказал, чтоб он не покупал приемник для Франсуа. Я сам купил ему приемник и собирался после работы отнести.

— Не могла ли старуха Файе ссудить своему зятю денег?

— Маловероятно. Она очень странная женщина. У нее было достаточно денег, чтобы жить безбедно, а она продолжала ходить по людям и с утра до ночи работала. Она частенько одалживала деньги под большие проценты тем, у кого работала. Все в квартале об этом знали.

Все, кому нечем было дожить до конца месяца, обращались к ней.

Комиссар поднялся, чувствуя по-прежнему какую-то неловкость.

— Проедусь туда,— сказал он.

— К старухе?

— К старухе и на улицу Васко да Гамы. Если будут новости, позвоните мне.

— Там нет телефонов. Я свяжусь с вами через комиссариат.

Комиссар был уже на лестнице, и дверь за ним успела захлопнуться, когда раздался звонок. Звонили с Аустерлицкого вокзала.

— Лекер? Говорит комиссар по спецделам. Этот тип у нас.

— Какой тип?

— Тот, о котором нам дали знать. Его фамилия Лекер, как и ваша, Оливье Лекер. Я проверил его удостоверение личности.

— Одну минуту.

Он бросился к двери, сбежал с лестницы. Только во дворе ему удалось нагнать Сайяра в тот самый момент, когда последний усаживался в полицейскую машину.

— На проводе Аустерлицкий вокзал. Они задержали моего брата.

Комиссар, отличавшийся дородностью, пыхтя и отдуваясь, поднялся по лестнице и взял трубку.

— Алло! Да... Где он? Что он делал? Что он говорит?.. Как?.. Нет, не стоит сейчас его расспрашивать. Вы уверены, что он не знает? Продолжайте наблюдать за вокзалом. Весьма возможно... Что касается этого человека, пошлите его немедленно ко мне...

Взглянув на Лекера, он на минуту заколебался.

— Да, в сопровождении. Так надежнее.

Он набил трубку, разжег ее и только потом объяснил, словно обращаясь ко всем находящимся в комнате:

— Его задержали, когда он уже более часа слонялся по залам ожидания и на перронах. Он очень возбужден. Все твердит о какой-то записке сына. Он его дожидался там.

— Ему сказали, что старуха убита?

— Да. Это повергло его в ужас. Его сейчас приведут

сюда.— И, словно извиняясь, добавил: — Я предпочел, чтобы его доставили сюда. Учитывая ваше родство, я не хотел, чтобы вы подумали...

— Благодарю вас.

Со вчерашнего вечера, с одиннадцати часов, Лекер находился все в той же комнате, на том же стуле — вот так и ребенком он часами сидел на кухне рядом с матерью. Вокруг все будто застыло. Лампочки вспыхивали, он вставлял вилку в гнезда; время незаметно, но неудержимо двигалось вперед, а между тем там, за окнами, Париж жил своей праздничной жизнью: тысячи людей отстояли уже полуночную мессу, другие бурно встретили рождество в ресторанах, пьянчуги провели ночь в полицейских участках и теперь, продрав глаза, предстали перед комиссаром. Чуть попозже у зажженной елки соберутся дети.

Что же делал все это время его брат Оливье? Умерла старая женщина, мальчишка, поднявшись ни свет ни заря, бежал, задыхаясь, по безлюдным улицам и, обернув руку носовым платком, разбивал попадавшиеся на его пути сигнальные стекла.

Что нужно было Оливье в жарко натопленных залах ожидания и на перронах Аустерлицкого вокзала, где гулял ветер?

Прошло менее десяти минут. Этого времени как раз хватило на то, чтобы Годен, который никак не мог избавиться от насморка, успел приготовить себе новую порцию грога.

— Не хотите ли попробовать, господин комиссар?

— Благодарю.

Несколько смущенный, Сайяр тихо шепнул Лекеру:

— Может, пройдем в другую комнату и там поговорим с вашим братом?

Но Лекер вовсе не собирался оставлять свои лампочки и вилки, соединявшие его со всем Парижем. По лестнице уже поднимались. В сопровождении двух полицейских вошел Оливье, на которого все же не надели наручников. Он похож был на плохую фотографию Андрэ, полинявшую от времени. Взор его тотчас же остановился на брате.

— Что с Франсуа?

— Пока ничего не известно. Ищут.

— Где?

И Лекеру ничего не оставалось, как показать на план Парижа и на свой телефонный коммутатор с тысячью гнезд.

— Повсюду.

Обоих полицейских отослали, и комиссар произнес:

— Садитесь. Вам, кажется, сказали, что старуха Файе убита?

Оливье не носил очков, но у него были такие же бегающие и светлые глаза, как у брата, когда тот снимал очки — всегда почему-то казалось, будто он только что плакал. Он смотрел на комиссара, словно не замечая его.

— Он мне оставил записку...— пробормотал Оливье, роясь в карманах своего старого габардинового пальто,— Ты что-нибудь можешь понять?

И он протянул брату клочок бумаги, вырванный из школьной тетради. Почерк не ахти какой аккуратный. Мальчуган, по-видимому, был не лучшим учеником в классе. Он воспользовался химическим карандашом, кончик которого смочил языком, так что теперь у него, наверное, на губе лиловое пятно.

Дядя Гедеон приезжает сегодня утром на Аустерлицкий вокзал. Приезжай быстрей, встретимся. Целую. Биб.

Не говоря ни слова, Андрэ Лекер протянул бумажку комиссару, который несколько минут вертел ее в своих толстых пальцах.

— А почему Биб?

— Так я называю его. Только не при людях, он стесняется. Это имя я дал ему, когда он был еще грудным младенцем.

Оливье говорил ровным голосом, не повышая и не понижая тона, и, вероятно, ничего не видел вокруг себя, кроме странного тумана, в котором двигались какие-то силуэты.

— Кто такой дядя Гедеон?

— Такого нет.

Ему и в голову не приходило, что он говорит с начальником опергруппы по расследованию убийств, который ведет допрос по уголовному делу.

Его брат объяснил:

— Вернее, такого больше нет. Это брат нашей матери, которого звали Гедеоном. Совсем еще молодым он уехал в Америку.

Оливье смотрел на него с таким видом, будто хотел сказать: «К чему все это рассказывать?»

— В семье шутили: «Когда-нибудь мы получим наследство от дядюшки Гедеона».

— Он был богат?

— Мы ничего о нем не знали. Он никогда не подавал о себе вестей. Однажды прислал только открытку под Новый год, подписав: «Гедеон».

— Он умер?

— Когда Бибу было четыре года.

— Кого это может интересовать?

— Мы ищем. Как бы вам объяснить... Брат, продолжая семейную традицию, рассказывал сыну о дядюшке Гедеоне. Последний стал какой-то мифической личностью. Каждый вечер, перед тем как уснуть, ребенок просил рассказать ему историю о дядюшке Гедеоне, которому приписывались бесчисленные похождения. Разумеется, он был сказочно богат, и когда он вернется...

— Кажется, я начинаю кое-что понимать. Он умер?

— В больнице. В Кливленде, где он мыл посуду в одном ресторанчике. Об этом мальчику никогда не говорили. Просто продолжали рассказывать небылицы.

— И он в них верил?

Отец робко позволил себе вставить слово, будто ученик в классе, который боится поднять руку.

— Мой брат считает, что нет. Малыш, думает он, догадался, что это только игра. Я же, наоборот, почти убежден, что он верил. Когда товарищи сказали ему: «Деда-мороза не существует», он целых два года спорил с ними...— Говоря о сыне, он оживлялся, как-то весь подтягивался.— Никак не могу понять, почему он оставил мне такую записку. Я спрашивал у консьержки, не было ли телеграммы. Я даже подумал было, что это Андрэ сыграл с нами шутку. Почему Франсуа ушел из дому в шесть утра и написал мне, чтобы я ехал на Аустерлицкий вокзал? Я побежал туда как сумасшедший. Искал его повсюду. Все ждал, вот-вот он появится. Скажи, Андрэ, ты уверен, что?..

Он смотрел на план, на телефонный коммутатор. Он

знал, что все катастрофы, все происшествия, случающиеся в Париже, неизбежно становятся известны здесь.

— Его не нашли,— сказал Лекер.— Продолжают искать. В восемь часов он был в районе площади Этуаль.

— Откуда ты знаешь? Его там видели?

— Трудно тебе объяснить. На всем пути от тебя до Триумфальной Арки кто-то разбивал стекла на сигнальных тумбах. Около последнего нашли детский носовой платок в синюю клетку.

— Да, у него были такие же платки.

— С восьми часов никаких сведений больше нет.

— Тогда я должен немедленно возвратиться на вокзал. Биб непременно придет туда, раз назначил мне там свидание.

Он удивился молчанию, которое вдруг воцарилось вокруг, и, сначала пораженный, а потом испуганный, оглядел всех по очереди.

— Что это все значит?

Брат опустил голову, комиссар, откашлявшись, сказал неуверенно:

— Заходили ли вы сегодня ночью к теще?

Может быть, и в самом деле, как говорил его брат, он не совсем в своем уме? Вопрос комиссара довольно долго не доходил до его сознания. По его лицу видно было, как мучительно он собирается с мыслями.

Но вот он отвел взгляд от комиссара, резко повернулся к брату, вдруг покраснел и, сверкнув глазами, воскликнул:

— Андрэ! Как ты мог?..

Его возбуждение сразу же улеглось, он наклонился вперед, сжал голову руками и зарыдал, громко всхлипывая.

ГЛАВА III

Комиссар Сайяр, несколько смущенный всем происходящим, смотрел на Андрэ Лекера с удивлением и даже с некоторым недовольством, приняв, по-видимому, его спокойствие за безразличие. Быть может, потому, что у самого Сайяра не было брата? Но Лекер-то, слава богу, знал своего брата с самого детства. Подобные приступы были ему хорошо знакомы еще с тех времен, когда он был совсем мальчишкой. Как ни странно, он был даже доволен, что на сей раз все обошлось именно так,— ведь могло быть куда хуже: вместо слез, вместо этого удручающего смирения и глубокой подавленности Оливье могло охватить возмущение, непримиримость, и тогда он, не задумываясь, бросал бы каждому в лицо слова правды.

Именно по этой причине он всегда оставался без работы.

Неделями, месяцами он в покорном смирении пережевывал нанесенное ему оскорбление, словно упиваясь болью обиды, потом вдруг, когда меньше всего можно было ожидать вспышки, он из-за пустяка, из-за случайно оброненного слова, улыбки, ничтожного недоразумения давал волю своему гневу.

«Как я должен поступить?» — вопрошал взглядом комиссар.

И Андрэ Лекер взглядом ответил:

«Подождать...»

Приступ отчаяния длился недолго. Рыдания, как у ребенка, постепенно стихли, почти замерли, чтобы затем на миг вдруг возобновиться с новой силой. Потом Оливье, шмыгая носом, робко подняв глаза, осмотрелся и, словно все еще чувствуя себя обиженным, закрыл лицо руками.

Наконец он поднялся, решительный и скорбный, и не без гордости произнес:

— Задавайте вопросы, я готов отвечать.

— В котором часу вы отправились к матушке Файе? Минуточку... Скажите раньше, когда вы ушли из дому?

— В восемь вечера, как обычно, уложив сына спать.

— Ничего непредвиденного в этот день не произошло?

— Нет. Мы пообедали вдвоем. Он помог мне помыть посуду.

— Вы говорили о рождестве?

— Да. Я намекнул ему, что когда он проснется, его будет ждать сюрприз.

— Он предполагал, что получит приемник?

— Он давно уже мечтал о нем. Он не играет, как другие дети на улице, у него нет друзей, все свободное время он проводит дома.

— Как вы думаете, ваш сын не мог догадаться, что вы лишились работы в «Пресс»? Он никогда не звонил вам туда?

— Никогда. Когда я на работе, он спит.

— Никто не мог ему об этом сказать?

— В нашем квартале никто не знает.

— Он наблюдателен?

— Ничто из происходящего вокруг нас от него не ускользает.

— Значит, вы уложили его спать и ушли. Вы брали с собой обычно какую-нибудь еду?

Эта мысль пришла комиссару в голову в ту минуту, когда он увидел, как Годен разворачивает свой бутерброд с ветчиной. А Оливье Лекер, взглянув вдруг на свои пустые руки, прошептал:

— Моя коробка!

— Коробка, в которой вы имели обыкновение носить с собой еду?

— Да. Уверен, что она была у меня вчера вечером. Я мог ее забыть только в одном месте...

— У матушки Файе?

— Да.

— Один момент... Лекер, соедините меня с участком Жавель. Алло! Кто у телефона? Жанвье здесь? Попросите его, пожалуйста... Это ты, Жанвье? Ты делал обыск в квартире старухи? Не заметил ли ты жестяной коробки с бутербродами? Ничего похожего? Ты уверен? Да, было бы хорошо... Позвони мне тотчас же, как только проверишь... Очень важно...— И, повернувшись к Оливье, спросил: — Ваш сын спал, когда вы уходили?

— Он засыпал. Я поцеловал его на прощание и ушел. Сначала я немного побродил по улицам нашего квартала. Потом пошел к Сене. Посидел на берегу, выжидая.

— Чего именно?

— Чтобы мальчуган крепко уснул. От нас видны окна госпожи Файе.

— Вы решили пойти к ней?

— Это была единственная возможность. У меня не было даже на метро.

— А ваш брат?

Оба Лекера посмотрели друг на друга.

— За последнее время я у него столько набрал, что вряд ли у него что-нибудь осталось.

— Вы позвонили в дверь? Который был час?

— Начало десятого. Консьержка видела, как я прошел. Я ни от кого не прятался, только от сына.

— Ваша теща еще не спала?

— Она мне открыла и сказала: «Это ты, негодяй!»

— И все же вы думали, что она вам даст деньги?

— Я был почти уверен.

— Почему?

— Достаточно было пообещать ей большие проценты. Перед этим она никогда не могла устоять. Я написал расписку, что обязуюсь вернуть вдвое больше.

— Когда?

— Через две недели.

— А на что вы рассчитывали?

— Сам не знаю. Как-нибудь устроился бы. Мне хотелось, чтобы у сына было рождество, как у всех детей.

Андрэ Лекеру очень хотелось прервать брата и сказать комиссару: «Он всегда был таким!»

— Вам легко удалось получить то, за чем вы пришли?

— Нет. Мы долго спорили.

— Примерно сколько?

— С полчаса. Она меня осыпала упреками: ты-де, мол, ни на что не годен, ничего, кроме нищеты и горя, моей дочери не принес, ты виноват в ее смерти... Я не возражал. Мне нужны были деньги.

— Вы ей не угрожали?

Он покраснел и, опустив голову, пробормотал:

— Я сказал ей, что, если не получу денег, покончу с собой.

— И вы бы на это решились?

— Не думаю. Не знаю. Я очень устал и совсем отчаялся.

— Что же вы сделали, получив деньги?

— Пошел пешком до станции Вогренель и сел в метро. Сошел у Пале Руаяль и зашел в универсальный магазин «Лувр». Там было очень много народу. Повсюду очереди.

— В котором часу это было?

— Может быть, в одиннадцать. Я не торопился, знал, что магазин торгует всю ночь. Было жарко. Я залюбовался игрушечной электрической железной дорогой.

Его брат улыбнулся комиссару.

— Вы не заметили, что потеряли свою жестянку с бутербродами?

— Я думал только о подарках для Биба.

— В общем, вы были очень взбудоражены тем, что у вас деньги?

Да, комиссар не так уж плохо разбирался в людях. Ему и не нужно было знать Оливье с детства. Подавленный, бледный, втянув голову в плечи, он жался к стенам, когда у него было пусто в карманах, но стоило там завестись нескольким франкам, как он становился доверчивым или, точнее, беспечным.

— Вы сказали, что дали вашей теще расписку. Что она с ней сделала?

— Она положила ее в старый бумажник, который всегда носила при себе, в кармане, пришитом под юбкой.

— Вы видели этот бумажник?

— Да. Все его видели.

Комиссар повернулся к Андрэ Лекеру:

— Его не нашли.

Потом — к Оливье:

— Значит, вы купили приемник, потом цыпленка и пирожные. Где?

— На улице Монмартр, в магазине рядом с обувным.

— Что вы делали весь остаток ночи? В котором часу вы ушли из магазина на улице Монмартр?

— Было около двенадцати. Люди выходили из театров и кино, спешили в рестораны. Повсюду встречались веселые компании и парочки.

Брат его в это время находился уже здесь, у своего коммутатора.

— Когда зазвонили колокола, я был уже на Больших Бульварах, неподалеку от Лионского кредита. Люди на улицах целовались...

Сайяру почему-то вдруг захотелось задать ему жестокий и нелепый вопрос:

— Вас никто не поцеловал?

— Нет.

— Вы знали, куда идете?

— Да. На углу бульвара Итальянцев есть кино, которое открыто всю ночь.

— Вы когда-нибудь уже ходили туда?

Стараясь не смотреть на брата, он смущенно ответил:

— Два или три раза. Это не дороже чашки кофе в баре и можно сидеть сколько угодно. Там очень тепло. Некоторые приходят туда, чтоб поспать.

— Когда вы решили провести ночь в кино?

— Как только получил деньги.

А второму Лекеру, человеку спокойному и уравновешенному, все хотелось объяснить комиссару: «Вот видите, бедняки не такие уж несчастные, как думают. Иначе они бы не выдержали. У них свой мир, и где-то в уголках этого мира таятся и у них свои радости».

Да, таков уж у него брат, он-то его знает: стоит ему одолжить несколько франков (а как он их отдаст, одному богу известно!) — и он тут же забывает о своих горестях, думая только о том, как будет радоваться сын, когда проснется, да и себе он тоже не отказывает в маленьких удовольствиях.

Одинокий, никому не нужный, он пошел в кино, а в это время у праздничных столов собирались семьи, разодетые люди танцевали в ночных кабаре, кто-то изливал душу в полумраке церкви, при мерцающем свете восковых свечей.

В общем, он встретил рождество по-своему.

— В котором часу вы вышли из кино?

— Около шести, к открытию метро.

— Какую картину вы смотрели?

— «Пылающие сердца». И еще показывали документальный фильм о жизни эскимосов.

— Вы просидели там только один сеанс?

— Нет, два. Не досмотрел лишь «Новости дня», которые начались, когда я уходил.

Андрэ Лекер знал, что все, что рассказывал брат, будет проверено, как того требовал заведенный порядок. Но это совершенно излишне. Брат порылся в карманах, вытащил оттуда сначала надорванную картонку — свой билет в кино, затем еще одну, розовую.

— Вот! Мой билет в метро.

На нем значилась дата, час, штемпель станции «Опера», где он спустился в метро.

Оливье не лгал. Он не мог находиться в комнате старухи Файе между пятью и половиной седьмого утра.

Теперь его взгляд был вызывающе презрительным. Он, казалось, говорил им всем, включая брата: «Я бедняк, потому вы меня и заподозрили. Таков непреложный закон. Я на вас не в обиде».

И, удивительное дело, всем вдруг показалось, что в большой комнате, где один из полицейских говорил по телефону с пригородным комиссариатом по поводу угнанной машины, вдруг пахнуло холодом.

Вероятно, это объяснялось тем, что, как только вопрос о Лекере-старшем был улажен, все сразу подумали о ребенке. Да, так оно и было, ибо инстинктивно взоры всех обратились к плану Парижа, на котором давно уже не загоралась ни одна лампочка.

Это было так называемое «окно». В будний день в в эти часы иногда случались транспортные происшествия, чаще всего сбивали старых женщин на оживленных перекрестках Монмартра и в густо населенных кварталах.

Сегодня же улицы были почти безлюдны, как в августе, когда большинство парижан выезжает к морю или на дачи.

Было половина двенадцатого. Прошло уже более трех часов, как о мальчишке не поступало никаких известий, он не подавал признаков жизни.

— Алло! Да... Слушаю, Жанвье. Ты говоришь, что в квартире старухи нет никакой жестянки? Хорошо... Ты просматривал одежду покойной? Гонес это сделал до тебя? Ты уверен, что в кармане под юбкой у нее не было старого бумажника? Тебе о нем рассказывали? Консьержка видела, как кто-то прошел вчера вечером к старухе около половины десятого? Я знаю кто... А после? Всю ночь в доме не переставали ходить... Понятно... Не заглянешь ли ты в дом? Да, в тот, что позади... Мне

хотелось бы знать, все ли там было спокойно нынче ночью, главное — в квартире на третьем этаже... Позвонишь мне, ладно?

И он повернулся к неподвижно сидевшему на стуле отцу, в своем смирении похожему на больного, ожидающего приема у врача.

— Вы уловили смысл моего вопроса? Не просыпается ли ваш сын иногда среди ночи?

— Да, у него бывают сомнамбулические явления.

— Он встает и начинает ходить?

— Нет. Садится на постели и кричит. И всегда его преследует один и тот же кошмар. Ему чудится, что горит дом. Глаза у него широко открыты, но он ничего не видит. Потом взгляд его постепенно становится осмысленным, и с тяжелым вздохом он снова укладывается спать. Назавтра он ни о чем не помнит.

— Когда вы утром возвращаетесь, он еще спит?

— Не всегда. Но если он даже и проснулся, делает вид, будто спит,— чтобы я разбудил его поцелуем и потянул за нос. У нас с ним такая игра, понимаете?

— Возможно, соседи в эту ночь шумели более обычного. Кто живет на одной с вами площадке?

— Чех... Работает он на автомобильном заводе.

— Женат?

— Не знаю. В доме живет столько народа, и потом, жильцы так часто меняются, что трудно всех запомнить. По субботам чех обычно приглашает друзей выпить рюмку-другую и попеть песни своей родины.

— Жанвье узнает, собирались ли там вчера, и позвонит нам. Если да, то шум мог разбудить вашего сына. Во всяком случае, ожидание сюрприза, о котором вы предупредили мальчика, должно было его сильно взбудоражить. Если он проснулся и поднялся с постели, он мог машинально подойти к окну и увидеть вас у старухи Файе. Он не догадывался, кто она вам?

— Нет. Он ее не любил. Называл клопом. Он часто встречал ее на улице и говорил всегда, что от нее пахнет раздавленными клопами.

Ребенку, очевидно, запах этот был знаком, ибо в том доме, где они жили, клопов хватало.

— Его удивило бы ваше присутствие в квартире старухи?

— Безусловно.

— Он знал, что она давала деньги под проценты?

— Все это знали.

Комиссар повернулся к другому Лекеру:

— Как вы думаете, сегодня есть кто-нибудь в «Пресс»?

На этот вопрос отозвался бывший линотипист:

— Там всегда кто-нибудь есть.

— Тогда позвоните им. Попытайтесь разузнать, не наводил ли кто-либо справок об Оливье Лекере?

Последний опять обернулся к брату и, прежде чем тот успел открыть справочник, назвал номер телефона типографии.

Пока Лекер звонил, остальным ничего не оставалось делать, кроме как смотреть друг на друга и на лампочки, которые упорно не желали загораться.

— Это очень важно, барышня. Быть может, это вопрос жизни или смерти... Уверяю вас... Потрудитесь, прошу вас, расспросить всех, кто сейчас в типографии... Как вы сказали? Тем не менее я настаиваю! У меня сегодня тоже рождество, а между тем я звоню вам...— И он пробурчал сквозь зубы: — Вот мерзавка!

И снова они ждали, прислушиваясь к стрекоту линотипов, шум которых явственно доносился из телефонной трубки.

— Алло! Как?.. Три недели назад? Ребенок, ага!..

Отец весь побелел и почему-то пристально уставился на свои руки.

— Он не звонил? Сам приходил? В котором часу?.. В четверг? Ну и дальше? Спросил, работает ли Оливье Лекер в типографии? Как? И что ему ответили?

Брат, подняв на Андрэ глаза, увидел, как тот покраснел и в сердцах повесил трубку.

— Твой сын был там как-то в четверг после обеда... По-видимому, он о чем-то догадывался. Ему ответили, что ты не работаешь уже три недели.

К чему было повторять, в каких выражениях об этом сказали мальчишке? А сказали ему следующее: «Этого идиота уже давно вышвырнули за дверь!»

Может быть, вовсе не из жестокости. Просто не подумали, вероятно, что имеют дело с его сыном.

— Ты начинаешь понимать, Оливье? А?

Тот ведь каждый вечер уходил из дома, унося с собой свои бутерброды, рассказывал о типографии, что́ на улице Круассан, а мальчишка знал, что отец лжет. Не следует ли сделать вывод, что он знал правду и о пресловутом дядюшке Гедеоне? И просто умело подыгрывал отцу.

— А я-то обещал ему приемник!

Никто не осмеливался проронить хоть слово, ибо слова эти могли натолкнуть на самые страшные мысли.

Даже те, кто никогда не бывал на улице Васко да Гама, представляли себе нищее жилище, десятилетнего мальчугана, проводившего долгие часы в одиночестве, эту странную семью, где из страха причинить друг другу боль один обманывал другого.

Надо было поставить себя на место мальчишки и понять, как восприняла все это его детская душа: отец, наклонившись над ним, поцеловал его в лоб и ушел, а всюду празднуют рождество, соседи пьют и поют во всю глотку.

«Завтра утром тебя будет ждать сюрприз».

Это мог быть только обещанный приемник, а Биб отлично знал, сколько он стоит.

Известно ли ему было в тот вечер, что у отца ни гроша за душой?

Человек уходил вроде бы на работу, а никакой работы нет.

Пытался ли мальчуган уснуть? Напротив его окна по другую сторону двора высилась огромная стена с освещенными проемами окон,— там текла чужая, пестрая жизнь.

Кто знает, может быть, облокотившись на подоконник, он хотел заглянуть в эти окна?

Отец, у которого не было денег, собирался купить ему приемник.

Комиссар вздохнул, постучал трубкой о каблук и, выбивая пепел прямо на пол, сказал:

— Более чем вероятно, что он видел вас у старухи.

— Скорее всего.

— Постараюсь сейчас проверить одну деталь. Вы живете на третьем этаже, а она на первом. Вполне возможно, из ваших окон видна только часть комнаты.

— Совершенно верно.

— Ваш сын мог видеть, как вы оттуда выходили?

— Нет! Дверь находится в глубине комнаты.

— Вы подходили к окну?

— Я присел на подоконник.

— Весьма важная деталь. Скажите, окно было открыто?

— Да. Помню, мне сильно дуло в спину. Теща всегда спала с открытым окном, зимой и летом. Она из деревни. Первое время после нашей женитьбы она жила вместе с нами.

Комиссар повернулся к человеку, сидевшему у телефонного коммутатора.

— Вы об этом подумали, Лекер?

— Об узорах на окне? Я думаю об этом с самого утра. Если окно было открыто, разница между температурой в комнате и на улице была бы не столь уж велика, чтобы на окнах мог образоваться лед.

Сигнал. Вилка вставлена в гнездо.

— Да... Как вы сказали? Мальчишка?..

Все застыли в напряжении, не спуская глаз с Лекера.

— Да... Да... Как? Бросьте на поиски всех мотоциклистов... Пусть обыщут весь квартал. Я занимаюсь вокзалом. Сколько прошло времени с тех пор? Полчаса? Он не мог раньше предупредить?

И, не теряя времени на объяснения, Лекер переставил вилку в другое гнездо.

— Северный вокзал? Кто у аппарата? Это ты, Ламбер? Слушай, очень срочное дело... Тщательно обыщите весь вокзал. Наблюдайте за всеми помещениями и путями. Опроси всех служащих, не видели ли они мальчишку лет десяти. Он должен быть где-нибудь возле касс или в другом месте. Что ты говоришь? В сопровождении полицейского?.. Неважно... Очень возможно... Прошу тебя, поторопись. Держи меня в курсе. Ну конечно, задержать его...

— В сопровождении полицейского? — повторил, ничего не понимая, его брат.

— Все может быть. Возможно, это и не он, но если он, то мы на полчаса запоздали... Сообщение лавочника с улицы Мобеж, что рядом с Северным вокзалом. Он торгует прямо на улице... Видел, как какой-то мальчиш-

ка схватил с прилавка два апельсина и удрал. Он не побежал за ним вдогонку. Значительно позже, когда поблизости проходил полицейский, он для очистки совести рассказал ему о происшествии.

— У вашего сына были с собой деньги? — спросил комиссар.— Нет? Ни су? У него не было копилки?

— Была. Но я взял оттуда то немногое, что там было,— под тем предлогом, что не хочу менять крупные купюры...

Какое значение обретали теперь все эти детали!

— Как вы считаете, не лучше ли будет, если я сам отправлюсь сейчас на вокзал?

— Думаю, что это бесполезно, а здесь вы нам можете понадобиться.

Они были как бы узниками этой комнаты, в плену у большой настенной карты города, на которой то и дело загорались лампочки, в плену у телефонного коммутатора, связывавшего их со всеми концами Парижа. Что бы ни случилось, именно здесь все будет известно в первую очередь. Комиссар отлично понимал это и потому не торопился вернуться в свой кабинет на Набережной Орфевр. Наконец он снял с себя тяжелое пальто, будто решившись окончательно остаться в префектуре.

— Значит, он не мог сесть ни в метро, ни в автобус. В кафе он тоже не мог зайти, не мог позвонить из автомата... С шести утра он ничего не ел.

— Так где же он? Что он делает? — воскликнул отец, которого вновь охватила тревога.— И почему он просил меня приехать на Аустерлицкий вокзал?

— Вероятно, для того, чтобы вы могли бежать,— вполголоса сказал Сайяр.

— Бежать? Мне?

— Послушайте, друг мой...

Минутами комиссар забывал, что имеет дело с братом инспектора Лекера, и говорил с ним как с «клиентом».

— Мальчишка знает, что вы без работы, что у вас в кармане ни гроша, а между тем вы посулили ему роскошное рождество.

— Наша мать тоже отказывала себе во всем целыми месяцами, только бы справить нам праздник...

— Я же вас ни в чем не упрекаю. Я просто констати-

рую факт. Он облокачивается на подоконник и видит вас у старой ведьмы, дающей деньги под проценты. Что он мог подумать?

— Понимаю.

— Он говорит себе, что вы пошли взять у нее в долг. Ладно. Он растроган, а может быть, огорчен — этого я не знаю. Укладывается снова в постель, засыпает.

— Вы думаете?

— Мне кажется, так оно и было. Если бы он обнаружил в половине десятого то, что увидел в шесть утра, он бы не оставался спокойно в своей комнате.

— Понимаю.

— Итак, он засыпает. Может быть, он больше думает о приемнике, который вы ему пообещали, чем о вашей попытке раздобыть деньги. Вы ведь и то пошли в кино? Верно? Спит он беспокойно, как все дети в ночь под рождество. Просыпается раньше обычного, когда на дворе еще темно, и первое, что он видит,— мороз разрисовал окна узорами. Не забывайте, это первый раз за зиму. Ему захотелось ими полюбоваться, потрогать...

У другого Лекера, того, что сидел у коммутатора, того, что ставил крестики в своей записной книжке, на лице промелькнула улыбка: оказывается, грузный комиссар совсем не так уж далек от воспоминаний детства, как можно было предположить...

— Он поскреб ногтем...

— Как сегодня утром Бигуэ,— вставил Андрэ Лекер.

— Если понадобится, мы сумеем установить правильность моего предположения путем полицейской экспертизы, ибо там, где лед растаял, можно без труда обнаружить отпечатки пальцев на стекле. И что же сразу поражает ребенка? Во всем квартале темно, освещено лишь одно окно, окно той комнаты, в которой он в последний раз видел своего отца. Я все эти детали проверю. Однако готов поспорить, что он увидел лежащее тело, если не все тело, то часть. Может быть, только ноги. А так как комната была освещена, этого было вполне достаточно.

— И он подумал?..— начал Оливье, широко раскрыв глаза.

— Он подумал, что вы ее убили, вот именно, так же как готов был подумать и я. Посудите сами. Человек,

убивающий людей на протяжении последних нескольких недель в отдаленных кварталах Парижа, как и вы, живет ночной жизнью, как и вы, он, по-видимому, пережил тяжелый удар — ведь трудно предположить, что человек просто так, изо дня в день, идет на убийство. Ребенок, разумеется, не знал, что вы делаете по ночам с тех пор, как потеряли работу. Верно? Вы сказали нам, что присели на подоконник. Куда вы положили жестянку с бутербродами?

— На подоконник, я почти уверен...

— Значит, он ее увидел. В котором часу вы ушли от вашей тещи, он не знал. Не знал он также, была ли она еще жива после вашего ухода. В его воображении встало ночное видение. Что бы вас, будь вы на его месте, больше всего поразило?

— Жестянка...

— Совершенно верно... Жестянка, которая позволит полиции вас опознать. На жестянке есть ваше имя?

— Я нацарапал его перочинным ножом.

— Вот видите! Ваш сын полагал, что вы явитесь домой в обычное время, иными словами, между семью и восемью часами. Он не знал, удастся ли ему его затея. При всех обстоятельствах он предпочитал не возвращаться домой. Речь шла о том, чтобы уберечь вас от опасности.

— Вот почему он написал мне записку!

— Он вспомнил о дядюшке Гедеоне. Написал вам, что тот приезжает с Аустерлицкого вокзала. Он знал, что вы все равно пойдете, если даже никакого дядюшки Гедеона не существует. Записка не могла вас ни в чем уличить...

— Ему только десять с половиной лет! — возразил отец.

— А вы думаете, что десятилетний мальчишка знает о таких вещах меньше, чем вы?! Он читает детективные романы?

— Да...

— Как знать, может, он так хотел иметь приемник не столько для того, чтобы слушать музыку и театральные передачи, сколько для того, чтобы следить за всеми такими историями...

— Вот именно.

Мальчик забрал жестянку с бутербродами, чтобы скрыть главную улику.

— Прежде всего надо было убрать уличающую вас жестянку. Он отлично знал двор. Он не раз там играл.

— Конечно. Раньше он целыми днями торчал во дворе вместе с дочкой нашей консьержки.

— Значит, он знал, что можно воспользоваться водосточной трубой. Может быть, он уже пробовал по ней взбираться.

— Ну, а дальше? — с удивительным хладнокровием спросил Оливье.— Предположим, он забрал жестянку, вышел из дому моей тещи; входная дверь открывается изнутри, и нет необходимости вызывать консьержку. Вы говорите, что было, вероятно, начало седьмого.

— Понимаю,— пробурчал комиссар.— Даже если бы он не спешил, ему понадобилось бы куда меньше двух часов, чтоб добраться до Аустерлицкого вокзала, где он назначил вам свидание. Но он туда не пошел.

Не прислушиваясь ко всем этим предположениям, второй Лекер, вставив вилку в гнездо, вздохнул:

— По-прежнему ничего, старина?

И ему ответили с Северного вокзала:

— Мы опросили уже около двадцати человек, сопровождавших детей, но никто из этих ребят не соответствует указанным приметам.

— Ты хочешь сказать?..

— Я хочу сказать, что твой сын идет по следу убийцы или убийца идет по следу твоего сына. Один идет за другим — не знаю, кто за кем,— и они не собираются расставаться. Скажите, господин комиссар, было ли объявлено вознаграждение за поимку убийцы?

— Большая сумма, после третьего убийства. Она была утроена на прошлой неделе. Об этом было напечатано в газетах.

— Тогда,— сказал Андрэ Лекер,— возможно, не за Бибом идут, а он сам идет за кем-то. Только в этом случае...

Было двенадцать часов, прошло уже четыре часа, как ребенок не подавал никаких признаков жизни, если исключить, что воришка, утащивший два апельсина на улице Мобеж, был Бибом.

ГЛАВА IV

Может быть, в конце концов пришел и его день? Андрэ Лекер где-то читал, что для каждого человека, каким бы незаметным он ни был, каким бы неудачником его ни считали, может наступить заветный час, когда ему суждено заявить миру о себе.

Он никогда не был высокого мнения ни о себе, ни о своих возможностях. Когда у него спрашивали, почему он избрал такую однообразную сидячую работу вместо того, чтобы, к примеру, работать в опергруппе по расследованию убийств, он отвечал:

— Я лентяй!

А иногда добавлял:

— А может, я боюсь стрельбы?

Это была неправда. Но он знал, что он тугодум.

Конечно, апельсины мог стащить любой мальчишка. Но любой мальчишка вряд ли стал бы разбивать одно за другим семь сигнальных стекол. Лекер снова принялся разглядывать свои семь крестиков. Он никогда не считал себя умнее брата, но зато у него было куда больше терпения и настойчивости.

— Я уверен,— сказал он,— что жестянку из-под бутербродов найдут в Сене недалеко от моста Мирабо.

Шаги на лестнице. В обычные дни этому не придали бы никакого значения. Но в это рождественское утро помимо воли все настораживало.

Это был полицейский из моторизованной бригады, который привез носовой платок со следами крови, найденный у седьмой сигнальной тумбы. Его показали отцу.

— Да, это платок Биба.

— Следовательно, за ним кто-то идет по пятам,— заключил комиссар.— Если бы за ним не шли, если бы у него было время, он бы не стал зря бить стекла. Он бы что-то сказал.

— Простите,— вмешался Оливье, единственный, кто еще ничего не понял.— Кто за ним идет? И почему он должен звать на помощь полицию?

Никто не мог решиться объяснить ему суть дела, открыть глаза на истину. Эту миссию взял на себя его брат.

— Потому что, спускаясь к старухе Файе, он был

уверен, что убийца ты, но, выходя из дома, он больше так не думал. *Он знал.*

— Что он знал?

— Он знал *кто!* Теперь ты понимаешь? Он обнаружил что-то такое, чего не знаем мы и что пытаемся узнать вот уже сколько часов. Только ему не дают возможности сообщить об этом нам.

Учеба в школе давалась ему с трудом. Экзамены на полицейский чин, которые другие сдавали шутя, ему стоили больших усилий.

Может быть, он потому и не женился, что слишком хорошо знал себя. Вполне возможно. Ему казалось, что какую бы женщину он ни выбрал, она окажется выше его и он в конце концов попадет к ней под каблук.

Но сейчас он думал не об этом. Он даже, быть может, и не предполагал, что пробил его час, если это вообще было возможно. На смену утренней бригаде явилась следующая—отдохнувшие, принаряженные люди, успевшие отпраздновать рождество в семье, принесли с собой сюда легкий запах пирогов и вина.

Старина Бедо занял свое место у коммутатора, но Лекер не ушел и только сказал:

— Я побуду еще немного.

Комиссар Сайяр отправился перекусить в бистро «Дофин», что в двух шагах от префектуры, распорядившись, чтобы его тотчас же позвали, если будут какие-нибудь известия. Жанвье вернулся на Набережную Орфевр и составлял там рапорт.

Лекер не собирался идти домой. Спать ему вовсе не хотелось. Ему уже довелось однажды провести тридцать шесть часов на посту во времена беспорядков на площади Согласия. В другой раз, во время всеобщей забастовки, работники префектуры не выходили из бюро четыре дня и четыре ночи.

Самым нетерпеливым был его брат.

— Я пойду искать Биба,— заявил он.

— Куда?

— Не знаю. К Северному вокзалу.

— А если это не он стащил апельсины? Если он совсем в другом месте? Если через несколько минут или через час мы получим о нем сведения?

Оливье усадили в углу на стул, ибо он категорически

отказался поспать. Веки у него были красные от усталости и возбуждения, он хрустел пальцами, как ребенок, которого за что-нибудь распекают.

Андрэ Лекер, приученный к дисциплине, попытался хоть немножко отдохнуть. Рядом с большим залом имелась комнатенка с умывальником, двумя раскладушками и вешалкой; здесь в часы затишья иногда дремали ночные дежурные.

Лекер закрыл глаза. Потом рука его нащупала в кармане записную книжку, которая всегда была при нем; он извлек ее и, вытянувшись на спине, стал листать.

Ничего, кроме крестиков, в ней не было,— сплошные колонки крестиков, которые он годами заносил в книжку, хотя не обязан был это делать и даже не знал, зачем и когда ему они понадобятся.

Некоторые люди ведут дневники, некоторые записывают свои расходы или проигрыши в бридж. Эти же крестики, стоявшие в узких разграфленных колонках, отражали ночную жизнь Парижа.

— Хочешь кофе, Лекер?

— Спасибо.

Но так как в этой комнатенке он чувствовал себя оторванным от жизни большой комнаты и ему не было видно карты с лампочками, он перетащил туда свою раскладушку, выпил кофе и до тех пор занимался изучением крестиков в своей записной книжке, пока не закрыл глаза. Иногда из-под полуприкрытых век он поглядывал на своего брата, сидевшего на стуле с опущенными плечами и поникшей головой. Лишь судорожное похрустывание его длинных бледных пальцев напоминало о мучительной драме, разыгравшейся в его душе.

Теперь уже сотни полицейских не только в Париже, но и в пригородах получили приметы ребенка. Время от времени появлялась надежда, звонили из какого-нибудь комиссариата, но оказывалось, что речь идет либо о девочке, либо о мальчике, то слишком маленьком, то, наоборот, слишком большом.

Лекер опять закрыл глаза, потом вдруг открыл их, словно со сна, взглянул на часы и поискал взглядом комиссара.

— Сайяр еще не возвращался?

— Он, вероятно, пошел на Набережную Орфевр.

Оливье с удивлением посмотрел на брата, осматривавшего комнату, а тот ничего не замечал, даже не видел, что солнце вдруг пробило бледную завесу облаков, и Париж в этот рождественский послеобеденный час казался светлым, почти весенним.

Он прислушивался только к шагам на лестнице.

— Ты бы пошел и купил бутерброды,— сказал он брату.

— С чем?

— С колбасой. Что найдешь. Все равно.

Хотя его грызла тревога, Оливье, бросив напоследок взгляд на карту с лампочками, вышел из комнаты с чувством облегчения — хоть немного побудет на свежем воздухе.

Те, что сменили утреннюю бригаду, ничего почти не знали, кроме того, что речь идет об убийце и что где-то в Париже какому-то мальчишке грозит опасность. Для них, проведших ночь дома, это событие носило совсем иной характер и сводилось лишь к нескольким конкретным данным и сухим сведениям. Старина Бедо, сменивший Лекера, сдвинув наушники на лоб, решал кроссворд, отрываясь лишь для того, чтобы ответить привычное:

— Алло! Аустерлиц? Машина вышла...

Утопленница, которую выудили из Сены. Это было тоже одной из традиционных особенностей рождества.

— Мне нужно с вами поговорить, господин комиссар.

Раскладушка была водворена на свое место в комнатенку, и Лекер увлек туда начальника опергруппы по расследованиям убийств. Комиссар курил трубку; он снял пальто и посмотрел на своего собеседника с некоторым удивлением.

— Прошу прощения за вмешательство в дела, которые меня не касаются,— это по поводу убийцы...

Лекер держал в руках записную книжку, но видно было, что он знает ее содержание наизусть и заглядывает в нее лишь для вида.

— Извините, если буду говорить несколько сбивчиво о том, что мне пришло в голову, но я об этом думаю с самого утра и...

Только что, когда он лежал, все казалось таким ясным и понятным. Теперь же ему приходилось подыскивать

нужные слова, чтобы облечь в них свои мысли, которые стали почему-то совсем расплывчатыми.

— Ну так вот. Прежде всего я обратил внимание на то, что восемь преступлений были совершены после двух часов утра, а большинство — после трех.

По лицу комиссара он увидел, что это обстоятельство для него особого значения не имеет.

— Вот уже три года, как я любопытства ради занимаюсь изучением вопроса: в какое время обычно происходят такого рода преступления. Большей частью между десятью часами вечера и двумя часами ночи.

По-видимому, он был на ложном пути, поскольку никакой реакции не последовало. Почему не сказать совершенно откровенно, что навело его на эту мысль? Сейчас не время для излишней щепетильности.

— Когда я смотрел на брата, я подумал: человек, которого вы ищете, должен быть таким, как он. В какой-то момент я даже спрашивал себя, не он ли это. Обождите...

Он почувствовал, что говорит дело. Глаза комиссара выражали нечто большее, чем вежливое внимание скучающего человека.

— Если бы у меня было время, я привел бы свои мысли в порядок. Но вы сейчас поймете... Человек, совершающий восемь убийств одно за другим,— маньяк, верно? Это тип, который по той или иной причине свихнулся Вот, например, мой брат потерял работу, а чтоб не признаваться в этом сыну, чтобы не уронить себя в его глазах, продолжал изо дня в день уходить из дому в один и тот же час, продолжал вести себя так, будто он работает...

Мысль, выраженная словами, фразами, теряла свою убедительность. Он чувствовал, что Сайяр, несмотря на видимое усилие, не находил особого смысла в его словах.

— Человек, у которого вдруг отнимают все, что он имел, все, что составляло смысл его жизни...

— Становится помешанным?

— Не знаю, помешанный ли он. Может, это называется и так. Тот, кто считает себя вправе презирать весь мир, мстить за все... Вы ведь знаете, господин комиссар, что профессиональные убийцы убивают всегда одним и тем же способом. Этот же пользовался ножом,

топором и гаечным ключом. Одну из своих жертв он просто задушил. И нигде его никто не видел. Никаких следов он не оставлял. Где бы он ни жил, ему нужно пройти многие километры по Парижу, ибо в эти часы нет ни метро, ни автобуса. И, несмотря на то что вся полиция с первых же его преступлений поставлена на ноги, несмотря на то что все подозрительные взяты на учет, его никак не удается найти.

Чувствуя, что он наконец на верном пути, и боясь, как бы комиссару не наскучило его слушать, он так и готов был воскликнуть:

«Умоляю вас, выслушайте меня до конца!»

Комнатенка была крохотная, три шага из конца в конец, и он ходил по ней перед сидящим на краю раскладушки комиссаром.

— Поверьте мне, это не просто абстрактные рассуждения. Я вообще не способен на какие-то необычайные мысли. Но вот мои крестики, вот факты, которые я регистрирую... Сегодня утром, например, он пересек почти весь Париж, при этом ни разу не прошел мимо полицейского участка, избегал все перекрестки, где есть постовые.

— Вы хотите сказать, что он хорошо знает Пятнадцатый округ?

— Не только Пятнадцатый, но по крайней мере еще два, если судить по предыдущим преступлениям: Двадцатый и Двенадцатый. Он сознательно выбирал свои жертвы, всегда знал — это люди одинокие, живущие в таких условиях, что он без особого риска может совершить нападение.

Он чуть было не утратил решимость, заслышав унылый голос брата.

— Вот бутерброды, Андрэ!

— Хорошо. Спасибо. Садись... Ешь...

Он не решился закрыть дверь из-за какого-то глупого, унизительного чувства: он слишком незначительная личность, чтобы запереться один на один с комиссаром.

— Если он каждый раз менял оружие, значит, он понимал, что именно это будет сбивать с толку. Следовательно, он знает, что убийцы обычно придерживаются одного метода.

— Так вы думаете, Лекер...— Комиссар поднялся

и посмотрел на инспектора отсутствующим взглядом, словно следя за ходом своей собственной мысли.— Вы хотите сказать, что...

— Не знаю. Но я подумал, что это кто-то из наших. Кто-то, кто, во всяком случае, работал среди нас.— Он понизил голос.— Кто-то из тех, с кем случилось то же, что с моим братом. Вы поняли меня? Пожарнику, которого прогнали с работы, вполне может прийти мысль о поджогах. Это случается два раза в год. Кто-нибудь из полиции...

— Но зачем грабить?

— Моему брату тоже нужны были деньги: ведь сын должен был думать, что он по-прежнему работает в «Пресс» и зарабатывает на жизнь. Если этот убийца делает вид, будто он по ночам трудится в поте лица, то он неизбежно должен проводить вне дома все ночные часы. Вот объяснение, почему он свои преступления совершает после трех часов ночи. Ему нужно ждать утра, когда он может возвратиться домой. Первые часы бегут незаметно — еще открыты кафе и бары. Потом он остается на улицах один...

Сайяр сердито пробурчал, будто про себя:

— Сегодня никого нет в отделе личного состава.

— Нельзя ли позвонить к самому начальнику отдела? Может быть, он помнит?

Лекер не все сказал. Ему хотелось напомнить еще о многом, но от волнения множество мелочей вылетело из головы. Быть может, все это лишь игра его воображения? Подчас ему так и казалось, но иногда он был уверен, что на него нашло прозрение.

— Алло! Скажите, пожалуйста, нельзя ли попросить мосье Гийома? Его нет? Не могли бы вы мне сказать, где его найти? У дочери в Отейе? Вы знаете номер ее телефона?

Там тоже, по-видимому, отлично позавтракали в семейном кругу и теперь смаковали кофе с ликером.

— Алло! Мосье Гийом? Говорит Сайяр. Простите за беспокойство. Надеюсь, вам не пришлось из-за меня покинуть стол? Это по поводу убийцы. Есть кое-какие новости. Правда, еще ничего определенного. Мне хотелось бы проверить одно предположение,— это весьма срочно. Мой вопрос, возможно, покажется вам странным. Не был

ли за последние месяцы уволен кто-нибудь из служащих в любом чине? Как вы сказали? Ни одного за последний год?

Сердце у Лекера сжалось, словно в предчувствии катастрофы, готовой разразиться над ним, и он бросил взгляд на карту Парижа. Он проиграл. И, готовый сдаться, с удивлением смотрел на своего шефа, который продолжал настаивать на своем:

— Может быть, это было раньше... не знаю... Меня интересует кто-нибудь из ночных, работавших в разных округах, в частности в Пятнадцатом, Двадцатом и Двенадцатом. Кто-нибудь, кого увольнение очень озлобило. Как?

Голос Сайяра, произнесший это последнее слово, вернул Лекеру надежду, а все окружающие ничего не понимали из разговора.

— Бригадир Любэ? Да, я слышал о таком, но в ту пору я еще не входил в состав дисциплинарного совета. Ах, уже три года! Вы не знаете, где он живет? Где-то около Центрального рынка?

Целых три года... Лекер снова почувствовал себя на грани разочарования. Трудно было себе представить, что человек три года будет таить обиду и ненависть, прежде чем начать действовать.

— Вы не знаете, что с ним сталось? Безусловно. Да. Нелегко будет...

Он повесил трубку, посмотрел внимательно на Лекера и сказал ему, обращаясь как к равному:

— Вы слышали? Имеется некий Любэ, бывший бригадир, которому, прежде чем уволить, не раз делали предупреждения, перебрасывали из одного комиссариата в другой. Он очень тяжело все это воспринял. Стал пить. Гийом думает, что он поступил в агентство частного сыска. Если хотите, давайте попытаемся...

Лекер не очень-то верил, что их попытка увенчается успехом, но все же это было лучше, чем сидеть сложа руки у карты Парижа. Он начал с самых подозрительных агентств, сомневаясь, чтобы такой человек, как Любэ, мог устроиться в более солидные. Большинство контор было закрыто. Он стал звонить людям на дом.

Чаще всего ему отвечали:

— Не знаю. Попробуйте узнать у Тиссерана, бульвар Сен-Мартен. Он подбирает всякую шваль.

Но и у Тиссерана, который специализировался на слежке, его сначала тоже постигла неудача. Сорок пять минут Лекер просидел у телефона, пока кто-то злобно не рявкнул:

— Не говорите мне об этой сволочи. Вот уже два месяца, как я вышвырнул его за дверь, и, хотя он пригрозил, что рассчитается со мной, но до сих пор и пальцем не пошевельнул. Пусть только попадется мне, я набью ему морду.

— Чем он занимался у вас?

— Ночная слежка за домами.

Андрэ Лекер снова преобразился.

— Он много пил?

— Спрашиваете! После первого же часа дежурства был уже пьян. Сам не знаю, как это он устраивался, но его бесплатно поили.

— У вас есть его адрес?

— Да. Улица Па-де-ля-Мюль, дом двадцать семь-бис.

— У него есть телефон?

— Возможно. Не имею никакого желания звонить ему. Всё? Могу продолжать партию в бридж?

Не успев еще повесить трубку, тот человек начал объяснять своим гостям, что стряслось.

А комиссар уже держал в руках телефонный справочник и разыскивал номер Любэ. Он позвонил. Между ним и Андрэ Лекером установилось взаимное понимание. Они оба питали одну и ту же надежду. Почти у цели, они ощущали дрожь в пальцах; второй же Лекер, Оливье, чувствуя, что происходит нечто важное, встал, оглядываясь по сторонам.

Не получив приглашения, Андрэ Лекер позволил себе поступок, на который еще утром не был способен: он схватил параллельную трубку. Послышался телефонный гудок в квартире на улице Па-де-ля-Мюль. Гудки повторялись один за другим, словно отзываясь в пустоте, и сердце у Лекера снова сжалось, но в этот момент кто-то снял трубку.

Слава богу! И женский голос, принадлежавший, видимо, старухе, произнес:

— Наконец-то! Где ты?

— Алло, мадам, это не ваш муж.

— Что с ним случилось? Какое-нибудь несчастье?

По тону, каким был задан вопрос, можно было судить, что сама возможность такого исхода радует ее, что она уже давно ждала подобного сообщения.

— У телефона мадам Любэ?

— Кто говорит?

— Вашего мужа нет дома?

— Прежде всего скажите, кто говорит?

— Комиссар Сайяр...

— Зачем он вам понадобился?

Комиссар на секунду прикрыл рукой трубку и тихо сказал Лекеру:

— Позвоните Жанвье, чтобы он немедленно отправился туда.

В ту же минуту позвонили из другого комиссариата, и в комнате теперь говорили сразу по трем телефонам.

— Ваш муж еще не возвращался?

— Если бы полиция хорошо работала, вы бы сами знали.

— С ним это часто бывает?

— Его дело!

Она, по-видимому, ненавидела пьяницу-мужа, но, раз ему угрожала опасность, она сразу же встала на его сторону.

— Вы, конечно, знаете, что он уже больше у нас не работает.

— Конечно, он недостаточно большая сволочь для вас!

— Когда он перестал работать в агентстве «Аргус»?

— Что?.. Обождите-ка, пожалуйста... Как вы сказали? А, хотите у меня выведать что-нибудь, так ведь?

— Весьма сожалею, мадам. Из агентства «Аргус» вашего мужа выставили два месяца назад.

— Вы лжете!

— Стало быть, все эти месяцы он каждый вечер уходил на работу?

— Куда же он уходил? В «Фоли-Бержер», что ли?

— Почему он не пришел сегодня утром? Он вам не звонил?

Она, вероятно, испугалась, что ее поймают на слове, и предпочла повесить трубку.

Когда комиссар в свою очередь повесил трубку и повернулся, он увидел Андрэ Лекера, стоявшего позади него. Отвернувшись, тот тихо произнес:

— Жанвье уже поехал туда...

И пальцем сбросил слезинку, нависшую на ресницах.

ГЛАВА V

С ним обращались как с равным. Но он знал, что так будет недолго, что завтра он снова станет обыкновенным незаметным служащим у телефонного коммутатора, роботом, ставящим никому не нужные крестики в своей записной книжке.

Все занимались своими делами. Даже на его брата никто не обращал внимания, а тот глядел на всех по очереди своими кроличьими глазами, слушал их, ничего не понимал и все спрашивал себя, почему, когда речь идет о жизни его сына, они все так много говорят и так мало действуют.

Дважды он подходил к Андрэ и умоляюще тянул его за рукав:

— Разреши мне пойти искать...

Искать? Где? Кого? Приметы бывшего бригадира Любэ уже были сообщены всем комиссариатам, на все вокзалы, всем патрулям.

Искали теперь не только мальчишку, но и мужчину пятидесяти восьми лет, по всей вероятности пьяного, знавшего Париж и парижскую полицию как свои пять пальцев, мужчину в черном пальто с бархатным воротником, в старой серой фетровой шляпе.

Жанвье вернулся. Вид у него был оживленный — не то что у других. Все происходящее, казалось, вносило на какое-то время струю свежего воздуха. Потом постепенно все опять погрузится в серый туман будней, в котором неторопливо потянется жизнь.

— Она пыталась захлопнуть дверь у меня перед носом. Но я успел просунуть ногу в щель. Она ничего не знает. Говорит, что в прошлом месяце он, как всегда, принес ей свое жалованье.

— Для этого он и должен был воровать. Крупные

суммы ему ни к чему, он бы не знал, что с ними делать. Какая она из себя?

— Маленькая, чернявая, с живыми глазами и крашеными, чуть ли не синими волосами. Наверное, у нее экзема или прыщи на коже — она не снимает перчаток.

— Ты добыл его фотографию?

— Почти силой взял ее с буфета в столовой. Жена не давала.

Плотный мужчина с близко поставленными глазами, в молодости, по-видимому, первый парень на деревне, сохранивший с тех пор глуповато-самодовольный вид. Фотография к тому же была старая, многолетней давности. Теперь Любэ, надо полагать, опустился, похудел и вместо былой самоуверенности в нем должно было появиться притворство.

— Тебе не удалось узнать, где он бывает?

— Насколько я понял, она его никуда не выпускает до ночи, когда он отправляется, как она думала, на работу. Я расспрашивал консьержку. Он очень боится жены. Часто консьержка видела, как он по утрам, шатаясь, возвращается домой, но стоит ему только положить руку на перила, и он выпрямляется. Вместе с женой он ходит за покупками, днем выходит только вместе с ней. Когда он спит, а ей надо выйти по делам, она запирает его и ключ уносит с собой.

— Что вы обо всем этом думаете, Лекер?

— Интересно знать, идут ли они вместе — он и мой племянник.

— Что вы хотите сказать?

— Вначале, часов так до половины седьмого, они были не вместе — Любэ не позволил бы ему разбивать сигнальные стекла. Их разделяло определенное расстояние. Один из них шел по следу другого...

— Кто из двух, по-вашему?

Такой вопрос хоть кого мог сбить с толку, особенно когда каждое твое слово ловят, словно ты ни с того ни с сего стал оракулом. Никогда еще он не ощущал себя таким ничтожеством, как теперь, никогда так не боялся ошибиться.

— Когда мальчишка карабкался по водосточной трубе, он считал виновным своего отца и поэтому-то с помощью записки о приезде мифического дядюшки

Гедеона хотел спровадить отца на Аустерлицкий вокзал, где рассчитывал, по-видимому, встретиться с ним, забрав предварительно жестянку с бутербродами.

— Это выглядит вполне правдоподобным.

— Биб не мог думать...— пытался возразить Оливье.

— Молчи!.. В этот момент преступление уже свершилось. Ребенок не рискнул бы на такой поступок, если бы не увидел из окна труп...

— Он его видел,— подтвердил Жанвье.— Из своего окна он мог видеть тело от ступней ног до половины икры.

— Единственное, чего мы не знаем, был ли еще убийца в комнате.

— Нет! — в свою очередь сказал комиссар.— Нет, если бы он там был, он бы спрятался, пока мальчишка лез в окно, и убил бы этого опасного свидетеля, как убил старуху.

Необходимо было, однако, осмыслить все до конца, восстановить мельчайшие детали для того, чтобы найти Лекера-младшего, которого на рождество дожидались целых два приемника вместо одного.

— Скажи мне, Оливье, когда ты вернулся домой сегодня утром, в квартире еще горел свет?

— Да.

— В комнате малыша?

— Да. Меня это поразило. Я подумал, что он заболел.

— Значит, убийца мог видеть свет. Он боялся свидетелей. Ему, конечно, не могла прийти в голову мысль, что кто-то проникнет в комнату по водосточной трубе. И он поспешил уйти.

— И ждал на улице, чтобы узнать, что будет дальше.

Единственное, что они могли сейчас делать,— это строить предположения, придерживаясь, насколько возможно, законов логики. Остальное было уже делом патрулей, сотен полицейских, разбросанных по всему Парижу, наконец, чистой случайности.

— Скорее всего, ребенок, вместо того чтобы уйти тем же путем, что пришел, предпочел воспользоваться дверью...

— Одну минутку, господин комиссар. В это время он уже, по всей видимости, знал, что убийца не его отец.

— Почему вы так думаете?

— Мне кажется, Жанвье говорил, что старуха Файе плавала в луже крови. Если преступление было совершено незадолго до прихода мальчишки, кровь не успела высохнуть и тело было еще теплым. Отца же Биб видел в комнате в девять часов вечера...

Каждый новый факт давал новый проблеск надежды. Возникло ощущение, что развязка близка. Остальное, казалось, не составляло особого труда.

Иногда обоих мужчин осеняла одновременно одна и та же мысль, и у них одновременно вырывалось какое-то слово.

— Выйдя из дома, мальчуган обнаружил человека, Любэ или другого, скорее всего Любэ. Последний не мог знать, что его увидели. Ребенок, охваченный страхом, бросился наутек не оборачиваясь.

На сей раз в разговор вмешался отец. Он категорически сказал «нет» и своим бесцветным голосом стал объяснять:

— Если Бибу было известно о назначенном вознаграждении, он не бросился бежать. К тому же он уже знал, что я потерял работу, и видел, что я занял деньги у старухи...

Комиссар и Андрэ посмотрели друг на друга, им стало страшно, они оба чувствовали, что второй Лекер прав.

Воображение услужливо подсказывало: пустынная улица в одном из самых заброшенных кварталов Парижа, глухая ночь, до рассвета не меньше двух часов... И одержимый человек, совершающий восьмое убийство за несколько недель, убивающий из ненависти, назло всем и в то же время из нужды, может быть, для того, чтобы доказать самому себе бог весть что, человек, который из оскорбленного самолюбия хотел показать всему миру, что ему плевать на полицию.

Был ли он, как всегда, пьян? Можно было предположить, что в рождественскую ночь, когда бары открыты до утра, он выпил куда больше обычного и глядел на мир глазами, затуманенными вином. Он видел на этой улице, в этом пустынном углу, средь темных фасадов домов ребенка, мальчишку, который все знал, который поможет схватить его, и это положит конец его безумствам.

— Хотел бы я знать, был у него револьвер или нет? — вздохнул комиссар.

Ему не пришлось долго ждать ответа. Жанвье тотчас же отозвался:

— Я задал этот вопрос его жене. Он всегда носил при себе пистолет, но незаряженный.

— Почему?

— Жена боялась его. Когда он бывал слишком пьян, он переставал слушаться ее и начинал угрожать. Она спрятала патроны, считая, что если ему понадобится пустить в ход оружие, достаточно будет одного его вида, а стрелять уж не понадобится.

Неужели же они, ребенок и старый безумец, играют на улицах Парижа в кошки-мышки? Старый полицейский не мог угнаться за десятилетним мальчишкой. Ребенок, со своей стороны, был не в силах одолеть человека такого сложения.

Но этот убийца для мальчишки — целое состояние, конец нужды. Его отцу не придется больше по ночам блуждать по городу, чтобы думали, будто он по-прежнему работает на улице Круассан; ему не нужно будет грузить овощи на Центральном рынке и унижаться перед какой-то старухой, чтобы получить деньги взаймы без всякой надежды возвратить долг.

Все было достаточно ясно, и не было необходимости больше обсуждать эту тему. Все смотрели на карту, вглядывались в названия улиц. Вероятно, ребенок держался на порядочном расстоянии от убийцы и последний, чтобы припугнуть мальчишку, должно быть, показал ему свой револьвер.

В темных домах спящего города тысячи и тысячи скованных сном людей ничем не могли помочь ни тому, ни другому.

Любэ не мог до бесконечности оставаться на улице, карауля ребенка, который осмотрительно держался на почтительном расстоянии от него, поэтому он начал петлять по городу, обходя опасные улицы, синие фонари комиссариатов и полицейские посты на перекрестках.

Через два-три часа на тротуарах покажутся прохожие, и мальчишка, наверное, бросится к первому встречному, зовя на помощь.

— Любэ шел первым,— медленно произнес комиссар.

— А мой племянник — в этом виноват я, потому что объяснил ему когда-то назначение сигнальных тумб,— разбивал стекла,— добавил Андрэ Лекер.

Крестики постепенно оживали. То, что вначале казалось таинственным, становилось понятным, но одновременно и трагическим.

Самым трагическим, быть может, был проклятый денежный вопрос — вознаграждение, ради которого мальчуган десяти лет сознательно шел на испытание страхом, рискуя собственной жизнью.

Отец беззвучно, не всхлипывая, плакал, даже не скрывая слез. У него не было больше сил, он был опустошен. Его окружали непривычные предметы, странные аппараты, люди, которые говорили о нем так, словно бы не о нем шла речь, словно его здесь нет, и среди этих людей был его брат, брат, которого он с трудом узнавал и на которого смотрел с невольным уважением.

Фразы становились все более отрывистыми. Лекер и комиссар понимали друг друга с полуслова.

— Любэ не мог вернуться домой...

— Ни войти в бар с ребенком, следующим за ним по пятам.

Андрэ Лекер вдруг улыбнулся, сам того не замечая.

— Он не представляет себе, что у мальчишки нет ни гроша в кармане и что он может улизнуть от него, спустившись в метро.

Да нет! Не вышло бы. Биб не сводил с него глаз и тотчас же подал бы сигнал.

Трокадеро. Квартал площади Этуаль. Время шло. Начало светать. Люди выходили из домов. Слышались шаги на тротуарах.

Невозможно было, не применив оружия, убить ребенка посреди улицы и при этом не привлечь внимания.

— Так или иначе, они должны встретиться,— решил комиссар, словно отгоняя от себя кошмарное видение.

В этот миг загорелась лампочка на карте. Как будто заранее зная, о чем пойдет речь, Лекер ответил вместо своего коллеги:

— Да. Я и не сомневался... Благодарю...— И объяснил: — По поводу двух апельсинов. Найден мальчишка, североафриканец, он заснул в зале ожидания третьего класса Северного вокзала. У него в кармане еще был

один апельсин. Он живет в Восемнадцатом округе, удрал сегодня утром из дому, потому что его избили.

— Ты думаешь, Биб погиб?

Оливье Лекер так хрустнул пальцами, что казалось, он их сломает.

— Если бы он погиб, Любэ вернулся бы домой — ему нечего было бы больше опасаться.

Значит, борьба продолжалась в омытом солнцем Париже, по которому гуляли родители со своими праздничнo разодетыми детьми.

— Вероятно, боясь потерять в толпе след преступника, Биб к нему приблизился...

Возможно, Любэ заговорил с ним, угрожая револьвером: «Если ты позовешь на помощь, я выстрелю...»

Итак, каждый из них преследовал свою цель: задача одного — избавиться от мальчишки, завлечь его в безлюдное место и прикончить; задача второго — поднять тревогу, но так, чтобы убийца не успел выстрелить.

Каждый думал о своем. Каждый рисковал жизнью.

— К центру города, где много полицейских, Любэ, конечно, не пойдет. К тому же большинство из них знает его.

С площади Этуаль они, вероятно, поднимались к Монмартру, не к той его части, где ночные кабаре, а туда, где живет бедный люд, к тем унылым улочкам, которые в такой день, как сегодня, казались глубокой провинцией.

Половина третьего. Ели ли они? Неужели Любэ, несмотря на грозившую ему опасность, мог столько времени выдержать, не пропустив и рюмки?

— Скажите мне, господин комиссар...

Андрэ Лекеру, как он ни старался, никак не удавалось придать своему голосу уверенность, ему все казалось, что он вмешивается не в свое дело.

— В Париже имеются сотни небольших баров, я почти все их знаю. Что, если начать с кварталов, где они вероятнее всего могут быть, и бросить туда побольше людей...

Не только все находившиеся в комнате изъявили желание принять участие в поисках, но, когда Сайяр дал знать на Набережную Орфевр, шесть дежурных инспекторов немедленно сели за телефоны.

— Алло! «Бар друзей»? Скажите, не появлялся ли у вас пожилой человек в черном пальто в сопровождении десятилетнего мальчишки?

Лекер опять ставил крестики, но уже не в свою записную книжку, а в рекламный календарь. Там страниц десять, по меньшей мере, было отведено под бары с самыми затейливыми названиями. Некоторые из них оказались закрытыми. В других играла музыка, звуки которой доносились в телефонную трубку.

На плане города, лежавшем раскрытым на столе, по мере поступления ответов синим карандашом ставили галочки. Когда они добрались до площади Клиши, позади нее, в маленьком переулке с весьма скверной репутацией, удалось наконец поставить первую красную точку.

— Приблизительно около двенадцати такой тип заходил к нам. Он выпил три рюмки кальвадоса и заказал белого вина для мальчишки. Но тот пить не захотел. В конце концов выпил и съел два крутых яйца...

По лицу Оливье Лекера можно было подумать, что он слышит голос сына.

— Вы не знаете, куда они пошли?

— В сторону Батиньоль... Мужчина был уже крепко под мухой.

Отцу тоже очень хотелось сесть к телефону и начать звонить, но свободных аппаратов больше не было, и он ходил от одного к другому, нахмурив брови.

— Алло! «Занзибар»? Не видели ли вы сегодня утром...

Едва один успевал произнести эти слова, как другой уже подхватывал их словно припев.

Улица Дамремон. На самом верху Монмартра. В половине второго они там были. Человек разбил рюмку, движения его становились все более неуверенными. Мальчишка сделал вид, что идет в уборную, мужчина тотчас же последовал за ним. Тогда мальчишка раздумал, будто испугался чего-то.

— Странный тип. Он все время хихикал с видом человека, который хочет с кем-то сыграть шутку.

— Слышишь, Оливье? Биб полтора часа назад там был...

Андрэ Лекер теперь уже боялся высказать вслух свои

Мальчик не хотел пить вино...

мысли. Борьба подходила к концу. Раз уж Любэ начал пить, он не остановится. Что все это сулит мальчугану?

С одной стороны, может, оно и хорошо для Биба, если у него хватит терпения ждать и он не будет предпринимать никаких рискованных шагов.

Но если он ошибается, если он считает своего спутника более пьяным, чем есть на самом деле, если...

Взгляд Андрэ Лекера упал на брата, и на минуту он представил себе, во что бы тот превратился, если бы не астма, помешавшая ему спиться.

— Да... Как вы сказали?.. Бульвар Ней?

Они были уже почти на окраине Парижа. Стало быть, бывший полицейский вовсе не так пьян. Он шел намеченным путем, уводя понемногу ребенка за пределы города, к его окраинам.

Три полицейские машины уже выехали в тот квартал. Туда же были направлены и все имевшиеся в их распоряжении мотоциклисты. Даже сам Жанвье и тот отправился вслед за ними в маленькой машине комиссара. Больших трудов стоило удержать отца, который во что бы то ни стало хотел ехать вместе с ним.

— Ведь тебе уже говорили: здесь мы первыми узнаем все новости...

Ни у кого не было времени даже сварить кофе. Все были невероятно возбуждены. Говорили раздраженно, резко.

— Алло! «Восточный бар»? Алло! Кто у телефона?

Это спрашивал Андрэ Лекер; вдруг он поднялся, продолжая держать трубку у уха и делая странные знаки, чуть не топая ногами.

— Как?.. Не кричите в трубку...

Тогда и все остальные услышали звонкий, похожий на женский голос:

— Послушайте, я же говорю... Алло, послушайте, предупредите полицию, что... Алло! Предупредите полицию, что я его поймал... убийцу... Алло! Как?.. Дядя Андрэ?..— Голос сник, стал напряженным, испуганным.— Я же вам говорю... Стрелять буду... Дядя Андрэ!

Лекер не помнил, кто взял у него трубку из рук. Он выскочил на лестницу. Чуть не выломал дверь в кабинет телеграфиста.

— Скорей!.. «Восточный бар» у ворот Клиньянкур...

Всех имеющихся в распоряжении незанятых полицейских...

И, не дожидаясь, пока телеграфист начнет передавать распоряжение, он, перепрыгивая через четыре ступеньки, вбежал в дежурную комнату и, пораженный, застыв на пороге, уставился на своих товарищей, которые, неподвижные и какие-то размякшие, прислушивались к доносившемуся из трубки, которую держал Сайяр, по-деревенски грубому голосу:

— Все в порядке! Не портьте себе кровь... Я его огрел бутылкой по голове. Свое он получил... Не знаю, что он хотел от мальчишки, но... Что?.. Вы хотите говорить с ним? Иди сюда, малый... Дай-ка мне свою штуковину... Я не очень люблю эти игрушки. Смотри пожалуйста, да ведь он не заряжен...

Другой голос:

— Это вы, дядя Андрэ?

Комиссар с трубкой в руке осмотрелся вокруг и протянул ее не Андрэ Лекеру, а Оливье.

— Дядя Андрэ?.. Я его поймал!.. Убийцу!.. Я его поймал...

— Алло! Биб...

Кто это?

Алло! Биб, это...

— Что ты там делаешь, папа?

— Ничего... Я ждал... Я...

— Ты знаешь, я очень доволен. Обожди... приехали полицейские. Хотят со мной говорить... Еще машина подъезжает...

Шум, голоса, звон стаканов. Оливье Лекер неуклюже держал трубку, поглядывая на карту, а видел, вероятно, не ее, а то, что происходило далеко отсюда, там, в северной части города, на большой дороге, где гулял ветер.

— Я еду с вами...

Опять другой голос.

— Это вы, шеф? Говорит Жанвье...

По тому, как Оливье протянул трубку в пустоту, ничего не видя перед собой, можно было подумать, что это его огрели бутылкой по голове.

— С ним покончено, шеф... Когда парнишка услышал телефонный звонок, он вообразил, что дело в шляпе: ему удалось выхватить револьвер из кармана Любэ, а тот

на него как навалился.... Спасибо хозяину, силач, не моргнув глазом, прикончил того типа...

На карте загорелась лампочка — сигнал из квартала Клиньянкур. Лекер поднял руку и из-за плеча товарища вставил вилку в гнездо.

— Алло! Машина вышла...

— Кто-то разбил сигнальное стекло на площади Клиньянкур и сообщил о драке в одном баре... Алло!.. Я вам позвоню еще раз.

Сейчас все это уже ни к чему!

Ни к чему и ставить крестик в книжку.

Мальчишка гордо ехал по Парижу в полицейской машине.

ЖОРЖ СИМЕНОН И ЕГО ТВОРЧЕСТВО

I

3 сентября 1966 года в голландском городе Дельфсейле происходила торжественная и необычная церемония — в присутствии многочисленных гостей был открыт памятник литературному герою — комиссару полиции Мегрэ Когда с памятника сняли покрывало, бургомистр Дельфсейля вручил метрическое свидетельство создателю этого персонажа: *«Мегрэ, Жюль, родился в г. Дельфсейле в сентябре 1929 г. в возрасте 44 лет. Отец — Жорж Сименон. Мать — неизвестна...»*

Нетрудно догадаться, что отец Жюля Мегрэ — не кто иной, как выдающийся французский романист Жорж Сименон, который, если говорить о нем словами Эрнеста Хемингуэя, «умеет писать по-настоящему». Но чтобы правильно понять и оценить это высказывание, следует заглянуть в далекое прошлое, когда в небольшом бельгийском городе Льеже 13 февраля 1903 года появился на свет сам Жорж Сименон.

Отец его — Дезире Сименон — был скромным бухгалтером одной из страховых компаний, мать — Анриетт Брюлль — до замужества работала продавщицей в универсальном магазине. Детские годы будущего писателя омрачены глубоким разладом в семье Отец — добрый, жизнерадостный человек. Сын шляпника, единственный в семье получивший образование, он не утратил простоты в обращении с окружающими, тесных связей со своей средой и ее традициями. Впоследствии Сименон писал об отце: «Он был для меня постоянным примером жизненной мудрости по отношению к себе и к окружаю-

щим. Он любил все Он любил всех. Вот почему я питаю к нему такое уважение. Когда я создавал все понимающего и сочувствующего людям Мегрэ, я бессознательно вложил в него некоторые черты моего отца»

Иной характер был у матери Ее отец когда-то быстро разбогател на торговле лесом и так же быстро разорился. Познавшая с детства жестокую нужду, Анриетт привыкла экономить во всем. «Первые слова, которые я услышал, будучи младенцем, были деньги, деньги, деньги»,— вспоминает Сименон Болезненно самолюбивая, она любой ценой стремилась вырваться из унизительной бедности.

Отец доволен всем, мать — ничем. В этом источник бесчисленных ссор Анриетт требует, чтобы муж застраховал свою жизнь и обеспечил семью — мало ли что с ним может случиться,— но обычно покладистый Дезире упорно отказывается Разговоры об этом злосчастном страховании отравляют многие часы и дни. И только когда Дезире Сименон внезапно умирает в возрасте сорока пяти лет, становится известно, что он болел грудной жабой Вот почему страховой врач отказался выдать ему свидетельство о здоровье. Дезире, зная, что дни его сочтены, скрывал все от семьи, молча выслушивал упреки жены и, как всегда, был весел и беззаботен.

Эта семейная трагедия глубоко повлияет на маленького Жоржа. Он навсегда запомнит, что внешний облик и поступки людей зачастую вовсе не отражают их внутреннего душевного состояния Впоследствии наблюдение это станет одной из непреложных истин, которыми будет руководствоваться комиссар Мегрэ при расследовании самых запутанных преступлений.

Когда Жорж немного подрос, он стал ходить в начальную приходскую школу. Подобно герою повести «Показания мальчика из церковного хора», он прислуживал во время мессы в больнице и утром, проходя по пустынным темным улицам, замирал от страха при звуке чьих-то шагов за спиной. После длительных хлопот и унижений матери удалось поместить его в коллеж Сен Серве, находившийся в ведении отцов-иезуитов Здесь учились отпрыски торговцев и фабрикантов, а сын бедного служащего посещал такую школу из милости, о чем ему не забывали напоминать И, быть может, именно поэтому мать напрасно пыталась привить Жоржу уважение к тем, кто богат и по праву богатства занимает солидное положение. «Я очень страдал от того, что мне стремились внушить почтение к понятиям и поступкам, часто того не заслуживающим»,— писал Сименон в своей книге «Я вспоминаю» (1942).

Вполне естественно, что перед любознательным мальчиком возник вопрос: отчего люди такие разные и почему они по-разному жи-

вут? Он не мог получить ответ от родителей и чем старше становился, тем больше думал об этом

Яркие впечатления детства и отрочества, к которым он постоянно будет возвращаться в своих книгах, связаны с воскресными днями, когда он вместе с родителями отправлялся в гости к бабушке и дедушке Сименон, где собиралась вся семья Тут владычествовала ее глава — бабушка Сименон. Дочь и внучка углекопов, суровая, немногословная, она ни минуты не сидит без дела В комнате много народа, но почти не слышно разговоров: всем друг о друге все известно. Это простые, трудолюбивые люди, избравшие себе путь раз и навсегда, будь то слесарь, шляпник, игрушечник. Они чтут родственные связи и недоверчиво относятся к тем, кто слишком часто меняет ремесло или местожительство.

Вот почему особенно остро мальчик воспринимает обстановку, насыщенную скрытой ненавистью, алчностью, лицемерием и эгоизмом, в которую он попадает, навещая родственников со стороны матери. Члены этой большой, давно распавшейся семьи — лесоторговцы, коммерсанты, лавочники — лишены не только любви, но и взаимного уважения Все у них подчинено интересам наживы. Ей приносятся в жертву человеческие души

Сименон впервые встретится тут с героями своих будущих романов, с хищными, необузданными, сложными натурами, с трагическими судьбами людей, загубленных средой, где во имя буржуазных добродетелей и ханжеской морали совершаются вопиющие надругательства над личностью

Любопытно, что в 1943 году Сименон напишет свой известный автобиографический роман с весьма выразительным названием «Педигри» (слово, заимствованное с английского и означающее «Родословная породистых животных»). В основу вымышленной истории семьи Мамелен положены реальные события семейных хроник Сименонов, Брюллей и некоторых весьма почтенных буржуазных родов Льежа Впоследствии кое-кто из «отцов города», узнав себя в персонажах книги, счел себя оскорбленным. Против Сименона было возбуждено дело по обвинению в клевете. Процесс длился долго, и писатель проиграл его, поскольку суд взял под защиту пресловутые нормы буржуазной нравственности под видом охраны частной жизни граждан

Это был первый, но не последний процесс, когда Сименона привлекали к суду за его литературные произведения.

Существенным событием, повлиявшим на дальнейшую жизнь Сименона, было появление в доме его матери иностранных студентов.

В 1909—1918 годах Анриетт Сименон сдает комнаты с дешевым

пансионом приезжей молодежи. В начале века, в особенности после 1905 года, в Льеже учится более двух тысяч иностранцев, и среди них много поляков и русских.

Именно студенческая среда пробудила в Сименоне интерес к медицине и к новейшим научным исследованиям. Но главное — студенты познакомили его с великими русскими писателями XIX века. «Они открыли для меня,— вспоминает Сименон,— Достоевского, Гоголя, Чехова, им я обязан моим духовным развитием».

Именно у этих писателей он будет учиться искусству человековедения. «Для меня характер человека складывается под воздействием окружающей среды. Я думаю, что заимствовал это у русских»,— неоднократно повторяет Сименон. Русская литература навсегда покорила его своей действенной, самоотверженной любовью к людям. Вот почему, когда Сименона спросили, кого из писателей он выбрал бы себе в крестные отцы, он, не колеблясь, ответил: «Гоголя за его роман «Мертвые души» и умение воссоздавать мир, а затем Чехова со всеми его пьесами, Чехова за его любовь к людям, которую ощущаешь на каждой странице, за то, что Чехов страдает при виде страданий ближних и пытается изменить к лучшему их участь».

Общение со студентами и «исступленное» чтение под их влиянием способствуют быстрому духовному развитию подростка. В пятнадцать лет Сименон принимает важное решение: он бросает коллеж за год до окончания и берется за работу, чтобы помогать семье. Сименон поступает продавцом в книжную лавку, но вскоре хозяин увольняет его, так как не может стерпеть, что какой-то юнец знает литературу лучше его Некоторое время Сименон сотрудничает в местной льежской газете и там-то делает первые шаги на репортерском поприще, знакомясь с закулисной жизнью родного города.

В 1922 году, отбыв воинскую повинность, Сименон без гроша в кармане уезжает в Париж и навсегда порывает с невыносимым мещанским укладом. В первое время он крайне нуждается, пока не находит место переписчика, а затем секретаря у одного влиятельного лица. Но эта работа, конечно, не удовлетворяет его, и он пытается добиться успеха пером — посылает свои рассказы в редакции крупнейших парижских газет. Некоторые из них были опубликованы в журналах и газетах.

Рассказы понравились публике, и окрыленный Сименон пишет один за другим рассказы и очерки на самые разнообразные темы. «Я писал тогда только для заработка»,— вспоминает он об этом периоде. Но как бы то ни было, эта школа предельного лаконизма, эта своеобразная скупая манера письма, выработанная газетной практикой, сохранится у него и впоследствии.

В 1924 году, в течение одного утра, сидя за столиком в кафе на площади Константина Пекера, Сименон напишет свою первую «коммерческую» книжку — «Роман машинистки» и вслед за ней множество развлекательных романов, рассчитанных на непритязательные вкусы широкой публики. Эти книжки в пестрых кричащих обложках с интригующими названиями и броскими эффектными иллюстрациями регулярно появляются в витринах больших парижских магазинов. Неизвестный автор подписывается самыми различными псевдонимами: Жан Де Пери, Кристиан Брюлль, Арамис, Люк Дорсан, в том числе и Жорж Сим.

В одно осеннее дождливое утро в кабинет начальника парижской Сыскной полиции на Набережной Орфевр вошел незнакомый человек.

— Романист Жорж Сим,— представился он.— Для будущих романов мне хотелось бы подробно ознакомиться с некоторыми делами, которыми занимается Сыскная полиция. Ведь добрая половина человеческих трагедий завершается в ваших стенах.

— Должен огорчить вас, господин Сим В настоящее время у нас нет сенсационных дел, обычно привлекающих внимание широкой публики и прессы. Ни одного загадочного убийства, ни одного дела, которое....

— Видите ли, шеф, меня меньше всего интересуют профессиональные преступники. Их психологию понять нетрудно. Меня интересуют обыкновенные люди, такие, как вы и я, которые в силу разных обстоятельств не просто нарушают закон, но идут на тягчайшее преступление.

— Это случается очень редко ..

— Не так редко, как нам представляется. Во всяком случае, этим следует заняться.

Начальник Сыскной полиции задумался, пристально посмотрел на посетителя и сказал:

— Господин Сим, я разрешу вам присутствовать на ежедневных утренних докладах руководителей оперативных групп. Вам будет также предоставлена возможность участвовать в любом расследовании, но обещайте, что ничто из увиденного и услышанного вами не появится на страницах журналов и газет, а послужит лишь материалом, в достаточной степени измененным, для ваших будущих романов.

— Даю вам слово.

— Прекрасно, желаю успеха...

И вот через некоторое время редактор Шарль Дийон, прочитав

очередную рукопись Сименона, поспешно направился в кабинет главы издательства Артэма Файара.

— Мне хотелось бы, шеф, чтобы вы сами просмотрели этот роман Кажется, в этом малом что-то есть. Он придумал весьма привлекательный персонаж — некоего комиссара Мегрэ

Речь шла о романе «Питер Латыш». Зимой 1928/29 года Сименон купил небольшую моторную яхту и назвал ее «Остгот». Дождавшись весенних дней, он отправился в увлекательное путешествие по каналам Франции и Бельгии, затем проплыл по Маасу и Рейну, пересек Германию и достиг Голландии Здесь в небольшом порту Дельфсейле, на борту «Остгота», и родился полицейский комиссар Жюль Мегрэ. Предприимчивый издатель Файар, ознакомившись с рукописью «Питера Латыша», сразу же почувствовал, что она будет иметь большой успех, и, дабы закрепить его, предложил автору выпустить сразу несколько романов о комиссаре Мегрэ. Тот согласился

В феврале 1931 года издательство Файар выпускает первые романы серии Мегрэ. Успех превзошел все ожидания За какие-то полтора года автор стал хорошо известен во Франции, а через несколько лет к нему пришло мировое признание.

Так Жорж Сим стал Жоржем Симеоном.

Теперь, когда у Сименона появилось громкое имя и не нужно было заботиться о завтрашнем дне, он стремится расширить сферы действия героев своих романов — и детективных, в центре которых приключения комиссара Мегрэ, и социально-бытовых, и психологических.

Из Льежа, Парижа, центральных районов Франции, бассейна Средиземного моря, побережья Атлантики действие переносится в Голландию, Норвегию, Данию, на острова Тихого океана, в Австралию, Индию, Африку. Необычная природа, мир новых чувств, неизвестных обычаев проникают на страницы его книг, которые он пишет с поразительной быстротой.

Сименон много странствует по белу свету, но это не путешествие праздного туриста Им движет постоянный жгучий интерес к людям. «Я пытаюсь все понять,— говорит Сименон,— все разновидности человеческой породы. Я много путешествую для того, чтобы наблюдать людей у них на родине, чтобы видеть их в привычной обстановке, чтобы посмотреть, как они живут».

Нет сомнений, что Сименон любит жизнь во всех ее проявлениях. Особенно же он любит человека — настоящего, подлинного человека. Его привлекает отнюдь не общественное положение, а именно человечность этого Человека, возможность быть добрым, справедли-

вым, отзывчивым Так что мы вправе утверждать, что Жорж Сименон — подлинный гуманист. Об этом говорят не только его романы, но и собственные слова: «...Если знаешь людей — нельзя их не любить. Люди — это моя страсть Иные коллекционируют марки, я же коллекционирую и люблю людей!.» Итак, гуманизм — один из краеугольных камней его творчества

С 1945 по 1955 год Сименон находился в Канаде и в США. Наиболее интересные из созданных в этот период романов — «До последней капли» (1948), «Неизвестный в городе» (1949), «Братья Рико» (1952), «Красный огонь» (1953), «Черный шар» (1955) и другие. Продажность политических деятелей, гангстеризм, расовая дискриминация, бесправие и нищета европейских иммигрантов, не нашедших за океаном ни обещанных благ, ни второй родины,— все эти «прелести» американского образа жизни придают социальную остроту драматическим конфликтам и сюжетам романов Сименона.

В 1955 году писатель возвращается в Европу и с тех пор живет в Швейцарии.

II

Кульминационный пункт классического детективного романа — раскрытие необычного преступления. Чем оно загадочнее, чем больше походит на головоломку или на заранее придуманную сложную шахматную партию, тем больше привлекает писателя. Расследование подобного «идеального» преступления, не оставившего никаких следов и улик, под силу только незаурядным личностям, виртуозам аналитического мышления Например, такими были сыщики-любители Огюст Дюпен и Шерлок Холмс — герои Эдгара По и Конан Дойла

Раньше детективный роман рассказывал о том, *как* было совершено преступление, оставляя в тени самый, пожалуй, острый и, бесспорно, социальный момент: *почему* же произошло преступление, в чем его корни Сименон, учтя подобную трактовку, перенес центр тяжести именно на раскрытие причин, приводящих к преступлению. Вот почему в детективных романах Сименона (в частности, в серии романов о Мегрэ) раскрывается не столько само преступление, сколько жизненные трагические судьбы обыкновенных, ничем не примечательных людей, страдающих от социальной несправедливости в капиталистическом обществе

Но ведь для того чтобы разгадать, понять и объяснить тайные пружины человеческой драмы, Сименону был нужен персонаж, который мог бы это сделать. Таким персонажем оказался комиссар по-

лиции Мегрэ, который стал своеобразным проводником по всем кругам «современного ада». При этом необходимо учесть, что Мегрэ вовсе не типичный полицейский. Занимаемая им должность лишь дает возможность автору проникнуть в самую разнообразную социальную среду, начиная от мелких служащих и бродяг до министра.

И все-таки что же представляет из себя этот самый Жюль Мегрэ?

Комиссар Мегрэ — обыкновенный человек. Сименон намеренно упорно подчеркивает это и в его облике и в его манерах. Мегрэ носит давно вышедшие из моды котелок и пальто с бархатным воротником, не расстается с трубкой, предпочитает дождливую погоду, обожает греться у огня и ходить, заложив руки за спину, любит холодное пиво и не прочь пропустить лишний стаканчик белого вина Он терпеть не может менять привычную обстановку и тем не менее в любое время суток покидает уютную квартирку на бульваре Ришар-Ленуар или прокуренный кабинет на Набережной Орфевр, чтобы прийти на помощь оказавшемуся в беде человеку. Вне работы его скромная жизнь походит на жизнь окружающих его людей со всеми ее радостями и треволнениями.

Метод его расследований также не похож на метод его предшественников «Я не делаю предварительных выводов. У меня нет определенных суждений»,—постоянно повторяет он. Различные материальные улики, отпечатки пальцев, следы на почве, забытые на месте преступления предметы мало что значат для Мегрэ. Для него важнее уловить взгляд, услышать голос, посмотреть на походку человека и т. д. Чтобы узнать правду, Мегрэ необходимо понять поступки подозреваемого человека А для этого следует изучить прошлое обвиняемого, нужно проделать весь путь, пройденный им до катастрофы, оказаться в его «шкуре», утверждает Мегрэ И, чтобы сократить дистанцию, отделяющую его от нарушителя, Мегрэ пытается сблизиться с ним, показать, что видит в нем человека и хочет ему помочь.

Мрачный, ворчливый, немногословный, грузный, некрасивый комиссар обладает редким даром внушать доверие.

Самое удивительное, что взгляды этого полицейского комиссара совсем не характерны для представителя буржуазной власти. Мегрэ видит бюрократизм государственного аппарата Франции, консервативность и жестокость судебных и карательных органов, мнимое равенство граждан перед законом. Он глубоко убежден, что в современном обществе нередко жертвой оказывается не только пострадавший, но и виновный Поэтому Мегрэ, стараясь защитить обвиняемого, порой во вред себе вступает в конфликт с судьями и прокурорами и

много раз признается в своем бессилии добиться справедливости. Характернейший пример этого — роман «Первое дело Мегрэ».

Образ Мегрэ не лишен противоречий: сострадание к тем людям, в судьбе которых виновен современный жизненный уклад, мысли о несовершенстве законов и несоответствии суровости наказания проступку не мешают Мегрэ следовать своему профессиональному долгу — предавать задержанных людей суду. Его протест против зла и несправедливости пассивен. Обнажая язвы современного мира, Сименон не создает образы людей, способных изменить существующий порядок вещей. Его герои активно не борются за свою судьбу и, как правило, терпят поражение в жестокой схватке с установленным порядком. В этом известная ограниченность реалистического метода Сименона.

От романа к роману характер Мегрэ непрерывно развивается и усложняется. Сименон подробно рассказывает нам о жизненном пути своего героя, его детстве и юности, о несбывшейся мечте Мегрэ стать врачом, о том, как он поступил в охрану уличного порядка и проводил весь день на ногах на набережных, вокзалах, рынках Парижа, о том, как он перешел на работу в Сыскную полицию и, занимаясь своим первым расследованием, столкнулся с двумя видами правосудия — правосудием для бедных и правосудием для богатых («Первое дело Мегрэ»).

В романе «Мегрэ, Лоньон и гангстеры» перед нами уже умудренный опытом мужественный человек. Если в ранних романах интерес читателя привлекает главным образом драматическое событие, свидетелем которого оказывается комиссар Мегрэ, то позже из свидетеля Мегрэ превращается в центральное действующее лицо. Сименон подчеркивает это даже и названием романов: «Мегрэ сердится», «Мегрэ развлекается», «Мегрэ в Нью-Йорке», «Мегрэ и старая дама» и т. д.

Писатель постепенно расширяет поле деятельности Мегрэ. Из бедных предместий, провинциальных городков, рыбачьих поселков он попадает в чопорные буржуазные кварталы («Мегрэ и строптивые свидетели»), в высший свет («Мегрэ путешествует») и даже в правительственные сферы («Мегрэ у министра»). Этот новый мир внушает ему отвращение, и всякий раз он в ярости покидает тех, кто причисляет себя к сливкам общества. Снисходительный к проступкам маленьких людей, Мегрэ безжалостен к богатым бездельникам, эгоистам, стяжателям и ханжам.

С каждым романом растет критическое отношение Мегрэ к действительности. Обостряются конфликты с выпускниками юридиче-

ских школ — не знающими жизни франтоватыми прокурорами и судьями Раньше Мегрэ надеялся стать «штопальщиком человеческих судеб», верил в действенность своей помощи пострадавшим. Теперь он все чаще отдает себе отчет в ограниченности своих возможностей, и Сименон рассказывает нам о том, как «Мегрэ колеблется», «Мегрэ ошибается», «Мегрэ терпит поражение», «Мегрэ боится», «Мегрэ защищается» и т. д.

Мегрэ расстается со многими иллюзиями, но никогда не утрачивает любви к людям и веру в них «Именно потому, что я видел много всевозможных гнусностей, я смог прийти к выводу, что они с лихвой компенсируются мужеством, доброй волей и самоотверженностью людей»,— говорит Сименон устами своего героя. С годами Мегрэ многое понял и на многое стал смотреть иными глазами. Его все больше влечет не расследование уголовных дел, а исследование сложных человеческих характеров и социальных противоречий. Последние романы цикла Мегрэ особенно близки к психологическим и бытовым романам Сименона.

Быть может, обаяние и человечность Мегрэ ярче всего проявляются именно в тех произведениях, которые посвящены детям Умение расположить к себе ребенка, его трогательная и ненавязчивая забота, человеческая теплота, задушевность, понимание его детского мира — все это импонирует юным и взрослым читателям. Нельзя не упомянуть и о том, что комиссар, часто обращаясь к воспоминаниям детства и тем самым как бы проверяя логику поступков своих малолетних подопечных, ведет себя с детьми как с равными и верит им.

Сименон во многих своих вещах особенно сердечно и сочувственно рассказывает о безрадостном детстве тех, кто живет в бедных кварталах большого города — ну хотя бы в повести «Семь крестиков в записной книжке инспектора Лекера» и в рассказе «Показания мальчика из церковного хора».

Понимание психологии подростков, мечтающих о романтике и отважных приключениях, помогает Мегрэ спасти юношу в повести «Трубка Мегрэ».

Распаду буржуазной семьи, взаимоотношению отцов и детей Сименон посвящает многие романы из цикла Мегрэ и психологических, бытовых романов, таких, как «Завещание Донадье», «Неизвестные в доме», «Судьба семьи Малу», «Исповедальня» и т. д. Сименона волнует будущее подрастающего поколения, которое «хочет по-настоящему прожить жизнь, страдает от однообразия бытия, ограниченности и непонимания окружающих. Каждый из этих подростков мечтает об ином существовании, об иной обстановке».

...Редкую работоспособность и плодовитость писателя во многом можно объяснить тщательно продуманной системой труда и железной самодисциплиной. Литературное творчество стало для Сименона насущной необходимостью. «Я пишу не ради денег, не потому, что меня к этому обязывают договора,— говорит Сименон,— а потому, что испытываю потребность писать Если я не пишу два месяца, то начинаю чувствовать себя не в своей тарелке»

Сименон утверждает, что заранее никогда не знает, когда начнет писать новый роман и какой теме он будет посвящен Но это отнюдь не означает, что Сименон мыслит творческий процесс в отрыве от окружающего мира, ибо Сименон буквально переполнен воспоминаниями и фактами, и поэтому случайно услышанное имя, знакомый запах, привычное ощущение могут вызвать в нем ассоциации и явиться толчком к новому замыслу.

Как правило, самого Сименона никогда не удовлетворяет написанное. Ему кажется, что его очередной роман не удался. Лишь через несколько лет, когда книга выдержит не одно издание, он признает, что роман все же получился.

В писательской манере Сименона поражает его необыкновенное умение создавать завершенную, почти математически продуманную композицию. В его книгах нет никаких излишних описаний, не идущих к делу диалогов. Все подчинено развитию сюжета, в основе своей глубоко драматического, и потому романы Сименона так легко поддаются инсценировкам. Он сам сравнивает свои романы с трагедиями, а трагедию зритель смотрит в течение одного вечера Сименон хочет, чтобы его небольшие по размеру романы прочитывались единым духом.

Книги Сименона известны во всем мире. По количеству переводов на разные языки он делит одно из первых мест с Гюго и Жюлем Верном. Сименон считает, что подлинное произведение искусства всегда обращено к людям, способствует их взаимопониманию. В этом он видит основную задачу своих романов. «В каждой новой книге я буду стремиться глубже понять человека и как можно проще выразить то, что я понял. Мне кажется, что если между народами нет истинного содружества, то это происходит оттого, что люди друг друга не знают и поэтому друг друга боятся. Людям ненавистно все, что внушает им страх. Но люди не боятся того, что им хорошо знакомо. Поэтому необходимо ближе узнавать людей, больше с ними общаться»,— заключает Сименон.

Почти у каждого крупного, даже очень сложного писателя есть произведения, которые читают не только взрослые, но и дети

В нашей стране для подростков Сименон издается впервые, а за

рубежом его избранные произведения давно уже вошли в круг детского чтения. Особенно это относится к повестям и рассказам о подростках и детях, а также и к некоторым романам цикла о Мегрэ, которые привлекают не только демократической направленностью, отношением автора к изображаемым событиям, но и тем, что развивают ум и воображение, так как основаны на здоровой логике и тщательно разработанном аналитическом методе Проникнутые неизменной любовью к простым людям и сочувствием к их трудным судьбам, романы Сименона будят лучшие чувства в сердцах читателей. Поэтому и наши юные читатели с интересом и пользой для себя познакомятся с избранными произведениями умного и доброго автора этой книги.

Э. Шрайбер

СОДЕРЖАНИЕ

РОМАНЫ

Первое дело Мегрэ (1913). *Перевела Э. Лазебникова* . 7
Мегрэ, Лоньон и гангстеры. *Перевела Л. Лунгина* . . . 146
Мегрэ и бродяга. *Перевели Н. Брандис и Э. Шрайбер* . 282

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Трубка Мегрэ. *Перевел О. Широков* 393
Показания мальчика из церковного хора. *Перевела А. Худадова* 430
Сейф ОСС. *Перевела С. Викторова* 463
Кража в лицее города Б. *Перевела С. Викторова* . . . 471
Три Рембрандта. *Перевела Л. Лежнева* 478
Пассажир и его негр *Перевела А. Худадова* 484
Привидение на вилле мосье Марба. *Перевела В Курелла* 513
Семь крестиков в записной книжке инспектора Лекера. *Перевела Э. Лазебникова* 544
Э. Шрайбер. Жорж Сименон и его творчество 611

Жорж Сименон

ПЕРВОЕ ДЕЛО МЕГРЭ

Романы, повести и рассказы

Ответственный редактор
Н В. Шерешевская

Художественный редактор
Н И Комарова

Технические редакторы
С Г Маркович и Т. Д. Юрханова.

Корректоры
Л И. Дмитрюк и Е. Б Кайрукштис.

Сдано в набор 26/VI 1967 г Подписано к печати 31/X 1967 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Печ л 19,5. Усл. печ. л 32,76. (Уч.-изд. л 32,29) Тираж 300 000 (1—150 000) экз. Цена 1 р. 22 к. на бум № 1.
Издательство «Детская литература».
Москва, М. Черкасский пер., 1.
Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР Москва, Сущевский вал, 49 Заказ № 1108

4р.22к.

